

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2018

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 8 **Том 24**

2 0 1 8 **Volume 24**

№ 1
Январь – Март

№ 1
January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет. Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 10 Спиридонова Л.А.**
Великий сын России
- 15 Суматохина Л.В.**
Максим Горький о воплощении
национального характера
как особом типе литературного героя
- 19 Примочкина Н.Н.**
Семантика образа черта в творчестве М. Горького
- 25 Егорова Ю.М.**
Мифы, символы и образы
в повести М. Горького «Мать»
- 30 Каскина Ю.У.**
Способность к преображению
как черта русского национального характера
(по рассказу М. Горького «Ледоход» 1912 г.)
- 34 Плотникова А.Г.**
«Кинематограф будущего» –
неосуществлённый проект М. Горького
- 38 Прополянис Г.Э.**
Горький в 1917 году
- 43 Гавриш Т.Р.**
Дом как фактор формирования личности
(на материале романа М. Горького
«Жизнь Клима Самгина»)
- 47 Шуган О.В.**
Старый и новый Кавказ глазами А.М. Горького
(очерки «По Союзу Советов»)
- 53 Быстрова О.В.**
Доклад М. Горького на Первом съезде
советских писателей: взгляд из XXI века
- 59 Кудрина Е.В.**
Пьеса И.Э. Бабеля «Мария»
в оценке М. Горького
- 64 Смирнова А.И.**
Проблема русской души и тип героя
в рассказах «Коновалов» М. Горького
и «Чёрные лебеди» Г. Газданова
- 68 Мургузалиева Е.А.**
М. Горький и А.П. Чехов
в оценке Д.С. Мережковского
(на материале статьи «Чехов и Горький»)
- 73 Щелокова Л.И.**
Традиции М. Горького
в публицистике 1941–1945 годов
- 78 Ненарокова М.Р.**
Список действующих лиц в датских переводах
пьесы А.М. Горького «На дне»:
проблемы перевода (на материале текстов
Я. Якобсена и Э. Томассена)
- 83 Демкина С.М.**
М. Горький:
музейный образ – потенциал и реализация
- ### ЯЗЫКОЗНАНИЕ
- 86 Симатова С.А.**
Философия языка М. Хайдеггера как одна
из предпосылок структурно-динамического
подхода в лингвистике
- 90 Марфина Ж.В.**
Ценностно-аксиологическая реализация
микроконцептов *муж*, *жена* в украинской
и русской паремийных картинах мира

CONTENTS

SCIENCE OF LITERATURE

- 10 L.A. Spiridonova**
The great son of Russia
- 15 L.V. Sumatohina**
Maxim Gorky on the incarnation
of the national character as
a special type of literary character
- 19 N.N. Primochkina**
Semantics of character of evil spirit in work of M. Gorky
- 25 Yu.M. Yegorova**
Myths, symbols and images
in Maxim Gorky's novel «Mother»
- 30 Yu.U. Kaskina**
Transfiguration ability
as Russian national character's ability (based on
the short story «Ice Drift» by Maxim Gorky, 1912)
- 34 A.G. Plotnikova**
«Cinema of the future» –
the unrealised project of Maxim Gorky
- 38 G.E. Propolyanis**
Maxim Gorky in 1917
- 43 T.R. Gavrish**
Home as a factor in personality formation
(on the material of the Maxim Gorky's novel
«The Life of Klim Samgin»)
- 47 O.V. Shugan**
Old and new Caucasus seen by Maxim Gorky
(feature articles «Across the Soviet Union»)
- 53 O.V. Bystrova**
Maxim Gorky's report of at the First Congress
of Soviet writers: a glance from the 21st century
- 59 Ye.V. Kudrina**
A drama of Isaac Babel's «Maria»
in the evaluation of Maxim Gorky
- 64 A.I. Smirnova**
The problem of the Russian soul and the type of the
main character in the short stories «Konovalov» by
Maxim Gorky and «Black Swans» by Gaito Gazdanov
- 68 Ye.A. Murtazaliyeva**
Maxim Gorky and Anton Chekhov
in Dmitry Merezhkovsky's assessment
(on material of the article «Chekhov and Gorky»)
- 73 L.I. Shchelokova**
The traditions of Maxim Gorky
in the journalism of 1941–1945
- 78 M.R. Nenarokova**
Dramatic personae in translations of the play
«The Lower Depths» by Maxim Gorky into Danish:
translation challenges (in terms of texts
by Jakob Jakobsen and Ejnar Thomassen)
- 83 S.M. Demkina**
Maxim Gorky:
museum image – potential and realisation
- ### SCIENCE OF LANGUAGE
- 86 S.A. Simatova**
Martin Heidegger's philosophy of language as one
of the preconditions for the structural and dynamic
approach in linguistics
- 90 Zh.V. Marfina**
Value-axiological realisation of micro-concepts
husband, wife in the Ukraine and the Russian
paroemiological world-images

- 95 Казакова О.В.**
Общие типологические и национально-специфические особенности просодических систем вариантов английского языка в Индии и Гонконге
- 98 Ма Сянфэй**
Понятие «град» в восприятии носителей китайского и русского языков
- 103 Нью Анна**
Слова *стан, торс* в русском языке в сопоставлении с китайским
- 108 Яковлева В.А.**
Рекламный дискурс с позиции лингвистической и экстралингвистической составляющей. Структурный и гендерный аспекты англоязычной звукоподражательной рекламы
- 112 Денисова А.К.**
Особенности лексико-синтаксического повтора в речи автора (на материале немецкоязычного художественного текста)
- 116 Шкуран О.В.**
Сакральное и десакральное в языковом пространстве
- 121 Попова Т.Г., Мингалева О.В.**
Экстралингвистические знания как компонент речевой коммуникации
- 124 Князева Е.Г.**
Диалогический дискурс и смысловой синтез
- 127 Трушков М.А.**
Общее и различное в семантике лексем *типичный, типический, типовой*
- 132 Миронович М.С.**
Наименования материально-денежных отношений в свадебном обряде Калужской области
- 137 Блохин А.В., Куркина Т.С.**
Использование экспрессивно-стилистических возможностей грамматических форм в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»
- ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ**
- 141 Яковлев В.Ю.**
О месте рождения отца М.Ю. Лермонтова: источниковедческая критика легенды
- 146 Меншиков И.С., Павлуцких Т.Г.**
Особенности сознания русских крестьян и картофельные бунты 1842–1843 гг.
- 151 Новиков А.В., Катышев Ю.В.**
Общественная и предпринимательская деятельность кинешемского фабриканта Ивана Александровича Миндовского во второй половине XIX – начале XX века
- 155 Коняев Р.В.**
Подготовка офицеров для фронта в Омском военном округе в годы Первой мировой войны
- 160 Новиков М.В.**
Мотивы массового «белого» добровольчества в 1918 г. (по воспоминаниям А.И. Деникина)
- 165 Сельская В.А.**
Помощь иностранных специалистов в период становления химической промышленности Ярославского края в 20–30-е годы XX века
- 168 Трофимова А.М.**
Общество старых большевиков: путь от ленинской гвардии к сталинской лекторской группе

- 95 O.V. Kazakova**
Typological and specific prosodic features of English varieties in India and Hong Kong
- 98 Ma Xiangfei**
Hail in the perception of Chinese people on the background of its comprehension by the Russian
- 103 Anna Niu**
The words for stature, torso and their evaluation in the Russian language in comparison with the Chinese
- 108 V.A. Yakovleva**
Advertising discourse from the perspective of linguistic and extra-linguistic characteristics. Structural and gender aspects of onomatopoeic advertising discourse
- 112 A.K. Denisova**
The peculiarities of lexical-syntactic repetitions in author's speech (on the material of modern German literature)
- 116 O.V. Shkuran**
Sacral and desacral in the linguistic area
- 121 T.G. Popova, O.V. Mingaleva**
Extralinguistic knowledge as speech communication components
- 124 Ye.G. Knyazeva**
Dialogical discourse and semantic synthesis
- 127 M.A. Trushkov**
General and various in semantics of lexemes *tipichnyj, tipicheskij, tipovoj*
- 132 M.S. Mironovich**
The name of the material and monetary relations in wedding rites of Kaluga Region
- 137 A.V. Blohin, T.S. Kurkina**
The use of the expressive and stylistic possibilities of grammatical forms in Leo Tolstoy's novel «War and Peace»
- HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES**
- 141 V.Yu. Yakovlev**
On the birthplace of the father of Mikhail Lermontov: source study criticism of the myth
- 146 I.S. Menshchikov, T.G. Pavlutsikh**
Features of the consciousness of Russian peasants and potato riots of 1842–1843
- 151 A.V. Novikov, Yu.V. Katyshev**
Public and business activities of Kineshma manufacturer Ivan Aleksandrovich Mindovskiy in the second half of the 19th – early 20th centuries
- 155 R.V. Konyayev**
Omsk military region leadership training for the World War I front-line forces
- 160 M.V. Novikov**
Motives of mass «White» volunteering in 1918 (based on Anton Denikin's memoirs)
- 165 V.A. Sel'skaya**
Assistance of foreign specialists during the period of industrial formation of the chemical industry of Yaroslavl Region (1920s–30s)
- 168 A.M. Trofimova**
The Old Bolsheviks' Society: from Lenin's Old Guard to Stalin's propaganda lecturers

174 Жевалов С.А.
Заготовки молока в СССР
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

178 Карпов А.В.
Состояние объектов социальной инфраструктуры
в Вологодской области в конце 40-х –
начале 50-х годов XX века

182 Кускова С.А.
Информационная подготовка населения
к первому визиту Н.С. Хрущёва в США
американскими и советскими газетами
(на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды»)

186 Тихонова Л.Е.
Российское федеральное
избирательное законодательство в 1993–1995 гг.:
исторический аспект

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

192 Чуркина Л.М.
Правовое регулирование территориальных споров

197 Гуляков А.Д.
Успешная постколониальная модель федерализма
(на примере Индии)

204 Саенко С.И.
Нормативная тематика в науке о полиции:
политический и юридический векторы развития

209 Калянова Ю.Г.
Полномочия субъектов Российской Федерации
по вопросам организации местного
самоуправления: возможности и ограничения

214 Кобзарев Ф.М., Смирнова Е.В.
Суд присяжных в России расширяется,
а проблемы остаются

219 Глушков В.В.
К вопросу об организации деятельности районных
судов в Российской Федерации

224 Коваленко Т.С.
Защита прав и свобод человека и гражданина
как основа взаимодействия суда, прокуратуры
и адвокатуры

230 Аминев Ф.Г.
Проблемы использования специальных знаний
в защите прав и законных интересов лиц, осуществ-
ляющих предпринимательскую деятельность

234 Артюшина О.Н., Прохорова М.В.
Правовая природа договора
о суррогатном материнстве

239 Черкасов К.В., Коломейченко Е.А.
Кадровое обеспечение водного транспорта России:
некоторые административно-правовые аспекты

242 Каримуллина А.Э.
Особенности гражданско-правовой ответственности
за нарушение страхового обязательства

247 Михайлова Л.В.
О целесообразности включения в перечень
субъектов оперативно-розыскной деятельности
капитана морского судна

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

251 Лебедев Ю.В.
Памяти профессора А.И. Груздева
(К 110-летию со дня рождения)

257 Нигметзянов Т.И.
Политические, социальные и национальные
требования Яна Гуса: по материалам
исследований А.С. Сазоновой

174 S.A. Zhevalov
Procurement of milk in the USSR during
the World War II (East Front), in 1941–1945

178 A.V. Karpov
Social infrastructure objects' condition
in Vologda Region in the late 1940s –
early 1950s

182 S.A. Kuskova
Press-coverage of preparation period
of the first Khrushchev's trip to the USA
by American and Soviet newspapers (On the example
of «The New York Times» and «Pravda»)

186 L.Ye. Tikhonova
Russian Federal election
legislation in 1993–1995:
the historical aspect

JURAL SCIENCES

192 L.M. Churkina
The legal regulation of the territorial disputes

197 A.D. Gulyakov
The post-colonial model of federalism
(India being as an example)

204 S.I. Sayenko
Standard subject in science about police:
political and legal vectors of development

209 Yu.G. Kalyanova
Powers of the subjects of the Russian Federation
in relation to organisation of local self-government:
scope and limitations

214 F.M. Kobzaryov, Ye.V. Smirnova
The jury trial in Russia expands,
but problems remain

219 V.V. Glushkov
On the issue of organising activity, and work
of the Russian Federation's district courts

224 T.S. Kovalenko
Protection of human and civil rights
and freedoms as a basis for interaction between
the court, the procuracy and advocacy

230 F.G. Aminev
Problems of use of special knowledge in protection
of the rights and legitimate interests of persons which
carry out an entrepreneurial activity

234 O.N. Artyushina, M.V. Prokhorova
Legal nature
of the contract on surrogacy

239 K.V. Cherkasov, Ye.A. Kolomeychenko
Staffing of waterway transport in Russia: some legal
and administrative aspects

242 A.E. Karimullina
Features of civil liability for breach
of insurance obligation

247 L.V. Mikhaylova
On the expediency of including
the captain of a sea vessel
in the list of operational search activities

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

251 Yu.V. Lebedev
In memoriam Professor Aleksandr Ivanovich Gruzdev
(on the occasion of 110 years of the birth)

257 T.I. Nigmatzyanov
Political, social and national demands
of Jan Hus in the studies
of Antonina Sergeyevna Sazonova

- 259 Флейман Е.А.**
Евангелическо-лютеранская церковь в России:
истоки и становление
- 266 Шигарева А.Н.**
Реформация в интерпретации просветителей
XVIII века
- 269 Едошина И.А.**
П.Н. Кудрявцев – исследователь Гуманизма
и Реформации в Германии
- 275 SUMMARY**
- 290 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

- 259 Ye.A. Fleyman**
Evangelical Lutheran Church in Russia:
origins and formation
- 266 A.N. Shigareva**
Reformation in interpretation of enlighteners
of the 18th century
- 269 I.A. Yedoshina**
Pyotr Kudryavtsev, a researcher
of German Humanism and Reformation
- 275 SUMMARY**
- 290 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ГОРЬКОГО

Уважаемые читатели!

№1 журнала «Вестник Костромского государственного университета» за 2018 год открывается юбилейной рубрикой Литературоведение, посвященной творчеству М. Горького. В 2018 году исполняется 150 лет со дня рождения этого великого русского писателя, драматурга, мыслителя, философа, общественного деятеля. Учитывая огромный вклад М. Горького в отечественную и мировую культуру, Президент России В.В. Путин подписал указ о праздновании в 2018 году юбилея писателя.

Алексей Максимович Пешков, известный в России и по всему миру под литературным псевдонимом Максим Горький, родился еще в середине XIX века, (16(28) марта 1868 г.р.). Писатель усвоил и наследовал все богатство литературных открытий русского реализма второй половины XIX века, что во многом помогло ему стать большим художником и основателем новаторского искусства.

На протяжении большей части XX века все произведения М. Горького рассматривались с точки зрения классового подхода к литературе, а в самом М. Горьком литературоведы нередко, вслед за деятелями партийной верхушки, видели «крупнейшего пролетарского писателя». Сейчас, в XXI веке, начался новый этап осмысления и понимания М. Горького – гениального писателя, не понятого правильно во времена главенства коммунистической партии.

Ныне произведения М. Горького приобретают особую актуальность, его художественное творчество впервые полно и правдиво раскрывается учеными и читателями. Мы осознаем, что писатель смог найти новый художественный метод, почувствовал и отразил и насущные, и вечные беды и проблемы русской жизни. Чуткий к событиям своего времени, Горький оставил нам видение и понимание ключевых моментов истории и общественной жизни России первых четырех десятилетий XX века. Он искренне и всей душой радел за появление нового человека (о котором говорили еще классики второй половины XIX века) – человека гордого и сильного, способного подняться над мелочами и пошлостью обыденной жизни, готового к подвигу во имя новой, счастливой жизни человечества.

Редакция журнала «Вестник КГУ»

М. Горький. Портрет работы Репина. 1899 г.

Спиридонова Лидия Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
spirid@mail.ru

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Небывалая популярность молодого Горького сделала его всемирно известным писателем. В первые годы XX века его произведения уже были переведены на двадцать иностранных языков. Писатель всегда пытался решить важнейшие общественно-политические, исторические, философские, этические, эстетические проблемы, которые волнуют и людей XXI века. Он откликался на все значимые события эпохи: «хождение в народ», распространение марксистских идей, первая русская революция, события 1917 г., первая мировая и гражданская войны, смерть Ленина и партийная борьба в СССР, политические процессы 1930-х гг., индустриализация, коллективизация, культурное строительство. Он умирал, когда на страну надвинулась угроза фашизма, разоблачению которого он посвятил все последние годы жизни. В статье рассматриваются основные черты творчества Горького, принесшие ему всемирную славу

Ключевые слова: М. Горький, мир слава, проблемы, события, эпоха.

Всемирная слава пришла к Горькому, когда ему исполнился 31 год. В 1899 г. восемь произведений из недавно опубликованных «Очерков и рассказов» были переведены на семь иностранных языков, а в первые годы XX в. уже на 20 языков. Художник М. Нестеров писал в 1901 г.: «Какой вихрь успеха у нас и за границей переживает сейчас Горький. Это один из популярнейших писателей Европы, и все это в 5–6 лет» [8, с. 158]. О том же свидетельствовал в 1902 г. известный критик Л.Е. Оболенский, который даже попытался объяснить, «в чем причина такой быстрой и широкой всемирной славы» [9, с. 87]. Признав, что Горький пользуется огромным вниманием во всем мире (его переводят, о нем пишут критики, о нем спорят), Оболенский заметил: «Я не говорю уже о Франции, но даже в суровой и негостеприимной Англии солиднейшие ежемесячные журналы посвятили в прошлом году М. Горькому по нескольку статей. В Германии и Америке тоже» [9, с. 87].

Говоря о причинах популярности Горького, Оболенский утверждал, что Чехов и Горький, каждый по-своему, талантливо отразили характерные черты не только русской, но и европейской жизни. Он писал: «Это – всеобщее явление какого-то душевного измельчания, духовной приниженности и падения, разложения жизни и тоскливого брожения. Везде упадок высших идеалов и борьбы за них, везде господство чисто промышленных целей и планов, измельчание характеров, чувств, идеалов; везде пессимизм и крайнее отрицание, создавшее на Западе Шопенгауэров и Ницше» [9, с. 97]. Секрет популярности Горького Оболенский увидел в том, что он «нашел в своей лире песни совсем иного рода, песни надежды и веры, бодрящие, заставляющие подняться “excehziur”, проникнуться энтузиазмом <...> сама русская жизнь, народная русская жизнь выдвинула другого певца, представляющего противоположный полюс – надежды, бодрости, веры, смелости <...> Явился Максим Горький. И вот чем объясняется его небывалый успех» [9, с. 98].

Успех и в самом деле был небывалый. Обозреватель газеты «Волгарь» С. Яковлев в статье «Иностранцы о Горьком» привел отзывы девяти известных иностранных критиков о раннем творчестве писателя. Все они отмечали такие характерные черты его произведений, как романтизм и пессимизм. Критик Алкали даже утверждал, что после Шопенгауэра он «самый решительный пессимист в Европе», ибо «дух Байрона и Клейста снова возродился в Горьком» [11, с. 2]. Литературовед Норден отметил необычное сочетание детской наивности и глубокой жизненной философии в его творчестве; К. Скапинелли писал: «Горький – Прометей, приносящий с неба на землю священный огонь, социальный реформатор, даже в известном смысле апостол» [11, с. 2].

Анализируя повесть «Трое», К. Гольм заметил, что она «не теряет ничего при сравнении даже с “Преступлением и наказанием” Достоевского». Диллон писал: «Подобно двум нитям, проходящим почти через все произведения Горького, две системы этики противопоставляются в них одна другой: христианство и его отрицание» [11, с. 2]. Поражает отзыв графа де Суассона, который назвал главным свойством Горького аристократизм и сравнил его бродяг с героями Ницше. Он писал: «Его бродяга не что иное, как олицетворение индивидуализма. Он враг всяких цепей, как железных, так и золотых». Главным героем Горького критик назвал «дух человеческий в его бесконечном искании правды» и заметил: «В своих бродягах Горький достиг самого высокого символизма, вдохновенной и утонченной аллегории» [11, с. 2].

В том же году литературный обозреватель журнала «Русский вестник» (№ 7) поместил критические статьи о Горьком иностранных писателей Мельхиора де Воюэ, Георга Брандеса и Диллона. В 1904 г. появилась книга «Иностранная критика о Горьком», в которую были включены статьи известных зарубежных авторов из английской, немецкой, французской, шведской, датской, итальянской, испанской печати. Слава писателя росла, как

снежный ком. Об этом свидетельствует реакция известных во всем мире представителей литературы, науки, искусства и общественных деятелей на арест Горького в январе 1905 г и заключение его в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Протесты и манифестации в защиту писателя с требованием немедленно освободить его прокатились по всему миру.

Общественные организации Западной Европы в Германии, Италии, Англии, Франции, Австрии, Дании, Норвегии, Финляндии и в других странах собрали миллионы подписей под петициями в его защиту. Не удивительно, что вся дальнейшая жизнь Горького была под пристальным вниманием поклонников и недругов, друзей во всем мире и злопыхателей всех национальностей. Прошло 150 лет со дня его рождения, но информационная война не утихает вокруг писателя, который всегда был на переднем крае ожесточенной идеологической борьбы в мире.

М.А. Нексе писал: «Духовная жизнь человечества, развиваясь, проявляется время от времени настолько своеобразно, что все существенные ее черты концентрируются в одной единственной личности. Одним из таких избранных является Максим Горький» [цит. по: 7, с. 5]. Перечитывая его произведения сегодня, мы удивляемся глубине постижения исторических событий, актуальности многих мыслей и пророческому предвидению будущего. Писатель всю жизнь пытался решить важнейшие общественно-политические, исторические, философские, этические, эстетические проблемы, которые волнуют и людей XXI века.

Часто находясь в центре событий мирового значения, Горький запечатлел в своем творчестве эпоху войн и революций, процессы кардинальной переоценки ценностей, зарождение и развитие нового типа сознания, возникновение социалистической культуры. Он откликнулся на все важнейшие события эпохи: «хождение в народ», распространение марксистских идей, первая русская революция, события 1917 г., Первая мировая и Гражданская войны, смерть Ленина и партийная борьба в СССР, политические процессы 1930-х гг., индустриализация, коллективизация, культурное строительство. Горький умирал, когда на страну надвинулась угроза фашизма, разоблачению которого он посвятил все последние годы жизни. Сохранились сказанные в бреду слова писателя: «Будет война... Нужно готовиться...» [1, с. 47].

После 1928 г. Горький фактически стал руководителем литературы нового мира, возникающего не только в России, но и на всей планете. Об этом свидетельствовал вышедший в 1960 г. восьмой том «Архива А.М. Горького» «Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами». В нем представлены письма к Горькому крупнейших литераторов и общественных деятелей 23 стран, содержащие

высочайшую оценку творчества и личности писателя. Среди них Б. Шоу, Г. Уэллс, С. Цвейг, Б. Брехт, Д. Голсуорси, А. Барбюс, Э. Синклер, Г. Брандес, Ф. Элленс и многие другие. Р. Роллан, который был связан с Горьким двадцатилетней перепиской и добрыми дружескими отношениями, писал ему, поздравляя с 50-летием: «...вся Ваша жизнь связана с концом старого мира и возникновением среди бурь мира нового. Вы были как бы гигантской аркой между прошлым и будущим, да и поныне служите аркой между Россией и Западом. Я склоняюсь перед аркой. Она возвышается над дорогой» [6, с. 20].

Об огромной популярности Горького в мире свидетельствуют фундаментальные иноязычные библиографии: «Горький во Франции» (Париж, 1968), «Максим Горький в Германии» (Берлин, 1968) и др. Но внушительнее всего выглядят письма самого Горького к иностранным корреспондентам, опубликованные во второй серии его полного собрания сочинений – «Письмах» – в конце XX – нач. XXI в. Первое из них написано 26 мая (8 июня) 1901 г. в США. Обращаясь к издателям старейшей американской фирмы «Сыновья Ч. Скрибнера», Горький дает им «исключительное право издания» повести «Фома Гордеев» и других своих произведений в Америке. В те же годы началась переписка с переводчицей этой повести И. Хепгуд, немецким режиссером М. Рейнгардтом, основателем Берлинского театра, где с огромным успехом шли пьесы Горького и многими другими деятелями культуры. Последние письма написаны незадолго до смерти писателя – П. Рутенбергу, Р. Роллану, А. Мальро и др.

Общее количество иностранных адресатов писателя достигает 400, но и эта цифра не окончательная. Большое число писем (он, по собственному признанию, написал их 20000) не разыскано или пропало. Один только перечень имен корреспондентов Горького поражает своей значимостью и разнообразием. В нем государственные и политические деятели (Б. Муссолини, Т. Масарик, Э. Эррио), известные социал-демократы (К. Каутский, А. Бебель, М. Хилквит), ученые и философы (Г. Джемс, Ф. Нансен, А. Лабриола, Э. Ферри, А. Каун), издатели и редакторы разных зарубежных изданий, журналисты и литературоведы, простые рабочие и даже дети. Если учесть, что Горький получал десятки тысяч писем из всех уголков земного шара, можно понять, почему его называли писателем «европейски знаменитым» и «всемирно услышанным».

Философско-эстетическая мысль Горького всегда была устремлена к идеалам разума, добра, человечности и справедливости. Его волновали вопросы веры и безверия, соотношение религии и социализма, свободы и необходимости, права сильного и защиты слабого, правды и «утешающей лжи», индивидуализма и коллективизма, гуманиз-

ма и насилия. Прославляя Человека с большой буквы, он искренне верил, что мир может изменить активная созидательная работа нового героя – пролетарского революционера. «Бог-народушка», которого он воспевал в повести «Исповедь», был для писателя символом религии будущего, новой веры, которая перестроит мир по законам правды и справедливости.

Горького довольно долго привлекала идея «собираения» людей в единого Человека, становящегося богом – «народушкой бессмертным». Возникнув под влиянием идей американского прагматизма и философии А. Богданова, В. Базарова и А. Луначарского, идеалистический мотив богостроительства, прозвучавший в повестях «Мать» и «Исповедь», рассорил Горького с Лениным и другими большевиками-ленинцами. Но именно так, как новую веру, понимал писатель идеи социализма и, соответственно, задачи социал-демократии. В 1906 г. он писал: «Да здравствует эта новая религия, которая освободит бедных от оков бедности, а богатых – от позорного бремени золота и предрассудков» [4, с. 168].

Горьковское понимание социализма как способа обновления не только экономической, но и духовной жизни общества с помощью всестороннего развития Человека было фактически синтезом марксистских и ницшеанских идей. Этот симбиоз в те годы был характерен не только для русских, но и для европейских мыслителей. Поставив на место Бога «призрак коммунизма», западные социал-демократы тоже размышляли о социализме как способе гармонизации мира и человека. Познакомившись в Европе с К. Каутским и А. Бебелем, Горький поверил в необходимость пропагандировать «социалистическое религиозное сознание», считая, что лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» означает не только призыв к классовой борьбе с капиталом, но и необходимость выработать коллективистское самосознание пролетариата. В статье «Разрушение личности» (1908) он убежденно доказывал, что индивидуализм неминуемо ведет к деградации человека, а сплоченный общими идеями коллектив способен творить чудеса.

Побывав в 1906 г. в Америке, познакомившись с профессорами Колумбийского и Гарвардского университетов, с философом У. Джемсом и другими лекторами «философской школы», с американскими социалистами-фабианцами [см.: 10], Горький заинтересовался концепцией прагматизма, в центре которой был человек с его конкретными интересами и переживаниями. Рассуждая о том, что мысль – это функция познания, прагматисты пытались определить понятие «сверхчеловеческой личности», которая, якобы, исполняет особенно ценные человеческие намерения. Поскольку они рассматривали два аспекта «чистого опыта» – материальный и духовный – допускалась возмож-

ность существования Абсолюта (иначе говоря, Бога). Религию прагматисты считали вторжением подсознательного в человеческую жизнь и результатом свободного выбора человека.

Нетрудно заметить, что некоторые стороны философии прагматизма были не чужды Горькому. Певец Человека с большой буквы, он всегда ратовал за свободу волеизъявления и мысли. 24 ноября 1899 г. он писал И.Е. Репину, что «человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается больше, чем в свободе передвижения» [3, т. 1, с. 377]. Как мы видим, философские взгляды Горького складывались под воздействием не только русских, но и общемировых идей, распространенных в начале XX в. Его богостроительство, безусловно, отразило мысли, свойственные «другим большевикам», основавшим на Капри партийную школу, не признанную Лениным и его сторонниками. Но не только. Сама мысль о «многообразии религиозного опыта» у человека будущего была близка попыткам французских якобинцев создать новую «республиканскую религию» для народа, идеям английских позитивистов и американских прагматистов. При всем том Горький резко отличался и как мыслитель, и как революционер не только от «опортунистов-бернштейнцев», но и от фабианцев или итальянских «левых социалистов». Осуждая реформаторство всех видов, он верил, что только революционные преобразования могут изменить мир и самого человека.

Создавая в Америке повесть «Мать» как новое «Евангелие» для пролетариата, писатель скептически относился к попыткам прагматистов приспособить веру в Бога к реальным потребностям американских бизнесменов. В очерке «Один из королей республики» он создал обобщенный сатирический портрет американского миллионера, который рассуждает о религии, необходимой народу: «Религия – масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трение частей, тем легче задача машиниста <...> Социалисты – песок в машине жизни, песок, который проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов <...> Для этого все его члены должны быть избираемы в среде миллионеров. Так!» [5, с. 299–302].

Рисуя портрет одного из тех, кто управляет миром и сегодня, Горький прибегает к разрушительной аллегории в духе Кафки: перед ним сидел не человек, «это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой темной пасти, и эта пасть сосет, грызет, жует нашу планету...» [5, с. 195]. Знакомясь с новейшими научными и философскими течениями в мире, Горький тем не менее критически осваивал их, принимая лишь те, что не расходились с его собственными взглядами. Около 16(29) июня 1906 г. он сообщил одному из основателей американской

социалистической партии М. Хилквиту: «Сейчас пишу большую повесть “Мать” – это хроника роста революционного социализма среди рабочих фабрики. Вот, пускай американцы купят и поучатся у русских рабочих понимать социализм» [3, с. 194].

Считая социализм новой религией, с чем никак не мог согласиться Ленин, Горький ратовал не за насильственное подавление враждебных элементов в ходе классово-борьбы, а за гармонизацию мира и самого человека в процессе творчества новой жизни. Размышляя о путях обновления мира, он развивал мысль о духовном «воскрешении» русского народа, расширяя тем самым понятие «революция». Можно сказать, что знакомство Горького с последними достижениями мировой мысли, которое продолжалось всю его жизнь, помогло писателю глубже понять психологию толпы и духовное своеобразие русского народа, предугадать дальнейшие пути развития мира.

Мучительно переживая за судьбы России, Горький пытался постигнуть «русскую идею» в совокупности сложных проблем XX в. Начав изучение национального характера с феномена босячества, он показал и самоотверженных героев народничества, и фанатиков идеи социализма, и тоскующих от нелепой жизни купцов и фабрикантов, и просто российских «жителей», изуродованных тяжкой российской историей. Россия, воссозданная художественным талантом писателя, стала известна всему миру. В «пестрых душах» горьковских героев уживаются и положительные, и отрицательные черты национального характера: непокорность и рабская психология, человеческое и звериное, святое и грешное. Пролетарский революционер Павел Власов из повести «Мать» и «взыскующий града Господня» Матвей из «Исповеди» выражают две разные ипостаси национального характера: бунтарь и странник. Но, осуждая слабые стороны «окуровской Руси» (пассивность, невежество, анархизм, смирение), Горький верил, что русский народ все-таки добьется лучшего будущего.

Октябрьский ураган 1917 г. заставил писателя задуматься о революции как явлении национальном. Гражданская война поразила его своей жестокостью, проявляемой с обеих сторон. Активность людей, которую писатель всегда высоко ценил, выразилась в стремлении разрушить весь мир «до основанья», уничтожить традиционные ценности и привычный уклад жизни. А рождение нового мира происходило в муках и ошибках, ибо, по мнению Горького, еще не были созданы предпосылки духовного обновления народа. Крестьянская Русь казалась ему той силой, которая может уничтожить численно небольшой революционный отряд пролетариата.

В 1917–1918 гг. особенно остро выявились разногласия Горького с руководством нового государства. Их суть он впоследствии сформулировал так:

«...помню, что не человек для революции, а революция для человека. И разумеется, мне страшна и противна бессмысленность стихийных и раздраженных сил. Мне мучительно дороги жизнь и работа людей, неустанно творящих культурные ценности в наши мрачные дни» [5, с. 259]. Призывая перестроить мир по законам разума и справедливости, Горький был далек от мысли оправдать бунт, «бессмысленный и беспощадный», способный лишь развязать низменные инстинкты толпы. Но он верил в созидательные силы русского народа, поэтому, порицая его за дикость и невежество, склонность к анархизму и даже жестокость, он призывал интеллигенцию отдать «таланты, умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм» [2, с. 56]. Вернувшись на родину и осознав те перемены, которые произошли в стране, Горький пересмотрел свое мнение о «русской жестокости». Он писал: «...есть жестокость, возникающая в народе из чувства мести за те бесчисленные и циничские мучения, которые он пережил, и есть жестокость самозащиты народа, окруженного тайными и явными предателями, непримиримыми его врагами» [5, с. 303].

Горький был истинным сыном жестокого XX в. Он отразил в своем творчестве не только войны и революции, но и весь накал ожесточенной идеологической борьбы двух миров, весь спектр духовных исканий своего времени. Думая о судьбах России, он столь же глубоко размышлял о сущности европейской и даже мировой цивилизации, интересовался проблемами противостояния Востока и Запада, концепцией Шпенглера о «конце Европы» и проблемой соотношения национального и общечеловеческого. Вмешавшись в нескончаемый спор о «русском вопросе», он ответил на него всесторонним исследованием внутреннего мира россиянина, талантливо показав в своем творчестве все типы и характеры русского человека, и процесс развития его самосознания.

Будучи одним из последних просветителей своего времени, Горький всю общественную деятельность подчинял пропаганде научных и культурных достижений своего времени, считая, что только они, а не культ «желтого Дьявола» могут преобразить мир. Социальную революцию он не мыслил без революции культурной. Считая, что Россия – не Европа, но и не Азия, он упорно боролся с пережитками «азиатчины», понимая под ними косность, пассивность, отсутствие творческой инициативы и желания перестроить жизнь на новых, более справедливых началах.

Можно лишь удивляться прозорливости писателя, почувствовавшего в самом начале XX в. первые симптомы глобализма и вседозволенности, ныне ставших угрозой для существования мира. Именно Горький первым заговорил об опасности

фанатизма идей, доводящих до террора, и о деспотизме, прикрывающемся лозунгами демократии.

В последние годы жизни, ратуя за создание советской культуры и цивилизации, всемерно помогая их становлению, Горький предвосхищал споры о судьбах мира, разгоревшиеся в XXI в. Ставя и по-своему пытаясь решить глобальные мировоззренческие проблемы (о национальном и многонациональном, о подлинном гуманизме и псевдореволюционности, об издержках технического прогресса, борьбе с природой и продлении человеческой жизни), писатель намного опередил свое время. Многие из поднятых им вопросов до сих пор актуальны. Над ними бьется и не находит правильных ответов человеческая мысль. Теперь уже речь идет не только о свободе мысли и совершенствовании личности, но об ее безопасности, жизнеобеспечении и защите. Поднимающий голову фашизм, который Горький называл «идеологией лавочников», опять ведет мир к Апокалипсису новой мировой войны, которая разворачивается на территории объединенной Европы.

2(15) ноября 1907 г. К. Каутский писал Горькому: «...если Толстой учит меня понимать Россию, которая была, то Ваши работы учат меня понимать Россию, которая будет, понять те силы, которые вынашивают новую Россию» [3, т. 8, с. 481]. В XXI в. Горький стал восприниматься как провозвестник грядущей России, не только советской, но и демократической. Противостояние глобализма и антиглобализма не отменяет горьковской мечты о свободном развитии всех стран и всех наций в рамках многополярного мира. Его голос звучит сегодня во всех странах, помогая людям подумать о судьбах мира, понять загадку русской души и задуматься о Человеке и смысле его жизни.

Библиографический список

1. Вокруг смерти Горького: Документы, факты, версии. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – 244 с.
2. Горький М. Несвоевременные мысли. – Пг., 1918. – 68 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. – М.: Наука, 1997–2017.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 5. «Трое». Рассказы, наброски. 1899–1901. – 574 с.

5. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. – 576 с.

6. М. Горький и Р. Роллан: Переписка. (1916–1936) // Архив А.М. Горького. Т. XV. – М.: Наследие, 1995. – 544 с.

7. Нергардт Ф. Максим Горький. – Копенгаген, 1931. – 45 с.

8. Нестеров М. Из писем. – Л.: Искусство, 1968. – 449 с.

9. Оболенский Л.П. А.П. Чехов и Максим Горький // Живописное обозрение. – 1902. – № 1. – С. 87.

10. Спиридонова Л.А. Горький и философия прагматизма // Традиции в русской литературе. Международный сборник научных трудов. – Н.-Новгород, 2014. – С. 81–90.

11. Яковлев С. Иностранцы о Горьком // Волгарь. – 1902. – 10 июля.

References

1. Vokrug smerti Gor'kogo: Dokumenty, fakty, versii. – M.: IMLI RAN, 2001. – 244 s.
2. Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. – Pg., 1918. – 68 s.
3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: V 24 t. – M.: Nauka, 1997–2017.
4. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedeniya: V 25 t. – M.: Nauka, 1970. – T. 5. «Troje». Rasskazy, nabroski. 1899–1901. – 574 s.
5. Gor'kij M. Sobraie sochinenij: V 30 t. – M.: GIHL, 1953. – T. 24. Stat'i, rechi, privetstviya. 1907–1928. – 576 s.
6. M. Gor'kij i R. Rollan: Perepiska. (1916–1936) // Arhiv A.M. Gor'kogo. T. XV. – M.: Nasledie, 1995. – 544 s.
7. Nergardt F. Maksim Gor'kij. – Kopenagen, 1931. – 45 s.
8. Nesterov M. Iz pisem. – L.: Iskusstvo, 1968. – 449 s.
9. Obolenskij L.P. A.P. Chехov i Maksim Gor'kij // Zhivopisnoe obozrenie. – 1902. – № 1. – S. 87.
10. Spiridonova L.A. Gor'kij i filosofiya pragmatizma // Tradicii v russkoj literature. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov. – N.-Novgorod, 2014. – S. 81–90.
11. Yakovlev S. Inostrancy o Gor'kom // Volgar'. – 1902. – 10 iyulya.

Суматохина Любовь Валерьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
lsumatohina@yandex.ru

МАКСИМ ГОРЬКИЙ О ВОПЛОЩЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК ОСОБОМ ТИПЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

В статье анализируются высказывания М. Горького об особом типе литературного героя, созданного на фольклорной основе, по мотивам народных преданий, легенд, анекдотов. Такой герой трактуется Горьким как воплощение национального характера, носитель мощной созидательной энергии коллектива, продукт духовного творчества народа, литературно обработанный писателем. Он полон неустрашимого оптимизма и, по сути своей, бессмертен, как народ. Таков, по мысли Горького, главный герой «Легенды об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Приведены примеры влияния горьковской концепции литературного героя на литературный процесс 1930-х гг., представлены попытки воплощения такого героя в творчестве Вс. Иванова, Б.В. Шергина, Л.В. Соловьева.

Ключевые слова: М. Горький, литературный герой, Ш. де Костер, «Легенда об Уленшпигеле», Б.В. Шергин, Л.В. Соловьев, «Повесть о Ходже Насреддине».

Тиль Уленшпигель в высказываниях Горького занимает место в ряду таких литературных героев, как Кола Брюньон Р. Роллана, Тартарен А. Доде, барон Мюнхгаузен Р.Э. Распе – образов, выросших на богатой почве фольклора и представляющих собой колоритный национальный тип. Размышления об этих литературных героях, их генеалогии и художественной природе непосредственно связаны в публицистике и письмах Горького с мыслью о «собрании человека» – в противовес процессу «разрушения личности» [7, с. 26–79], о создании положительного характера, эпического героя, могущего дать читателю заряд творческой созидательной энергии. «...Ему хотелось, чтобы молодая советская литература в совершенстве овладела этим сложным искусством широких эпохальных обобщений, искусством величественных героических символов», – писал А.П. Эльяшевич, размышляя о синтетическом характере предложенного Горьким художественного метода [19, с. 267].

«Народ – не только сила, создающая материальные ценности, – писал Горький в статье “Разрушение личности” (1909), – он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры <...> индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне которого не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах» [7, с. 26–27].

Неунывающий, бесстрашный герой, вырастающий из почвы народной культуры, воплощение лучших качеств народа («дух Фландрии»), полный жизни и энергии, вечно молодой и бессмертный – Тиль Уленшпигель словно воплощает в себе представление о герое, выраженное в ряде статей и выступлений Горького. Позаимствовав из народных книг и устных преданий образ героя, Шарль де Костер преобразил его, сделал достоянием мировой литературы.

В созданном Горьким журнале «Летопись» в 1916 году была напечатана рецензия Ларисы Рейснер на одно из первых русских изданий «Легенды о Тиле Уленшпигеле». В 1919 г. основанное по инициативе Горького издательство «Всемирная литература» выпустило роман Ш. де Костера в двух томах в переводе А.Г. Горнфельда.

13 января 1923 г. Горький с восторгом писал Р. Роллану о его повести «Кола Брюньон»: «Какую прекрасную книгу сделали Вы, дорогой друг! <...> как своевременна эта яркая, веселая книга во дни общего смятения духа, в эти дни темного безумия и злобы <...> Гибкой и сильной рукою мастера Вы так вылепили Вашего бургундца, что я физически ощущаю его бытие. <...> Мне очень нравится фламандец Уленшпигель де Костера, но Вы, на мой взгляд, дали более универсальный характер» [6, с. 125–126].

В письме Н.Н. Накорякову от 7 ноября 1934 г. Горький утверждал: «...издавая “Кола Бриньон” Роллана, следует издать “Тартарена” Додэ и “Уленшпигеля” де Костера. Эти книги одинаковы по теме, одна дает бургундца как национальный или племенной характер, две других – провансальца и фламандца» [2].

«Русский Уленшпигель» – герой, которого искал и не находил Горький в произведениях советских писателей. Показательной в этом отношении является его оценка романа Всеволода Иванова «Похождения факира», первую часть которого Горький, по его словам, «прочитал жадно, точно ласкал любимую после долгой разлуки». В письме Иванову от июня 1934 г. Горький восхищался «прекрасной, глубокой искренностью», «душевной бодростью, ясностью» книги Иванова, его умением рассказать о трудной жизни, «усмехаясь победительно» [10, с. 59]. Однако продолжение романа было воспринято им скептически: «Третью часть “Факира” прочитал, не могу сказать – понравилось, ибо все время раздражало многословие, охлаждали длинноты. Но очень хороши страницы, где Вы пишете отца, и, если б Вы отнеслись к этой

фигуре более внимательно, – наша литература получила бы своего Тиля, Тартарена, Кола Брюньона...» [10, с. 69–70].

Отец в романе Всеволода Иванова – персонаж, чьих причудливых иллюзий и оптимистического отношения к жизни не может разрушить никакая реальность. Главный же герой Иванова – страдающий герой. В конце третьей части он переживает состояние полной потерянности в мире, глубокого личностного кризиса.

В одной из заметок конца 1935 – начала 1936 г. Горький размышлял, что писать о страдании легко: «Гаргантюа, Пантагрюэль, Тиль Уленшпигель, Кола Брюньон, Тартарен – не так популярны, как страдальцы. Вс. Иванову “Факир” не удался, а поначалу можно было думать, [что] это будет веселая книга» [5, с. 718].

На протяжении многих лет после смерти Горького Иванов вел в дневниках, черновиках, теоретических набросках долгий спор с Горьким, на который, вероятно, не осмеливался в письмах и личном общении. Тема страдания – одна из узловых точек этого диалога. В набросках ненаписанного романа «Поэт» (1949–1963) есть такая запись (слова Поэта): «Горький, наверное, правильно говорит, что русская литература – самая пессимистическая в мире. “Мы описываем, как мы страдали...” Но что поделаешь, черт возьми, если мы действительно много страдали? Конечно, очень приятно описать радостного человека, но непрерывная его радость на фоне больших трудностей <...> не будет ли выглядеть глупостью? Вы можете возразить: Кола Брюньон был весел в еще более тяжелые времена. <...> Все дело в отношении к фактам. Человек может относиться довольно легко к фактам своих страданий: есть же такие люди, тем более легко будут они относиться к страданиям других людей...» [10, с. 109].

Тема «русского Уленшпигеля» звучит в письмах Горькому 1930-х гг. писателей В.Я. Зазубрина и Б.В. Шергина. Познакомившись с Шергиным в конце 1933 г., Зазубрин обращался к Горькому 21 января 1934 г.: «Я хочу просить Вас оказать всемерную поддержку литератору Шергину Борису Викторовичу. (Письмо его прилагаю) <...> Человек этот обладает знаниями исключительными в области народного творчества. Сам он сказитель и скоморох (в высоком смысле этого слова). Я с наслаждением слушал его сказки, где старое замечательно смешивается с новым. Он открыл мне заново мой народ – необычно жизнерадостный, остроумный, смелый. Я убежден, что Шергину удастся создать русского и советского Уленшпигеля. Наша молодая литература может обогатиться вещью необычайной силы и красоты, вещью мирового значения» [17, с. 169–170]. В приложенном письме Шергина Горькому говорилось: «В поморской среде живет память о скоморохах, всесторонне живо

скоморошеское искусство. Этот вот фламандский дух, также веселая сказочная память о скоморохе Шише (или Шуте) – защитнике угнетенных, давно убедили меня в том, что у нас был, должен быть свой Тиль Уленшпигель <...> такую книгу вот-вот кто-нибудь должен родить. И я чувствую, что это мое дело, смотрю на создание русского Уленшпигеля как на дело моей жизни» [17, с. 170–171].

В дневнике Шергина, воспоминаниях о нем, критической и исследовательской литературе о его творчестве такая аналогия нам не встречалась. Возможно, идея превратить сказочный цикл о Шише в подобие «Легенды об Уленшпигеле» была подсказана Шергину Зазубриным с целью привлечь к себе внимание Горького.

Обещанного Горькому «русского Уленшпигеля» Шергин так и не написал; сказались тяжелые материальные и бытовые условия жизни Шергина, однако были и другие причины. Цикл о Шише писатель, судя по всему, ценил меньше других; сокращал и подвергал композиционным перестановкам и отодвигал в составе сборников на последнее место. Исследователь Ю.И. Дюжев объясняет это так: «Сатира <...> не отвечала девизу его жизни: “Человек должен светить из себя”. Позднее, составив по просьбе Юрия Коваля автобиографию и список опубликованных книг, Шергин вспомнил “У Архангельского города, у корабельного пристанища” (1924), “Архангельские новеллы” (1936), но ни словом не обмолвился о вышедшей между ними книге “Шиш Московский”» [9, с. 184].

Герой сказок Шергина немного напоминает Уленшпигеля первой книги романа Ш. де Костера, часть глав которой была заимствована из одной «фламандской брошюры» о Тиле Уленшпигеле [см. 13, с. 103–104]. Это типологическое сходство персонажей, характерных для фольклора разных народов мира, – остроумцев, насмешников, пройдох, гордых на хитроумные проделки.

Однако Тиль Уленшпигель в романе Ш. де Костера изменяется, претерпевает существенную эволюцию. Писатель сохраняет остроумие и находчивость героя, но в четырех книгах, следующих за первой и «являющихся созданием чистой фантазии» [13, с. 104], делает его гёзом – героем национально-освободительной войны, народной революции. Ш. де Костер переносит Тиля на два столетия вперед: из XIV в., времени народных легенд об Уленшпигеле, в XVI в., в эпоху первой в мире буржуазной революции в Нидерландах, вызванной невыносимым гнетом испанской монархии и «святой» инквизиции. «Смех фламандского Уленшпигеля, это – личина смеющегося Силена, скрывающая неумолимое гневное лицо, горькую желчь, огненные страсти. Сорвите личину! Он грозен, Уленшпигель! Его сущность трагична...» – писал Р. Роллан в предисловии к немецкому изданию книги Ш. де Костера [14, с. 522].

Поскольку национально-освободительное движение в Нидерландах в XVI в. приняло характер религиозной войны под знаменем кальвинизма против ненавистной католической церкви с ее инквизицией, в «Легенде об Уленшпигеле» сильна антицерковная, антикатолическая направленность. Вряд ли глубоко верующий Шергин стал бы развивать образ своего героя в этом направлении, хотя и писал Горькому о протестных настроениях поморов против церкви и правительства, а в молодости испытал сильное влияние старообрядчества. Шиш Шергина воспринимается и трактуется исключительно в контексте народной смеховой культуры, социально-бытовой сатирической сказки. Трудно представить его героем революции, разоблачителем и хулителем церкви и монашества.

Создать образ героя, о котором писал Горький, на основе фольклора восточных народов, удалось писателю Леониду Соловьеву в его «Повести о Ходже Насреддине». Народные анекдоты переплавлены в книгу с единым сюжетом. Миф, легенда, многовековая мечта народа о герое воплотились в литературном персонаже.

Личное знакомство Л. Соловьева с Горьким состоялось в 1934 г. на встрече Горького с молодыми писателями-прозаиками, участниками литературного объединения при издательстве «Советская литература». Руководил работой кружка К.Я. Горбунов. В организации встречи принимали участие главный редактор издательства Ф.М. Левин и, по видимому, К. Алтайский. В начале марта 1934 г. Горькому передали произведения молодых прозаиков. Он всё внимательно прочитал и встретился с авторами 29 марта 1934 г. [1]. Подготовленный Горьким конспект – анализ произведений – был напечатан под заглавием «Беседа с молодыми» [4]. Ф.М. Левин, присутствовавший на встрече, писал: «К сожалению, опубликованный текст этого разбора неполон...» [11, с. 14]. Фамилии авторов в «Беседе...» не названы, но легко устанавливаются по названиям произведений. Абзац, посвященный рассказам Соловьева, резко выделяется тоном и характером оценки, поскольку произведения остальных авторов были Горьким жестко раскритикованы: «Остаются рассказы: “112-й опыт”, “Колесо”, “Поход победителя”. Автор – литературно грамотен, у него простой, ясный язык, автор, видимо, учился у Чехова, умеет искусно пользоваться чеховскими “концовками”, обладает юмором и вообще даровит. Чувствуется, что он усердно ищет свой путь, подлинное “лицо своей души”» [8, с. 230]. «Все задвигались, заговорили, зашумели. Это было признание» [11, с. 15], – вспоминал Ф.М. Левин реакцию молодых писателей на горьковскую оценку произведений Л. Соловьева. Один из участников встречи – А.П. Шугаев – тоже писал, что Горький всех жестко критиковал, «огорчал» и вдруг «неожиданно оживился»: «А вот Соловьев

ва похвалю <...> Повалю вас за то, что вы учитесь писать у Чехова. И не просто учитесь. Вы, вижу, горячо любите его» [18, с. 139–140].

Завершая рассказ о встрече с молодыми писателями, Ф.М. Левин отмечал, что Горький «между прочим, сказал Леониду Соловьеву»: «Вам можно уже писать большую вещь» [11, с. 15]. Возможно, что и замысел главной книги Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» сложился не без влияния Горького, которого интересовала фигура знаменитого героя восточных анекдотов. В Архиве А.М. Горького хранятся присланные для журнала «Колхозник» истории о Ходже Насреддине в обработке А.Д. Симукова. На рукописи – помета Горького: «...о Ходже Наср-Эддине надобно дать очерк и добавить анекдотов» [15].

В 1941 г. Соловьев вспоминал, что ему потребовалось восемь лет после переезда в Москву в 1930 г., чтобы воспоминания о Средней Азии отстоялись в его сознании, и тема, наконец, нашлась. Читая сборники анекдотов о Ходже Насреддине и работы фольклористов, он почувствовал неудовлетворенность тем, что образ Насреддина как бы распадался на две мало совместимые ипостаси: веселого мудреца, «отважного защитника бедных и угнетенных» и «мелкого мошенника, одержимого ползучим практицизмом» [16, с. 5]. Он пришел к выводу, что «феодалы, богачи, муллы стремились нейтрализовать Ходжу Насреддина <...> превратить народного героя в простого мошенника и жалкого шута» [16, с. 6]. Писатель вспоминал: «Так была найдена тема, включающая в себя внутренне полемическое задание. Я решил <...> вернуть этому образу его благородную чистоту <...> Все, что я помнил о Средней Азии, все, что я любил в ней, – все легко вливалось в мою тему: и быт, и фольклор, и природа. Я почувствовал тему Ходжи Насреддина как обязательную для себя» [16, с. 6]. Соловьев сделал своего героя сравнительно молодым, стал свободно менять сюжеты и мотивы анекдотов, придумывать новые истории про Ходжу Насреддина, рассматривая фольклорный материал «как сырье для переплавки» [16, с. 6].

Аршаруни вспоминал, как Соловьев поделился с ним замыслом своего романа и развеял сомнения своего наставника, с работами которого о Насреддине был знаком, в целесообразности собирания восточных анекдотов: «Я знаю, чего вы боитесь <...> Но у меня не склад анекдотов, а роман, литературный образ, сюжет» [3, с. 104]. Аршаруни утверждал, что Соловьев успешно справился с довольно сложной задачей – ответить на вопрос: «...кто же он в конечном счете такой, этот противоречивый “герой” восточных анекдотов?» [3, с. 104].

Символично, что первая часть «Повести...», написанная в конце 1930-х гг., – «Возмутитель спокойствия» – была впервые напечатана в основанном Горьким альманахе «Год XXII» (М., 1939). Вполне

вероятно, что Горький, которого тогда уже не было в живых, нашел бы в «Повести о Ходже Насреддине» героя, о котором мечтал. Во всяком случае, когда произведение Соловьева было переведено на голландский язык, критик Г. Маас сравнивал Ходжу Насреддина «с легендарным героем нидерландского народа – Тилем Уленшпигелем. И тот и другой связаны с национально-освободительной борьбой своего народа, явились выразителями лучших черт национального духа» [12, с. 278].

Библиографический список

1. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КГ-п 44-8.
2. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – ПГ-рл-27-2-10.
3. *Аршаруни А.М.* Встречи с прошлым: Очерки. – М.: Советский писатель, 1979. – 184 с.
4. *Горький М.* Беседа с молодыми // Литературная учеба. – 1934. – № 4.
5. *Горький М.* Полн. собр. соч. Варианты к художественным произведениям: в 10 т. Т. 5. – М.: Наука, 1977. – 728 с.
6. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. – М.: Наука, 2009. – 678 с.
7. *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. – 576 с.
8. *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933–1936. – 590 с.
9. *Дюжев Ю.И.* История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. – Петрозаводск, 2002. – 232 с.
10. *Иванов Вс.В.* Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. Изд. 2-е, доп. – М.: Советский писатель, 1985. – 480 с.
11. *Левин Ф.М.* Из глубин памяти: Воспоминания. Изд. 2-е. – М.: Советский писатель, 1984. – 312 с.
12. *Маас Г.* Ходжа Насреддин и Тиль Уленшпигель // Иностранная литература. – 1959. – № 2. – С. 258–282.
13. *Мицкевич Б.П.* Шарль де Костер и становление реализма в бельгийской литературе. – Минск, 1960. – 263 с.
14. *Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 14. – М.: Худож. лит., 1958. – 628 с.
15. *Симуков А.Д.* О муле и черкеске: Из цикла сказок о Ходже Насреддине. – Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – Рав-пГ 39-6-6).
16. *Соловьев Л.В.* О романе «Возмутитель спокойствия» // Литературная учеба. – 1941. – № 2. – С. 4–10.
17. *Суматохина Л.В.* «...он напишет русского Уленшпигеля»: (Неизвестные письма Б.В.Шергина и В.Я. Зазубрина М. Горькому // Литературная учеба. – 2014. – № 1. – С. 169–170.
18. *Шугаев А.* Поездка в Горки // Сибирские огни. 1968. – № 3. – С. 139–140.
19. *Эльяшевич А.П.* Единство цели, многообразие поисков в литературе социалистического реализма. – Л.: Сов. писатель, 1973. – 494 с.

References

1. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – KG-p 44-8.
2. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – PG-rl-27-2-10.
3. Arsharuni A.M. Vstrechi s proshlym: Ocherki. – M.: Sovetskij pisatel', 1979. – 184 s.
4. Gor'kij M. Beseda s molodymi // Literaturnaya ucheba. – 1934. – № 4.
5. Gor'kij M. Poln. sobr. soch. Varianty k hudozhestvennym proizvedeniyam: v 10 t. T. 5. – M.: Nauka, 1977. – 728 s.
6. Gor'kij M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: v 24 t. T. 14. – M.: Nauka, 2009. – 678 s.
7. Gor'kij M. Sobr. soch.: V 30 t. – M.: GIHL, 1953. – T. 24. Stat'i, rechi, privetstviya. 1907–1928. – 576 s.
8. Gor'kij M. Sbranie sochinenij: V 30 t. – M.: GIHL, 1956. – T. 27. Stat'i, doklady, rechi, privetstviya. 1933–1936. – 590 s.
9. Dyuzhev YU.I. Istoriya russkoj prozy Evropejskogo Severa pervoj poloviny HKH veka. – Petrozavodsk, 2002. – 232 s.
10. Ivanov Vs.V. Perepiska s A.M. Gor'kim. Iz dnevnikov i zapisnyh knizhek. Izd. 2-e, dop. – M.: Sovetskij pisatel', 1985. – 480 s.
11. Levin F.M. Iz glubin pamyati: Vospominaniya. Izd. 2-e. – M.: Sovetskij pisatel', 1984. – 312 s.
12. Maas G. Hodzha Nasreddin i Til' Ulenshpigel' // Inostrannaya literatura. – 1959. – № 2. – S. 258–282.
13. Mickevich B.P. SHarl' de Koster i stanovlenie realizma v bel'gijskoj literature. – Minsk, 1960. – 263 s.
14. Rollan R. Sobr. soch.: V 14 t. T. 14. – M.: Hudozh. lit., 1958. – 628 s.
15. Simukov A.D. O mule i cherkeske: Iz cikla skazok o Hodzhe Nasreddine. – Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – Rav-pG 39-6-6).
16. Solov'ev L.V. O romane «Vozmutitel' spokojstviya» // Literaturnaya ucheba. – 1941. – № 2. – S. 4–10.
17. Sumatohina L.V. «...on napishet russkogo Ulenshpigelya»: (Neizvestnye pis'ma B.V.SHergina i V.YA. Zazubrina M. Gor'komu // Literaturnaya ucheba. – 2014. – № 1. – S. 169–170.
18. SHugaev A. Poezdka v Gorki // Sibirskie ogni. 1968. – № 3. – S. 139–140.
19. EHL'yashevich A.P. Edinstvo celi, mnogoobrazie poiskov v literature socialisticheskogo realizma. – L.: Sov. pisatel', 1973. – 494 s.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЧЕРТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

В статье рассматривается эволюция семантики образа черта в творчестве Горького, начиная с ранних социально-политических памфлетов до послереволюционных рассказов и драматургических замыслов 1930-х гг., выявляется его особый философский смысл и сатирическая окраска, устанавливается связь этого образа с мировой и русской литературной традицией, с изображением черта в произведениях Мильтона, Гете, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Достоевского, а также писателей – современников Горького – И.С. Шмелева и П.П. Муратова.

Анализ произведений и творческих замыслов Горького о черте позволяет прийти к выводу, что писатель обратился к этому религиозному и сказочному персонажу, чтобы в яркой художественной форме выразить свою философскую мысль о всеобщем несовершенстве жизни и населяющих Землю «людишек», причем черт как персонафикация мирового зла играет в них роль той лакмусовой бумажки, с помощью которой выявляются человеческие грехи и пороки.

Ключевые слова: М. Горький, творческая эволюция, образ черта, философский и социально-политический смысл, сатирическая окраска.

Образ черта – сквозной в творчестве Горького. Еще в ранний период, в конце 1898 и в начале 1899 г. он создал один за другим памфлеты «О черте» и «Еще о черте». Оба памфлета были направлены против мещанской психологии обывателя и либерального приспособленчества, а также против проповеди нравственного самоусовершенствования, которую вели «толстовцы».

Хотя эти первые фельетонно-публицистические произведения о черте были без особого восторга приняты критикой, Горький, видимо, весьма дорожил ими. В разгар первой русской революции он выступил с сатирическим памфлетом, направленным против российского либерализма, который намеренно назвал «И еще о черте», тем самым подчеркнув его идейную и художественную связь с предыдущими двумя произведениями и создав своеобразную маленькую «трилогию о черте». Эта связь еще более усилена тем, что во втором и третьем фельетонах, кроме черта, главным их героем (вернее, антигероем) является собирательный образ либерального интеллигента Ивана Ивановича. Причем в Иване Ивановиче третьего фельетона нетрудно узнать черты таких известных в то время политических деятелей как П.Б. Струве, М.М. Ковалевский, П.Н. Милуков и др.

Интересно отметить, что ровно через сорок лет после появления этого социально-политического памфлета другой русский писатель, И.С. Шмелев, проживавший в эмиграции, выступил с почти «зеркальным» по отношению к горьковскому фельетону произведением «Почему так случилось». Главными действующими лицами в этом рассказе, как и у Горького, являются русский либерал, профессор и его оппонент и обличитель – черт. Произведение, подобно горьковскому памфлету, построено как беседа этих двух главных героев, в ходе которой вскрывается вся несостоятельность мыслей и поступков профессора. Так же, как в горь-

ковском фельетоне, фантазмагоричность сюжета – появление черта – объясняется в финале вполне реалистически тем, что профессору все это просто приснилось.

Но при всем формальном сходстве двух произведений идейный смысл рассказа Шмелева прямо противоположен, как будто он писал его «в пику» Горькому, оспаривая революционный пафос его памфлета. Если черт у Горького в 1905 г. укорял либеральную интеллигенцию в лице Ивана Ивановича за ее трусость, отказ от прежних революционных устремлений и смыкание с реакцией, то шмелевский черт обличает и винит профессора за то, что он вместе с либерально-демократической интеллигенцией участвовал в подготовке революции, побуждал народные массы к бунту, что и привело в конце концов страну к катастрофе «смертоубийства» и разрушения.

На пороге своего 50-летия Горькому пришлось пережить тяжелейшую духовную драму, вызванную Первой мировой войной и революцией. Война почти до основания разрушила его прежнюю веру в богоподобного Человека и в торжество человеческого разума. О душевном смятении писателя в первые месяцы войны свидетельствует, в частности, его стихотворение 1914 г., в котором все происходящее на земле представляло как подлые козни жестокого дьявола, завладевшего обезумевшим миром. И лирический герой вступает с этим дьяволом в разговор, с горечью признавая его победу над людьми:

Что я тебе, дьявол, отвечу?

Да, мой разум онемел.

Да, ты всю глупость человечью

Жарко разжечь сумел! [4, т. 17, с. 175].

Это одно из немногих произведений Горького о черте, где этот персонаж назван дьяволом и вызывает не улыбку или ироническую усмешку, а ужас и отвращение.

Пессимистические, тяжелые настроения писателя еще больше усилились в последующие годы.

Горький не мог смириться с тем, что творимая большевиками революция очень мало походила на ту, о которой он мечтал всю жизнь, ибо не несла в себе подлинного освобождения человеческой личности, свободы духа. Глубоко разочарованный и потрясенный жестокостью революции, ее террором и кровью, писатель глубже, чем прежде, начинает постигать разлитую в мире стихию зла, меньше верить в рациональные начала человеческой жизни, в справедливость и правильность мироустройства. В его произведениях начала 1920-х гг. все обнаженнее выступает мысль о том, что мир устроен плохо, абсурдно, что им правит не высшая разумная сила, а некто злой и коварный, кто глумится и совершает свои страшные опыты над людьми. В октябре 1924 г. Горький писал в связи с этим М.А. Осоргину: «Это очень соблазнительная и человечески дерзкая задача: взять нашу русскую трагедию как частицу непрерывного вселенского террора, как одну из недоступных понимания нашему и столь мучительных для нас шуточек некоего таинственного Химика, – а, вернее, Алхимика – которого, пожалуй, можно окрестить именем Вселенского Инквизитора» [3, т. 15, с. 65].

Как видим, Горький чувствовал и осознавал огромный творческий потенциал, заложенный в образе дьявола, черта, знал и учитывал богатейшие мировые литературные и фольклорные традиции, связанные с этим образом. И после революции, в начале 1920-х гг., он вновь почувствовал потребность обратиться к этой теме.

В письме В.А. Каверину от 13 декабря 1923 г., советуя молодому писателю перенести свое внимание «в русский, современный, достаточно фантастический быт», Горький заметил, что этот быт «подсказывает превосходные темы, например: о чорте, который сломал себе ногу, помните: “тут сам чорт ногу сломит!”» [3, т. 14, с. 277]. Этот сюжет продолжал волновать воображение Горького и в следующем, 1924 г. 2 мая он писал о нем поэту В.Ф. Ходасевичу: «...хочется написать кое-что о почтмейстере, который от скуки жизни выдумал чорта, поместил его у себя в кабинете на книжном шкафу, полтора года пил с ним коньяк и философствовал – чорт сбежал от него. Сбежишь, знаете!» [3, т. 14, с. 330]. Вероятно, тогда же Горький записал сюжет о почтмейстере и черте в дневник. (См.: [4, т. 18, с. 407–408]). Эту дневниковую запись можно считать первой редакцией будущего произведения. Отрывки, сохранившиеся в архиве писателя, видимо, относятся также к раннему этапу работы над рассказом.

Интересно сопоставить этот рассказ, который Горький назвал «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым», с ранними произведениями писателя о черте. Прежде всего, их объединяет фольклорный, народный образ черта (маленького, но весьма остроумного и циничного

чертенка, всегда готового поиздеваться над человеком) и сатирическая, ироничная интонация.

Действие рассказа о почтмейстере и черте отнесено в прошлое дореволюционной провинциальной России. Вероятно, чтобы придать большую убедительность и «правдивость», почти «документальность» своей фантастической истории, Горький помещает изображаемые события в достаточно точные хронологические рамки. В произведении упоминается губернатор Воргорода П.Ф. Унтербергер – реальное историческое лицо, губернатор, управлявший Нижегородской губернией в 1897–1905 гг.

Если в первых двух ранних памфлетах о черте Горький никак не мотивировал присутствие в них этого фантастического персонажа, а в третьем фельетоне объяснял достаточно неожиданно в самом финале все произошедшее с Иваном Ивановичем увиденным им сном, то в «Правдивом изложении» Горький создает вначале полную иллюзию реальности происходящего. Вернее, повествование движется все время по тонкой грани между реальностью и фантастикой. И только к концу, постепенно, читатель начинает догадываться, что черт – это плод больного воображения почтмейстера. К похожему художественному приему писатель прибегнул, например, в рассказе того же времени «Голубая жизнь», где вся фантазмагория изображаемого в финале объяснялась душевной болезнью главного героя Константина Миронова (см. об этом: [8]).

Кроме того, в «Правдивом изложении случая с почтмейстером Павловым» Горький ввел в рассказ о черте новый неожиданный поворот сюжета. Если в прежних памфлетах черт выступал обличителем жизни людей, строгим и язвительным критиком их греховных мыслей и неблагоприятных поступков, то в этом произведении происходит всё наоборот: главный герой, почтмейстер Яков Петрович Павлов, философствуя и беседуя с чертом, начинает видеть в нем единственного достойного собеседника и друга и решает «очеловечить» его: снабдить российским паспортом, обратиться в православную веру и даже усыновить.

Следует признать, что горьковский сюжет об обращении черта в христианскую веру не являлся полностью оригинальным. Он был достаточно широко распространен в мировой и русской религиозной литературе, житиях и других церковных текстах. И автор этого не скрывает. Его герой почтмейстер Павлов, желая обратить черта в православную веру, указывает на пример христианского святого Мурина. Преподобный Моисей Мурин (325–400) жил в Египте, в молодости был пьяницей и предводителем разбойников, убивал и грабил людей. Позже раскаялся и постригся в монахи, стал иеродиаконем. Благодаря своей аскетической святой жизни этот монах получил

власть над бесами. Согласно христианским преданиям, Моисей Мурин самого дьявола заставил «исповедать Христа» [7, с. 79]. Кстати, книга, где излагается эта история, была известна Горькому, она сохранилась в его личной библиотеке [6, № 5234].

Сюжет о попытках обращения черта в христианство можно назвать «бродячим». Такой же властью над темной силой обладал, согласно церковным преданиям, и русский святой Никита Столпник из Переславля Залесского, живший в XII в. Он, как и Мурин, в молодости много грешил, притеснял бедняков, но затем раскаялся и всю дальнейшую жизнь путем добровольно принятых на себя тяжелых физических страданий искупал грехи. Как и Мурин, Никита был убит разбойниками в монастыре. Сходный сюжет можно встретить в житии преподобного Иоанна Новгородского, архиепископа, жившего в XII в., который предпринял путешествие в Иерусалим верхом на беге, а также в книге о монахах Нило-Сорской пустыни XIX в. (в воспоминаниях о рясофоре Иване Шапочникове). Наконец, вспоминается в этом контексте и ранняя поэма Пушкина «Монах».

Сюжет об «очеловечении», «воцерковлении» черта, похоже, продолжает до сих пор волновать писателей и художников. Например, известный киносценарист Ю.Н. Арабов использовал его при создании сценария притчи-трагикомедии «Монах и бес». Фильм, снятый по этому сценарию Н.Н. Досталем, вышел в 2016 г. Тогда же Арабов был удостоен кинопремии «Золотой орел» за лучший сценарий года. Действие фильма происходит в первой половине XIX в. в России, в отдаленном монастыре, один из монахов которого, Иван (актер В.Т. Трибунцев) ведет отчаянную борьбу с соблазняющим его бесом Легионом. Вместе они перенесутся на Святую Землю, в Иерусалим, затем возвращаются в Россию, где монах умирает. В конце картины бес проникается верой и святостью монаха, постепенно «очеловечивается» и возвращается послушником в тот самый монастырь, в котором когда-то жил Иван...

Видимо, рассказ «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» был написан в 1924 г., однако Горький не стал его печатать, оставил «в столе», а в 1926 г. передал своему сыну М.А. Пешкову для № 4 домашнего рукописного юмористического журнала «Соррентийская правда».

Остается загадкой, почему Горький не опубликовал свой рассказ. Произведение полно аллюзий, политических и литературных намеков, искрится редким для писателя, подлинным, неподдельным юмором, сверкает иронией, написано в пародийной, модной в те годы сказовой манере. Повествование ведется от лица диакона Иннокентия Параклитова, поэтому язык изложения наполнен церковнославянской лексикой и старомодными оборотами. Одним словом – рассказ в художествен-

ном отношении получился законченным и вполне состоятельным. Можно лишь высказать предположение, что в годы гонений большевистских властей на русскую православную церковь Горькому не захотелось «подливать масло в огонь» – обнародовать свое произведение из-за его антиклерикальной направленности.

В начале 1920-х гг. Горький проводил своеобразную художественную проверку самых своих заветных и дорогих моральных принципов и мировоззренческих идей, а также священных для него мировых культурных ценностей, путем их «снижения» и пародирования. В этом ключе, например, написаны упомянутая выше «Голубая жизнь», рассказ «О тараканах» и другие произведения этого времени. (См. об этом подробнее: [8; 10]). В рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» подобному «снижению» и пародийному осмеянию с помощью циничного персонажа – провокатора-черта – подвергся религиозный «бродячий» сюжет о «перевоспитании» черта, обращении его в христианство.

Одновременно с созданием рассказа о почтмейстере и черте Горький начал перерабатывать свою пьесу «Фальшивая монета», начатую еще в 1913 г. 13 июля 1924 г. он писал В.Ф. Ходасевичу: «Сочиняю пьесу, у которой главное действующее лицо – чорт, он фабрикует фальшивую монету» [3, т. 15, с. 31]. Фантастический мотив этой второй редакции пьесы наиболее отчетливо проявился в прологе – «Любительском спектакле», где главным героем оказался Черт – Лузгин. Судя по сохранившимся в горьковском Архиве фрагментам этого замысла, писатель хотел дать для пьесы специальное фантастическое обрамление, состоящее из пролога, сцен между действиями и эпилога. Однако эта редакция осталась незавершенной.

Через два года Горький снова переделал пьесу, создав ее третью, окончательную редакцию. Фантастический элемент был из нее исключен, а Лузгин – Черт превратился в ней в душевнобольного Лузгина, которого мучает собственное отражение в зеркале – двойник, враг, испортивший ему жизнь. Однако «следы» второй редакции пьесы, в которой черт был едва ли не основным персонажем, ощущаются и в словесной ткани, и в композиции окончательного текста, и в образе Лузгина. Например, в финале пьесы кривой часовщик Яковлев среди всеобщей неразберихи спрашивает окружающих: «Кто здесь распоряжается? Черт распоряжается, а? Черт?» [4, т. 13, с. 289].

Эта третья редакция «Фальшивой монеты» композиционно как бы «обрамлена» фразами из оперных арий таких «важных» в истории мировой культуры духов тьмы как Мефистофель и Демон. В начале пьесы Глинкин напевает арию Мефистофеля «На земле весь род людской...» [4, т. 13, с. 244] из оперы Ш. Гуно «Фауст» по драматиче-

ской поэме Гете, а в конце ее Лузгин дважды начинает петь арию Демона «И будешь ты царицей мир-ра-а...» [4, т. 13, с. 288, 290] из оперы А.Г. Рубинштейна «Демон» по поэме Лермонтова. А вслед за тем сумасшедший Лузгин заявляет: «Я – не Лермонтов, не Демон, не шучу – нет...» [4, т. 13, с. 291]. Напомним в связи с этим, что в рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» Черт также «изредка мечтательно насвистывал лирическое из Рубинштейнова “Демона”» [4, т. 18, с. 427].

Почти во всех своих произведениях о черте Горький считал нужным указать на мировые литературные традиции в изображении этого персонажа. В памфлете «О черте» он ссылается на «лучшего из всех известных нам чертей, с которым познакомил нас великий Гете...» [4, т. 4, с. 158]. В фельетоне «Еще о черте» автор упоминает о «добром» черте, существование которого «подтверждается Лесажем и китайской легендой о Цин-гиу-тонге» [4, т. 4, с. 171]. В рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» в ответ на заявление почтмейстера, что «в наш век черти совершенно излишни. Впрочем, они и всегда были не нужны...», черт остроумно парирует: «Вам – не нужны, а вот Мильтону, Тирсо де Молина, Гете, Марлоу, Лермонтову, Клиггеру и десяткам других утешителей ваших – нужны. И отцам церкви нужны» [4, т. 18, с. 425]. Упомянув эти имена, Горький имел в виду художественные воплощения образа дьявола в романе французского писателя А. Лесажа «Хромой бес», в поэмах Д. Мильтона «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», в комедиях Тирсо де Молина, в трагедии Гете «Фауст», в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фауста», в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» и в романе Ф.М. Клиггера «Жизнь Фауста, его деяния и гибель в аду».

Хотя из русских писателей в этом ряду упомянут один Лермонтов, Горький прекрасно знал о существовании в русском фольклоре и в русской литературе не менее мощной, чем на Западе, традиции изображения духа тьмы. И он в полной мере следовал этой традиции. Его черт предстает чаще всего не в ледящем душу страшном облике, а в образе смешного, но умного, проникательного и язвительного чертенка, напоминающего чертей из «Сказки о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина или из повести «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя. Нельзя не упомянуть в связи с этим и «главного черта» русской литературы – черта Ф.М. Достоевского, черта Ивана Карамазова, который стал «родоначальником» многих подобных персонажей в произведениях писателей конца XIX – начала XX в. Горький также следует за Достоевским, показывая в памфлете «И еще о черте» и в рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым», что его черт – это не что

иное, как сублимация переживаний героя, проявление его подсознания, плод его болезненного воображения. Поэтому произведения Горького о черте, как и у Достоевского, построены как беседы, диалоги того или иного персонажа со своим двойником, предстающим в образе черта.

В одной из прежних статей мы упоминали, что Горький писал рассказ «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» и вторую редакцию пьесы «Фальшивая монета» в то самое время, когда он познакомился и подружился с искусствоведом и писателем П.П. Муратовым [9, с. 277–279]. В апреле 1924 г. после долгих скитаний по Европе Горький прибыл на постоянное жительство в Сорренто, небольшой городок на юге Италии. Муратов, проживавший с осени 1923 г. в Риме, также проводил лето 1924 г. в Сорренто. Здесь-то и состоялось их личное знакомство. Письма Горького этого времени пестрят именем нового знакомого. Вероятно, этот тонкий знаток искусства и блестящий эрудит сумел войти в круг духовных интересов и увлечений писателя. Из переписки Горького видно, что летом 1924 г. они довольно часто встречались, вели беседы об искусстве и литературе. Например, Горький сообщал В.Ф. Ходасевичу в письме от 10 августа: «Бывает у меня П.П. Муратов, милый и весьма интересный человек. Сегодня мы с ним хорошо поговорили на тему об антиинтеллектуализме русской прозы и глубококом, оригинальном интеллектуализме поэзии» [3, т. 15, с. 42].

Возможно, во время этих бесед Горький поделился своими замыслами рассказа и пьесы о черте с Муратовым и вдохновил его на создание произведения, в котором главным действующим лицом также стал черт. Правда, Муратов перенес место действия своего рассказа «Посланник» в капиталистическую Европу, и его черт – дух тьмы был совсем не похож на русского черта Горького.

В августе 1924 г. вышла в свет 5-ая книга горьковского журнала «Беседа», и писатель начал готовить материалы для следующего номера. Вероятно, в это самое время Горький привлек Муратова в журнал в качестве автора, напечатав в сдвоенном 6–7-ом номере «Беседы» его фантастический рассказ «Посланник». Герой этого рассказа князь Бельфегор послан из ада на землю для установления «контакта» с ее жителями. Хотя Бельфегор – князь тьмы, это вполне современный и очень деловой господин, поселившийся в Европе и быстро нашедший понимание у членов капиталистических правительств, банкиров и прочих влиятельных лиц. Остановить Бельфегора, развившего бурную и опасную экономическую деятельность, смог только простой священник из бедного итальянского селения.

Горький мог вспомнить этот рассказ Муратова позже, в начале 1930-х гг., когда снова обратился к теме черта. В это время писатель возвращается к драматургии, пишет пьесы «Егор Булычов»,

«Достигаев и другие», «Сомов и другие», создает второй вариант «Вассы Железновой». И тогда же, точнее, весной 1932 г., опять возвращается к образу черта, на этот раз мечтает написать комедию, где черт был бы не только главным действующим лицом, но и двигателем сюжета, всего хода пьесы.

4 февраля 1932 г. он писал о своем новом замысле заведующему литературной частью МХАТ П.А. Маркову: «Есть у меня и две темы смешных пьес, героем одной из них является Черт – настоящий!» [2, с. 30]. набросок пьесы о черте писатель вскоре передал молодому советскому драматургу А.Н. Афиногенову, гостившему в это время в Сорренто. В апреле – мае 1932 г. Афиногенов записал в дневнике следующее высказывание Горького, проясняющее его драматургический замысел: «Тема сатирическая, бытовая. Перед занавесом черт. Он в сюжете, он извиняется за свое существование, но он существует. Он здесь будет организовывать цепь, заговор случайностей, чтобы люди через эти случайности пришли в соприкосновение и обнаружили тем самым свои внутренние качества, свои бытовые уродства. Черт передвигает вещи, подсовывает письма, черт создает внешние мотивировки для развития поступков людей в их бытовом окружении. Он порой язвительно усмеивается и спрашивает публику: “Каково, хорошо ведь работаю, вот как людишки сталкиваются, вот какая чертовщина разыгрывается”» [1, с. 108].

Этот замысел Горькому также не удалось воплотить. Сохранился только набросок начала этой комедии и зачеркнутый автором список основных действующих лиц. Вот сохранившееся начало пьесы, которую Горький назвал «Правдивый рассказ о злодеяниях черта»:

«Черт.

– Миром управляет случай. Случай, это – мой псевдоним. Я – если вам угодно знать – черт. Так как вы – не верите в бытие чертей, то вы мне, конечно, не поверите. А, все-таки, я черт, и это ко мне вы посылаете все, что вам не нужно, надоело, вообще всякую дрянь, которая мешает вам жить. (Пауза.) Вижу и чувствую, что вы сердитесь, полагая, что я напрасно морочу вам головы. Вы убеждены, что я – один из артистов, обязанных играть роль черта в этой пьесе. Автор пьесы это – я, а в то, что я существую, – вы не верите. Однако – существует пьеса, вы пришли смотреть ее, а я в ней – играю. Так как действие всегда убедительнее, я – начинаю действовать» [5, с. 55].

Название наброска этой пьесы указывает на глубинную переключку с рассказом «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым». В первом слове обоих названий – «правдивый» – заключены ирония, пародия и насмешка. Но в пьесе, судя по зачеркнутому автором перечню действующих лиц («Диктатор, его жена, любовницы. Кандидат в диктаторы, его жена, любовницы. Быв-

ший диктатор, жена, любовницы. Папа – не женат, обслуживается одной любовницей. Епископы, кардиналы. Генералы. Банкиры. Промышленники. Бандиты. Журналисты» [5, с. 56]), действие должно было разворачиваться не в дореволюционной России и не в СССР, а за границей. С помощью своего сказочного персонажа Горький хотел сатирически изобразить капиталистическую жизнь современного Запада, и это сближало его замысел с рассказом Муратова «Посланник».

Как видим, все произведения и замыслы произведений Горького о черте объединяет философская мысль о всеобщем несовершенстве жизни и населяющих Землю «людишек», причем черт как персонализация мирового зла играет в них роль той лакмусовой бумажки, с помощью которой выявляются человеческие грехи и пороки.

Библиографический список

1. Афиногенов А.Н. Дневники и записные книжки. – М.: Советский писатель, 1960. – 552 с.
2. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – Литературное наследство. Т. 70. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 734 с.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 1997–2017.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1968–1976.
5. Горький М. Художественные произведения. Статьи. Заметки. – Архив А.М. Горького. Т. 12. – М.: Наука, 1969. – 433 с.
6. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2-х кн. Кн. 1. – М.: Наука, 1981. – 412 с.
7. Палладий. Палладия, епископа Елеонского, Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. Пер. с греческого. – СПб.: тип. Е. Фишера, 1850. – 310 с.
8. Примочкина Н.Н. В поисках обновления (О рассказе Горького «Голубая жизнь») // Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). – Горький и его эпоха. Материалы и исследования. Вып. 3. – М.: Наследие, 1995. – С. 301–314.
9. Примочкина Н.Н. Горький и Павел Муратов: история литературных отношений // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 61. – С. 273–287.
10. Примочкина Н.Н. Художественные искания М. Горького начала 1920-х годов (Рассказ «О тараканах») // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. Т. 67. – № 4. – С. 32–40.

References

1. Afinogenov A.N. Dnevnik i zapisnye knizhki. – M.: Sovetskij pisatel', 1960. – 552 s.
2. Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska. – Literaturnoe nasledstvo. T. 70. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 734 s.
3. Gor'kij M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: v 24 t. – M.: Nauka, 1997–2017.

4. Gor'kij M. Poln. sobr. soch. Hudozhestvennye proizvedeniya: v 25 t. – M.: Nauka, 1968–1976.

5. Gor'kij M. Hudozhestvennye proizvedeniya. Stat'i. Zametki. – Arhiv A.M. Gor'kogo. T. 12. – M.: Nauka, 1969. – 433 s.

6. Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve. Opisaniye: v 2-h kn. Kn. 1. – M.: Nauka, 1981. – 412 s.

7. Palladij. Palladiya, episkopa Eleonskogo, Lavsaik, ili Povestvovanie o zhizni svyatyh i blazhennyh otcov. Per. s grecheskogo. – SPb.: tip. E. Fishera, 1850. – 310 s.

8. Primochkina N.N. V poiskah obnovleniya (Orasskaze Gor'kogo «Golubaya zhizn'») // Neizvestnyj Gor'kij (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya). – Gor'kij i ego ehpoa. Materialy i issledovaniya. Vyp. 3. – M.: Nasledie, 1995. – S. 301–314.

9. Primochkina N.N. Gor'kij i Pavel Muratov: istoriya literaturnyh otnoshenij // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2003. – № 61. – S. 273–287.

10. Primochkina N.N. Hudozhestvennye iskaniya M. Gor'kogo nachala 1920-h godov (Rasskaz «O tarakanah») // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2008. T. 67. – № 4. – S. 32–40.

М. Горький, А.Б. Халатов, Л.М. Леонов. Сорренто, 1931 г.

МИФЫ, СИМВОЛЫ И ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»

Повесть «Мать» стала одним из произведений Горького, которое не было оценено по достоинству. Отзывы литературных критиков оказались прямо противоположными: одни говорили о невероятном успехе произведения, другие – о его полном провале и конце таланта автора. Немногие увидели в повести сложный синтез романтизма и реализма, а также символичность ее героев и религиозные мотивы. Лишь современное литературоведение позволило говорить не только о революционной идее произведения, но и о религиозно-философских аспектах произведения, выявляя в повести еще как минимум три пласта: философско-психологический, символично-мифологический и религиозно-богостроительский.

Ключевые слова: Горький, литература начала XX века, повесть «Мать», мифопоэтика, образ, символ, религиозный архетип, цветотпись.

Повесть «Мать» стала одним из произведений Горького, которое не было оценено по достоинству. Широкий круг читателей и критиков не приняли его. Многие заговорили об отсутствии художественности в произведении и о конце таланта Горького. Вскоре после Лондонского съезда, на котором В. Ленин назвал «Мать» «очень нужной и своевременной книгой», он же и раскритиковал ее, обвинив Горького в богостроительстве. Литературные критики также по-разному восприняли произведение. О неудачности повести говорили Л. Толстой, В. Воровский, Г. Плеханов и др. О ее успехе – В. Львов-Рогачевский, Н.К. Крупская, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, и др. Однако однозначное отношение в оценке произведения высказывали немногие.

О синтезе романтизма и реализма в творчестве Горького говорил и В. Короленко: «Вы можете создавать характеры, люди говорят и действуют у вас от себя, от своей сущности, вы умеете не вмешиваться в течение их мысли, игру чувств, это не каждому дается! А самое хорошее в этом то, что вы цените человека таким, каков он есть. Я же говорил вам, что вы реалист!

Но, подумав и усмехаясь, он добавил:

– Но в то же время – романтик!» [6, т. 16, с. 250].

Вскоре после выхода повести в свет одним из первых о символичности ее главных героев и религиозных мотивах сказал В. Львов-Рогачевский. Не зависимо от него об этом же писал чешский философ и общественный деятель Т. Масарик: «Горький очень хорошо изобразил психологический процесс возрождения и разъяснил нам, какие силы побуждают людей, рожденных в старой среде, стремиться к новой жизни и помогают в ней утвердиться. <...> Горький видит новую жизнь в активной любви» [9, с. 428–429].

Из современных литературоведов этих взглядов придерживался А. Синяевский. В начале 90-х годов, указывая на существенную особенность повести, он отметил «сближение революционной идеологии в ней (в повести «Мать»). – Е.Ю.) ... с христианской религией» [11, с. 87]. Чуть позже эта мысль была

развернута в работе Л.А. Спиридоновой «Повесть “Мать” как евангелие новой веры»: «“Мать” – самая популярная из всех произведений Горького, более других почитаемая и яростнее всех обруганная, она до сих пор остается по-настоящему непрочитанной и непонятой» [12, с. 64]. «“Мать” нельзя рассматривать лишь как летопись революционных событий начала века, – продолжает исследователь, – ибо Горький попытался создать не просто хронику деятельности социал-демократов..., а новое Евангелие пролетариата» [12, с. 72]. Спиридонова замечает: «... повесть Горького не была плодом его безоговорочного подчинения большевистской партии, а отразила наиболее актуальные религиозно-философские искания своего времени, ибо в ней социализм был впервые показан как проявление духовной эволюции русского народа» [12, с. 89].

Целый ряд исследователей, в числе которых Н. Белкина, С. Касторский, М. Дунаев и др., а также П. Заломов, отмечали в «Матери» заметное влияние отдельных мотивов и образов ранних романтических рассказов писателя («Старуха Изергиль», «О чиже, который лгал...», «Песнь о Соколе» и др.). «Образы Данко, Сокола и др. своим романтическим революционным пафосом борьбы и самопожертвования ради блага народа во многом сродни <...> таким образам повести как Павел, Андрей, Мать, Саша и др.» [3, с. 292]. Особое отношение Горького к своим ранним романтическим героям объясняется его большим расположением к мифологии, чем к истории христианства и религиозным архетипам. Мифические герои ближе и понятнее писателю, чем христианские образы: «Прометей – красивее, мощнее Христа, он ближе человеку, но и Христа не отринем» [5, т. 7, с. 222].

Однако Горький отказался от аллегоричности в изображении героев повести. На смену сказочным Данко, Ларе, Соколу пришел Человек – борец, искатель истины, желающий всему человечеству лучшей доли. В повести сильно символическое начало. «М. Горький связывает возникновение мировых символов в искусстве и литературе с творчеством широких народных масс, – поясняет

А.Ф. Лосев. – Для него это – результат *огромных обобщений действительности, до которых доходит общенародное творчество*» [8, с. 8].

Используемые Горьким в повести символы фабрики, болота, собаки, картины и др. становятся не просто отражением данных понятий, а бесконечным рядом разных их отражений или выражений, способных выразить существо с определенной точностью, максимально приближаясь к функции вещи. Говоря о природе символа, Лосев констатировал тот факт, что «понятие символа ни в коем случае не может быть охвачено неподвижными понятиями формальной логики» [8, с. 8]. Таким образом, символы не могут быть статичны и единичны. У Горького они также динамичны и многозначны.

Лосев разделял символы на художественные и религиозные, неразрывно связанные с мифом. В повести «Мать» присутствуют оба вида символов. К художественным можно отнести фабрику, собаку, болото, березу, сон, курган, мяч и пр.; к религиозным – картину шествия Христа в Эммаус (Христос, идущий после воскресения в Эммаус для встречи с апостолами), Первомайскую демонстрацию (крестный ход), знамя и песни (хоругви и церковные песнопения), как отдельные фразы, так целые молитвы в речи героев и т.д. Галерея представленных Горьким образов (как одушевленных, так и неодушевленных) в повести «Мать» ярка и многозначна. Каждый из них символичен.

В первую очередь стоит сказать об образе матери. Это центральный персонаж, динамичный, живой и, пожалуй, единственный, чей процесс возрождения и духовного роста Горький показал развернуто и ярко. В образе матери становление гражданской позиции чудесным образом сочеталось с безграничной материнской любовью к сыну, его делу и его товарищам. Однако эта любовь не была слепой и эгоистичной, но активной, понимающей. Сам по себе образ матери в различных литературах и жанрах очень символичен и многозначен: «Питание и защита воплощены в архетипе Мать. Она дает жизненную энергию своим детям, друзьям и общине, созидательное начало, а также воплощает материнство, рождение, плодovitость, плодородие и быстрый рост в природе» [10, с. 53]. Отголоски подобного представления нашли выражение в христианской иконографии в образе Девы Марии. Горький создал образ матери-созидательницы, возможно, даже слишком идеальный и мало-реальный, в чем его упрекал В. Воровский в своей статье «Две матери» [1, с. 327–331].

Еще одним символом стал образ фабрики. В описании Горького она напоминает гигантское бездушное существо, методично пожирающее человеческие судьбы и жизни: «День проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно вычеркнул из жизни, человек сделал еще шаг к своей моги-

ле» [6, т. 8, с.7]. Фабрика стала символом каторжного труда миллионов рабочих в дореволюционной России. Описание «паука» Горького перекликается с «Молохом» Куприна, что подчеркивает типичность фабричной жизни в десятках тысяч таких же рабочих слободок по всей Руси.

Символично сравнение фабрики-паука и слободской церкви: «На земле, черной от копоти, огромным темно-красным пауком раскинулась фабрика, подняв высоко в небо свои трубы. К ней прижимались одноэтажные домики рабочих. Серые, приплюснутые, они толпились тесной кучкой на краю болота и жалобно смотрели друг на друга маленькими, тусклыми окнами. Над ними поднималась церковь, тоже темно-красная под цвет фабрики, колокольня ее была ниже фабричных труб» [6, т. 8, с. 173]. Обе постройки выложены из кирпича одного цвета, тем самым Горький подчеркнул сходство их воздействия на человека: фабрика-паук высасывает из человека силы, а церковь забирает его душу и волю. Символичен тот факт, что трубы фабрики выше колокольни, самой высокой части храма.

Неоднократно на страницах повести встречается описание болота, которое находилось вблизи фабрики. Горький использовал этот символ в прямом и переносном смысле. «За фабрикой, почти окружая ее гнилым кольцом, тянулось обширное болото, поросшее ельником и березой. <...> Болото принадлежало фабрике» [6, т. 8, с. 59]. Дом Власовых размещался «на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту» [6, т. 8, с. 15]. В начале повести это стало символом двух возможных путей развития жизни главных героев: продолжать жить жизнью слободы, и тогда наверняка к концу повести их дом съехал бы к болоту, или возвыситься над гнилой жизнью слободки, изменив привычный ход событий. Горький выбрал второй вариант, подарив своим героям право на лучшее будущее: «Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе» [6, т. 8, с. 15]. Далее Горький использовал понятие «болото» по отношению к жизни слободки и ее обитателям «– На болоте все гнилью пахнет! – вздохнув, молвил хохол» [6, т. 8, с. 41].

Встречается болото в изображении мрачного, вязкого и безрадостного прошлого Ниловны: «Она задумчиво бродила в своем прошлом, и оно казалось ей странно похожим на болото, однообразно усеянное кочками, поросшее тонкой, пугливо дрожавшей осиною, невысокою елью и заплутавшимися среди кочек белыми березами. Березы росли медленно и, простояв лет пять на зыбкой, гнилой почве, падали и гнили» [6, т. 8, с. 81–82]. В этой связи интересен и символ березы. В русской сказочной традиции он ассоциировался с юностью, чистотой и хрупкостью. В начале повести Горький сравнил Павла с березой, тем самым продемонстрировав чистоту и непорочность этого персона-

жа: « – Чего? – спросил отец, надвигаясь на высокую, тонкую фигуру сына, как тень на березу» [6, т. 8, с. 11].

Помимо указанных символов, Горький ввел в повесть образ собаки, чьим хозяином был отец Павла – Михаил Власов. В литературе и искусстве это животное символизирует одиночество, непонятность и отверженность. Горькой сознательно указал на сходство внешнего вида собаки и хозяина: «Была у него собака, такая же большая и мохнатая, как сам он» [6, т. 8, с. 11]. Писатель ввел в описание поведения Михаила Власова характерные для зверей повадки. Особенно очевидно это было в ранних редакциях, однако в последующих Горький сделал сходство менее выразительным:

Ранняя (несохранившаяся) редакция [1906, июнь, середина][Америка]

«... слесарь Михаил Власов [по прозвищу Волк], человек угрюмый, [чернобородый] [неуклюжий] [и весь] с маленькими [подозрительно] глазами, которые смотрели на всё из-под густых бровей подозрительно, с недоверчивой и острой усмешкой. [Весь обросший густыми черными] <...> Лицо его [обросшее густой], заросшее от глаз до шеи черной бородой, и волосатые толстые руки, покрытые шерстью, внушали всем страх. И особенно боялись его глаз [они смотрели] они сверлили лица людей, точно стальные буравчики, [и была в них беспощадная] и каждый, кто встречался с их взглядом, чувствовал перед собой зверя, дикую силу, [неспособную к жалости, их] не доступную страху, готовую [бить] драться без пощады.

<...> и сквозь густые волосы на его лице страшно сверкали звериные, крупные зубы» [4, т. 3, с. 13].

Не желая до конца отождествлять Власова-старшего со зверем, Горький все же не разорвал связующую нить между ним и псом. Став частью своего хозяина, собака безмолвно везде его сопровождает: «Она каждый день провожала его на фабрику и каждый вечер ждала у ворот», «Собака весь день ходила за ним, опустив большой, пышный хвост. Возвращаясь домой пьяный, он садился ужинать и кормил собаку из своей чашки. Он ее не бил, не ругал, но и не ласкал никогда» [6, т. 8, с. 11].

Пес стал единственным по-настоящему преданным ему существом, поэтому Горький показал их в паре. Из-за буйного и злобного нрава жители слободки не любили Михаила Власова и боялись, несмотря на то, что он был хорошим работником. Даже после смерти, провожая его взглядом в последний путь, никто не нашел доброго слова:

«– Чай, Пелагея-то рада-радешенька, что помер он...»

Некоторые поправляли:

– Не помер, а – издох...» [6, т. 8, с. 12].

Горький вывел этого персонажа, а вместе с ним и собаку, за рамки повествования уже в конце 2-й главы:

«Когда гроб зарыли, – люди ушли, а собака осталась и, сидя на свежей земле, долго молча нюхала могилу. Через несколько дней кто-то убил ее...» [6, т. 8, с. 12].

Символично употребление времен года на страницах повести «Мать». Вплетение описания времен года в сюжетную канву произведения «является общепризнанными символами рождения, роста, смерти и возрождения. <...> Весна может быть связана с возрождением, цветением, <...> Осень ассоциируется с анализом прожитой жизни, осознанием ошибок. <...> Зима символизирует смерть» [10, с. 189].

Сон Ниловны также символичен. Курган, над которым возвышается Павел, символизирует могилу. Павел стал над смертью, в данном случае духовной смертью, возродившись к новой жизни. Беременность самой Ниловны во сне можно трактовать как «естественное посвящение». То, что мать находится не рядом с сыном, а в отдалении от него, проходя мимо кургана, символизирует народную традицию, согласно которой «<...> будущую мать отделяют от общества – она перестает выполнять привычные для нее роли – и отправляют в священное место для рождения ребенка. Над ней совершают специальные обряды очищения внутреннего и внешнего» [10, с. 158]. Жизнь Ниловны действительно изменилась после того, как Павел всерьез увлекся идеями социализма. Она перестала жить привычной для слободчан жизнью. Знакомство с «запретной» литературой, общение с единомышленниками сына стали для матери своего рода обрядами очищения, внешнего и внутреннего, этапами духовного прозрения.

Рядом с курганом Ниловна увидела играющих в красный мяч детей. Детские игрушки и игры всегда символичны, поскольку «<...> служат моделью для архетипических отношений и взаимодействия. В игре каждому ребенку необходимы удача, умение и творчество» [10, с. 167]. Мяч ассоциируется с солнцем. Солнце – доминирующий символ творческой жизни в большинстве традиций, а также символ жизненной силы, страсти, отваги и вечной юности, знаний, интеллекта и истины» [10, с. 228, 238].

В тексте повести присутствует традиционный для русской литературы образ песни. Он всегда был глубоко символичен. Песня отражала жизнь и традиции, раскрывая душу народа. Ее пели захватывающе громко и задумчиво вполголоса, в зависимости от ситуации. В слободке также пели песни, пели их и соратники Павла. Но слова были разные, и исполняли их по-разному: «Молодежь <...> пела похабные, некрасивые песни» [6, т. 8, с. 8], «После ужина он (Михаил Власов. – Ю.Е.) <...> выл песню, широко открывая рот, <...> Заунывные, некрасивые звуки путались в его усах <...> Слова песни были какие-то непонятные, растянутые,

мелодия напоминала о зимнем вое волков» [6, т. 8, с. 11]; «Часто пели песни. Простые, всем известные песни пели громко и весело, но иногда запевали новые, как-то особенно складные, но невеселые и необычные по напевам. Их пели вполголоса, серьезно, точно церковное. <...> Особенно одна из новых песен тревожила и волновала женщину. <...> Резкие слова и суровый напев ее не нравились матери, но за словами и напевом было нечто большее, оно заглушало звук и слово своею силой и будило в сердце предчувствие чего-то необъятного для мысли. <...> Эту песню пели тише других, но она звучала сильнее всех и обнимала людей, как воздух мартовского дня – первого дня грядущей весны» [6, т. 8, с. 37, 38]. В данном контексте песня ассоциируется с рекой – символом обновления, стремительности, непостоянства, жизни.

Цвет также несет символическую нагрузку в повести. Всеми оттенками черного, коричневого и серого изображена жизнь и люди в слободке: «Из маленьких серых домов выбегали на улицу люди», «в конце улицы <...> стояла серая стена однообразных людей без лиц» [6, т. 8, с. 157], «отработанные, словно шлак, они шли по улицам с черными лицами» [6, т. 8, с. 7], «порою офицер <...> широко открывал свои большие, серые глаза» [6, т. 8, с. 47, 48], «болезненное утомление сказывалось в их позах и голосах, оно лежало на лицах у них, – болезненное утомление и надоедая, серая скука» [6, т. 8, с. 312, 313] и т.д. Серый цвет символизирует рутинность, безынициативность, посредственность, инертность. Желая показать безликость, равнодушие того или иного персонажа, автор задействует серый цвет. В описании болезненности и безжизненности мест и персонажей Горький использует желтый цвет и его оттенки.

Черный в сочетании с красным появляются у Горького в описании фабрики, слободской церкви и гроба. Черный цвет всегда ассоциировался со смертью, мрачностью, замкнутостью, коварством. Красный цвет имеет двойную трактовку: красный цвет мяча, которым играли дети во сне у Ниловны, символизирует «цвет крови и огня, поэтому в широком смысле он ассоциируется с жизнью и теплом. Связан с любовью и плодотворностью»; в то время как в описании фабрики и церкви он «ассоциируется с опасностью, гневом и агрессией, а также пороком и дьяволом» [10, с. 114].

В отличие от слободской церкви (могила бога), выложенной из красного кирпича, церковь во сне Ниловны белого цвета, что является символом чистоты и непорочности, именно таким видится матери храм новой веры и новой религии Павла и его соратников.

Глаза ее сына и неба, с которым она их сравнивает, голубого цвета. Голубой ассоциируется с надеждой.

Символичны также имена как главных, так второстепенных действующих лиц. Имя Пела-

гея (греч.) означает «морская». Вспомним святую мученицу Пелагею Тарсийскую, которая за веру Христову была сожжена в медном быке (III в.). Символично и отчество героини. Ниловна (от мужского имени Нил, по названию реки в Африке) «по натуре защитник и спаситель, широкая натура, вольный человек, щедрый в чувствах» [7, с. 569–570; с. 263–264]. Ниловна прошла в повести трудный путь духовного развития, нравственного воскрешения. Она – мать, верная помощница и единомышленница, готовая пожертвовать собой ради сына и его правды.

Павел в переводе с латыни означает «малыш»: «...рожденный Землею человек», который «оплодотворяет ее своим трудом и обогащает красотой воображения своего» [7, с. 273–274], также оно ассоциируется с именем апостола Павла: «Первое его имя было “Савл”, или “Саул”, – в честь царя Саула, <...> был одним из активных участников побиения камнями первомученика Стефана. Не довольствуясь убийством одного мученика, Савл решил возглавить общее гонение на христиан». Однако в его жизни произошел чудесный перелом, «который превратил Савла из яростного гонителя христиан в великого проповедника христианства – апостола Павла» [2, с. 191]. Горький не случайно выбрал это имя для своего героя: до серьезного увлечения революционной деятельностью, Павел пробовал жить той же жизнью, что и молодежь в слободке. Первым делом он купил себе гармонию, рубашку с накрахмаленной грудью, яркий галстук, галоши и трость – все это являлось неотъемлемым атрибутом жизни «как у всех». Не желая выбиваться из среды, Павел ходил на вечеринки, сопровождавшиеся обильным возлиянием, научился танцевать кадрили, возвращался домой поздно, сильно страдая от водки. Такой образ жизни мало чем отличался от фарисейской жизни Савла. Однако все резко изменилось после того, как юноша впервые попал в кружок социалистов. Их вера ослепила его (как некогда в пустыне ослепила Савла), и он стал первым в рядах проповедников новой религии социализма и счастливой жизни для всего человечества.

Образ Андрея Находки соотносится автором с апостолом Андреем Первозванным, одним из первых последователей Христа. Не случайно Андрей Находка в числе первых появился в доме Власовых. Это, пожалуй, единственный персонаж, который говорит с Ниловной о боге, вере и церкви. Андрей Первозванный входил в число троих наиболее приближенных к Христу учеников. Андрей Находка одним из первых стал единомышленником Павла и впоследствии остался жить в доме Власовых. Андрей всегда был вместе с Павлом, являясь его правой рукой. Можно сказать, что его образ тоже символичен.

Представитель крестьянства – Михаил Рыбин – олицетворяет у Горького простого русского

мужика, крестьянина, верящего не в ум, а в сердце: « – Разум силы не дает! <...> Сердце дает силу – а не голова, вот!» [6, т. 8, с. 57]: степенный, крепкий, неуклюжий, как медведь, рассуждающий немного наивно, но разумно, бесхитростный, его речь, избилующая присказками и поговорками, проста и понятна. Он напоминает медведя Михайло Ивановича из русских народных сказок. Поработав на фабрике, он решает вернуться в деревню, чтобы нести в массы крестьян правду о новой вере и поднимать на борьбу за нее: «Пойду один по селам, по деревням. Буду бунтовать народ. Надо, чтобы сам народ взялся. Если он поймет – он пути себе откроет. Вот я и буду стараться, чтобы понял, – нет у него надежды, кроме себя самого, нету разума, кроме своего. Так-то!» [6, т. 8, с. 94].

Имя каждого героя повести символично, однако интересен тот факт, что Горький не дал имен ни офицерам, ни судьям, ни шпионам, ни владельцу фабрики – эти персонажи безымянны. Исключения составляют предатель Исай и несколько солдат, чьи фамилии вскользь были названы автором. Почему Горький наделил символическими именами героев-социалистов, почему жители слободки названы автором по именам, а представители класса угнетателей остались безымянными? Возможно, это тоже было важно для замысла повести.

В завершении хочется привести слова А.Ф. Лосева: «“Мать” Горького, как и многие другие произведения того времени, полна разного рода символами, которые насыщены огромной общественной политической и социально-исторической силой» [8, с. 202].

Подводя итоги, можно говорить о смысловой многогранности повести, выявляя, помимо основного революционного, или общественно-политического – еще как минимум три пласта: философско-психологический, символично-мифологический и религиозно-богостроительский. Таким образом, энциклопедию «революционной борьбы» можно назвать «энциклопедией человеческой жизни».

Библиографический список

1. *Воровский В.* Из истории новейшего романа // Статьи о русской литературе / вступит. статья и сост. И. Черноуцана; примеч. Л. Птушкиной, О. Семеновского, И. Черноуцана. – М.: Худ. лит., 1986.
2. *Воскобойников В.М.* Иллюстрированная православная энциклопедия: Толкование символов и обрядов. Описание главнейших православных святынь. – М.: Эксмо, 2007. – 288 с.
3. *Горький М.* Материалы и исследования. Т. 3 / под ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 462 с.
4. *Горький М.* Полн. собр. соч. Варианты: В 10 т. – М.: Наука, 1974–1982.
5. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. – М.: Наука, 1997–2016.

6. *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. – М.: Наука, 1968–1976.

7. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь имен. – Н. Новгород: «Три богатыря» и «Братья славяне», 1997. – 656 с.

8. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.

9. *Масарик Т.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. III. Ч. 2–3. – СПб.: РХГИ, 2003.

10. *О’Коннелл М., Эйри Р.* Знаки и символы. Иллюстрированная энциклопедия / Марк О’ Коннелл, Раджи Эйри; [пер. И. Крупичевой]. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.

11. *Синявский А.Д.* Роман М. Горького «Мать» как ранний образец социалистического реализма // Избавление от миражей. Соцреализма сегодня. – М., 1990. – 87 с.

12. *Спиридонова Л.А.* М. Горький: Новый взгляд. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 264 с.

References

1. Vorovskij V. Iz istorii novejshego romana // Stat’i o russkoj literature (Vstupit. stat’ya i sost. I. Chernoucana; primech. L. Ptushkinoy, O. Semenovskogo, I. Chernoucana. – M.: Hud. lit., 1986.
2. Voskoboynikov V.M. Illyustrirovannaya pravoslavnaya ehnciklopediya: Tolkovanie simvolov i obryadov. Opisanie glavnejshih pravoslavnyh svyatyh’. – M.: EHksmo, 2007. – 288 s.
3. Gor’kij M. Materialy i issledovaniya. T. 3 / Pod red. S.D. Baluhatogo i V.A. Desnickogo. – M.; L.: Izdvo AN SSSR, 1941. – 462 s.
4. Gor’kij M. Poln. sobr. soch. Varianty: V 10 t. – M.: Nauka, 1974–1982.
5. Gor’kij M. Poln. sobr. soch. Pis’ma: V 24 t. – M.: Nauka, 1997–2016.
6. Gor’kij M. Poln. sobr. soch. Hudozhestvennye proizvedeniya: V 25 t. – M.: Nauka, 1968–1976.
7. Grushko E.A., Medvedev YU.M. Slovar’ imen. – N. Novgorod: «Tri bogatyrya» i «Brat’ya slavyane», 1997. – 656 s.
8. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. – M.: Iskusstvo, 1976. – 367 s.
9. Masarik T. Rossiya i Evropa: EHsse o duhovnyh techeniyah v Rossii. T. III. CH. 2-3. – SPb.: RHGI, 2003.
10. O’Konnell M., EHjri R. Znaki i simvoly. Illyustrirovannaya ehnciklopediya/ Mark O’ Konnell, Radzhi EHjri; [per. I. Krupichevoj]. – M.: EHksmo, 2008. – 256 s.
11. Sinyavskij A.D. Roman M.Gor’kogo «Mat’» kak rannij obrazec socialisticheskogo realizma // Izbavlenie ot mirazhej. Socrealizma segodnya. – M., 1990. – 87 s.
12. Spiridonova L.A. M. Gor’kij: Novyj vzglyad. – M.: IMLI RAN, 2004. – 264 s.

Каскина Юлия Узакбаевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
kaskina@inbox.ruСПОСОБНОСТЬ К ПРЕОБРАЖЕНИЮ
КАК ЧЕРТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
(по рассказу М. Горького «Ледоход» 1912 г.)

В статье рассказывается о положительных откликах первых читателей рассказа «Ледоход». Излагается трактовка и особенности его восприятия в более поздний период. В 60-ые годы прошлого века для исследователей наиболее важным являлся показ Горьким «выдающихся качеств русского человека из народа» (В.А. Келдыш), а также новый психологизм, характеризующийся обращенностью к противоречивости человеческой души (С.Г. Бочаров). Указывая на даровитость и мудрость простого человека в изображении Горького, А.Ф. Цирулев усматривает в «Ледоходе» «диалектику революционного мышления». М.М. Голубков описывает внезапные изменения характера главного героя близким нашему пониманию основной его черты словом «преобразился». Проанализировав один из главных в рассказе мотив колокольного звона, а также особенности развития образа Осипа, отметив, что оно происходит на музыкальном фоне звучащего колокола, связав это с хронотопом «Ледохода», мы пришли к выводу о том, что способность к преобразению есть черта русского национального характера, и что рассказ «Ледоход», соответствует канонам жанра пасхального рассказа.

Ключевые слова: рассказ «Ледоход», М. Горький, трактовка и восприятие, колокольный звон, русский характер, преобразование, пасхальный жанр.

Рассказ «Ледоход» впервые был напечатан в журнале «Вестник Европы» в 1912 году. Его действие относится к 1883–1884 годам, к периоду работы А. Пешкова в Нижнем Новгороде десятником у В.С. Сергеева. Простота, реалистичность, народность и художественность рассказа были отмечены уже в первых откликах на него. Критики радостно приветствовали новое подтверждение «живого неоскудевающего таланта» [4, с. 592] Горького. «Ледоходом» восхищался М. Пришвин [8, с. 324], И. Сургучев [9, с. 253]. О нем положительно отзывались литературные критики. Одни ценили в незамысловатом повествовании писательское мастерство Горького и яркие образы – «это – жизнь, а не творимая легенда. Все фигуры плотников – художественно колоритны, не тени, а живые люди» [2]. Другие пленялись необъяснимым, что порой «важнее, дороже фабулы, занимательности и определенной мысли» [7].

Можно сказать, этот рассказ всегда привлекал пристальное внимание литературоведов. Было многократно отмечено и детально проанализировано его созвучие с рассказом Короленко «Река играет» (1891 г.). В.А. Келдыш убедительно показал, что «Горький раскрыл выдающиеся качества русского человека из народа: активное отношение к жизни, недюжинный, “талантливый” ум» [6, с. 135]. Но в конечном итоге делал вывод о неизбежном приходе таких противоречивых и сильных натур, как Осип, в революцию.

Обратившись к психологическому раскрытию характера в русской классической литературе и в творчестве Горького, С.Г. Бочаров именно на примере рассказа «Ледоход» обнаружил принцип «полярности» в характеристике героев. Он писал: «Духовно богатым, цельным характерам присущи в изображении Горького контрастность и неожидан-

ность обнаружения различных своих сторон и качеств» [1, с. 175]. «Ликующим аккордом» [1, с. 189] он называет слова Осипа о том, что «душа человека крылата», отмечает дальнейшую автономность существования этого возвышающего душевного состояния. Суть нового психологизма в литературе начала XX века он видит в том, что «границы характера раздвинулись, диапазон его проявлений несказанно расширился», и считает открытия Толстого и Горького «настоящей революцией в художественном понимании человека» [1, с. 210].

То, что «Ледоход» и в настоящее время любим читателями, входит в обязательную программу при поступлении в ВУЗы, не оставлен вниманием критиков, так как часто привлекается в качестве примера при изложении своих концепций участниками горьковских конференций, лишней раз подтверждает его принадлежность к большой классической литературе. Современный исследователь А.Ф. Цирулев, например, традиционно отметив противоречивость характера Осипа, заключает: «Простой человек в изображении автора “По Руси” не только безмерно талантлив, но и *мудр*, и политически вполне прозорлив и чуток» [10, с. 56].

М.М. Голубков описывает будто бы внезапные и необъяснимые изменения характера героя, оперируя категориями, одна из которых, составляет, на наш взгляд, русскую национальную черту, верно подмеченную и художественно убедительно показанную Горьким: «Повествователя поражает мгновенное изменение характера героя, который способен из ленивого, хитрого и бестолкового балагура *преобразиться* в “воеводу – человека, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вел их за собой”» (курсив мой – Ю.К.) [3, с. 35].

В рассказе четко определено время действия – это Страстная пятница и обозначено место – на

реке в ледоход, то есть в момент начавшегося освобождения ее от ледяных оков. Сквозь всю ткань повествования проходит колокольный звон. Заметно, что этот мотив развивается крещендо – от тихого и печального к радостному и торжественному. Всего колокольный звон «звучит» в рассказе семь раз и каждый раз по-разному.

«Работали плотники – а в городе *печально и призывно пела медь колоколов*. Головы рабочих поднимались вверх. Глаза задумчиво тонули в сероватой мгле, обнявшей город, и часто топор, занесенный для удара, нерешительно, на секунду останавливался в воздухе, точно боясь разрубить *ласковый звон*» [4, с. 154]. Так – печально, призывно и ласково звучит колокол в самом начале истории.

Образ главного героя Осипа раскрывается постепенно и на протяжении рассказа существенно меняется. На первой же странице после описания реки довольно неожиданно с многоточием вначале дается его портретная характеристика – сначала внешняя. «Староста Осип, чистенький и складный мужичок, с правильной серебряной бородкой, аккуратно завитой в мелкие кольца на розовых щеках и гибкой шее, всегда и всюду заметный...» [4, с. 154]. Чуть ниже – внутренняя: «Сам он – первейший лентяй артели. Превосходно знает свое дело, умеет работать ловко, споро, со вкусом и увлечением, но – не любит утруждать себя и постоянно рассказывает волшебные истории» [4, с. 155]. И как бы подытоживающая: «Вообще он человек “артельный”, но старики его не любят, считают шутком, бездельником и относятся к нему неуважительно, да и молодежь, любя слушать его болтовню, смотрит на него несерьезно, с недоверием, плохо скрытым и часто злым» [4, с. 158]. Рассказчик – пятнадцатилетний А. Пешков признается: «Я не знаю, не могу понять, какова душа благообразного Осипа, – неуловима она умом» [4, с. 162].

Размышления молодого А. Пешкова о «человечьей душе», о познании жизни, вообще о людях имеют тот же звуковой фон: «Об этих делах я думаю, глядя на реку, где город, прилепившийся на горе, *поет колоколами всех колоколен*, поднятых в небо, как белые трубы любимого мною органа в польском костеле» [4, с. 162]. Здесь, может быть, произвольно прорывается присущее ему имманентно западничество Горького – «любимого мною органа в польском костеле».

Работа плотников, занятых починкой ледореза, идет бодро и слажено. Для ее описания используются «энергичные» глаголы со звуковой семантикой. «У нас шаркают рубанки, свистит пила, стучат топоры, загоняя железные скобы в желтое, гладко выструганное дерево, – и во все звуки втекает *колокольный звон, смягченный расстоянием, волнующий душу*. Кажется, что серый день всю свою работу *служит акафист весне*, призы-

вая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую...» [4, с. 163]. Колокольный звон, как видим, уже не просто поет и призывает, он волнует душу, настраивает ее на пробуждение и церковную службу – «день... своюю работою служит акафист весне». Однако сам автор, верный себе в писательской «честности», констатирует чуть ниже: «Работают торопливо, горячо, но плохо, кое-как; всех тянет в город, в баню и в церковь...» [4, с. 163].

Оставалось сделать совсем немного, как вдруг неожиданно лед тронулся, река пошла. Все в испуге выскочили на берег. Приуныли. Но река встала, «ненадолго» – тут же верно определил Осип и задумался. Описание реки настолько виртуозно, что не нуждается в комментариях – здесь и «пугающая тишина», и «напряженное ожидание», и «зловещий шорох», «бездонная глубина», рассыпанные по страницам рассказа.

И тут начинается душевное пробуждение главного героя. «Осип, точно вдруг проснувшись, встал на ноги, снял шапку и, перекрестясь на город, сказал очень просто, спокойно и властно:

– Ну-козь, ребята, айда с Богом...» [4, с. 166].

Семеро человек во главе со старостой решаются на рискованное дело – перейти по непрочному, ненадолго остановившемуся льду на другой берег, в город. В облике старика происходит видимая внешняя перемена. «Осип словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла – он шагал твердо, уверенно» [4, с. 167]. Он приказал взять каждому по доске, веревку, ватерпас, снять шапки и помолиться. Выстроил всех и повел. Теперь он – «маленький», «аккуратный» с бодрым голосом, ловкий и осторожный.

В какой-то момент, предвзяв кульминацию рассказа, образ Осипа и мотив колокольного звона как бы сливаются, становятся нераздельны. «Осип заткнул полы полушубка за пояс, его ноги, в серых штанах солдатского сукна, шагают легко и гибко, точно пружины. Идет он так, как будто перед ним все время вертится кто-то, видимый только ему, и мешает идти прямо, кратчайшим путем, а Осип борется с ним, стараясь обойти его, ускользнуть, подается вправо и влево, иногда круто поворачивает назад и так все время танцует, описывая по льду петли и полукружия. Голос его звучит немолчно, певуче, и очень приятно слышать, как хорошо *сливается он со звоном колоколов...*» [4, с. 169].

Еще раз подчеркивается внешняя перемена Осипа: «Лицо странно помолодело, все знакомое стерлось с него, голубые глаза стали серыми, он словно вырос на пол-аршина. Прямой, как новый гвоздь, плотно сжав ноги, вытягиваясь вверх, он кричал, широко открыв рот:

– Не крутись, не сбивайся кучей – башки поразобью!» [4, с. 170].

Когда движение по ожившему льду становится монотонным, тоска от предчувствия неминуемой скорой гибели сжимает сердце и исчезает всякая надежда, снова звучит колокол и в нем на этот раз слышна вера в Воскресение: «*Грустно вздыхает гулкая медь колоколов, но – я помню, что через сутки, в ночь, они грянут весело, возвещая воскресение.*

Дожить бы до этого звона!..» [4, с. 170].

Именно здесь мы видим кульминацию рассказа – происходит преобразование главного героя Осипа. Начавшееся ранее внешнее изменение его облика достигает апогея: «Семь темных фигур качались в глазах, подпрыгивая на льду; они размахивали досками, точно гребли в воздухе, а впереди их выюном вертится старичок, похожий на Николая Чудотворца, и немолчно звенит его властный голос:

– Не звай!..» [4, с. 170].

Осип так умело вел людей – он «словно заранее сосчитал трещины во льду», «он играл с рекою», «казалось даже, что это он управляет ходом льда»; так заботливо и любовно подбадривал идущих: «– Не падай духом, божьи детки, э-эй!», что его новое преобразенное состояние с удивлением заметили все – в общем-то не склонные к возвышенным чувствам и рефлексии простые люди: «– Ай да дядя Осип! – тихо восторгался мордвин. – Ну – человек!.. Это действительно – человек...» [4, с. 172].

И вот трудный переход завершен. Происходит обратное превращение. Осип упал, подвернул ногу. Видимо, от боли «лицо у него было синее и дрожало», глаза погасли, рот странно открылся» [4, с. 173]. Как постепенно и быстро происходило видимое преобразование Осипа, так же быстро и последовательно идет снижение его образа. «Стал он маленький, сморщился и словно тает, лежа на земле, становясь все меньше» [4, с. 174].

Он снова становится плутоватым, хитроватым, крикливым обычным дядей Осипом. «Мне казалось, что Осип искренно поражен ненужностью и безумием сделанного им, – скользкий, точно облизанный, напоминая новорожденного теленка, он сидел на земле, покачивая головою, шаря руками по песку вокруг себя, и не своим голосом все бормотал покаянные слова, ни на кого не глядя. Я смотрел на него, думая – где же тот воевода-человек, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вел их за собою?» [4, с. 175]. Разочарование и сожаление слышатся в этом признании рассказчика. Соответственно настроению – «в душу наливалась неприятная пустота» [4, с. 175] – меняется восприятие окружающей действительности. Даже описание природы дается теперь темными красками: «потемневшее небо», «черная щетина деревьев», «река потемнела», «грязь расходилась темным дымом по мутно-синей воде» [4, с. 176].

И вновь звучит колокол. Теперь напряжение спадает, уменьшается громкость звучания, но увеличивается эмоциональная наполненность звука.

«Из города плыл *приглушенный расстоянием сладко-звучно-грустный колокольный звон*» [4, с. 176].

Заканчивается рассказ на том же звуковом фоне. «Гудят, поют колокола, и радостно думается: “Еще сколько раз я встречу весну!..”» [4, с. 178].

Характерна вопросительно-восклицательная концовка рассказа:

«Осип говорит, вздыхая:

– А душа человечья – крылата, – во сне она летает...

Крылата? Чудесно!..» [4, с. 178].

Художественный анализ рассказа Горького «Ледоход» позволил выявить два ключевых момента для его более глубокого понимания. Это – мотив колокольного звона и образ Осипа.

Мотив колокольного звона является сквозным. На протяжении повествования он меняется, развиваясь крещендо – от тихого и печального до радостного и торжествующего. Колокольный звон в зависимости от ситуации передает разные чувства – тоски, опасности, надежды, веры в Воскресение.

Этот мотив тесно связан с образом главного героя. Наиболее торжественно и многообещающе он звучит во время кульминации рассказа, когда Осип становится «похожим на Николая Чудотворца». При этом мотив колокольного звона и образ главного героя сливаются воедино.

В лице Осипа обнаруживается способность русского человека под действием обстоятельств в минуту опасности вырастать в полную меру своих душевных сил и физических возможностей. На наших глазах Осип из плута и лентяя в критический момент преобразается в человека-воеводу, похожего на Николая чудотворца. В нем вдруг просыпаются ум, деловитость, любовь к людям, уверенность.

Внутренние перемены Осипа мастерски изображены Горьким с помощью меняющихся портретных характеристик героя. Дело сделано, и Осип снова будто бы погас, сморщился, уменьшился, стал прежним плутишкой. Думается, не случайна концовка рассказа – «а душа человечья – крылата» (в устах Осипа) и восклицательное – «Чудесно!» (самого Горького). Это звучит обнадеживающим утверждением в неслучайности происшедшего. Душа – крылата, и потому может порой и возноситься, и преобразаться, пусть потом и возвращаясь на круги своя.

Так, писатель уловил и сумел изобразить в небольшом рассказе одну из особенностей русского национального характера – способность к преобразению. Сюжет, мотивы и проблематика, время действия именно этого рассказа Горького соответствуют ныне хорошо разработанным критериям жанра пасхального рассказа [5].

В.Н. Захаров, один из первых обратившийся к пасхальному рассказу, в качестве примера «полевической интерпретации» жанра приводит рассказ

Горького «На плотах» (1895) о снохачестве. Рассказ имеет подзаголовок – «Пасхальный рассказ». Он действительно был написан Горьким для пасхального номера «Самарской газеты» по поручению редакции вместо отказавшегося из-за сильной занятости В.Г. Короленко. Исследователь справедливо называет «На плотах» «антипасхальным рассказом» [5, с. 259] с нищенскими идеями, указывает, что рассказ с самого начала был осужден многими критиками. Однако его сильный вывод о горьковском «конфликте с вековыми традициями русской литературы» [5, с. 259] представляется нам неверным, упрощающим художественный мир и творчество большого писателя.

Написанный в 1912 г., включенный в цикл «По Руси», один из лучших и высоко оцененных как современниками, так и потомками, и сегодня привлекающий внимание читателей и исследователей рассказ М. Горького «Ледоход» достойно продолжает традиции русской литературы. И является по-настоящему пасхальным.

Библиографический список

1. Бочаров С.Г. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького // Социалистический реализм и классическое наследие. (Проблема характера). – М.: Госиздат, 1960. – С. 89–210.
2. Голиков В. [Рецензия] // Вестник знания. – 1913. – № 1. – С. 128–129.
3. Голубков М.М. Максим Горький // Русская литература XIX–XX веков: учеб. пособие. – М.: МГУ, 2012. – Т. 2. – С. 3–37.
4. Горький М. Полн. собр. соч. в 25-ти томах. Т. 14. – М.: Наука, 1972. – 631 с.
5. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994. – Вып. 1. – С. 249–261.
6. Келдыш В.А. Идеино-художественная проблематика сборника «По Руси» // Горьковские чтения. 1953–1957. – М.: АН СССР, 1959. – С. 113–169.
7. Любош С. Журнальные заметки // Современное слово. – 1912. – № 1770. – 9 декабря.
8. Письмо Пришвина от 4 (17) июня 1915 г. // Горький и советские писатели. «Литературное на-

следство». Т. 70. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 324.

9. Письмо Сургучева от 13 (26) декабря 1912 г. // Горький и его корреспонденты. Сер. «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 253.

10. Цирулев А.Ф. Диалектика революционного мышления в рассказе М. Горького «Ледоход» // Горьковские чтения, 1990. Ч. 1. М. Горький и революция. – Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. – С. 50–56.

References

1. Bocharov S.G. Psihologicheskoe raskrytie haraktera v russkoj klassicheskoj literature i tvorchestvo Gor'kogo // Socialisticheskij realizm i klassicheskoe nasledie. (Problema haraktera). – М.: Gosizdat, 1960. – S. 89–210.
2. Golikov V. [Recenziya] // Vestnik znaniya. – 1913. – № 1. – S. 128–129.
3. Golubkov M.M. Maksim Gor'kij // Russkaya literatura XIX–XX vekov: ucheb. posobie. – М.: MGU, 2012. – T. 2. – S. 3–37.
4. Gor'kij M. Poln. sobr. soch. v 25-ti tomah. T. 14. – М., Nauka, 1972. – 631 s.
5. Zaharov V.N. Paskhal'nyj rasskaz kak zhanr russkoj literatury // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov. – Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1994. – Vyp. 1. – S. 249–261.
6. Keldysh V.A. Idejno-hudozhestvennaya problematika sbornika «Po Rusi» // Gor'kovskie chteniya. 1953–1957. – М., АН СССР, 1959. – S. 113–169.
7. Lyubosh S. ZHurnal'nye zametki // Sovremennoe slovo. – 1912. – № 1770. – 9 dekabrya.
8. Pis'mo Prishvina ot 4 (17) iyunya 1915 g. // Gor'kij i sovetskie pisateli. «Literaturnoe nasledstvo». T. 70. – М.: Izd-vo АН СССР, 1963. – S. 324.
9. Pis'mo Surgucheva ot 13 (26) dekabrya 1912 g. // Gor'kij i ego korrespondenty. Ser. «M. Gor'kij. Materialy i issledovaniya». Vyp. 7. – М.: IMLI RAN, 2005. – S. 253.
10. Cirulev A.F. Dialektika revolyucionnogo myshleniya v rasskaze M. Gor'kogo «Ledohod» // Gor'kovskie chteniya, 1990. CH. 1. M. Gor'kij i revolyuciya. – N. Novgorod: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1991. – S. 50–56.

Плотникова Анастасия Геннадьевна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
filologinya@gmail.com

«КИНЕМАТОГРАФ БУДУЩЕГО» – НЕОСУЩЕСТВЛЁННЫЙ ПРОЕКТ М. ГОРЬКОГО

В данной статье на материале писем М. Горького, М.Ф. Андреевой, П.Г. Тимана, А.А. Курсинского, а также с привлечением архивных документов и малоизвестных материалов дореволюционной прессы раскрывается история одного из неосуществлённых проектов М. Горького – собственной киностудии, ориентированной на выпуск кинолент образовательного и идейно-художественного содержания. Просветительскую функцию кинематографа Горький считал важнейшей, и с 1913 до 1917 года Горький пытался создать собственное кинематографическое предприятие – «кинематограф будущего» – при поддержке М.Ф. Андреевой, А.Н. Тихонова, С.Г. Лианозова, Ф.И. Шаляпина и др. Основной идеей было производство качественных художественных и научно-популярных фильмов. Контакты Горького и Андреевой с фирмами П. Тимана и Прокудина-Горского приближали проект к реализации. Первая мировая война заставила надолго отложить планы о создании нового кинематографа.

Ключевые слова: М. Горький, М.Ф. Андреева, кинематограф, просвещение, киностудия, П. Тиман, фильмы, неосуществлённый проект.

М. Горький в своих статьях, посвященных Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, очертил два пути развития кинематографа. Первый – путь социально важного явления, имеющего просветительское значение: «Я не представляю научного значения изобретения Люмьера, но оно, несомненно, есть, и его наверно возможно применить к общей задаче науки, к усовершенствованию жизни человека, к развитию его ума» [11]. Второй – путь развлекательного средства, которое обращается к самым низменным желаниям человека.

Просветительскую функцию кинематографа Горький считал важнейшей, и с 1913 до 1917 года Горький пытался создать собственное кинематографическое предприятие. Главным энтузиастом этого дела была М.Ф. Андреева, которая по приезде из Италии вернулась к артистической деятельности. Основной идеей было производство качественных художественных и научно-популярных фильмов. Как заявлял Горький в октябре 1915 г. в интервью сотруднику газеты «Театр»: «Кинематограф меня занимает давно. Я одобряю кинематограф будущего, который безусловно займёт исключительное место в нашей жизни. Он явится распространителем широких знаний и популяризатором художественных произведений. И когда кинематограф проникнет в демократическую среду, считаясь с требованиями и вкусами народа, тогда он станет сеять “разумное, доброе, вечное” там, где это будет необходимо, то его роль будет чрезвычайно высока» [7]. Горький пытался создать этот «кинематограф будущего».

Дело продвигалось трудно и медленно. Из переписки Горького и Андреевой восстанавливается история этого предприятия. Начало замысла относится к лету 1913 года, когда Горький обратился к Н.А. Румянцеву, администратору и члену правления МХТ и идеей об устройстве киностудии. Ответное письмо его не сохранилось, но очевидно, Румянцев с энтузиазмом отреагировал на идею Горького, поскольку 16 августа 1913 года писатель

высказывал ему свои опасения: «О кинематографе. Меня несколько смущает необходимость торопиться, – ведь у нас ничего ещё нет! А тут – договор, 40 т., подвал на 12 лет, Камергерский переулок и всякие страхи. Почему переулок оный – наилучшее место и для какой публики оно особенно удобно? Сего не понимаю. Но – Вам лучше знать. Мне казалось бы, что меня не следует вдвигать сразу же в деловые переговоры, а нужно только опираться на меня как на литературную силу, которая обязуется посвятить себя данному делу, – хотя, опять-таки, Вам виднее, что лучше. Не поговорить ли Вам с Лианозовым и Сытинным сейчас же, пощупать почву, насколько она удобна? Попробуйте!» [9, т. 11, с. 35]. К сентябрю 1913 года появился предварительный проект. 26 сентября 1913 года Андреева послала его Горькому и сообщила о намеченном составе Совета общества: «Отдел художественно-литературный: М. Горький, И.П. Ладыжников, А.Н. Тихонов. Отдел сценический: М.Ф. Андреева, К.А. Марджанов, А.А. Санин. Отдел технический: В.М. Каменский, Ю.А. Желябужский, В.А. Крит. Отдел хозяйственный: Румянцев и кого он пригласит» [12, с. 496]. Впоследствии к этому начинанию были привлечены Ф.И. Шаляпин, С.Г. Лианозов, Л.Б. Красин, И.Д. Сытин и другие. Ю.А. Желябужский иронически замечал в своих воспоминаниях: «По правде говоря, единственное, чего не было – не было ни одного человека, знакомого с тем, как это делается» [6].

Осенью 1913 года ситуация менялась практически ежедневно. 28 сентября Андреева сообщила Горькому: «Сейчас мы ищем денег, нужно тысяч 20 предварительно, чтобы заплатить нотариусу за наш договор, за общий договор со всеми вкладчиками и чтобы внести первый взнос Лианозову. Эти двадцать тысяч рублей мы тотчас же вернём из тех 90 тысяч рублей, которые нам даёт “Биохром”, общество с капиталом в 2 миллиона рублей, купившее цветные ленты Подгурского (русского инженера) <...> Дело, как видишь, затеяно большое.

Если оно удастся, целая периферия окраинных синематографов, да не только в Москве, а во многих местах, обеспечена <...> Рассчитано все так, чтобы, щедро оплачивая труд работающих в деле, никто не брал себе наживы, но отдавал её на расширение и поддержание основной идеи» [12, с. 215]. С.Г. Лианозов, владелец здания МХТ, предполагал построить фабрику во дворе театра. Общество «Биохром» было открыто в 1912 году и предлагало услуги по цветной и черно-белой фотографии. Её основателем был С.М. Прокудин-Горский (Андреева ошиблась в имени), химик, ученик Д.И. Менделеева, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель. Позже в фирме появилось отделение кинематографа, о котором писал журнал «Сине-фоно»: «Петроград. На днях открыло свои функции <...> акционерное общество “Биохром”, известное в коммерческих, промышленных и литературных кругах многочисленными предприятиями, функционирующими под разными фирмами. Поручкой солидному ведению дела служат имена главных акционеров Общества: нефтяные короли Манташев, Лианозов, князь Челокаев, Белозерский и другие <...> Летом решено построить на юге России большой павильон для производства собственных съёмок» [13]. Богатая фирма, видимо, хотела расширить свою деятельность, и начинание Горького и Андреевой пришлось весьма кстати.

30 сентября 1913 года Андреева снова писала Горькому: «Мечусь в поисках денег...» [12, с. 218]. В ноябре 1913 года ему сообщил А.Н. Тихонов: «Был я в Москве. Совместно с М<арией> Ф<ёдоровной> устроили мы там заседание директоров будущего кинематографа, на котором выработали основы будущего устава, – теперь он, вероятно, уже подписан учредителями, т. е. Румянцевым, Леонидом Борис<овичем> (Красиным) и М.Ф. <...> Виделся я по этому делу с Фёдором Ивановичем (Шаляпиным. – А.П.), который отнёсся к нему восторженно и обещал всяческое содействие <...> Мою роль определили как одного из заведующих репертуаром. Хорошая роль!» [5].

К зиме 1913 года проект всё ещё не был оформлен, 4 декабря 1913 года М.Ф. Андреева писала И.П. Ладыжникову: «Относительно синематографического дела обстоит так: есть договор с Лианозовым, ещё не подписанный, но обещанный; есть обещание Шаляпина играть исключительно для этого синематографа; есть тысяча 25–30 денег, данных двумя-тремя человеками; есть сочувствие Алексея Максимовича, но даже без права упоминать его имя; и есть обещание Л.Б. Красина принять деятельное участие в постановке техники» [12, с. 267]. Л.Б. Красин был привлечён не только как старинный друг и партийный товарищ, но как инженер, знакомый с кинотехникой. На электротехническом съезде в декабре 1912 года он представлял доклад «Применение синематографа для запечатления

электрических процессов в производстве» и иллюстрировал его кинематографической лентой. Далее Андреева объясняла, почему имя Горького не упоминается в проекте: «А. М. устранила я вначале, чтобы не трепать его имя. Брать нам деньги на театр ли, на синематограф ли с Алексея Максимовича – недопустимо! Слишком дорого они стоят, и рисковать ими – грех, да на это никто порядочный и не согласится» [12, с. 267–268].

Надо сказать, что сам Горький не был уверен, что идея «кинематографа будущего» осуществима. Все хлопоты в течение шести месяцев не давали результата, и в январе 1914 года он писал Андреевой: «Позволь мне ещё раз сказать, что, по моему мнению, ты должна бросить эту затею – на время, пока не упрочится твоё положение в театре, т. е. на сцене. Я уверен, что сейчас из этой суеты ничего не выйдет, кроме излишнего утомления, раздражения, разочарования» [9, т. 11, с. 71].

В начале 1914 года появилась некоторая надежда на контакты, возникшие со знаменитой кинематографической фирмой «Тиман и Рейнгардт». Пауль Тиман, немецкий подданный, служил директором одного из отделов фирмы «Gaumont» в Москве. «Его вкладом в основание собственной фирмы прежде всего был кинематографический опыт. А крупный капитал в неё вложил владелец табачных фабрик в Москве немец Фридрих Рейнгардт» [10, с. 12]. Тиман пытался, хотя и не всегда успешно, привлечь к кинематографу элиту русского театра: К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, актёров М. Германову, А. Бестужева, Е. Роцину-Инсарову. В 1915 году здесь как кинорежиссёр дебютировал В.Э. Мейерхольд, поставивший «Портрет Дориана Грея» по О. Уайльду. У Тимана начинали свой творческий путь Я.А. Протазанов и В.Р. Гардин. Фирма «Тиман и Рейнгардт» считалась немецким предприятием, и расцвет её был обусловлен, в том числе, и тем, что весной 1913 года состоялось подписание совместной российско-немецкой литературной конвенции, «положения которой гарантировали взаимную защиту авторских прав на драматические (в том числе кинематографические) произведения» [14, с. 29].

В начале февраля 1914 года Андреева и Горький встречались с Александром Антоновичем Курсинским, представлявшим интересы фирмы «Тиман и Рейнгардт». Курсинский, поэт, переводчик и журналист, друг В.Я. Брюсова, З.Н. Гиппиус, А.А. Блока, в начале 1910-х годов увлёкся кинематографом, писал сценарии и сотрудничал с различными киноорганизациями. Будучи хорошо знакомым с литературным обществом Москвы и Петербурга, он стал своеобразным посредником между ним и кино. Во время встречи Горький и Андреева рассказали Курсинскому об идее просветительского кинематографа. А.А. Курсинский ответил на следующий день, 7 февраля 1914 года:

«Глубокоуважаемые Мария Фёдоровна и Алексей Максимович!

Содержание нашей вчерашней беседы вчера же было мною передано г. Тиман. Я сообщил ему Ваши взгляды на задачи кинематографии и желательное её направление, которыми Вы поделились со мной, и о вашем идейном активном сочувствии к тому формирующемуся уже коллективу лиц, которые намерены уделить свои силы и средства, чтобы создать и двинуть дело серьёзного художественного кинематографа.

В значительной степени сообщение моё не оказалось новым для моего патрона. Он достаточно осведомлён о намерениях петербургских инициаторов дела и даже назвал мне имена, которые Вам было неудобно упоминать. Взгляд на предприятие у г. Тиман весьма определённый. Дело это, как чисто художественное, идейное дело, прежде всего потребует значительных материальных жертв, потребует меценатства. Если жертвы эти не окажутся достаточно крупными, чтобы в течение нескольких лет вести борьбу со вкусами миллионов кинематографических посетителей, дело будет одинаково проиграно, как в финансовом отношении, так и с идейной стороны. Только исключительно прочный финансовый фундамент в связи с интеллектуальной работой талантливых руководителей и работников дела может рано или поздно обеспечить торжество этого культурного предприятия.

И если такая прочная постановка дела практически оказалась бы осуществимой, то нет сомнения, что г. Тиман был бы готов внести в общее дело и свою долю опытности, знаний и материальных средств.

Если Алексей Максимович пожелал бы теперь же или по выяснении некоторых перспектив обменяться более подробно мнениями по этому вопросу с г. Тиман, последний не преминул бы посетить Алексея Максимовича по первому его извещению.

Переходя к вопросу моей личной компетенции – об опытной постановке ваших миниатюр (“Хан”, “Марко”, “Зобар и Радда”), – вопросу, оставшемуся временно открытым, в силу соображений, неизвестных мне во время беседы, вынужден просить Вас, Алексей Максимович, если только это окажется возможным, выяснить его до поста. Дело в том, что, хотя постановка этих вещей может быть выполнена только летом, режиссура должна во время поста озаботиться приглашением артистов, находящихся в прямой зависимости от репертуара, так как зимняя система экстренных приглашений гг. артистов в мёртвый сезон принимать быть не может.

С совершенным уважением, А. Курсинский» [2].

Очевидно, даже Тиману, ратовавшему за повышение культурного уровня кинематографа, было ясно, что для того момента идея Горького слишком утопическая. Тем не менее П. Тиман был заинтере-

ресован в постановке отдельных произведений Горького и через несколько дней отправил ему телеграмму: «Ввиду сообщения газеты о Вашем скором отъезде, напоминаем о возникших переговорах, просим ответить на последнее письмо Курсинского относительно Чудры, Хана и Цыгана Марко» [4]. Горький ответил телеграммой, где просил уточнить конкретные условия, предлагаемые кинофирмой. 26 февраля Тиман сообщил: «Мы находим наиболее справедливым поставить эти условия в непосредственную зависимость от степени распространённости ленты предполагаемых инсценировок и предложить вам определённые отчисления с каждого проданного в России метра позитива. Нам представляется возможным определить величину этого отчисления в размере трёх копеек. Приблизительная длина ленты (с тремя пьесами) – 2400 метров. Получается 72 рубля с каждой проданной ленты. Какое количество их будет продано, определить, конечно, трудно, но 15–20 лент могли бы быть нами гарантированы» [3]. Вероятно, условия эти не удовлетворили Горького, переговоры он не продолжил.

Первая мировая война заставила надолго отложить планы о создании нового кинематографа. Как немецкий подданный, П.Г. Тиман 1915 году был выслан в Уфу, а перед этим, осенью 1914 года, контора его фирмы была разрушена во время немецкого погрома [8, с. 161]. Военные действия и экономические проблемы стали причиной острого дефицита киноплёнки, что создало кризис во всей отрасли.

Тем не менее, в конце 1916 – начале 1917 года в прессе время от времени появлялась информация о кинематографических начинаниях Горького. Издание «Раннее утро» 10 декабря 1916 года сообщало: «Нам передают, что Максим Горький организует кинематографическое издательское дело, в которое привлечены видные представители артистического и литературного мира. В некоторых постановках будет участвовать Ф.И. Шаляпин. Павильон для съёмок кино-пьес предполагается построить или в Москве или в Крыму» [1]. Однако Горького увлекли революционные события, и в середине лета 1917 года он писал Е.К. Малиновской: «О синематографе – ничего не придумал, да и некогда думать о нем. До иллюзионов ли в наши сугубо реальные дни?» [9, т. 12, с. 161].

Библиографический список

1. [Б.п.] Мир экрана // Раннее утро. – 1916. – 10 дек.
2. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КГ-ди-5-31-1.
3. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КГ-инГ-4-59-1.
4. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КГ-инГ-4-60-1.

5. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КГ-п-76-1-9.

6. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – МоГ-4-17-2.

7. Анкета «Люди искусств о кинематографе» // Театр (Петроград). – 1915. – № 1755. – 24 окт.

8. Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. – М., 1963. – 406 с.

9. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 1997–2016.

10. Гращенко И.Н. Кино Серебряного века и проблемы культурно-национального самоопределения кинематографа: автореф. дисс. ... д-ра искусств. – М., 2007. – 26 с.

11. М. Pacatus. Беглые заметки // «Нижегородский листок». – 1896. – № 182. – 4 июля.

12. Переписка, воспоминания, статьи, документы, воспоминания о М. Ф. Андреевой. – М.: Искусство, 1968. – 797 с.

13. Хейхфиц И.Е. [Б.н.] // Сине-фоно. – 1914. – № 4-5. – 13 дек. – С. 38.

14. Янгиров Р. Другое кино. – М., 2011. – 416 с.

References

1. [В.р.] Mir ehkrana // Rannee utro. – 1916. – 10 dek.

2. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. –

KG-di-5-31-1.

3. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – KG-inG-4-59-1.

4. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – KG-inG-4-60-1.

5. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – KG-p-76-1-9.

6. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – MoG-4-17-2.

7. Anketa «Lyudi iskusstv o kinematografe» // Teatr (Petrograd). – 1915. – № 1755. – 24 okt.

8. Ginzburg S. Kinematografiya dorevolyucionnoj Rossii. – M., 1963. – 406 s.

9. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: v 24 t. – M.: Nauka, 1997–2016.

10. Grashchenkova I.N. Kino Serebryanogo veka i problemy kul'turno-nacional'nogo samoopredeleniya kinematografa: avtoref. diss. ... d-ra iskusstv. – M., 2007. – 26 s.

11. M. Pacatus. Beglye zametki // «Nizhegorodskij listok». – 1896. – № 182. – 4 iyulya.

12. Perepiska, vospominaniya, stat'i, dokumenty, vospominaniya o M. F. Andreevoj. – M.: Iskusstvo, 1968. – 797 s.

13. Hejhfic I.E. [B.n.] // Sine-fono. – 1914. – № 4-5. – 13 dek. – S. 38.

14. YAngirov R. Drugoe kino. – M., 2011. – 416 s.

М. Горький в рабочем кабинете. Сорренто, 1927 г.

Прополянис Галина Эдуардовна

кандидат филологических наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва

Propolyanis@yandex.ru

ГОРЬКИЙ В 1917 ГОДУ

Статья посвящена одному году из жизни А.М. Горького. Сфера деятельности писателя включала в себя огромную работу по созданию комиссариата по делам искусств, главной задачей которого было сохранение памятников старины и музеев; созданию и активной пропаганде «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Все это Горький совмещал с напряженным литературным и издательским трудом: чтением и редактированием рукописей в журнале «Летопись» и издательстве «Парус», не говоря уже о большой работе в газете «Новая жизнь». Не меньше времени уделял он самой разной помощи людям. 1917 год оказался напряженным и в личной жизни писателя. Его тревожили заботы о сыне – Максиме Алексеевиче Пешкове, который, став членом партии большевиков, естественно, не мог не принимать участия в происходящих революционных событиях, чего очень боялся Горький. Таким образом, в статье впервые сделана попытка в хронологическом порядке выстроить работу писателя в области культуры, литературной и общественной деятельности, а также показать, что волновало его в личной жизни.

Ключевые слова: А.М. Горький, редакционная и издательская деятельность, журнал «Летопись», издательство «Парус», революция, М.А. Пешков.

«И я уверен на обязанности моей лежит – более, чем когда-либо – необходимость служения обществу...», – писал Горький Е.П. Пешковой 25 июля 1917 года [5, с. 161]. Эти слова писателя можно отнести ко всей его жизни. 1917 г. стал одним из самых деятельных и напряженных для Горького. Много написано и сказано о его откликах в газете «Новая жизнь» на революционные события, происходящие в стране в течение этого года. Но хотелось бы остановиться подробнее на других «направлениях» горьковского «служения обществу» и его домашних заботах.

«Тяжелое время. Я ожидал всего плохого – но не думал, что до такой степени плохо будет. И как мало даровитых людей, как ничтожно количество разумных работников. Ужас!», – отмечал Горький в письме к Е.П. Пешковой, а в другом писал: «...не вижу иного исхода, кроме культурной работы» [5, с. 161, 151]. И этой работе Горький уделял огромное внимание на протяжении всего года.

Первые месяцы посвящены им попыткам организовать издание газеты «Луч». Он пишет Бунину, Брюсову, Короленко, Тимирязеву, Треневу, призывая к участию во вновь создающейся газете. И от многих получает согласие. Но уже в конце февраля становится ясно, что газета не выйдет.

Февральская революция и последующая реакция естественно наложили свой отпечаток на жизнь и деятельность Горького. Уже 4 марта на квартире у писателя состоялось совещание искусствоведов, художников и деятелей искусства. Присутствовали А.Н. Бенуа, Ф.И. Шаляпин, И.Я. Билибин, С. Маковский, К.С. Петров-Водкин, Е.Е. Лансерс и др. Горький выдвинул предложение о создании Комиссариата по делам искусств. На следующий день был составлен черновой проект организации «специальной комиссии для охраны, сохранения и упорядочения оставшихся без надзора после упразднения Министерства двора художественных хранилищ и сокровищ». Вместе с А.Н. Бенуа,

Н.Н. Рерихом и М. Добужинским подписывает заявление с Совет рабочих и солдатских депутатов, а также обращение к Временному правительству, в которых говорится об образовании комиссии по делам искусств, ближайшими задачами которой станут «охрана памятников старины, разработка проектов памятников борцам за свободу, устройство народных празднеств и разработка вопросов, связанных как с текущим моментом, так равно и с жизнью и развитием русского искусства».

А 20 марта писатель выступил на митинге работников искусств в Михайловском театре, где раскрасил об основной задаче, стоящей перед возглавляемой им комиссией по делам искусств по охране памятников.

Но деятельность комиссии продлилась недолго. Боязнь ограничения свободы художественных течений в искусстве заставила различных представителей «Союза деятелей искусств», «Союза деятелей пластических искусств» и ряда других образовать Временный комитет уполномоченных «Союза деятелей искусств». 10 апреля 1917 г. Временный комитет уполномоченных обратился с заявлением к Ф.А. Головину (с 8 марта – комиссару всех учреждений бывшего Министерства императорского двора, в ведении которого были бюджет семьи бывшего царя, императорские театры, музеи и другие учреждения культуры), в котором было выдвинуто требование, чтобы все мероприятия по делам искусств проходили обсуждение в «Союзе деятелей искусств». Головин передал это требование Горькому, который предложил создать объединительную совещательную комиссию, включающую в себя различные художественные организации. Но «Союз деятелей искусств» претендовал на главенствующую роль и не захотел принимать в ней участие. После различных согласований Ф.А. Головин предложил Горькому возглавить Объединительную комиссию. Но писатель отказался от обязанностей председателя Особого совещания по делам искусств [5, с. 445].

Уже в конце марта Горький принял активное участие в создании «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» и был избран в организационный комитет. Об этом сообщил в письмах к К.А. Тимирязеву и В. Короленко, приглашая приехать и выступить с речью на открытии ассоциации.

Первое заседание Свободной ассоциации состоялось 9 апреля в Михайловском театре. Горький выступил с докладом «Наука и демократия», в котором говорилось о необходимости «насытить точными знаниями русскую демократию», организовать ассоциацию ученых, которая «стремилась бы к созданию единого планетарного вместилища разума, явилась бы мозгом и нервной системой нашей планеты» [5, с. 440].

Принимая близко к сердцу это начинание, Горький написал эмоциональное «Воззвание» к гражданам России, в котором говорил о необходимости создания Научного института, Института биологии, Института прикладной механики, Института химии и целях работы этих институтов. «Глубоко веря в разум русского народа, в искренность его стремления ко благу культуры, я обращаюсь к рабочим, крестьянам, промышленникам, интеллигенции – ко всем русским людям, предлагая им помочь великому делу организации народного творчества.

Для того чтобы это важное всенародное дело увенчалось успехом, потребны огромные средства, и они будут, их легко создать, если все люди, способные усвоить величие цели, которую ставит перед собой Свободная Ассоциация ученых, все грамотные люди дадут на это дело хотя бы по рублю», – писал Горький [5, с. 442].

Это «Воззвание» Алексей Максимович отсылал многим своим корреспондентам с просьбой о его распространении. М.Ф. Андреевой он писал: «Если ты захочешь – ты можешь собрать немалые деньги. Могу посоветовать тебе, как лучше сделать это.

Например, во время спектакля, после какой-нибудь слезной и глупой сцены, ты подходишь к рампе и говоришь:

– Граждане! Надеюсь, вы видите, что пьеса скучна, актеры – плохи и что, вообще, вся наша страна скоро сойдет с ума. Давайте, бросим засниматься пустяками и начнем делать серьезное дело!

Сказав что-нибудь в этом роде, прочти воззвание, и публика, несомненно, раскошелится.... Действуй энергично» [5, с. 147, 148].

А 1 июня 1917 г. изобретателю А.М. Игнатьеву: «Очень прошу Вас помочь мне сбором денег на организацию “Научного Института”».

Если хотите – пришлю Вам воззваний штук 100–500, – сколько угодно!

Работайте, прошу Вас! Дело – огромного значения, и очень важно привлечь демократию к строительству его» [5, с. 147, 148].

Параллельно с подобными крупными проектами Горький постоянно принимал участие в различных благотворительных мероприятиях. Таких, как похороны революционеров на Марсовом поле. Он являлся членом временного совета «Общества Дома-музея памяти борцов за свободу», собирая средства и документы по истории революционного движения в России. 18 марта присутствовал на собрании общества памяти декабристов, будучи в его организационной группе. Среди учредителей были также В.Н. Фигнер, В.И. Засулич, И.Е. Репин. Общество занималось организацией всенародной подписки на памятник декабристам, изучением идей и движения декабристов, устройством музея их имени, поиском и сохранением их могил и т.п. В начале апреля Горький участвовал также в чествовании финских художников при открытии выставки финского искусства в салоне Добычиной на Марсовом поле.

8 июня Горький, как член комитета «Лиги социального воспитания», созданной для охраны здоровья детей, провожал на отдых 1100 детей. Их родители, рабочие табачных фабрик Петрограда, пришли на Николаевскую улицу с лозунгами «Солнца и воздуха детям», «Детям принадлежит будущее». Произнося речь, Горький назвал это событие «прекрасным началом, кладущим основу дальнейшему развитию социального воспитания детей» [5, с. 481]. А 7 августа он навестил этих детей на отдыхе, о чем писал Екатерине Павловне Пешковой: «Сейчас возвратился со станции Сиверской – что за Гатчиной, – раньше там бомбы делали, а теперь жительствоуют 1000 детей Союза работников табачных фабрик. 1000! Это – ужасно. Ты не знаешь, что такое дети петроградских рабочих, дети, которые убеждены, что корова, баран – игрушки и только, и что высшее счастье для человека – «найти хорошую работу».

Эти господа в 9 лет – премудрые старички. Девчоночка сердитая и кривоногая – рахит – спрашивает меня:

– Ты сколько зарабатываешь? А зачем у тебя часов нету? Женатый, али с любовницей живешь?

Спросил я ее: почему она не пошла в лес, гулять? «Это деревенским по лесу шляться, там и дорог нету, все кочки».

Мудрый народ!

Очень устал я с ними» [5, с. 165].

Как показала история в дальнейшем, это был первый опыт будущих пионерских лагерей отдыха.

При такой постоянной занятости Горький успевал уделять внимание изданию журнала «Летопись» и издательству «Парус». Он проводил много времени в этих издательствах, руководя их работой и привлекая новых авторов. Уже в мае вышла первая после Февральской революции книга журнала «Летопись», объединившая три номера (со второго по четвертый, за февраль–май). В начале

июня издательство «Парус» выпустило «Сборник латышской литературы» под редакцией В. Брюсова и Горького, а в октябре под их же редакцией «Сборник финляндской литературы». В июле под редакцией Горького, А. Чапыгина и А. Тихонова увидел свет второй «Сборник пролетарских писателей».

Октябрьские революционные события приостановили выпуск журнала и работу издательства «Парус». Однако последняя книжка ежемесячного, научного и политического журнала «Летопись» все же вышла в конце года (№№ 9–12).

Особое место в деятельности Горького занимала тогда помощь разного рода разным людям от великих князей до крестьян. Особенно ярко это иллюстрируют воспоминания писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова: «Однажды, в конце 1917 года, я пришел к Горькому днем. Алексей Максимович, по обыкновению, разговаривал со мною в кабинете. Звонок. Прислуга докладывает: какая-то женщина желает его видеть.

– Как она одета? – сердито спросил прислугу Горький.

– Так что по бедному.

– Сейчас, – кратко сказал Алексей Максимович, но я заметил, как он, наморщив лоб, вздохнул.

Я ждал его минут десять.

– Сегодня девятнадцатый проситель. А всего еще два часа, – сказал он, быстро входя и жадно хватаясь за папиросу. – Просят, просят, просят. А что я могу сделать? За участь иных хлопочешь с удовольствием, считаешь это своим долгом. Теперь время особенно страшное, кругом неразбериха. Ошибок, конечно, много. Я не думаю, чтоб эти ошибки были злостными. А бывают и такие просители, которым так бы в шею и надавал. Недавно пришла какая-то мясистая с грязными ногтями, вся расфуфыренная фефёла. У нее, видите ли, муж крупный спекулянт попался в каких-то мерзких делах. И она, видите ли, просит, даже требует, чтоб я мчался ходатайствовать за него: – «Вы все можете!» – «Во-первых, это сущее недоразумение, мадам, что я все могу. А, во-вторых, вы не туда попали...». Ах, с каким удовольствием я спустил бы ее с лестницы... – Алексей Максимович шумно задыхался и нервным шагом стал ходить по кабинету. Руки его, когда он хватался за третью папиросу, тряслись. И весь он казался измученным, издерганным, больным.

– Вот так каждый день, каждый день. Вчера, например, больше тридцати просителей было. Я стал реестр вести...» [3, лл. 18–19].

Отметим, что одной из наиболее важных проблем, волновавших Горького в течение всего года, было окончание Максимом Алексеичем Пешковым училища и поступление в институт. Кроме того, из-за военного положения ему угрожала мобилизация. По этому поводу Горький писал Максиму в конце января: «Неужто тебя все-таки заставят

таскать пушку? Узнай подробно, когда нужно подать заявление о поступлении во едино из училищ или как вообще надо держаться?» [5, с. 106].

Максим закончил реальное училище Н.Г. Баженова, экзамены в котором были заменены занятием военным строем, в конце апреля. В июне он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и уехал отдыхать в Евпаторию. Во время июльского политического кризиса Горький писал Е.П. Пешковой: «Хорошо, что сын вдали от этих событий, и они не отравят души ему» [5, с. 157].

Относительно спокойным периодом в жизни писателя стала вторая половина августа и начало сентября, когда ему удалось отдохнуть в Крыму, где он, вероятно, встречался с сыном. В письме к своему близкому другу К.С. Блеклову М.А. Пешков сообщал: «...вчера мы видели Муравьева (вероятно, М.А. Муравьев в то время начальник охраны Временного правительства – Г.П.), который, со слов Верховского (Верховский А.И. в то время военный министр Временного правительства – Г.П.), сказал: «В Вр. прав. вопрос о призыве студентов решен в положительном смысле. Будет он от 5-го до 15-го окт. Призовут только 20-летних I и II курсов» [5, с. 483]. Таким образом, Максима это касалось непосредственно, так как 27 июля ему исполнилось 20 лет. В сентябре и октябре вопрос о мобилизации постоянно поднимался в семейной переписке. Лишь 7 октября было опубликовано сообщение правительства об освобождении от воинской службы лиц призыва 1897–1898 гг. и упразднении школ прапорщиков.

Не меньшие переживания за судьбу сына вызывали у писателя и революционные события сначала Февральской, а потом Октябрьской революций. После февральских событий Горький писал Максиму: «Милый мой друг, сынишко, имей в виду, что революция только что началась, она будет продолжаться годы, возможна контрреволюция, неизбежно возникновение реакционных идей и настроений. И, если хочешь быть полезен своей стране, если хочешь работать для ее возрождения – не очень увлекайся происходящим. Мы победили не потому, что мы – сила, а потому, что власть была слаба...» [5, с. 121].

Жизнь распорядилась таким образом, что в дни Октябрьской революции Горький оказался в Москве (с 21 по 29 октября по ст. стилю или с 3 по 11 ноября по-новому). И помимо пережитого потрясения, связанного с революционными событиями, ему пришлось переживать и из-за сына.

М.А. Пешков вступил в партию большевиков 4 апреля 1917 г. 25 октября (7 ноября), находясь в редакции газеты «Деревенская правда», он услышал резолюцию II Съезда Советов о переходе всей власти в руки Советов. А 26 октября он уже находился в Кремле, занятом большевиками и дежурил

у телефона, когда была передана телефонограмма коменданту Кремля Я.А. Берзину о том, что переговоры с окружившими Кремль юнкерами прерваны. Вот как об этом, а, главное, о реакции Горького на эти события вспоминает друг семьи Д.Б. Гессен: «В двадцатых числах октября мне позвонила Екатерина Павловна и пригласила прийти в театр Зимина, как уже сказано было выше, ныне театр оперетты на Пушкинской улице, в директорскую ложу. Я пошел. Давали оперу Глинки «жизнь за царя» (теперь «Иван Сусанин»)». . . В ложе я застал только Екатерину Павловну и Алексея Максимовича.

– А где же Максим? – спросил я.

– Максима нет, он ушел в Кремль, который занят солдатами 56-го полка, и якобы там назначен помощником коменданта Кремля. Алексей Максимович очень беспокоится, – тихо, на ухо добавила Екатерина Павловна.

Алексей Максимович был в своем неизменном длинном сюртуке, сидел в глубине ложи, был сумрачен, явно расстроен. Он действительно очень беспокоился за Максима, возмущался его поступком, хорошо понимая, что Петроградские события скоро развернутся и в Москве. Он часто подымался со своего места, уединялся в задней части ложи и нервно шагал.

В первом же антракте он попросил меня соединить его с Павлом Петровичем Малиновским, старым большевиком (с 1904 года), тогда игравшим видную роль в московских организациях; он назвал мне его номер телефона. В разговоре с Малиновским Горький настоятельно просил выдворить Максима из Кремля.

– Нечего ему там делать, – говорил он, как бы забывая, что Максим в апреле 1917 года вступил в партию большевиков.

Получив обещание Малиновского, Алексей Максимович несколько успокоился, но все еще заметно нервничал.

Во втором антракте Горький снова попросил меня соединить его с П.П. Малиновским. Тут уж разговор был в более резком тоне, хотя Малиновский подтвердил, что офицеры и юнкера окружили Кремль, поэтому выпустить Максима из Кремля можно только через потайной ход. Но – добавил Малиновский, – дело то еще в том, что сам Максим не хочет уходить из Кремля.

– Любым способом, но выкиньте этого мальчишку из Кремля, – уже не просил, а требовал Горький.

Вскоре Алексей Максимович предложил: давайте поедem домой, там все узнаем, а может быть и Максим придет.

Мы поднялись и уехали до конца спектакля.

На следующий день я зашел к Екатерине Павловне узнать о Максиме. Но Максима не было, вестей от него тоже не поступало. Телефоны перестали работать. Началось московское вооружен-

ное восстание за установление в Москве советской власти.

<...> Несколько раз я справлялся о Максиме, но от него все еще не было никаких известий. <...>

Через несколько дней появился Максим. Его не было дома шесть дней. Екатерина Павловна извелась. Оказалось, что после того, как Максима выпустили из Кремля, он был в Александровском саду арестован юнкерами и отведен в их штаб на Арбатской площади. Там его случайно увидел и узнал знакомый Пешковых летчик, штаб-капитан В.Г. Соколов (отчим Ольги Николаевны Михайловской, дочери писателя Н.Г. Гарина-Михайловского), который взял Максима на поруки. Соколовы жили тогда на Масловке, но мне помнится, что Максим рассказывал, что после своего освобождения он попал к своим знакомым на Перчистенку и провел у них все это время, не имея возможности ни дать знать о себе, ни пробраться домой...» [2, лл. 16–19].

Позднее, уже в декабре, Горький, напоминая сыну об этих событиях, писал ему: «Дорогой мой! Уезжая в Петроград, я очень прошу тебя отнестись более серьезно к событиям и к себе самому. Действительность уже дала тебе достаточно суровый урок – запомни его!

Тебе еще много предстоит перенести, много нужно и думать, и учиться, и работать. Не спеши с выводами. Помни, что наша страна нуждается, прежде всего, в честных и стойких людях. Будь здоров. Крепко обнимаю тебя, милый мой. Береги мать, она совсем растрепалась, и твоя история дороже обошлась ей. Целую» [5, с. 174].

В сентябре 1917 г. исполнилось 25 лет с начала литературной деятельности Горького. В связи с этим он получил много поздравительных телеграмм. Первыми поздравили писателя рабочие Путиловского завода; были получены приветствия также и от Центрального Комитета Всероссийского военного флота, от культурно-просветительной комиссии при фабрике Берга в Твери, от коллектива сотрудников газеты «Новая жизнь».

В течение года Горьким были написаны и увидели свет: «Из дневника», «Страсти-мордасти», «О детях», «Миша», «Случай», «Письма к читателю. IV», «О русском крестьянстве», «Легкий человек». И это, не считая большого количества статей в газете «Новая жизнь».

Такая активная деятельность привела к ухудшению здоровья писателя: «Не то, чтобы я был болен, однако же немножко нездоров. Чуть-чуть неполадки в легких – это чепуха... А вот – нервы очень расшатаны. Очень. Не сплю, и такое настроение тяжелое, что просто беда!» – сообщал он Е.П. Пешковой [5, с. 173].

Но Горький не терял желаний работать. Об этом говорят и воспоминания В.Я. Шишкова, которые ярко характеризуют состояние писателя на тот момент: «Я сказал:

– При таких условиях вам, видимо, нет никакой возможности работать.

– Какая, к черту, работа.

– А, наверно, тянет?

– Нет, устал. Да и ни к чему. Двадцать пять лет писал. Будет. Пускай молодежь пишет. Впрочем... – глаза его вдруг загорелись, он сел и поднял плечи. – Еще одну вещь хочется написать, последнюю. Но так написать, чтоб... – он чмокнул концы сложенных щепоткой пальцев и, вскинув руку, сделал над головой спиральный жест. – И назову: «Его родня». Тема у меня такая есть, полубиблейская, про родственников Христа.

– Апокриф?

– Да, апокриф. Но необычайно интересный. В социально-историческом аспекте можно взять. Любопытно. Страсть – любопытно. Но только надо все выточить, все отчеканить, придать вещи стройную архитектуру, чтоб вещь была классической, бессмертной. Напишу, тогда и умирать можно. А пока не напишу, не умру. – Глаза его стали мечтательными, он как-то по-особому улыбался» [3, лл. 19–20].

Таким образом, мы попытались в хронологическом порядке выстроить работу писателя в области культуры, литературной и общественной деятельности в пределах 1917 года, а также показать, что волновало его в это время в личной жизни.

Библиографический список

1. Архив А.М. Горького: в XVI т. – Т. XIII: М. Горький и сын. Письма. Воспоминания. – М.: Наука, 1971. – 320 с.

2. Архив А.М. Горького при Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – МОГ. 13-47-1.

3. Архив А.М. Горького при Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – МОГ. 13-51-1.

4. Баранов В.С. Драма Максима Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 382 с.

5. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 1997–2016. – Т. 12. – 725 с.

6. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 764 с.

7. Спиридонова Л.А. М. Горький: новый взгляд. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 264 с.

References

1. Arhiv A.M. Gor'kogo: v XVI t. – T. XIII: M. Gor'kij i syn. Pis'ma. Vospominaniya. – M.: Nauka, 1971. – 320 s.

2. Arhiv A.M. Gor'kogo pri Institute mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. – MOG. 13-47-1.

3. Arhiv A.M. Gor'kogo pri Institute mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. – MOG. 13-51-1.

4. Barahov V.S. Drama Maksima Gor'kogo. – M.: IMLI RAN, 2004. – 382 s.

5. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: v 24 t. – M.: Nauka, 1997–2016. – T. 12. – 725 s.

6. Letopis' zhizni i tvorcestva A.M. Gor'kogo. Vyp. 3: 1917–1929. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 764 s.

7. Spiridonova L.A. M. Gor'kij: novyj vzglyad. – M.: IMLI RAN, 2004. – 264 s.

Анненков Ю.П. М. Горький. Рисунок. 1919–1921 гг.

ДОМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»)

Образ главного героя «Жизни Клима Самгина» связан с актуальным для Горького вопросом распада семьи и разрушения дома, что автор романа видит как следствие нравственной дезориентации человека. Формирование личности Клима Самгина происходит в псевдосемье, под постоянным непосредственным воздействием матери и отчима: в наследство от матери Самгин получает неприятие даже близких людей, от отчима – представление о том, что любовь к людям выдумана, несоответственна человеческой природе, что «духовная жизнь успешно развивается только на почве материального благополучия». Отношения матери и отчима Клима даны Горьким как нечто разрушительное в самой своей основе. Их «фундамент» – распад настоящей семьи и разрыв связей не только самых близких людей, но и трех поколений. Существом личных отношений матери и отчима Клима является исключительно страсть, их постепенно исчерпывающие себя отношения Лидия характеризует как бесчеловечные. «Семья» постепенно деформирует отношение Самгина к женщине. Образ женщины концептуально важен для Горького, авторский голос которого звучит в размышлениях Макарова о современной женщине, чувствующей «необходимость и силу снова завоевать себе былое значение матери человечества, возбудителя новой культуры». Женские образы, созданные писателем: Люба Сомова, Анфимьевна, Дуняша, Елена Прозорова, Тося, – несут в его повествовании важнейшую функцию утверждения внутренней устойчивости и духовной сохранности мира.

Ключевые слова: Горький, «Жизнь Клима Самгина», распад семьи, разрушение дома, нравственная дезориентация человека, женские образы, духовная сохранность мира.

Образ главного героя «Жизни Клима Самгина» связан с актуальнейшим для писателя вопросом разрушения дома и распада семьи, что он видит прежде всего как следствие нравственной дезориентации людей. Прежде всего это разрушение связей в семье; данный аспект Горький находит столь важным, что именно с него начинается свое произведение. Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование личности главного героя произведения, является распад естественных человеческих привязанностей. Клим растет в эмоционально холодном доме – это приводит к тому, что ребенок начинает воспринимать самых близких ему людей как совершенно чужих. Так, на вопрос матери, любит ли он ее, Клим отвечает, что любит, однако «самому себе он не мог бы ответить так уверенно, как отвечал ей» [1, с. 48]. Позднее такое же отношение Клима будет перенесено на Ивана Акимовича: «Где-то живёт отец, о котором он никогда не вспоминает, так же, как о брате Дмитрие» [2, с. 9]. Так же мальчик не уверен и в естественнейшей любви матери к себе. Большинство главных героев «Жизни Клима Самгина» пережило в детстве или ранней юности ситуацию отчуждения от семьи. «Ужасные вещи рассказывал Константин о своей матери. И о себе, маленьком. Так странно было: каждый вспоминал о себе, точно о чужом. Сколько ненужного переживают люди!» [2, с. 364] – скажет позднее Лидия Варавка о Макарове, Лютове, Туробоеве, Алине, вспоминавших детство.

«Привыкнув наблюдать за взрослыми, Клим видел, что среди них началось что-то непонятное, тревожное...» [1, с. 50]. Мать Клима Вера Петровна постепенно приближает к себе Варавку и отдаляет мужа. Варавка увозит неизлечимо

большую жену за границу и отправляет из дома детей: Бориса – в Москву, где учится Туробоев, а Лидию – «в Крым, лечить виноградом» [1, с. 49]. «Из-за границы Варавка вернулся помолодевшим, ещё более насмешливо весёлым; он стал как будто легче, но на ходу топал ногами сильнее...» [1, с. 49]. Очевидная бесчеловечность ситуации подчеркивается тем, как Варавка характеризует свои прежние отношения с супругой. Одной из реплик Лидии Горький намекает на то, что когда-то Варавка женился на женщине не своего круга: «До того, как захворать, мама была цыганкой, и даже есть картина с неё в красном платье, с гитарой» [1, с. 34]. Оценивая этот шаг, Варавка в разговоре с Верой Петровной цитирует строки Некрасова: «Когда из мрака заблужденья Горячим словом убежденья Я душу падшую извлёк» – и цинично добавляет: «...конечно, я был в то время идиотом» [1, с. 49] (и позднее, «вслушиваясь в беседы взрослых о мужьях, жёнах, о семейной жизни, Клим подмечал в тоне этих бесед что-то неясное, иногда – виноватое, часто – насмешливое, как будто говорилось о печальных ошибках, о том, чего не следовало делать» [1, с. 76]. Иван Акимович сблизился с Дмитрием, который чрезвычайно травмирован происходящим; Настоящий Старик упрекает Веру Петровну в том, что она воспользовалась «мягким характером» и «детской доверчивостью» мужа [1, с. 63]; Лидия Варавка, с подчеркнутой вежливостью ведущая себя по отношению к матери Клима, «провождает её неприязненным взглядом, покусывая губы» [1, с. 67].

Однако маленький Клим воспринимает складывающуюся в семье ситуацию неожиданно. Почти противоестественное предпочтение отцу практически постороннего человека основывается на

том, что, на взгляд Клима, «это был самый умный человек, он никогда ни с кем не соглашался и всех учил, даже Настоящего Старика» [1, с. 20], а главное – «Варавка был самый интересный и понятный для Клима. Он не скрывал, что ему гораздо больше нравится играть в преферанс, чем слушать чтение. Клим чувствовал, что и отец играет в карты охотнее, чем слушает чтение, но отец никогда не сознавался в этом. Варавка умел говорить так хорошо, что слова его ложились в память, как серебряные пяточки в копилку. <...> Он был веселее всех взрослых и всем давал смешные прозвища» [1, с. 28–29]. «Широкоплечий, рыжебородый», Варавка был «похож на ломового извозчика» [1, с. 14]. Клим невольно подпадает под обаяние своеобразно сильного человека, который воспринимается мальчиком как более любопытная, значимая и близкая, чем отец, личность. Распад семьи не вызывает никакой рефлексии Клима: «Он слышал, что жёны мужей и мужья жён меняют довольно часто, Варавка издавна нравился ему больше, чем отец, но было неловко и грустно узнать, что мама, такая серьёзная, важная мама, которую все уважали и боялись, говорит неправду и так неумело говорит. Ощувив потребность утешить себя, он повторил: “Ей стыдно ещё”. Это было единственное объяснение, которое он мог найти» [21, с. 68–69].

Формирование личности Клима Самгина происходит в псевдосемье, под постоянным непосредственным воздействием матери и отчима, который считает, что любовь к людям несоответственна человеческой природе, выдумана, что «духовная жизнь успешно развивается только на почве материального благополучия». Уроки отчима реализуются в отношениях с людьми взрослого Самгина, в свою очередь отрицающего и любовь к человеку, и чувство к женщине, и ценность дружеских отношений, и человечность по отношению к ближнему. Концептуальным для Горького и одним из самых серьёзных в жизни Самгина является образ его матери Веры Петровны. Любовь к детям Вера Петровна подменяет иного рода заботой о них: результатом её становится душевный ожог Самгина от признания Маргариты. Впоследствии Клим наследует равнодушие матери даже к самым близким людям.

Отношения Веры Петровны и Варавки даны Горьким как нечто разрушительное в самой своей основе. Внутреннее неблагополучие их союза отмечено в тексте множественными знаками. Его непрочный фундамент – распад настоящей семьи и фактическое изгнание из дома мужа Веры Петровны Ивана Акимовича, его отца Акима Васильевича и старшего сына Дмитрия, то есть разрыв связей не только трёх самых близких людей, но и трёх поколений: Клим оказывается изолированным от деда, отца и брата. Характер личных отношений матери и отчима Клима, в существовании которых нет ничего,

кроме страсти, очень выразительно дан Горьким через их отношение к другим влюблённым. Взаимное полудетское увлечение двенадцатилетней Лидии подростком Игорем Туробоевым заканчивается тем, что «их обманули. Лидия писала Игорю каждый день и, отдавая письма матери Игоря, нетерпеливо ждала ответов. Но Клим подметил, что письма Лидии попадают в руки Варавки, он читает их его матери, и они оба смеются» [1, с. 101]. Наблюдая за отношениями Лидии и Макарова, Клим думает: «Да, вероятно, Лидия, а может быть, и Макаров знают другую любовь, эта любовь вызывает у матери, у Варавки, видимо, очень ревнивые и завистливые чувства» [1, с. 180]. Постепенно исчерпывающим себя отношениям Веры Петровны и Варавки присущ и естественный драматизм. Об этом позднее рассказывает Климу Лидия: «Ты не знаешь: отец, зимою, увлекался водевильной актрисой; толстенькая, красная, пошлая, как торговка. Я не очень хороша с Верой Петровной, мы не любим друг друга, но – Господи! Как ей было тяжело! У неё глаза обезумели. Видел, как она поседела? До чего всё это грубо и страшно! Люди топчут друг друга» [1, с. 291]. Не случайно в сознании горьковского героя возникает сопоставление, «всю тяжесть, весь цинизм» которого ощущает даже он сам: «...чем отличается любовь её и Варавки от любви, которую знает, которой учит Маргарита?» [1, с. 187].

Псевдосемья Самгина постепенно формирует, а точнее исподволь деформирует его отношение к женщине, также весьма противоречивое. Этот аспект личности героя романа принципиально важен для Горького. Его мысли, обычно рассеянные в репликах разных героев произведения, в этом случае отданы единственному персонажу – Константину Макарову. «Я хочу понять: что же такое современная женщина, женщина Ибсена, которая уходит от любви, от семьи? Чувствует ли она необходимость и силу снова завоевать себе былое значение матери человечества, возбудителя культуры? Новой культуры? <...> Ведь эта уже одряхлая, изжитая, в ней есть даже что-то безумное. Я не могу поверить, чтоб мещанская пошлость нашей жизни окончательно изуродовала женщину, хотя из неё сделали вешалку для дорогих платьев, безделушек, стихов...», – размышляет Макаров [1, с. 380]; позднее он приходит к твёрдому убеждению: женщина «является первопричиной и возбудителем культуры» [2, с. 123]. Именно для Макарова, как и для Варвары, невыносимо видеть униженную Алину и её красоту; в антракте «Прекрасной Елены» Лютов говорит Самгину: «Макаров – ругает её. Ушёл, маньяк» [2, с. 231].

Реальность же отношений горьковских героев совсем иная. «...в любви – нет милосердия», – считает юная Лидия [1, с. 120]; «...отношения мужчин и женщин вообще – не добро. Они – неизбежны, но добра в них нет» [1, с. 455], – подводит она итог

чуть позднее; «Женщина имеет очень обоснованное право считать поэзию ложью», – убеждена Елизавета Спивак. Переживший душевный ожог от истории с Маргаритой и имеющий лишь опыт нелюбви к Серафиме Нехаевой, Самгин ощущает «озлобление против женщин» и замечает, «что его мысли о женщинах становятся всё холоднее, циничней...» [2, с. 64]. Почти доминантным чувством в отношении Самгина к близким с ним женщинам становится мстительность: «...вспоминая, он каждый раз находил в этом романе обидную незаконченность и чувствовал желание отомстить Лидии за то, что она не оправдала смутных его надежд на неё, его представления о ней, и за то, что она чем-то испортила в нём вкус женщины. Он так и определял: вкус, ибо находил, что после Лидии в его отношении к женщине вошло что-то горькое, едкое» [2, с. 90]. «Злое отношение к Варваре» – деградировавшее чувство Самгина: «Сравнивая свои чувствования с теми, которые влекли его к Лидии, он находил, что тогда инстинкт наивно и стыдливо рядился в романтические цветы и надежды на что-то необыкновенное, а теперь ничего подобного нет...» [2, с. 239]. В сущности, Варвара вызывает у Самгина единственное желание: «...отплатить ей за свою неудачную связь с Лидией, и вообще – за всё» [2, с. 253]. Тем не менее, и Клим, и Лидия, и Варвара почти в равной мере жертвы первого опыта Самгина; желание мести женщине он впервые испытывает, будучи внутренне обожжённым: «Климу хотелось отстегнуть ремень и хлестнуть по лицу девушки...» [1, с. 163], «...хотелось сказать матери что-то очень сильное, что смутило бы её» [1, с. 164]. А.И. Овчаренко справедливо характеризует Самгина как существо «безотрадное»: «Он, например, даже в романтическом возрасте так ни разу и не испытал чувства безоглядной, настоящей любви. В книге, рассказывающей об Овидии и Коринне, Петрарке и Лауре, Данте и Беатриче, он не нашёл ничего достойного восхищения. “Без радости”, “безрадостная” – так чаще всего определяет Лидия Варавка в разговорах с Климом их “любовь”» [5, с. 231–232]. Не переживший ни серьёзного чувства, ни даже «непридуманного» увлечения, Самгин поучает любящую его Варвару: «“Любовь и голод правят миром”, и мы все выполняем повеления этих двух основных сил. Искусство пытается прикрасить зоологические требования инстинкта пола, наука помогает удовлетворять запросы желудка, вот и – всё» [2, с. 120]. Мысль в сущности того же содержания Самгин пытается навязать Макарову, однако тот не разделяет её. Этому отрицанию Макарова Горький находит убедительнейший аргумент – «несчастный роман» Любы Сомовой, которую выслушивает Клим.

Девушка влюбляется в «удивительного» человека, который «совершенно ничего не понимает.

<...> Не знал же он ничего плохого, никаких безобразий, точно жил в шкафе, за стеклом. Удивительно, такой бестолковый ребёнок. <...> А я уж так влюбилась, что хоть в море прыгать. <...> Знаешь, я всё-таки добилась, что и он влюбился, и было это так хорошо, такой он стал... необыкновенно удивлённый. Как бы проснулся, вылез из мезозойской эры, выпутался из созвездий, ручки у него длинные, слабые, обнимает, смеётся... родился второй раз и – в другой мир. <...> Это он сам сказал» [2, с. 128, 129]. Исход этой любви оказывается трагичным. Реакция Самгина на историю Любы неоднозначна, «но тот факт, что на долю её всё-таки выпало участие в драме, несколько тронул его. <...> Помолчав, он спросил вполголоса:

– Ты с ним – жила?

Сомова отрицательно покачала головой» [2, с. 130].

Характерно, что главная часть монолога Любы прерывается только одной репликой Самгина и что её содержание – это вопрос именно о возможной близости девушки с «удивительным» человеком. Упоминание о состоянии «вторичного рождения в другой мир», потенциально недоступном Самгину, не привлекает его внимания, не вызывает ни интереса, ни восхищения, ни желания пережить нечто подобное – вообще не оставляет ни следа в его сознании.

Тем не менее, в Любе Сомовой Самгин видит «непонятное ему, но высоко ценимое им желание и умение служить людям»; вместе с тем «Любаше приниженность слуги для всех совершенно чужда» [2, с. 155, 156]. Главный герой ощущает «добродушную преданность людям и материнское огорчение Анфимьевны <...>. «“Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт”, – это красиво, но полезнее войти в будничную жизнь вот так глубоко, как входят эти, простые, самоотверженно очищающие жизнь от пыли, сора», – думает Самгин [2, с. 190]. В более зрелом возрасте он задумывается над словами Дуняши: «По-моему, человек живёт, пока любит, а если он людей не любит – так зачем же он нужен?» [3, с. 154]; над формулировками Елены Прозоровой, в которых зафиксирована деградация отношений между людьми: «Я уже достаточно устала от любви и вообще от всякого свинства» [4, с. 289]; над утверждением Тоси, в котором, напротив, звучит надежда на их будущее очеловечивание: «...любовь будет редким счастьем, а не дурной привычкой, как теперь» [4, с. 256]. Созданные Горьким образы женщин, встреченных Самгиным в пору его становления и зрелости, являются контрастными по отношению к образу холодного дома Самгина-ребёнка и несут в повествовании важнейшую функцию утверждения внутренней устойчивости и духовной сохранности мира.

Библиографический список

1. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 21: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 1]. – 1974.
2. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 22: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 2]. – 1974.
3. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 23: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 3]. – 1975.
4. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 24: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 4]. – 1975.
5. Овчаренко А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия. – М.: Советский писатель, 1971. – 286 с.

References

1. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennyye proizvedeniya: v 25 t. – M.: Nauka, 1968. – T. 21: Zhizn' Klima Samgina. 1925–1936: [CH. 1]. – 1974.
2. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennyye proizvedeniya: v 25 t. – M.: Nauka, 1968. – T. 22: Zhizn' Klima Samgina. 1925–1936: [CH. 2]. – 1974.
3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennyye proizvedeniya: v 25 t. – M.: Nauka, 1968. – T. 23: Zhizn' Klima Samgina. 1925–1936: [CH. 3]. – 1975.
4. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennyye proizvedeniya: v 25 t. – M.: Nauka, 1968. – T. 24: Zhizn' Klima Samgina. 1925–1936: [CH. 4]. – 1975.
5. Ovcharenko A.I. M. Gor'kij i literaturnye iskaniya XX stoletiya. – M.: Sovetskij pisatel', 1971. – 286 s.

М. Горький. Рукопись романа
«Жизнь Клима Самгина»

Алякринский П.А. Иллюстрация
к повести М. Горького
«Жизнь Клима Самгина».
1953–1956 гг.

Шуган Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
oshugan@rambler.ru

СТАРЫЙ И НОВЫЙ КАВКАЗ ГЛАЗАМИ А.М. ГОРЬКОГО (очерки «По Союзу Советов»)

В статье рассматривается первый очерк цикла М. Горького «По Союзу Советов», в котором получила развитие тема сопоставления старого и нового Кавказа. Писатель приспособляет жанр путевого очерка к идеологическим задачам – показу достижений советской власти в промышленности кавказского региона, пропаганде новой культуры. Горький подает воспоминания о старом времени в виде «лирических отступлений», которые создают многомерную и выразительную картину жизни Кавказа конца XIX столетия. Показано, как «социальный заказ» вытеснил художественность: описывая старый Баку и «Тифлис многобалконный» XIX века, Горький использует богатую писательскую палитру, в то время как показ современных предприятий – «Азнефть», гидроэлектростанции и т.д. – по стилю напоминает официальные газетные статьи. Мы можем рассматривать очерки «По Союзу Советов» через двойную призму: через призму авторских воспоминаний, а также через призму его статей о Кавказе в провинциальной печати конца XIX в., наконец, через призму его переписки и мемуаров современников. Внимание к деталям, авторским ремаркам и «лирическим отступлениям» открывает «подводные течения» агитационного очерка.

Ключевые слова: «По Союзу Советов», старый и новый Кавказ, достижения советской власти, путевые очерки.

Очерки «По Союзу Советов», опубликованные в журнале «Наши достижения» – только часть более крупной серии очерков, планировавшейся Горьким. Еще в Италии у него созрел грандиозный замысел. 10 октября 1927 г. он писал в Госиздат: «Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для неё много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать – невидимым – на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т.д. и т.д. Это – серьёзнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения» [3, с. 103]. 28 мая 1928 года М. Горький впервые приехал в Москву после длительного отсутствия. В июле того же года он отправился в поездку по СССР: побывал в Курске, Харькове, в Курьяжской колонии имени М. Горького, руководимой А.С. Макаренко, на Днепрострое, в Ялте, Симферополе, Донецком бассейне, Баку, Тбилиси, Ереване, Сталинграде, Казани, Н. Новгороде и Ленинграде. Он записывал свои впечатления, которые потом составили путевой цикл. Этот цикл, объединённый общим заглавием «По Союзу Советов», включает в себя пять очерков, написанных в 1928–1929 годах. В рукописях и в материалах редакции журнала «Наши достижения» сохранились более ранние названия цикла: «По старым местам», «По СССР», «На родине».

Первый очерк цикла Горького «По Союзу Советов», опубликованный в 1929 г. на страницах «Наших достижений», посвящен Кавказу. Кавказ занимал особое место в биографии Горького уже потому, что в Тбилиси случился его литературный дебют: первый рассказ «Макар Чудра», который был опубликован в газете «Кавказ» 12 (24) сентября 1892 г. «Тифлис – город, где я начал литератур-

ную работу, – вспоминал позднее писатель. – Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора» [4, с. 414].

Поездка Горького по Кавказу в 1928 г. была очень насыщенной. 20 июля он приехал в Баку и прямо с вокзала поехал на промысла Азнефти, а вечером осматривал город. За неделю, с 20 по 27 июля он побывал в десятке мест, посетил Баку, Тбилиси, Ереван, Караклис, проехал по Военно-грузинской дороге, Делижанской долине, побывал на многочисленных официальных встречах. Так, 21 июля он выступал на пленуме Бакинского совета, 24 июля встречался с писателями Грузии, 26-го – с писателями и поэтами Армении, выступал на митинге в Саду коммунаров. 27 июля выступал на пленуме горсовета в Тбилиси.

Конечно, визит Горького на родину не был визитом «знатного иностранца», чего он очень боялся. Он совершил поездку по стране с агитационно-пропагандистской целью, о чем говорят многие его современники и сам автор очерков «По Союзу Советов». Тбилисские газеты того времени сообщали: «Горький приехал к нам не как гость <...> он приехал сюда как работник, и как нужного ценного работника, как большого мастера, как высокий авторитет встречают его» [8, с. 26]. В этот период писатель задумал издавать журнал «Наши достижения» и приступил к его воплощению. Он предполагал привлечь к сотрудничеству известных писателей и призывал их сменить перо романистов на острое перо очеркистов. Писатель считал форму очерка одной из самых трудных, сочетающей документальность и образность. Он хотел изменить неверное представление об очерке как о низшем виде

литературы, посвящал этому жанру выступления и статьи в журнале «Литературная учеба». Среди важных принципов, по которым строится очерк, он выделял объективность, точность изображения, глубокое знание предмета, о котором пишет автор, а также свой собственный взгляд и стиль.

В цикле «По Союзу Советов» Горький развил жанр путевого очерка, поставив его на службу советской пропаганды. Советский очерк в журнале «Наши достижения» должен был показать, чего достигла страна в промышленности и сельском хозяйстве, на фабриках и заводах, в шахтах и нефтяных промыслах, на суше и на море. Поэтому необходимыми составляющими были пропагандистский пафос и прославление трудового героизма людей.

Во очерках «По Союзу Советов» Горький с большим мастерством применил излюбленный принцип контраста, противопоставив старый дореволюционный образ жизни новому. Очерки, в которых описываются личные впечатления автора, отличаются собственным взглядом на происходящее, выразительными деталями, черточками, ярким описанием фона и демонстрируют эмоциональную вовлеченность писателя в происходящее. Этим объясняется сила воздействия этих произведений на читателя. Противопоставление двух миров, двух систем намечено по трем линиям: социальная справедливость, ликвидация национальной розни, рост сознательности рабочих в СССР.

Современники неоднократно отмечали, что у писателя была феноменальная память. Раз увидев что-то, он уже этого не забывал. Поэтому он вызвал к жизни события 30-летней давности – свои первые приезды на Кавказ. Но перед ним стояла другая задача – «разоблачить» прошлое силой настоящего, т.е. доказать, что новая жизнь гораздо лучше старой. Писатель подает воспоминания о дореволюционном времени в виде «лирических отступлений», которые, будучи искусно вкраплены в очерк, создают многомерную и выразительную картину жизни Кавказа конца XIX столетия.

Очерки «По Союзу Советов» оказались малоубедительны именно по этой причине: сила эмоционального воздействия прошлых воспоминаний «перекрыла» современные впечатления. Увиденное писателем в 1928 году его никак не тронуло, не вызвало в нем ответных эмоций. Художественные приемы заменили агитационные призывы, лозунги, описания были выхолощены и напоминали сухой стиль путеводителей.

Попробуем доказать это на конкретных примерах.

В 1892 году А.М. Горький впервые приехал в Баку в поисках работы. Первая встреча с городом произвела на него сильное впечатление, его удивила тяжелая жизнь бакинских нефтяников, невыносимые условия работы. Горький отказался от намерения искать работу в Баку. Летом этого

же года он покинул город. О своем первом путешествии Горький вспоминал в очерке «По Союзу Советов» (1928 г.): «В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устранившегося разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертами, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я – не шучу. Впечатление было ошеломляющее» [1, с. 317]. Горький описывает ситуацию после пожара на нефтяных промыслах, когда над вышками еще стояла туча дыма. Рабочие, выпачканные нефтью, блестели на солнце и напомнили писателю муравьев. Картина труда, которая восхищала Горького в казанском порту, в Баку вызывала отторжение, казалась отупляющей: «Человек десять полуголых рабочих, дёргая верёвку, тащили по земле толстую броневую плиту, связанную железной цепью, и угрюмо кричали:

– Аа-`а! Аа-а`а!

На них падали крупные капли чёрного дождя. Вышка извергала толстый чёрный столб, вершина его, упираясь в густой, масляный воздух, принимала форму шляпки гриба, и хотя с этой шляпки текли ручьи, она как будто таяла, не уменьшаясь. Странно и обидно маленькими казались рабочие, суетившиеся среди вышек.

Во всём этом было нечто жуткое, нереальное или уже слишком реальное, обезмысливающее. Федя Афанасьев, плюнув, сказал:

– Трижды с голода подохну, а работать сюда – не пойду!» [1, с. 318–319].

В 1897 году Горький вновь приехал в Баку и посетил нефтяные промысла. Вот как писатель вспоминал об этом: «...На промысла я попал через пять лет с одним из сотрудников газеты “Каспий”; он обещал рассказать мне подробно обо всём, но, когда мы приехали в Сураханы, познакомил меня с каким-то очень длинным человеком, а сам исчез» [1, с. 319]. Сотрудником газеты «Каспий» был знаменитый ученый и публицист Гасанбек Зардаби. Он пригласил писателя к себе домой. Его дочь Гариб Солтан Меликова позже вспоминала, что Горький приезжал вместе с Шаляпиным, что встреча «дорогих гостей» прошла торжественно.

В очерке «По Союзу Советов» Горький описал и второе впечатление от Баку как картину ада: «Весь день, с утра до ночи, я ходил по промыслу в состоянии умопомрачения. Было неестественно душно, одолевал кашель, я чувствовал себя отравленным. Плутая в лесу вышек, облитых нефтью, видел между ними масляные пруды зеленовато-чёрной жидкости, пруды казались бездонными. И земля, и всё на ней, и люди – обрызганы, пропитаны тёмным жиром, всюду зеленоватые лужи напоминали о гниении, песок под ногами не скрипел, а чмокал.

И такой же чмокающий, сосущий звук «гартанья», истекая из нутра вышек, наполняет пьяный воздух чавкающим шумом» [1, с. 319]. Скрип буровой машины, грохот железа под ударами молота, душный воздух усиливали мрачное впечатление. Если в первый приезд будущий писатель хотел наниматься на работу, то в 1897 г. он уже приехал с заданием от газеты и намеревался написать репортаж. Поэтому он осмотрел город более подробно. Что же увидел писатель? Грязные убогие жилища, похожие на пещеры, нищету, кучи мусора и отбросов и полуголых чумазных детей, месящих нефть в лужах. «Ни одного цветка на подоконниках, а вокруг ни кусочка земли, покрытой травой, ни дерева, ни кустарника». Впечатления были до того жуткие, что Горький, уезжая из города, испытывал желание поджечь его, чтобы огонь «уничтожил Сураханы, Балаханы, Романы, всю эту грязную сковороду, на которой кипели, поджаривались тысячи измученных рабочих людей» [1, с. 319].

Образ ада и жуткие картины, вызывающие в памяти сказки про людоедов, сдобренные яркими эпитетами и сравнениями, призваны оттенить зрелище осмысленного труда, который Горький наблюдал через 30 лет, в 1928 г. на «Азнефти». В Баку Горький приехал 20 июля 1928 года. Рано утром, прямо с вокзала, он поехал на промысла Азнефти, а вечером осматривал город. 21 июля писатель выступал с речью на пленуме Бакинского совета. На следующий день беседовал с рабочими. 22 июля писатель выехал в Тбилиси. На «Азнефти» его поразили тишина и безлюдье, вместо грязных возбужденных людей писатель увидел деловитых и спокойных рабочих, которым удалось потушить пожар за 12 минут. В рабочем поселке росли деревья и цветы, жилища были построены фундаментально.

Очерк «По Союзу Советов» можно разделить на две части: прошлое и настоящее Баку. Нельзя не заметить, что первая и вторая части очерка резко отличаются друг от друга. Когда Горький описывал прошлое, он внутренне озарялся: картина наполнялась яркими эпитетами, сравнениями, меткими словечками рабочих. «Плотники тесали бревно, поблескивая щекастыми топорами, строилась ещё одна буровая вышка, по скелету её влезал чернобородый мужик, босой, без рубахи. Он держал в зубах конец верёвки, а руками хватался за рёбра вышки и тяжело, неловко лез всё выше; на земле, в луже грязи оливкового цвета, стоял старичок со связкой верёвки в руках, разматывая её, – похоже было, что он запускает бумажного змея.

– На небо не залезь, – крикнул он чернобородому, а тот, сверху, густо, громко и серьёзно ответил: – Не бойсь» [1, с. 319].

Бешеная суэта людей, измазанных нефтью и похожих на муравьев, шум и ругань – все это наполнено жизнью и настолько достоверно, что кажется,

что писатель увидел это только что. Люди на новом промысле говорят суконным языком плакатов, изрекают истины, они абсолютно бесцветны, – от увиденного создается впечатление опытной лаборатории, а не нефтяного завода. «В коробке греется нефть, – слышит он “чужие” слова, – с другой стороны вы увидите, что мы получаем из этого» [1, с. 324]. Даже во время пожара не было суеты и паники: пожарные работали «с немецкой выдержанностью». На «Азнефти» художник в Горьком молчит, а говорит бездушный «агитатор». «Немецкая выдержанность», «эпическое спокойствие» – все это способно вызвать скуку, а не радостное чувство единения в работе, героический пафос созидания.

Сопровождающего писателя человека «без лица», помощника заведующего промыслами, Горький уважительно называет «товарищ Румянцев». Этот старый большевик начинает знакомство с нефтяным заводом с политинформации. Писателю он интересен не как человек, а как классовый тип, поэтому он «*один из тех* (курсив мой – О.Ш.) рабочих, которые воспитывались подпольем, затем – на фронтах...». Товарищ Румянцев произносит лозунги: «Замечательно объединяет людей работа...», «мы все-таки люди классовой ненависти» и т.д.

Рядом с этим «политруком» Горький совершенно меняется и тоже начинает мыслить лозунгами, точнее – заголовками будущих статей в газетах. «Я подумал: “Вот прекрасная тема для молодых писателей: труд «на будущее», уничтожающий личную ненависть коренных врагов, – труд, который объединяет их в процессе создания новой культуры”». Социальный заказ выдают суконные вопросы, «агитки», газетные штампы: «На языке моём вертелся вопрос, давно и глубоко волновавший меня: “Чувствует ли себя рабочий – и в какой мере чувствует – хозяином?”», «...не очень много людей, которые, делая своё небольшое дело, ясно сознают значение своей работы в общем потоке труда». Горький в очерке «По Союзу Советов» не изображает, как будто готовится к выступлению на пленуме Бакинского совета.

Понятно, что на новом месте писатель ничего не узнает. Внутреннюю отчужденность от увиденного передает «холодный» индустриальный пейзаж – «Куда ни взглянешь – всюду цистерны, железные колонны, связанные дугообразными трубами, всюду растут каменные стены» [1, с. 327–328]. Его поразили тишина и безлюдье. Писатель словно оказался заперт в железобетонном склепе. Где же фонтаны нефти, чумазные рабочие? Писатель ждал пропитанных нефтью людей, а вместо этого он увидел «фантастический», но совершенно чужой мир.

Осмотрев новый завод, он едет в рабочий поселок, туда, где он сможет, наконец, узнать, как рабочие отдыхают после трудовой смены, увидеть их

семьи, услышать смех детей. И снова вместо живой картины перед нами газетный штамп: «Из всех опытов строительства жилищ для рабочих в Союзе Советов наиболее удачным мне кажется опыт “Азнефти”» [1, с. 327]. «Рай», созданный советским государством для рабочих «Азнефти», представляет собой настоящее военное поселение: «Издали поселок Разина похож на военный лагерь: одноэтажные домики на серой земле, точно палатки солдат <...> широкие бетонированные улицы...» [1, с. 327–328]. Хотя Горький добавляет ко всему этому эпитеты «красивый», «прекрасный», «умелый», «культурный», тишина и безлюдье поселка говорят об обратном. Дома есть, в палисадниках растут деревья и цветы, но нет ни одной живой души. Есть площадки для игр, но играть на них некому. В конце XIX века в старых бараках кипела жизнь, в лужах нефти копошились детишки, а нынешнее военное поселение производит впечатление мертвого города. Есть «заказанное» упоминание об интернационализме рабочих: семьи тюрков живут бок о бок с русскими. Горький рисует светлое будущее, но оказывается, что в социалистическом «раю» национальностей вообще не будет: ни тюрков, ни русских, а будут только люди, объединенные идеей всемирного братства рабочих. Такой прогноз потери национального лица и превращение людей из «военного лагеря» в однообразную массу уже сродни антиутопии Оруэлла.

Сравнивая старый и новый город, Горький сделал правильный, социально позитивный вывод: «Баку – неоспоримое и великолепное доказательство успешности процесса строения государства рабочих, создания новой культуры». Но доказать этого писатель не смог; сдавленный «социальным заказом», он не смог переступить через себя, вывод оказался совершенно обратным: новый Баку в глазах писателя превратился в город страшной фантастической антиутопии.

«Трудно узнать Баку», – пишет Горький. А вот Тбилиси, куда писатель приехал вечером 23 июля, по мнению писателя, изменился мало. Но по дороге к городу он видит ужасную картину: на месте старых зданий – груды взорванного, раздробленного камня. На ум писателя приходят слова «Тифлис многобалконный» – из стихотворения Я. Полонского «Старый сазандар». Вот эта строфа:

«Земли, полуднем раскаленной
Не освежила ночи мгла
Заснул Тифлис многобалконный
Гора темна, луна тепла».

Разрушительную работу писатель сравнивает с работой чудовища: «огромного буйвола, который ослеп, содрогаясь от ужаса тьмы, идёт прямо и, встречая по пути своему вокзалы, водопроводные башни, разрушает их, подбрасывая вверх, расковыривая рогами, растапывая копытами». Аллюзия на стихотворение Полонского усиливает

метафору, создает контраст спокойно спящего города и уничтожающего его слепого чудовища.

Горький видит, что разрослись окраины – Навтлуг, Дидубэ. Просторнее, чище стало на Авлабаре, который в свое время именовался «азиатской» частью города. Далее Горький рассказывает, что знаменитый сад Муштаид «расширен и превосходно обстроен», музей Кавказа увеличен втрое и «образцово организован», стены расписали «неплохие художники», в витринах «умело размещены флора и фауна». Странно, что Горький говорит о новой жизни Тбилиси «мертвыми» словами, но оживляет музейный экспонат – чучело тигра, случайно попавшего на Кавказ. «В музее – чучело того тигра, который года три или четыре тому назад пришёл откуда-то на Кавказ, вызвал немало страха и был убит, кажется, где-то под Тифлисом. Зверь весьма крупный, у него такие солидные лапы и клыки, но в стеклянных глазах есть что-то недоумевающее и даже смешное, как будто он, в минуту смерти, подумал:

“Вот влопался!”» Невольно возникает вопрос: не напомнил ли тигр писателю самого себя? «Вот влопался!» – так мог думать Горький, путешествуя «По Союзу Советов» в плотном окружении чекистов, под обстрелом острых вопросов и под давлением социального заказа.

Первый ободряющий момент: восстановление социальной справедливости: в Коджорах, на дачах тифлиских богачей – лагеря пионеров, дома отдыха, детские дома. Вместо бараков на Азнефти построены удобные дома с палисадниками.

Проезжая по красивейшей долине Дилижана, Горький вспоминает об армянской резне. В этой части очерка чувствуется влияние классической традиции, а именно пацифистской темы М.Ю. Лермонтова из стихотворения «Валерик». Рассказ о преступлениях против армянского народа перемежается описаниями красот природы – это вызывает обостренное чувство диссонанса между состоянием природы и настроением человека, переполненного злобой и ненавистью. Надо признать, что в описании природы Горький выступает по-прежнему как непревзойденный художник. Его пейзажи полны лиризма и поэзии. «Кажется, что горы обняли и охраняют долину с любовью и нежностью живых существ. На высоте 1500 метров воздух необыкновенно прозрачен и как будто окрашен в голубой мягко сияющий тон. Мягкость – преобладающее впечатление долины. Глубокое русло её наполнено пышной зеленью садов, и дома как бы тихо плывут в зелёных волнах по направлению к озеру Гокче. Южное Закавказье ошеломляет разнообразием и богатством своих красот, эта долина – одна из красивейших в нём. Но на красоту её неустраимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом» [1, с. 327].

Мягкость тона и нежность гор, как будто руками обнимающих долину, контрастируют с кровавыми событиями недавнего прошлого.

Прекрасное по-прежнему не оставляет писателя равнодушным, о чем свидетельствует яркое описание армянского танца: «На эстраду выйдут двое музыкантов в ярких национальных костюмах, двое – большой барабан и пронзительно крикливая дудка, – а за ними выплывает ослепительно блестящее, разноцветное тело – двадцать человек мужчин. Они идут плечо с плечом, держа за спинами руки друг друга, они – единое тело, движимое единой, изумительно ритмически действующей силой. Это тело свёртывается в круг, в спираль, развёртывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, лёгкость и плавность построения фигур всё более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитности. Отдельных танцоров трудно различить, видишь, как пред тобой колеблется ряд красивых лиц, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту – меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и всё время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо, – лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата».

Если внимательно читать очерк, то между строк угадываются весьма драматичные моменты. Один из таких моментов: страх писателей поднимать в своем творчестве национальные темы. Во время беседы в доме грузинских литераторов один молодой писатель так охарактеризовал эту проблему: «Горький хочет перевести нас на смертельный ток».

В общей дружеской обстановке встреч и приветствий звучат отдельные нотки недовольства, непонимания и даже вражды, которые Горький объясняет «эхом старины». К этим отголоскам «грубейшего давления старой власти» писатель относит момент закрепощения женщин: его очень удивило, что на общих собраниях женщин мало. Одновременно с этим Горький ставит вопросы: что будет дальше? Чувствует ли себя рабочий хозяином?

Картины антиутопии при описании настоящего и будущего, причудливое сплетение «лирических отступлений» с пропагандой достижений советской власти, фоновых «беглых зарисовок» вскользь, которые создают многоголосье и полифонию мнений, лозунгов, обращений к читателю, в сочетании с исповедальной интонацией, тоном доверительной беседы с читателем – все это создает довольно сложную структуру произведения.

Внимание к деталям, к авторским ремаркам и «лирическим отступлениям» приоткрывает «подводные течения» агитационного очерка. Мы можем рассматривать очерки «По Союзу Со-

ветов» через двойную призму: через призму тех воспоминаний, которые даны в очерке, а также через призму его статей в провинциальной печати конца XIX века, привлекая материал переписки, мемуары современников.

В очерке о «Кавказских событиях» (1905) Горький признавался в любви к Кавказу: «Я так люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей» [4, т. 23, с. 337]. Его любовь к прекрасному краю, к «красивым и гордым детям» Кавказа осталась неизменной, это нашло выражение в описании картин природы, в полных лиризма воспоминаниях. Но исполняя «социальный заказ», Горький проиграл художественно. Воссоздавая картины прошлого, он не смог противопоставить им адекватную по силе и убедительности картину настоящего. Если бы сбылась мечта писателя и он путешествовал бы в шапке-невидимке, эффект был бы иной. Но он был слишком заметной фигурой, слишком перегружен делами и собраниями, озабочен своей агитаторской миссией, чтобы отделиться личным впечатлением. Поэтому сквозь общий социально-позитивный тон улавливается тревожное настроение, озабоченность, в очерке звучит внутренний диалог писателя с самим собой, который делает очерк не прямолинейно агитационным и дает простор для дальнейших размышлений.

Библиографический список

1. Горький М. По Союзу Советов // Горький М. Мать. По Союзу Советов. – Л.: Лениздат, 1975.
2. Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. – 1929. – № 1. – Январь.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 17. – М.: Наука, 2015.
4. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Наука, 1949–1953.
5. Материалы по царской цензуре о заграничных изданиях сочинений М. Горького и иностранной литературе о нем // М. Горький. Материалы и исследования. Под. Ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. Т. 3. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941.
6. Очерковый цикл М. Горького «Разбойники на Кавказе». Вступит. Статья, подготовка текста и примечания И.В. Киреевой // Публицистика М. Горького в контексте истории. – М.: ИМЛИ РАН, 2007.
7. Пиксанов Н.К. Горький и национальные литературы. – М.: ОГИЗ, 1946. – 324 с.
8. Плещунов Н.С. Максим Горький и Кавказ. – Баку: Издания Наркомпроса Аз ССР, 1939. – 100 с.

References

1. Gor'kij M. Po Soyuzu Sovetov // Gor'kij M. Mat'. Po Soyuzu Sovetov. – L.: Lenizdat, 1975.

2. Gor'kij M. Po Soyuzu Sovetov // Nashi dostizheniya. – 1929. – № 1. – YAnvar'.

3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: V 24 t. T. 17. – M.: Nauka, 2015.

4. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: V 30 t. – M.: Nauka, 1949–1953.

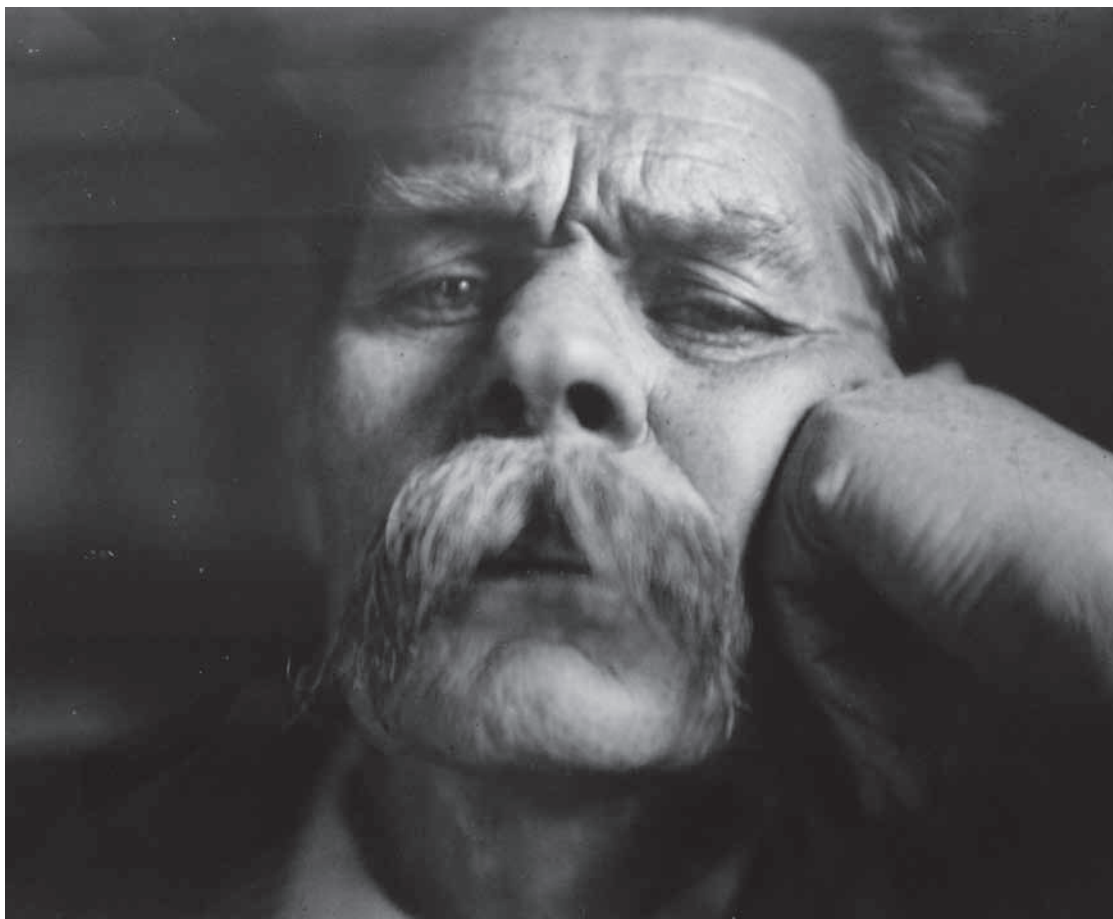
5. Materialy po carskoj cenzure o zagranichnyh izdaniyah sochinenij M. Gor'kogo i inostrannoj literature o nem // M. Gor'kij. Materialy i issledovaniya. Pod. red. S.D. Baluhatogo i V.A. Desnickogo. T. 3. –

M.; L.: Izd. AN SSSR, 1941.

6. Ocherkovyj cikl M. Gor'kogo «Razbojniki na Kavkaze». Vstupit. Stat'ya, podgotovka teksta i primechaniya I.V. Kireevoj // Publicistika M. Gor'kogo v kontekste istorii. – M.: IMLI RAN, 2007.

7. Piksarov N.K. Gor'kij i nacional'nye literatury. – M.: OGIZ, 1946. – 324 s.

8. Pleshchunov N.S. Maksim Gor'kij i Kavkaz. – Baku: Izdaniya Narkomprosa Az SSR, 1939. – 100 s.

М. Горький. Фотография. 1935 г.

Быстрова Ольга Васильевна

кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
bystrova63@mail.ru

ДОКЛАД М. ГОРЬКОГО НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу доклада М. Горького на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г. Приведены многие отклики на это событие в литературном мире XX столетия. Диапазон различных мнений о выступлении Горького позволяет осознать степень «политизированности» подходов к оценке этого документа при жизни писателя: долгое время в советском литературоведении подходы к этому выступлению были незыблемы. Однако все изменилось в XXI веке. На самом деле, рамки контекста 1930-х гг. оказываются слишком узкими для анализа указанного выступления М. Горького. Сам текст требует особого подхода и анализа через призму истории мировой литературы, в которой советская литература мыслилась Горьким как мощное русло, одно из многих. Для писателя была важна тема, которая проходила через три выступления на съезде, – «учиться думать».

Ключевые слова: М. Горький, Первый съезд советских писателей, Оргкомитет ССП, социалистический реализм, труд как творчество.

После Первого съезда советских писателей прошло почти 83 года, и стоит согласиться с тем, что это был «рубеж в развитии всей литературы, всего искусства нового мира» [17, т. 2, с. 237] XX столетия. В отличие от многих своих современников, М. Горький осознавал грандиозность события задолго до его свершения. Об этом его статьи до-съездовского периода, в которых четко заявлено, что в Стране Советов возникла и растет новая, огромная разноязычная литература, требующая внимания и исследований.

Для Горького организация съезда писателей¹ была важным и своевременным делом. Об этом свидетельствовало его выступление на расширенном заседании Президиума Оргкомитета ССП от 7 сентября 1933 г., в котором он наметил направления огромной подготовительной работы, главным из которых было умение поднимать «квалификацию нашу не только литературную, но и общекультурную» [13, с. 81]. Другая немаловажная проблема заключалась в том, чтобы «достичь какого-то единства в понимании социалистического реализма. У нас много говорят и много написано статей о социалистическом реализме, но они еще не дают достаточно глубокого представления о нем... Эта работа потребует много времени и внимания» [12, с. 3].

Съезд писателей открылся 17 августа 1934 г. «Правда» в своей передовице писала: «Сегодня открывается Первый всесоюзный съезд советских писателей. Сегодня с трибуны съезда прозвучит слово великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, подводящего итог расцвета советской литературы и указывающего пути ее дальнейшего развития» [3, с. 1]. Горький выступал на съезде четыре раза: 17 августа (на первом заседании) с небольшой вступительной речью и докладом о советской литературе; 22 августа (на девятом заседании) – с оценочной репликой о работе съезда; 1 сентября (на двадцать шестом заседании) – с заключительным словом.

На правах председателя Оргкомитета союза писателей Горький открыл съезд короткой приветственной речью: «...разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это – в том, что прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов. Мы выступаем, демонстрируя разумеется, не только географическое наше единение, но демонстрируя единство нашей цели, которая конечно не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений... Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда» [13, с. 296–297]. Присутствующие на съезде знали, что Горький еще не пришел в себя после смерти сына. Писатель И. Эренбург вспоминал, что Бабель, хорошо знавший Алексея Максимовича, говорил тогда: «Ему плохо. После смерти Максима он сдал. Не тот Горький...» [23, с. 413].

Прочитанный Горьким доклад о советской литературе «произвел на слушателей, будто бы, глубокое впечатление» [5, с. 2], по замечанию критика Г. Адамовича. Однако это было не так; то, что говорил писатель с трибуны, было понятно далеко не всеми, впрочем, интересно была также далеко не всем.

Первой на его выступление откликнулась критика эмиграции. Практически во всех отзывах на работу съезда отмечалась атмосфера тотальной фальши, которая не позволяла работать целенаправленно и плодотворно: «Вот и все: единственная цель литературы – пропаганда коммунизма» [4, с. 2]. Доклад М. Горького о советской литературе не привнес ничего нового в историю новейшей советской литературы: «Горький запутался в своих мудрствованиях безвыходно. Удиви-

тельнее всего, что он именно о советской литературе ничего, в сущности, не сказал, не выразил о ней ни одного суждения, хоть отдаленно похожего на мысль» [5, с. 2]. Но именно этот доклад, по сравнению с остальными, прочитывался «иначе и с иным чувством», – «оттого и невозможно с ним примириться» [5, с. 2]. Высказывая свое мнение, Адамович оговаривал отношение к центральной фигуре советской литературе: «...я ни в коей мере не разделяю довольно распространенного сейчас мнения, будто Горький тупой, ограниченный человек. Горький, мне кажется, по природе умен, сметлив, догадлив и, как все очень даровитые натуры, способен в нужный момент уловить чутьем то, чего не в силах понять» [5, с. 2]. И, сравнивая Горького с Бухариным, находил выступление последнего «интереснее, – и, как это ни странно, даже талантливее, – чем доклад Горького» [6, с. 2].

Откликаясь на заключительное слово Горького, редколлегия газеты «Возрождение» в передовице писала: «Мы тщательно, но тщетно, искали в этой речи обрывка мысли, какого-нибудь вдохновения, хотя бы ложного. Скучная, нудная речь жалкого раба, похожая на длиннейшие разглагольствования любого большевика, на любом съезде – партийном, техническом, колхозном, чекистском...» [1, с. 1].

Советские писатели докладом Горького тоже были недовольны. По мнению Ф.В. Гладкова, доклад «дидактичный и нравоучительный» [16, с. 354]. М.О. Шагинян охарактеризовала и доклад, и позицию Горького следующим образом: «На Горького теперь будут нападать. Доклад его на съезде неверный, неправильный, отнюдь не марксистский, это богдановщина, это всегдашние ошибки Горького. Горький – анархист, разночинец, народник, причем народник-мещанин, не из крестьян, а именно народник из мещан. В докладе это сказалось. Докладом все недовольны и даже иностранцы...» [9, с. 239].

В своем дневнике М. Пришвин, присутствовавший в день открытия на съезде, описывал, как реагировали писатели на доклад: «Горький снял пиджак и остался в синей рубахе. Горький читает, слышатся слова “начиная с первобытного человека”. И вот невыносимо. И те же самые люди, которые при одном слове “Горький” хлопали. Вдруг начали один за другим и пачками подниматься и уходить. Кто-то шепнул: “А может быть, он (Горький) давно уже помешался, а мы по инерции ходим и слушаем и ждем чего-то...” И зал опустел...» [21, с. 459].

Высшая власть страны отнеслась к докладу Горького почти аналогично: И.В. Сталин в письме А.А. Жданову 6 сентября 1934 г. делился впечатлением: «Съезд в общем хорошо прошел. Правда... доклад Горького² получился несколько бледный с точки зрения советской литературы» [8, с. 340].

Спустя месяц после съезда А.А. Щербаков в своем дневнике записывал, что хозяин «видит

три недочета в проведении съезда: 1) Немарксистский доклад Горького... 2) Заключительное слово Бухарина – истерика. 3) Мало подчеркнуто, особенно у Горького, что решающий момент в успехах литературы – это ликвидация РАПП. У Горького проявляется «пролеткультовский» атакизм. Горький делает ошибки, крупнейшая их них – погром писателей-коммунистов» [8, с. 330].

Но было и другое мнение. В своем выступлении К. Радек пытался объяснить стержень доклада: «Алексей Максимович в своем докладе широкими мазками набросал картину развития литературы от момента, когда не расколотое еще на классы человечество в песнях и сказках отражало свою борьбу за жизнь, до момента начала распада буржуазной литературы. История литературы классового общества – это история отрыва литературы от жизни народных масс» [19, с. 291]. «Правда» в редакционной статье охарактеризовала доклад: «Устами великого пролетарского писателя фронт советской культуры сформулировал свои основные, принципиальные воззрения» [2, с. 1].

Прошли годы. Но отношение к докладу Горького на Первом съезде практически не поменялось, по-прежнему оставаясь полярным: от «важнейшего документа о многолетнем пути развития духовной культуры человечества» [22, с. 151] и «духовного завещания» [см.: 18] до не содержащего «никаких открытий» и окрашенного «квазифилософской, просвещенческой отсебятиной» [см.: 15].

Так о чем говорил Горький с писателями с высокой трибуны съезда?

Во-первых, о том, что такое «социалистический реализм». Для Горького вопрос о творческом методе литературы был неразрывно связан с расширением возможностей правдивого показа в художественном произведении жизни, ее противоречий. Написанная за год до съезда статья «О социалистическом реализме» связывает проблему метода с вопросами формы, содержания, проблемами техники и мастерства писателя, роли мировоззрения и языка и др. Но в статье Горький практически не говорил прямо, что такое «социалистический реализм», он называл черты этого направления. Точные формулировки термина он оставлял за творческой практикой советской литературы.

Главным для писателя было следующее: «Литератор должен понять, что он не только пишет пером, но – рисует словами и рисует не как мастер живописи, изображающий человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии, в бесконечных столкновениях между собою, в борьбе классов, групп, единиц» [13, с. 5–6]. И работая над образами, художник прекрасно должен осознавать, что «в мире нет движения, которое не встречало бы сопротивления» [13, с. 6]. Именно это должно заставить молодого автора «тщательно изучать язык», т.к. писа-

тель «должен обладать хорошим знанием истории прошлого и знанием социальных явлений современности» [13, с. 6].

В своем письме к Е.С. Добину Горький уточнял свою позицию: «Наш реализм имеет возможность и право утверждать, его критика обращена на прошлое и отражение прошлого в настоящем. А основная его задача – утверждение социализма путем образного изображения фактов, людей и взаимоотношений людей в процессах труда» [14, с. 294]. Процесс труда для Горького был неразрывно связан с прогрессом, что в свою очередь затрагивало напрямую такое понятие, как поступательное движение к более справедливому устройству общества. Не случайно, что именно в предсъездовские годы Горький инициировал фундаментальные исторические серии «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История женщины», «История молодого человека XIX века» и др. Он смотрел на историю, как на свершившийся факт в процессе развития общества: «Прошлое не безусловно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать необходимо» [13, с. 309].

Разбросанные по статьям и письмам высказывания Горького о творческом методе являли собой систему взглядов, которая была в относительно законченном варианте представлена в докладе на Первом съезде. Основой изучения общественных взаимоотношений Горький сделал «трудо-вой процесс», который создал «основные начала культуры» [13, с. 298]. Писатель пытался донести до своих слушателей, что «именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей» [13, с. 319–320]. Он рассматривал «труд», как «творчество», приравнивая это к той степени «напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова» [13, с. 320].

Индивидуальное «творчество» обязательно должно вливаться в массу, ибо «социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда». И таким образом, социалистический реализм являет собой «бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы... ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» [13, с. 330].

Горьковская формулировка социалистического реализма оказалась слишком символичной, слишком широкой, слишком свободной. И потому на съезде советских писателей была закреплена иная формулировка термина «метод социалистическо-

го реализма», а именно: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания трудящихся людей в духе социализма» [19, с. 712]³.

Задолго до съезда, в 1929 г., А.М. Коллонтай писала: «Идет “молодняк”. Большинство с корнями в деревне. Это не пролетарии, переварившиеся в фабричном котле... Науку – “презирают”, вернее – ее не знают, с ней не считаются... И придают главное значение не существу, а форме... Наизусть запоминают передовицы “Правды”. И без критики, как догму, проводят в жизнь» [20, с. 122]. Малограмотность сметала с пути все, а массовое «газетное» сознание становилось нормой в обществе. Думается, Горькому, который любил следить за тем, «как растет человек» [11, с. 169], было все-таки тяжело слушать многочисленных гостей-читателей, которые с высокой трибуны предъявляли свои требования: «Мне как работнику авиации хотелось бы видеть высокохудожественные полотна о жизни и росте советской авиации. Нас удивляет, как этот увлекательный участок социалистического строительства до сих пор не нашел в литературе должного отражения» (из приветствия Архангельского от имени инженерно-технических работников краснознаменного ЦАГИ) [19, с. 63]; «...мы просим, чтобы вторая книга “Поднятой целины” скорее вышла и чтобы там Лукерья, которая все время ласкается к мужу, стала ударницей колхозного производства» (из приветствия Чабан от имени ударников-колхозников и колхозниц краснознаменной Московской области) [19, с. 227]; «В борьбе за реконструкцию сознания железнодорожников нам нужно и важно мастерство “инженеров душ”. Нам нужны такие книги, которые помогли бы нам вытаскивать транспорт на подъем. Но, товарищи, пусть герои этих книг не умирают, как это часто бывает в ваших романах, очерках и рассказах. Пусть герои ваших произведений живут и здравствуют, как тысячи незаметных героев, перестраивают транспорт на своих паровозах, на станциях, в депо, и в околотках пути и вагонных участках...» (из приветствия Бакурина от делегации московских железнодорожников) [19, с. 347]; «Расскажите в своих очерках, поэмах, стихах, романах всей нашей стране, трудящимся всего мира о том, как мы, рабочие, слесари, токари, плотники, печники, текстильщики, руководим своим государством, совмещая государственную деятельность со своей производственной работой. Покажите, как мы помогаем партии и советской власти выполнять в наикратчайшие срок задачу построения бесклассового социалистиче-

ского общества» (из приветствия рабочего завода им. Сталина Бурмистрова) [19, с. 661] и мн. др.

Несомненно, Горький слышал и эту воинственную требовательность, и этот эмоциональный напор. Несомненно, он осознавал эту малограмотность массового читательского сознания. Но – в президиуме съезда советских писателей сидел человек, который сам говорил про себя: «По отношению к человеку я – оптимист и очень верю, что поколение, идущее на смену моему, “выравнивается” и воспитает себя шире, глубже – лучше нас» [10, с. 96]. Он не только так считал, он работал для этого. Своим талантом он пытался раскрыть красоту процесса познания. В его докладе образ Тантала доведен до уровня символического обобщения: «Тантал стоит по горло в воде, его мучит жажда, но он не может утолить ее – это древний человек среди явлений внешнего мира, не познанных им» [13, с. 300].

Доклад Горького на первом съезде писателей являл собой новую эстетическую систему. Он предлагал осознать мифотворчество как реалистичную основу для искусства нового (советского!) мира. По его мнению, мифотворчество есть не что иное, как вековая мечта народа о справедливом обществе. Именно поэтому в своем Заключительном слове Горький призывал в первую очередь: «...учиться думать...» [13, с. 351]. Думать – чтобы, принимая опыт прошлого, понимать настоящее и идти в будущее.

Примечания

¹ М. Горький был избран почетным председателем Оргкомитета согласно Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1932 г. «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”». Среди перечня практических мероприятий было утверждение организационного комитета Союза советских писателей (по РСФСР) в составе: «1) Горького (почетный председатель), 2) Гронского (председатель союза и секретарь фракции), 3) Кирпотина (секретарь союза), 4) Фадеева, 5) Панферова, 6) Киршона, 7) Павленко, 8) Серафимовича, 9) Замойского, 10) Ставского, 11) Березовского, 12) Жига, 13) Билль-Белоцерковского, 14) Чумандрина, 15) Бахметьева, 16) Безыменского, 17) Федина, 18) Тихонова, 19) Малышкина, 20) Асеева, 21) Вс. Иванова, 22) Сейфуллиной, 23) Леонова и 24) Слонимского» [9, с. 175–176]. Сам писатель в письме И. Макарьеву от 23 сентября 1933 г. сообщал подробности этой организационной работы: «Вам вероятно известно, что предом Оргкома назначен я, несмотря на все мои просьбы не делать этого. И “вот взялся за гуж”. Работать приходится в сущности троим: Леоп<ольд Авербаху – О.Б.>у, Юдину, мне, я имею в виду организаторскую работу» [10, с. 278].

² Стоит отметить, что 2 августа 1934 г. Горький отправил свой доклад Сталину с просьбой «ознакомиться с ним поскорее, чтоб я успел вести в него поправки, которые Вы, может быть, сделаете» [9, с. 220]. Ответ Сталина не известен.

³ На это реакция критики эмиграции была незамедлительна. Г. Адамович, обративший самое пристальное внимание на устав Союза советских писателей, писал: «Авторы устава могли бы получить премию за умение наговорить множество слов и ничего при этом не сказать» [6, с. 2], и далее – «Если что и можно уловить в данном ими толковании социалистического реализма, то лишь то, что он преследует задачу “идейной переделки трудящихся людей в духе социализма” <...> Несомненно во всяком случае, что в форме “социалистический реализм” первое слово приобретает гораздо больше значения, чем второе, – и если между ними возникли бы какие бы nelaды, социализм всегда должен одержать верх над реализмом» [6, с. 2]. Адамовича поддержал литературовед А.Л. Бем: «Впервые в истории мировой литературы определенное литературное направление оказывается декретированным властью как обязательное для всей литературы» [7, с. 406].

Библиографический список

- [Б.п.] Жалкий раб // Возрождение. – 1934. – № 3386. – 10 сент.
- [Б.п.] Знамя эпохи: [От редакции] // Правда. – 1934. – № 228. – 19 авг.
- [Б.п.] Праздник советской культуры: [От редакции] // Правда. – 1934. – № 226. – 17 авг.
- [Б.п.] Задача советской литературы – пропаганда // Возрождение. – 1934. – № 3383. – 7 сент.
- Адамович Г. После съезда // Последние новости. – 1934. – № 4928. – 20 сент.
- Адамович Г. После съезда. 2 // Последние новости. – 1934. – № 4935. – 27 сент.
- Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С. Бочарова, предисл. и коммент. И. Сурат, С. Бочарова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 448 с.
- Большая цензура: Писатели и журналисты в стране советов. 1917–1956 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Л.В. Максименков. – М.: МФД: Материк, 2005. – 752 с.
- Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. – М.: МФД, 1999. – 872 с.
- Горький и советские писатели: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 70. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 736 с.
- Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2014. – Т. 17. Август 1927 – май 1928. – 870(2) с.

12. Горький М. Речь на заседании Оргкомитета Союза советских писателей // Правда. – 1933. – № 225. – 16 авг.

13. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933–1936. – 590(2).

14. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936. – 820 с.

15. Земляной С. Обуздание муз // Политический журнал. – 2004. – № 31. – 30 авг.

16. Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии / рук. коллектива Т.М. Горяева; сост. З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, Л.М. Бабаева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1. 1925–июнь 1941 г. – 1023 с.

17. Овчаренко А.И. Избранные произведения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1986.

18. Островская С.Д. Доклад Советская литература как духовное завещание М. Горького своим современникам // Человек и мир в творчестве М. Горького: Горьковские чтения 2006 года. Материалы Международной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С. 87–93.

19. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. – М.: ГИХЛ, 1934. – 720 с.

20. Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 304 с.

21. Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая / подгот. текста Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. – СПб.: Изд-во Росток, 2009. – 1008 с.

22. Романовский А. Знаменательная вежа. История становления советской литературы. – М., 1970. – 183 с.

23. Эренбург И. О съезде писателей 1934-го года и о культурной жизни 1946–1948-х годов // Русская литература XX века. Воспоминания / сост. К. Бёрнагер. [Б.м.] 1971. – 436 с.

References

1. [B.p.] Zhalkij rab // Vozrozhdenie. – 1934. – № 3386. – 10 sent.

2. [B.p.] Znamya ehpoi: [Ot redakcii] //Pravda. – 1934. – № 228. – 19 avg.

3. [B.p.] Prazdnik sovetsoj kul'tury: [Ot redakcii] // Pravda. – 1934. – № 226. – 17 avg.

4. [B.p.] Zadacha sovetsoj literatury –propaganda// Vozrozhdenie. – 1934. – № 3383. – 7 sent.

5. Adamovich G. Posle s»ezda // Poslednie novosti. – 1934. – № 4928. – 20 sent.

6. Adamovich G. Posle s»ezda. 2. // Poslednie novosti. – 1934. – № 4935. – 27 sent.

7. Bem A.L. Issledovaniya. Pis'ma o literature / sost. S. Bocharova, predisl. i komment. I. Surat,

S. Bocharova. – М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2001. – 448 s.

8. Bol'shaya cenzura: Pisateli i zhurnalisty v strane sovetov. 1917 – 1956 /Pod obshch. red. akad. A.N. YAkoleva; Sost. L.V. Maksimenkov. – М.: MFD: Materik, 2005. – 752 s.

9. Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya: Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917 – 1953 / Pod red. akad. A.N. YAkovleva; sost. A. Artizov, O. Naumov. – М.: MFD, 1999. – 872 s.

10. Gor'kij i sovetsoie pisateli: Neizdannaya perepiska // Literaturnoe nasledstvo. T. 70. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 736 s.

11. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: v 24 t. – М.: Nauka, 2014. – Т. 17. Avgust 1927 – maj 1928. – 870(2) s.

12. Gor'kij M. Rech' na zasedanii Orgkomiteta Soyuza sovetsoih pisatelej // Pravda. – 1933. – № 225. – 16 avg.

13. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: V 30 t. – М.: GIHL, 1956. – Т. 27. Stat'i, doklady, rechi, privetstviya. 1933–1936. – 590(2).

14. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: V 30 t. – М.: GIHL, 1956. – Т. 30. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1927–1936. – 820 s.

15. Zemlyanoj S. Obuzdanie muz // Politicheskij zhurnal. – 2004. – № 31. – 30 avg.

16. Mezhdumolotom i nakoval'nej: Soyuzsovetsoih pisatelej SSSR. Dokumenty i kommentarii / Ruk. kollektiva T.M. Goryaeva; sost. Z.K. Vodop'yanova, T.V. Domracheva, L.M. Babaeva. – М.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2010. – Т. 1. 1925–iyun' 1941 g. – 1023 s.

17. Ovcharenko A.I. Izbrannye proizvedeniya: V 2 t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1986.

18. Ostrovskaya S.D. Doklad Sovetskaya literatura kak duhovnoe zaveshchanie M. Gor'kogo svoim sovremennikam // Chelovek i mir v tvorchestve M. Gor'kogo: Gor'kovskie chteniya 2006 goda. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2008. – S. 87–93.

19. Pervyj Vsesoyuznyj s»ezd sovetsoih pisatelej. 1934: Stenograficheskij otchet. – М.: GIHL, 1934. – 720 с.

20. Perhin V.V. Russkaya literaturnaya kritika 1930-h godov: Kritika i obshchestvennoe soznanie ehpoi. – Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997. – 304 s.

21. Prishvin M.M. Dnevnik. 1932–1935. Kniga vos'maya / Podgot. teksta YA.Z. Grishinoj; Komment. YA.Z. Grishinoj. – SPb.: Izd-vo Rostok, 2009. – 1008 с.

22. Romanovskij A. Znamenatel'naya vekha. Istoriya stanovleniya sovetsoj literatury. – М., 1970. – 183 с.

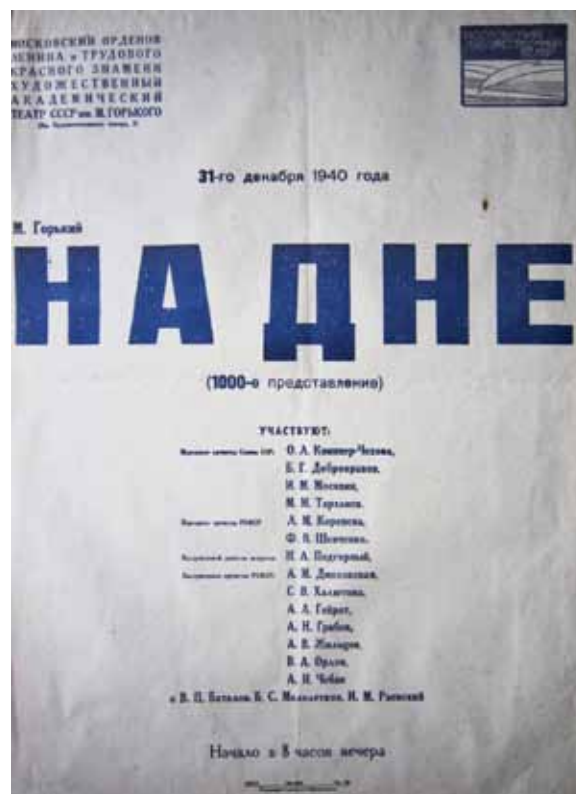
23. EHrenburg I. O s»ezde pisatelej 1934-go goda i o kul'turnoj zhizni 1946–1948-h godov // Russkaya literatura HKH veka. Vospominaniya / Sost. K. Byornager. [B.m.] 1971. – 436 s.

№5 М. Горький и его сын Максим. Горки, январь 1934 г.

Выступление М. Горького на 1 съезде.
Москва, 1934 г.

Афиша пьесы М. Горького «На дне».
Москва, 1940 г.

ПЬЕСА И.Э. БАБЕЛЯ «МАРИЯ» В ОЦЕНКЕ М. ГОРЬКОГО

В статье рассматривается история создания последней завершённой пьесы И.Э. Бабеля «Мария» и участие М. Горького в судьбе произведения. Задумав пьесу в начале 1930-х годов, Бабель читал её своему литературному наставнику в Сорренто весной 1933 года. М. Горький высказал драматургу ряд устных замечаний, а также позднее написал письмо, машинописная копия которого хранится в Архиве Горького ИМЛИ РАН. В письме Горький дал подробную характеристику пьесе, её главным героям, указал на недостатки произведения и не советовал автору ставить «Марию» в театре в той редакции, с которой познакомился. После получения письма Бабель продолжил работу над текстом пьесы. В статье приводятся интересные воспоминания А. Гладкова и Т. Тэсс о чтении пьесы Бабелем в Литературном музее в феврале 1934 года, а также рассматриваются первые критические отклики на новое, «изданное для чтения» произведение драматурга, так и не увидевшего свет рампы при жизни автора.

Ключевые слова: Исаак Бабель, «Мария», пьеса, М. Горький, драматургия, русская литература XX века.

Исаак Эммануилович Бабель считал М. Горького своим наставником в литературе. Они познакомились в 1916 году, когда в журнале «Летопись» Горький напечатал два рассказа начинающего писателя: «Мама, Римма и Алла» и «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» [12, с. 32–34]. В «Автобиографии» Бабель писал: «...я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением» [4, т. 1, с. 36]. Любовь Бабеля была настолько искренней и преданной, что 19 июня 1936 г., на следующий день после смерти Горького, он написал матери: «Этот человек был для меня совестью, судьей, примером. Двадцать лет ничем не омраченной дружбы и любви связывают меня с ним» [4, т. 1, с. 340]. Бабель всегда прислушивался к авторитетному мнению Горького и старался следовать его советам. В свою очередь Горький тоже признавался в симпатиях к писателю: «У всех, кто искренно любит литературу, в том числе и у меня, есть к Вам особое, исключительное отношение» [14, с. 43]. Горький не просто ценил писательский талант Бабеля: «Я его очень люблю и ценю высоко» (отмечал он в письме Вс. Иванову от 8 ноября 1927 г. [11, с. 81]); «Это – человек очень крупного и красочного таланта и человек строгих требований к себе самому <...> Бабель – большая надежда русской литературы» (в письме Р. Роллану от 22 февраля 1928 г. [11, с. 203]), – но и публично заступался за него перед С.М. Буденным, обвинившим автора «Конармии» в клевете и дегероизации истории [6].

Пьесу «Мария» Бабель задумал еще в начале 1930-х годов. О работе над ней он писал 28 ноября 1931 г. С.М. Михозсу, руководителю Государственного еврейского театра: «Замерзшая пьеса лежит, лежат сотни исписанных листов. Самое удивительное в этом деле, что я её всё-таки напишу; она не даётся, но мы её оседаем» [4, т. 4, с. 298]. Пьеса «Мария» – последнее значительное произведение Бабеля, опубликованное при жизни автора, это во многом биографический труд о со-

бытиях Гражданской войны, характерный образец поздней бабелевской прозы и «крик души» человека, столкнувшегося с неразрешимыми нравственными, художественными и политическими противоречиями. По справедливому замечанию И. Сухих, «пьеса “Мария”, лучшая вещь тридцатых годов, подобно “Конармии”, – эпически сдержанный, но полный трагизма рассказ о крушении миров» [18, с. 23]. Это пьеса о гибели семьи генерала Николая Васильевича Муковнина; о его дочерях, Марии, сражающейся в армии Буденного, и Людмиле (Люке), живущей вместе с отцом.

Бабелю во время работы над произведениями очень важно было знать мнение своего литературного наставника. Он дважды приезжал в Сорренто к Горькому: весной 1928 г. и весной 1933 г. «Во второй раз, в 1933 году, он не только читал свои короткие, “искрометные” рассказы, слушать которые сходились все обитатели “Il Sorrito”, но увлекательно, остроумно рассказывал об одесской жизни, о недавней поездке во Францию. Эти устные рассказы казались почти законченными, стилистически отделанными, их хвалил Горький, однако автор не торопился их издавать, “пробовал на публике”, выверял и оттачивал» [5, с. 346]. Помимо «искрометных рассказов» в свой приезд во второй половине апреля – в начале мая 1933 г. Бабель читал Горькому свою новую пьесу «Мария».

Тогда Горький высказал драматургу ряд замечаний, и Бабель 5 мая 1933 г., еще находясь в Сорренто, в письме Ф.А. Бабель и М.Э. Шапошниковой писал: «Мне не советуют посылать пьесу, надо бы конечно отвезти самому, я еще не решил, как поступить» [4, т. 4, с. 310]. В этот день Горький, готовящийся к отъезду из Италии в СССР, показывал своим гостям Неаполь: «Он показывал нам музеи – античную скульптуру (до сих пор опомниться не могу), картины Тициана, Рафаэля, Веласкеса. Вместе обедали и ужинали. Старик выпил, и здорово. <...> А.М. плакал безутешно – пил и, когда у него отбирали бокал, говорил: в последний раз в жизни... Незабываемый для меня день», – вспо-

минал Бабель [4, т. 4, с. 309–310]. Горький, занятый предстоящим отъездом, не смог сразу указать Бабелю на недостатки пьесы. Он сделал это позднее, в письме, когда получил рукопись. «Дорогой мой Бабель – когда вы – в Сорренто – прочитали Вашу пьесу, Вами, вероятно, замечено было, что ничего толкового, определенного я не мог сказать о ней и по поводу ее», – писал Горький Бабелю, будучи уже в России [14, с. 43].

8 мая 1933 г. Горький с семьей уехали из Сорренто. Среди провожающих был Бабель, который 11 мая 1933 г. в письме сестре сообщил: «Горький уехал восьмого. Поездом они отправились до Генуи, там пересядут на советский пароход, идущий прямым рейсом до Одессы. Я провожал “хозяина” до Неаполя, остался там на два дня, вернулся вчера вечером. Мы одни с Маршаком в громадной вилле» [4, т. 4, с. 310–311], а далее добавлял: «Начинаю переписывать пьесу, через несколько дней пошлю её в Москву» [4, т. 4, с. 311].

Была ли пьеса послана Горькому в Москву во второй половине мая, установить не удалось. Однако точно можно сказать, что напряженная работа над пьесой продолжалась у Бабеля до 1934 г., о чем свидетельствуют его письма 1933–1934 годов. 29 мая 1933 г. в письме А.Г. Слоним он пишет: «В работе – неудачи. Пьесу написал – не вышло. Не могу пока определить – окончательная эта неудача или еще поправимо» [4, т. 4, с. 313]. Затем в письмах М.Э. Шапошниковой 21 сентября, 13 и 23 декабря 1933 г.: «Переделываю теперь “труд”, написанный в Париже, конец там вышел неудачен» [4, т. 4, с. 315]; «Могу доложить, что закончил пьесу. В ближайшие дни перепишу её и пошлю в Москву» [4, т. 4, с. 325]; «Рукопись переписываю и дня через два пошлю в Москву, вот начнется суета литературной братии...» [4, т. 4, с. 327].

Бабель, по всей вероятности, рукопись Горькому отправил, как и обещал. 29 декабря 1933 г. в письме А.Н. Афиногенову, редактору журнала «Театр и драматургия», он писал: «Предложение, конечно, принимаю» [4, т. 4, с. 328], – речь идет о предложении Афиногенова напечатать пьесу «Мария». Только через год решение о публикации было дано окончательно, когда уже прошла публичная читка пьесы и были даны рекомендации Горького. О предстоящей публикации Бабель писал матери, Ф.А. Бабель, 24 февраля 1935 г.: «Новость: решились напечатать “Марию” – она появится в мартовском или апрельском номере журнала. Это хорошее предзнаменование для постановки» [4, т. 4, с. 336].

Горькому рукопись переработанной пьесы была передана П.П. Крючковым, которому Бабель 13 марта 1934 г. писал: «Дорогой П.П. Маленько переделал сочинение; сделайте одолжение передайте А.М.» [1]. В Архиве Горького рукопись пьесы Бабеля не сохранилась, но сохранилась машинопись недатированного письма Горького Бабелю

о пьесе «Мария» [2], опубликованного в «Литературном наследстве» в 1963 г., в котором Горький отметил, что пьеса Бабеля его «удивила, но не взволновала», а далее в письме добавил: «Это искусная работа и в ней мастерски даны очень тонкие, острые детали» [14, с. 43]. Подчеркнув художественные достоинства произведения, Горький поспешил напомнить Бабелю о его миссии советского писателя: «От Вас, очень талантливого и мудрого человека, ждут каких-то особенно четких и больших работ» [14, с. 43].

За Бабелем закрепилась репутация великого молчальника в литературе: «Если заговорили о молчании, то нельзя не сказать обо мне – великом мастере этого жанра» [17, с. 279]. Об этом молчании писал в своем дневнике за 1931 год В.П. Полонский, главный редактор журнала «Новый мир»: «Он не печатает новых вещей более семи лет. Все это время живет на проценты с напечатанного» [9, с. 195]. Отношение Бабеля к литературному труду было сродни религиозному служению. Этим можно объяснить долгое вынашивание замысла, мучительные поиски Слова, скрупулезную работу над своими произведениями и то, что автор не спешил их публиковать. Всё это в полной мере относится и к пьесе «Мария»: прежде, чем быть напечатанной, она неоднократно была прочитана Бабелем перед заинтересованной публикой.

Сохранилось несколько свидетельств того, как Бабель читал свою пьесу «Мария». Первое – дневниковая запись А.К. Гладкова: «1934 год. 28 февраля. В помещении Литературного музея в Ваганьковском переулке И. Бабель читает пьесу “Мария” и новый рассказ “Улица Данте”. Читает он превосходно, под сплошной смех. И сам он тоже симпатично смешной, с носом пуговкой, в круглых очках с немодной оправой, с какими-то выразительнейшими, вкусно артикулирующими губами, с лукавой усмешкой... Чтение так ярко, что до сих пор помню все интонации. “Мария” – вещь гениальная, рассказ “Улица Данте” тоже мастерский, но более инерционный. “Мария” очень трудна будет для театра своей простотой и лаконизмом. Не знаю, правомерно ли такое сравнение, но мне захотелось сказать, что она почти так же трудна, как трудны для сцены маленькие драмы Пушкина. Почему-то народу было не очень много... Я долго не мог прийти в себя от этого редкого праздника искусства» [10, с. 17–18].

Второе – воспоминание подруги Бабеля Татьяны Николаевны Тэсс (Соссюра), сотрудницы газеты «Известия»: «...неожиданным было сообщение, что в Литературном музее Бабель прочтет свою новую пьесу. То была “Мария”».

Отличный чтец, он волновался, читая пьесу: щеки его порозовели, дыхание прерывалось – впервые я видела его таким. У меня сохранилась вырезанная из газеты “Вечерняя Москва” фотография,

сделанная в комнате музея после читки. На ней можно увидеть оживленную и нарядную Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, молодую, красивую Ангелину Иосифовну Степанову, меня в нагнутом на ухо берете, Николая Дмитриевича Волкова и напротив них автора пьесы, улыбающегося смущенной и как будто виноватой улыбкой...» [9, с. 228–229]. Воспоминания Т. Тэсс содержат одну ошибку: фотография была напечатана не в «Вечерней Москве», а в «Литературной газете» [13, с. 4], но ценность их несомненна. Они дают еще одно представление о Бабеле-чтеце, исполнителе своих произведений.

Критик Е. Пельсон в статье «Новая пьеса И. Бабеля. На авторской читке в Литературном музее» отметил, что «автор недоволен своим новым творением. Некое пренебрежение, которое, впрочем, можно легко принять за маскируемое смущение, сквозило в движениях и интонациях Бабеля, когда он приступил к пьесе» [16, с. 4]. Далее рецензент замечал, что, по замыслу автора, пьеса «Мария» – только первая часть большого драматического произведения, идея которого – «гибель старого мира, которому не по пути с революцией. Продолжение “Марии”, над которой сейчас работает Бабель, будет посвящено утверждению новых революционных начал и роли в этом Марии» [16, с. 4]. 2 марта 1934 г. в газете «Вечерняя Москва» вышла статья А. Кут(а) «“Мария”. Новая пьеса И. Бабеля», в которой говорилось: «Мы слушали в *Литературном музее* новую пьесу И.Э. Бабеля “Мария”. <...> Пьеса написана характерным для Бабеля *полноценным языком* – с его чисто французской лапидарностью, с острыми диалогами, мастерски сделанными сценами, с удачно вмонтированными в текст красочными словечками, письмами и т.д.

Пьеса принята к постановке театром им. Вахтангова» [7, с. 3, выделено автором цитаты]. Последнему утверждению, к сожалению, не суждено было сбыться.

Пьеса «Мария» отличается от пьес современников своей искусностью, на которую обратил внимание Горький, точностью, взвешенностью каждого слова, каждой реплики, стройностью композиции. Бабелевская лапидарность проявилась и здесь. Так, в своих воспоминаниях «Встречи и беседы с Максимом Горьким» А.К. Воронский рассказывал, как однажды Горький спросил его: «Читали последние рассказы Бабеля? Язык-то какой! Превосходный язычок! Трудится Бабель, много трудится, а про него говорят, будто он лодыр. Неправда это» [8, с. 222].

Действие в пьесе разворачивается в двух пространствах: в «номерах на Невском», где обитает циничный делец черного рынка Исаак Дымшиц и где пропадает младшая сестра Люка, и в квартире на Миллионной, где живут дворяне Муковнины, ждущие вестей от старшей дочери. Заглавная

героиня – Мария (Мария Николаевна Муковнина) – внесценический персонаж, её нет в списке действующих лиц, но она незримо присутствует на страницах пьесы, о ней постоянно вспоминают близкие. В пятой картине пьесы приведено письмо Марии о её боевых буднях и товарищах, звучит её голос [3, с. 42–45]. Эпистолярный монолог Марии побудил Горького назвать Бабеля романтиком, и утверждать в письме следующее: «Вы, по существу, кажетесь романтиком, но кажется, что Вы почему-то не решаетесь быть таковым. Марией, которая участвует в пьесе лишь “эпистолярно”, и последним актом утверждается Ваша склонность к романтизму, но выражена она фигурами, которые не кажутся удачными и даже позволяют думать, что они введены в пьесу как “уступка” некоему требованию извне, а не как противопоставление, обоснованное автором эмоционально» [14, с. 44].

В последней, восьмой, картине изображены новые герои, бодро заселяющие квартиру то ли умерших, то ли пропавших Муковниных – семья рабочего Сафонова: «костлявый молчаливый парень» и «беременная жена его Елена, длинная, с маленьким светлым лицом» [3, с. 63; 4, т. 3, с. 254]. Комнаты залиты «ослепительным светом» солнца, «в окне облитые солнцем колонны Эрмитажа, угол Зимнего дворца». Однако в тот момент, когда опускается занавес, домработница Нюшка «пронзительно и неожиданно» запекает народную балладу о казаке, возвращающемся из похода, которая обрывается на словах: «Вот год прошел...» [3, с. 66; 4, т. 3, с. 256]. Продолжение баллады – трагическое: казак ошибочно заподозрил девушку в измене и застрелился. Автор сознательно опускает финал баллады для того, чтобы в финале пьесы у слушателя/читателя/зрителя осталась неуверенность в завтрашнем дне, в зыбкости границ между жизнью и смертью, любовью и ненавистью, старым миром и новым.

Герой пьесы Исаак Маркович Дымшиц – циничный еврей-спекулянт, делец черного рынка, о котором Горький написал: «В пьесе Вашей особенно не нравится мне Дымшиц, напоминающий Гржебина¹. Вы поставили его в позицию слишком приятную для юдофобов» [14, с. 44]. Авантюрист и аферист Дымшиц, обиженный неуступчивостью Людмилы, ищущей в революционном Петрограде радостей жизни, обманывает её и бросает на произвол судьбы. Его образ типичен для творчества Бабеля: это хищник-циник из «Одесских рассказов», Тартаковский и Боярский из пьесы «Закат». Сохранилось воспоминание А.Н. Пирожковой о том, как Бабель ходил на судебные заседания и об одном его устном рассказе о еврее-спекулянте, отдаленно напоминающего героя пьесы «Мария»: «Я запомнила приблизительное содержание одного из рассказов Бабеля по материалам судебной хроники, который он мне прочел. Это рассказ о суде над старым ев-

реем-спекулянт. Судья и судебные заседатели были из рабочих, без всякого юридического образования, не искушенные в судопроизводстве. Еврей же был очень красноречив. В этом рассказе еврей-спекулянт произносил такую пламенную речь в защиту Советской власти и о вреде для нее спекуляции, что судьи, словно загипнотизированные, вынесли ему оправдательный приговор» [9, с. 274].

Горький, прочитав пьесу Бабеля, писал ему: «Я не считаю себя “драматургом”, но, должно быть, могу более или менее интересно писать для театра забавные сценки, чем и объясняется театральный “успех” мой. Думаю, что Вы тоже не драматург, ибо форма эта требует легкой и ловкой руки, а у Вас – рука – тяжелая. Говоря между нами, хорошая подлинная драма – исключение весьма редкое: от Гуцкова остался Уриель Акоста, от Островского – “Гроза” и т. д. – остаются жить только те драмы, которые родственны – “высокому искусству” – трагедии, и очень жизнеспособна комедия, на ней бы и должен строиться современный театр.

И вот мне думается, что Вам, человеку, который обладает свойством юмора, нередко переходящего в сарказм, – Вам бы попробовать комедию написать. Дрaму Вы строите почти всегда на какой-то большой, но – подорванной, разбитой силе» [14, с. 43–44]. Бабель по совету Горького, действительно, принялся за создание комедии. В письме М.Э. Шапошниковой от 13 декабря 1933 г. он писал: «Могу доложить, что закончил пьесу. В ближайшие дни перепишу её и пошлю в Москву. Самое замечательное в этом казусе, что я начал уже и другую – и похоже, на какой-то чистый ключ набрел, научился на прежних работах» [4, т. 4, с. 325]. 24 февраля 1935 он сообщил матери: «Комедия моя медленно, но движется вперед – если бы мне её закончить к Маю – вот дело было бы... Со мной странное превращение – прозой не хочется писать, только в драматической форме» [4, т. 4, с. 336]. Судьба этой пьесы Бабеля не известна. Однако эти письма являются косвенным свидетельством того, что письмо Горького Бабель получил и принял его советы.

В заключении своего письма о пьесе Бабеля Горький предусмотрительно писал: «...вывод я бы сделал такой: не ставьте эту пьесу в данном её виде. Критика укажет Вам, что пьеса не в тоне с действительностью, что все показанное отжило, да и не настолько типично, чтоб показывать его. И будет подчеркнут пяток реплик, которые дадут охочим людям право на политические умозаключения, враждебные лично Вам» [14, с. 44]. Горький оказался прав. Несмотря на то, что после полученного письма Горького Бабель еще долго работал над текстом пьесы, критика встретила «Марию» враждебно.

Впервые пьеса «Мария» была опубликована в мартовском номере журнала «Театр и драматургия» за 1935 г. [19] со статьей И. Лежнева «Новая

пьеса Бабеля» [19, с. 46–57]. Критик, отмечая художественный талант Бабеля в изображении отдельных героев и сцен, писал: «Многое подмечено автором зорко, написано мастерски. Это относится раньше всего к Дымшицу, Висковскому, Люке. Распад быта и нравов внутренней эмиграции, развал гнезда Муковниных обрисованы ярко и жизненно.

В построении интриги, в характеристиках героев, в подборе эпитетов Бабель еще раз показал себя зрелым и скупым мастером» [19, с. 56]. Далее он добавлял: «Бабель – большой художник. Бабель взял на себя большое обязательство на съезде писателей. Мы вправе предъявлять к нему высшие требования» [19, с. 57]. И затем упрекал Бабеля в игнорировании законов социалистического реализма и советовал «освободиться от политических ошибок, от пренебрежения к истории и правде революционной действительности, от диспропорций в широте обобщения социальных типов, от злоупотребления эротикой» [19, с. 57]. Статья И. Лежнева была напечатана под всем текстом пьесы – со второй до последней страницы: невозможно было её не заметить.

В том же году пьеса вышла отдельным изданием в прежней редакции в издательстве «Художественная литература» [3], – с краткой аннотацией: «Новая пьеса И. Бабеля показывает разложение буржуазной интеллигенции. Действие происходит в Петрограде в первые годы после революции. На сцене выводится семья генерала Муковнина.

Пьеса имеет значительные литературные достоинства и *издается для чтения*» (курсив мой – Е.К.) [3, с. 67]. Была ли эта книга получена Горьким, установить не удалось: в Личной библиотеке Горького в Москве это издание отсутствует [15].

Бабель надеялся увидеть постановку своей пьесы в театре. В письме Шапошниковой от 18 февраля 1934 г., за 10 дней до публичного чтения в Литературном музее, Бабель писал: «Драматургический мой зуд продолжается... Написанная уже пьеса будет поставлена одновременно в двух театрах – у Вахтангова и в Еврейском, под режиссерством Михоэлса» [4, т. 4, с. 329–330]. Однако «изданная для чтения» и получившая не благоприятные отзывы критики и литературного наставника, пьеса «Мария» не была поставлена на сцене при жизни автора и долгое время оставалась фактом литературным, но не театральным.

Примечания

¹ Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929), издатель, возглавлявший частное книгоиздательство, организованное в Петрограде в 1919 г. для выпуска произведений русских писателей.

Библиографический список

1. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – КК-рл-1-29-5.

2. Архив А.М. Горького. – ИМЛИ РАН. – ПГ-рл-3-1-1.
3. Бабель И. Мария. Пьеса в 8 картинах. – М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935. – 68 с.
4. Бабель И.Э. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Время, 2006.
5. Быковцева Л. Горький в Италии. – М., 1979. – 400 с.
6. Быстрова О.В. Открытое письмо М. Горького С.М. Буденному: к истории вопроса // Вестник МГПУ. – 2016. – № 4. – С. 25–33.
7. Вечерняя Москва. – 1934. – № 50. – 2 марта. – С. 3.
8. Воронский А. Встречи и беседы с Максимом Горьким (Из воспоминаний). Текст воспоминаний и комментарии подготовлены И.И. Дикушиной и А.Е. Погосовой // Новый мир. – 1966. – № 6. – С. 212–224.
9. Воспоминания о Бабеле. – М.: Книжная палата, 1989. – 336 с.
10. Гладков А.К. Театр: Воспоминания и размышления / предисл. И. Ильинского; послесл. А. Мацкина. – М.: Искусство, 1980. – 463 с.
11. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 17. – М.: Наука, 2014. – 870 с.
12. Летопись (Петроград). – 1916. – № 11. – С. 32–34.
13. Литературная газета. – 1934. – № 26. – 4 марта. – С. 4.
14. Литературное наследство. Т. 70: М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М., 1963. – С. 43–44.
15. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: в 2 т. – М.: Наука, 1981.
16. Пельсон Е. Новая пьеса И. Бабеля. На авторской читке в Литературном музее // Литературная газета. – 1934. – № 26. – 4 марта. – С. 4.
17. Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. – М., 1934. – 718 с.
18. Сухих И. Игра с огнем // Бабель И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Время, 2006. – С. 16–26.
19. Театр и драматургия. – 1935. – № 3. – С. 45–59.

References

1. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – KK-rl-1-29-5.
2. Arhiv A.M. Gor'kogo. – IMLI RAN. – PG-rl-3-1-1.
3. Babel' I. Mariya. P'esa v 8 kartinah. – M.: Gos. izd-vo «Hudozhestvennaya literatura», 1935. – 68 s.
4. Babel' I.E.H. Sobr. soch.: v 4 t. – M.: Vremya, 2006.
5. Bykovceva L. Gor'kij v Italii. – M., 1979. – 400 s.
6. Bystrova O.V. Otkrytoe pis'mo M. Gor'kogo S.M. Budennomu: k istorii voprosa // Vestnik MGPU. – 2016. – № 4. – S. 25–33.
7. Vechernyaya Moskva. – 1934. – № 50. – 2 marta. – S. 3.
8. Voronskij A. Vstrechi i besedy s Maksimom Gor'kim (Iz vospominanij). Tekst vospominanij i kommentarii podgotovleny I.I. Dikushinoj i A.E. Pogosovoj // Novyj mir. – 1966. – № 6. – S. 212–224.
9. Vospominaniya o Babele. – M.: Knizhnaya palata, 1989. – 336 s.
10. Gladkov A.K. Teatr: Vospominaniya i razmyshleniya / Predisl. I. Il'inskogo; Poslesl. A. Mackina. – M.: Iskusstvo, 1980. – 463 s.
11. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma v 24 t. T. 17. – M.: Nauka, 2014. – 870 s.
12. Letopis' (Petrograd). – 1916. – № 11. – S. 32–34.
13. Literaturnaya gazeta. – 1934. – № 26. – 4 marta. – S. 4.
14. Literaturnoe nasledstvo. T. 70: M. Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska. – M., 1963. – S. 43–44.
15. Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: Opisanie: v 2 t. – M.: Nauka, 1981.
16. Pel'son E. Novaya p'esa I. Babelya. Na avtorskoj chitke v Literaturnom muzee // Literaturnaya gazeta. – 1934. – № 26. – 4 marta. – S. 4.
17. Pervyj vesesoyuznyj s'ezd sovetskih pisatelej. 1934. Stenograficheskij otchet. – M., 1934. – 718 s.
18. Suhij I. Igra s ognem // Babel' I. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3. – M.: Vremya, 2006. – S. 16–26.
19. Teatr i dramaturgiya. – 1935. – № 3. – S. 45–59.

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ДУШИ И ТИП ГЕРОЯ В РАССКАЗАХ
«КОНОВАЛОВ» М. ГОРЬКОГО И «ЧЁРНЫЕ ЛЕБЕДИ» Г. ГАЗДАНОВА

В статье выявляется художественное осмысление проблемы русской души и типа героя в ранних рассказах М. Горького «Коновалов» и Г. Газданова «Черные лебеди». Эта проблема является одной из ключевых в русской философии и литературе Серебряного века и преемственно связанной с ними литературе первой волны эмиграции. О двойственной природе русского характера, о противоречиях и свойствах загадочной русской души размышляли такие философы, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун и др., многие писатели, включая И.А. Бунина и М. Горького. В анализируемых рассказах в образах Коновалова и Павлова авторы запечатлели тип героя, воплощающего характерные особенности русской души: иррациональность и противоречивость, силу и слабость, незаурядность натуры и неприспособленность к жизни, абсурдность поступков и необъяснимую тоску, мечтательность и странничество. И хотя герои разнятся по социальному статусу, месту и образу жизни, окружению и воспитанию, их объединяют общая ментальность, мировосприятие и язык.

Ключевые слова: русская душа, тип героя, рассказ, мотивы одиночества, скуки, тоски, странничество.

Проблема русской души является одной из ключевых в отечественной философии и литературе рубежа XIX–XX-го веков и времени первой волны эмиграции. О ней много размышлял и писал Горький. В статье «Две души» (1915), полностью посвященной рассматриваемой проблеме, он утверждал: «У нас, русских, две души, одна от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя... а рядом с этой бесильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая...». В том же 1915 году вышла работа Н.А. Бердяева «Душа России», в которой философ раскрывал двойственную природу русского характера, противоречивость русской души, соединившей в себе женственное и мужественное начала. По словам Бердяева, «та же антиномичность проходит через все русское бытие» [2, с. 14].

И.А. Бунин в «Великом дурмане», говоря о тяжких грехах тех, кто вольно или невольно способствовал «кровавому безобразию и ужасу», ставит вопрос об отношении к народу, цитирует Герцена и Глеба Успенского, вспоминает старинную русскую пословицу: «Из нас, как из древа, – и дубина, и икона». В «Окаянных днях» писатель развивает эту мысль: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, “шаткость”, как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона”, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев» [3, с. 337].

После выхода в свет повести «Деревня» Бунин, комментируя свой замысел, заметил, что его интересуют «не мужики сами по себе, а души русских людей вообще», и продолжил: «Я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изо-

бражение черт психики славянина» [10]. Этот комментарий Бунина важен для понимания и выбора методологии изучения национального характера в его психотипических проявлениях, для определения глубинных свойств души героя и выявления индивидуального авторского видения ментальности русского (и не только) человека.

В контексте рассматриваемой проблемы вызывают интерес книги Н.А. Бердяева «Судьба России» (1918), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея» (1946); работы Г.П. Федотова «Лицо России» (1918), «Три столицы» (1926), Ф.А. Степуна «Мысли о России» (1927), а также статьи М. Горького 1905–1915 годов, вышедшие в 1918 году отдельным изданием, серия очерков «О русском крестьянстве» (1922) и «Заметки из дневника» («Книга о русских людях») (1924).

Бердяев в статье «Душа России» подчеркивает: «Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. <...> Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее глазами. <...> Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным. Все дальше и дальше должно идти, к концу, к пределу, к выходу из этого “мира”, из этой земли, из всего местного, мещанского, прикрепленного» [2, с. 19, 20]. Философ замечает, что «повесть» о странниках можно прочесть в великой русской литературе, и называет имена Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. Ряд этот может быть продолжен именами Горького, запечатлевшего «странничество» как национальное явление, и Газданова, создавшего типы русских эмигрантов, обреченных на странствие. Обратимся к ранним рассказам М. Горького «Коновалов» (1896) и Г. Газданова «Черные лебеди» (1930).

Рассказ Горького начинается с сообщения о самоубийстве героя, именем которого и названо произведение: «Рассеянно пробегая глазами газетный лист, я встретил фамилию – Коновалов и, заинтересованный ею, прочитал следующее: “Вчера ночью, в 3-й камере местного тюремного замка, повесился на отдушине печи мащанин города Мурома Александр Иванович Коновалов, 40 лет. Самоубийца был арестован в Пскове за бродяжничество и пересылался этапным порядком на родину. По отзыву тюремного начальства, это был человек всегда тихий, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова к самоубийству, как заключил тюремный доктор, следует считать меланхолию”. Я прочитал эту краткую заметку и подумал, что мне, может быть, удастся несколько яснее осветить причину, побудившую этого задумчивого человека уйти из жизни, я знал его. <...> Это был славный мальчик, а их не часто встречаешь на жизненном пути» [6, с. 5].

Герой рассказа Газданова Павлов – русский эмигрант, так и не сумевший привыкнуть к своему новому положению, тоже сводит счеты с жизнью, о его смерти сообщается в экспозиции произведения: «Двадцать шестого августа прошлого года я раскрыл утром газету и прочел, что в Булонском лесу, недалеко от большого озера, был найден труп русского, Павлова» [4, т. 3, с. 127]. И далее ретроспективно излагается его история как «самого удивительного человека во многих отношениях» из тех, кого знал герой-повествователь.

В самом начале рассказов отмечается *исключительность* героя, что и побуждает повествователя рассказать о его жизни. До знакомства с Коноваловым Максим узнает от хозяина пекарни, что он замечательный пекарь: «Золото!». «Вот он придет, возьмется за работу и месяца три-четыре учнет ломить, как медведь! Сна, покоя не знает, за ценой не стоит. Работает и поет! Так он, братец ты мой, поет, что даже слушать невозможно – тягостно делается на сердце. Поет, поет, потом учнет снова пить (Здесь и далее в цитатах курсив мой – А.С.)» [6, с. 7].

Характеризуя Павлова, автор «Черных лебедей» также подчеркивает в нем физическую выносливость, которая не могла сравниться «с его душевной силой, пропадавшей совершенно впустую» [4, т. 3, с. 129]. Оба героя, Павлов и Коновалов, от природы наделены недюжинной силой и удивительными свойствами души, не находящими применения в жизни. Герой Горького работает «артистически». «Он любил работать, увлекался делом <...> и был *по-детски* весел и доволен, если хлебы из печи выходили правильно круглые, высокие, “подъемистые”, в меру румяные, с тонкой хрустящей корочкой. <...> И мне было приятно смотреть на этого *гигантского ребенка*, влагавшего всю душу в работу свою» [6, с. 15–16]. В облике Коновалова детскость, не соответствующая его

физической силе и высокому росту, является доминантной характеристикой. И Коновалову, и Павлову присуща такая «чрезвычайно редкая черта», подмеченная автором «Чёрных лебедей», как «*особенная свежесть <...> восприятия, особенная независимость мысли – и полная свобода* от тех предрассудков, которые могла бы вселить в него среда» [4, т. 3, с. 138]. В рассказе «Черные лебеди» образ Павлова раскрывается с неожиданной стороны: «...Этот непоколебимый и непогрешимый человек, был, в сущности, *мечтателем*» [4, т. 3, с. 134]. А на вопрос, любит ли он что-нибудь на свете, герой отвечает собеседнику утвердительно и вспоминает свое детство, «охоту с револьвером на барсука в России, во Владимирской губернии», речку, лодку, лебедей, о которых он говорит с волнением как о самых прекрасных птицах в мире.

Образ Коновалова наделяется *романтическими* чертами и *поэтизируется* автором. Его природная одаренность проявляется в работе пекаря, которая в какой-то момент начинает его тяготить, в том, как Коновалов воспринимает читаемые ему Максимом вслух книги, особенно «Бунт Сеньки Разина» Костомарова, и в том, как он поет. «Пел Коновалов баритоном, на высоких нотах переходившим в фальцет, как у всех певцов-мастеровых. Подперев щеку рукой, он с чувством выводил заунывные рулады, и лицо его было бледно от волнения, глаза полужакрыты <...>. Голос Коновалова вибрировал, плакал и стонал, – было до слез жалко видеть этого славного парня поющим свою грустную песню» [6, с. 42].

Герои Горького и Газданова схожи утратой интереса к жизни и деклассированным («undeclassé», как характеризует своего героя Газданов), маргинальным положением в обществе. Писатели запечатлели тип человека неудовлетворенного, который мог реализоваться только в каком-то большом и важном деле. Душевные запросы героев рассказов таковы, что будничное прозябание их не устраивает. Не случайно одним из мотивов в раскрытии их образов становятся мотивы *скуки* и *тоски*: «Жить мне *скучно*: работать и есть? Меня не интересует ни политика, ни искусство, ни судьба России, ни любовь: мне *просто скучно*», – признается Павлов герою-повествователю [4, т. 3, с. 139].

По словам Коновалова, на него тоска находит. «Такая, скажу я тебе, братец мой, *тоска*, что невозможно мне в ту пору жить, совсем нельзя. Как будто я один человек на всем свете и, кроме меня, нигде ничего живого нет. И все мне в ту пору противеет; и *сам я себе становлюсь в тягость*, и все люди; хоть помирай они – не охну! *Болезнь* это у меня, должно быть. *С нее я и пить начал...*» [6, с. 12]. Вспомним, что в начале рассказа упоминается *меланхолия* как причина самоубийства Коновалова. Тоска гонит его по Руси, но и странничество не спасает. Коновалов хорошо поет, но и пение

ему не в радость, в песне он изливает свою тоску: «Начну я тосковать, тогда и пою... И, ежели петь начну, – затоскую» [6, с. 16].

Причиной самоубийства Павлова в рассказе Газданова является национальная болезнь – *скука*, особенно остро переживаемая на чужбине. В предсмертной записке, адресованной брату, он пишет: «Милый Федя, жизнь здесь *тяжела и неинтересна*» [4, т. 3, с. 127]. *Душевная катастрофа*, переживаемая Павловым на чужбине, связана с атрофией чувств и утратой интереса к жизни, что многое объясняет в положении газдановских героев и наполняет трагическим смыслом «русскую тему» в произведениях писателя. Повествователя в Павлове удивляет то, что *физическая любовь к жизни* не была сильна у этого человека» [4, т. 3, с. 140].

Коновалов, под влиянием книг и общения с Максимом впервые задумавшийся о смысле жизни, пытается понять, что с ним не так: «...Этакой искорки в душе нет... силы, что ли?» [6, с. 19]. Скучая и тоскуя, Коновалов и Павлов тягостятся будничной жизнью. Ю.В. Мальцев, автор известной монографии о Бунине, обратил внимание на «одну из самых удивительных черт русского характера», поражающих Бунина, – на «абсолютную неспособность к нормальной жизни, *экзистенциальную тоску и отвращение к будням*» [8, с. 164].

Другой мотив, важный для понимания русского характера, воплощенного в образах Коновалова и Павлова, передающий драматизм их существования, – это *мотив одиночества*. Реализуясь в тексте, он насыщается экзистенциальным смыслом – *неприкаянности, ненужности никому*. В разговоре с героем-повествователем Павлов признаётся: «...Никому решительно моя жизнь не нужна» [4, т. 3, с. 139], в том числе и самым близким людям, матери и брату. Об этом он говорит с удивительным спокойствием, давно примирившись со своим положением.

Если газдановский герой четко осознает свое одиночество, то Коновалов, только начинающий задумываться о жизни, однажды задается вопросом: «*Зачем я живу на земле и кому я нужен, ежели посмотреть? Ни угла своего, ни жены, ни детей, и ни до чего этого даже и охоты нет. Живу, тоскую... Зачем? Неизвестно? Внутреннего пути у меня нет, понимаешь*» [6, с. 19]. Самоанализ героев, осознание своего неукорененного существования, изгнанничество и бродяжничество, утрата смысла жизни приводят их к самоубийству. Утверждение Н.А. Бердяева о том, что русская душа «поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным» [2, с. 20], позволяет объяснить психотип героев Горького и Газданова.

Коновалов – босяк, он смирился со своим положением человека, отверженного обществом:

«Особливые мы будем люди... ни в какой порядок не включаемся» [6, с. 21]. И пытается сам для себя уяснить этот порядок вещей: «Кто перед нами виноват? Сами мы пред собой виноваты... Потому у нас *охоты к жизни нет* и к себе самим мы чувств не имеем» [6, с. 21]. Максима поражает, что «этот большой человек с ясными глазами ребенка... выделил себя из жизни в разряд людей, для нее не нужных и потому подлежащих искоренению» [6, с. 21]. В умозаключении Коновалова о собственной вине проявляется его смирение перед жизнью, присутствие русской душе и противостоящее бунтарству.

Душевная катастрофа, переживаемая Павловым, находит объяснение в словах повествователя: «<...> Может быть, его же собственная сила, искавшая выхода или приложения, побудила его к самоубийству; он взорвался, как закупоренный сосуд, от страшного внутреннего давления» [4, т. 3, с. 129]. То же можно сказать и о незаурядной натуре Коновалова, в облике которого подчеркиваются физическая сила и детская наивность, трудолюбие и пренебрежение к накопительству, чтобы начать свое дело и жить жизнью среднестатистического человека. Будучи натурой стихийной, он действует непредсказуемо и сам страдает от этого (история с Капитолиной), не способен объяснить свои поступки.

Типологическая близость рассказов «Коновалов» и «Черные лебеди» не ограничивается сходством персонажей, особенностями устройства их души и неприкаянным существованием. В текстах есть еще одно общее свойство, присущее плану повествования: история жизни персонажа раскрывается через восприятие героя-рассказчика. Связь между произведениями проявляется и на структурном уровне – в кольцевой композиции и сходстве сюжетных элементов: в самом начале того и другого рассказов сообщается о самоубийстве героя, о котором повествователь узнает из газеты, а в финале ему вспоминается их последняя встреча. После истории с Капитолиной Коновалов запивает, бросает пекарню и исчезает из города. Следующая встреча героя с Максимом происходит тогда, когда оба они странствуют по Руси. «...Через три дня я простился с Коноваловым. Я шел на Кубань, он не хотел. Но мы оба расстались в уверенности, что встретимся.

Не пришлось...» [6, с. 54], – так завершается рассказ М. Горького «Коновалов», возвращая читателя к началу произведения и закольцовывая его сюжет.

Финальные слова рассказа Газданова, адресованное герою-повествователю, – пожелание Павлова: «Вспомните когда-нибудь о черных лебедях!». Заглавие произведения связано с единственной *иллюзией* Павлова – его любовью к Австралии и к черным лебедям, о которых герой прочитал «все, что было о них написано». Павлов воспринимает небо, «покрытое могучими черными крыльями» десятков тысяч лебедей, как «какую-то *другую историю мира*», как «возможность *иного*

понимания всего, что существует» [4, т. 3, с. 141]. У героя, наделенного этим пониманием, нет страха перед смертью, он планирует и «просчитывает» свой уход из жизни, словно готовится к отъезду в Австралию. Из предсмертной записки Павлова читатель узнает о его письме матери, в котором сообщается, что он уехал в Австралию. Эта страна для героя – его придуманная иллюзия, символ мечты о другом мире, олицетворяемом образом черных лебедей. И представление об этом другом мире связано для Павлова с любовью, которой он лишен в реальной жизни. Именно поэтому героя не страшит смерть, и его выбор вполне осознан.

Г. Газданов как писатель формируется в эмиграции, осмысливая положение человека-изгнанника, оказавшегося вне почвы, «над бездной», пережившего историческую катастрофу – гибель прежней России и утрату отчего дома. Жизнь на чужбине для газдановских героев становится тем испытанием, которое многие из них не выдерживают и сводят счеты с жизнью. «Представление о неизбежности страдания и смерти, постоянное ожидание трагедии, память о пережитом ужасе, непонимание между людьми, бесконечное одиночество – вот удел газдановских героев» [9, с. 196].

По сравнению с европейцами русские изгнанники в изображении автора – это люди другой породы, отличающиеся ярко выраженными индивидуальными чертами и, как правило, трагическими судьбами. В романе «Ночные дороги» проводится параллель между миром, в котором живут русские эмигранты, и европейским образом жизни: «...Русские существовали в бесформенном и хаотическом, часто меняющемся мире, который они чуть ли не ежедневно строили и создавали, в то время как европейцы жили в мире реальном и действительном, давно установившемся и приобретшим мертвенную и трагическую неподвижность, неподвижность умирания или смерти» [4, т. 1, с. 616].

Проблема русской души волновала Газданова в связи с темой изгнанничества, она разрабатывалась им и в других его произведениях, наполняясь экзистенциальным смыслом. М. Горький в своем творчестве вновь и вновь возвращается к этой проблеме, осмысливая ее в публицистике (серии очерков «О русском крестьянстве») и в художественной прозе – в повестях «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», в цикле рассказов «По Руси» и др.

В анализируемых рассказах в образах Коновалова и Павлова авторы запечатлели тип героя, воплощающего характерные особенности русской души: иррациональность и противоречивость, силу и слабость, незаурядность натуры и неприспособленность к жизни, абсурдность поступков и необъяснимую тоску, мечтательность и странничество. Близость героя Горького газдановскому Павлову проявляется в психологической сфере раскрытия характера, в типологических особенностях,

раскрывающих их души, в глубинных свойствах психики и национального менталитета, что и составляет личностный стержень каждого из героев.

Библиографический список

1. Басинский П. Логика гуманизма. Об истоках трагедии Максима Горького // Вопросы литературы. – 1991. – № 2. – С. 129–154.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Сов. писатель, 1990. – 352 с.
3. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Сантакс, 1994. – Т. 6. – 400 с.
4. Газданов Г.И. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Согласие, 1996.
5. Горький М. Две души // Летопись. – 1915. – № 1. – С. 132.
6. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т. 3. – 542 с.
7. Максим Горький – художник. Проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения – 2000: Материалы Международной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002. – 492 с.
8. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870–1953. – Франкфурт на Майне; М.: Посев, 1994. – 432 с.
9. Поляева М.С. Малая проза Гайто Газданова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейской литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 193–198.
10. У академика И.А. Бунина (беседа) // Московская весть. – 1911. – 12 сентября.

References

1. Basinskij P. Logika gumanizma. Ob istokah tragedii Maksima Gor'kogo // Voprosy literatury. – 1991. – № 2. – S. 129–154.
2. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. – M.: Sov. pisatel', 1990. – 352 s.
3. Bunin I.A. Sobr. soch.: v 6 t. – M.: Santaks, 1994. – T. 6. – 400 s.
4. Gazdanov G.I. Sobr. soch.: v 3 t. – M.: Soglasie, 1996.
5. Gor'kij M. Dve dushi // Letopis'. – 1915. – № 1. – S. 132.
6. Gor'kij M. Sobr. soch.: v 30 t. – M.: GIHL, 1950. – T. 3. – 542 s.
7. Maksim Gor'kij – hudozhnik. Problemy, itogi i perspektivy izucheniya. Gor'kovskie chteniya – 2000: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2002. – 492 s.
8. Mal'cev YU.V. Ivan Bunin. 1870–1953. – Frankfurt na Majne; M.: Posev, 1994. – 432 s.
9. Polyayeva M.S. Malaya proza Gajto Gazdanova // Gajto Gazdanov v kontekste russkoj i zapadnoevropejskoj literatur. – M.: IMLI RAN, 2008. – S. 193–198.
10. U akademika I.A. Bunina (beseda) // Moskovskaya vest'. – 1911. – 12 sentyabrya.

Муртузалиева Екатерина Абдулмеджидовна

кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный университет
fiona70@mail.ru**М. ГОРЬКИЙ И А.П. ЧЕХОВ В ОЦЕНКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО
(на материале статьи «Чехов и Горький»)**

В статье рассматривается проблема оценок Мережковским творчества М. Горького и А.П. Чехова, выявляются приемы критического анализа и степень объективности критика, дается характеристика композиции работы. Мережковский использует прием двойного сопоставления и оценивает Горького и Чехова в широком историко-литературном контексте. Многоуровневый анализ позволяет критику проанализировать выбор героя Чеховым и Горьким, картины природы и их функциональное значение, лейтмотивы в прозе писателей, религиозные представления героев, психологию и метафизику интеллигенции и босяков. Мережковский ставит в статье целый ряд задач, связанных как с оценкой творчества писателей, так и с решением важных для критика вопросов современной литературы, и делает это объективно. Чехов для Мережковского является законным наследником великой русской литературы, а Горький – первооткрывателем нового материка духовного мира, страны тьмы под названием «босячество».

Ключевые слова: критическая статья «по поводу», уровни анализа, прием сопоставления, объективность, композиция.

В 1906 году в сборнике статей Мережковского «Грядущий Хам», вышедшем в издательстве М.В. Пирожкова в Санкт-Петербурге, была опубликована статья Мережковского «Чехов и Горький», отрывок из которой под названием «О Чехове» вышел в № 11 журнала «Весы» за 1905 год.

Проблема взаимоотношений Мережковского и Горького была рассмотрена в важных, на наш взгляд, работах Т.Д. Беловой [2], Н.Н. Примочкиной [8], И.А. Ревякиной [9], творчество Чехова в восприятии Мережковского анализировали А.Л. Гришунин [2], Н.Г. Коптелова [4; 5], А.П. Чудаков [10] и другие исследователи. С теоретической точки зрения интерес для нас представляла и работа В.Н. Крылова, посвященная формам синтеза эссеистского, литературного и критического дискурса в критике символистов [6]. Цель нашей статьи – проанализировать формы и характер оценок творчества М. Горького и А.П. Чехова в статье Д.С. Мережковского «Чехов и Горький», выявить приемы критического анализа и степень объективности критика, дать характеристику композиции работы.

В начале статьи Мережковский использует метод двойного сопоставления. Чехов и Горький рассматриваются критиком в масштабе другой пары «великанов русской литературы» – Достоевского и Л. Толстого [23, т. XIV, с. 60]. Этот масштаб позволяет критику увидеть сходство Чехова и Горького. Но Мережковский не ограничивается только этим сравнением. Анализируемые авторы вписываются в широкий литературный контекст эпох, предшествующей и современной, проверяются через целый ряд актуальных и вечных проблем русской литературы.

Второй этап сравнения связан с сопоставлением разных аспектов и уровней творчества Чехова и Горького. Объектом интереса критика становится

выбор героя Чеховым и Горьким, картины природы и их функциональное значение, лейтмотивы в прозе писателей, религиозные представления героев, психология и метафизика интеллигенции и босяков. Проблему веры героев и самих писателей Мережковский сопрягает с религиозными исканиями и сомнениями героев Достоевского и самого Достоевского. Критик анализирует взгляды героев Чехова, много цитирует работы писателей, привлекая в качестве примеров даже письма Чехова к С.П. Дягилеву.

Гораздо больше внимания Мережковским в статье уделено Чехову и его героям, в отношении которых осуществляется достаточно обстоятельный критический анализ. Герои Горького чаще возникают в контексте общих рассуждений критика как подтверждение его собственных характеристик, касающихся русской интеллигенции, поэтому иногда его отсылки к произведениям Горького «слепы», хотя контекстуально появляются персонажи рассказов Горького «Ошибка», «Проходимец», «Супруги Орловы», «Читатель», «Тоска», «Бывшие люди». Подобного же рода отсылки прослеживаются в отношении чеховских произведений «Скучная история», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Дуэль», «Степь». Еще больше отрывков из произведений Чехова цитируется и называется прямо.

Статья Мережковского интертекстуальна и позволяет определить литературно-критические, общественные и религиозно-философские позиции критика по важнейшим вопросам современности. Необходимо подчеркнуть объективность оценок Мережковского, даже с учетом его религиозных воззрений.

Работа делится на три большие главы. Первая глава многопланова тематически, проблемно и композиционно и решает целый ряд задач. Она связана с установлением генетических связей между твор-

чеством анализируемых авторов и русской классикой, на фоне которых явственнее обозначается качественное изменение в плане оценки литературными рубежами эпох общественных и литературных потребностей времени. Для Мережковского это своего рода подмена идей старой эпохи на новые, причем осознание неизбежности происходящего не примиряет Мережковского с безверием и атеизмом эпохи, поэтому уже в этой статье появляется фигура Грядущего Хама.

Второй план анализа связан с проблемой героя времени. Каждый из писателей занимает свою собственную нишу и достигает вершин в изображении своего героя: у Чехова – это интеллигент, у Горького – босяк, один олицетворяет своей рефлексией и сомнением уходящую эпоху, другой – герой времени, рожденный социальным обнищанием. При этом в плане художественного мастерства Чехов оценен неизмеримо выше Горького. «О Горьком как о художнике именно больше двух слов говорить не стоит. Правда о босяке, сказанная Горьким, заслуживает величайшего внимания; но поэзия, которую он, к сожалению, считает нужным украшать иногда эту правду, ничего не заслуживает, кроме снисходительного забвения» [23, т. XIV, с. 62].

Исключений Мережковский не делает ни для описаний природы у Горького, ни для лирических излияний и любовных сцен. Поэтому в дальнейшем критик анализирует исключительно типы героев у Горького, их мировоззрение, взаимоотношения со средой, рассматривая их голоса как голоса времени.

Статья «Чехов и Горький» развивает те тезисы о творчестве Чехова, которые звучали еще в статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» и, одновременно, предваряет критическую прозу Мережковского в работах «Брат человеческий» (1910) и «Суворин и Чехов» (1914). Это, по нашему мнению, одна из лучших литературно-критических работ Мережковского. Взгляд и оценки Мережковского с течением времени в отношении Чехова принципиально не менялись, лишь углублялись выводы, больше становилось доказательного материала для наблюдений, в зависимости от типа и жанра работ менялось восприятие и, соответственно, воспроизведение образа Чехова, тональность рассуждений о нем.

Отношение к Достоевскому и Л. Толстому являлось для Мережковского важным показателем характеристики самого общества, равно как и признание в качестве учителей и пророков Чехова и Горького. И причина такого взгляда не только в собственных христианских взглядах Мережковского, но и в неприятии тех перемен в общественном сознании, что несло в себе начало XX века. «Чехов и Горький выразители не столько народной, сколько сословной, не столько культурной, сколько интеллигентной середины русского сред-

него сословия, самого многочисленного и деятельного, которому в настоящее время предстоит “делать историю” и за то, что будет сделано, дать ответ на страшном суде истории» [23, т. XIV, с. 60]. Современное общество, с его идеалами и стремлениями, по мнению критика, просто не в состоянии оценить и понять масштаб идей и взглядов Достоевского и Л. Толстого, принять их в качестве учителей и пророков.

Доминантой статьи является сравнение в самых разных видах: сравнение авторов, сравнение цитат, образные сравнения «картинок» из произведений Чехова и Горького с эпизодами из «Братьев Карамазовых» (сцена со Смердяковым, играющим на гитаре; эпизоды из «Легенды о Великом инквизиторе» и др.). В его статье появляется фигура «добродушного критика», читателя, оценивающего писателей.

Мережковский в статье сумел избавиться от предвзятой субъективности, отсюда признание Горького знаменательным общественным явлением, правдивым выразителем подлинной жизни с ее нечаянной красотой, хаотичной, безобразной, могущественной эстетикой, неприемлемой для поклонников чистого искусства, но обязательной для любителей жизни.

Чехов для Мережковского является законным наследником великой русской литературы, а Горький – первооткрывателем нового материка духовного мира, страны тьмы под названием «босячество».

Поэтика Чехова и Горького поверяется критиком через эталонные образцы русской классики. Так высшей оценки критика удостоивается простота стиля Чехова, который смог превзойти в этом признанных мастеров, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Одной из важнейших черт поэтики Чехова Мережковский считает «умение возвращаться от последней сложности к первой простоте ощущения, к его исходной точке, к самому простому, верному и главному в нем – вот особенность чеховской, пушкинской и вообще русской всеупрощающей эстетики» [23, т. XIV, с. 65].

Мережковский отмечает простоту сравнений у Чехова, простоту такого уровня, который привносит необычность и таинственность. Природа вовлекается в быт, а описания быта – его главная сила, поэтому, по мнению критика, Чехов величайший бытописатель в русской литературе.

Анализ Мережковского поражает тонкими наблюдениями и выводами, характеризующими и атмосферу времени, его восприятия героями произведений, и само реальное время. Он выявляет два неподвижных полюса чеховского мира – смерть и быт, вокруг которых вращается то, что сложно назвать жизнью героев, потому что их жизнь ограничивается бытом. Отсюда сравнения быта с содержимым гробов или с пчелиным ульем. Поэтому скука и уныние являются одним из важных мотивов

вов поэтики Чехова. При этом Мережковский пытается проследить мировоззрение Чехова и Горького во взглядах, речах их героев.

Важнейший вопрос, который венчает первую главу и является своего рода завязкой ко второй, связан с жизненным для критика метафизическим тезисом «Есть Бог или нет?», вопросом Ивана Карамазова Черту – главной темы русской литературы и критики.

Мережковский возлагает на русскую интеллигенцию только часть вины за отсутствие религиозного сознания в настоящее время. Он видит общественные и психологические причины укorenившегося в сознании восприятия понятий «религия» и «реакция» как синонимичных, так как религия долгое время использовалась в качестве инструмента социального угнетения. Чехов и Горький, по мнению критика, являются первыми сознательными учителями и пророками новой религии, религии человечества без Бога, которая была и есть бессознательная религия русской интеллигенции. Используя образ метафизической лестницы (из монолога героя Достоевского Кирилова), ведущей от религии человечества к религии человекобожества, критик у подножия этой лестницы ставит чеховского интеллигента, а вверху – горьковского босяка, и по этой лестнице шагает русская интеллигенция.

Вторая глава статьи конкретизирует изложенные выше тезисы, добавляя аналитики и примеров из произведений Чехова и Горького. Интересно, что критик использует прием перифразы, зашифровывая произведения и героев, предлагая читателям самим определить источник цитат или опознать «восторженного критика».

Мережковский анализирует феномен обаяния, влюбленности интеллигенции в босяка, видит его истоки в политическом сочувствии, в симпатиях к стихийной мятежности и надежде на деятельную роль босяка в русском освободительном движении. Критик исследует босячество как явление, причины его зарождения, его глубокое метафизическое родство с интеллигенцией, психологию босячества. Он дифференцирует внешнюю, социально-экономическую сторону босячества и внутреннее, психологическое босячество как последний предел нигилизма, духовную нищету.

Мережковский видит заслугу Горького в том, что писатель сумел увидеть и показать все стороны босячества. Именно интеллигенция пыталась убедить босяка, вопреки его собственному внутреннему убеждению, что он ни в чем не виноват, виновата исключительно среда. Мережковский остро чувствует, что подобная политика снимает с человека всякую нравственную ответственность за свои поступки.

В его рассуждениях о внутреннем и внешнем босячестве нам видится та же логика, которой руководствовался Д.И. Писарев, анализируя цинизм

Базарова, притом, что революционно-демократическая критика 60-х годов внесла свою лепту в формирование образа героя нового типа, нигилиста, атеиста, протестующего против социального гнета.

Мережковский использует в качестве иллюстративного материала выдержку из «Дневника писателя» за 1873 год, а для более корректного литературного сопоставления «Записки из подполья». Именно отвергнутый и не понятый современниками Достоевский выступает у Мережковского в качестве основного оппонента Чехова и Горького.

В определенных моменты рассуждение Мережковского о природе типов современности берет верх над критическим анализом, который становится инструментом не для понимания идей Чехова и Горького, а идей самого Мережковского, но Мережковский всегда вновь возвращается к критическому анализу.

В «Песни о Соколе», в словах старца Луки из пьесы «На дне» критику видится догматический позитивизм, парадоксально включающий в себя свою метафизику, мистику и приводящий к догматическому материализму. В рассуждениях героев Горького ему видятся искаженные идеи Ницше, приводящие к абсолютному аморализму, потому что босяк с брезгливостью относится к отвлеченным идеалам гуманизма у интеллигенции и еще больше презирает религиозную жалость, милосердие к людям. Слова «Я видел небо, небо пусто» становятся для Мережковского рефреном для характеристики атеистических взглядов босяков Горького.

Обращают на себя внимание не только прямые отсылки к Достоевскому-писателю, критику, публицисту, но и работа с теми же образами, с которыми в «Дневнике писателя» работает Достоевский. В статье «Чехов и Горький» мы встречаемся с некрасовским Власом, чей образ трактуется уже с позиций Мережковского применительно к теме босячества.

В стремлении человека стать Богом Мережковский видит вариацию идеи наполеони, следствием же этой теории становится полное уничтожение человека. Отсюда рассуждения чеховских и горьковских персонажей об абсолютной свободе, переустройстве жизни, которые цитирует критик. «Во имя чего это всемирное разрушение? Во имя ничего. Разрушение для разрушения, хаос для хаоса. Спокойное, научно-позитивное: ничего не знаем, – превращается в яростное, мистическое: ничего не хотим, хотим ничего! И в этом хотении ничтожества обнаруживается последняя сущность босячества – служение “умному и страшному Духу Небытия”» [23, т. XIV, с. 85]. «Легенда о Великом Инквизиторе» в очередной раз дает Мережковскому возможность апеллировать к истинному в его глазах пророку и учителю, раскрывая с его помощью психологическую сущность босячества.

Мережковский дает очень точный критический анализ образа старца Луки из пьесы Горького «На дне», называя его единственным ее героем и величайшим созданием автора. Он видит страшную сущность старца, не обманываясь его христианскими взглядами, замечая тонкую подмену понятий в его речах: Христос Богочеловек заменяется сначала просто человеком, потом Человекобогом, а сверхчеловек на данном этапе представлен жуликом, которому «все позволено».

Даже прямой вопрос «Есть ли Бог?», ответ на который Мережковский пытается получить от Чехова и Горького, от их героев, звучит полуправдой слов Луки: «Коли веришь – есть; не веришь – нет. Во что веришь, то и есть» [23, т. XIV, с. 87]. Утверждение Луки, с точки зрения современных концепций эзотерики, – истинная правда, с точки зрения христианина Мережковского – чистая ложь, что он и показывает через систему оппозиций, приводящих к подмене понятий и итоговому выводу: ложь стала правдой, а правда – ложью. Критиком ставится знак равенства между взглядами старца Луки и Великого Инквизитора. Великий Инквизитор также не может прямо ответить на вопрос. Мережковский называет Луку и Инквизитора «вещными призраками», которые являются провозвестниками пути от Христа к Антихристу.

Третья часть статьи продолжает анализ образов чеховских интеллигентов и горьковских босяков и определение религиозных позиций авторов. Особенно его интересует вопрос отношения к религии Чехова, которого он уподоблял его герою, зоологу фон Корену: «Подобно своему герою, Чехов видел в христианстве “одно из гуманитарных знаний”, принимал в нем человеческую нравственность, а все остальное отвергал, как суеверие; но и в этом очищенном виде христианство представлялось ему столь сомнительным, что он сам, подобно зоологу фон-Корену, предпочитал “никогда” не ставить вопроса на так называемую “христианскую почву”. Как бы то ни было, тот факт, что христианство в произведениях Чехова почти умолчено, уже сам по себе значителен» [23, т. XIV, с. 93]. Увериться в этом ему помогают два частных письма Чехова к С.П. Дягилеву, предоставленные критику последним, причем обращает на себя внимание тот факт, что сначала Мережковский буквально пересказывает письма, а затем цитирует их в полном виде.

Осмысление писем Чехова приводит критика к выводу о том, что Чехов подписывает смертный приговор не только современному религиозному движению в России, но и самому христианству. В суждениях Мережковского присутствует ряд субъективных допущений, касающихся как мотивов того, почему Чехов прошел «мимо» христианства и чего испугался, так и причин нелюбви Чехова к Достоевскому. Но при этом критик приходит и к выводам объективным, поясняющим сложность

ситуации Чехова тем, что его разрывали на части разные политические и литературные лагеря, его называли позитивистом, марксистом, социалистом, народником, декадентом, мистиком. Мережковский принимает на веру признание самого Чехова в письме о том, что он давно растерял свою веру. Критик видит трагедию писателя в той бездне сомнений и противоречий, разрешить которые не может ни он, ни его герои. Отсюда попытка Мережковского прочитать «подпольного» Чехова, скрытого за Чеховым понятным и все понимающим.

Второй важнейший вопрос русской литературы для Мережковского – о бессмертии. Чехов, по мнению Мережковского, первым ответил на него окончательным и бесповоротным «нет», сделав центром душевной трагедии своих героев мысль о смерти, как об уничтожении. И с этой точки зрения логичен вывод об одной из функций религии как средстве против страха перед смертью.

Мережковский выделяет еще один мотив, повторяющийся в творчестве Чехова: мечты о далеком будущем и интерес к нему, подтверждая свои выводы набором цитат. И признания героев Чехова, Горького по этим актуальным вопросам современности звучат для Мережковского музыкой апокалипсиса, торжеством грядущего Хама, образ которого вновь появляется в конце статьи.

Вопросы жизни и смерти критик также поверяет эталоном – героями Достоевского. И с этой точки зрения ни Горький, ни Чехов ничего нового не сказали, в сущности, представив вариации на тему «карамазовщины» и «бобка».

Итоговый оценочный вывод Мережковского таков: «Чехов и Горький действительно “пророки”, хотя не в том смысле, как о них думают, как, может быть, они сами о себе думают. Они “пророки” потому, что благословляют то, что хотели проклясть, и проклинают то, что хотели благословить. Они хотели показать, что человек без Бога есть Бог; а показали, что он – зверь, хуже зверя – скот, хуже скота – труп, хуже трупа – ничто» [23, т. XIV, с. 115]. Но этот вывод вовсе не означает неприятия или бойкотирования писателей. Мережковский воспринимает их творчество как предупреждение, и пафосный образный финал статьи подтверждает это.

Библиографический список

1. Белова Т.Д. М. Горький и Д.С. Мережковский: История творческих взаимоотношений в контексте культурологических исканий эпохи // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи: Горьковские чтения. 2004. – Н. Новгород, 2006. – С. 290–300.
2. Гришунин А.Л. Мережковский о Чехове // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. – М., 1999. – С. 235–242.
3. Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове: К вопросу об античеховских настроениях в культуре сере-

бряного века // Чеховиана: Из века XX в XXI: итоги и ожидания – М.: Наука, 2007. – С. 176–188.

4. Коптелова Н.Г. А.П. Чехов в восприятии Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус (1880–1900 гг.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2005. – № 6. – С. 46–50.

5. Коптелова Н.Г. А.П. Чехов в восприятии Д.С. Мережковского (1908–1914 гг.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 1. – С. 129–133.

6. Крылов В.Н. Синтез литературы, эссеистики и критики в русском символизме // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. (3–6 мая 2006 г.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. – С. 418–423.

7. Мережковский Д.С. «Чехов и Горький» // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24-х т. – М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1914. – Т. XIV. – С. 60–116.

8. Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 361 с.

9. Ревякина И.А. Мережковский о Горьком: против и за // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. – М., 1999. – С. 243–257.

10. Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». – М., 1996. – С. 50–67.

References

1. Belova T.D. M. Gor'kij i D.S. Merezhkovskij: Istorija tvorcheskih vzaimootnoshenij v kontekste kul'turologicheskikh iskanij jepohi // Tvorchestvo Maksima Gor'kogo v sociokul'turnom kontekste jepohi: Gor'kovskie chtenija. 2004. – N. Novgorod, 2006. – С. 290–300.

2. Grishunin A.L. Merezhkovskij o Chehove // D.S. Merezhkovskij. Mysl' i slovo. – M., 1999. – S. 235–242.

3. Kapustin N.V. Z. Gippius o Chehove: K voprosu ob antichehovskih nastroenijah v kul'ture serebrjanogo veka. // Chehoviana: Iz veka XX v XXI: itogi i ozhidaniya – M.: Nauka, 2007. – S. 176–188.

4. Koptelova N.G. A.P. Chehov v vosprijatii D.S. Merezhkovskogo i Z.N. Gippius (1880–1900 gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova: nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2005. – № 6. – S. 46–50.

5. Koptelova N.G. A.P. Chehov v vosprijatii D.S. Merezhkovskogo (1908–1914 gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova: nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2006. – № 1. – S. 129–133.

6. Krylov V.N. Sintez literatury, jesseistiki i kritiki v russkom simvolizme // Sintez dokumental'nogo i hudozhestvennogo v literature i iskusstve: Sb. st. i materialov Mezhdunar. nauch. konf. (3–6 maja 2006 g.). – Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2007. – S. 418–423.

7. Merezhkovskij D.S. «Chehov i Gor'kij» // Merezhkovskij D.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 24-h t. – M.: Tipografija t-va I.D. Sytina, 1914. – T. XIV. – S. 60–116.

8. Primochkina N.N. Gor'kij i pisateli russkogo zarubezh'ja. – M.: IMLI RAN, 2003. – 361 s.

9. Revjakina I. A. Merezhkovskij o Gor'kom: protiv i za // Revjakina I.A. /D. S. Merezhkovskij. Mysl' i slovo. – M., 1999. – S. 243–257.

10. Chudakov A.P. Chehov i Merezhkovskij: dva tipa hudozhestvenno-filosofskogo soznaniya // Chudakov A.P. / Chehoviana: Chehov i «serebrjanyj vek». – M., 1996. – S. 50–67.

ТРАДИЦИИ М. ГОРЬКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ 1941–1945 ГОДОВ

В статье предпринята попытка проанализировать развитие традиции публицистики М. Горького в литературе военных лет. Рассматриваются разнообразные приемы статей и очерков Горького, выработанные писателем на протяжении всего творчества, нашедшие продолжение и дальнейшее развитие в газетных публикациях военной поры, на их примере утверждается мысль о несомненной близости молодого поколения прозаиков к традиции Максима Горького. Центральной и широко обсуждаемой проблемой в момент начала боевых действий в 1941 году становится одна из ведущих горьковских тем – сопоставление «двух культур», основанное на контрасте. Благодаря противопоставлению принципов существования врага и культурной традиции народа России очерчиваются границы внешнего и духовного пространства родины, что восходит к патриотической теме, звучащей и у Горького, а в годы войны получившей ведущее значение.

Ключевые слова: литературный процесс 1940-х, публицистика, А. Толстой, Вс. Иванов, И. Эренбург, Вл. Лидин, Л. Леонов.

История советской публицистики начинается с первых лет образования молодого государства, когда газетная и журнальная периодика начинает новую жизнь и развивается в иных социальных формах. Многие в литературном процессе определялись авторитетом и профессиональным мастерством Максима Горького. Его знание, опыт, стремление поддерживать начинающих писателей в значительной степени формировали литературную ситуацию довоенных лет. Прозаик интенсивно работал во многих жанрах, в том числе и в публицистике. Его статьи, очерки и в советское время продолжали привлекать внимание к злободневным проблемам. Несмотря на то, что о преемственности горьковской традиции публицистами военной поры было заявлено еще в 1956 г. на Втором Всесоюзном съезде писателей [2, с. 18], однако самостоятельного освещения эта проблема еще не получила. Мы постараемся в пределах ограниченного объема статьи проиллюстрировать развитие некоторых горьковских приемов в публицистике военных лет.

Обширное публицистическое наследие писателя демонстрирует широкий спектр используемых им приемов в статьях и очерках разных периодов. А.И. Овчаренко отмечает следующие приемы: развернутые аналогии [12, с. 33] и сравнения [12, с. 79], короткая строка [12, с. 72], иронические вопросы и наивные рассуждения «простака» [11, с. 31], доказательства «от противного» [12, с. 32], пародии [12, с. 5], повествование от первого лица [12, с. 78], следование к «системе фактов» [12, с. 78], использование пословиц и поговорок [12, с. 80] и др. Исследователь пишет, что Горький создал в самарской публицистике тип мещанина, «воплотившего характерные черты “уездной культуры”, взятой во всероссийском масштабе» [12, с. 47]. Предположим, что подобный тип обывателя в сороковые годы трансформировался в тип *духовного дезертира* и вновь обрел актуальность. Человек, надеявшийся на возможность *пересидеть* военную

опасность, олицетворял мещанскую позицию невмешательства. Знаменитые письма Л.М. Леонова «Неизвестному американскому другу» посвящены во многом развенчиванию этой идеологии.

Актуальность горьковской традиции обнаруживается уже в первых статьях военных дней – в буквальном цитировании знаменитой фразы писателя о необходимости уничтожения врага – К. Тренев статью «Враг будет уничтожен» [14] завершает следующими словами: «Враг лют и кровожаден, но он нам не страшен. Если враг не сдается — его уничтожают. С этим лозунгом мы побеждали, побеждаем и будем побеждать» [14]. Примечательно, что слова Горького даны без ссылки на авторство, т.к. к этому времени они прочно вошли в сознание масс, стали афоризмом. Можно, пожалуй, говорить о диалоге военного поколения литераторов с Горьким, о чем убедительно сказал Л.М. Леонов: «Мы, драматурги и литераторы, как он любил называть свою профессию, благодарны Горькому за то, что он сызмальства внушил нам понятие высочайшей ответственности перед эпохой, народом и своим ремеслом» [8, с. 200]. Это признание позволяет утверждать о прочной творческой связи младшего поколения писателей с наследием Максима Горького.

Чувство *ответственности за эпоху* заставило многих художников слова взять на себя обязанности публициста в годы войны и выполнить гражданскую миссию, тем самым оправдав доверие своего наставника.

Магистральной проблемой и предметом широкого обсуждения в момент начала боевых действий становится одна из ведущих горьковских тем – сопоставление «двух культур», основанное на контрасте. Благодаря противопоставлению принципов существования врага и культурной традиции народа России очерчиваются границы внешнего и духовного пространства родины, что восходит к патриотической теме, звучащей и у Горького, а в годы войны получившей ведущее значение.

Противостояние враждебного и своего *родного, близкого и милого* остро звучит во многих статьях и очерках начального периода войны. К примеру, в статье А.Н. Толстого «Что мы защищаем» обосновываются онтологические основы оппозиции *фашистской Германии / Советского Союза*. Полярность культур способствует утверждению идеи защиты Отечества на фоне древней истории и культуры русского народа, которого ожидает непременная победа. А противника ждет *первобытная пещера*, потому что: «Из немецкого ума и сердца с отроческого возраста насильно изымается все, что было накоплено человечеством за тысячелетия. Немец должен вернуться в первобытную пещеру и знать только одно: твое племя должно истребить вокруг все живое, чтобы спокойно высасывать мозг из берцовых костей животных, четвероногих и двуногих» [13]. Онтологический объем параллели придает сопоставление пространства в России – просторы «<...> от океана до океана» [13], им соответствует мощная духовная традиция, доминирующая в русском народе, в его «<...> труде, озаренном великой идеей, в горячем счастье, в любви к родине своей, где сладок дым и сладок хлеб» [13]. В ходе осмысления главных этапов большой истории страны и поведения человека в различных батальных ситуациях читатель приходит к пониманию *ценностного топоса* (М.М. Бахтин) Родины, выраженного в онтологической формуле: «Это – моя родина, моя родная земля, мое отечество, – и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...» [13], ставшей лейтмотивом всей публицистики военных лет. Не будет преувеличением мысль об утверждении на страницах газет понятий *Отечество, Отчизна, Родина*. Именно в публицистике начинает складываться образ *большой родины и большой истории* из кратких исторических обзоров. К примеру, статья Вс. Иванова «Родная земля» проводит лаконичные параллели с древностью: «Там, где в древности была Тмутаракань, стариннейшее русское княжество, неподалеку от Керченского пролива, ныне идут бои, уничтожаются немецкие полки; там, как и древле, русские люди льют свою кровь за родную землю» [6]. Подобный прием аналогий способствует формированию духовной биографии народа, в памяти современника воскрешаются *большая история*, созидательная энергия прадедов, поэтому закономерен вывод: «Там, где бились наши предки, где звучал их набатный колокол, здесь найдут себе могилу наши враги, и сюда придет к нам победа и счастье» [6].

Прием контраста культуры, истории, идеологии фашизма и мировоззрения русского народа стал общим местом в периодике трагических военных лет. Стилевая манера каждого писателя выражается в разных формах. Так, Л.М. Леонов в статье «Наша Москва» обращается к мифологическому

уровню, облик столицы страны начинает формироваться с емкого зачина: «Русская зима вступает в свои права» [8, с. 83]. Время года прочитывается в двух смыслах: календарном и метафорическом, предлагая увидеть в приходе зимы олицетворение гибели всего живого и длительный сон. Устойчивую мифологическую картину мира нарушает современность: «Ровный чистый снег ложится на поля... но чужим поганым следом загоптаны нынче дороги к милой столице» [8, с. 83]. Заданная оппозиция мирного/милого и военного/враждебного категорично утверждает незыблемость древних границ и славу родной земли.

В приеме развернутых аналогий можно выделить, на наш взгляд, два типа: внутренний и внешний. Первый тип направлен на формирование духовной вертикали, т.е. внимание сосредоточено на истории страны, основных этапах ее развития и деяниях предков. Второй тип предполагает сравнение с другими странами – в первую очередь, странами Западной Европы. Отметим, что оба типа сравнений широко применялись публицистами военного поколения, в частности, статья И. Эренбурга «Париж под сапогом фашистов» [18] построена на сопоставлении мирного и военного города, поведении французов, образуя аналогию с Советским Союзом, только что вступившим в войну с тем же врагом. Судьба столицы Франции служит печальным примером и в статье Вл. Лидина «Москва, ноябрь 1941 года» [9]: «История великого исхода Парижа, который без сопротивления предался врагу, – печальная история. Москва готова к борьбе, и отсюда уверенность людей в этом городе» [9]. Во многих статьях контраст прежнего и нынешнего играет роль онтологической точки опоры для противодействия сегодняшней угрозе: «Кажется, еще никогда старая Москва не была так уверена в том, что ее сады будут цвести, несмотря на все сегодняшние испытания» [9].

Достижениям русского народа, его богатой истории посвящен ряд статей А.Н. Толстого, Л.М. Леонова и др. Именно в этом семантическом контексте возникает образ пращура, возрождается старославянская лексика (*сдюжим, земля оттич и дедич* – А.Н. Толстой), (*выдюжит* – Л.М. Леонов). В моменты угрозы обеим столицам страны – Москве и Ленинграду посвящались лучшие поэтические страницы очерков и статей. В частности, статья Вс. Иванова «Клятва молодости» [5] начинается с лирической истории города на Неве: «Создание этого дивного города, да и вообще вся жизнь его необычайны и пленительны. Всякий, кто был в нем, кто читал о нем, кто видел о нем картины, для кого он мерцает сквозь строки пушкинских стихов, – тот не забудет его никогда. Рано я узнал вкус этих строф: “Твоих оград узор чугунный...” – и уже шел по улице Гоголя, уже звенели у меня на сердце нежные струны Чайковского, что

некогда жил на той улице Гоголя, уже я выходил на Невский проспект...» [5]. Топонимика города связана с культурной, исторической и героической жизнью страны: по улицам города ходили люди, снискавшие мировую славу, а Невский проспект, проложенный Петром Первым, олицетворяет путь России. Автор, осмысливая историю государства, выделяет особую роль Петербурга, укрупнившего российское пространство: «Были до тебя в России-матушке, в городах ее прехитростные закоулки, тупики и переулочки, а ты вошел и мгновенно прорубил гранитный проспект, так, что стало видно все прекрасное русское поле, от края и до края, от океана до океана, стала видна вся наша чудесная и милая родина» [5]. Писатель утверждает преемственность доблестной традиции, сегодняшний день вписан в *большую историю* города, Ленинград защищен героическим прошлым, поэтому призыв к его защитникам звучит с патетической интонацией: «Ленинград! Славная честь великого города защищается тобой с мужеством и доблестью поразительной» [5], что и подтверждено клятвой молодого поколения: «Не забыты традиции наших отцов и дедов» [5].

Символом патриотической гордости в статье Вл. Лидина «У карты» [11] становится географическая карта страны: «Она висит на стене нашей комнаты – карта, где каждая извилистая линия рек, каждый город, каждая голубоватая береговая черта – это часть нашей любви, наших надежд, нашей жизни» [11]. История страны реконструируется через топонимические названия: Севастополь, Белое море, Ленинград, Владивосток и др. «Каждый из этих городов, как кусок нашей жизни, каждая из этих рек – Северная Двина... Волга... Обь... Енисей... – текут как бы в нашей душе, преисполненной счастья, что мы – дети этой великой страны, что часть наших трудов заложена в ней, – так радуется каменщик великолепному зданию, для которого он клал кирпичи» [11]. При внешней географической раздробленности образуется монолитное духовное пространство *большой родины*: «Географические названия не разделяли нас, Арагва и Кура текли в русской поэзии в прозрачной чистоте лермонтовских и пушкинских стихов, все, что начертано на великой карте нашего Союза, дорого нам, как дороги нам наши семьи, и когда калмыки строили в степи первую шоссейную дорогу до Элисты, и когда таджики и узбеки строили Ферганский канал, когда уральцы вместе со всем народом клали первые камни Магнитогорска, — все это было частью жизни каждого из нас, его личной мечтой, его личной надеждой» [11]. Подобный подход способствует «духовному самоопределению» (И.А. Ильин) отдельного человека и нации в целом.

Немалую роль в самоопределении человека играли факты, их неоднородность достигала разных целей: с одной стороны – исторические фак-

ты родной страны воспитывали чувство глубокого патриотизма, с другой стороны – факты-свидетельства военных реалий вызывали стремление отомстить врагу, посягнувшему на родную землю. В работе с фактами, их использовании в публицистике тоже усматривается традиция Горького. А.И. Овчаренко пишет, что писатель, оттолкнувшись от определенного факта, вместе с читателями ищет причины его возникновения, «попутно привлекает новые факты, иллюстрирует свои мысли сценками с природы и т.п. Он идет к системе фактов, а от нее – если не к окончательным, то к предполагаемым решениям вопросов» [12, с. 78]. Вероятно, указанный прием свойственен т.н. *расследовательской* публицистике, появление которой связывают с именем В.Г. Короленко. В годы боевых действий *собственно расследование* не было насущной проблемой, т.к. военные преступления не требовали доказательств, но многие факты не были известны широкой аудитории, поэтому большинство статей посвящено показу состояния отвоеванной у врага территории. Например, Вл. Лидин в статье «Путь на Запад» [10] подробно описывает последствия пребывания фашистов в подмосковном Солнечногорске, многочисленных пожарищах и разрушениях. Изложенные факты образуют систему доказательств преступлений врага, вызывая у советских людей: «Ненависть! Великое, надежное пламя народного костра» [10]. Документальная база будет расширяться за счет обнаружения новых преступлений фашистов, поэтому публицистика военного времени получила название *летопись войны*.

Время активных боевых действий – непрерывная цепь событий, очевидцы которых фиксируют исторические факты на страницах газет. В статье Вс. Иванова «Горит сердце» [4] частный факт получения письма красноармейцем из родного городка Шепетовки обретает статус документального свидетельства о преступлениях фашистов, дополняемого аналогичными доказательствами, поэтому финальное обобщение гласит: «Список мучительств и зверств можно продолжать без конца. Обвинительный акт немецкому фашизму очень велик и грозен. Каждый день битвы за будущее, осуществляемой на наших полях, все более и более увеличивает число свидетельств этого обвинительного акта...» [4]. Система фактов преступлений врага складывается из множества газетных публикаций, так, статья П. Антокольского «Это не люди» [1] перечисляет действия врага и может служить обобщающим выводом, хотя и не единственным в этом роде, итог статьи сродни общей формуле времени: «С этой тварью возможен только один разговор: пуля, штык, снаряд, смерть. Зверь должен быть уничтожен» [1].

Много публикаций посвящено анализу дневников и писем пленных или погибших фашистов, эту категорию можно условно назвать *фактологи-*

ческим обзором армии врага. Статья И. Эренбурга «Варвар под Ленинградом» [15] анализирует записную книжку немецкого фельдфебеля, письма его жены, убеждавшей мужа, что русский народ надо *выкинуть из мировой истории* [15]. Подобные документы расширяли представление о враге, позволяли увидеть его страхи и метания в моменты русских артобстрелов. Типологически это направление восходит к *расследовательской публицистике*, поток документальных свидетельств, обнаружение новых фактов привели в условном смысле к обособлению и формированию самостоятельной линии, впоследствии представленной в качестве доказательства многочисленных преступлений фашистов на Нюрнбергском процессе и освещавших суд над нацизмом. Достаточно упомянуть «Треблинский ад» В. Гроссмана, «Нюрнбергский змей» Л. Леонова, цикл очерков «На Нюрнбергском процессе» К. Федина, репортажи И. Эренбурга, Б. Полевого, Вс. Вишневского и др.

Любовь к «крылатому слову» свойственна многим русским писателям, М. Горький не являлся исключением, пословицы и поговорки в его статьях и очерках, по замечанию А.И. Овчаренко, служили «средством борьбы» [12, с. 80]. В период войны велась борьба за сохранение и укрепление духовных опор человека. Публицисты военного времени, возрождая народную основу языка, адресуют ее широкой аудитории. 23 октября газета «Известия» публикует небольшую заметку под инициалами И.Б. с характерным названием «Точный язык», в ней речь идет о *точности языка* Геббельса, буквальном переводе на немецкий язык известной фразы «добыть языка» и другой идиоматики русского языка. Примеры, приводимые в заметке, подводят к выводу: «До сих пор знали, что Геббельс хром на ноги и на мозги. Оказывается, и язык у него хромает. Тот самый язык, о котором русская поговорка говорит: “Язык мой – враг мой”. Точный, но до чего же глупый и бесстыдный язык!» [3]. Подобное толкование логики мышления врага присуще военной поре, когда образная народная речь лаконично характеризует те или иные боевые эпизоды. Весомый вклад в формирование т.н. *народной стилистики* эпохи войны сыграл военный плакат и, конечно, сатирические карикатуры Кукрыниксов. Наглядность и доступность языка плаката достигается благодаря лаконичным формулам, зачастую близким по звучанию пословицам и поговоркам, например, «Узнал фашистский стервятник, что у нас – не ягнятник!» и др. [19]. Фольклорные образы и мотивы чрезвычайно востребованы в литературе 1940-х гг., одна из ведущих тем – богатырская. Воин сравнивается с былинным героем, воскрешается эпоха подвигов и т.д. Л. Кассиль в статье «Великан» [7], рассказывая о солдате могучего телосложения после тяжелого ранения, передает его слова: «Видите, я – как Ванька-Встанька. Меня не повалишь. Это уже

не в первый раз. Честное слово Ванька-Встанька! Меня тычком, а я качком и опять толчком!» [7]. Герой характеризует себя через народное присловье об известной игрушке, однако богатырская сила проявляется не только в физическом облике человека, труженики тыла, работу которых наблюдает писатель, «были людьми среднего роста, и многие из них совсем не отличались богатырским сложением» [7], однако «то же бесстрашие и неистребимое упорство смотрело из их глаз» [7]. Восхищение автора обусловлено ощущением органической народной мощи, исходящей от героя: «Он стоял передо мной, как живой и неоспоримый победитель, прекрасный пример жизни, упорной силы народа. Только огромный и жизнелюбивый, бессмертный народ мог породить такого несокрушимого ладного великана» [7].

Говоря о стилистике народной речи, нельзя не упомянуть публицистику Эренбурга, с ее характерным стилем и опорой на народную этимологию. В частности, в статье «На запятках» отношения союзников Гитлера к нему переданы через пословицу *куда барин, туда и дворня* [17]. Следующая статья «Дворня обнаглела...» является ее логическим продолжением: устоявшееся понимание окружения фюрера помещено в новый контекст, поведение румынских солдат определяется емкой формулой: «Когда побьют их барина, пятки замелькают у дворни» [16].

Наблюдения над преемственностью горьковской традиции в публицистике военных лет могут быть продолжены, эта тема требует обстоятельного анализа, нет сомнений в ее плодотворности.

Библиографический список

1. Антокольский П. Это не люди // Известия. – 1941. – 16 сентября.
2. Второй Всесоюзный съезд советских писателей: 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет / общ. ред. М. Бажан, В. Лацис, В. Смирнов, А. Сурков. – М.: Советский писатель, 1956. – 608 с.
3. И.Б. Точный язык // Известия. – 1941. – 23 октября.
4. Иванов Вс. Горит сердце // Известия. – 1941. – 10 сентября.
5. Иванов Вс. Клятва молодости // Известия. – 1941. – 18 сентября.
6. Иванов Вс. Родная земля // Известия. – 1941. – 16 ноября.
7. Кассиль Л. Великан // Известия. – 1941. – 2 ноября.
8. Леонов Л.М. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / примеч. О. Михайлова. – М.: Худож. лит., 1984. – 736 с.
9. Лидин Вл. Москва, ноябрь 1941 года // Известия. – 1941. – 28 ноября.
10. Лидин Вл. Путь на Запад // Известия. – 1941. – 13 декабря.

11. *Лидин Вл.* У карты // Известия. – 1941. – 11 декабря.
12. *Овчаренко А.И.* Публицистика М. Горького. – М.: Советский писатель, 1961. – 656 с.
13. *Толстой А.* Что мы защищаем // Правда. – 1941. – 27 июня.
14. *Тренев К.* Враг будет уничтожен // Известия. – 1941. – 25 июня.
15. *Эренбург И.* Варвар под Ленинградом // Красная звезда. – 1941. – 8 октября.
16. *Эренбург И.* Дворня обнаглела... // Красная звезда. – 1941. – 28 августа.
17. *Эренбург И.* На запятках // Правда. – 1941. – 28 августа.
18. *Эренбург И.* Париж под сапогом фашистов // Известия. – 1941. – 26 июня.
19. *Кукрыниксы.* Военные плакаты Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kotindom.ru/staty/11-kukryniksy-voennye-plakaty-velikoy-otechestvennoy-voyny.html> (дата обращения: 03 ноября 2017).

References

1. Antokol'skij P. Ehto ne lyudi // Izvestiya. – 1941. – 16 sentyabrya.
2. Vtoroj Vsesoyuznyj s'ezd sovetskih pisatelej: 15-26 dekabrya 1954 goda. Stenograficheskij otchet / Obshch. red. M. Bazhan, V. Lacis, V. Smirnov, A. Surkov. – М.: Sovetskij pisatel', 1956. – 608 s.
3. I.B. Tochnyj yazyk // Izvestiya. – 1941. – 23 oktyabrya.
4. Ivanov Vs. Gorit serdce // Izvestiya. – 1941. – 10 sentyabrya.

5. Ivanov Vs. Klyatva molodosti // Izvestiya. – 1941. – 18 sentyabrya.
6. Ivanov Vs. Rodnaya zemlya // Izvestiya. – 1941. – 16 noyabrya.
7. Kassil' L. Velikan // Izvestiya. – 1941. – 2 noyabrya.
8. Leonov L.M. Sobranie sochinenij. V 10-ti t. T. 10. Publicistika; Fragmenty iz romana / primech. O. Mihajlova. – М.: Hudozh. lit., 1984. – 736 s.
9. Lidin Vl. Moskva, noyabr' 1941 goda // Izvestiya. – 1941. – 28 noyabrya.
10. Lidin Vl. Put' na Zapad // Izvestiya. – 1941. – 13 dekabrya.
11. Lidin Vl. U karty // Izvestiya. – 1941. – 11 dekabrya.
12. Ovcharenko A.I. Publicistika M. Gor'kogo. – М.: Sovetskij pisatel'. – 1961. – 656 s.
13. Tolstoj A. CHto my zashchishchaem // Pravda. – 1941. – 27 iyunya.
14. Trenev K. Vrag budet unichtozhen // Izvestiya. – 1941. – 25 iyunya.
15. EHrenburg I. Varvar pod Leningradom // Krasnaya zvezda. – 1941. – 8 oktyabrya.
16. EHrenburg I. Dvornya obnaglela... // Krasnaya zvezda. – 1941. – 28 avgusta.
17. EHrenburg I. Na zapyatkah // Pravda. – 1941. – 28 avgusta.
18. EHrenburg I. Parizh pod sapogom fashistov // Izvestiya. – 1941. – 26 iyunya.
19. Kukryniksy. Voennye plakaty Velikoj Otechestvennoj vojny. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kotindom.ru/staty/11-kukryniksy-voennye-plakaty-velikoy-otechestvennoy-voyny.html> (data obrashcheniya: 03 noyabrya 2017).

Музей-квартира на М. Никитской. Садовый фасад дома зимой. Современное фото

Ненарокова Мария Равильевна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
maria.nenarokova@yandex.ru

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В ДАТСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПЬЕСЫ А.М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (на материале текстов Я. Якобсена и Э. Томассена)

В статье рассматривается перевод фрагмента пьесы «На дне» Максима Горького (список действующих лиц) на датский язык. Первый перевод (1902–1903) выполнен Я. Якобсеном с немецкого языка, тогда как перевод 1946 г. сделан Э. Томассеном с оригинала. Анализ текстов показал, что переводчики уже в самом начале своей работы сталкиваются с такими проблемами, как передача имен собственных, безэквивалентной лексики, тонкостей значений слов. В случае первого перевода выбор орфографии зависит от немецкого языка, с которого переведен текст. Чаще всего переводчики транскрибируют имена и прозвища героев, но в одном случае выбирают перевод. Большую сложность представляет перевод русских реалий. Переводчикам приходится прибегать к заимствованию русских слов, к объяснению их при помощи переводческого комментария, к созданию неологизмов.

Ключевые слова: русская литература XX в., драматургия, Максим Горький, «На дне», Дания, перевод, безэквивалентная лексика, имя, реалия, заимствование, неологизм.

Интерес датчан к русской культуре вообще и к литературе в частности вполне объясним: когда датская принцесса Дагмар вышла замуж за наследника престола цесаревича Александра Николаевича, будущего царя Александра III, отношения между двумя странами стали бурно развиваться. Многие датчане ехали работать в Россию, так что период с 1875 по 1914 гг. датские историки описывают как время датской эмиграции в Россию. В это время Россия познакомилась с творчеством скандинавских писателей (самым ярким примером являются, пожалуй, первые переводы сказок Ганса Христиана Андерсена, сделанные Петером (Петром) и Анной Ганзен, которые переиздаются до сих пор), а Дания – с произведениями Достоевского, Толстого, Чехова, Максима Горького.

История знакомства датчан с пьесой А.М. Горького «На дне» насчитывает 114 лет: впервые эта пьеса была поставлена на сцене Королевского театра в Копенгагене 11 марта 1904 г. [6, с. 176]. Если учесть, что Горький написал «На дне» в конце 1901 – начале 1902 гг. и премьеры пьесы состоялась 18 декабря 1902 г, а в 1903 г. она уже была переведена на немецкий язык и поставлена знаменитым австрийским режиссером Максом Рейнхардом [6, с. 176], то окажется, что датская публика была вполне в курсе российских театральных новинок. На титульном листе рукописи первого перевода горьковской пьесы стоит имя Якоба Якобсена [4]. Каких-либо сведений о переводчике, к сожалению, обнаружить пока не удалось. Можно лишь предположить, что он жил в Копенгагене, был близок к театральным кругам, знал иностранные языки, в частности, немецкий. Машинописная рукопись перевода, хранящаяся в фондах Королевской библиотеки (Копенгаген, Дания), не датирована, но можно с уверенностью утверждать, что она не использовалась при постановке 1904 г., поскольку

пьеса шла под названием *Natasylet* («Ночной приют»). На титульном листе доступной нам рукописи стоит другое название – *Natteherberg* (перевод одного из первых названий пьесы – «Ночлежка»). Тем не менее, особенности орфографии (передача звука [о:] удвоенной буквой а, а не принятой после 1949 г. å) позволяют отнести ее создание к 1-ой половине XX в. В Королевском театре пьеса «На дне» шла всего два месяца. Последнее представление состоялось 11 мая 1904 г., после чего пьеса была снята с репертуара. Можно предположить, что обращение к этой горьковской пьесе было вызвано интересом не столько к драматургии русского писателя, сколько к новаторским постановкам Станиславского и Макса Рейнхарда [7, с. 222], поскольку в начале XX в. датчане воспринимали Горького скорее как выдающегося романиста, а не как автора пьес [8].

Второй перевод пьесы «На дне», известный под названием *Natteherberget*, был сделан уже после II Мировой войны, в 1946 г. Автором его является известный переводчик Эйнар Томассен (1881–1977), один из тех датчан, которые искали применения своим способностям в России. Инженер по образованию, Томассен жил и работал в России с 1909 по 1914 гг, причем не только в европейской части страны, но и в Сибири. В Россию он приехал не случайно. Еще в школьные годы Томассен стал интересоваться русской литературой, а в годы студенчества встречался с русскими студентами в Цюрихе, Лозанне и Карлсруэ. Годы, проведенные в России, дали ему возможность прекрасно выучить русский язык и стать одним из выдающихся переводчиков, пропагандистов русской культуры в Дании [8]. Ему принадлежат первые публикации на датском языке знаменитой трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты» (в датском переводе – *Min Barndom*, (1918), *Mellem Fremmede*, б.г., *Læreaar og Vandringer*, (1923) [8]). Перевод пьесы

«На дне», сделанный Томассеном, стал эталонным. Он переиздавался в 1946, 1957, 1963, 1967 гг. Этот перевод был использован в телевизионных постановках 1964–1967 гг.

Третий перевод пьесы «На дне» был сделан известным датским поэтом-авангардистом Иваном Малиновски (1926–1989), известным также переводами поэзии Бориса Пастернака [9]. Малиновски нарушил уже сложившуюся в датской литературе традицию и перевел название пьесы дословно – *På bundet*. Перевод не был опубликован, но рукопись была переработана для постановки датским режиссером Ибом Торупом (1941–1990) [10]. Пьеса в новом переводе была поставлена в театре города Оденсе в 1984–1985 гг. (премьера 4 октября 1984 г.), а рукопись сначала хранилась в библиотеке «Режиссерского офиса Телевизионного театра», а потом была передана в Королевскую библиотеку (г. Копенгаген, Дания).

На рубеже XX и XXI вв. датская театральная общественность снова проявила интерес к постановке пьесы «На дне». В каталоге Королевской библиотеки появился набранный на компьютере текст, который, судя по названию – *Natteherberget*, представляет собой еще один экземпляр томассеновского перевода, ставшего классическим. Экземпляр пьесы был предназначен для театрального сезона 2001–2001 гг. Он хранится с пометкой – «Выдавать в театр на 1 месяц» (*Teaterlån/1 md*).

Как известно, театр начинается с вешалки. Пьеса же начинается со списка действующих лиц, и переводы этого списка весьма любопытны.

Орфография первого перевода пьесы, сделанного Якобом Якобсеном, указывает на то, что перевод делался не с русского языка, а с языка-посредника – немецкого. Обращение к немецким переводам произведений русских писателей было в достаточной степени традиционным для датских переводчиков. Так, еще прозу Михаила Лермонтова на датский язык поначалу переводили с более ранних немецких переводов [2, с. 138]. Характерной чертой текстов, переведенных с немецкого языка, было сохранение немецкого правописания. В немецком языке звук [v] передается буквой w, звук [h] – сочетанием букв ch, звук [ʃ] – сочетанием sch, буква s в положении между гласными и перед гласными читается как [z], поэтому звук [s] в таких позициях записывается как ss. Эти же сочетания букв находим в именах действующих лиц из перевода Якобсена, например: «Наташа» – *Natascha* [4], «Медведев» – *Medwjedew* [4], «Михаил» (имя Костылева) – *Michail* [4], «Василиса» – *Wassilissa* [4]. Русский звук [щ], чрезвычайно трудный для передачи на письме, в немецком переводе выглядел, как schtsch: «Клещ» – *Kleschtsch* [4]. Когда в 1946 г. Томассен делал свой перевод горьковской пьесы, он уже ориентировался на датское правописание, где звук [v] соответствует букве v, звук [h] записывает-

ся, как kh, [ʃ] – как sj. В списке действующих лиц из его перевода видим имена и фамилии героев: *Natasja* [4], *Medvjedev* [5], *Mikhail* [5], *Vasilisa* [5]. Упрощается и написание фамилии «Клещ» – *Klestsj* [5]. Тем не менее, заметно, что Томассен был знаком с более ранним переводом и, возможно, учитывал его в своей работе. В оригинале отчество одного из героев, Костылева, дается в укороченном варианте: «Иванов» вместо «Иванович» [1], в то время как отчество другого – Клеща – приводится в полном варианте: «Митрич» [1]. Якобсен, следуя, видимо, немецкому переводу, приводит полную форму отчества Костылева – *Iwanowitsch* [4] – и отчества Клеща – *Mitritsch* [4]. Томассен сохраняет формы из более раннего перевода, но при этом меняет их написание: *Ivanovitsj* [5], *Mitritsj* [5]. Все переводчики – и немец, и датчане – пошли по пути транскрибирования имен собственных.

Определенные трудности для переводчиков представляла передача реалий, передающих отличительные черты русской культуры. Для обозначения этих реалий можно иногда подобрать датские слова, позволявшие с разной степенью точности передать смысл русских слов. Однако есть и такие слова, которые можно отнести к так называемой «безэквивалентной лексике». Аналогов этим словам, даже приблизительных, в датском языке нет.

С реалиями русской культуры переводчики сталкиваются уже при переводе списка действующих лиц, причем в первой же строке встречаем слово «ночлежка» [1], которое, по данным Национального Корпуса Русского языка, было особенно употребимо в 1900–1920-ых гг. XX в. и, конечно, обозначало реалию не только русскую, но и ограниченную определенными временными рамками: русские ночлежки предоставляли койки в общих спальнях первоначально чернорабочим, крестьянам, подавшимся в город на заработки, а потом бездомным. Учреждения такого типа и были, и есть сейчас в Дании: они предназначены для людей, которые по каким-то причинам не могут жить дома или же просто не имеют дома. Иными словами, в датском языке есть слово, соответствующее русской «ночлежке», как ее понимал и изображал Горький. Тем не менее, Якобсен в своем переводе называет Костылева *krovært* [4], то есть хозяин иного заведения, чем «ночлежка». Датское *kro* тоже, конечно, обозначает некое здание, где можно остановиться на ночлег, но это скорее маленькая гостиница для путешественников, где можно было остановиться, пообедать, выпить пива, переночевать, а на следующее утро с новыми силами отправиться в путь. Возможно, тут виной немецкий перевод, который использовал Якобсен. В переводе Томассена эта ошибка исправлена: в тексте 1946 г. находим датское *herberge* [5] – «приют для бездомных», точное соответствие горьковской «ночлежки».

Сходные трудности были связаны и со словом «крючник», до некоторой степени совпадающим по значению со словом «грузчик». Это слово относится к пласту устаревшей лексики. Согласно Национальному корпусу русского языка, это слово употреблялось еще до Великой Отечественной войны, но во 2-ой половине XX в. оно стало редким и встречалось в основном в мемуарной прозе и исторических романах. Название профессии, распространенной в России с XVIII по 1-ую треть XX вв., происходит от особого железного крюка, при помощи которого и переносили тяжести. Труд грузчика интернационален и, возможно, вечен, но использование крюка для переноски тяжестей было чисто русской особенностью этой профессии. Оба переводчика – и Якобсен, и Томассен – подобрали слово, обозначающее человека, работа которого связана с переноской вещей, но не передающее русский колорит. В первом переводе «крючник» передается существительным *drager* [4], означаящим «человек, зарабатывающий себе на хлеб тем, что он уносит или приносит что-то» [3], то есть «носилищик», тот, кто в основном переносит багаж на вокзалах или в гостиницах. Томассену было, видимо, понятно, что «крючник» очень сильно отличается от «носилищика», но, так как русское слово относится к «безэквивалентной лексике» и не может быть передано соответствующим датским словом, переводчик подобрал слово, производное от *drager*, а именно: *lastdrager* [4], то есть «человек, который живет переноской тяжестей» [3], «грузчик», которое, конечно, гораздо ближе к русскому слову «крючник», хотя и не полностью совпадает с ним по значению.

Особый случай представляет собой слово «босьяк», которое видим в последней строке списка действующих лиц: «Несколько босьяков без имен и речей» [1]. Если Якобсен переводит это предложение практически дословно: *Et par barbenede, navnløse, stumme personer* [4] – «Несколько необутых, безымянных, бессловесных (вариант – немых или не произносящих ни слова – М.Н.) людей», то Томассен вынужден ввести в это предложение краткий переводческий комментарий: *Et par bosjaker (barfodede vagabonder), navnløse, stumme personer* [5] – «Несколько босьяков (босоногих бродяг), безымянных, бессловесных (вариант – немых или не произносящих ни слова – М.Н.) людей». Русская реалия «босьяк», то есть «опустившийся, нищий человек, деклассированный элемент», с одной стороны, соотносится с определенным временным периодом, с другой, с определенным социальным типом. В датском языке есть существительное *stodder*, используемое для обозначения очень бедного человека, однако слова «босьяк» и *stodder* объединяет лишь сема «крайняя бедность», что совершенно недостаточно для полноценной передачи русского слова. *Stodder* означает «нищий, дряхлый

старик-попрошайка» [3], тогда как «босьяк» может быть молодым и достаточно сильным человеком. Поэтому Томассен вынужден был заимствовать слово для описания иноязычной реалии, транскрибировать его, встроить в грамматическую систему датского языка и в качестве комментария дать описательный перевод.

Интересно, что обоим переводчикам пришлось передавать идею отсутствия обуви. Для этого они воспользовались близкими синонимами – *barbenet* [4] и *barfodet* [5]. Оба прилагательных имеют значение «босоногий», то есть «не носящий обуви». Однако *barbenet* имеет оттенок «бедный, не имеющий ни обуви, ни чулок или носков» [3], тогда как *barfodet* отличается семой «бедности, продиктованной убеждениями» [3]. Это прилагательное используется, например, в словосочетании, описывающем монаха-францисканца, – *barfodet munk* [3] – «босоногий монах». Именно это прилагательное использовал Томассен в своем переводческом комментарии, чтобы объяснить заимствование *bosjaker*.

Датский читатель, взявший в руки любой из переводов горьковской пьесы, сразу составит неправильное представление об одном из важнейших героев пьесы – о Луке. В списке действующих лиц о нем говорится, что он – «странник». Странничество на Руси было духовным подвигом: человек отказывался от всего своего имущества, терпел лишения и часто гонения из-за отсутствия документов и постоянного места жительства, ходил по святым местам; целью его могло быть стяжание Иисусовой молитвы. Как кажется, странничество как явление характерно именно для русской духовной жизни. Оба переводчика использовали слово *pilgrim* [4; 5] – «паломник», то есть «человек, по религиозным соображениям, например, по причине особого благочестия, по обету или чтобы вымолить что-то, отправляется в святые места» [3], но это слово не передает тот смысл, который русский человек вкладывает в слово «странник». Воспринимая Луку как «паломника», любой европейский читатель, и датский в том числе, может впасть в некоторое недоумение, не понимая, как благочестивый по определению человек может оказаться в обществе бродяг, воров и проституток.

Интересен и случай «Квашни, торговли пельменями» [1]. В случае этой героини пьесы мы сталкиваемся не с именем, а с прозвищем. В России квашней пренебрежительно называли толстого и неповоротливого человека. Как кажется, немецкий переводчик, а за ним и Якобсен не поняли эмоционально-стилистической окраски прозвища героини. В переводе Якобсена находим: *Kwaschnja, sælgekone* [4] – «Квашня, торговка», причем стилистически нейтральное *sælgekone* означает «женщина, которая ходит и продает товары маленькими партиями, ведет торговлю вразнос на улице» [3].

Sælgekone может переводиться как «лоточница». Если остановиться на варианте *sælgekone* и не учитывать добавочного смысла, который несет прозвище, то до читателя не доходит большая часть информации о героине, в особенности то, что касается ее внешности. Очевидно Томассен, прекрасно знавший русский язык, понимал, что стоит за прозвищем «Квашня». В датском языке есть слова, которые описывают полную женщину: *bolle* [3] – «булочка», слово, не имеющее отрицательных коннотаций и описывающее симпатичную, соблазнительно полную женщину, и *matrone* [3] – «крупная женщина с лишним весом и часто с властным характером, замужняя» (имеет уничижительный или шуточный оттенок). Ни одно из этих слов не соответствует прозвищу горьковской героини. Томассен прибегает здесь к компенсации, стараясь сохранить не только пренебрежительный оттенок прозвища героини, но и сведения о том, чем именно она торгует. Все, что не было передано в первом переводе прозвищем героини и словом *sælgekone*, Томассен вкладывает в неологизм *høkermadam* [5]. Каждая из частей этого сложного слова играет свою роль в создании образа Квашни. Мужчина, торгующий в розницу продуктами питания, по-датски называется *høker* [3]. Соответственно, женщина-торговка может обозначаться словом, которое создал Томассен, причем для второй части своего неологизма он выбирает не вариант *kone* – нейтральное «женщина [в противоположность мужчине]» [3], а французское заимствование *madam*, имевшее в датском языке оттенок пренебрежения или насмешки по отношению к женщине из простонародья, отличающейся неопрятностью и крепким телосложением [3]. Перевод текста, относящегося к этой героине пьесы, можно считать несомненной удачей переводчика, поскольку здесь предпринята небезуспешная попытка передать смысл прозвища «Квашня». Что касается уточнения Горького «торговка пельменями» [1], конкретное название товара, которым торгует Квашня, опущено, видимо, как не имеющее важности ни для развития сюжета, ни для характеристики самой героини.

Если прозвище «Квашня» обоими переводчиками транскрибировалось, то прозвище другого героя, выраженное словосочетанием, было переведено на датский язык одним словом. «Кривой Зоб» [1] передается и Якобсеном, и Томассеном как *Skevhovede* [4] (Якобсен) или *Skevho 'de* [5] (Томассен), причем во втором случае употребляется форма, с точки зрения фонетики характеризующаяся как просторечие. В русском языке «зоб» означает «заболевание, увеличение щитовидной железы», то есть опухоль на шее. Опухоль может разрастаться неравномерно, в одну сторону, откуда и могло возникнуть прозвище «Кривой Зоб». Как кажется, в переводе этого прозвища Якобсен следовал за немецким переводчиком, а Томассен не стал на-

рушать уже сложившуюся традицию. Прозвище этого героя – *Skevhovede/Skevho 'de* – переводится как «Косолицый», то есть человек, лицо которого перекошено вследствие паралича.

В списке действующих лиц есть и названия занятий, не представляющие особой сложности для перевода, поскольку это были распространенные профессии: «слесарь» – *kleinsmed* [5], «сапожник» – *skomager* [4; 5], «картузник» – *kasketmager* [4; 5]. В Европе картузы вошли в моду в начале XIX в., так что профессия картузника была равно востребована и в Дании, и в России.

Прекрасное знание русского языка помогло Томассену исправить не столь заметные ошибки первого перевода, передать значения некоторых слов более точно. Так, у Якобсена в характеристике Насти, девушки двадцати четырех лет, слово «девица» передается как *et pigebarn* [3] – «девушка в возрасте, переходном от девушки-подростка к молодой женщине (от 16 до 25 лет)». Однако это слово в датском языке может приобретать шуточные или пренебрежительные коннотации, поэтому Томассен отказался от него в пользу более нейтрального *pige* [3] – «девочка или молодая особа женского пола».

Другая ошибка обнаружилась в отрывке, посвященном Медведеву. У Якобсена читаем: *Medwedew, begges onkel, politibetjent, 50 aar* [4] – «Медведев, дядя их обеих/обоих, полицейский, 50 лет». Датское *begge* употребляется по отношению к двум лицам любого пола или двум вещам, чем-то объединенным (например, две половинки целого). Поскольку в списке действующих лиц перед Медведевым упоминаются Василиса Костылева и ее сестра Наташа, употребление *begge* избыточно. Совершенно ясно, что Медведев не может приходиться дядей, скажем, Михаилу и Василисе или Михаилу и Наташе. Видимо, ощущая эту избыточность, Томассен в своем переводе заменил *begge* на более нейтральное *deres* [5] – притяжательное местоимение «их», точное соответствие русскому местоимению.

В списке действующих лиц есть еще три героя, Барон, Актер и крючник Татарин, прозвища которых в обоих переводах как бы перестают быть именами собственными, поскольку они сопровождаются неопределенными артиклями: *en baron* [4; 5], *en skuespiller* [4; 5], *en tatar* [4; 5]. Роль неопределенного артикля в переводах довольно необычна: он помогает показать, что в то время, когда разворачивается действие пьесы, жизнь людей, носивших эти говорящие прозвища, на самом деле уже не соответствует смыслу этих прозвищ: и Барон уже не барон, хотя некогда и был им, и Актер уже не играет на сцене, и Татарин, носящий прозвище Князь, стал нищим бродягой. Поскольку все эти существительные употреблены с неопределенным артиклем, читатель, глядя на список действующих лиц, не ста-

нет задаваться вопросом, как, например, человек, имеющий титул барона, оказался в ночлежке.

Внимательное чтение и сравнение текста Горького, пусть и весьма короткого, с двумя его переводами на датский язык показывает, какие проблемы стояли перед переводчиками пьесы «На дне» даже при том, что в течение довольно долгого времени культура, в частности литература, даже повседневная жизнь России и Дании находились в тесном взаимодействии друг с другом. В переводе всего одной страницы горьковского текста, как в капле воды, отразились все трудности, которые пришлось преодолевать переводчикам, чтобы познать своих соотечественников со знаменитым произведением великого русского писателя.

Библиографический список

1. Горький А.М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. – М.: Художественная литература, 1975. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/505/index.html> (дата обращения: 12.08.17).
2. Ненарокова М.Р. Повесть М.Ю.Лермонтова «Бэла»: проблема датских переводов (1842–1944) // Перевод в меняющемся мире. Материалы II Международного научного симпозиума. – М., 2016. – С. 136–140.
3. Den Danske Ordbog [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ordnet.dk> (дата обращения: 12.08.17).
4. Gorkij Maxim. Natteherberg. Scener fra dybet i 4 Akter. Paa dansk ved Jakob Jakobsen (машинопись, Det Kongelige Bibliotek, København, Danmark).
5. Gorkij Maxim. Natteherberget. Scener fra dybet i 4 Akter ved Ejnar Thomassen (машинопись, Det Kongelige Bibliotek, København, Danmark).
6. Nørgaard Felix. Maxim Gorki. Koebenhavn, H. Hagerups Forlag, Koebenhavn, 1931. – 234 p.
7. Stender-Petersen Ad. Den Russiske Litteratur-Historie. v. 3. København, Nordisk Forlag, 1952. – XII, 278 s.
8. Thomassen Ejnar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Ejnar_Thomassen (дата обращения: 12.08.17).
9. Malinowski Ivan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Ivan_Malinowski (дата обращения: 12.08.17).
10. Thorup Ib. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://denstoredanske.dk/Gyldendals_Teaterleksikon/Dansk_1950-/Ib_Thorup (дата обращения: 12.08.17).

References

1. Gor'kij A.M. Rasskazy. Ocherki. Vospominaniya. P'esy. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ilibrary.ru/text/505/index.html> (data obrashcheniya: 12.08.17).
2. Nenarokova M.R. Povest' M.YU.Lermontova «Behla»: problema datskih perevodov (1842–1944) // Pervod v menyayushchemsya mire. Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. – M., 2016. – S. 136–140.
3. Den Danske Ordbog [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ordnet.dk> (data obrashcheniya: 12.08.17).
4. Gorkij Maxim. Natteherberg. Scener fra dybet i 4 Akter. Paa dansk ved Jakob Jakobsen (mashinopis', Det Kongelige Bibliotek, København, Danmark).
5. Gorkij Maxim. Natteherberget. Scener fra dybet i 4 Akter ved Ejnar Thomassen (mashinopis', Det Kongelige Bibliotek, København, Danmark).
6. Nørgaard Felix. Maxim Gorki. Koebenhavn, H. Hagerups Forlag, Koebenhavn, 1931. – 234 p.
7. Stender-Petersen Ad. Den Russiske Litteratur-Historie. v. 3. København, Nordisk Forlag, 1952. – XII, 278 s.
8. Thomassen Ejnar [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Ejnar_Thomassen (data obrashcheniya: 12.08.17).
9. Malinowski Ivan [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Ivan_Malinowski (data obrashcheniya: 12.08.17).
10. Thorup Ib. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://denstoredanske.dk/Gyldendals_Teaterleksikon/Dansk_1950-/Ib_Thorup (data obrashcheniya: 12.08.17).

Демкина Светлана Михайловна

кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
DemkinaSvetlana@yandex.ru

М. ГОРЬКИЙ: МУЗЕЙНЫЙ ОБРАЗ – ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена музейной составляющей исследования личности А.М. Горького. Автор рассказывает об истории создания и специфике горьковских музеев в разных городах России. 150-летие А.М. Горького делает актуальным разговор о феномене и масштабе его личности в контексте музейной интерпретации образа писателя. «Музееобразующий» потенциал личности Горького – несколько музейных центров в разных городах (два московских, три нижегородских, казанский, красновидовский, арзамасский); коллекции отечественного и зарубежного искусства, бесценные фотоархивы, документальные материалы – свидетельства российской истории в двух ее важнейших ипостасях: до и после революции 1917 г.

Ключевые слова: музей, образ, Горький, писатель, экспонат, коллекция.

150-летие А.М. Горького (1868–2018) возвращает нас к разговору о личности писателя, оказавшего серьезное влияние на литературные и общественные процессы России в XX столетии. Именно такие люди, биография которых не прерывается со смертью, привлекают исследователей и музейщиков; всех, кто учится и кто учит.

Музеи как неотъемлемая часть культуры помогают наглядно и доступно «осваивать» историю. Изучая путь людей, в разное время формировавших духовный облик России, мы сохраняем живой смысл отечественной культуры. Многолетний опыт существования Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН свидетельствует, сколь важное воздействие в процессе воспитания гражданина может оказать на ребенка правильно поданная биография известного человека. Преимущество мемориальных домов – свидетелей жизни великих людей, их творческих поисков и каждодневного труда, хранящих память о своих хозяевах, очевидно: подлинность во всем. Подобно посмертному изданию авторской рукописи мемориальные музеи являются своего рода памятником писателю.

Посещение мемориального музея – прекрасная возможность не просто узнать подробности жизни одаренной личности, но и увидеть за ее судьбой историю своей страны. В особенности, если имя хозяина дома знакомо с детства, встречается на обложках книг, звучит в школе, доме, библиотеке, в названиях улиц, театров, школ. Смысл и сила многостраничных жизнеописаний, существования сохраненной прижизненной обстановки, длительного читательского интереса в главном герое. Алексей Максимович Пешков – М. Горький – как объект музейной интерпретации представляется практически образцовым.

«Музееобразующий» потенциал личности Горького – несколько музейных центров в разных городах (два московских, три нижегородских, казанский, красновидовский, арзамасский); коллекции отечественного и зарубежного искусства, бесценные фотоархивы, документальные материалы – свидетельства российской истории в двух

ее важнейших ипостасях: до и после революции 1917 г. Выбирая заинтересованным взглядом в музейных залах ключевые экспонаты, можно сложить весьма объемный горьковский образ.

Каждый из горьковских музеев имеет свою историю. Первый шаг в создании музейного образа писателя был сделан на его родине, в Нижнем Новгороде. Здесь в горьковский заповедник вошли домик В. Каширина – Музей Детства, квартира в доме Н.Ф. Киришбаума и литературный музей. Будучи уже немолодым, Горький начертил план дома деда, в котором жил с матерью в 1871–1872 гг. Вместе с повестью «Детство» горьковский набросок помог создателям музея «Домик Каширина». Он открылся 1 января 1938 г. и воспринимается сегодня как объемная иллюстрация первой части знаменитой автобиографической трилогии. Погружение в описанное и когда-то реально существовавшее пространство приземистого одноэтажного дома, окрашенного «грязнорозовой краской» [1, с. 19–20], теснота маленькой комнатки «под грубообразным потолком» и густота нелюбимых Алешей Пешковым запахов «пирогов с зеленым луком, морковью» [1, с. 79], – своего рода ключ к пониманию его личности. Здесь впервые возникла внутренняя потребность – изменить жизнь; и, став литератором, «властителем дум», писать так, чтобы возбуждать «несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой» [1, с. 194].

Следующая точка на музейно-мемориальной карте – нижегородская квартира Горького в доме барона Н.Ф. Киришбаума. В отличие от домика В. Каширина этот музей связан с одним из самых счастливых и успешных периодов жизни писателя. В 1902 г. он – известный автор переведенных на шестнадцать языков мира произведений; общественно-значимая личность, герой газетных и журнальных публикаций; драматург, переживающий оглушительный успех «На дне». В этом музее в полной мере ощущается суть духовных перемен, произошедших с Алексеем Пешковым, ставшим М. Горьким. Интеллигентная уютная простота и демократическая атмосфера горьков-

ской квартиры противоположны свинцовым мерзостям домика деда Каширина. Здесь хорошо работалось: все в кабинете писателя с портретами жены, сына и А.П. Чехова на столе располагало к творчеству; здесь кипела общественная и художественная жизнь: в малой и парадной столовых спорили друзья и единомышленники – Ф.И. Шалапин, Л.Н. Андреев, Н.Г. Гарин-Михайловский, К.П. Пятницкий, Л.А. Сулержицкий, А.Б. Гольденвейзер и многие другие. Современная гулкая тишина «шалапинской» комнаты напоминает о великом бате наряду с личными вещами Федора Ивановича. Рядом – детская с книгами и игрушками Максима и Катюши, токарным станком, партой и скрипкой сына; комнаты Е.П. Пешковой и ее матери; спальня супругов с букетом сухих полевых цветов, собранных для жены Алексеем Максимовичем.

Летом 1884 г. будущий писатель покинул Нижний Новгород, отправившись в Казань. Старогоршечная улица, знаменитая Марусовка на Рыбнорядской, дом Корнэ, ночлежка на Мокрой, крендельное заведение Василия Семенова, пекарня А.С. Деренкова – казанские адреса Горького. Из подвала деренковской пекарни на улице, носящей сегодня имя писателя, в 1940 г. вырос литературно-мемориальный музей. Здесь можно проследить за формированием мировоззрения юноши, распростившегося с мечтой учиться в Казанском Императорском университете, много и тяжело работавшего, увлекшегося свободолобивыми идеями, пережившим неудачную любовь и духовный кризис, повлекший за собой попытку самоубийства. Подлинные документы и предметы эпохи; воссозданная пекарня; фотографии университета, мечты о котором остались мечтами; сада генеральши Корнэ, трущоб Марусова с «призраками» людей; психиатрической клиники; архиерейского дома; Федоровского бугра – места самоубийства; земской больницы, где хирург И.П. Плюшков удалил пулю; казанской Консistorии, постановившей предать Алексея Пешкова «за покушение на самоубийство <...> частному духовному суду его приходского священника с тем, чтобы он объяснил ему значение и назначение здешней жизни и убедил его на будущее время дорожить ею, как величайшим даром Божиим, и вести себя достойно христианского звания» [2, с. 39–41], – все это этапы духовного становления незаурядной личности. Бесценный опыт четырех лет горьковских университетов: более двадцати художественных произведений, превосходный музей – срез отечественной истории и судьбы одного человека.

Следующим этапом биографии Алексея Пешкова стало живописное село Красновидово. В 1888 г. он приехал сюда из Казани по приглашению своего друга М.А. Ромася, державшего бакалейную лавку и занимавшегося революционным просвещением крестьян. Несколько месяцев, которые прожил там

будущий писатель, оказались столь важными для истории волжской деревни, что в 1979 г. в Красновидове открыли первый в России сельский музей А.М. Горького. Была воссоздана мемориальная обстановка жилой комнаты и лавки Ромася, позднее оформлена литературная экспозиция с документальными материалами, напоминающими о пребывании Горького в Казани и Красновидове. История запечатлела краткий по времени период пребывания никому не известного юноши с неудачной любовью и неудачной попыткой самоубийства за плечами маленьким музеем А.М. Горького, ставшим в наши дни предметом гордости старинного села, культурным и краеведческим центром. Уже осенью 1888 г. Алексей Пешков, переживший после красновидовского пожара разочарование в народничестве и русском мужике, отправился на Каспий, начав свое хождение по Руси.

С мая по сентябрь 1902 г., находясь под следствием по делу о «мимеографе», Горький жил в Арзамасе. Пешковы сняли старинный купеческий дом в центре города, где в 1982 г. открылся Музей. Мемориальные комнаты – кабинет с письменным столом, изготовленным арзамасским столяром по заказу Горького, за которым была закончена пьеса «На дне», начата пьеса «Дачники», правились рукописи знаньевцев. Писатель так много работал, что вызвал удивление и даже сочувствие дежурившего под окном полицейского. «Поднадзорный мало спит, по ночам в квартире работает», – сообщалось в служебном рапорте. В коллекции московского музея хранится фотография, на которой запечатлены дом, Горький в окне своей квартиры и полицейский под этим окном.

Московский Музей – завершающий этап в создании целостного музейного образа писателя. Музей А.М. Горького ИМЛИ РАН, основанный в 1937 г., соединяет в себе свойства академического, литературного и мемориального. Это литературная экспозиция (Поварская, 25а), рассказывающая о жизни и творчестве писателя с раннего детства до 1921 г. (до отъезда за границу); и мемориальный музей-квартира на Малой Никитской, 6. В Музее около ста тысяч единиц хранения; как и везде, лишь часть экспонатов представлена в экспозициях, многое находится в специальном хранении. Тем не менее, в Музее можно увидеть работы замечательных художников: М.В. Нестерова, В.А. Серова, Б.Д. Григорьева, Л.О. Пастернака, А.Д. и П.Д. Кориных, А.Н. и Н.А. Бенуа, Б.М. Кустодиева, Ю.А. Анненкова, В.Д. Поленова, В.Д. Фалилеева, А. Остроумовой-Лебедевой, Е.С. Кругликовой, И.И. Машкова, В.Д. Фаворского, Кукрыниксов и др., скульптуру С.Т. Коненкова, И.Д. Шадра, В.И. Мухиной, Н.В. Томского, В. Сапика, Н.В. Крандиевской. Музейный фотофонд представлен произведениями лучших фотографов: М.П. Дмитриева, А.О. Карелина, Шерера и Наб-

гольца, Д. Лейбовского, М. Наппельбаума, П. Оцу-па, Н. Петрова, М. Альперта, М. Ошуркова и др.

Экспонаты московского Музея весьма многообразны: от скульптуры, украшающей двор Института Мировой литературы до крохотного бумажного петушка, сделанного Львом Николаевичем Толстым для маленького Максима – сына Горького. Здесь хранятся автографы Чехова, Бунина, Станиславского, Шаляпина, предметы прикладного искусства, нумизматика, замечательная коллекция восточной миниатюры, книги личной библиотеки, иллюстрации к произведениям Горького, офорты и гравюры, оригинальные стеклянные негативы, фотодокументы и личные вещи писателя.

В литературной экспозиции о времени, насыщенном событиями и творчеством, рассказывают карта-панно странствий Алексея Пешкова по Руси 1889 и 1891–1892 гг.; галерея разных пунктов горьковского маршрута и людей, встретившихся на его пути. В наглядной ретроспективе перед глазами посетителей музея проходит множество сюжетов: Одесса; ломка камня в карьере Владикавказской железной дороги; разгрузка баржи, волжские пристани, рыбацкие тони в низовьях Волги; рабочие и служащие станции Крутая Грязе-Царицынской железной дороги; З.Е. Басаргин, начальник станции и его дочь; М.Я. Началов, живший в Царицыне под полицейским надзором; Кострома; Феодосия; окрестности Аккермана; бакинские промыслы Манташева; Тифлис, А.М. Калюжный и его дом на Елизаветинской улице; стол, за которым там работал А. Пешков, газета «Кавказ» с первой публикацией М. Горького; его ранние стихотворения; закавказские железнодорожные мастерские; ночлежный дом Бугрова в Н. Новгороде; народная столовая в Нижегородской губернии; О.Ю. Каминская – прообраз героини рассказа «О первой любви» и письмо Горького ей; В.Г. Короленко и письма писателей друг другу; «Самарская газета» с фельетоном из цикла «Между прочим», подписанного «Иегудиил Хламида»; редакция «Самарской газеты»; дело самарского городского управления о негласном полицейском надзоре; В.И. Анненков, Н.Г. Гарин-Михайловский; павильоны и отделы нижегородской выставки; подлинные вещи писателя: пальто-крылатка, шляпа и трость. О знаковых моментах горьковской биографии свидетельствуют фотографии Горького с Толстым, Чеховым; затем имена, составляющие золотой фонд русской и мировой культуры, сопровождают Горького до конца жизни: М.В. Нестеров, И.А. Бунин, В.Я. Брюсов, М.Н. Ермолова, В.В. Стасов, В.М. Васнецов, И.Е. Репин, Л.А. Сулержицкий, И.Ф. Анненский, Л.Н. Андреев, В.Ф. Комиссаржевская, К.С. Станиславский, Вл.И. Немирович-

Данченко, Ф.И. Шаляпин, В.А. Серов, Р. Роллан, А. Галлен, А.А. Блок, А.Н. Скрябин, С.В. Рахманинов, И.П. Павлов, Н.И. Вавилов, Е.И. Замятин, Ю.А. Анненков, Г. Уэллс, Б.М. Кустодиев, А. Белый, К.И. Чуковский и др.

Литературно-биографическую экспозицию на Поварской продолжают залы на Малой Никитской – фотографии и документы, рассказывающие о последнем периоде жизни; картины Б.Д. Григорьева, В. Хааген-Мюллера, В.М. Ходасевич, М.В. Нестерова, посмертная маска Горького и др. Но главное – первый мемориальный этаж особняка. Здесь писатель прожил пять лет, очень много работал (среди законченного – пьесы «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой»; из недописанного – «Жизнь Климата Самгина»); принимал многочисленных гостей; готовил первый Всесоюзный съезд писателей; редактировал огромное количество рукописей. Малая Никитская, 6 – последний горьковский адрес. В тишине мемориальных комнат вспоминаются предсмертные слова писателя: «Конец романа, конец героя, конец автора» [3, с. 61]. В чем-то главном московская квартира напоминает нижегородскую – только, называя комнаты и вещи, мы часто прибавляем слово «последняя» – последняя библиотека, последний кабинет, последние рукописи, последние книги. В этих стенах уместно подводить итоги великой жизни великого человека. Подобно огромному в полный рост горьковскому портрету на площадке второго этажа, возникает целостный образ русского писателя, начавшего свой путь в далеком девятнадцатом столетии, изменившего век двадцатый и оставшегося с нами в двадцать первом.

Библиографический список

1. Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т. – М.: Наука, 1968–1976. – Т. 15. – 644 с.
2. Калинин Н. Горький в Казани. – Казань, 1928. – 52 с.
3. Предсмертные записи М. Горького // Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие». 2001. – С. 59–64.

References

1. Gor'kij M. Poln. sobr. soch.: Hudozhestvennye proizvedeniya: V 25 t. – M.: Nauka, 1968–1976. – T. 15. – 644 s.
2. Kalinin N. Gor'kij v Kazani. – Kazan', 1928. – 52 s.
3. Predsmertnye zapisi M. Gor'kogo // Vokrug smerti Gor'kogo. Dokumenty, fakty, versii. – M.: IMLI RAN, «Nasledie». 2001. – S. 59–64.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА М. ХАЙДЕГГЕРА КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье устанавливается связь между некоторыми идеями экзистенциальной философии языка М. Хайдеггера и положениями предикационной концепции языка (проф. В.А. Курдюмов), которая представляет собой теоретическую основу структурно-динамического подхода в лингвистике. Через сопоставление концепций из, казалось бы, разных отраслей знания доказывается актуальность взглядов М. Хайдеггера в области дальнейшего конструирования динамической лингвистической теории. Делается вывод о положениях, которые сближают философию М. Хайдеггера и структурно-динамический подход в лингвистике: 1) указание на необходимость возврата к более ранним концепциям и учениям, раскрывающим сущность бытия и языка; 2) деятельностно-событийный подход к языку; 3) расширенное («анти-структуралистское») понимание языка как процесса коммуникации на всех уровнях и этапах порождения/восприятия; 4) указание на уровневую организацию бытия и языка в их соотносительности. Выдвигается мысль о необходимости отказа от ненужного усложнения лингвистических теорий за счет абстрактных «внешних» понятий, а также о возможности фундаментального рассмотрения не-флективных («восточных») языков как исходного объекта науки о языке.

Ключевые слова: язык, структурно-динамический подход к языку, предикационная концепция, философия языка М. Хайдеггера, лингвистическая онтология, предикация, соотношение языка и мышления, уровни бытия и языка.

После длительного господства в лингвистике структурализма (так называемого статического подхода, восходящего к трудам Ф. де Соссюра), его ответвлений и коррелятов во многих лингвистических течениях конца XX в. наметилась тенденция к динамическому рассмотрению языка. Формирующийся коммуникативно-деятельностный подход соотносим с обсуждаемым в данной статье структурно-динамическим подходом (динамика языка воплощается и исчисляется в языковых структурах).

Теоретической основой рассматриваемого структурно-динамического подхода выступает предикационная концепция языка, предложенная В.А. Курдюмовым [4; 5]. Согласно данной концепции, в основе коммуникации лежит понятие предикации, определяемое как системный процесс «переработки» бинарных (топиковых) структур [5, с. 111]. Одним из главных положений концепции является требование рассмотрения языка «сверху», то есть от высших уровней к низшим, поскольку функционирование единиц более низких уровней может быть осмыслено только в контексте функционирования единиц более высокого уровня [4, с. 6]. Этот факт становится очевидным при анализе языкового материала китайского языка, на базе которого во многом и разработана предикационная концепция.

Таким образом, новый подход к языку получает название структурно-динамического, поскольку связан с изучением процесса предикации, который раскрывает сущностные закономерности порождения и восприятия текстов, формирующих процесс коммуникации. При этом, как отмечает В.А. Курдюмов, «предикация – это мост между лингвистическим и философским пониманием языка» [4,

с. 170]. Благодаря предикации мы можем увидеть тесную связь между философией и лингвистикой.

Освещение вопросов языка характерно для трудов М. Хайдеггера второго периода творчества (начиная с 30-х гг. XX века). Главное философское произведение М. Хайдеггера первого периода «Бытие и время» только намечает проблему языка. Кроме того, значительная часть идей и выводов, содержащихся в трактате, была переосмыслена и раскритикована самим философом в конце его жизни: «Возражение против этой книги: что у меня и сегодня еще мало врагов – она не подарила мне ни одного Великого врага» [10, с. 15]. Поэтому при рассмотрении философии языка М. Хайдеггера следует прежде всего опираться на статьи и устные выступления второго периода творчества, среди которых: «Гёльдерлин и сущность поэзии» (1936 г.), «Письмо о гуманизме» (написана в 1946 г., опубликована в 1957 г.), «Поворот» (1949 г.), «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» (1953–1954 гг.), «Отрешенность» (1955 г.), «Слово» (1957 г.), «Путь к языку» (1959 г.), «Время и Бытие» (1962 г.) и другие [8]. В то же время при осмыслении некоторых общих вопросов о бытии и назначении человека иногда допустимо обращение к трактату «Бытие и время».

Прежде всего, необходимо отметить, что М. Хайдеггер призывает вернуться к истокам, к началу, и это касается не только философии в целом, но и языкознания в частности. Соответствующие мысли можно найти уже в «Бытии и времени»: «...представляется необходимость перенесения науки о языке на онтологически более исходные основания. Задача освобождения грамматики от логики предварительно требует позитивного понимания априорной основоструктуры речи вообще

как экзистенциала и не может быть выполнена путем привнесения усовершенствования и дополнения к традиционному» [9, с. 165–166]. Возвращение к исходному предполагает в определенном смысле разрушение, или деструкцию, настоящего. В философии М. Хайдеггера это есть критика трактовки бытия (и в связи с этим трактовки сущности языка), принятой большей частью философского сообщества того времени. Предикационная концепция языка – это, по сути, один из вариантов позитивной деструкции традиционного и глубоко укоренившегося структурно-статического представления о языке. Создание структурно-динамического подхода предполагает расшатывание догматов и ослабление авторитета структурализма. Подобная деструкция (и со стороны М. Хайдеггера, и со стороны В.А. Курдюмова) – это попытка «вывести читателей и слушателей из устаревших канонов мышления и жизни» [6, с. 13].

В общетеоретическом плане структурно-динамический подход опирается на идею о деятельностной природе языка, которая была выдвинута и развита в работах таких крупных ученых XIX века, как В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня. Таким образом, В.А. Курдюмов тоже предлагает обратиться к более ранним работам (раньше периода зарождения структурализма) и попробовать посмотреть на них с более глобальных позиций: могут ли уже неоднократно обсуждаемые положения этих работ дать основу для новой, более приближенной к истине интерпретации сущности языка. С этим сопоставима особая симпатия М. Хайдеггера к досократикам, то есть к периоду более раннему, чем классический, а также своеобразное толкование работ Аристотеля, иногда приближающееся к полному переосмыслению.

Философия языка М. Хайдеггера развивается в рамках деятельностно-событийного подхода, который предполагает замену статического (метафизического) представления о мире динамическим. Это, конечно, прежде всего, касается центральной проблемы философии М. Хайдеггера – вопроса о бытии: «*Бытие* всегда только осуществляется. Оно сбывается в событии, которое всегда мгновенно...» [1, с. 123]. Другие явления, в том числе и язык, тоже интерпретируются в подобном ключе, например: «*Истина*, как и бытие, не есть, а осуществляется» [1, с. 126]; «*философия* не является совокупностью готового к употреблению знания, накопленного традицией, но всегда выступает как жизненная задача» [11, с. 34]; «Путь к *языку* принадлежит обусловленному событием сказу. В этом пути, принадлежащем существу языка, таится его собственная суть. Этот путь событийный» [8, с. 269]. Любое понимание также рассматривается как нечто, что всегда в пути и никогда не завершится [3, с. 54]. Про аналогичную направленность структурно-динамического подхода уже было ска-

зано выше. Подобно статическому представлению о мире, происходит переосмысление статического представления о языке, в частности, утверждается, что исследование любых языковых явлений и процессов требует обращения к исходной технике предикации [5, с. 15], при этом сама предикация, аналогично пониманию у М. Хайдеггера, интерпретируется как непрерывный процесс.

В этом отношении также интересно замечание В.В. Бибихина об общем характере философии М. Хайдеггера: это есть переход от метрики к топике, топика понимается критиком в смысле развертывания вглубь [1, с. 119]. К сожалению, В.В. Бибихин подробно не останавливается в статье на этой мысли, но совершенно очевидно, что топика в его понимании – это динамический вариант анализа явлений.

Философия М. Хайдеггера является своеобразным развитием феноменологических идей Э. Гуссерля. М. Хайдеггер говорит о необходимости изучения феноменологии присутствия, которая есть, по сути, герменевтика «в исконном значении слова, означающем занятие толкования» [9, с. 37]. Практическое применение структурно-динамического подхода тоже тесным образом связано с герменевтикой, поскольку предполагает анализ текстов. Целью анализа текстов можно считать приближение к высшему уровню понимания, понимания истины бытия, поскольку, по словам М. Хайдеггера, «герменевтика становится вместе и “герменевтикой” в смысле разработки условий возможности всякого онтологического разыскания» [9, с. 37]. Схожая мысль присутствует в диссертации В.А. Курдюмова, когда говорится о приближении к трансцендентальному идеалу: «В идеале герменевтическому толкованию подлежит *любой* текст, неизбежно несущий на себе отпечаток экзистенции бытия» [5, с. 236]. Таким образом, и философия языка М. Хайдеггера, и структурно-динамический подход имеют одну и ту же главную цель – раскрытие истины через толкование текстов.

Для философии М. Хайдеггера характерно отсутствие четкой грани между языком и мышлением (которые традиционная лингвистика требует разделять, выводя мышление за пределы анализа), провозглашение первичности языка по отношению к мышлению: «Язык – то исходное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отзываться на бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежать бытию. Эта исходная отзывчивость, в истинном смысле достигнутая, есть мысль» [8, с. 254–255]. Согласно предикационной концепции, «речь является составной частью языка» [5, с. 218], «мышление, как и речь, также является составной частью языка» [5, с. 219]. Таким образом, структурно-динамический подход, как и философия М. Хайдеггера, предполагает широ-

кое понимание языка. Выдвигается мысль о том, что предикация – это универсальный процесс, сопровождающий человека в течение всей жизни: все многообразие идей, свободно существующих вокруг нас, может быть сведено к одной главной идее мира подобно тому, как многообразие идей текста может быть сведено к одной базовой с помощью предикационных преобразований. Подобное соотношение языка и мышления подтверждается также тезисом об универсальности топика и комментария как основных единиц структурно-динамического анализа. Топик и комментарий формируют бинарную языковую структуру любой степени глубинности [5, с. 63], то есть, грубо говоря, и мысль, и предложение.

В основе порождения/восприятия текста – идея, базовая Т-К-структура, что соотносится с положением М. Хайдеггера: толкование требует иметь толкуемое понятием [9, с. 152]. Утверждается, что «реплика как ответ следует обычно прямо из понимания о-чем речи» [9, с. 164], то есть анализ структуры и механизма развертывания текста возможен только в случае вскрытия той главной идеи, которой подчиняется текст.

Понимание предикации как универсального процесса связано с пересмотром некоторых общепризнанных представлений. Например, отказ от понятия передачи и получения информации: «сообщение не есть перенос информации» [5, с. 121]. Любое сообщение, независимо от того, порождается оно или воспринимается, представляет собой цепь последовательных преобразований бинарных структур. Это положение структурно-динамического подхода тоже соотносится со взглядами М. Хайдеггера, который высказывает аналогичную мысль почти теми же словами: «...сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживаний» [9, с. 162]. Связь между предикационными процессами говорящего и слушающего имеет в философии М. Хайдеггера аналог в виде сонатности и сопонимания [9, с. 162], это отражает то, насколько цепь предикационных преобразований слушающего при восприятии текста совпадает с последовательностью аналогичных преобразований при рождении текста говорящим.

Структурно-динамический подход предполагает не просто линейное движение в виде предикационных преобразований, а последовательный переход от одного уровня языка к другому. В диссертации В.А. Курдюмова представлено подробное описание соотношения уровней бытия и языка с этой точки зрения [5]. В трудах М. Хайдеггера упоминаются три уровня бытия, которые в свою очередь сопоставимы с тремя функциями языка, обозначенными В.А. Курдюмовым: онтический уровень (уровень сущего) – регулятивная функция языка, онтологический уровень – креативно-когнитивная функция языка, доонтологический уровень

(«доонтологическая бытийная понятливость») – экзистенциальная функция языка [5; 9].

Соответствующая высшему уровню экзистенциальная функция языка заключается в раскрытии истины бытия, в «проявления подлинности мира» [5, с. 220]. Хотя М. Хайдеггер сам неоднократно говорит о таком назначении языка («Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия» [8, с. 199], язык как жилище экзистенции [8, с. 219] и т. п.), эта особая функция получает собственное название «экзистенциальной» только в рамках предикационной концепции. В концепции также принимается мысль о том, что, несмотря на фактическую недоступность высшего доонтологического уровня, язык постоянно стремится к нему, это стремление можно увидеть в философской и поэтической речи. М. Хайдеггер называет мыслителей (философов) и поэтов хранителями жилища языка, главная задача которых – «осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [8, с. 192]. В философии М. Хайдеггера высший доонтологический уровень – это отрицание бытия, или Ничто [8, с. 16–27]. В предикационной концепции – это отрицание языка, та область, где язык уже не нужен в принципе.

В заключение хотелось бы отметить два частных положения, которые, на наш взгляд, также могут продемонстрировать тесную связь между структурно-динамическим подходом в лингвистике и философией языка М. Хайдеггера. Это, прежде всего, неприемлемость эталонности европейских языков для стандарта анализа. Один из известнейших критиков М. Хайдеггера Х.Г. Гадамер отмечает, что, несмотря на общее направление истолкования, которое было задано структурными моментами греческого языка, всегда предпринимались попытки преодолеть существующую схематизацию мышления [3, с. 93], и эти попытки не могут считаться напрасными. По свидетельству другого критика, Ж. Бофре, сам М. Хайдеггер однажды в беседе заметил, что «сегодня уже невозможно в “вот-бытии” оставаться “в своей западной изолированности”» [2, с. 17]. М. Хайдеггер никогда не превозносил родной немецкий язык, более того, идеальное слово для обозначения сущности языка («лепестки цветения, происходящие из кота») было найдено им не в немецком, а в японском языке [8, с. 293]. Основы структурно-динамического подхода в виде предикационной концепции разработаны на базе китайского языка, типологически принципиально отличного от европейских. Ценность создания новой парадигмы языкознания на базе восточного языка заключается в том, что при этом становятся очевидными некоторые общелингвистические факты, которые скрыты от наблюдателя при анализе европейских языков, например тот факт, что слово есть нечто вторичное по отношению к единицам более высокого порядка [4, с. 4].

Интересно также отметить связь предикационного подхода с тезисом М. Хайдеггера о молчании и простоте. М. Хайдеггер говорил, что «мы больше, чем когда-либо, а западноевропейская философия уже издавна, испытываем нужду в простоте, сущности и изначальности» [10, с. 63]. Известный философ и в некоторых вопросах последователь М. Хайдеггера П. Рикёр утверждал: «...многообразие по любому поводу не гарантирует того, что мы заставим понимание идти вперед; неистощимая болтовня, напротив, маскирует то, что мы надеялись понять, и ведет к обманчивой ясности, то есть к банальному непониманию» [7, с. 602–603]. Разработка структурно-динамической парадигмы языкознания предполагает следование этой истине, что подтверждается характером и частными положениями предикационной концепции. Во-первых, признание универсальности категорий топика и комментария избавляет от необходимости изобретать новые термины для соответствующих компонентов на каждом уровне языка. Во-вторых, огромное число функций языка, перечисляемых в учебниках по языкознанию, сведено к двум основополагающим (регулятивной и когнитивной), от которых производны все остальные [5, с. 221–225]. Таким образом, теоретическая основа структурно-динамического подхода не усложняет понимание с помощью бесконечной терминологии и сложных систем, она в хорошем смысле слова «упрощает» восприятие действительности. Лаконичность, четкость, простота – вот подходящая характеристика структурно-динамического подхода.

Таким образом, философию языка М. Хайдеггера и структурно-динамический подход в лингвистике объединяют четыре основных положения: 1) указание на необходимость возврата к более ранним концепциям и учениям, раскрывающим сущность бытия и языка; 2) деятельностно-событийный подход к языку; 3) расширенное («антиструктуралистское») понимание языка как процесса коммуникации на всех уровнях и этапах порождения/восприятия; 4) указание на уровневую организацию бытия и языка в их соотносительности. При этом структурно-динамический подход предполагает простоту изложения и возможность построения новых лингвистических теорий на базе восточных языков.

Библиографический список

1. Биbihин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Вопросы философии. – 2005. – № 4. – С. 114–129.
2. Бoфре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – Кн. 1. – 254 с.
3. Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / науч. ред. А.А. Михайлов, пер. с нем. А.В. Лаврухина. – Минск: ПроPILEI, 2007. – 240 с.

4. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: Военный ун-т, 1999. – 194 с.

5. Курдюмов В.А. Предикация и природа коммуникации: дис. ... докт. фил. наук. – М., 1999. – 263 с.

6. Лефинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. – М., 1999. – 133 с.

7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.

8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Биbihин. – М.: Академический проспект, 2015. – 460 с.

10. Хайдеггер М. Размышления II–IV (Черные тетради 1931–1938) / пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.

11. Чёренькая С.В. Die Destruktion M. Хайдеггера // Экзистенциализм в современном мире (к 125-летию со дня рождения М. Хайдеггера): коллективная монография. – М.: МГПУ, 2015. – С. 32–39.

References

1. Bibihin V.V. Hajdegger: ot «Bytiya i vremeni» k «Beiträge» // Voprosy filosofii. – 2005. – № 4. – S. 114–129.
2. Bofre ZH. Dialog s Hajdeggerom: v 4 kn. – SPb.: Vladimir Dal', 2007. – Kn. 1. – 254 s.
3. Gadamer H.-G. Puti Hajdeggera: issledovaniya pozdnego tvorchestva / nauch. red. A.A. Mihajlov, per. s nem. A.V. Lavruhina. – Minsk: Propilei, 2007. – 240 s.
4. Kurdyumov V.A. Ideya i forma. Osnovy predikacionnoj koncepcii yazyka. – M.: Voennyj un-t, 1999. – 194 s.
5. Kurdyumov V.A. Predikaciya i priroda kommunikacii: dis. ... dokt. fil. nauk. – M., 1999. – 263 s.
6. Lefinceva T.P. Filosofiya dialoga Martina Bubera. – M., 1999. – 133 s.
7. Rikyor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike / per. s fr., vstup. st. i komment. I.S. Vdovinoj. – M.: Akademicheskij Proekt, 2008. – 695 s.
8. Hajdegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya / per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – 447 s.
9. Hajdegger M. Bytie i vremya / per. s nem. V.V. Bibihin. – M.: Akademicheskij prospekt, 2015. – 460 s.
10. Hajdegger M. Razmyshleniya II–IV (CHernye tetradi 1931–1938) / per. s nem. A.B. Grigor'eva; nauch. red. perevoda M. Mayackij. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. – 584 s.
11. CHyornen'kaya S.V. Die Destruktion M. Hajdeggera // ENkzistencializm v sovremennom mire (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M. Hajdeggera): kollektivnaya monografiya. – M.: MGPU, 2015. – S. 32–39.

ЦЕННОСТНО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МИКРОКОНЦЕПТОВ МУЖ, ЖЕНА В УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИЙНЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье предложен сопоставительный анализ украинских и русских паремий с микроконцептами *муж / жена*. Установлены универсальные и национальные особенности отношений супругов в семье и их поведения, имеющего гендерную основу. Предложена методика установления концептуальных связей внутри паремийных высказываний, обозначенная как «концептуальная корреляция». Выделены структурно-семантические модификации последней – концептуальная цепочка (используется знак \rightarrow или \leftarrow), концептуальная пара (используется знак \leftrightarrow), концептуальное отождествление (используется знак $=$), концептуальная оппозиция. Учтены особенности лексико-семантической валентности названий родства – роль эпитетов, компаративов, предикатов, а также грамматических конструкций с предлогом «без», частицей «не», принимающих участие в ценностно-аксиологическом наполнении фольклорно-гобообщения. В исследовании учитывалось соотношение устанавливаемой семантики микроконтекстов с макроконцептами *глава рода (опора), дом, добро / зло, свой / чужой, богатство / бедность, старый / молодой, краса, любовь, верность, здоровье, разум / глупость, честь*, в отношении которых подчеркнута архетипность семантики паремийного фонда, его наполненность универсальными ценностными доминантами. Национальные особенности паремий с микроконцептами *муж / жена* установлены в отношении использованных сравнений (зооморфные метафоры в украинской паремийной картине мира), предпочтения среди некоторых ценностных доминант (в украинском паремийном фонде больше пословиц с аксиологией работающей, а в русском – честной, верной жены).

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, паремийная картина мира, паремия, макроконцепт, микроконцепт, концептуальная пара, концептуальная цепочка, концептуальная корреляция.

Начало нынешнего столетия отмечено усилением внимания лингвистов к изучению паремийной картины мира как составляющей национальной языковой картины мира. Последняя, как известно, отражает через средства определенного языка «мировосприятие и миропонимание этноса, вербализированную интерпретацию языковым социумом окружающего мира и себя самого в этом мире» [3, с. 6]. Паремии же обладают способностью отражать культурно-национальные стереотипы, приобретать статус мифологемы [1; 6, с. 87], сохранять в своей внутренней форме культуру национальной логики и ракурса оценки окружающего мира [3, с. 208]. В многоуровневой семантической структуре паремий частично вербализируется иерархия локусов повседневности, которые «удостаиваются» образно-оценочной квалификации, концептуального обобщения [5]. Эта сложная структура, по нашему мнению, может быть представлена в виде системы макро- и микроконцептов, построенных по типу поля в лингвистике, а поэтому отражающих ядерные и периферийные семантические составляющие.

Одним из ключевых макроконцептов паремийной картины мира восточных славян является макроконцепт *семья* – структура сложная и многоуровневая, одними из ядерных компонентов которой являются микроконцепты *чоловік / муж, жінка / жена*.

В языкознании представлено значительное количество работ, в том числе и сопоставительных (О. Жизневская, Е. Аносов, В. Самарина, Ж. Жалсанова, А. Головин, А. Ким, В. Цзяжун, Л. Чович, Т. Григорьева, Т. Шайхуллин, А. Рахмат, А. Бозташ, И. Строкина и др.), посвященных исследо-

ванию паремий с компонентами *чоловік / муж, жінка / жена* в русской (Е. Зиновьева, М. Довгалоук, Ч. Сун, Л. Адонина, О. Осипова и др.) и украинской (М. Пазяк, Т. Космеда, Т. Осипова, В. Леснова, И. Никольчук) языковых картинах мира. Однако остается нерешенным вопрос о системе ценностей, которые они постулируют, а это значит, что лингвокультурологический ракурс познания паремий с компонентами – названиями родства еще полностью не раскрыт, не определены общие и национально-культурные аксиологические компоненты в семантике стереотипов повседневного речевого мышления. Именно это и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной статьи – показать типологию ценностно-аксиологических координат украинских и русских паремий с компонентами *чоловік / муж, жінка / жена*, предложив методику анализа концептуальных оппозиций, рядов, цепочек, позволяющих установить и представить сложную парадигму семантических взаимосвязей в паремийных высказываниях.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день: 1) мало внимания уделялось сопоставительному анализу паремийно-логических единиц родственных языков; 2) концептуальный анализ микроконтекстов, к которым причисляют и паремии, не учитывал как тип семантических связей ключевых номинаций (в данном случае названий родства), так и особенности их лексико-семантической валентности; 3) не предлагалось рассмотрение паремий с названиями родства с точки зрения лингвокультурологии, то есть (а) анализа семантических соотношений этих основополагающих единиц национального лексико-

на, которые отражают как языковые знаки истории, так и психологию народа, (б) определения ценностных и оценочных составляющих повседневной жизни человека (семьи).

Материалом исследования стали украинские и русские паремийные (пословичные) микроконтексты с компонентами *чоловік / муж, жінка / жена*, выбранные из лексикографических источников, сборников паремий [2; 7; 8].

Основу методики анализа составило установление типологии концептуальных цепочек [4, с. 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – название родства), или два (концепты одной парадигмы либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия. Между ними благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов) устанавливаются стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки ↔, ←, → указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие и под.).

Микроконцепт *чоловік / муж* связан с характеристикой личностных, гендерных особенностей мужчины в супружестве. Роль мужчины в жизни женщины отражает ряд паремийных текстов с одним обязательным компонентом – предлогом *без (без мужа)*. Паремийные обобщения представляют ситуацию «без мужа» как ненормальную, неестественную для женщины. В связи с этим актуализирован ряд концептуальных оппозиций: «жизнь – смерть» (укр. *Жінка без мужа і жити не дужа*), «ум – глупость» (рус. *Без мужа, что без головы, без жены, что без ума*), «хорошо – плохо» (рус. *Жена без мужа всего хуже*); «семья – одиночество» (рус. *Без мужа жена всегда сирота*).

Достаточно внимания в фольклорных сентенциях уделено утверждению: муж и жена – это естественная пара, предопределенная природой. Зачастую в основе таких представлений лежат зооморфные метафоры-сравнения (концептуальная корреляция [*муж [гусь, конь, собака] ↔ жена [вода, узда, кошка]*): рус. *Что гусь без воды, что мужик без жены*.

Роль мужа в доме соотносена, как известно, с его главенствующей позицией. Данный стереотип возник под влиянием системы социально-ролевых отношений в славянской семье. Таким образом, четкой является концептуальная пара (или установленные пары) [*чоловік / муж ↔ голова, закон, порядок; Бог (крест), церковь*]: укр.: *Чоловік усьому голова; Без чоловіка – то так, як без голови*; рус.: *Муж в дому, что глава (что крест) на церкви*.

Микроконцепт *чоловік / муж* раскрывается в исследуемых паремиях в нескольких направлениях.

Во-первых, через позитивные черты характера, поведения, отношений, которые он выстраивает по отношению к жене. Так, отмечаем ключевую роль оценочно-квалификативных эпитетов (концептуальная цепочка [*муж [честный, милостивый, добрый, щедрый, хороший, милый] → жена*]): **честный** (рус. *Честному мужу честен и поклон*), **милостивый, добрый** (*У милостивого мужа всегда жена досужа; У доброго мужа жінка, як ружа*), **щедрый** (*Все мужня добры, купили жонкам бобры, а мой муж неуклюж: невидаль, корову купил*), **хороший** (*Гарний чоловік і погану жінку красить // За хорошим мужем и худая жена хороша*), **милый** (*С милым мужем и зимой не стужа*), **умный** (*За разумним мужем і дурна жінка розумна; У умного мужа и глупая жена досужа*).

По нашим наблюдениям, для оценки мужа наиболее употребляемым является эпитет «добрый» («хороший»). Зачастую в основе паремийных текстов такого содержания лежит противопоставление (концептуальные оппозиции «добрый – худой», «добрый – дурной», «добрый – лихой» в соответствующей концептуальной цепочке [*муж [добрый, хороший] → жена [с защитой, красивая, молодая]*): *За добрым мужем, как за городом, за худым мужем и огородбища нет*; укр. *За добрим мужем і воронка жонка, а за дурним і княгиня гине*.

Позитивные характеристики получает и забота жены о внешности мужа, ее заинтересованность в красивом, ухоженном муже (концептуальная цепочка [*муж [красивый] ← жена*]): *На красивого чоловіка дивиться гарно, а з розумним жити легко; Ой, я свого чоловіка нарядила паном: і сорочечка по коліна, підв'язана валом*.

Паремийные тексты отражают не только положительные черты главы семьи, но и обобщают его отрицательные качества (концептуальная цепочка [*муж [ревнивый, злой, ленивый, робкий, глупый] → жена*]), в частности: **ревнивый** (*Ревнивий чоловік, що полохливий злодій; За ревнивим мужем быть – не в користе свою молодость износить*), **злой**, **лихой** (*З малою дитиною до церкви, а з лихим чоловіком на весілля не йди; Бешеному мужу и море за лужу*), **ленивый** (*За ледачим чоловіком жінка марніє, а за хорошим молодіє; Леня мужа не кормит, только портит*), **робкий** (*Робкий муж и лестонок боится* («ременные четки»), **глупый** (*Глупому мужу красная жена дороже красного яйца*).

Концептуальные оппозиции «свой – чужой», «старый – молодой» также активно вербализированы в русской и украинской паремийных картинах мира. Семантические признаки *чужой* и *старый* оценивались отрицательно и прописывались в микросценариях поведения женщины, ее отношения к мужчинам с такими качествами, ср. концептуальные цепочки [*муж ← [чужой] → жена*] (укр.: *Драний кожух не одежа, чужий чоловік не надежа*; рус.: *Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним*;

а *свой постыл – волочиться с ним*); [**муж** ← [*старый*] → **жена**]: укр.: *Старого чоловіка соломкою накрию, а молодого сама нагрію*; рус.: *Старый муж да упрямый муж – поперек постели лежит*.

Кроме оценочных эпитетов, в приведенных выше паремийных текстах, фиксируем сравнение мужа с опорой, защитой (концептуальная цепочка [**муж** → [*защита*] → **жена**): *Я за мужа затулюсь, та нікого не боюсь; Хоть плох муженёк, да затулье мое, завалюсь за него – не боюсь никого*.

Микроконцепт жінка / жена также вмещает сегмент со сравнительным компонентом *без... – як / как*. И, таким образом, более объемными становятся понятия, к которым апеллирует этнокультурное сознание. Так, жена осмыслена через архетипы **дом** (*хата, кути, или роги*): *Мужчина без жінки – то дім без даху; опора (стенка, гора); Хороша жінка – то камінна стінка, а зла – то горе й біда*.

В паремиях с такими особенностями структуры устанавливаем четкие концептуальные оппозиции: «ум – глупость» (*Чоловік без жінки – як без розуму; Без жєны, что без ума*), «здоровье – нездоровье» (*Жінка хоч корова, аби здорова; Больная жена мужу не мила*), «добро – зло» (*І без жінки зле, а з жінкою недобре*).

В подобных украинских паремиях прослеживается актуализация зооморфной метафоры, когда женщину сравнивают с кошкой (семы 'привязанность', 'мягкость', 'независимость'): *Без жінки – як без кішки; Без жінки дім, як без кішки, а без чоловіка – як без собаки*. Муж и жена ассоциируются с частями одного существа, представленного в форме анималистического: *Без жінки мужчина – як без хвоста скотина*. А еще шире – женщина является неотъемлемой частью мужа: *Без жінки, як без рук*.

Обобщенный опыт семьи, которая теряет жену, представлен паремийным текстом, в котором центральным является концепт *счастье* (концептуальная цепочка [**жена** ← [*счастье*] → **муж**): *Нема щастя родинного без жінки*.

Среди концептуализированных внешних признаков жены – ее красота. Семантическими соответствиями этого концепта и в украинских, и в русских паремиях являются народнопесенные эпитеты *хороша, красна, ладна, гарна, румяна* или процессуальный ассоциат – *красит*: *Жена при муже хороша; Красна пава перьем, а жена мужем // Красна пава пір'ям, а жінка – чоловіком; Подчас и жена мужа красит; Птица крильями сильна, жена мужем красна; Красна жінка для людей, погана для чоловіка; Гарна жінка, гарні діти-тільки жити та радіти*.

В украинской паремийной картине мира отмечается и угроза мужу со стороны красной (красивой) жены, на которую заглядываются другие, которая не защищена от ревности, отнесенной к отрицательным качествам мужа (см. выше). Поэтому прослеживаем в определенных паремиях концеп-

туальную цепочку [**жінка** → [*краса – гарна, красна*] → **смерть / измена (мужу)**]: *Гарна жінка – готова смерть; Гроші, молода жінка і бистрі коні-то смерть; Красна жінка і бистрий кінь-то смерть; Жінка ладна – завше зрадна*. В русской же паремийной картине мира предпочтение отдается покладистому характеру женщины, а не красоте (*Гарна пава пером, а жінка норовом // Красна пава пером, а жена норовом*), ее хозяйским качествам (*Не наряд жєну красит – домостройство*).

Одной из ключевых составляющих характеристики взаимоотношений жен и мужей является концептуальная оппозиция «свой – чужой», ср. концептуальные цепочки [**жена** [*чужая*] ↔ **муж** [*смерть, мед, побег, маков цвет, не-жизнь, обман*]] (*Чужа жінка все ліпша, як своя; Лучче жєнись, а на чужу жінку не дивись // На чужих жєн не заглядывайся, а за своєю пригляди; Вольно дурить – чужих жєн любить; жена [своя] ↔ муж [краса, милая]*) (*Всякому мужу своя жена милее; Своя жена – своя и краса*).

Значительное количество паремий содержит антонимичные семантические обобщения признаков жен. Так, оппозиция «умная (разумная, мудрая) – глупая (дурная)» реализуется в концептуальных цепочках [*разумная жена = (клад, богатство, спасение; хитрая)*]; [*глупая жена ← [учение] ← муж*]: *Розумна жінка – клад, а дурна – два; Умная жена, как нищему сума*.

Оппозиция «хорошая (добрая) – злая (лихая, недобрая, погана, сердитая, плохая, худая)» представлена в концептуальных цепочках [*добрая жена = (клад, богатство, честь, забота, счастье, корона, спасение, победа, хозяйственность; веселая, добрая, заботливая)*]; [*злая, лихая жена = (кара, отравы, погубель, несчастье, тупость, упрямство)*]: *Доброю жєною и муж честен; У хорошей жєны и плохой муж будет молодцом; Кто добру жінку має, той горя не знає; Добрую жєну взят – ни скуки, ни горя не знає // Добра жінка, то весілля, а зла – то погане зілля // Добрая жена веселая, а худая – злое зелье; З лихою жінкою сварка та розлад, а з доброю і без грошей лад; Хороша жінка – мужєві слава, а лиха – згуба; Добрая жена дом бережет, а плохая своим рукавом разнесет и др.*

Противопоставление доброй и злой жены усиливает обобщение, в котором морально-психологическим качествам противопоставлены материальные блага, символами которых в украинской национальной языковой картине мира являются волю и земледельческое поле: *Треба сто пар волів віддати, аби добру жінку мати; Не той багатий, у кого багато маєтку, а той, у кого жінка добра*.

Оппозиция «работящая, хозяйственная – ленивая» раскрыта в концептуальных цепочках [*работящая жена = (богатство, забота, чистота в доме)*]; [*ленивая жена = (ненужность, зло)*]: *Як сорочка біла, то й жінка мила; Пусти жінку до неба, то*

вона з собою й **корову спровадити**; *Жінка ледацю в хаті нінацо; Лучче чорта тримать, ніж ледачу жінку мать.*

Русские паремийные тексты определяют Osborne отношение рода к чести жены: **Честна жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша; Не бери жену богатую, а бери непочатую; Жену с почину берут; Дом купи крытый, кафтан шитый, а жену непочатую.**

Ценностной доминантой анализированных паремийных текстов является и верность супруги, порой отождествляемая с верностью друга-приятеля: *Три друга: батько, мати та вірна жінка; Нема кращого друга, як вірна супруга.*

В то же время от супруга требуется ощущение любви, которая делает женщину доброй и ласковой (концептуальная цепочка [жена → [любовь] ← муж]): *Як чоловік жінку любить, то й лиха жінка доброю буде; Як чоловік жінку не любить, то й добра лихою буде.*

В паремийной картине мира отмечена и роль возраста жены. Например, слишком молодая (а отдавали в былые времена, как известно, замуж почти ребенком) оценивалась как малоработающая: *З корови телячої і з жінки дитячої роботи нема.* Неоднозначно характеризуют и молодой возраст жены – и позитивно (*Не біда, в кого жінка молода*), и предостерегая от нестойкости ее верности: **Не лишай молодій жінки дома, як ідеши в далеку дорогу.** Осуждает народная мудрость неравные по возрастному цензу браки «старый – молодая»: *Виділа біда, що у старого дружина молода; У старого жінка молода – готова біда.* Наивысшую цену имела зрелая жена, сравнимая в украинской паремийной картине мира с песней: *Пісня гарна складами, а жінка – годами.*

Негативное отношение социума к **бранливости / сварливости** жены также обобщено в паремийных картинах мира русских и украинцев: **Сварлива жінка гіри, ніж коню хомут; Жена бранчива – мужу позор.**

Среди отрицательных качеств жены паремийные тексты осуждают лукавство (*Лукавая жена льстива; Жена льстит – лихо мыслит; Одна жена плачет от жалости, другая от лести*), хитрость (*У жінки правди не питає; Не кажи, сестро, чоловікові усієї правди – кажи тільки по коліна; Не всякую жену мужу правду казує*).

Некоторые паремийные тексты созданы по модели, содержащей семантику отождествления: *жінка як / женищина как; жінка не...* В роли объекта отождествления выступают *кошка*, когда речь идет о поведении жены, ее отношении к ласке (*Жінка – як та кішка: чим більше гладь, тим більше хвоста*). Также сравнение жены с козой подразумевает другой способ ухаживания, нежных отношений, заботы: *Жена не коза, травой кормить не будеш; Жена не коза, дети не пчелы.*

Предметы – *лоза, жилка* – являются объектами, которые конкретизируют сему ‘связь, связанность’, то есть взаимодействие мужа и жены: *Жінка, як жилка: коли схочеш, потягнеш; Жінка, як лоза: куди схочеш, похилиши; торба* – ассоциат того, что поддается усилиям мужа (*Жінка, як торба: що покладеши, те й несе*). Отождествление через отрицание задействует также предметы быта – названия крестьянской обуви, рукавиц, то есть того, что поддается сбрасыванию с тела. Отрицание легкости такого действия подтверждает тесноту отношений мужа и жены, их готовность принимать на себя заботы о другом: *Жінка не черевик [не башимак, не лапоть] – з ноги не скинеш // Жена – не сапог – с ноги не скинеш; Жінка – не рукавиця, з руки не скинеш [мінять жінку не годиться] // Жена – не рукавиця, с руки не сбросиши [за пояс не заткнешь].* Аналогичны ассоциации жены и легко бьющихся предметов, народных музыкальных инструментов: *Жінка – не гуслі, погравши на стінку не повісиши // Жена – не гусли: поиграв на стенку не повесиши.*

Таким образом, и русская, и украинская паремийные картины мира с сегментом, в котором актуализированы микроконцепты *муж / жена* имеют много общего в механизмах семантической оценки и обобщения отношений супругов в семье и их поведения. Предложенная методика установления концептуальных связей внутри паремийных высказываний, обозначенная как «концептуальная корреляция», сделала возможным: 1) установление роли эпитетов, компаративов, предикатов, а также грамматических конструкций с предлогом «без», частицей «не» в ценностно-аксиологическом наполнении фольклорного обобщения отношений супругов; 2) определение универсальных ценностных доминант исследуемых паремий с макроконцептами *глава рода (опора), дом, добро / зло, свой / чужой, богатство / бедность, старый / молодой, краса, любовь, верность, здоровье, разум / глупость, честь*; 3) характеристику национальных особенностей паремий с микроконцептами *муж / жена*, а именно: использование определенных средств сравнения (зооморфные метафоры в украинской паремийной картине мира), преобладание некоторых ценностных доминант (в украинском паремийном фонде больше пословиц с аксиологией работающей, а в русском – честной, верной жены).

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н.* Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18947/1/iurp-2010-85%282%29-23.pdf>.

2. *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в 2 т. – СПб.: Литера, ВИАИ, 1997. – Т. 1. – 416 с.

3. Голубовська І.О. Етнічні особливості мовних картин світу: монографія. – Київ: Логос, 2004. – 284 с.

4. Жайворонок В.В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі // Мовознавство. – 2017. – № 4. – С. 49–58.

5. Коцюба З. Рефлексія побутової свідомості в різномовному провербальному просторі: монографія. – Львів: Видавничий дім «Укрпол», 2010. – 472 с.

6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

7. Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М.М. Пазяк. – Київ: Наук. думка, 1990. – 528 с.

8. Снегирев И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. – Н. Новгород: Братья славяне, 1996. – 624 с.

References

1. Alefirenko N.F., Semenenko N.N. Znachenie i smysl russkih paremij v svete kognitivnoj pragmatiki. [ЕНлекtronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://>

elar.urfu.ru/bitstream/10995/18947/1/iurp-2010-85%282%29-23.pdf.

2. Dal' V. I. Poslovicy, pogovorki i pribautki russkogo naroda: v 2 t. – SPb.: Litera, VIAN, 1997. – T. 1. – 416 s.

3. Golubov's'ka I.O. Etnichni osoblivosti movnih kartin svitu: monografiya. – Kiiv: Logos, 2004. – 284 s.

4. ZHajvoronok V.V. Magiya slova – obryadovi movni formuli na etnokul'turnomu tli // Movoznavstvo. – 2017. – № 4. – S. 49–58.

5. Kocyuba Z. Refleksiya pobutovoï svidomosti v riznomovnomu proverbal'nomu prostori: monografiya. – L'viv: Vidavnichij dim «Ukrpol», 2010. – 472 s.

6. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie. – M.: Akademiya, 2001. – 208 s.

7. Prisliv'ya ta prikazki: Lyudina. Rodinne zhittya. Risi harakteru / uporyad. M.M. Pazyak. – Kiiv: Nauk. dumka, 1990. – 528 s.

8. Snegirev I. Slovar' russkih poslovic i pogovorok: Russkie v svoih poslovicah. – N. Novgorod: Brat'ya slavyane, 1996. – 624 s.

ОБЩИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСОДИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ И ГОНКОНГЕ

В центре внимания статьи находятся просодические системы английского языка в Индии и английского языка в Гонконге – представителей так называемых его «новых вариантов», зародившихся на территориях бывших колоний Великобритании в условиях интенсивных языковых контактов и ассимилированных впоследствии обществом. Развившиеся варианты, обусловленные воздействием продолжительной системной интерференции со стороны коренных языков, отличаются набором специфических черт на всех уровнях языковой системы, включая просодический. Исходя из этого, в работе предпринимается попытка сопоставления просодических систем рассматриваемых вариантов путем выделения их типологических и конкретно-языковых черт. Представляется, что выводы, изложенные в настоящей статье, могут найти применение в разработке проблемы создания типологии просодических систем существующих вариантов английского языка.

Ключевые слова: новые варианты английского языка, вариант английского языка в Индии, вариант английского языка в Гонконге, просодическая интерференция, типология просодических систем, просодия, ритм, ядерный тон.

Варианты английского языка, функционирующие в Индии и Гонконге, в настоящее время относятся к числу его развивающихся вариантов, образованных в новом культурно-языковом окружении, обусловленном продолжительным интерференционным влиянием на английский язык коренных языков территорий [7, с. 13–15; 8, с. 112–116].

Следует отметить, что так называемые «новые варианты английского языка» (New Englishes), или, в терминологии Баджа Качру, варианты Внешнего круга (Outer Circle), попали в поле зрения лингвистов сравнительно недавно, что, очевидно, объясняется господствовавшим до недавнего времени мнением о данных языковых образованиях как о «неправильных» и искажающих нормы вариантов Внутреннего круга (Inner Circle), главным образом – национальных вариантов английского языка Великобритании и США [5, с. 11–30; 6, с. 2–3]. Несмотря на то, что интерес к языковым особенностям новых вариантов в последнее время заметно увеличился, их языковые системы продолжают оставаться белым пятном на лингвистической карте существующих вариантов английского языка, в том числе тех, которые функционируют в Индии и Гонконге. В частности, их просодические системы до сих пор остаются малоизученными как в отечественной, так и в зарубежной фонетической науке. Более того, факт зарождения и развития большого числа новых разновидностей английского языка не только требует целостного описания их просодии, но и ставит вопрос о необходимости сопоставления и создания типологии просодических систем развившихся вариантов. Научный интерес к решению этих задач предопределил цель написания настоящей статьи, в которой на основе ранее проведенного автором исследования выделяются общие типологические и национально-специфические признаки просоди-

ческих систем вариантов английского языка в Индии и Гонконге [2].

Материалом для исследования послужили образцы неподготовленной речи носителей изучаемых вариантов. Речевой корпус был сформирован путем записи аутентичных интервью, транслировавшихся в режиме реального времени на англоязычном телевизионном канале New Delhi Television и гонконгской радиостанции RTHK Radio 3. Для последующего анализа были отобраны речевые образцы эмоционально нейтрального характера, представляющие собой ответы на вопрос интервьюера, с продолжительностью звучания в среднем пять минут на каждого информанта. Информанты образовали две группы дикторов: 1) группу носителей варианта английского языка в Индии и 2) группу носителей варианта английского языка в Гонконге. Каждая группа включила равное число представителей – по 20 человек. Информанты являлись коренными жителями Индии и Гонконга, принадлежащими среднему или высшему среднему социальному классу и имеющими среднее или высшее образование. Для группы индийских дикторов родным языком был хинди, для группы гонконгских дикторов – кантонский диалект китайского языка. Информанты обеих групп характеризовались высоким (акролектальным) уровнем владения английским языком в качестве второго. В сравнительно-сопоставительных целях в качестве референтного фона была также сформирована группа из 20 носителей британского произносительного стандарта (RP), речевой корпус которой был составлен из речевых образцов интервью, транслировавшихся на британской радиостанции BBC Radio 4.

В качестве методов в экспериментально-фонетической части исследования были использованы аудиторский и электронно-акустический виды анализа звучащего материала, метод сравнительно-со-

поставительного анализа исследуемых явлений, а также элементы математико-статистической обработки данных. В аудиторском анализе было задействовано пять аудиторов (четыре эксперта-преподавателя кафедры фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета и автор исследования), результаты интонационной разметки которых задали направление электронно-акустическому исследованию, одним из предназначений которого являлось сопоставление данных аудиторского анализа с показателями интонограммы. Для измерения и обработки основных акустических характеристик речевого сигнала в качестве анализатора была использована компьютерная программа Praat (версия 5.3.42) [4]. Методической основой для проведения акустического анализа послужила работа «Современные методы анализа звучащей речи» под общей редакцией Т. И. Шевченко [3]. Математико-статистическая обработка данных аудиторского и акустического видов анализа была проведена с помощью компьютерных программ Microsoft Office Excel 2003 и IBM SPSS Statistics (версия 22).

В задачи электронно-акустического анализа речевого корпуса индийских и гонконгских дикторов входило изучение особенностей сегментации речи; исследование акцентно-ритмических характеристик изучаемых вариантов с целью определения их положения в ритмической типологии вариантов английского языка; изучение высотно-диапазонных характеристик речи с определением среднего высотного уровня и ширины диапазона информанта; установление концентрации тонального максимума синтагмы; выявление особенностей мелодической организации в предтерминальной части синтагмы, предполагающее определение вида мелодического движения по расположению ударных слогов относительно друг друга и по расположению заударных слогов относительно ударного в стопе; установление тонального инвентаря изучаемых вариантов; выявление особенностей мелодических конфигураций ядерных тонов с выделением их мелодических моделей и определением их частотности; определение соположения мелодической и слоговой структуры в моделях ядерных тонов; установление взаимодействия основных просодических параметров (частоты основного тона, длительности и интенсивности) при формировании мелодических моделей.

Изучение вариантов английского языка в Индии и Гонконге проводилось путем сопоставления просодических характеристик указанных вариантов не только друг с другом, но и с британским произносительным стандартом. На основе сопоставления частотности того или иного анализируемого фонетического явления или выделяемой мелодической модели в речевом корпусе информантов выявлялись общие и национально обусловленные

специфические черты исследуемых вариантов. Необходимость сопоставления просодических характеристик вариантов прежде всего была продиктована идеей о том, что общее и конкретно-языковое, национально специфическое в каждом отдельном языке следует искать в степени проявления языковых признаков на фоне тех же языковых признаков в других языках [1, с. 123].

Таким образом, результаты сравнительно-сопоставительного анализа позволили выделить как общие типологические, так и национально-специфические черты просодических систем вариантов английского языка в Индии и Гонконге. К общим просодическим характеристикам изучаемых вариантов можно отнести тяготение к слоговому характеру ритма; высокую частотность акцентирования односложных служебных слов, не стоящих в фокусе высказывания и не обусловленных требованиями ритма (12,8 и 22,3 % в индийской и гонконгской группах соответственно); узкий частотный диапазон наиболее используемой его области (в среднем 3 пт); концентрация тонального максимума синтагмы на первом ударном слоге в большинстве случаев (34,9 и 55,7 % в индийской и гонконгской группах соответственно); использование нисходящей, ровной и восходящей типов шкалы в предтерминальной части высказывания; наибольшая частотность стопы с равноуровнево расположенными ударным и безударным слогами с энклитическим типом примыкания (в 51,3 и 50,6 % случаев в индийской и гонконгской группах соответственно); наличие всех видов ядерных тонов, составляющих тональный инвентарь британского произносительного стандарта, а именно нисходящих, восходяще-нисходящих, восходящих и нисходяще-восходящих; присутствие ровных тонов, которые на слух воспринимаются как нисходящие за счет быстрого уменьшения уровня интенсивности на ударном слоге; высокая частотность восходяще-нисходящих тонов в эмоционально нейтральных текстах (14,1 и 12,9 % от всех видов ядерных тонов в индийской и гонконгской группах соответственно).

Национальную специфику просодии варианта английского языка в Индии составляют: высокий средний уровень тональных реализаций (218,29 и 126,92 Гц в женской и мужской группах соответственно); высокий процент случаев концентрации тонального максимума синтагмы на заударном слоге после первого ударного (23,8 %); волнообразное движение частоты основного тона в предтерминальной части синтагмы, создающееся за счет повышения тонального уровня на заударном слоге в стопе и последующего его понижения на следующем ударном или безударном слоге этой же или следующей стопы (39,8 %); восходяще-нисходящие тоны с концентрацией тонального максимума на заударном слоге (72,1 % от всех восходяще-нисходящих тонов в группе); восходящие тоны, в ко-

торых повышение частоты основного тона реализуется после понижения тона в области ударного слога (21,4 % от всех восходящих тонов в группе).

Специфика просодии варианта английского языка в Гонконге заключается в проявлении слоговых признаков в большей степени, чем в английском языке в Индии; дробной сегментации речи говорящих, при которой слово, в том числе односложное служебное, может потенциально образовывать синтагму, получая выделение не только за счет длительности и интенсивности, но и за счет тональных изменений; скачкообразном движении частоты основного тона в предтерминальной части синтагмы, создающемся за счет значительного понижения тонального уровня на заударном слоге относительно ударного и последующего его повышения на следующем ударном (41,5 %); присутствии нисходящих тонов, реализующихся в виде резкого перескока на безударном слоге на более низкий тональный уровень относительно ударного с образованием значительных высотных интервалов между слогами любого сегментного состава (7,6 % от всех нисходящих тонов в группе); высокой частотности нисходящих тонов, реализующихся в виде плавных и растянутых скольжений с малыми значениями крутизны (от 0,168 до 0,528 Гц/мс); высокой частотности восходящих тонов, реализующихся в виде резких подъемов широкого частотного диапазона в конце одно- или многосложного слова, нередко достигающих максимального уровня диапазона говорящего (с крутизной подъема от 0,483 до 1,791 Гц/мс); тенденции к завершению подъема выше тонального уровня начала падения при реализации нисходяще-восходящих тонов; тенденции к образованию участков плато в области дифтонов, долгих и кратких гласных, сонорных согласных, а также аппроксимантов на ударном или заударном слоге при реализации ядерных тонов.

В заключение хотелось бы обратить внимание на тот факт, что значительная вариативность выявленных просодических характеристик среди информантов не позволяет на данном этапе говорить об изучаемых вариантах как о сложившихся языковых образованиях, способных составить всеобщую характеристику соответствующего билингвального сообщества. Представляется целесообразным констатировать в изучаемых вариантах существование определенных тенденций, направленных на становление просодического компонента речи как маркера национальной принадлежности.

Библиографический список

1. Вишневецкая Г.М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – 481 с.

2. Казакова О.В. Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 230 с.

3. Современные методы анализа звучащей речи / Т.И. Шевченко, Е.А. Буряя, И.Е. Галочкина и др. – Дубна: Феникс+, 2012. – 120 с.

4. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing Phonetics by Computer (Version 5.3.42), 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.praat.org/> (дата обращения: 10.01.2014).

5. Kachru B. Standards, Codification, and Sociolinguistic Realism: The English Language in the Outer Circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / R. Quirk, H. Widdowson (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.

6. Platt J.T., Weber H., Ho M.L. The New Englishes. – London: Routledge, 1984. – 225 p.

7. Sailaja P. Dialects of English: Indian English. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 172 p.

8. Setter J., Wong C.S.P., Chan B.H.S. Dialects of English: Hong Kong English. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 182 p.

References

1. Vishnevskaya G.M. Interferenciya i akcent (na materiale intonacionnyh oshibok pri izuchenii nerodnogo yazyka): dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 1993. – 481 s.

2. Kazakova O.V. Prosodiya variantov anglijskogo yazyka v Indii i Gonkonge kak sredstvo vyrazheniya nacional'noj identichnosti (ehksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2017. – 230 s.

3. Sovremennyye metody analiza zvuchashchej rechi / T.I. SHEvchenko, E.A. Buraya, I.E. Galochkina i dr. – Dubna: Feniks+, 2012. – 120 s.

4. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing Phonetics by Computer (Version 5.3.42), 2014 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.praat.org/> (data obrashcheniya: 10.01.2014).

5. Kachru B. Standards, Codification, and Sociolinguistic Realism: The English Language in the Outer Circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / R. Quirk, H. Widdowson (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.

6. Platt J.T., Weber H., Ho M.L. The New Englishes. – London: Routledge, 1984. – 225 p.

7. Sailaja P. Dialects of English: Indian English. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 172 p.

8. Setter J., Wong C.S.P., Chan B.H.S. Dialects of English: Hong Kong English. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 182 p.

ПОНЯТИЕ «ГРАД» В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье анализируются стереотипные представления о таком метеорологическом явлении, как град, в китайском и русском языковом сознании. Выявлены общие признаки рассматриваемого понятия, свойственные обоим языкам: 'катастрофичность, опасность', 'функция оружия, орудия воздействия', 'негативные последствия', 'множественность', 'маленький размер' и др. К различиям лингвокультурологического плана относится своеобразие вербализуемых в китайских выражениях ассоциаций, связанных с ситуациями ложного обвинения, быстропроходящего состояния раздражения и запальчивости, испытываемых временных трудностей. Особенностью русских ассоциаций являются аналогии между образом града и мелкими предметами округлой формы, обильным потоком слёз и пота. Таким образом, обращение к данным словарей, материалам Национальных корпусов двух языков дает возможность судить о сходствах и различиях в осмыслении понятия «град» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: лингвокультурология, стереотипные представления, град, китайский язык, русский язык, семантика, ассоциации.

Признание главенствующей роли языка «в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в процессах его концептуализации и категоризации» [7, с. 4] повлекло за собой обращение учёных к самым разным фрагментам языковой картины мира. Язык, с одной стороны, выступает как средство кумуляции знаний о мире, окружающем человека и осмысляемом им, и, с другой стороны, единственным средством, при помощи которого можно проникнуть в невидимую, скрытую сферу ментальности, получить представление о сфере культурных явлений, отражающихся в языке.

В.В. Красных, говоря об изучении проявления, отражения и фиксации культуры в языке и дискурсе в лингвокультурологическом аспекте, указывает на непосредственную связь этой дисциплины «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [6, с. 12].

К исследованию взаимоотношения языка и культуры обратились и китайские учёные. Так, У Гуоухуа впервые воспользовался термином «лингвокультурология», чтобы подчеркнуть новое направление в развитии лингвострановедения [17, с. 19].

В качестве способа манифестации особенностей мировидения этнического коллектива в лингвокультурологическом аспекте рассматриваются воплощенные в языке различные лингвокультурные концепты как отпечаток духовного опыта и культуры определенного народа, культурные коды, стереотипные представления, сформировавшиеся в коллективном сознании относительно отдельных предметов и явлений [3; 5; 11 и др.]. Стереотип в широком смысле можно понимать как некую ментальную (семантическую) сущность, которая может быть представлена разнообразными языковыми формами, включая не только слова, но и разного рода клише, фразеологизмы, сравнения, пословицы и т.д. [12, с. 262].

Будучи одним из важных природных явлений, град, так же как и снег, дождь, ветер, относятся к метеорологическим концептам и отражаются в языке в разнообразных стереотипных представлениях, которые мы черпаем из данных толковых и фразеологических словарей и материалов Национальных корпусов русского и китайского языков.

Поскольку особенности стереотипных представлений о граде в русской лингвокультуре были рассмотрены нами сравнительно недавно [8, с. 47], остановимся подробнее на видении и осмыслении этого явления носителями китайского языка и культуры, что в итоге позволит сопоставить полученные результаты наблюдений.

Энциклопедическая трактовка понятия «град» в китайских словарях мало отличается от той, что приводят российские словари, однако нельзя не заметить, что китайские источники особо отмечают ущерб, наносимый несвоевременным выпадением града [18, с. 22]. Чтобы подчеркнуть его возможные негативные последствия, в китайском языке используется устойчивое сочетание 雹灾 ('бедствия, вызываемые градом') [15, с. 44].

В устойчивых выражениях китайского языка, зафиксированных в лексикографических источниках, отразились различные признаки града. Так, процесс образования града образно представлен в выражении 衔冰吐雹 со значением 'идет крупный сильный град' (букв. «На горе Сун несколько ящериц пили воду и выплюнули лед, выпавший в виде града») [1] (здесь и далее перевод текстов с китайского языка наш. – М. С.).

Опасность града для сельского хозяйства вызвала к жизни немало примет, существующих в виде устойчивых изречений, ср.: 西北黄云现, 冰雹到跟前. («На северо-западе желтое облако, скоро выпадет град»), ср. также: букв. «Послышался раскат грома – как шум ручной мельницы, это признак приближения града» [16] и т. д.

Во фразеологии отразились и вызываемые градом болезненные ощущения от ударов по голове,

лицу: 雹来顺风走, 顶风就扭头。(«Во время града иди по ветру, иначе в лицо бьют шарики града, то есть следует отворачивать голову в сторону») [16].

Несколько разных признаков града легло в основу фразеологизма 陨雹飞霜 (букв. «Падающий град и летящий иней») – ‘о возведении на кого-л. ложного обвинения’ [1]. История появления выражения такова: при императоре Ву в мае вдруг выпал очень большой град, испортил постройки и побил посевы. Люди были напуганы и посчитали, что непогода вызвана несправедливой обидой (оговором), нанесённой почётному министру Ван Цзюнь [14]. Подобный семантический перенос можно объяснить, вероятно, такими признаками, как неожиданность обрушившегося града, способность побить что-либо, нанести урон, а также ассоциацией необоснованной лжи с недолговечностью выпавшего града. Кроме того, важен и температурный фактор: неожиданное и несправедливое может производить «леденящий эффект». Таким образом, стереотипные представления о граде делают его своеобразным символом напрасного обвинения – того негативного, что обрушивается на человека.

Поскольку град чаще идёт летом и выпавшие льдинки быстро тают на земле, с ним связано представление о недолговечности, лёгшее в основу фразеологического оборота 电雹 (букв. «молния и град») – ‘преходящие явления’ [1].

С разгулявшейся природной стихией – сочетанием грома, молний и града – ассоциируется психоэмоциональное состояние человека: 雷霆电雹 (букв. «Гром гремит, молния сверкает и идёт град») – ‘о человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит’ [14]. Очевидна аналогия между быстро тающим градом и преходящим состоянием гнева.

Материалы Национального корпуса китайского языка (НККЯ) делают также очевидными иные векторы ассоциаций, вербализуемые в контекстах со словом *град*.

Град – это вид осадков, чаще всего воспринимаемый в китайском языковом сознании как природная катастрофа, катаклизм. Его включают в список стихийных бедствий; ср. выдержку из китайского правительственного документа по проблемам труда и социального обеспечения: «В Китае много стихийных бедствий: наводнение, засуха, ураган и градобитие, наносящие людям серьёзный урон» (Белая книга, 2000). (здесь и далее иллюстрации из НККЯ приводятся в нашем переводе. – М. С.).

田野中的玉米, 顶穗及上部一律被冰雹打光, 高粱全部倒地; 谷子就似被碾过一般; 各类瓜果蔬菜一塌糊涂。(«Хлебные колосья, посадки кукурузы, проса и различные овощи были уничтожены градом, в поле все овощи в беспорядке») (Сборник газетных публикаций, 1994).

突如其来的大雨和蚕豆大的冰雹把刚做出来的道面砸出一个个小坑和麻点。(«Вдруг пошел сильный дождь и крупный, как бобы, град, капли и льдинки пробили небольшие отверстия и оставили точечные щербинки на тротуаре») (Сборник газетных публикаций, 1994).

Носители русского языка также часто обращают внимание на необычную величину и форму града: «град с русский орех; град с голубиное, с куриное яйцо; град ивернями» [4, с. 445]. В НКРЯ мы также находим этому подтверждение: «Горные орлы уносили солдат, а с неба падал *град величиной с дыню*» (Надоело воевать! «Трамвай», 1990).

Негативное воздействие града послужило основанием для особого рода метонимического переноса по модели «явление → его последствие», в результате которого с градом, доставляющим людям неприятности, стали ассоциироваться в китайской культуре и иные (совсем не метеорологические) трудности – беды и неудачи:

竞赛场上各种情况都会发生, 有和风丽日, 也有雷雨冰雹, 优秀的运动员在挫折、失败中更要挺得住。(«На спортивной арене бывают самые разные ситуации. Иногда хорошая погода, иногда град и дождь; и выдающийся спортсмен может испытать неудачу и поражение») (Сообщение информационного агентства «Жэньминь жибао», 1996).

Стереотипные представления о граде связаны у современного носителя китайского языка с множеством каких-либо предметов в состоянии падения сверху – одного за другим или всех сразу. Ср.:

在这一速度下, “星尘”号将遭遇到“怀尔德-2”彗核周围尘埃颗粒等冰雹般的袭击。(«При такой скорости спутник “Звёздная пыль” испытывает падение града (букв. “как град”) пылинки и зёрнышек от ядра кометы «Уайлдер-2») (Сообщение информационного агентства «Синьхуа», 2004). Ср. также: букв. «Очевидец услышал взрыв и увидел: металлические осколки, багаж, самолетные кресла и пассажиры посыпались с неба на землю как град» (Сборник газетных публикаций, 1994).

Убойная сила града, направленного на определенный объект и способного нанести серьёзный урон, отразилась в сравнении его с использованием пуль стрелкового оружия и иных снарядов: 子弹如冰雹般倾泻在“恐怖分子”的藏匿地。(«Пограничники стреляли по террористам. Все снаряды и пули пущены террористами как град») (Сообщение информационного агентства «Синьхуа», 2004).

Ассоциации с градом проявляются в образном восприятии различных предметов, получающих «функцию оружия», способных наносить побои, причинять боль: 皮划艇到了落差大的地方, 那冰雹般的浪花劈头盖脸打在我们身上。(«Гребля на байдарках и каноэ проходила на перепаде воды, гребни волн ударяли нас как град») (Сообщение информационного агентства «Жэньминь жибао»,

Стереотипные представления о граде в русском и китайском языках

Векторы стереотипного осмысления града		Представления о граде в русском языке	Представления о граде 雹 в китайском языке (в переводе)
Множество	Какие-либо жидкости	О каплях пота, слёз: <i>слёзы (катятся/льются) градом</i> [2, с. 150]	–
	О снарядах и предметах, выполняющих аналогичную функцию (пулях, стрелах, камнях и под.)	<i>В небе появились самолеты, посыпался град бомб</i> (Герман Садулаев. Когда проснулись танки). <i>На мужа и жену обрушился свинцовый град – пулеметчик открыл огонь</i> (Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов).	букв. <i>Все снаряды и пули пущены террористами, как град.</i> букв. <i>Камни и круглые брёвна, как град</i> (для отражения врага).
	О любых падающих предметах, преимущественно мелких	Плоды, фрукты, другие мелкие предметы: <i>как град сыпал</i> [10, с. 144]; <i>град груш посыпался на землю</i> (Фазиль Искандер. Кролики и удавы).	букв. <i>Падение града («как град») пылинок и зёрнышек от ядра кометы.</i>
	Речевые реплики (нападки, обвинения и проч.)	<i>Град упрёков, колкостей</i> (Фазиль Искандер. Кролики и удавы).	букв. <i>Падающий град и летящий иней.</i>
Нанесение урона сельскому хозяйству, серьёзная помеха		<i>Осенние дожди с градом заливали траншеи водой</i> (Николай Петрухинцев. Дорога к Петербургу).	букв. <i>Градобиение нанесло людям большой ущерб.</i>
Трудные жизненные ситуации; невзгоды, неприятности,		–	букв. <i>Иногда хорошая погода, иногда град и дождь, и выдающийся спортсмен может испытать неудачу и поражение.</i>
О человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит		–	букв. <i>Гром гремит, молния сверкает и идёт град.</i>
О возведении на кого-л. ложного обвинения?		–	букв. <i>Падающий град и летящий иней.</i>
Круглый (форма)		<i>Черный, словно обугленный, вишеник выпускал крохотные, как град, бутончики</i> (Виктор Курочкин. Последняя весна).	–
Шумный (звук)		<i>Рвется в уши, колотит по барабанным перепонкам, как град</i> (Вера Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь).	букв. <i>Начался дождь с градом, градины звучали как барабанная дробь.</i>

1996). Ср. также: букв. «Когда Лю Лунцзи с солдатами начал наступать, с командной высоты *покатились вниз камни и круглые брёвна, как град*, все войска династии Мин не могли более продвигаться вперёд (Ли Вэньдэн. Нурхацци, 1999).

В китайском языке, как и в русском, отмечено так называемое «речевое» значение – оно обнаруживается в сравнениях, когда говорят о последовавших в большом количестве речевых нападках на собеседника, ср.: 球迷开始为印尼队加油, 叫骂声和不满声像冰雹般砸向中国足球队。 («Болельщики начали устраивать овацию Индонезийской футбольной команде и *осыпать бранью и недовольством, как градом*, китайскую футбольную команду») (Сообщение информационного агентства «Синьхуа», 2004).

Наконец, град ассоциируется с шумом. Ассоциативная связь между рядом громких дробных звуков и стуком града отмечена и в русском, и в китайском языках: 雹子打在屋顶上乒乓作响。 («Градины ударяют по крыше, как пинг-понг») [15, с. 44].

Хотя многие стереотипные представления о граде, характерные для языкового сознания русских и китайцев, являются общими, нами обнаружены и некоторые расхождения в его восприятии. В таблице 1 приведены параллельно векторы ассоциативного осмысления града и примеры реализации стереотипных представлений о нем в двух языках и культурах.

Обращение к лексикографическим источникам и материалу Национальных корпусов китайского и русского языков дает возможность судить в семантическом и лингвокультурологическом аспектах о сходстве представлений русской и китайской коллективных языковых личностей и различиях в осмыслении одного из интересных метеорологических явлений. Сопоставление ассоциаций, связанных с градом, в двух языках и культурах, показывает значительное их совпадение, что говорит о сходстве в его осмыслении и оценке, о характере проводимых аналогий. Общими являются, в частности, такие признаки, как ‘катастрофичность’, ‘опасность’ и, как следствие, ‘функция оружия,

орудия», «негативные последствия (ущерб)», «множество», «маленький размер».

Своеобразие китайских стереотипных представлений на фоне русских проявилось в устойчивых выражениях, вербализующих ассоциации с ситуацией навета, оговора; быстропреходящего состояния раздражения и запальчивости; испытываемых временных трудностей.

Своеобразие русских ассоциаций, выявленных в результате анализа образа града как эталона сравнений, состоит в аналогии с ним обильного потока слёз и пота, массы мелких предметов округлой формы.

Таким образом, проделанный анализ позволил увидеть в сравнительно небольшом фрагменте языковой картины мира как этномаркированные особенности, так и преобладающее сходство в осмыслении природных явлений и порождаемых ими ассоциаций у носителей разных языков и культур.

Библиографический список

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс] / И.М. Ошанин. – М.: Наука, 1983. – 7947 с. – Режим доступа: <http://bkrs.info> (дата обращения: 11.01.2018).
2. Большой словарь русских народных сравнений (БСРНС) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. – М., 1981.
5. Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. – 1999. – № 5–6. – С. 3–12.
8. Ма Сяньфэй. Слово «град» в современном русском языке (лексикографический и дискурсивный аспекты) // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 47–51.
9. Национальный корпус русского языка (НКРЯ): информационно-справочная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.01.2018).
10. Русский семантический словарь: в 4 т. Т. 1, 3. – М.: Азбуковник, 1998. (РСС)
11. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. – Тула: С-Принт, 2013. – 92 с.
12. Толстая С.М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. – Екатеринбург, 2009. – С. 62–264.
13. 汉语国家语料库, 访问日期2017年12月11日 (Национальный корпус китайского языка

(НККЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnccorpus.org> <http://bkrs.info> (дата обращения: 11.01.2018)).

14. 汉典, 台湾国语词典修订本, 访问日期2017年12月11日. (*Хань Дянь*. Словарь китайского языка. Новое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdic.net> (дата обращения: 11.12.2017)).

15. 吕淑湘、丁声树 《现代汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 2005. (*Люй Шусянь, Дин Шэншю*. Словарь современного китайского языка. – 4-е изд., испр. и доп. – Пекин: Бизнес-издательство, 2005).

16. 天气预测十五天, 访问日期2017年4月21日 (Прогноз погоды на следующие 15 дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.15tianqi.com/news14291> (дата обращения: 21.04.2017)).

17. 吴国华 《关于语言国情学》/当代语言学第3期, 2001. (*У Гуохуа*. О лингвострановедении // Современная лингвистика. – 2001. – № 3. – С. 18–23).

18. 《中国大百科全书》, 北京: 中国百科出版社, 2009. (Китайская большая энциклопедия (КБЭ). Т. 2. – Пекин: Китайская большая энциклопедия, 2009).

References

1. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' (BKRS) [Elektronnyj resurs] / I.M. Oshanin. – M.: Nauka, 1983. – 7947 s. – Rezhim dostupa: <http://bkrs.info> (data obrashcheniya: 11.01.2018).
2. Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij (BSRNS) / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. – M.: OLMA Media Grupp, 2008. – 800 s.
3. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya: teoriya i metody. – M.: RUDN, 1997. – 331 s.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: v 4 t. T. 1. – M., 1981.
5. Kovshova M.L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju. – M.: Gnozis, 2007. – 288 s.
6. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij. – M.: Gnozis, 2002. – 284 s.
7. Kubryakova E.S. Semantika v kognitivnoj lingvistike (o koncepte kontejnera i formah ego ob'ektivacii v yazyke) // Izvestiya RAN. – 1999. – № 5–6. – S. 3–12.
8. Ma Syanfehj. Slovo «grad» v sovremennom russkom yazyke (leksikograficheskij i diskursivnyj aspekt) // Mir russkogo slova. – 2017. – № 2. – S. 47–51.
9. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (NKRYA): informacionno-spravochnaya sistema [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 11.01.2018).
10. Russkij semanticheskij slovar': v 4 t. T. 1, 3. – M.: Azbukovnik, 1998. (RSS)
11. Tokarev G.V. Shelovek: stereotipy russkoj lingvokul'tury. – Tula: S-Print, 2013. – 92 s.

12. Tolstaya S.M. Stereotip i kartina mira // Ehtnolingvistika. Onomastika. Ehtimologiya. – Ekaterinburg, 2009. – S. 62–264.
13. 汉语国家语料库, 访问日期2017年12月11日 (Nacional'nyj korpus kitajskogo yazyka (NKKYA) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.cncorpus.orghttp://bkrs.info> (data obrashcheniya: 11.01.2018)).
14. 汉典, 台湾国语词典修订本, 访问日期2017年12月11日. (Han' Dyan'. Clovar' kitajskogo yazyka. Novoe izdanie [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.zdic.net> (data obrashcheniya: 11.12.2017)).
15. 吕淑湘、丁声树 《现代汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 2005. (Lyuji SHusyan, Din SHEhnsu. Slovar' sovremennogo kitajskogo yazyka. – 4-e izd., ispr. i dop. – Pekin: Biznes-izdatel'stvo, 2005).
16. 天气预测十五天, 访问日期2017年4月21日 (Prognoz pogody na sleduyushchie 15 dnej [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.15tianqi.com/news14291> (data obrashcheniya: 21.04.2017)).
17. 吴国华 《关于语言国情学》/当代语言学第3期, 2001. (U Guohua. O lingvostranovedenii // Sovremennaya lingvistika. – 2001. – № 3. – S. 18–23).
18. 《中国大百科全书》, 北京: 中国百科出版社, 2009. (Kitajskaya bol'shaya ehnciklopediya (KBEH). T. 2. – Pekin: Kitajskaya bol'shaya ehnciklopediya, 2009).

СЛОВА СТАН, ТОРС В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ

Цель данной статьи – проанализировать употребление существительных *стан* и *торс* в русском языке в сопоставлении с китайским. Основное внимание уделяется роли, значению и оценочным характеристикам данных слов как фрагментов русской и китайской языковых картин мира. Сопоставительный анализ семантических структур лексем *стан* и *торс* позволяет сделать некоторые выводы о различиях и сходствах их значений в указанных языках и, шире, русской и китайской языковых картинах мира. Результаты исследования представляют интерес во всех случаях межкультурного сотрудничества. Это прежде всего относится к переводу, как художественному, так и синхронному, а также к русско-китайскому языковому культурному взаимодействию.

Ключевые слова: *стан*, *торс*, значение слов, употребление слов, языковая картина мира.

В «Семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой слова *стан* и *торс* включены в подмножество «общие обозначения тела, а также названия, общие для разных органов, систем жизнедеятельности» (другие члены этого подмножества – *корпус*, *организация*, *организм*, *плоть*, *сложение*, *стан*, *тело*, *телосложение*, *торс*, *туловище*, *тулово*, *фигура*, *форма*). Существительное *стан* толкуется как «корпус человека» [3, с. 467]. В «Современном русско-китайском словаре» слово *стан* переводится как *身躯*, *体态* ('стан, поза') [11, с. 1020], в «Большом китайско-русском словаре» *身躯* ('стан') переводится как «туловище, корпус, стан, тело» [8, с. 1802]. В подмножестве *身体* ('тело') множества *躯体部分* ('часть корпуса') «Современного китайского семантического словаря» всего 8 лексических рядов, среди которых слово *身躯* ('стан') соответствует слову *стан* [10, с. 30]. В «Современном китайском словаре» слово *身躯* ('стан') толкуется как «身体,身材» ('тело, фигура') [9, с. 1152]. По определению словаря Н.Ю. Шведовой, где слова *стан* и *торс* толкуются как «туловище, корпус человека» [3, с. 467], анализируемые слова можно считать синонимами. В «Современном русско-китайском словаре» слово *торс* толкуется как «туловище человека, а также скульптурное изображение туловища». Слово *торс* переводится как *身躯*, *躯干* ('стан, тулово') [11, с. 1078]. Однако в «Большом китайско-русском словаре» перевод слова *躯干* ('торс') следующий – «туловище» [8, с. 1674]. В первом ряду подмножества «身体» ('тело') также встречается слово *躯干* [10, с. 30]. В «Современном китайском словаре» слову *躯干* ('торс') даётся следующее толкование: «人除去头部、四肢所余下的部分叫躯干» ('оставшие части человека, кроме головы и конечностей') [9, с. 1071]. Поэтому в этом значении слово *стан* соответствует *身躯* ('стан'), *торс* – *躯干* ('торс').

Иллюстративный материал представлен атрибутивными конструкциями с существительными *стан* и *торс* в предложениях и текстовых фрагментах из национальных корпусов русского и китайского языков [2; 7]. По данным «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой,

слово *стан* сочетается с прилагательными *девичий*, *стройный*, *тонкий*, *гибкий*, а слово *торс* – со словами *мощный*, *атлетический* [3, с. 467]. В «Русском семантическом словаре» примеров сочетания со словом *стан* в два раза больше, чем с словом *торс*. В национальном корпусе всего 353 примера со словом *стан* в атрибутивной конструкции, 68 примеров со словом *торс*. Соотношение двух китайских слов по частоте употребления далеко от того, что наблюдается в русском языке. И по значению, и по сфере употребления слов можно сразу сказать, что частота употребления слова *身躯* ('стан') в атрибутивной конструкции гораздо больше, чем слова *躯干* ('торс'): 778 примеров с *身躯* ('стан') против 11 примеров с *躯干* ('торс').

Наша основная гипотеза состоит в том, что в русской и китайской языковых картинах мира слова *стан* и *торс* семантически не эквивалентны. В пользу этой гипотезы в первую очередь говорит этимология слов *стан* и *торс* в русском языке и внутренняя форма слов *身躯* ('стан') и *躯干* ('торс') в китайском. В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера слово *стан* определяется как «поясница, талия» [4, с. 745], а слова *торс* – «побег, ветка» [5, с. 87]. В китайском языке *身躯* ('стан') включает в себя иероглифы *身* ('тело') и *躯* ('тело'). Слово *躯干* ('торс') содержит иероглифы *躯* ('тело') и *干* (动植物躯体的主要部分 – 'главная часть животных и растений') [7, с. 675]. У двух китайских слов общий иероглиф *躯* ('тело'), к тому же *身* ('тело') и *躯* ('тело') являются синонимами, обозначающими тело человека. Заметим, что в русском слове *стан* и в китайском слове *身躯* ('стан') наблюдается сема *часть тела человека*, в словах *торс* и *躯干* ('торс') сохраняется элемент значения, показывающий, что эта часть тела есть не только у животных, но и у растений. Наша гипотеза основывается также на культурных коннотациях, присущих словам *стан* и *躯干* ('торс'). Сначала мы разделили имеющиеся у нас примеры на три группы: 1) слова *стан* и *торс* могут быть взаимозаменяемыми в русском языке; 2) слово *стан* не заменяется словом *торс*; 3) слово *торс* не заменяется словом *стан*, и из групп выбрали типичные примеры для дальнейшего анализа. Далее для каждой группы мы

ставим вопрос о переводе слов *стан* и *торс* на китайский язык.

1. Слова *стан* и *торс* взаимозаменяемы в русском языке

Стан и торс концептуализируются в русском языке как физические объекты, и к ним применимы те перцептивные характеристики, которые передают ощущение и восприятие объекта. Выделим ряд таких характеристик.

Состояние полноты. Полнота в русском языке характеризуется словами, находящимися в рамках оппозиции *худой – толстый*: *круглый, дебелий, плоский, узкий, худощавый, костлявый*. Все приведенные выше дескриптивные прилагательные находятся на шкале оценки, которая содержит ось происхождения (норму) и одну прямую линию, направленную в две стороны: *Борис, еще безбородый юноша, красавец с огромными глазами, с тонким станом, как у девушки, любимец отца, возвращался с дружиной из печенежских степей, ничего еще не зная о том, что произошло в столице* (А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции); *Женщина... с такими извивами плеч и рук и тонкого торса, что и хотели бы, да не могли отвести от нее глаз три старика* (С.Н. Сергеев-Ценский. Устный счет). Хотя и не без стилистической широкости, в обоих текстовых фрагментах слово *стан* можно заменить словом *торс* без потери смысла. Оценочный компонент, имеющийся в двух примерах, содержит характеристику нормы, соответствующей не только указанным признакам тела, но и общей оценке. В обоих примерах «тонкий стан» дает нам представление о характере человека, который оценивается авторами как положительный. В первом предложении словосочетание *тонкий стан* описывает человека, для которого не характерно иметь такой стан, ведь это слово обычно употребляется по отношению к девушкам. Во втором предложении словосочетание *тонкий торс* относится к женщине, оно даёт представление о норме и положительно характеризует с точки зрения красоты. В китайском языке в обоих примерах можно употреблять только слово *身躯* ('стан'), потому что значение слова *身躯* ('стан') – *身体,身材* ('тело, фигура') [9, с. 1152]. В сознании носителя китайского языка предметы *身体* ('тело') и *身材* ('фигура') имеют признак полноты и могут быть разнообразными. Слово *身躯* ('стан') характеризует объекты, которые обычно имеют тонкую форму. Слово *躯干* ('торс') редко употребляется для указания состояния полноты человека, потому что, во-первых, как сказано выше, слово *躯干* ('торс') относится к объектам, которые включают в себя только части тела человека; во-вторых, с прилагательными, имплицитными оценочными оттенками, оно активно не сочетается.

Эстетические оценки. Эстетическая характеристика строится на основе понимания красивый –

некрасивый. Фактически перед нами разнообразные прилагательные, которые называют градации по красоте и формируют шкалу оценки: *ладный, царственный, изящный, красивый, роскошный, величественный, складный, грациозный, прелестный, пригожий, чудесный*: *«И вот я его сейчас заражу, как и всех других», – думала Женька, скользя глубоким взглядом по его стройным ногам, красивому торсу будущего атлета и по закинутым назад рукам, на которых, выше сгиба локтя, выпукло, твердо напряглись мышцы* (А.И. Куприн. Яма); *Черный бархат плотно обхватывал красивый стан ее; царственные плечи, лебединая шея и высокая грудь только выигрывали от блеска дорогого ожерелья* (Вас.И. Немирович-Данченко. Цари биржи). В обоих примерах слова *стан* и *торс* относятся к объектам, имеющим характеристику по красоте. Нормы эстетики разнообразны и своеобразны у каждого человека. Хотя *стан* и *торс* могут заменять друг друга без потери смысла, но прилагательное *красивый* имеет разные значения. В первом примере *красивый* характеризует торс по стройности, ловкости, силе и выносливости, во втором сочетании *красивый стан* относится к объекту, имеющему царственную красоту, подчеркиваемую лебединой шеей и высокой грудью. В китайском языке, так же как в русском, слова *躯干* ('торс') и *身躯* ('стан') относятся к объектам, которые могут иметь эстетическую характеристику. В сознании носителя китайского языка, *躯干* ('торс') включает в себя только основные части тела, кроме головы и конечностей, поэтому сочетание *красивый躯干* ('торс') не значит, что *身躯* ('стан') красивый, в то время как обратное возможно.

Утилитарные оценки. Утилитарные оценки присуждаются по признакам пользы. Содержание утилитарности объектов разное в зависимости от требования конкретной ситуации. Представление об утилитарной оценке формируется в ходе практической деятельности человека, который на основе опыта оценивает полезность предмета. В русском языке со словами *стан* и *торс* сочетаются следующие прилагательные: *могучий, крепкий, сильный*: *Он не казался рахитичным, поскольку обладал не только большой головой, но и широкими плечами, сильным торсом и, судя по всему, крепкими ногами* (Юрий Азаров. Подозреваемый). Аксиологические значения слов *стан* и *торс* представлены в языке прилагательным *сильный*, которое входит в группу рационалистических оценок, основывающихся на физической пользе. В фрагменте слова *стан* и *торс* могут быть взаимно заменены без потери значения. *Торс* является частью тела человека, который, на первый взгляд, возможно, дает другим ощущение, что он большой рахитом, но дальше подробно описывается его внешность. «Большая голова» и «широкие плечи» бессознательно возникают в нашем представлении

о внешности героя. А «сильный стан» определяется вне зависимости от сенсорной оценки и связан с нормой потенциальных требований, предъявляемых к торсу. «Сильный стан» находится в позиции дополнения понятия гибкости (гибкость сильного стана). Слово 躯干 ('торс') редко употребляется для указания на целую часть тела человека, но в сознании носителя китайского языка 躯干 ('торс') может быть сильным.

2. Слово *стан* невозможно заменить словом *торс*

Вес тела. Вес является признаком стана, который не находится под верификацией веса. Языковые обозначения для указания веса представляют интересную тему для исследования. Характеристика по весу часто показывается в конкретной ситуации: *Летнее платье из светло-розовой тафты необычайно шло к легкому стану Александры Константиновны; маленький чепчик на голове ее был просто загляденье!* (Д.В. Григорович. Переселенцы) Легкий стан сам по себе не носит никаких оценок, но здесь существительное *стан* относится к девушке, одетой в летнее платье, маленький чепчик. Дескриптивные прилагательные *летний* и *маленький* не содержат оценки. Хотя прилагательное *легкий* имплицитно содержит описание и вызывает ассоциацию изящности, оно выражает бесспорную симпатию к стану, поэтому *легкий* носит положительную оценку. Слово *торс* относится к объектам, которые не содержат признака веса. В китайском языке 身躯 ('стан') и 躯干 ('торс') могут быть охарактеризованы с точки зрения веса, но 躯干 ('торс') редко употребляется с прилагательными, которые носят отрицательную оценку. Ведь 躯干 ('торс') состоит из иероглифа 干. В сознании носителя китайского языка 躯干 ('торс') сочетается только с прилагательными, имеющими значение тяжелого веса. Слово 身躯 ('стан') относится к целой части тела, поэтому может сочетаться со всеми прилагательными, имплицитно имеющими значение веса.

Высота. Характеристика по высоте является важной составляющей в описании человека, на которую обращается большое внимание. Для разных культур норма высоты разнообразна, и отношение к ней также носит отпечаток социальной и культурной особенности. В оценочной шкале Е.М. Вольф рассматривает норму как определенную зону, называемую зоной «размытого ограничения» [1, с. 54]. Для обозначения высоты стана используются прилагательные *высокий*, *невысокий*, *длинный*. В национальном корпусе китайского языка обнаруживаются следующие прилагательные, описывающие высокий рост человека: 挺拔 ('стройный' и 'высокий'), 魁梧 ('богатырский'), 伟岸 ('рослый'), 颇长 ('высокий'), 高大 ('высокий' и 'большой'), 高高 ('высокий-высокий'), 修长 ('высокий'), 魁伟 ('богатырский'), 雄伟 ('величественный') и 长长 ('длинный'). Заметим, что все китайские

слова, обозначающие отклонение от нормы в большую сторону, носят положительную оценку. *Довольно высокий стан Людовика казался мал от сутуловатости и толщины* (Н.А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года). Интенсификация и деинтенсификация, отражающие движения по оценочной шкале, часто употребляются для указания на характерную особенность предмета. В данном предложении наречие *довольно* ослабляет значение «высокий». Здесь прилагательное *высокий* является антонимом слова *низкий*. Прилагательное *низкий* находится в предикативной форме, выражающей временный признак стана. Слово *торс* не относится к объектам, которые содержат характеристику по высоте. В сознании носителя русского языка высокий стан как признак человека не носит положительную оценку, потому что среди русских людей человек большого роста – явление нередкое, и его рост не будет ему дополнительным плюсом. А для китайской культуры высокий рост является большим плюсом для человека, поэтому в китайском языке обнаруживаются разнообразные дескриптивные прилагательные, характеризующие рост человека. В китайском языке слово 身躯 ('стан') можно употреблять в данном примере, а 躯干 ('торс') нельзя. Слово 躯干 ('торс') не сочетается с прилагательным *высокий*, ведь в слове 躯干 ('торс') есть иероглиф 干 (动植物躯体的主要部分 – 'главная часть животных и растения') [7, с. 675]. В сознании носителя китайского языка тело или человек могут быть высокими, а их часть – нет.

3. Слово *торс* не заменяется словом *стан*

Поверхность кожи. При исследовании различий употребления слов *стан* и *торс* можно наблюдать, что *торс* нередко характеризуется состоянием поверхности кожи. Прилагательные, которые могут охарактеризовать поверхность кожи, следующие: *упитанный*, *волосатый*, *безволосый*, *напряженный* и *жесткий*. *Тот от свалившихся на него комплиментов стал смущаться – собственного обнаженного волосатого торса, грязных треников, дурного запаха изо рта* (Маша Трауб. Ласточка). Слово *торс* в сочетании с прилагательным *волосатый*, которое само по себе не даёт положительной или отрицательной оценки, в конкретном предложении имеет отрицательное значение. Здесь слово *торс* относится к объекту, который обнажен и покрыт волосами, а слово *стан* нельзя использовать в данном примере. В китайском языке слова 身躯 ('стан') и 躯干 ('торс') не могут быть употреблены в данном контексте. Во-первых, 身躯 ('стан') и 躯干 ('торс') относятся к объектам, которые занимают целую или большую часть тела. Такие части тела очень редко бывают покрыты волосатым покровом у китайцев. Во-вторых, если у человека имеются волосы на определенной части тела, то чаще всё сводится к называнию этой части, нежели к указанию на то, что все тело волосатое.

Состояние здоровья. Для человека важна характеристика по состоянию здоровья, и для указания на нее существует ряд прилагательных, из которых *здоровый* является нормой. У Юрки были розовые, здоровые щеки мальчика из сибирского города Красноярска, откуда он и был родом, и крепкий, здоровый торс (Эдуард Лимонов. Подросток Савенко). В данном предложении все качественные прилагательные находятся в атрибутивной конструкции и носят положительную оценку, несмотря на то, что они имеют разный смысл. Здесь слово *торс* имеет значение «тело» и обозначает тело человека в целом, а слово *стан* не сочетается с прилагательным *здоровый*, потому что оно не называет объекты, которые содержат медицинскую характеристику. Слова *身躯* ('стан') и *躯干* ('торс') относятся к объектам, имеющим признак состояния здоровья. Лучше употребить в данном предложении слово *身躯* ('стан'), ведь, во-первых, *身躯* ('стан') сохраняет у себя значение не только корпуса, но и тела человека в целом, а *躯干* ('торс') обозначает только туловище человека. Во-вторых, если человек является здоровым, то, в сознании носителя китайского языка, у него не может быть здоровым только *躯干* ('торс'), а другие части тела нет.

В итоге проведенного исследования подтверждается точка зрения о том, что в русской и китайской языковых картинах мира существуют сходства и различия в представлениях об общих обозначениях тела, таких как стан и торс. Употребление слов тесно связано не только с семантикой, но и с рядом социальных и культурных причин. Хотя слова *стан* и *торс* являются синонимами в русском языке, но в конкретной ситуации слово *стан* не так часто заменяется словом *торс*. В китайском языке слова *身躯* ('стан') и *躯干* ('торс') редко используют как синонимы. Слово *身躯* ('стан') иногда может заменяться словом *躯干* ('торс'), а слову *躯干* ('торс') словом *身躯* ('стан') заменить нельзя. Стан и торс в русском языке не имеют связи с духом или душой, а в сознании носителя китайского языка *身躯* ('стан') противопоставляются душе человека. Слово *躯干* ('торс') часто употребляется в сфере медицины и спорта, где факт является важным, а оценка не имеет большого значения. К тому же в китайской социальной культуре в первую очередь всегда оценивается человек и уже для него выбирается оценочный предикат.

Библиографический список

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Арутюновой, И. Чельшевой. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 284 с.
2. Национальный корпус русского языка: информационно-справочная система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.06.2017).

3. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2002. – 807 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.

6. CCL 语料库检索系统. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx> (дата обращения: 08.06.2017).

7. 辞海 第六版彩图本/ 夏征农, 陈至立主编. – 上海: 上海辞书出版社, 2009. 3099 页 (Ци Хай. / гл. ред. Цзя Чжэнноу, Чжэнь Жили. – Шанхай: Шанхайская типография словаря, 2009. – 3099 с.)

8. 汉俄大词典/ 顾柏林主编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2009. 2877页 (Большой китайско-русский словарь / гл. ред. Гу Байлинь. – Шанхай: Типография иностранного обучения Шанхая, 2009. – 2877 с.)

9. 江蓝生 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 6版. –北京: 商务印书馆, 2012. 1789页. (Цзян Лань Шэн. Современный китайский словарь / Институт лингвистики Китайской академии науки. – Пекин: Типография бизнеса, 2012. – 1789 с.)

10. 苏新春 现代汉语分类词典/ 苏新春主编. –北京: 商务印书馆, 2013. 827页. (Су Синьчунь. Современный китайский семантический словарь / гл. ред. Су Синьчунь. – Пекин: Типография бизнеса, 2013. – 827 с.)

11. 张建华 现代俄汉双解词典/张建华等编. –北京: 外语教学与研究出版社, 1992. 1304页 (Чжан Цианьхуа. Современный русско-китайский словарь / гл. ред. Чжан Цианьхуа. – Пекин: Типография обучения и изучения иностранных языков, 1992. – 1304 с.)

References

1. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki / vstup. st. N. Arutyunovoj, I. SHelyshevoj. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 284 s.

2. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: informacionno-spravochnaya sistema. [Электронный ресурс]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 08.06.2017).

3. Russkij semanticheskij slovar': Tolkovyy slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / pod obshchej red. N.YU. SHvedovoj. – М., 2002. – 807 s.

4. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – М.: Progress, 1987. – 832 s.

5. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4 / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – М.: Progress, 1987. – 864 s.

6. CCL 语料库检索系统. [Электронный ресурс]. – Rezhim dostupa: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx> (data obrashcheniya: 08.06.2017).

7. 辞海 第六版彩图本/夏征农,陈至立主编。—上海:上海辞书出版社,2009. 3099页 (Ci Haj. / gl. red. SHCHia CHzhehnou, CHzhehn' ZHili. — SHanhaj: SHanhajskaya tipografiya slovary, 2009. — 3099 s.)

8. 汉俄大词典/顾柏林主编。—上海:上海外语教育出版社,2009. 2877页 (Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' / gl. red. Gu Bajlin'. — SHanhaj: Tipografiya inostrannogo obucheniya SHanhaya, 2009. — 2877 c.)

9. 江蓝生 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编。—6版。—北京:商务印书馆,2012. 1789页. (Czyan Lan' SHehn. Sovremennyj kitajskij slovar' / Institut lingvistiki Kitajskoj akademii

nauki. — Pekin: Tipografiya biznesa, 2012. — 1789 s.)

10. 苏新春 现代汉语分类词典/苏新春主编。—北京:商务印书馆,2013. 827页. (Su Sin'chun'. Sovremennyj kitajskij semanticheskij slovar' / gl. red. Su Sin'chun'. — Pekin: Tipografiya biznesa, 2013. — 827 s.)

11. 张建华 现代俄汉双解词典/张建华等编。—北京:外语教学与研究出版社,1992. 1304页 (CHzhan Cian'hua. Sovremennyj russko-kitajskij slovar' / gl. red. CHzhan Cian'hua. — Pekin: Tipografiya obucheniya i izucheniya inostrannyh yazykov, 1992. — 1304 s.)

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ. СТРУКТУРНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В данной статье рекламный дискурс рассматривается как с лингвистической позиции, так и с позиции явления поликодовости, которое позволяет сконцентрировать всю семантику слова в минимальном текстовом пространстве. Проведена параллель между метафорическим знаком («визуальная семиотика») и применением ономастических элементов в рекламном дискурсе, позволяющих потенциально потребителю самостоятельно создать связь между текстовым образом звука и рекламируемым товаром. Предпринята попытка исследовать эффективность функционирования ономастических элементов, а также обнаружить некоторую гендерную направленность звукоподражательной рекламы без привязки к заранее определенному источнику. Описан вариант классификации обнаруженных нами ономастических элементов рекламного дискурса по частям речи с учетом их структурных особенностей. Указана роль ономастических элементов в рекламном тексте, дается описание способов их формообразования. При анализе ономастических элементов с позиции структурности мы выделяли следующие аспекты сопоставления: употреблялся ли исследуемый ономастический элемент самостоятельно или же в составе лексической единицы, а также частеречная принадлежность ономаста.

Ключевые слова: рекламный дискурс, реклама, визуальная семиотика, метафора, поликод, звукоподражание, ономастический элемент, междометия, части речи, гендер.

Вопрос «правдивости» является одним из самых спорных в философии рекламы. Американский историк Дэниел Бурстин отмечал, что реклама «глубоко изменила само понимание правды».

Проследить взаимодействие функциональности рекламного дискурса и языковых средств позволяет исследование данного аспекта рекламы с позиции лингвистики.

Как было замечено Michela Canepati [9, с. 196], рекламные тексты «появляются на перекрестке, где сходятся литературные, журналистские и коммерческие тексты», так как они заимствуют черты, а также, предположительно, и некоторые функции всех перечисленных типов текстов. По мнению Sternkopf, язык рекламы не обладает определенным стилем, скорее наоборот, он избегает стандартов, мешает стилистические приемы [13, с. 204]. Наиболее типичной чертой является то, что язык рекламы способен к бесконечному самоизменению, возникают новые формы и элементы, которые и помогают привлекать внимание к продукту.

В то же время существует и другая сторона. Несмотря на весь спектр приемов, направленных на то, чтобы произвести впечатление на потребителя, рекламная кампания часто все-таки прибегает к утвердившимся и проверенным приемам, в том числе и со стороны лингвистики. Таким образом, рекламная форма языка совмещает «норму» и широкий спектр различных вариаций.

На лексическом уровне данный аспект отражен следующим образом: с одной стороны, это использование обывденной лексики, выбор делается в пользу широко известных слов. В данном аспекте становится возможным охарактеризовать рекламный дискурс с помощью 20 наиболее часто употребляемых глаголов и прилагательных, которые были

приведены Leech [13, с. 211], а с другой – это применение креативной лексики с различными мнемоническими приемами в слоганах, что, по мнению Vasiloaia, позволяет приравнять рекламный текст к поэтическому [14].

По мнению А.А. Горячева [2, с. 7], следует говорить как минимум о двух единицах рекламного дискурса и выделять понятия «рекламный текст» и «слоган». Посредством слоганов и текстов производитель стремится создать необходимый образ продукта, который позволит выгодно выделять его на фоне зачастую практически идентичных ему товаров.

С целью сделать рекламное сообщение наиболее понятным и доступным любому реципиенту, необходимо добиться его наибольшего приближения к повседневной разговорной речи. Современный рекламный язык предназначен для массовой аудитории, поэтому он должен быть доступным, рекламное сообщение – предельно кратким и достаточно убедительным. Массовая культура «ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, на простую прагматику, поскольку она обращена к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории» [4, с. 156].

Однако помимо особой текстовой (лингвистической) составляющей, рекламу сложно представить без противоположного ей нелингвистического компонента. Поэтому здесь следует упомянуть понятие «поликодовости», которое в совокупности с лексическим наполнением способствует созданию прочных связей между определенным образом продукта и идеалами, которые производитель стремится донести до потребителя (как, например, красота, успех, молодость).

Поликодовый текст исследуется в работах В.Е. Чернявской как «особая разновидность текста», «фактура которого состоит из двух негемо-

генных частей: вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [6, с. 180].

Реклама же, будучи образованной из поликодовых составляющих, в последнее время в различных исследованиях также рассматривается как взаимодействие текстов, разных по своей семиотической сущности.

Применение поликода в рекламном дискурсе позволяет редуцировать текст до «минимального языкового элемента», что позволяет сконцентрировать всю семантику слова в минимальном текстовом пространстве. Данное явление отражает тенденции современной коммуникационной культуры – восприятие и обмен информацией становятся все более зависимыми от визуальных элементов. «Наша лингводоминирующая культура ощутимо трансформируется в иконическую» [10, с. 7]. Во многих зарубежных исследованиях вводится понятие “visual literacy” («визуальная грамотность») – способность правильно декодировать символы и визуальные компоненты коммуникации. Правильная интерпретация визуальных объектов сводится к правильной расшифровке их графической композиции.

Данный нелингвистический компонент подробно рассмотрен в «Визуальной грамматике» Креса и Ван Лееувена [12, с. 16] под понятием «визуальная коммуникация», которая осуществляется посредством визуальных знаков (*visual language, visual semiotics*). Прибегая здесь к понятию «семиотика», автор, однако, отмечает отличие от системы, определяемой Ф. де Соссюром как «связь между акустическим образом и понятием» (то есть означающим и означаемым). В данном случае речь идет о процессе создания знаков посредством метафоры, что, на наш взгляд, имеет особо широкое применение при создании рекламы. Обозначающее и обозначаемое изначально «относительно независимы друг от друга, до тех пор, пока не будут сведены вместе в новом знаке», – таким образом достигается максимальная лаконичность при сохранении информационной ёмкости содержания требуемого рекламного сообщения.

Настоящее исследование фокусируется на изучении различных особенностей рекламного дискурса с элементами ономагии.

Ономагические элементы – довольно частое явление в рекламном дискурсе. Письменный язык – единственное требуемое условие для создания ономагического текста, который, в свою очередь, вызывает в мышлении вербальные, визуальные и звуковые образы.

Применение ономагии в рекламе позволяет потенциальному потребителю самостоятельно создать связь между текстовым образом звука и рекламируемым товаром. О.В. Матасова отмечает, что активное функционирование междометий как в речи, так и за пределами речевой сферы (телевидение и т. п.)

влечет значительное усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций [3, с. 21]. Одним из известных примеров ономагии в рекламе стал слоган компании Danon «Ммм... Данон».

Помимо прочего, рекламный дискурс с элементами ономагии, на наш взгляд, дает возможность наиболее широко рассмотреть взаимодействие и функционирование как лингвистики рекламы, так и экстралингвистических аспектов, попытаться проследить процесс формирования образов и метафор, а также изучить некоторые структурные и социолингвистические особенности рекламного языка.

Поскольку реклама обычно заведомо ориентирована на конкретный социальный и гендерный класс потребителей (что, по мнению Н.П. Трайковской, проявляется в специфике рекламируемого товара, а также в специфике изданий, где она публикуется), рекламный дискурс дает возможность выявить особенности проявления гендерных характеристик в языке мужчин и женщин. Хотя изучению рекламы с социолингвистической точки зрения посвящено немало отечественных и зарубежных исследований последних десятилетий, исследования гендера в рекламных текстах представлены лишь единичными работами. Западные же исследования направлены преимущественно на изучение особенностей речи мужчин и женщин.

Настоящая выборка примеров рекламных сообщений не ограничивалась изданиями, предназначенными исключительно для мужской или женской аудитории, скорее наоборот, задачей нашего исследования является обнаружение некоторой гендерной направленности звукоподражательной рекламы без привязки к заранее определенному источнику.

Достаточно показательным в отношении гендерной направленности выбранного типа рекламы является, на наш взгляд, то, что мужчины в целом не очень активно реагируют на представление различных видов товаров в таком стиле. При предложении выбрать любое минимальное количество понравившихся (полезных для них как потенциальных покупателей) вариантов из предложенных 45, мужчины были довольно сдержанны в выборе, минимальная выборка ограничилась 5 вариантами, в то время как для женщин она равнялась 14 вариантам.

Нами также была предпринята попытка произвести классификацию обнаруженных ономагов рекламного дискурса по частям речи, принимая во внимание их структурные особенности, а также роль в предложении, представляющем собой рекламный текст.

При анализе ономагов с позиции структурности мы выделяли следующие аспекты сопоставления: а) употребляется ли исследуемый ономаг самостоятельно или же находится в составе лексической единицы; б) частеречная принадлежность ономага.

Немногочисленной оказалась группа, где ономаги употребляются в составе лексиче-

ширный и интересный материал для дальнейших лингвистических исследований.

Библиографический список

1. *Бегун В.В.* Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 1 (7). – С. 31–37.
2. *Горячев А.А.* Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2010. – 296 с.
3. *Матасова О.В.* Звукподражательные междометия немецкого языка. Фоносемантический и семантико-диахронический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2006. – 21 с.
4. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
5. *Соболева Н.П.* Контекстуальное использование фразеологических единиц в языке рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2015. – 25 с.
6. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.
7. *Томская М.В., Маслова Л.Н.* Лингвистические гендерные исследования в отечественной лингвистике // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 104–132.
8. *Трайковская Н.П.* Извлечение имплицитной информации в рекламном тексте с точки зрения его гендерных особенностей: дис. ... канд. филол. наук. / МГУ. – М., 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_TraykovskayaNP_diss_10.02.04_80.pdf (дата обращения: 06.11.17).
9. *Michela Canepari.* An Introduction to Discourse Analysis and Translation Studies. – Milano: EDUCatt, 2011. – 439 с.
10. *Dondis A.* Primer of Visual Literacy. – Cambridge: MIT Press, 1973. – 194 с.
11. *Angela Goddard.* The Language of Advertising: the Taylor & Francis e-Library, 2002. – 131 с.
12. *Kress Gunther R.* Reading images: the grammar of visual design / Gunther Kress and Theo van Leeuwen. – London; New York: Routledge, 2006. – 321 с.
13. *Sternkopf Sylva-Michèle.* Language and Business International Communication Strategies in Saxon Small and Medium-Sized Companies Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) / Technischen Universität Chemnitz. – Chemnitz, 2004. – 377 с.
14. *Vasiloaia M.* Linguistic features of the language of advertising. – Romania: George Bacovia University, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[http://www.ugb.ro/etc/etc2009no1/s0804%20\(2\).pdf](http://www.ugb.ro/etc/etc2009no1/s0804%20(2).pdf) (дата обращения: 06.11.17).

References

1. *Begun V.V.* Reklamnyj slogan kak transformaciya kul'turnyh stereotipov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2010. – № 1 (7). – S. 31–37.
2. *Goryachev A.A.* Modelirovanie rechevogo vozdejstviya v reklamnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk / Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena. – SPb., 2010. – 296 s.
3. *Matasova O.V.* Zvukopodrazhatel'nye mezhdometiyanemeckogoyazyka. Fonosemanticheskij i semantiko-diahronicheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava. – Saratov, 2006. – 21 s.
4. *Rudnev V.P.* Slovar' kul'tury XX veka: klyuchevye ponyatiya i teksty. – M.: Agraf, 1997. – 384 s.
5. *Soboleva N.P.* Kontekstual'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinic v yazyke reklamy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet. – Kazan', 2015. – 25 s.
6. *Sorokin YU.A., Tarasov E.F.* Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funkciya // Optimizaciya rechevogo vozdejstviya. – M., 1990.
7. *Tomskaya M.V., Maslova L.N.* Lingvisticheskie gendernyye issledovaniya v otechestvennoj lingvistike // Russkij yazyk v sovremennom obshchestve: funkcional'nye i statusnye harakteristiki. – M.: INION RAN, 2005. – S. 104–132.
8. *Trajkovskaya N.P.* Izvlechenie implicitnoj informacii v reklamnom tekste s točki zreniya ego gendernyh osobennostej: dis. ... kand. filol. nauk. / MGU. – M., 2016 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_TraykovskayaNP_diss_10.02.04_80.pdf (data obrashcheniya: 06.11.17).
9. *Michela Canepari.* An Introduction to Discourse Analysis and Translation Studies. – Milano: EDUCatt, 2011. – 439 s.
10. *Dondis A.* Primer of Visual Literacy. – Cambridge: MIT Press, 1973. – 194 s.
11. *Angela Goddard.* The Language of Advertising : the Taylor & Francis e-Library, 2002. – 131 s.
12. *Kress Gunther R.* Reading images: the grammar of visual design / Gunther Kress and Theo van Leeuwen. – London; New York: Routledge, 2006. – 321 s.
13. *Sternkopf Sylva-Michèle.* Language and Business International Communication Strategies in Saxon Small and Medium-Sized Companies Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) / Technischen Universität Chemnitz. – Shemnitz, 2004. – 377 s.
14. *Vasiloaia M.* Linguistic features of the language of advertising. – Romania: George Bacovia University, 2009 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.ugb.ro/etc/etc2009no1/s0804%20\(2\).pdf](http://www.ugb.ro/etc/etc2009no1/s0804%20(2).pdf) (data obrashcheniya: 06.11.17).

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В РЕЧИ АВТОРА
(на материале немецкоязычного художественного текста)

Лексико-синтаксический повтор рассматривается в статье как явление, воплощающее авторский замысел и способствующее более адекватному восприятию текста читателем. В ходе критического анализа специальной литературы приведён и проанализирован ряд мнений отечественных лингвистов о концепции авторской речи. По результатам обработки материалов исследования, а именно текстов коротких рассказов немецких писателей XX–XXI веков, автором статьи предлагается собственная трактовка используемого понятия «лексико-синтаксический повтор» в ракурсе стилистики современного немецкого языка. В статье проводится анализ различных точек зрения отечественных лингвистов на особенности синтаксиса и семантики художественного текста. На основе широкого корпуса примеров использования лексико-синтаксических повторов, вписанных в микроконтексты коротких рассказов немецкоязычных авторов, наглядно продемонстрирована роль лексико-синтаксического повтора как средства структурного построения художественного текста автором и как инструмента обеспечения успешного восприятия и декодирования того же самого текста реципиентом.

Ключевые слова: повтор, лексико-синтаксический повтор, художественный текст, авторская речь, микроконтекст, анафора, эпифора, рамочный повтор, анадиплосис.

Цель данного исследования заключается в описании некоторых особенностей функционирования лексико-синтаксических повторов, обнаруженных нами в текстах произведений современной художественной литературы. Материалом исследования послужили короткие рассказы немецких авторов XX–XXI веков общим объемом 4500 страниц, из которых методом сплошной выборки было изъято 500 микроконтекстов, в которых зафиксированы лексико-синтаксические повторы разных типов.

Внимание концентрируется на лексико-синтаксических повторах, используемых в авторской речи немецкоязычных коротких рассказов. Уточним, что под лексико-синтаксическим повтором понимается *неоднократное воспроизведение в обозримом пространстве художественного текста (микроконтексте) некоторых лексико-синтаксических фрагментов.*

Читатель художественного текста находится в положении получателя определенной имплицитной информации. Задачей реципиента становится понимание интенции автора и восприятие его авторского «я». В тексте короткого рассказа лексико-синтаксические повторы становятся своеобразными шифрами и вспомогательными средствами. Об этом свидетельствует тот факт, что автор художественного произведения тяготеет к стилистическому использованию широкого спектра языковых средств. К ним традиционно относятся: многозначность слова, ресурсы словообразования (авторские неологизмы), эмоционально-экспрессивная лексика, средства стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, различные модификации повторов, инверсия).

А.Г. Поспелова обращает внимание на то, что для восприятия текста немаловажную роль играет его *стилистическая выразительность*. Если эле-

менты текста значимы как с точки зрения коммуникации, так и перцепции читателя, акт коммуникации может и должен пройти успешно [9, с. 84–85].

По замечанию Е.С. Троянской, *содержание высказывания* влияет на выбор языковых фактов, а в стиле художественной литературы *предметом высказывания* может служить в принципе всё, начиная от бытовой сферы и кончая наукой и политикой. Однако автор указывает на тот факт, что сферой художественной литературы является в основном *описание человека, отражение его внутреннего мира, взаимоотношений с другими людьми, его деятельность в самых разнообразных областях* [8, с. 20].

Отражением художественного мира писателя является набор языковых средств, которыми он оперирует при структурном и смысловом построении текста. Остановимся на средствах стилистического синтаксиса, встречающихся в авторской речи, а именно на *лексико-синтаксических повторах*. В ходе работы мы выяснили, что они способны не только обеспечить реализацию художественного замысла, но и успешно выступать идентификаторами прямого или косвенного прагматического воздействия на реципиента [3].

К типам общения, а значит и взаимодействия автора и читателя в рамках письменного художественного текста по Ю.М. Лотману относятся:

- общение между адресантом и адресатом;
- общение между аудиторией и культурной традицией;
- общение читателя с самим собой и с текстом;
- общение текста и культурного контекста [6, т. 1, с. 130].

Необходимо помнить, что важную роль играет именно процесс взаимодействия внутритекстовых компонентов и контекстуальной составляющей, которая обеспечивает понимание и интерпретацию текста реципиентом. Особенность структурно-се-

мантической организации немецкоязычного короткого рассказа связана с отсутствием в нем подразделения на главы и части. Схематически иерархия завершённых структур низшего и более высокого уровня моделируется следующим образом: предложение → абзац → текстовое целое.

Известно, что текстовое целое является источником для лингвистических исследований, изучения особенностей и закономерностей определённого языка. Исследовательница Ю.Н. Земская в учебном пособии «Теория текста» отмечает, что коммуникативно-прагматическая организация текста предполагает наличие таких значимых участников интраперсонального общения, как фигура говорящего (в рамках художественного текста это автор-повествователь) и фигура слушающего (читатель-реципиент). Это коммуникативно-прагматический уровень языковой личности – язык личности персонажей и повествователя. Образ автора – это своеобразный организационный центр композиции текста в целом. Он помогает т.н. *когезии* текста, то есть обеспечению его *глобальной связности*. Автор мыслится и присутствует в тексте, однако образ автора, имеющий своего автора, не должен приравниваться к личности автора (создателю, носителю образа) [5].

Кодирование речевого сообщения проходит сложный путь от мысли к развёрнутому высказыванию. Отправная точка для автора – *замысел, мотив*, то есть творческая потребность передать что-либо читателям. Эта потребность воплощается в четкую идею автора (их также может быть несколько), затем переходит в свое текстовое воплощение и декодируется с помощью рецептивно-перцептивных механизмов сознания реципиента.

М.М. Бахтин обращает внимание на проблему содержания определения «образ автора». Ипостасей автора, по мнению исследователя, несколько. Это первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором). «Для рассмотрения с точки зрения филологии важны первичный автор – *natura non creata que creat* (природа несотворенная и творящая), вторичный автор – *natura creata que creat* (природа сотворенная и творящая), а также образ персонажа – *natura creata que non creat* (природа сотворенная и нетворящая). Первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, то есть сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ» [1].

М.Я. Дымарский обращает внимание на важное лингвистическое явление так называемой *текстовой интерференции*. Распространение текстовой интерференции связано с усиливающейся персо-

нализацией повествования, т. е. с возрастающим перемещением точки зрения с нарраториального полюса на персональный. Персонализация подразумевает не только интроспекцию нарратора в сознание персонажа (которая, конечно, не исключена в нарраториальном повествовании), но также и перенос персональной точки зрения на уровень нарратора, прежде всего, в плане перцепции. Таким образом, персонализация иногда производит такое впечатление, будто нарратор сходит «со сцены», предоставляя свою повествовательную компетенцию персонажу [4].

Представляется, что при сохранении в тексте позиции того или иного повтора с усиливающейся персонализацией повествования происходит перемещение точки зрения с полюса автора-нарратора на полюс персональный.

В этом случае мы сталкиваемся с рецептивностью и, следовательно, процессом рецепции – активного восприятия формального содержания художественного текста читателем и перцептивностью – способностью понимать и анализировать содержание и смысл текста. Протекают оба процесса поэтапно.

Сначала автор переносит свои идеи и интенции на персонажа. Затем, на следующем этапе этой перцептивно-рецептивной трансляции, реципиент воспринимает формальную экспликуратуру текста и его информационное имплицитное содержание сквозь призму речи персонажа. Интересно отметить, что именно автор является безусловным носителем информации, а персонаж, отчасти и полностью вымышленный автором, выступает как инструмент передачи этой информации.

В ракурсе авторского стиля и в рамках текста источником важной информации, наряду с остальными средствами экспрессивного синтаксиса, выступают лексико-синтаксические повторы. Н.М. Разинкина утверждает, что индивидуальная стилевая окраска присутствует всюду, но при этом она подчинена чётким коммуникативным целям. В этом проявляется диалектика языка как открытой бесконечной системы, стремящейся к нормализации, к определённой стандартизации, которая необходима для адекватной передачи типовых моделей информации [7].

Фигуры речи, которые основываются на повторении звуков, морфем, словосочетаний и других синтаксических конструкций, относятся к понятию лексико-синтаксического повтора. Лексико-синтаксический повтор представлен в данной статье в виде наиболее распространенных стилистических фигур. Это *анафора, эпитифора, рамочная конструкция и анадиплосис*.

Анафора – стилистическая фигура, которая представляет собой повтор начал или единоначатие, т.е. повторение начальных частей слова или синтаксических единиц. Она часто встречается

как в поэтических, так и в прозаических произведениях. Роль анафоры заключается в повторении одних и тех же элементов в начале каждого стиха, предложения, абзаца. Анафора является средством выразительности речи и выполняет в тексте стилистическую функцию.

Абзацы или строфы в них начинаются одинаково, поскольку анафора сочетается с ритмом:

«*Ich werde dich verlassen müssen, sagt sie spielerisch und sieht ihm beim Essen zu, du bist der Falsche für mich. (...) Ich werde dich verlassen müssen, sagt sie, das wird ja doch nichts Rechtes mit dir*». *Elfriede Hammerl. Der Falsche. (Von Liebe und Einsamkeit)*

Эпифора – единый конец, т.е. повтор конечных элементов, встречается и в прозе, и в поэзии.

«*Sie muß sich erholen.*»

«*Und warum muß sie sich bei uns erholen?*»

«*Weil ich es so will*», rief Malwine, «*und damit Schluß*». (*Barbara Frischmuth. Bindungen*).

Рамочная конструкция или обрамление – начало и конец высказывания, небольшого текста, главы или даже тома и целой книги повторяются или же имеют общее семантическое или контекстуальное значение. Обрамление – типичное для немецкого языка средство выразительности. Рамка помогает автору наиболее полно отразить ход мыслей персонажа с целью прагматического воздействия на читателя.

«*Neun schwarze Buchstaben, lackblank, auf einem großen weißen Emailleschild mit vielen anderen unverständlichen schwarzbuchstabigen Worten. Er sah auf das Schild. Mein Name, dachte er. Ganz klar, ganz offensichtlich. Und in Lack und Emaille. Verrückt, dachte er, verrückt. In Lack und Emaille. Irrsinnig! Blödsinnig! Wahnsinnig! Er war in seinem sechszwanzigjährigen Leben zum ersten Male in Hamburg. Er war zum ersten Male in diesem Bahnhof, in dieser Bahnhofshalle, unter dieser blinden Bahnhofslampe, auf diesen stumpfen Bahnhofsfiesen. Und nun stand da, eben hier, wo er zum ersten Male war, sein Name. In Lack und Emaille. Ja, sein Name stand da plötzlich. Das heißt, nicht plötzlich, denn er mußte wohl schon länger so da stehen*». (*W. Borchert. Das Gesamtwerk. Billbrook*).

Подхват или анадиплосис – повторение конечных элементов в начале следующей фразы. Этот стилистический прием иллюстрирует связь между двумя идеями, влияет на экспрессивность высказывания. Как справедливо отмечают О.Д. Гакен и Ю.В. Копаркова, повтор такого рода также свидетельствует о цепной связи предложений в тексте и помогает автору в развитии повествования, позволяет создать размеренный, неторопливый ритм повествования, типичный для того или иного авторского идиостиля [2].

«*Und die Elbe? Die stinkt. Stinkt, wie eben das Abwaschwasser einer Großstadt stinkt: nach*

Kartoffelschale, Seife, Blumenvasenwasser, Steckrüben, Nachttöpfen, Chlor, Bier und nach Fisch und nach Rattendreck. Danach stinkt sie, die Elbe. Wie eben das Spülwasser von ein paar Millionen Menschen nur stinken kann. So stinkt sie aber auch. Und sie läßt keinen Gestank aus, der auf der Welt vorkommt». (*Wolfgang Borchert. Die Elbe*).

Подведем итоги.

1. В авторской речи современных немецкоязычных рассказов лексико-синтаксические повторы чаще всего выступают в виде таких стилистических фигур как *анафора*, *эпифора*, *рамочный повтор* и *анадиплосис*.

2. В исследуемом массиве микроконтекстов, представляющих фрагменты *авторской речи*, преобладающими являются *анафорические* лексико-синтаксические повторы.

3. Лексико-синтаксический повтор в рамках авторской речи немецкоязычного короткого рассказа может быть представлен в микроконтекстах различного объема.

4. Перцептивно-рецептивная компетентность реципиента играет важную роль в декодировании языковых единиц.

5. Лексико-синтаксические повторы в виде вспомогательных художественных средств не только демонстрируют яркий идиостиль автора, но и способствуют более адекватному восприятию того или иного текстового фрагмента читательской аудиторией.

5. Успешность коммуникации автора и читателя обуславливается в рамках текста двумя важнейшими факторами: способностью лексико-синтаксического повтора упорядочивать текст и делать его понятным для читателя; коммуникативно-прагматической предназначенностью повтора как языковой единицы, вписанной в определенный контекст, обеспечивать оптимальную смысловую наполненность текста.

Список источников

1. Wolfgang Borchert. Das Gesamtwerk. Rowohlt Verlag, 1991. – 354 S.
2. Barbara Frischmuth. Bindungen: und alle Erzählungen. Residenz Verlag, 2013. – 176 S.
3. Elfriede Hammerl. Von Liebe und Einsamkeit Verlag Kremayr & Scheriau, 2016 – 192 S.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. *Гакен О.Д., Копаркова Ю.В.* Некоторые лексико-стилистические особенности языка произведений З. Ленца // Теория и практика языка в высшей школе. Сборник научных статей. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2007. – С. 24–36
3. *Денисова А.К.* К вопросу о функциях синтаксических повторов в диалогической речи пер-

сонажей немецких коротких рассказов XXI века // В мире науки: вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения. Часть 2. Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 190–195.

4. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

5. Земская Ю.Н., Качесова И.Ю. Теория текста. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 233 с.

6. Лотман Ю.М. Избранные статьи I: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 472 с.

7. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. – М.: Высшая школа, 1989. – 181 с.

8. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. – М.: Наука, 1982. – 310 с.

9. Пospelova A.G. Возможные подходы к решению проблемы экспрессивности и эмоциональности слова и предложения // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. – Л.: Ленинградский государственный университет, 1985. – С. 102–109.

References

1. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – М.: Iskusstvo, 1986. – 445 с.

2. Gaken O.D., Koparkova YU.V. Nekotorye leksiko-stilisticheskie osobennosti yazyka proizvedenij

Z. Lenca // Teoriya i praktika yazyka v vysshej shkole. Sbornik nauchnyh statej. – Ivanovo: Izd-vo IvGU, 2007. – С. 24–36

3. Denisova A.K. K voprosu o funkciyah sintaksicheskikh povtorov v dialogicheskoj rechi personazhej nemeckih korotkih rasskazov XXI veka // V mire nauki: voprosy filologii, lingvodidaktiki i perevodovedeniya. CHast' 2. Voprosy filologii i perevodovedeniya: sb. nauch. st. / CHuvash. gos. ped. un-t; отв. red. N.V. Kormilina, N.YU. SHugaeva. – CHEboksary: CHuvash. gos. ped. un-t, 2017. – S. 190–195.

4. Dymarskij M.YA. Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX–XX vv). – М.: EHditorial URSS, 2001. – 328 с.

5. Zemskaya YU.N., Kachesova I.YU. Teoriya teksta. Uchebnoe posobie. – М.: Flinta, Nauka, 2010. – 233 с.

6. Lotman YU.M. Izbrannye stat'i I: v 3 t. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – Т. 1. – 472 с.

7. Razinkina N.M. Funkcional'naya stilistika. – М.: Vysshaya shkola, 1989. – 181 с.

8. Troyanskaya E.S. Lingvostilisticheskoe issledovanie nemeckoj nauchnoj literatury. – М.: Nauka, 1982. – 310 с.

9. Pospelova A.G. Vozmozhnye podhody k resheniyu problemy ehkspressivnosti i ehmcional'nosti slova i predlozheniya // Slovo i predlozhenie v strukturno-semanticheskom aspekte. – L.: Leningradskij gosudarstvennyj universitet, 1985. – S. 102–109.

САКРАЛЬНОЕ И ДЕСАКРАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*В статье представлен обзор современных теологических, философских, лингвистических исследований понятий «сакральное» и «десакральное» в языковом пространстве. Термин латинского происхождения **сакрас** определяет вектор духовного совершенствования и дает возможность определить понятие **сакрального** и **десакрального**. Все зависит от индивидуального выбора самой языковой личности: если она способна осознать вертикальный вектор познания языка, стремящегося к духовному совершенству, тогда мы ведем речь о сакральном; если же она сосредоточена на биологических, бытовых, социальных потребностях – тогда речь идет о десакральном пространстве. Точнее сказать, о горизонтальном векторе, сосредоточенном на профанном познании.*

В современном языкознании процесс десакрализации активно исследуется многими лингвокультурологами. Толчком для этого стали труды немецких теологов, которые определили данные понятия как метакатегории гуманитарного познания. Полезными, на наш взгляд, являются труды русских философов, таких как В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, П. Флоренский. Потембинская концепция утверждает, что языковые единицы при погружении в контекст социального словоупотребления теряют свое прежнее значение и свидетельствуют об обновленном доминантном значении. В статье сделана попытка анализа фрагмента использования сакрального понятия «Библия» в средствах массовой информации с целью установления обновленного доминантного значения. Употребление слова «Библия» в медиаресурсах отражает общую тенденцию, ведущую к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из сакральной сферы употребления в коммуникативную светскую среду, имеющую горизонтальный вектор десакрализации языкового пространства.

Ключевые слова: языковое пространство, сакральное, десакральное, Библия, духовное совершенство, вертикальный вектор языка, профанное познание.

Проблема сакрального является одной из важных в области гуманитарного знания. Сакральные ценности определяли направленность развития человеческого общества на протяжении нескольких тысячелетий. Эти ценности в разной степени нашли свое отражение в космоцентрических взглядах философов античности, теоцентрических системах Средневековья, антропоцентрическом мировоззрении гуманистов эпохи Возрождения и Нового времени.

Очевидно, что сам термин «сакрализация» имеет латинское происхождение (от лат. *sacralis*) и является родовым понятием к словам «священный», «святой». Исследования проблемы сакрального посвятили свои труды ученые различных западноевропейских стран. Среди них особое место занимают работы немецких ученых. В зависимости от исходных позиций в отношении к религии, труды немецких исследователей конца XIX – начала XX века, посвященные проблеме сакрального, можно условно поделить на три группы: 1) труды протестантских теологов; 2) труды мыслителей атеистической направленности; 3) труды ученых, в которых прямо не выражена принадлежность к конкретной религиозной конфессии.

Термин «сакральное» как концептуальное понятие было употреблено в конце XIX в. в трудах В. Смита, А. Юбера и М. Мосса. В XX столетии в качестве метакатегории гуманитарного знания понятие «сакральное» (священное), было использовано немецким ученым-неокантианцем В. Виндельбантом. Это понятие в сфере морали ученый выводит из совести как проявления нормативного сознания, связывая святыню с метафизической ре-

альностью, в которой открывается духовная основа жизни, сверхопытная связь личностей, которая относится к общему социальному сознанию.

Классиками в изучении сакрального признаны немецкий теолог Рудольф Отто и французский социолог Эмиль Дюркгейм: ими были сформулированы модели сакрального. Р. Отто развивал теологическую концепцию, которая была поддержана английским антропологом Робертом Мареттом и скандинавским религиоведом Натаном Зедербломом. Э. Дюркгейм, в отличие от своих предшественников, относивших сакральное к априорной религиозной реальности, сформулировал новый подход, в рамках которого сакральное – это знак поведения, обладающий собственной природой.

В русской религиозной философии конца XIX – начала XX века значительное внимание аспектам сакрального было уделено в трудах В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Франка, П. Флоренского. Они акцентировали внимание на морально-нравственном аспекте. Русские философы рассматривали сакральное в контексте православной традиции. В работе С.Л. Франка представлена разница между светской и духовной, священной сферами деятельности человека, подчеркивается исключительная важность священного начала как высшей ценности и смысла жизни. П. Флоренский, со своей стороны, утверждает, что культура служит предмету веры и определяет критерии служения наивысшему. Например, в «Антиномии языка» он пишет: «... в языке все живет, все течет, все движется... человек – творец языка, божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовною жизнью, изнутри... Языком мы можем

пользоваться, но отнюдь мы – не творцы его» [12, с. 113–119].

Потебнианская концепция понимала слово как живой организм, жизненным центром которого является «внутренняя форма». Первозданное слово-образ, вступая на исторический путь коммуникативных практик, по словам А.А. Потебни, постепенно утрачивает органическую связь с жизнью природного мира и трансформируется в имплицитную составляющую языка. Коммуникативные процессы погружают такое слово в контексты социального словоупотребления и взаимодействия между людьми. В результате стершаяся образность («забвение внутренней формы слова») становится основой для словообразовательных моделей. У слова формируются ряды лексических значений, отдельные аспекты которых уходят в прошлое, устаревают, а другие – становятся доминантными.

Проблематика языка и культуры в пространстве сакрального получила дальнейшее развитие в философском творчестве Н.О. Лосского, Б.Н. Вышеславцева, Л.П. Карсавина, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева и др.

Сакральный смысл представлен в речевой практике современных носителей русского языка, но в толковании многих культурологических понятий происходят семантические трансформации, ведущие к языковой десакрализации.

В философском словаре дается два определения понятия *десакрализация*: 1) «обесценивание священных образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок»; 2) обозначение сферы явлений, предметов, людей, относящихся к божественному, религиозному, связанных с ними, в отличие от светского, мирского, профанного [4, с. 34].

В настоящем исследовании принимается такая трактовка определения: языковая десакрализация – это утрата значимости и глубокого священного содержания в семантике слов, словосочетаний, фразеологических оборотов с целью обмирщвления понятий и их светского обесценивания в средствах массовой информации и в речевой практике носителей языка.

Проблема языковой «десакрализации» представлена в исследованиях последних десятилетий в работах Н.И. Коновалова «Сакральный текст как лингвокультурный феномен» (2007), Н.А. Воробьева «Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект» (2007), Т.Н. Бурмирова «Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект» (2008), И. В. Кирилова «Семантическое поле “Нечистая сила”: лингвокультурологический аспект» (2011), Н.А. Агапова «Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы» (2013), Е.С. Руденко «Концепты “прекрасное” и “безобразное” в немецкой лингвокультуре: диахрониче-

ский аспект» (2013), М.С. Берендеева «Структурные особенности религиозной концептосферы: на материале концептов жертвоприношение, молитва и подвиг» (2015) и др.

Т.В. Бурмирова утверждает, что в современной речевой практике употребляются толкования сакральных названий через профанные мотиваторы, смещения, сдвиги в интерпретации исходных значений фитонимов, с чем мы полностью согласны [2, с. 3]; Н.А. Воробьева, исследуя сакральную фразеологию, иллюстрирует процесс формального варьирования сакральных компонентов в составе фразеологизмов [3, с. 4]. Мы бы назвали это десакрализацией, поскольку у носителей языка происходит фиксация языковых форм и образов, к сожалению, уже десакральных, что ведет к потере взаимосвязи языка с духовной культурой народа. Народная примета, по мнению Н.И. Коноваловой, представляет собой сакральный текст как фрагмент русской языковой картины мира [8, с. 5]. Российские ученые активно осуществляют исследования сакральных компонентов языка и определяют степень их актуальности. Постигание сакрального требует огромной внутренней работы и умения подняться над суетностью своих действий и слов, поэтому человеку невыносимо сложно сопротивляться профанному познанию и прежде всего – уничтожению родного слова.

Больше двух тысячелетий назад в наш язык вошло слово греческого происхождения *Библия*. Эта книга оказала значительное влияние на формирование истории, языков и стала первым образцом массовой литературы. Целый свод трудов Ветхого и Нового Заветов состоит из 77 книг, христианской церковью они признаны Богодухновенными, так как написаны Святыми Отцами под воздействием и при помощи Духа Божьего. В течение полутора тысяч лет книги Ветхого и Нового Заветов неоднократно переводились более чем сорока различными авторами. По мнению маркетологов, Библия признана самым продаваемым и читаемым изданием всех времен и народов, среднегодовой объем продаж которого составляет 100 млн экземпляров [13, с. 34].

Многие библейские выражения, слова активно используются в современной речевой практике носителями современных языков. Внутренняя форма наполняется национальным миропониманием, а технический прогресс влияет на десакрализацию познания и воспроизведение в совершенно других, профанных смыслах. Ряд ученых, таких как Т.И. Вендина, О.А. Корнилов, А.Д. Шмелев подчеркивают многомерность параметров языковых картин в целом и частных ее фрагментах.

Каким же образом в современных медиаресурсах представлены названия светских книг, первой частью которых является сакральное слово *Библия*?

В книге «Библия бармена. Все о напитках» Ф. Евсеевского (2004) предложена рецептура алко-

гольных коктейлей (а их более 600), проиллюстрирована индустрия распития спиртных напитков, даны советы по оформлению и оснащению домашних баров водкой, вином, коньяком и др. С гордо произносимой профессией «бармена» – человека, стоящего у барной стойки и предлагающего в питейных заведениях ассортимент расслабляющих коктейлей, в названии книги используется сакральное слово «Библия». Возникает вопрос: неужели деструктивно-нравственные развлекательные заведения по-прежнему популяризируются, приобщая молодежь к алкоголю, а процесс негативной динамичности профанизации исследуемого понятия прогрессирует? [7, с. 4]. Ответ будет положительный, и это не вызовет недоумения, потому что слово *Библия* у многих на устах, так как называет первую книгу, но не многие знают, что она представляет Священный текст.

В 2006 году вышли в свет «Библия домашнего компьютера» В. Белунцева, «Библия хакера» М. Левина; в 2008 году – «Новейшая библия пользователя компьютера» А. Экслера, «Библия Delphi» М. Фленова др. В культурную коннотацию сакрального понятия *Библия* включается разнообразная информация, сопряженная с функционированием и применением домашнего компьютера – от решения офисных задач, использования интернета со всеми современными мультимедийными возможностями до подробного освещения технологий передачи данных, взломов протоколов интернет, раскрытия секретов безопасности [9; 16; 17]. Книги написаны в легкой манере, сложные для понимания сведения представлены в игровой и даже шуточной форме. Таким образом, авторы книг эксплицируют смысл сакрального понятия, который был и остается значимым как в момент возникновения, так и в век технического прогресса. Печальным фактом является то, что активные пользователи интернета свыкаются с профанным пониманием «Библии», «толерантно» воспринимают написанное и теряют правильное представление о мире. Ведь сакральное – это явление комплексное и передается различными вербальными кодами – текстами, языковыми формулами и др. Поэтому данные интерпретации по-новому представляют десакральное понятие «Библия».

Для любителей велосипедного вида спорта и правильного ухода за ним предлагается энциклопедия «Библия велобайкера. Полное иллюстрированное руководство по ремонту велосипеда» (2010), в которой авторы делятся опытом по ремонту тормозов, цепи, трещотки, колес, шатунов и др. [1, с. 4]. В языковом сознании читателей данного издания наблюдается противоположная тенденция, направленная на невыявление сакральных смыслов данного выражения. Поэтому от общего уровня лингвокультурной компетенции читателей зависят их сформировавшиеся стереотипы языкового и культурного сознания.

В названии книги А. Стрюкова «Библия для чайника» (2013) используются два несовместимых в духовном понимании сакрального и профанного понятий, при чем семантически трансформированное слово «чайник» называет человека, который является любителем в каком-то абсолютно новом для себя деле; соответственно, он мало что понимает, и в среде профессионалов довольно часто вызывает усмешки. В научно-популярном дискурсе для начинающих программистов автор использует противопоставление сакрального понятия «Бог» и сленгового употребления слова «отвали», чем способствует пейоративному семантическому сдвигу, то есть языковой десакрализации. В XXI веке новой эры человеческого существования невозможно удивить кого-то небывалым поэтическим образом, рифмой, строкой, стихом. Казалось бы, само это занятие – поэтическое творчество – должно отмереть как анахронизм, тем более в век торжества информационных технологий. Но А. Стрюков, используя поэтические строки, демонстрирует маркетинговый ход – коммерциализация научно-популярной литературы, обеспечивающей элементарные знания для пользования компьютеров, например: *...Но бог сказал: Не пощажу, Я слово данное держу. Так что на землю отвали И о пощаде не моли...* [13, с. 8].

На форуме «ЗадолбаЛи!» удивленные пользователи приводят пример короткого диалога между продавцом книжного магазина и мужчиной зрелого возраста. Девушка-продавец как продукт своего времени не совсем понимает значение слова *Библия*, чем вызывает гнев у потенциального покупателя.

Кроме приведенных выше примеров интернет предлагает и ряд других электронных изданий – «Библия автомобилиста», «Библия байкера» «Библия секса», «Библия триатлета» и др. [5; 10; 11; 15]. В результате анализа имеющегося исследовательского корпуса примеров можно сделать некоторые выводы положительного и отрицательного свойства, на которых остановимся ниже.

Маркетологи и специалисты по рекламе считают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам в СМИ. Чтобы заинтриговать и заинтересовать читателя, заголовки необходимо сделать максимально яркими и запоминающимися. В таком качестве часто используются трансформированные обороты, к ним публицисты прибегают с целью создания мощного эмоционального эффекта. Но есть и другие способы: устойчивые, эмоционально воспринимающиеся выражения или сакральные понятия легче воспринимаются и быстрее откладываются на подсознательном уровне – и делают свое дело в формировании потребительского отношения к жизни, культе денег и др. Отрицательного эффекта при этом намного больше: идет обесценивание священного понятия, и это не способствует популяризации

этимологии слова; происходит стилистическое снижение высоко духовного и религиозно-нравственного сакрального понятия *Библия*. В современной русской речевой практике слово *Библия* приобретает пейоративную (отрицательную), ироничную, шутивную окраску, что является непозволительным для нравственной нормы поведения в обществе.

Анализ современных употреблений слова *Библия* в медиаресурсах обнаруживает и другие тенденции к десакрализации этого понятия. Это выражается в двух следующих явлениях: 1. Расширение сочетаемости слова *Библия* за счет осмысления в терминах Библии таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо. 2. В эволюции концептуального содержания понятия *Библия* появляются «аксиологические аномалии», или «аномалии системы ценностей в “языке ценностей”» [14, с. 239–259].

К сожалению, употребление слова *Библия* в медиаресурсах отражает общую тенденцию, ведущую к снижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из сакральной сферы употребления в коммуникативную светскую среду.

Можно заключить, что язык является средством формирования и существования знаний человека в мире. Человеком в слове фиксируются результаты познания. Языковая картина мира каждого носителя языка формируется под влиянием представлений целого народа, под влиянием уже существующих образцов и мыслей, то есть стереотипов. Одним из способов закрепления сакрального смысла в слове является внутренняя форма понятия. «Библия» как сакральное понятие и Богодуховенная книга должна сохранять свое первоначальное наполнение, ведь Ей изначально был задан вертикальный вектор, направленный на развитие человека в сторону духовного совершенства. Но приобщение к сфере сакрального способствовало обратному процессу – десакральному, ведущему к профанизации современного языка. А личность получила свободу выбора – сакрального или десакрального – в языковом пространстве. А через ее выбор определяется смысл культурно-национальных коннотаций языкового пространства.

Библиографический список

1. Библия велобайкера. Полное иллюстрированное руководство по ремонту велосипеда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://velo.zt.ua/viewtopic.php> (дата обращения: 07.12.2017).
2. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 22 с.
3. Воробьева Н.А. Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 22 с.

4. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Т. 2. – Минск, 1999. – 253 с.

5. Джоанидис Пол. Библия секса. – М.: ЛитРес, 2013. – 1013 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/pol-dzhoanidis/bibliya-seksa/> (дата обращения: 07.12.2017).

6. Задолба! Ли: форум проекта «Килл Ми Плиз» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zadolba.li/> (дата обращения: 07.12.2017).

7. Евсеевский Ф. Библия бармена. Все о напитках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksgid.com/profession/> (дата обращения: 07.12.2017).

8. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 22 с.

9. Левин М. Библия для хакера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksgid.com/programmer/4388-biblija-khakera-2-knigi.html> (дата обращения: 07.12.2017).

10. Линдемманн М. Библия байкера. [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books> (дата обращения: 07.12.2017).

11. Прозоров А. Библия автомобилиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=mQTRAAAQBAJ&printsec=frontcov> (дата обращения: 07.12.2017).

12. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 79–421.

13. Стрюков А. Библия для «чайника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/a/aleksandr_strjukow/biblijadljachajnikow1-jtom.shtml (дата обращения: 07.12.2017).

14. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и др. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.

15. Фрил Джо. Библия триатлета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=8kPL7SLyTxAC&printsec> (дата обращения: 07.12.2017).

16. Фленов М. Библия для Delphi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksgid.com/programmer/4381-biblija-delphi.html> (дата обращения: 07.12.2017).

17. Экслер А. Библия для «чайника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.booksgid.com/operating_systems_databases/38160-novejshaja-biblija-polzovatelja.html (дата обращения: 07.12.2017).

References

1. Bibliya velobajkera. Polnoe illyustrirovannoe rukovodstvo po remontu velosipeda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://velo.zt.ua/viewtopic.php>.
2. Burmistrova T.N. Sakral'naya fitonimiya: lingvokulturologicheskij aspekt: avtoref. dis. ...

kand. filol. nauk. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008. – 22 s.

3. Vorob'yova N.A. Russkaya sakral'naya idiomatika: lingvokul'turologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007. – 22 s.

4. Gricanov A.A. Novejshij filosofskij slovar'. T. 2. – Minsk, 1999. – 253 s.

5. Dzhoanidis Pol. Bibliya seksa [EHlektronnyj resurs]. – M. LitRes, 2013. – 1013 s. – Rezhim dostupa: <https://www.litres.ru/pol-dzhoanidis/bibliya-seksa/>.

6. Zadolba! Li: forum proekta «Kill Mi Pliz» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zadolba.li/>

7. Evseevskij F. Bibliya barmena. Vse o napitkah [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.booksgid.com/profession/>.

8. Konovalova N.I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007. – 22 s.

9. Levin M. Bibliya dlya hakera [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.booksgid.com/programmer/4388-biblija-khakera-2-knigi.html>.

10. Lindemann M. Bibliya bajkera. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://books.google.com.a/books>.

11. Prozorov A. Bibliya avtomobilista [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://books.google.com.ua/books?id=mQTRAAAQBAJ&printsec=frontcov>.

12. Florenskij P.A. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii. – M.: Mysl', 2000. – S. 79–421.

13. Stryukov A. Bibliya dlya «chajnika» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://samlib.ru/a/aleksandr_strjukow/biblijadljachajnikow1-jtom.shtml.

14. Radbil' T.B. YAzykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i dr. – M.: Flinta, 2012. – 322 s.

15. Fril Dzho. Bibliya triatleta [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://books.google.com.ua/books?id=8kPL7SLyTxAC&printsec>.

16. Flenov M. Bibliya dlya Delphi [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.booksgid.com/programmer/4381-biblija-delphi.html>.

17. EHksler A. Bibliya dlya «chajnika» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.booksgid.com/operating_systems_databases/38160-novejshaja-biblija-polzovatelja.html.

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Мингалева Ольга Викторовна

Военная Академия Генерального штаба ВС РФ,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
Olgamingaleva27@mail.ru

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу важной роли экстралингвистических знаний в процессе перевода. На основе примеров авторы статьи показывают прямые отсылки к экстралингвистической ситуации, ставшей основой фразеологизма, так как в структуре каждого из приводимых фразеологизмов имеется компонент, «взятый» из описываемой ситуации непосредственно. В статье подчеркивается, что многие фразеологизмы представляют собой как бы застывшую «картинку», взятую из реальной действительности. Правильное понимание фразеологических единиц базируется на конкретном знании внеязыковой реалии. Перевод фразеологизмов строится на актуализации имплицитных семантических признаков и невозможен без определенной культурной эрудиции.

Ключевые слова: лингвокультурология, экстралингвистическое знание, фразеологические единицы, ситуация, перевод.

Экстралингвистические знания имеют весьма важное значение в процессе перевода. Рассмотрим это на основе фразеологических единиц, показывающих отражение специальных экстралингвистических знаний, которые относятся к различным областям человеческой жизнедеятельности. Так, например, в значении метафор «black ink», «red ink», а также дериватах таких фразеологических единиц, как «to put in the red», «(to be) in the black», «to go into the red», «to come/get out of the red» находят отражение экстралингвистические знания о том, что в бухгалтерии было принято делать запись о доходах, используя черные чернила, тогда как убытки записывали красными чернилами.

Сейчас эта профессиональная практика претерпела определенные видоизменения, поскольку в настоящее время красным цветом отмечаются исправления со знаком «минус». В этой связи справедливости ради необходимо отметить, что для специалистов сферы экономики декодирование понятий, обозначаемых вышеприведенными нами фразеологизмами «black ink» и «red ink» не представляет никакого труда, чего нельзя сказать о людях, не знакомых с азами бухгалтерии.

Такая фразеологическая единица, как «poverty trap» на первый взгляд представляется весьма легкой для перевода из-за кажущейся прозрачности значения. Однако здесь возможна ложная интерпретация при условии игнорирования конкретной экстралингвистической ситуации. Истинное значение этого фразеологизма – «положение, когда в бедной семье, ранее жившей на пособие по безработице, кормилец находит работу и начинает получать заработную плату, которая ниже бывшего пособия по безработице» – имеет реализацию только применительно к ситуации, связанной с получением пособия по безработице. Вне данного экстралингвистического знания значение фразеологической

единицы «poverty trap» могло бы быть определено, например, как «невозможность подняться выше уровня нищеты».

Этот признак действительно имеет отражение в структуре значения фразеологической единицы «poverty trap», но при этом является лишь частью этой структуры, не отражая всей полноты значения. Далее приведем еще примеры фразеологических единиц, в основе значений которых находится информация, полученная людьми, которые хорошо знакомы с англоязычной лингвокультурой. Так, например, для людей из английского языкового социума не представляет особого труда декодирование значения такой фразеологической единицы, как «to keep up with the Joneses», которая переводится как «жить не по средствам, стараясь не отстать от соседей». Фамилия «Jones» является одной из самых распространенных фамилий в Великобритании и в указанном фразеологизме выступает в качестве собирательного образа соседей и социально равных слоев.

Наиболее ярко лингвокультурные особенности мировидения и миропонимания окружающей нас реальной действительности находят проявление в системе образов, которые отражаются в человеческой повседневной культуре и используются в таких устойчивых сравнениях как «неповоротливый как медведь», «глупый как баран», «ласковый как кошка», «трусливый как заяц», «верный как собака», «трудолюбивый как лошадь», «хитрый как лиса», а также в других подобных устойчивых сравнениях.

Сначала тем или иным животным приписываются конкретные определенные свойства на основе человеческого повседневно-культурного опыта, а затем сравнения становятся своеобразными эталонами и образами, представляя образцы человеческих свойств. Подобным примером отражения имплицитных характерных для американского

лингвокультурного языкового сознания эталонных образцов является такая фразеологическая единица, как «fat cat», которая переводится как «денежный мешок, богач-толстосум, думающий лишь о выгоде для себя». Эта фразеологическая единица, отражая американское лингвокультурное сознание, подчеркивает такое качество, как «жадность».

В некоторых случаях сложно сразу же выявить метафорическую мотивацию. Это может быть объяснено тем обстоятельством, что образ фразеологической единицы лежит в сфере этимологии, и бывает трудно определить, из чего появилась та или иная конкретная фразеологическая единица. Поэтому в подобных случаях помогают более глубокие экстралингвистические знания, извлекаемые из памяти. Речь здесь идет об аллюзивной лексике, адекватное восприятие и правильное использование которой возможно только при знании первоисточника. Таковыми являются басни, мифы, сказки, легенды, сказки, песни и т.п.

В этом случае между единицей исходного контекста и ее новым метафорическим значением устанавливается сложная когнитивная связь [1, с. 179; 4, с. 293–307; 5, с. 12–18; 6, с. 43–47]. Без точного знания этимологии этих фразеологизмов невозможно их правильное восприятие, и, следовательно, коммуникативная цель не может быть достигнута, хотя в ходе следования за общей идеей высказывания и может возникнуть «смутное» понимание таких фразеологизмов на основе контекстуальной догадки.

Речевой акт может полностью состояться, только если реципиент обладает той же культурной эрудицией, которую предполагает у него отправитель. В противном случае, речевой акт состоится, но не полностью. Например, понимание значения фразеологизма «Tom Tiddler's ground», употребляемой в значении «место легкой наживы», требует знания о том, что это слова из детской игры, содержащей песню с такими словами: «Here we are on Tom Tiddler's ground Picking up gold and silver» (Можно сравнить с «полем чудес»). Общий признак «место для получения денег» связывает первоначальное значение выражения «Tom Tiddler's ground» с нынешним фразеологическим значением этого словесного комплекса.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать на примере фразеологизма «to shake the pagoda-tree», восходящего к индийской легенде о волшебном дереве, на котором растут монеты («pagoda» – это название золотой, реже серебряной монеты, равной примерно семи шиллингам). Общий признак «быстро обогатиться в Индии» связывает первоначальное значение данного словосочетания с его современным значением.

Значение метафоры «pumpkin time» (a moment at which a period of unusual prosperity comes to an end with sudden return to a previous state) отсылает

получателя этого сообщения к сказке о Золушке. Общий признак, актуализирующийся в метафоре с помощью апелляции к экстралингвистическим знаниям – это «внезапность возвращения к состоянию бедности».

Встречаются также фразеологизмы, представляющие собой не аллюзию в чистом виде, а содержащие как бы «подсказку» для декодирования аллюзии. Речь идет о таких фразеологизмах, как «to be as poor/bare as Job». Совершенно очевидно, что речь идет о бедности, так как фразеологизм содержит в своей структуре компонент, в буквальном значении которого реализуется данная «подсказка».

Однако полностью речевой акт, в котором «участвует» такая ФЕ, может состояться только при условии, если реципиент обладает достаточно высоким образовательным уровнем, и поймет, что под библейским персонажем Иовом подразумевается некто, кто как Иов обнищал, но при этом сохранил свое достоинство. От обладания реципиента этой экстралингвистической информацией и зависит объем выполнения коммуникативной задачи.

Как известно, высокой аллюзивной потенцией обладают в языковом социуме омонимы – имена людей, клички животных, географические названия, названия исторических событий и т.д. Ономастическая лексика, занимающая заметное место среди единиц с национально-культурным компонентом семантики, образует промежуточную область. Например, биржевой крах 19 октября 1987 года, когда индекс Доу Джонса упал ниже отметки 22,6%, вошел в речевое использование под названием «Black Monday». Позднее признак «крайне тяжелый в финансовом отношении день» «вычленился» из структуры омонима и реализовался в новом, нарицательном значении.

Таким образом, понимание фразеологизмов зависит от знания экстралингвистических факторов, представляющих как универсальные знания о мире, так и специфичных для представителей англоязычных культур (в первую очередь, Великобритании и США). Перевод фразеологизмов строится на актуализации имплицитных семантических признаков и невозможен без определенной культурной эрудиции.

Библиографический список

1. Попова Т.Г. Метафора в концептуальной системе // Языки и культуры в современном мире: XI Международная конференция Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). Постоянное представительство России при ЮНЕСКО. Посольство Российской Федерации во Франции (г. Париж). Российский центр науки и культуры в Париже. – Париж, 2014. – С. 178–187.
2. Collins Cobuild – Dictionary of Idioms. – Publisher: Heinle ELT, 2005. – 512 p.

3. *Общелексический англо-русский словарь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diclib.com> (дата обращения: 06. 02.2018).

4. *Beardsley M. The Metaphorical Twist // Philosophy and Phenomenological Research.* – Vol. 29. № 3. – London, 1962. – P. 293–307.

5. *Benveniste E. L'appareil formel de l'enonciation // Langages – 1970.* – №17 – P. 12–18.

6. *Black M. Models and metaphors.* Ithaca. – N.Y.: Cornell University Press, 1996. – 251 p.

References

1. *Popova T.G. Metafora v konceptual'noj sisteme // YAzyki i kul'tury v sovremennom mire: XI Mezhdunarodnaya konferenciya Nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki (NOPriL).*

Postoyannoe predstavitel'stvo Rossii pri YUNESKO. Posol'stvo Rossijskoj Federacii vo Francii (g. Parizh). Rossijskij centr nauki i kul'tury v Parizhe. – Parizh, 2014. – S. 178–187.

2. *Collins Cobuild – Dictionary of Idioms.* – Publisher: Heinle ELT, 2005. – 512 p.

3. *Obsheleksicheskiy anglo-russkiy slovar' [EHlektronnyj resurs].* – Rezhim dostupa: <http://www.diclib.com> (data obrashcheniya: 06. 02.2018).

4. *Beardsley M. The Metaphorical Twist // Philosophy and Phenomenological Research.* – Vol. 29. № 3. – London, 1962. – P. 293–307.

5. *Benveniste E. L'appareil formel de l'enonciation // Langages – 1970.* – №17 – P. 12–18.

6. *Black M. Models and metaphors.* Ithaca. – N.Y.: Cornell University Press, 1996. – 251 p.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И СМЫСЛОВОЙ СИНТЕЗ

Смысловой синтез не имеет единой общепризнанной трактовки и нуждается в специальном научном обсуждении этого, вне всякого сомнения, важного лингвистического вопроса. Одной из важнейших в науке тенденций является ныне рассмотрение смысла как процессуального понятия. Автор статьи понимает феномен дискурсивного смысла как синтез смыслов участников коммуникативного акта – адресанта и адресата. В статье дискурсивный смысл рассматривается как результат функционального и смыслового синтеза, а речевой акт анализируется как сложное соединение процесса продуцирования высказывания и специфического восприятия речи субъектом. На основе анализа практического материала автор статьи приходит к выводу, что синтез смыслов в диалогическом дискурсе имеет непосредственно интерактивный, коммуникативный, а также явно выраженный динамический характер.

Ключевые слова: коммуникация, адресат, адресант, смысл, синтез, дискурс, высказывание.

Исследование смыслового синтеза проводится в различных областях знаний и в таких языковедческих направлениях, как теория коммуникации, лингвистика текста, лингвопрагматика, интерпретация, лингвосомиотика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и т.д. Так, например, такая область знаний, как психолингвистика изучает вопросы речевой деятельности на примере самых различных текстов. Что касается когнитивной лингвистики, то эта отрасль знаний выявляет и анализирует когнитивные механизмы и операции, которые имеют место при восприятии текстов.

В понятии «дискурс» помимо интерактивного, коммуникативного, а также динамического характера языка заложена и информация об экстралингвистических факторах, о чем упоминает в своем труде Т.Г. Попова [6, с. 476]. Таким образом, при подобной точке зрения у исследователей произведений языка имеется возможность выявлять и анализировать целый ряд важных вопросов когнитивного, прагматического, психологического, культурного, исторического и социального характера, тем самым имея возможность выхода за область лишь узко языковедческого понимания произведения языка.

Дискурс, вне всякого сомнения, обладает значением – элементом общественного опыта, который закреплен за знаком. Смысл выражения мыслей индивида представляет собой системно организованную составляющую личностно-деятельностных интенций, которые формируются в языковом сознании участников коммуникативного акта в соответствии с порождаемыми ими высказываниями как материально-знаковой системой. Если говорить о синтезе смыслов, то необходимо особо подчеркнуть, что смысл порождается в реальном акте речевого общения адресата и адресанта. И здесь нельзя не учитывать тот факт, что природа смысла находится между окружающей действительностью и непосредственно сознанием человека, что основанием смысла всегда выступает творчество личности, по-своему воспринимающей и преобразующей окружающей мир.

Так, под смыслом высказывания мы понимаем «организованную совокупность индивидуально-деятельностных, личностных, в том числе и ситуативно-определенных элементов значений и одновременно их целостность, которая формируется в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой» [2, с. 59].

При проведении анализа свойств высказывания, которые представляют собой особую значимость для коммуникативной интеракции, приведем диалог, взятый нами из четвертой главы «Глория» начинающей игру» детективного произведения Ф. Незнанского «Главный свидетель»:

– *Значит, Вы, Филипп Кузьмич, из той «Глории», о которой мне рассказывал Юрий Петрович? Тогда все ясно. А Вы сами виноваты, надо было сразу и сказать. Ну, а как же еще?*

– *Вы, возможно и правы, но не будем терять время. Меня можете представить своей мачехе в качестве помощника Юрия Петровича, У адвокатов его уровня бывают помощники. Вот я – один из них. Ваша задача – познакомить меня с Юлией Марковной, изобразить что-нибудь этакое – с большим апломбом, а затем можете оставить нас вдвоем. Вероятно, и она сама захочет более подробно узнать о наших планах.*

– *То есть я должна понимать так, что Вы мне отводите роль подсадной утки?*

– *Юра говорил, что Вы – умница и все чувствуете очень верно. А это нам с ним нужно для того, чтобы выяснить причину их, я имею ее и Носова – старшего, интереса к этому делу. Вот и Вы недавно сказали мне, что едва Юлия Марковна услышала об Андрее, как тут же бросила все свои дела и заботы о здоровье, разве не так?*

– *Все правильно, именно так. А Вы думаете, что они захотят нам помешать?*

– *Заметьте, Вы об этом сказали первая [4].*

Как мы видим на этом примере, определенная часть окружающей реальности, с которой отправитель речи коррелирует как свою интенцию, так и непосредственное вербальное поведение, уже

имеет отражение в его коммуникативном послании. Так, например, вопрос Лидии: «Ну, а как же еще?» содержит непосредственную корреляцию с такими репликами, как: «Значит, Вы, Филипп Кузьмич, из той “Глории”, о которой мне рассказывал Юрий Петрович? Тогда все ясно» и «А Вы сами виноваты, надо было сразу и сказать», которые она высказывает ранее.

Однако вопрос Лидии «Ну, а как же еще?» является еще и своеобразным мостом между тем, что она уже сказала и между тем, что она собирается еще сообщить: «То есть я должна понимать так, что Вы мне отводите роль подсадной утки?» и «А Вы думаете, что они захотят нам помешать?».

Остальные немаловажные реплики персонажей коммуникативного сообщения Филиппа и Лидии имеют общий денотат с ярко выраженным смыслом. Отметим при этом, что данное значение представляет собой хорошо выраженную смысловую систему диалогического дискурса.

Как видно на примере приведенного нами диалогического дискурса в речи коммуникантов помимо всего прочего имеет место актуализация внимания и актуализация действия. Актуализация внимания направлена на привлечение внимания адресата к наиболее важной части высказывания, тогда как актуализация действия имеет место благодаря перестановке субъекта действия на второй план и выдвигания на первый план самого действия.

Из целого арсенала речевых средств участники коммуникативного акта в процессе общения выбирают те или иные конкретные языковые средства, которые ему необходимы для адекватного и полного раскрытия мыслей и идейного содержания предполагаемого высказывания.

Таким образом, синтез смыслов в приведенном нами диалогическом дискурсе имеет непосредственно интерактивный, коммуникативный, а также и явный динамический характер. Это объясняется и тем обстоятельством, что все приведенные нами реплики диалогического дискурса имеют конкретную объединяющую целостную область референции. Тем не менее, они представлены как разные субъекты с непохожими коммуникативными намерениями и, следовательно, в них наличествует несхожая индивидуальная модальность.

Основной мотивирующей силой участников коммуникативного акта в приведенном нами диалоге является индивидуальная потребность каждого персонажа. О подобной потребности пишет Т.Г. Попова, отмечая, что «именно те или иные потребности являются причиной того, что человек для их реализации вынужден определенным образом использовать имеющиеся у него языковые и невербальные возможности. Обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, человек извлекает необходимый кластер по-

нятий и концептов, облакает их в языковые формулы и, тем самым, особым способом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс, соположенный той или иной потребности или несколькими потребностям сразу» [7, с. 273–275].

М. Волоскович подчеркивает, что «гибридность и синкретичность знаковых образований чаще указывает на результат смешения семиотических свойств разных по своей природе знаков, креолизация – на сам процесс смешения, в то время как в термине полимодальность подчеркивается изначальная способность знаков к комбинированию с другими знаками в рамках комплексных семиотических образований» [1, с. 12].

Значение высказываний персонажей приведенного нами детективного произведения содержится в их сознании, а не столько в высказываниях как системно организованных графических и акустических знаках. В этой связи приведем точку зрения А.И. Новикова [5, с. 38], к которой он приходит, подробно анализируя семантику текста и ее формализацию. Точка зрения А.И. Новикова сводится к тому, что «кроме непосредственно выраженной информации, в содержание текста включается также информация, имеющаяся в опыте субъекта, на основе которой это содержание приобретает целостность» [5, с. 40–41].

При анализе этого диалога в речи участников диалогического акта мы выделяем референт, т.е. денотат, который направлен на обозначение факта реальной действительности. Кроме этого, высказывание в своей семантической основе имеет смысл, т.е. сигнификат, который коррелирует с суждением о факте действительности. В этой связи мы приведем точку зрения Ю.С. Степанова [8, с. 438], который подчеркивает, что субъект, т.е. подлежащее, является референтным и денотативным, тогда как в предложении предикат, т.е. сказуемое, является сигнификатом.

В приведенном нами выше диалогическом высказывании, взятом из детективного произведения Ф. Незнанского «Главный свидетель», мы видим, что в коммуникативном акте передаваемая Филиппом информация имеет самое прямое отношение к его точке зрения, которую он сообщает Лидии [4]. При этом в коммуникативном сообщении синтез смысла модальности оказывает непосредственное влияние на эмоциональный смысл.

Это немаловажное обстоятельство может быть объяснено тем, что смыслом сообщения является непосредственно компонентная составляющая индивидуально-деятельностных элементов значений. Сюда мы относим как целостно представленные составляющие, так и ситуативные смысловые элементы.

Что касается субъективной модальности, «которую иногда называют модальностью истинно-

сти, то необходимо подчеркнуть, что данный тип модальности в речевом акте выражает оценку отправителем степени информированности о возможных, необходимых и действительных связях. Говоря иными словами, необходимо отметить, что субъективная модальность в речевом акте призвана отражать степень достоверности точки зрения о той или иной конкретной ситуации. При этом мы уточним, что говоря о достоверности, мы имеем в виду категорическую, проблематическую и простую достоверности» [3, с. 189].

Таким образом, мы приходим к заключению, что дискурсивный смысл представляет собой важную интенцию и смысл адресата и адресанта как участников непосредственного коммуникативного сообщения. При этом синтез смыслов имеет динамический, коммуникативный, а также и интерактивный характер. Значение в нашем понимании представляет собой элемент общественного опыта, который закреплен за знаком. Следовательно, способность знаков выполнять важную различительную функцию сводится к тому, что в пределах языковой системы сам знак имеет отличие либо в целом, либо посредством другого частного знака.

Библиографический список

1. Волоскович А.М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 188 с.
2. Князева Е.Г. Синтез смыслов // Структурная метафизика языка и феноменология речевого дискурса: критерий системных интерпретаций: Материалы IX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. – М.: ИД «Международные отношения», 2015. – С. 59–65.
3. Князева Е.Г. Выражение субъективной модальности в речи коммуниканта // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 189–192.
4. Незнанский Ф.Е. Главный свидетель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litportal.ru/avtory/fridrih-neznanskiy/read/page/5/kniga-glavnyy-svidetel-41633.html> (дата обращения: 19.12.2017).
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
6. Попова Т.Г. Культурологический аспект межъязыковой коммуникации. Язык. Культура. Речевое общение. – М., 2010.
7. Попова Т.Г. Категория информативной насыщенности юридического дискурса // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам и переводу в вузе. Материалы международной конференции. – М., 2011. – С. 273–275.
8. Степанов Ю.С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., Советская энциклопедия, 1990. – С. 438–440.

References

1. Voloskovich A.M. Kognitivnye i semioticheskie aspekty vzaimodejstviya komponentov polimodal'nogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2012. – 188 s.
2. Knyazeva E.G. Sintez smyslov // Strukturnaya metafizika yazyka i fenomenologiya rechevogo diskursa: kriterij sistemnyh interpretacij: Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikacii. – M.: ID «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2015. – S. 59–65.
3. Knyazeva E.G. Vyrazhenie sub"ektivnoj modal'nosti v rechi kommunikanta // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – S. 189–192.
4. Neznanskiy F.E. Glavnyj svidetel' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://litportal.ru/avtory/fridrih-neznanskiy/read/page/5/kniga-glavnyy-svidetel-41633.html> (data obrashcheniya: 19.12.2017)
5. Novikov A.I. Semantika teksta i ee formalizaciya. – M.: Nauka, 1983. – 216 s.
6. Popova T.G. Kul'turologicheskij aspekt mezh"yazykovoj kommunikacii. YAzyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. – M., 2010.
7. Popova T.G. Kategoriya informativnoj nasyshchennosti yuridicheskogo diskursa // Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam i perevodu v vuze. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. – M., 2011. – S. 273–275.
8. Stepanov YU.S. Semantika // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. – M., Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. – S. 438–440.

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМ
ТИПИЧНЫЙ, ТИПИЧЕСКИЙ, ТИПОВОЙ

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей семантики и функционирования прилагательных *типичный, типический, типовой*. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в рамках изучения семантики типичности в русском языке, важной, в свою очередь, для лингвистического осмысления процессов когнитивной категоризации. На основе анализа данных толковых словарей русского языка и материалов Национального корпуса русского языка автор выявляет интегральные и дифференциальные семы рассматриваемых прилагательных, применяя методы компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа. В результате автор приходит к выводу о том, что наибольшее количество значений выявляется у слова *типичный*, наименьшее – у слова *типовой*. Прилагательное *типический* в современной речи не обладает ярко выраженной семантической спецификой, осознаётся как устаревшее и в ближайшее время, скорее всего, будет полностью вытеснено прилагательным *типичный*.

Ключевые слова: семантика типичности, когнитивная категоризация, паронимы, компонентный анализ, дистрибутивный анализ, контекстуальный анализ, современный русский язык.

Данная статья представляет фрагмент исследования, посвящённого изучению семантики типичности и основных средств её выражения в русском языке.

Актуальность изучения семантики типичности связана с необходимостью исследования процессов когнитивной категоризации в их вербальном выражении. По определению В.А. Масловой, категоризация – это «структурирование мира, акт отнесения слова/объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса». При категоризации учитываются только существенные свойства сходных явлений» [7, с. 32]. Это значит, что при категоризации большую роль играет подведение того или иного объекта под тип – «образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений» [4, с. 775]. Дж. Лакофф подчёркивает: «Рассуждение на основе типичных случаев является одним из важнейших аспектов человеческого мышления. Наши обширные знания о типичных случаях ведут к прототипическим эффектам» [5, с. 123].

При изучении семантики типичности на материале русского языка нельзя обойти вниманием тот факт, что в русском языке существуют три прилагательных (суффиксальных паронимов), образованных от существительного *тип*: *типичный, типический* и *типовой*.

Цель настоящей статьи – попытаться выявить дифференциальные и интегральные семы у прилагательных *типичный, типический* и *типовой* на основе анализа словарных толкований и примеров функционирования этих слов в речи.

Материалом исследования выступают семь толковых словарей современного русского языка [4; 6; 9–13], а также 2 320 примеров, извлечённых из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Для достижения поставленной цели были использованы методы компонентного, дистрибутив-

ного и контекстуального анализа. На отдельных этапах работы использовался количественный метод.

Прежде всего обратимся к данным толковых словарей. Для удобства обобщим представление исследуемых прилагательных в словарях в виде таблицы (табл. 1). Названия словарей в таблице даны в сокращённом виде и сопровождаются ссылкой на номер словаря в библиографическом списке.

Прокомментируем полученные результаты.

Все три анализируемые лексемы представлены в шести словарях из семи – в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина [4] отсутствует прилагательное *типовой*. В основном у всех прилагательных словарями выделяется по 2 значения, за исключением трёх значений у слова *типичный* в МАС [11] и одного значения – в СУ [12]; трёх значений у слова *типический* в СУ [12]; одного значения у слова *типовой* в словаре Л.П. Крысина [4].

Для прилагательного *типичный* все семь словарей называют в качестве основного значение «обладающий особенностями, свойственными какому-н. типу, характерный». Дополнительно отмечаются значения «самый настоящий, ярко выраженный», «часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для кого-, чего-л.» и «обнаруживающий общее, типичное в частном, индивидуальном».

Прилагательное *типический* во всех семи словарях имеет отсылочное толкование «то же, что типичный», обычно с пометой *устар.* Также оно определяется через отсылку к значению слова *тип* и через сходное значение «являющийся типом, образцом, моделью для чего-л.» В БАС данная лексема определяется также через значение «обнаруживающий общее, типичное в частном, индивидуальном» [10], а в СУ – через отсылочное определение «то же, что *типовой*» [12].

Прилагательное *типовой* в пяти словарях (из шести, в которых оно присутствует) имеет определение «соответствующий, присущий определён-

Семантика прилагательных *типичный*, *типический*, *типовой* по данным толковых словарей русского языка

Лексема в словарях Значение	типичный							типический							типовой							
	БАС [10]	МАС [11]	СУ [12]	СОШ [9]	Шв [13]	Лоп [6]	Кр [4]	БАС [10]	МАС [11]	СУ [12]	СОШ [9]	Шв [13]	Лоп [6]	Кр [4]	БАС [10]	МАС [11]	СУ [12]	СОШ [9]	Шв [13]	Лоп [6]	Кр [4]	
1. Обладающий особенностями, свойственными какому-н. типу, характерный	+	+	+	+	+	+	+															
2. Самый настоящий; ярко выраженный				+	+																	
3. Часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для кого-, чего-л.		+				+	+															
4. Обнаруживающий общее, типичное в частном, индивидуальном	+	+						+														
5. См. <i>тип</i>											+	+		+				+	+			
6. Являющийся типом, образцом, моделью для чего-л.									+	+			+		+	+	+				+	
7. Соответствующий, присущий определённому образцу, типу, стандартный															+	+	+	+	+			
8. То же, что <i>типичный</i>								+	+	+	+	+	+	+								
9. То же, что <i>типовой</i>										+												

ному образцу, типу, стандартный’. Также оно, как и прилагательное *типический*, определяется через отсылку к значению слова *тип* и значение ‘являющийся типом, образцом, моделью для чего-л.’.

Судя по данным словарей, наиболее чётко противопоставлены друг другу прилагательные *типичный* (‘характерный’, ‘настоящий’, ‘часто встречающийся’, ‘ярко выраженный’, ‘обычный’, ‘общий для разных’) и *типовой* (‘стандартный’, ‘присущий образцу’, ‘являющийся образцом’); значение прилагательного *типический* находится словно бы «на пересечении» смыслов, свойственных словам *типичный* и *типовой* и противопоставляется каждому из них нестрого (в частности, толкуется как ‘то же, что типичный’ и ‘то же, что типовый’).

Далее обратимся к материалам НКРЯ [8]. Наиболее употребительным, по данным Корпуса, является прилагательное *типичный* (1 290 контекстов, 1 777 употреблений), на втором месте находится

прилагательное *типовой* (257 контекстов, 444 употребления), реже всего в речи используется форма *типический*, в настоящее время осознающаяся как устаревшая, что отмечается словарями (75 контекстов, 99 употреблений). Обращение в рамках НКРЯ к такому параметру автоматической обработки материала, как «распределение по годам», позволяет выявить, что прилагательное *типичный* за последние 200 лет демонстрирует последовательное увеличение употребительности, а прилагательные *типический* и *типовой* – тенденцию к снижению употребительности (хотя у каждого из этих слов были свои «пики»: прилагательное *типический* активно использовалось в 1840-е, 1880-е и особенно в 1930-е годы; прилагательное *типовой*, в целом весьма низкочастотное, несколько активизировалось в 1970-е и 1990-е годы). Очевидно, рост и снижение частотности употребления каждого из прилагательных могут быть связаны с идейными установками и социально-политическими факто-

рами определённой эпохи, однако их подробное рассмотрение не входит в задачи настоящей статьи.

Рассмотрим сочетаемость каждого из прилагательных на материале НКРЯ.

Прилагательное **типичный** уже было предметом нашего специального рассмотрения с точки зрения своей сочетаемости [3]. Наблюдения показали, что форма мужского рода чаще всего сочетается с двумя существительными: *представитель* (87 употреблений) и *случай* (47 употреблений). Также регулярной является сочетаемость словоформы *типичный* с существительными, обозначающими: 1) лиц по профессии, роду деятельности и занятий (205 употреблений, 127 лексем): *типичный администратор, дачник, изобретатель, журналист, офицер, политик, скотовод, учитель, чиновник* и т. д.; 2) качества, черты характера человека (149 употреблений, 81 лексема): *типичный авантюрист, двурушник, льстец, меланхолик, неврастеник, отличник, романтик, трудоголик, фантазер* и т. д.; 3) лиц по национальности, гражданству, месту жительства (95 употреблений, 64 лексемы): *типичный армянин, варшавянин, западноевропейец, израильтянин, кувейтеец, мексиканец, петербуржец, прибалт, тюрк, янки* и т. д.

Среди других групп существительных, сочетающихся с прилагательным *типичный*, можно назвать существительные со значением конкретного предмета (*типичный альбом, белый гриб, камин, кельтский крест, паспорт, стол, штопор* и т. д.); со значением взглядов, убеждений, мировоззрения человека (*типичный бандеровец, демократ, католик, консерватор, материалист, схоластик* и т. д.); со значением места, местности, помещения, территории (*типичный дом, завод, город, коттедж, спальный район, университетский центр, участок, цех* и т. д.); со значением образца, примера чего-либо или кого-либо (*типичный вариант, образец, образчик, пример, случай, экземпляр*) и др.

Можно констатировать, что прилагательное *типичный* чаще всего сочетается с названиями лиц (хотя в целом, конечно, ему свойственна весьма широкая сочетаемость). Ср., напр.: *Антон Антонович – «типичный представитель» провинциального начальства последних десятилетий* (И. Гольдфаин. Почему мог преуспеть Лысенко, 2008); *Был он типичный учитель, какие бывали сто лет назад* (Д. Самойлов. Общий дневник (1977–1989)); *Типичный американец копит деньги, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне* (А. Шубин. Путь к благополучию, 2000); *На фотографиях... виден типичный рабочий, густо-брюнетистого южного типа...* (А. Макушинский. Город в долине, 2012); *На словах – марксист, а чуть до дела дойдёт – типичный идеалист* (И. Грекова. На испытаниях, 1967); *Это был типичный завсегдатей пивной: красномордый, высоченный, с толстой шеей и победоносным*

брюхом... (Д. Рубина. Медная шкатулка (сборник), 2015).

Прилагательное **типический** в НКРЯ представлено 99 примерами. Из существительных, сочетающихся с данным прилагательным, чаще всего встречаются *представитель* (8 употреблений), *характер, образ* (по 7 употреблений), *пример, человек* (по 5 употреблений), *образец, признак* (по 4 употребления).

Остальные существительные, с которыми сочетается прилагательное *типический*, можно разделить на следующие группы: 1) обозначение человека по профессии, роду занятий, мировоззрению (16 лексем, 17 употреблений): *типический аналитик-материалист, деревенский лакей, заговорщик, интеллигент-пролетарий, конспиратор, мелкобуржуазный элемент, наёмник, нигилист, продукт Николаевской эпохи, чиновник, «шестидесятник»* и др.; 2) обозначение человека по национальности и месту жительства (6 лексем, 6 употреблений): *типический еврей, египтянин, крестьянин-сибиряк, пруссак, римлянин, симбирский мужичок* и др.; 3) оценочная характеристика человека (6 лексем, 7 употреблений): *типический авантюрист, богатырь, герой, живой мертвец, идиот, романтический персонаж* и др.

Также выделяются существительные со значением конкретного объекта (*типический день, игорный дом, компонент, зачарованный замок, памятник, сад*) и отвлечённого действия, состояния, понятия (*типический бред преследования, вид, вопрос, культ величия, ответ, подбор книг, симптом, склад личности, социологический детерминизм, шум* и др.).

Как можно заметить, прилагательное *типический*, как и *типичный*, тоже чаще всего сочетается с обозначениями лиц. Ср., напр.: *Он весь в противоречиях, типический представитель переходной эпохи* (Г. Флоровский. Пути русского богословия, 1936); *Он портрет некоего явления, некий типический характер* (А. Крон. Моя анкета, 1961); *Платон был типический человек своего времени* (Г. Флоровский. Пути русского богословия, 1936); *Это был типический наёмник и авантюрист, – таких учёных наёмников тогда много бывало на Западе* (Г. Флоровский. Пути русского богословия, 1936); *Гинекологической и акушерской клиникой заведовал профессор Отто Кюстнер, типический пруссак...* (В.В. Вересаев. Воспоминания (1925–1935)).

С прилагательным **типовой** чаще всего сочетаются существительные *договор* (22 употребления), *проект* (19 употреблений), *дом* (12 употреблений), *закон* (6 употреблений). Анализ сочетаемости слова *типовой* позволяет выделить такие группы существительных в сочетании с данным прилагательным: 1) обозначение принятого образца документа или порядка осуществления какой-либо

(обычно официальной) процедуры (27 лексем, 79 употреблений): *типовой бланк, договор, закон, инструктаж, контракт, курс подготовки, манёвр, набор задач, образец, ответ, порядок, поэтический стандарт, приём, устав, проект, процесс, регламент, режим, текст, урок, учебный план, формат, шаблон, школьный дневник, шрифт* и др.; 2) обозначение отдельного конкретного объекта (23 лексем, 25 употреблений): *типовой бронепоезд, дебаркадер, интерфейс, каламбур, набор, памятник, портрет, слоган, состав, факт, художественный фильм, чемодан, шкаф, якорь* и др.; 3) обозначение стандартного объекта архитектуры, постройки определённого назначения (15 лексем, 29 употреблений): *типовой барак, вариант больницы, двор, дом, коттедж, кинотеатр, коровник, мини-завод, мост, офис, подвал, постамент, участок* и др.

Реже всего встречается сочетаемость прилагательного *типовой* с обозначениями человека как носителя определённого набора характеристик (*типовой генерал, любитель выпить, облик, строитель, представитель научно-технической цивилизации, характер* и др.).

Как видим, специфика прилагательного *типовой* состоит в том, что оно обозначает некий специально созданный, официально принятый стандарт, образец чего-либо. В подавляющем большинстве случаев речь в контекстах с прилагательным *типовой* идёт об артефактах (продуктах целенаправленной деятельности человека) или о модели действий в той или иной ситуации. Ср., напр.: *Типовой проект утверждают один раз на долгие годы* («Наука и жизнь», 2007); *И вот, заполняя типовой бланк, родители за себя расписались, а «за того парня» позабыли* (С. Домнин. Спокойствие стоит денег, 2002); *Здесь перед подъездом типовой девятиэтажки... на лавочке сидят «типовые», «вневременные» старушки, которые всё и всех знают* (Е. Кучеренко. Об Украине, Энергодаре и бабушке Кате, 2015).

Таким образом, из трёх сопоставляемых лексем более всего дифференцировано по значению прила-

гательное *типовой*. Оно имеет весьма яркие семы ‘стандарт’, ‘образец’ и употребляется чаще всего в публицистической, научной, производственной, деловой речи (о чём свидетельствуют показатели сферы функционирования лексемы *типовой* в разделе «Статистика по метаатрибутам» в НКРЯ). Смысловая специфика прилагательного *типовой* отмечается в экспресс-справочнике «Различай слова» Э.Д. Головиной, в котором сравниваются два прилагательных: *типичный* и *типовой*. Ср.: «**Типичный** – характерный, свойственный группе людей, явлений, предметов: *типичный случай. Типовой* – соответствующий образцу, стандарту: *дом построен по типовому проекту*» [2].

Основную проблему составляет разграничение прилагательных *типичный* и *типический*, близких и по значению, и по сочетаемости, и сфере употребления (в основном, как показывают материалы НКРЯ, это сфера публицистики). В «Словаре паронимов русского языка» О.В. Вишняковой данные слова различаются так: «**Типический**. Являющийся типом; обнаруживающий общее в частном, индивидуальном; (устар.) наделённый характерными способностями, свойственными какой-либо определённой группе лиц, предметов, явлений. *Типическое лицо; типический образ, характер; типические обстоятельства, формы, черты; типическая особенность... Типичный* (разг.). Ярко выраженный, явный. *Типичный представитель, признак, симптом; типичная война, мимикрия; типичное заболевание; типичные черты*. Сравните: *типический признак* – признак, представляющий собой характерный образец чего-либо, обнаруживающий общее в частном, индивидуальном; *типичный признак* – явный признак чего-либо» [1, с. 163]. Данная интерпретация семантики двух паронимов представляется достаточно убедительной. Можно дополнить её ещё и тем наблюдением, что прилагательное *типический* принадлежит скорее к разряду относительных, а слово *типичный* заметно тяготеет к качественным: у него образуются краткие формы (*типичен, типична, типично, типичны*),

Таблица 2

Интегральные и дифференциальные компоненты семантики прилагательных *типичный, типический, типовой*

Тип 'образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений'		
↓ Типичный	↓ Типический	↓ Типовой
Обладающий особенностями, свойственными какому-н. типу, характерный		Соответствующий, присущий определённому образцу, типу, стандартный
Обнаруживающий общее, типичное в частном, индивидуальном		
Являющийся типом, образцом, моделью для чего-л.		
Самый настоящий, ярко выраженный		
Часто встречающийся		

возможны степени сравнения (*типичнее*, *более типичный*, *типичнейший*, *самый типичный*), от него образуется отвлечённое существительное (*типичность*) и наречие на -о (*типично*) и т. д. Однако, как мы могли убедиться в ходе анализа словарных толкований и данных НКРЯ, в современной речи прилагательные *типичный* и *типический* практически перестают различаться, и наиболее предпочитаемым из этой пары слов во всех возможных контекстах является прилагательное *типичный*; лексема *типический* оценивается как устаревшая и выходит из употребления.

В целом интегральные и дифференциальные компоненты семантики прилагательных *типичный*, *типический*, *типовой* можно представить в виде таблицы (табл. 2).

Таким образом, несмотря на то, что прилагательные *типовой*, *типичный* и *типический* имеют общий корень, они обнаруживают разные смысловые оттенки, проявляющиеся в контексте. Наибольшее количество значений выявляется у слова *типичный*, наименьшее – у слова *типовой*. Прилагательное *типический* в современной речи, как показывают данные словарей и материалы НКРЯ, является «третьим лишним»: оно не обладает ярко выраженной семантической спецификой, его значения пересекаются со значениями слов *типичный* и *типовой*, оно осознаётся как устаревшее и в ближайшее время, скорее всего, будет полностью вытеснено прилагательным *типичный*. Динамика семантического развития прилагательных *типичный*, *типический* и *типовой* требует дальнейших наблюдений.

Библиографический список

1. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
2. Головина Э.Д. Различай слова: Трудные случаи современного русского словоупотребления. Экспресс-справочник. – Киров: Кировская областная типография, 1997. – 312 с.
3. Калинина Л.В., Трушков М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 78–89.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 944 с.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
6. Лопатин В.В. Русский толковый словарь. – М.: Русский язык, 1994. – 834 с.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 4.01.2018).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2005. – 944 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 15. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1286 с.
11. Словарь современного русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. – 800 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М.: ОГИЗ, 1940. – Т. 4. – 1500 с.
13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.

References

1. Vishnyakova O.V. Slovar' paronimov russkogo yazyka. – M.: Russkij yazyk, 1984. – 352 s.
2. Golovina E.H.D. Razlichaj slova: Trudnye sluchai sovremennogo russkogo slovoupotrebleniya. EHKspress-spravochnik. – Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 1997. – 312 s.
3. Kalinina L.V, Trushkov M.A. «Tipichnoe» i «neulovimoe» kak modusnye kategorii yazyka // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2017. – № 2. – S. 78–89.
4. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov. – M.: Izd-vo EHKSMO, 2005. – 944 s.
5. Lakoff Dzh. ZHenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: CHto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 792 s.
6. Lopatin V.V. Russkij tolkovyj slovar'. – M.: Russkij yazyk, 1994. – 834 s.
7. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. – M.: Flinta: Nauka, 2011. – 296 s.
8. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 4.01.2018).
9. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: ITI Tekhnologii, 2005. – 944 s.
10. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. T. 15. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 1286 s.
11. Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj – M.: Russkij yazyk, 1988. – T. 4. – 800 s.
12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. – M.: OGIZ, 1940. – T. 4. – 1500 s.
13. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov / отв. red. N.YU. SHvedova. – M.: Azbukovnik, 2008. – 1175 s.

НАИМЕНОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются наименования материально-денежных отношений в диалектной лексике свадебного обряда Калужской области. Свадебные обряды регулируют не столько личные отношения, сколько социально-экономические и юридические аспекты жизни новой семьи, при образовании которой происходит передача материально-денежных единиц от родителей; во избежание споров после свадьбы все вопросы данного характера чётко регламентируются на всех свадебных этапах.

В рассматриваемой лексике материально-денежных отношений выделено пять лексико-семантических групп. Материалом для исследования послужили собственные полевые разыскания, а также выборка из печатных источников XIX–XX веков. Все данные лексемы занесены в электронную картотеку словаря Калужских говоров. В настоящее время на территории Калужской области многие лексемы не фиксируются, в том числе и в лексике свадебного обряда, из-за утраты самих реалий.

Проанализирована распространённость данных лексем вне свадебного обряда на территории Калужской области, их соотносённость с южновеликорусской и с общевеликорусской лексикой. В основном данные лексемы относятся к общевеликорусской лексике с небольшими семантическими изменениями.

Ключевые слова: лексика, диалектология, свадебный обряд, Калужская область, материальные и денежные отношения.

Лексике свадебного обряда посвящено много исследований учёных конца XX – начала XXI веков (Н.И. Толстой, А.В. Гура, М.В. Костромичёва, Н.Ю. Таратынова, Д.Б. Чугаев, Е.С. Узенёва, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов), в том числе существуют словари свадебной лексики (Орловских говоров, Северного Прикамья). В каждой работе затронута тема материально-денежных отношений, ведь свадебные обряды регулируют не столько личные отношения, сколько социально-экономические и юридические аспекты жизни новой семьи, при образовании которой происходит передача материально-денежных единиц от родителей; во избежание споров после свадьбы все вопросы данного характера чётко регламентируются на всех свадебных этапах. А.В. Гура отмечает, что «мотив обмена и купли-продажи присутствует в свадебном обряде всех славян» [4, с. 649] и «воспроизводится в свадебной терминологии» [4, с. 650], в том числе и на территории Калужской области.

Наименования материально-денежных отношений в свадебном обряде по семантике объединяются в пять групп (учитывается назначение и характер платежей): 1. Наименования расходов на свадьбу – *стратки*; 2. Наименования зарабатывания материально-денежных ценностей определёнными свадебными чинами (чаще всего относящимися к стороне невесты) – *выговор, выкупы, выводные деньги*; 3. Наименования материально-денежных ценностей, передаваемых с невестой – *приданое, добро, постеля, короб, наделок*; 4. Наименования материально-денежных ценностей, передаваемых на безвозмездной основе в процессе свадебного обряда – *дар, отдар*; 5. Наименования участников свадебного обряда с выраженной материально-денежной функцией – *товар, купец*. Данные группы

являются лексико-семантическими (по делению П.Ф. Филина).

1. Наименования расходов на свадьбу. Расходы на проведение торжества чётко регламентируются на первых этапах договора о свадьбе: «Когда жених является в дом невесты со сватами, то есть с отцом и матерью или заменяющими их старшими и более близкими родственниками, то между жениховой и невестиной роднёй, без участия самих жениха и невесты, происходит уговор, касающийся свадебных расходов и времени самой свадьбы, а также и размера неустойки на случай, если бы по вине той или другой стороны свадьба разошлась» [15]. Данное явление отражается в самостоятельных лексических единицах. В говоре Калужской области фиксируется существительное *стратки*, бытующее внутри свадебного обряда. Значение 'расходы, затраты, уже сделанные на свадьбу' [15] имело явно негативную коннотацию в связи с распространённым вне свадебного обряда глаголом *стратить* – 'испортить': «Шила, шила платье да стратила» [15], глагольного сочетания *уплачивать стратки* 'оплачивать чьи-либо затраты' [11, т. 41, с. 289]. *Стратки, стратить* бытуют на территории южновеликорусских говоров с семантикой траты, потери [11, т. 41, с. 293]; курское *стратки* – 'издержки, затраты' [11, т. 41, с. 289], смоленское *стратить* – 'потерять, погубить' [13, с. 880].

2. Наименования, связанные с зарабатыванием материально-денежных ценностей определёнными свадебными чинами (чаще всего относящимися к стороне невесты). В распространённой форме семейных отношений, где девушка после свадьбы переходит в дом жениха, родители невесты терпят убытки из-за потери работницы и из-за передачи вещей, взятых ею с собой. По этой причине родители жениха возмещают часть этих потерь, чаще

деньгами. Каждый этап данного обмена подкреплён ритуальными действиями и находит отражение в специальной лексике: *задаток*, *выговор*, *выкуп*.

Задаток – первая выплата части выговора, является гарантом свадьбы для стороны невесты [15]. Лексема в данном значении (‘неполная выплата суммы’) распространена на территории России.

Выговор – досвадебный устный договор о передаче денег и вещей: *выговор за невесту* [15; 9; 5], *выговор даров* [9; 15], *выговор денег* [15]. Первоначальный договор происходил в первый приход сватов, далее уточнялся, положенное по выговору передавалось целиком или частями, невыполнение уговора могло служить поводом для отказа от свадьбы. Данной лексемой обозначались любые обговорённые заранее условия чего-либо [5, т. 1, с. 284], в том числе и свадьбы. В свадебной лексике Калужской области *выговор* – чаще односторонняя передача от стороны жениха в сторону невесты, но фиксируется и обратная передача (*выговоренные дары*). Лексическая основа *выговор* фиксируется в самостоятельных частях речи: существительном (*выговор*), глаголе (*выговаривать*, *выговорить* ‘договориться о плате за невесту, калыме, свадебных подарках’ [11, т. 5, с. 265]), прилагательном (*выговоренный*) и в именных, атрибутивных и глагольных сочетаниях. *Выговор за невесту* – деньги, передаваемые семьёй жениха родителям невесты, – в настоящее время не фиксируется в прямой форме. В XIX веке бытовал как отголосок давних традиций, связанных с покупкой невесты, а в начале XX века смешивается с выплатой денег на приданое. *Выговоренные деньги* – это и деньги родителей жениха и невесты, расходуемые на свадебные нужды, и деньги родителей жениха, идущие на комплектование приданого, в случае развода эта часть приданого остаётся у мужа. *Выговоренные дары* – заранее обговорённые подарки (рушники, ткань и пр.), которыми обязательно должна одарить невеста родню жениха, те в свою очередь одаривают невесту деньгами, обычно в размере подарка. *Выговоренное вино* – заранее определённое количество вина, приносимое родными жениха на попойку [15].

Данная лексическая основа со схожей семантикой сделки присутствует в русских говорах на территории всей центральной части России, в южных областях чаще входит в лексику свадебного обряда. В брянских говорах фиксируется прилагательное *выговоренный* ‘полученный по условию, по договору при сватовстве’ [8, т. 3, с. 65], в смоленских говорах *выговор*, *выговаривать* – ‘материальные обязательства со стороны жениха или невесты...’ [13, с. 99]. В русских говорах Карелии и сопредельных ей областей *выговорка* – ‘сваха’ в свадебных обрядах [10, с. 256], в архангельских говорах одно из значений слова *выговорить* – ‘потребовать, оговаривая условия договора, сделки’ [2, вып. 6–7, с. 166].

Выкуп – акт обмена чего-либо значимого для совершения свадьбы и последующей жизни молодых на вино, угощения или деньги. Таким образом, выкуп является финальной точкой выговора. Лексема чаще фиксируется в глагольных словосочетаниях. Сочетание *выкупать приданое* является общерусским, распространено с идентичной семантикой на всей территории центральной России. В качестве зависимого слова в данном глагольном сочетании фиксируются как общие наименования (*приданое*), так и частные (*ящик*, *коса*, *свадебное дерево*), варьирующиеся в зависимости от местности.

На территории Калужской области выкуп за невесту практически прекратил своё существование в конце XIX – начале XX веков. Все фиксации данного словосочетания говорят о плате на/за приданое, выкуп которого был распространённым явлением, исчезнувшим в первой трети XX века. Более древний способ передачи приданого – *выкуп приданого* [15] – происходил во время венчания, на котором родители молодых не присутствовали: они меняли в доме жениха вещи невесты на выговоренную сумму денег. Позднее этот свадебный этап переносится на время после венчания и теряет свою серьёзность, сопровождавший его торг продолжает существовать в силу традиций (сродни торгу на начальном этапе свадьбы между сватами и родителями девушки). Часто *продажа приданого* [15] превращалась в развлекательное зрелище, посмотреть которое собиралась вся деревня. Две стороны торговались, сопровождая свой диалог шутками-прибаутками. Утром в день свадьбы обычно проводилось несколько незначительных по сумме отдаваемых средств выкупов: *выкуп места*, *косы*, *свадебного дерева*, *пирога* и пр. – чаще всё вырученное (пироги, вино, деньги) брали себе подруги невесты, проводившие большинство данных свадебных этапов.

На великорусской свадьбе были распространены формы спонтанных *выкупов*, которые по желанию устраивали крестьяне, не приглашённые на свадьбу. Количество, качество и принадлежность (сторона жениха или невесты) угощений для данных целей решалось на выговоре. *Уличный выкуп за невесту* [15] односельчане устраивают молодой при выезде поезда из деревни, оплачивает (чаще водкой) родня невесты или дружка, смотря по уговору. *Окопишная* чаще устраивалась уже после венца.

Общеславянское **kupiti* [14, т. 1, с. 455] (корень *-куп-*) в лексике, отражающей материально-денежные отношения свадебного обряда, выражено в лексемах *выкуп*, *откупать*. В настоящее время применяется (относительно к свадебному действию) только в игровых моментах (сохранившийся *выкуп невесты* не является необходимым элементом бракосочетания).

Отметим, что в словосочетаниях с существительными мужского рода наблюдается замена ви-

нительного падежа на родительный: *дать выкупа, требовать выкупа* и женского рода: *не дать коробу*.

Лексемы *выговор* и *выкуп* со значением 'плата за невесту' иногда бытуют как синонимы, но в большинстве фиксаций данные понятия различаются: *выговор* 'заранее определённая плата за что-либо со стороны жениха' (за невесту, за её одежду, за вино); *выкуп* 'не оговорённая плата за что-либо со стороны жениха' (уличный выкуп за невесту, выкуп косы). С середины XIX века *выговор* являлся сугубо материальной стороной свадебного обряда, тогда как *выкуп* – всё более игровой. В настоящее время *выговор* не фиксируется в свадьбах Калужской области, а *выкуп* широко распространён в театрализованной форме.

В Калужском регионе социально-экономическая реальность XIX века ввела в свадебный обряд понятие *выводные деньги* 'плата за переход девушки в другое общество' [15], за оформление бумаг у священника об её выписке. Обычно производится родными невесты, состоит из денежного вознаграждения и вина.

Свадьба – это объединение двух противоположных групп (со стороны жениха и невесты), при этом каждая из них имеет внутреннее двунаправленное стремление: не прогадать самой, но при этом и не обидеть другую сторону; противопоставление жениха (захватчика) и невесты (жертвы) отражается в песенных текстах и некоторых обрядах. Столкновение двух стремящихся к объединению групп отражается в лексической организации, например, с помощью конверсивов [1, с. 256–289]. Глагольная пара *продавать – выкупать* сопровождает свадьбу после окончательного договора и до бракосочетания, данные действия совершаются одновременно: всё, что продаётся стороной невесты, выкупается стороной жениха.

3. Наименования материально-денежных ценностей, передаваемых с невестой. Вместе с невестой в дом жениха передаются вещи, непосредственно принадлежащие девушке, предназначенные для совместного быта, и иные материальные ценности, качественные и количественные характеристики которых зависят от материального положения семей брачующихся. Специальные наименования отдельных частей приданого имеют те вещи, которые подчёркивают богатство невесты, и те, без которых не обходится даже самое бедное приданое.

Общерусское наименование *приданое* имеет широкое распространение и в южновеликорусских говорах. В качестве синонимичного наименования для говоров Калужской области фиксируется *добро* [15] (так обозначают всю женскую одежду вообще, в том числе и приданое, семантика контекстуальна).

В узком смысле *приданое* – одежда, обувь девушки и постельные принадлежности – *постель* [15], *постель (постелье)* [7, с. 127] – обязатель-

ная составляющая приданого; постель шьётся после договора о свадьбе. Выделяются важные составляющие постели: *дерюга* (одеяло) [15] и *попонка* (простыня) [15], данные лексемы фиксируются и вне свадебного обряда. Подготовкой приданого занимаются задолго до свадьбы – девочка-подросток уже начинает заботиться о холстах и рушниках. На территории Калужской области наименования этой части приданого часто имеют метонимичную природу (перенос названия тары на её содержимое): *сундук, коробья, коробьё, короб* [15]. Отметим, что родовая принадлежность данных наименований неустойчива, чаще они бытуют в косвенных падежных формах единственного числа женского рода (*карабью собирать, выкуп коробьи*) и среднего (*выкуп невестинного коробья*). Форма мужского рода распространена в описательных конструкциях, где важна не качественная характеристика приданого, а его наличие в какой-либо таре – *сел на короб*.

Менее распространено наименование *справка* [15], производное от слова *справа* 'одежда, наряды' [11, т. 40, с. 253].

Для обозначения одежды, входящей в состав приданого, применяют повседневные наименования конкретных предметов одежды, фиксируется наименование *наряд* – общее для всей одежды.

Кладка [15], *наблюдное* [15], *поклуш* [15] – наименования денег или одежды, входившей в приданое, оплаченной или купленной стороной жениха.

Кладка имеет значение 'вещи невесте или деньги за вещи отцу невесты'. Ф. Волков относит денежные отношения подобно *кладке* к азиатским заимствованиям: «деньги, которые вносятся за невесту, являются не обрядовым выкупом, а совершенно реальной платой за неё» (цит. по: [6, с. 341]). Д.К. Зеленин, напротив, отмечает в русской свадьбе наличие только пережитков «некогда существовавшей покупки невесты у чужого рода» [6, с. 341].

Наблюдное – 'деньги отцу невесты от отца жениха'. Сумма зависит от качества и количества приданого: чем дороже вещи, отдаваемые с невестой, тем больше *наблюдное*. В псковских и тверских говорах фиксируется *наблюдно, наблюдающее* 'денежный подарок невесте, который обыкновенно кладут на блюдо или в чашечку' [11, т. 19, с. 122]. О происхождении калужского *наблюдное* невозможно говорить однозначно по причине очень редкой фиксации.

Поклуш – 'деньги за вещи и сами вещи для невесты', которые отдавали родители жениха до свадьбы. *Поклуш* (дорогая одежда: верхняя, платки) полностью заменял собой приданое, какие-либо личные вещи невесты не учитывались. В день покупки новых вещей на деньги жениха в доме невесты собирались соседи – ждали *поклуш*, по прибытию которого было угощение. С начала XX века данные лексемы не фиксируются, хотя явление

покупки женихом приданого встречается и по сей день (зависит от материальной обеспеченности невесты). Схожая лексема фиксируется в Новосибирской области в форме множественного числа: *пóклуши* – в свадебном обряде ‘условные подарки для жениха (рубаха, носки и т. д.)’. [11, т. 28, с. 387].

Приданое – общее наименование для всего, что невеста принесла в дом жениха, в том числе и вещи, скот, птица, надел земли, деньги. Для необязательных компонентов приданого специальные наименования не фиксируются. *Приданка* [15] – ‘овца, телушка, курица, передаваемая невесте её родителями’, живность находилась полностью в распоряжении молодых, а при разводе оставалась с женой. Чаще *приданка* передавалась без каких-либо ритуалов, в отличие от основного *приданого*. Если отдавалась курица, то иногда её наряжали в красные лоскуты, и отец уже после свадьбы сам нёс её в дом молодым. На этом обряде, передаче в дом мужа, завершается параллелизм курица – невеста, начинающийся с *курника*. Для обозначения надела земли и денежных средств, передаваемых только родителями невесты, не фиксируется специального наименования, подобное приданое было очень редко на территории Калужской области, что обусловлено социально-экономическим состоянием крестьян. Чаще родители жениха и невесты совместными усилиями выделяли землю и деньги для молодых, в случае их отдельного от обоих родителей проживания и ведения хозяйства. Лексема *наделок* в значении ‘земля, выделяемая молодым’ [15] фиксируется не только применительно к ‘свадебной» земле, но и к любой другой, отделяемой от родительской. Наименование *награждение* ‘денежные средства молодым от родителей’ [15] бытовало и вне свадебного обряда.

4. Наименования материально-денежных ценностей, передаваемых в свадебном обряде на безвозмездной основе. *Дары* (‘подарки’) в свадебном обряде обозначают ‘подарки, которыми одаривает невеста’. Дары начинали готовить сразу после договора о свадьбе, изначально они были собственноручного изготовления (внутрисемейного), в конце XIX – начале XX века невесте помогали подруги [15], в настоящее время этот обычай не фиксируется. Случаи отсутствия даров были очень редкие, возможны по бедности одной из сторон [15], в качестве даров обычно выступали празднично оформленные рушники для мужчин, повойники для женщин; возможны варианты, зависящие от достатка невесты, часто вместе с дарами подносилась рюмка спиртного.

Корневой морф *-дар-* бытует в глагольных формах (*дарить, дариться, одаривать, отдаривать*) и существительных (*дар, отдар*).

Переходный глагол *дарить* может сочетаться с существительным, обозначающим объект (да-

рить кому?) и предмет (дарить что?). В первом случае наблюдается замена падежа существительного с дательного на родительный: *дарить брата, бога, отца*. Во втором случае возможны два варианта: 1) общеупотребительный: *дарить (что?) дары, подарки* и 2) диалектный, фиксируется в калужских говорах: *дарить (чем?) дарами*. Отметим, что в современном русском языке глагол *дарить* управляет творительным падежом существительного, реализует переносное значение – *дарить улыбкой* [12, т. 3, с. 556]. В свадебной лексике Калужской области данное словосочетание имеет прямое значение ‘подносить подарок кому-либо’: *дарить даром, дарами, холстом, рушником* [12, т. 3, с. 556], конструкции с предлогом менее распространены: *дарить по уговору*.

Схожая парность (неделимое – составное или часть целого) наблюдается в словосочетании *разносить дары – разносить в дары*. В первом случае *дары* – это все разносимые в определённый момент подарки в целом, здесь наблюдается сильное глагольное управление. Во втором случае *в дары (Разносить в дары полотенца)* является существительным с предметно-обстоятельственным значением, которое стремится к застыванию в форме творительного падежа и тяготеет к наречию [3, с. 340]. «В кругу этих морфологических типов (производных от имён существительных с предлогами. – М.М.) обнаруживаются сравнительно немногочисленные следы форм множественного числа существительного, преимущественно от слов, обозначающих составные предметы, сложные действия и состояния [3, с. 343].

Лексема *одаривание* ‘процесс дарения’ частотна ввиду распространённости этого действия на протяжении свадьбы (после пропоя, в день свадьбы, на почётные [15]). Также в записях свадебного обряда бытует лексема *отдаривание* с префиксом *от-*. Во многих фиксациях вместе следуют лексемы *одаривание* и *отдаривание* – первое действие сопровождается ответным – *отдариванием* ‘денежным вознаграждением невесте за дары’ [15; 7, с. 45]; деньги, полученные за дары, поступают в полное распоряжение невесты. В некоторых свадебных действиях плата за подарки была несколько завуалирована: в ответ платили за подносимое вместе с даром вино [15].

Близка к явлению конверсии по наличию двусторонних отношений пара *дар – отдар, дарить – отдаривать*, но данные лексемы именуют не одно и то же действие, а два, которые следуют друг за другом, где второе является ответом на первое; в традиции великорусской свадьбы дару должен сопутствовать отдар (чаще всего выраженный в денежном эквиваленте). В контексте свадебного обряда в данной паре существуют антонимические отношения, сходные с конверсивными в «выражении идеи обратности» [1, с. 261] (аналогично *вопрос – ответ*).

5. **Наименование участников свадебного обряда.** Лексемы *товар*, *купец* фиксируются на этапе сватовства и отсылают ко временам купли-продажи невесты. Источники с обозначением принадлежности свадебного обряда к определённой местности Калужской области (начиная с XIX века) не фиксируют подобных действий, их существование сохранилось только в лексической составляющей обряда (в устойчивых оборотах свахи).

Большинство наименований материально-денежных отношений свадебного обряда Калужской области фиксируются и вне обрядовой реалии, внутри же обряда бытуют частные значения: *выкуп* (плата за невесту), *товар* (невеста), *купец* (жених), *задаток* (часть выкупа за невесту), *дар* (подарок невесте, молодым), *отдар* (ответный подарок на дар), *наделок* (подаренная молодым земля от родителей), *награждение* (подаренные молодым деньги от родителей), *выговор*. В настоящее время на территории Калужской области многие лексемы не фиксируются, в том числе и в лексике свадебного обряда, из-за утраты самих реалий.

Анализ наименований материально-денежных отношений в лексике свадебного обряда Калужской области показал их принадлежность к общевеликорусской лексике со своими оттенками значений и лексическими формами.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 470 с.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Изд-во Московского ун-та. – 1980–.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с. – (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования).
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
6. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с.
7. *Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2004. – 360 с.
8. Словарь брянских говоров / ред. Т.Г. Аркадьева, В.И. Чагишева. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1976–.
9. Словарь пермских говоров: в 2 т. – Т. 1. – 2000. – 480 с.; т. 2. – 2001. – 576 с. – Пермь: Книжный мир, 2000–2001.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / глав. ред. А.С. Герд. –

СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49 / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Л.; М.; СПб.: Наука, 1965–2016 (издание продолжается).

12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965.

13. Смоленский областной словарь / сост. В.Н. Добровольский. – Смоленск, 1914. – 1022с.

14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999.

15. Словарь Калужских говоров: электронная картотека.

References

1. *Apresyan YU.D.* Izbrannyye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka). – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1995. – 470 s.
2. *Arhangel'skiy oblastnoy slovar' / pod red. O.G. Gecovoj.* – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta. – 1980–.
3. *Vinogradov V.V.* Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove): ucheb. posobie dlya vuzov / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Vyssh. shk., 1986. – 640 s.
4. *Gura A.V.* Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika. – M.: Indrik, 2012. – 936 s. – (Tradicionnaya duhovnaya kul'tura slavyan: Sovremennyye issledovaniya).
5. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. – M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1955.
6. *Zelenin D.K.* Vostochnoslavyanskaya ehntografiya. – M., 1991. – 512 s.
7. *Podyukov I.A., Horobryh S.V., Antipov D.A.* EHtnolingvisticheskiy slovar' svadebnoj terminologii Severnogo Prikam'ya. – Perm': Permskoe knizh. izd-vo, 2004. – 360 s.
8. *Slovar' bryanskih govorov / red. T.G. Arkad'eva, V.I. CHagisheva* – L.: LGPI im. A.I. Gercena, 1976–.
9. *Slovar' permskih govorov: v 2 t. – T. 1. – 2000. – 480 s.; t. 2. – 2001. – 576 s. – Perm': Knizhnyj mir, 2000–2001.*
10. *Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6 t. / glav. red. A.S. Gerd.* – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1994–2005.
11. *Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–49 / sost. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov.* – L.; M.; SPb.: Nauka, 1965–2016 (izdanie prodolzhaetsya).
12. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – M.; L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1950–1965.*
13. *Smolenskij oblastnoy slovar' / sost. V.N. Dobvol'skiy.* – Smolensk, 1914. – 1022s.
14. *CHernyh P.YA.* Istoriko-ehntimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. – M.: Russkiy yazyk, 1999.
15. *Slovar' Kaluzhskih govorov: ehlektronnaya kartoteka.*

Блохин Александр Викторович

кандидат филологических наук
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
avb6767@mail.ru

Куркина Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
kafrusggtu@mail.ruИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

В статье рассматривается вопрос применения Л.Н. Толстым в романе-эпопее «Война и мир» особых – грамматических – изобразительно-выразительных средств языка, с помощью которых автор подчеркивает определенные значения, важные для понимания идейно-тематического уровня произведения. В качестве объекта исследования выступили формы творительного падежа с вариантными окончаниями как у существительных, так и у прилагательных, причастий, числительных, местоимений. Основное внимание при анализе названных единиц уделяется их стилистическим и семантическим особенностям, а также функционированию в художественной ткани произведения в качестве авторского стилиобразующего средства. Анализ употребления вариантных окончаний в форме творительного падежа имен существительных и согласуемых с ними прилагательных и слов других частей речи, имеющих синтаксически зависимые формы словоизменения, показал, что они используются Л.Н. Толстым для выражения дополнительных оттенков значения слова, увеличивающих его художественно-выразительную силу.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман «Война и мир», вариантные окончания, грамматическая форма, творительный падеж, индивидуальный стиль писателя, художественный прием, стилиобразующее средство.

Многими исследователями языка Л.Н. Толстого описаны приемы, посредством которых неповторимый художник слова добивался наибольшей яркости, выразительности и в то же время простоты в повествовании, внешней обрисовке героев, в раскрытии их внутреннего, духовного мира [1, с. 175–179]. Однако как в лингвистике, так и в литературоведении остается недостаточно исследованным использование грамматических форм, отдельных средств словоизменения в изобразительных и стилистических целях. Как правило, при изучении языка художественного произведения внимание исследователей привлекает прежде всего слово как единица определенного пласта лексики, лексико-семантического класса, а не формы слова. Между тем изменение грамматических форм при сохранении общего содержания лексемы ведет к трансформации смысловых и стилистических связей [2, с. 241–242].

Стилистическая дифференциация варьирующихся падежных форм, в частности вариантных форм творительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-ой*, *-ою*, известна еще со времен М.В. Ломоносова. Однако до сих пор недостаточно исследован вопрос, касающийся индивидуально-авторского своеобразия в использовании экспрессивно-стилистических возможностей данных форм.

В тексте романа Л.Н. Толстого «Война и мир» нами зафиксировано в различных синтаксических конструкциях свыше 1400 употреблений существительных женского рода на *-а* (*-я*) в форме творительного падежа единственного числа, как при наличии определяемого слова (прилагательного, местоимения, причастия), так и без определяемого слова. В большей части случаев существительные

употребляются с окончаниями *-ой*, *-ей* и могут относиться к самым различным лексико-семантическим группам и стилистическим пластам. Вот некоторые примеры такого употребления: ...стал показывать ей, рисуя иголкой на столе герб Конде [6, т. 4, с. 112]; Экой ты, братец мой, говорил казак фуриштатскому солдату с повязкой [6, т. 4, с. 215]; Они отличались от них и говором, и одеждой, и нравами [6, т. 6, с. 78]; Он, говоря с княжной, беспрестанно оглядывался, как бы спрашивая у всех, то ли он делает, что надобно [6, т. 7, с. 10].

Существительные с окончаниями *-ою*, *-ею*, как и слова с параллельными окончаниями *-ой*, *-ей*, также относятся к разным пластам лексики и встречаются как в авторской речи, так и в речи персонажей романа. Окончания *-ою*, *-ею* отмечены, с одной стороны, в таких словах, как *похлебка* (*поужинал похлебкою*), *косичка* (*встряхивал косичкою*), *река* (*будут отделены рекою*), *посуда* (*экипажи с посудой*), *капуста* (*с капустою*), а с другой стороны, в словах *графиня*, *княжна* (*перед княжною*), *простота* (*с простотою*), *причина* (*было причиною*), *красота* (*перед красотой*) и т. п. Следовательно, использование Л.Н. Толстым вариантных окончаний не связано с принадлежностью слов к тому или иному стилю речи.

Анализ употребления существительных с окончаниями *-ою*, *-ею* в романе показывает, что они используются автором тогда, когда слово несет на себе логическое, точнее семантическое, ударение, являясь смысловым центром высказывания. Причины, благодаря которым слово получает такое ударение, могут быть самыми различными. Приведем примеры: *Кутузов побегрел не от того, что этот офицер был виною ошибки, но от того, что он был достойный пример для выражения гнева* [6, т. 7, с. 145];

...он в одно и то же время думал о ее ничтожестве и мечтал о том, как она будет его же женой, как она может полюбить его, как она может быть совсем другою и как все то, что он о ней думал и слышал, может быть неправдою [6, т. 4, с. 46].

В частности, такое слово либо открывает нам существенную черту характера героя, раскрывает характер произошедших с ним перемен, либо помогает показать авторское отношение к описываемому, создать тот необыкновенно глубокий подтекст, который так характерен для творческого почерка писателя.

Вот некоторые примеры, иллюстрирующие выдвинутое положение. Выделяя средствами грамматики нужное слово, Л.Н. Толстой усиливает впечатление скрытой иронии, осуждения, принижающие строки, в которых описывается деятельность Наполеона: *Наполеон, этот гениальнейший из гениев и имевший власть управлять армией, как утверждают историки, ничего этого не делал* [6, т. 7, с. 16]; *Наполеон среди прочих распоряжений сделал третье распоряжение – о причислении брошившегося без нужды в реку польского полковника к когорте части, которой Наполеон сам был главою* [6, т. 6, с. 2].

Показательным в этом отношении является употребление слова *глава* с другой, вариантной флексией в другом примере: *Билибин, бывший главой этого кружка...* [6, т. 4, с. 67]. Здесь слова *глава* лишено какой бы то ни было дополнительной смысловой нагрузки: автор как бы вскользь упоминает об этом факте.

В некоторых случаях выделение слова данным грамматическим средством помогает резче противопоставить героев, события, черты характера отдельных персонажей: *...поражал своим необыкновенным сходством с сестрою-красавицею и еще более тем, что, несмотря на сходство, он был поразительно дурен собой* [6, т. 4, с. 15].

Для сравнения приведем еще один пример: *...он готов уже был понять, что Каратаев убит, но в то же самое мгновение в его душе, взявшись бог знает откуда, возникло воспоминание о вечере, проведенном им с красавицею полькой летом на балконе его киевского дома* [6, т. 7, с. 65].

Всего два раза в романе-эпопее употребляется лексема *кончина* в форме творительного падежа. Один раз с флексией *-ою*, другой – с флексией *-ой*: *Пьер был принят Анной Павловной с оттенком грусти, относившейся, очевидно, к свежей потере, постигшей молодого человека, к смерти графа Безухова (все постоянно считали долгом уверять Пьера, что он очень огорчен кончиною отца, которого он почти не знал)...* [6, т. 4, с. 86]. Другой контекст о таком же событии: *Алтатыч, приехав в Богучарово несколько времени перед кончиною старого князя, заметил, что между народом происходит волнение...* [6, т. 6, с. 50].

В первом примере лексема *кончина* несет дополнительную экспрессивную нагрузку: читающий эти строки как бы слышит ту интонацию лицемерного сочувствия, с которым произносилось это слово. Во втором случае это слово не несет дополнительной коннотации: оно лишь уточняет время прибытия Алтатыча.

В ряде случаев использование данных грамматических средств связано, безусловно, с определенной интонацией речи, ее мелодикой. Как известно, «внутренняя речь», процесс мышления человека характеризуется «внутренней озвученностью» для думающего [5, с. 66]. Именно этим можно объяснить наличие *-ою* у существительных в приведенных ниже примерах: *Перед комнатою, в которой слышны клавикорды...* [6, т. 4, с. 41]; *С флеш они поехали еще левее, дорогою, вьющейся по частому невысокому березовому лесу* [6, т. 6, с. 107]; *Но именно вследствие этого он не мог понять, каким образом мог тот, кто поставил их тут, под горою, сделать такую очевидную и грубую ошибку* [6, т. 6, с. 70]; *Вдалеке виднелись Воробьевы горы, с деревнею, церковью и большим белым домом* [6, т. 7, с. 132].

Во многих случаях такое окончание получают существительные, которые уточняют время и место действия, то есть употребляются в значении творительного приглагольного падежа с обстоятельственным значением. Можно предположить, что вообще выделение автором того или иного слова тем или иным средством – грамматическим, графическим – также связано с желанием выделить его прежде всего интонационно.

Следует отметить, что формы на *-ою*, *-ею* встречаются тогда, когда повествование ведется с определенной патетикой и когда должен воспроизводиться торжественный стиль речи, например в отрывках, описывающих богослужение: «...*всех нас укрепит верою*». Здесь эти окончания – средство стилизации, они выполняют другую свою функцию, которая была определена еще М.В. Ломоносовым [4, с. 432]. Искусственная патетика князя Василия, вызванная письмом императора, подчеркивается выделением не только одного слова, но и целого словосочетания: *Он гордится честью быть главою такой нации и постарается быть ее достойным* [6, т. 4, с. 168].

Таким образом, анализ показал, что варианты окончания *-ою*, *-ею* употребляются автором романа-эпопеи для выделения определенных экспрессивных оттенков в значении слова и лишь иногда используются традиционно, придавая слову оттенок книжности.

Можно предположить, что подобную роль играют и варианты окончания в других формах существительных. Очень характерными представляются следующие эпизоды, в которых показаны Андрей и Марья Болконские. Свообразным смыс-

ловым центром текста является антонимическая пара *счастье – несчастье*. В первом эпизоде князь Андрей скачет к австрийскому командованию со счастливой вестью – русские одержали победу. *Князь Андрей скакал в почтовой бричке, испытывая чувство человека, долго ждавшего и, наконец, достигшего начала желаемого счастья... То ему начинало представляться, что русские бегут и сам он убит; и он поспешно просыпался со счастьем. Как будто вновь узнавал, что ничего этого не было и что, напротив, французы бежали* [6, т. 7, с. 193].

Второй пример – мысли раненого Болконского: *Тихая жизнь и семейное счастье в Лысых горах представлялись ему. Он уже наслаждался эти счастьем, когда вдруг явился маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья другим взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение* [6, т. 4, с. 125].

Подобное наблюдаем в речи и других героев, например: *Мое призвание другое, – думала про себя княжна Марья, – мое призвание – быть счастливой другим счастьем, счастьем любви и самопожертвования. И чего бы мне это ни стоило, я сделаю счастье...* [6, т. 7, с. 293].

Подобных примеров в романе достаточно много. Бесспорно, что параллельные окончания *-ью, -ию*, стилистически разграничившиеся в грамматиках лишь до первой половины XIX века, употребляются Л.Н. Толстым тогда, когда он стремится усилить эмоциональную приподнятость речи, увеличить выразительность повествования, подчеркнуть авторскую оценку высказываемого.

Анализируя употребление вариантных окончаний творительного падежа единственного числа имен существительных женского рода, нельзя не обратить внимание на вариантность окончаний в согласуемых с этими существительными определениях, выраженных словами различных частей речи, у которых форма падежа является синтаксически зависимой – большей частью прилагательными, причастиями, числительными и местоимениями: *Вы ошибаетесь, – неторопливо, с смелою и несколько насмешливою улыбкой проговорил Борис* [6, т. 7, с. 70]. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, таких определений в «Войне и мире» свыше 700, из них с окончаниями *-ою, -ею* – свыше 200. Иными словами, частотность интересующих нас явлений будет равна 35 %. Окончания *-ой, -ей* встречаются, как правило, тогда, когда определение вместе с существительным является устойчивым сочетанием слов или традиционным речевым шаблоном: *с несомненной уверенностью, с готовой фразой, с чрезвычайной быстротой, с женской прислугой, одержанной победой, главной квартирой, с пожилкой дамой, с гвардейской пехотой, ночной рубашкой* и т. п.

В то же время следует отметить, что в ряде случаев есть своеобразное отступление от указанной выше закономерности. Так, при описании игры в карты Николая Ростова с Долоховым при существительном *картой* определяющее слово дано автором с разными вариантными окончаниями. В первом случае с *-ой*: *...он надписал было над одной картой восемьсот рублей, но в то же время, как подавали шампанское, он раздумал* [6, т. 5, с. 58]. Здесь главное заключается в том, какую сумму он (Николай Ростов) поставил, и неважно, на чем он написал эту сумму. Следующий эпизод из этой сцены: *Ааах! – чуть не крикнул Ростов, поднимая руки к волосам. Семерка, которая нужна была ему, уже лежала сверху, первой картой в колоде* [6, т. 5, с. 41]. То, что эта семерка была *первой*, оказалось роковым для Ростова. Слово несет дополнительную экспрессивную нагрузку, и это подчеркивается грамматически – окончанием *-ою*, хотя сама лексема – числительное *первая* – в данном контексте является нейтральной. Таким образом, можно предположить, что Л.Н. Толстой выделяет нужное ему слово средствами грамматики, руководствуясь исключительно логикой повествования. В качестве доказательства выдвинутого предположения приведем дополнительные примеры, иллюстрирующие это: *Кроме расчета, по которому ему нужен Анатолий, самый процесс управления чужою волей был наслаждением, привычкой и потребностью для Долохова* [6, т. 5, с. 75]; *...его любовь к Наташе (которую тоже особенною любовью любил мальчик) и, главное, его дружба к отцу* [6, т. 7, с. 201]; *Графиня была расстроена горем и унижительною бедностью своей подруги* [6, т. 7, с. 73].

В ряде случаев Л.Н. Толстой выделяет нужное слово логическим ударением, что помогает ему выразить дополнительную экспрессию, в частности – показать лицемерие, скрывающееся за словами-масками: *Ах, милая, я вас не узнала, – с счастливою улыбкой сказала Анна Михайловна, легкою иноходью подходя к племяннице графа* [6, т. 4, с. 64].

А вот слова князя Василия в том же отрывке: *Я пришел к тебе не затем, чтобы пикироваться с тобой, а затем, чтобы как с родной, хорошею, доброю, истинною родной поговорить о твоих же интересах* [6, т. 7, с. 92]. Важно, что княжна не просто *родная*, но и самое главное – она *хорошая, добрая, истинно родная*.

Безусловно, можно согласиться с мнением, что посредством этих грамматических форм писатель доносит до читателя тончайшие оттенки мысли, глубинные движения души, показывает за внешним проявлением истинные причины поступков человека. Этот прием Л.Н. Толстой использует для того, чтобы выделить, подчеркнуть какую-то характерную черту человека, деталь его внешности. Так, князь Андрей входит «с его маленькою оживленною женой», старшая из княжон (родственница

Пьера) – «с поразительно несоразмерною по ногам длинною талией».

В романе есть эпизодическое лицо – полковой командир. Его Л.Н. Толстой наделяет одной деталью – особой, подрагивающей, походкой. Эту черту он подчеркивает не только однокоренными прилагательными, но и окончанием *-ю* при окончании *-ой* у существительного: «*своею подрагивающею походкой*», «*вздрагивающею походкой*». При описании внешности одного из австрийских генералов дважды выделена его черта: «*австрийский генерал в сюртуке с повязанною черным платком головою*» и далее: «*с повязанною головою*».

По нашим наблюдениям, есть определенная закономерность в употреблении вариантного окончания *-ю* в синтаксически зависимых прилагательных, числительных, местоимениях и т. п. При существительном с окончанием *-ю*, *-ею* и определяющее слово имеет такое же вариантное окончание: *В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтою была любовь земная* [6, т. 4, с. 211]; *Пьер опустил глаза, опять поднял их и снова хотел увидеть ее такую дальнюю, чужую для себя красавицу, какую он видел ее каждый день прежде* [6, т. 4, с. 112]; *Остался один остов жизни: его дом с блестящею женою, пользовавшеюся теперь милостями одного важного лица* [6, т. 5, с. 186]; *Но все это принималось невольно с слишком слабою благодарностию* [6, т. 6, с. 225].

Внутреннее напряжение речи передается сочетанием *спокойною властью* в следующих строках: *А я вам вот что скажу, – с спокойною властью в голове перебил его князь Андрей. – Вы хотите оскорбить меня* [6, т. 4, с. 303]. И еще один пример – слова Анны Михайловны перед смертью старого графа Безухова: *Ежели бы не моя истинная любовь и преданность дяде, – сказала она с особенною уверенностию и небрежностию это слово...* [6, т. 4, с. 68].

Л.Н. Толстой как бы фиксирует внимание читающего на той особой интонации, с которой было произнесено слово *дядя*, ибо она лучше и точнее всяких слов выдавала замыслы и расчеты этой бедной родственницы. Во всех этих случаях получают логическую нагрузку оба слова, само повествование приобретает оттенок значительности, внутренней напряженности.

В подавляющем количестве случаев определяемое слово-существительное имеет окончание *-ой*, *-ей*, а определение – *-ю*, *-ею*. В некоторых случаях автор выделяет определяемое, оставляя в тени определяющее, если оно не является важным, характеризующим, например: *...соединение австрийской отчужденности с русской храбростию* [6, т. 4, с. 99]; *Борис обращался с Пьером с особенной достойной и грустной почтительностию. И «Осмелюсь беспокоить, ваше благородие, – сказал он*

с почтительностию, но с относительным пренебрежением к юности этого офицера [6, т. 5, с. 62].

Обращает на себя внимание то, что таких определений, которые включают слова *свойственную, свою, особенную*, отмечено значительное число – более 60.

Таким образом, анализ употребления вариантных окончаний в форме творительного падежа имен существительных и согласуемых с ними прилагательных и слов других частей речи, имеющих синтаксически зависимые формы словоизменения, показал, что они используются Л.Н. Толстым для выражения дополнительных оттенков значения слова, увеличивающих его художественно-выразительную силу. Другими словами, использование вариантных грамматических средств является мотивированным внутренними задачами творчества автора.

Библиографический список

1. Блохин А.В., Куркина Т.С. Структура и семантика композитов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 175–179.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 492 с.
3. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. – Л.: Просвещение, 1971. – 270 с.
4. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 993 с.
5. Соколов А.Н. О речевых механизмах умственной деятельности // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 81: Вопросы психологии мышления и речи: тр. Института психологии, 1956. – 247 с.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худож. лит.-ра, 1978–1985.

References

1. Blohin A.V., Kurkina T.S. Struktura i semantika kompozitov v romane L.N. Tolstogo «Vojna i mir» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – T. 23. – № 1. – S. 175–179.
2. Vinokur G.O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. – M.: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1959. – 492 s.
3. Gorbachevich K.S. Izmenenie norm russkogo literaturnogo yazyka. – L.: Prosveshchenie, 1971. – 270 s.
4. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika // Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. T. 7: Trudy po filologii, 1739–1758 gg. / AN SSSR. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. – 993 s.
5. Sokolov A.N. Orechevyh mekhanizmah umstvennoj deyatel'nosti // Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. Vyp. 81: Voprosy psihologii myshleniya i rechi: tr. Instituta psihologii, 1956. – 247 s.
6. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. – M.: Hudozh. lit.-ra, 1978–1985.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470.317) ; 929.52 Лермонтов

Яковлев Виталий Юрьевич
доктор философских наук, профессор
Костромской государственной университет
yakovlevv51@mail.ru

О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ ОТЦА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА ЛЕГЕНДЫ

Статья посвящена проблемам источниковедческой критики генеалогической информации на примере изучения места рождения отца М.Ю. Лермонтова в Костромском крае в условиях смены топонимов, изменения административно-территориальной принадлежности мест проживания представителей лермонтовского рода в конце XVIII века. В краеведении и генеалогической литературе утвердилась ошибочная точка зрения относительно места рождения отца поэта, которая при не критическом прочтении документов не учитывала реалий исторической эпохи. Вырванная из контекста и включенная в другой функциональный контекст генеалогическая информация о месте рождения отца поэта была неправильно интерпретирована. Результатом этого стал ошибочный «перенос» предков поэта в чуждые для них места, где силами краеведов-энтузиастов был поставлен памятный знак с надписью о событии, которого в тех краях никогда не было.

Ключевые слова: источниковедение, генеалогия, М.Ю. Лермонтов, усадьба Никольское, Костромской край.

С 1621 года род Лермонтовых тесно связан с Костромским краем, на просторах которого располагались вотчины и усадьбы, принадлежащие потомкам выходца из Шотландии Георга Лермонта, перешедшего на русскую службу. Здесь же родился дед, а также отец поэта.

В краеведческой литературе утвердилась точка зрения, что отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831), родился в Галичском уезде Костромской губернии. Костромской краевед, историк-генеалог А.А. Григоров, много сделавший для изучения дворянских родов Костромского края, привел документ (далее Свидетельство), на который традиционно ссылаются многие исследователи: «1798 года генваря 16 дня. Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что артиллерии поручика Петра Юрьева сына Лермонтова сын Юрий точно из дворян, родился 1787 года декабря 26 числа. В веру греческого исповедания крещен Галицкого уезда, села Никольского, церкви Николая Чудотворца священником Иоанном Алексеевым. Восприемниками были малолетний дворянин Павел Логгинов сын Витовтов и майорша Анна Ивановна Лермонтова.

Правящий должность губернского предводителя Егор Крюков

Тайный советник Александр Иванович Лопухин
Коллежский советник Василий Васильев сын Рыкачев» (цит. по: [3, с. 130]).

По мнению А.А. Григорова, этот документ однозначно убеждает, что отец поэта родился в Галичском уезде Костромской губернии, где был крещен в Никольском храме. В селе Никольское Галицкого уезда Костромской губернии (в настоящее время – деревня в Степановском сельском поселении Галицкого района Костромской области) действительно стоит Никольская церковь, построенная в 1820 г. на средства прихожан на месте, где ранее стояла деревянная Николаевская церковь.

Мемориальная деревянная доска, установленная рядом с ней, гласит: «Здесь в храме Николая Чудотворца 26 декабря 1787 г. был крещен Юрий Петрович Лермонтов, отец великого русского поэта». Казалось бы, этим все сказано.

Однако вопросы о действительных местах упоминаемого события остаются открытыми, так как большинству краеведов и лермонтоведов, затрагивающих эту тему, присуще буквальное прочтение Свидетельства и полное безразличие к вопросам его источниковедческой критики. Исследователи не учитывают исторические обстоятельства составления документа в условиях смены топонимов, изменения административно-территориальной принадлежности населенных мест, упоминаемых в нем.

Результатом этого является «перенос» предков поэта в чуждые для них места. К сожалению, именно так получилось с отцом М.Ю. Лермонтова, который, по мнению краеведов и лермонтоведов, был рожден и крещен не там, где это произошло на самом деле, а в совершенно другом месте. В довершение всего силами энтузиастов в ошибочном месте поставлен памятный знак с надписью о событии, которого здесь никогда не было.

Аналогичная ситуация произошла с родовой усадьбой Измайлово прямых предков поэта в Костромском крае. Она «перекочевала» по воле краеведов из Чухломского уезда, где стояла, в Солигаличский район Костромской области, где также силами энтузиастов в одноименной деревне Измайлово под Судаем установлен большой мемориальный камень. На нем начертано, что в этом месте якобы находилась родовая вотчина Лермонтовых (подробнее см.: [16]).

Однако деревня Измайлово Солигаличского уезда, в которой никогда не было ни двора, ни усадьбы помещика-землевладельца, (дача № 498, по сведениям Алфавита «Планов дач генерального и специального межевания», находилась в 1779 г. во

владении «секунд-майора князя Ивана Мосальского и князя Ванбальского» [12, л. 29 об.], не имевших к Лермонтовым никакого отношения. Такое положение дел продолжится и далее, если исследователи будут проходить мимо источниковедческой критики используемых документов, повторяя на разные лады одни и те же ошибки и упущения.

Внимательное ознакомление с текстом Свидетельства обращает внимание исследователя на явное несоответствие между местом, временем крещения и тем, когда и кем оно удостоверялось. Обряд состоялся в 1787 г. в Костромской губернии, а документ составлен через 11 лет в Тульской губернии и заверен лицами, которые имеют к записи крещения лишь косвенное отношение. Люди, подписавшие Свидетельство: исполняющий обязанности тульского губернского предводителя дворянства Егор Крюков; тайный советник Александр Иванович Лопухин – родственник Арсеньевых, соседей Лермонтовых по тульскому поместью; Василий Васильевич Рыкачев – дядя новорожденного. Дело касается важнейшего христианского таинства, но среди лиц, подписавших документ, нет подписи священника. Пояснение фактического автора Свидетельства – деда поэта, что «священник и отец его крестный померли», ничего не проясняет, так как их подписи могли быть удостоверены выпиской из метрической книги Галичской духовной консистории.

Фактически целью Свидетельства было не рутинное удостоверение факта рождения и крещения, а подтверждение сословного статуса Юрия Петровича (отца поэта) накануне его поступления в Санкт-Петербургский кадетский корпус, где могли обучаться только дети дворянского сословия. Согласно правилам кадетского корпуса, «свидетельство о благородном происхождении» должно подтверждаться или официальным документом, или «тремя благородными особами». С учетом данного требования отец Юрия Петровича представил поручительство трех титулованных свидетелей, показавших, что «сын Юрий точно из дворян...». Это главное в Свидетельстве, все остальное в его содержании факультативно. Удостоверение места рождения и крещения не входило в компетенцию лиц, его подписавших, так как юридически значимым документом в установлении этих фактов являлась копия свидетельства о рождении из метрической книги.

Где же располагалось село Никольское, о котором говорится в Свидетельстве? Известный краевед Д.Ф. Белоруков отмечал: «Село Никольское, что в Пемском стану на Затоке, находилось на большой дороге из Галича в Чухлому... (выделено мной. – В.Я.) принадлежало Александру Петровичу Лермонтову» [1, с. 63], который приходился братом Юрию Петровичу Лермонтову – прадеду поэта.

Д.Ф. Белоруков, проживая в Москве, выявил в Российском государственном архиве древних ак-

тов (РГАДА) большое количество документов, не известных до него костромским историкам. Однако, публикуя уникальные сведения из центральных архивов, он не всегда владел местным материалом, допуская иногда элементарные ошибки. В частности, он ошибочно «поместил» село Никольское, находившееся на речке Затока в юго-восточной части Чухломского уезда, на место одноименного села на реке Едомша в Галичском уезде. Последнее действительно находилось «на большой дороге из Галича в Чухлому», и в нем имела Николаевская церковь, построенная в 1820 г. на старом церковном месте, где некогда стоял деревянный храм с тем же названием. Однако село Никольское (на Едомше) Галичского уезда Лермонтовым никогда не принадлежало, и сведения Д.Ф. Белорукова по этому поводу являются ошибочными.

Почему же село Никольское, тем не менее, упоминается в тексте Свидетельства именно «в Галицком уезде»? Отвечая на этот вопрос, следует учесть что, «Галицким уездом» называли различные административно-территориальные образования. А именно, в XVIII в. Галицкий уезд – известный с допетровских времен старинный административный округ, включавший Усольскую, Чухломскую, Судайскую, Парфентьевскую, Кологривскую и Унженскую осады (волости).

Позднее была образована галичская провинция в составе Архангелогородской губернии, включавшую города Галич, Солигалич, Чухлому, Унжу, посады Парфентьев, Судай и Кологрив.

Галицким уездом называли также административно-территориальную единицу в составе Костромского наместничества, которое в 1796 г. было преобразовано в Костромскую губернию.

Родовая вотчина Измайлово артиллерии поручика Петра Юрьевича Лермонтова (деда поэта) в ревизской сказке 1782 года была записана в составе «Пемского стана Чухломской округи (то есть уезда. – В.Я.) Костромского наместничества» [2, л. 21]. Однако в документах, представленных Юрием Петровичем Лермонтовым (отцом поэта) в 1829 г. в Тульское дворянское собрание для доказательства дворянства и внесения его и сына Михаила в дворянскую книгу, дед поэта указан как владелец поместья в Галичском уезде Костромской губернии [4, с. 88–89].

В полученной справке со «скрепою» (печатью) Вотчинного департамента отец и дед поэта упоминаются как владельцы вотчины Измайлово «в Галичском уезде», хотя по новому распределению уездов и по документам генерального межевания родовая вотчина Измайлово с деревнями (дача № 996) официально относилась с 1778 г. к Чухломскому уезду Костромского наместничества.

Анализ Свидетельства и документов Тульского дворянского собрания, составленных на основе сведений Вотчинного департамента для внесения

Лермонтовых в родословную книгу Тульской губернии, показывает, что «Галицким уездом» названа в них не административно-территориальная единица Костромской губернии в границах 1796 г., как полагал А.А. Григоров и повторяют вслед за ним его бесчисленные последователи, а обширная территория, включавшая с допетровских времен кроме собственно Галицкого уезда Усольскую, Чухломскую, Судайскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую осады (волости), в которых Лермонтовы владели различными поместьями и деревнями. «Ввозной грамотой на Галицкое поместье о деревнях и пустошах в Чухломской осаде *Галицкого уезда* Заболоцкой волости» (1621 г.) царем Михаилом Федоровичем Романовым поручик Юрий Лермонт был пожалован поместьем. Поэтому, несмотря на то, что в новом административном делении Костромской губернии в конце XVIII в. термин «Галицкий уезд» лишился старого референтного значения, для доказательства дворянской родословной деда поэта он сохранял важное практическое значение.

Согласно «Планам генерального межевания Костромской губернии 1796 г.» (далее ПГМ), родовая вотчина Лермонтовых Измайлово (дача № 971) непосредственно граничила с селом Никольское (дача № 969) на Затоке, но не в Галицком, как полагали А.А. Григоров и Д.Ф. Белоруков, а в Чухломском уезде [9, ч. 3, л. 1], на юго-восточной его границе.

При этом рубежи данных уездов определились лишь после завершения генерального межевания, материалы которого (полевые записки, планы дач, экономические примечания) в связи с новым распределением уездов были сданы в Межевую канцелярию с большим опозданием.

Затянувшиеся сроки межевания этих уездов были обусловлены тем, что, начатое до образования Костромского наместничества, оно подверглось впоследствии реорганизации, проводившейся в соответствии с указом Екатерины II 1778 г. «Об учреждении Костромского наместничества». Территория Галицкой провинции, входившая ранее в состав Архангелогородской губернии, была «вновь назначенной к межеванию» и завершилась позднее других. Л.В. Милов в специальной монографии по этому поводу писал: «Окончание уже сделанных межевых работ и завершение генеральных планов и примечаний в связи с указом 1778 г. затянулось» [8, с. 151] на долгий срок.

Практическое завершение работ по генеральному межеванию в Костромской губернии, согласно протоколам Оренбургской межевой конторы, проводившей эти работы, произошло лишь в 1800 г. Поэтому принадлежность Никольского села в новом расписании уездов была неизвестна Петру Юрьевичу Лермонтову (деду поэта), который за несколько лет до составления Свидетельства продал свои Костромские владения и приобрел в 1791 г. поместье Кропотово в Тульской губернии.

Упомянутое в Свидетельстве село Никольское исторически имело два названия: от имени церкви в честь св. Николая Чудотворца, давшей название селу, и мирское – Затока – от речки, на которой стояло. Первые документальные упоминания о Никольской церкви относятся к 1628 г. По книгам Патриаршего казенного приказа храм назывался «Церковь Николы Чудотворца в Пемском стану в Затоке» [15, с. 54–55]. В 1653 г. у церкви числились «2 двора поповых, в приходе 191 двор...». К 1730 г. церковь обветшала, и священнослужители с прихожанами обратились в св. Синод за решением о постройке нового храма.

Примечательным является перечень лиц, ходатайствующих о строительстве: «Попы: Кирилло Иванов, Василий Силин, да церковной староста Никитина крестьянин Афонасьева сына Арсеньева Гаврило Федосеев деревни Фалдина и все той церкви приходские розных поместей и вотчин старосты и крестьяне» [15, с. 54–55]. Упомянутые в документе деревни входили в состав лермонтовской вотчины Измайлово в Чухломском уезде. Из документов следует, что строительство новой церкви Николая Чудотворца велось в 1730 г. на средства Лермонтовых – прямых предков поэта, поддерживавших живую связь с этим храмом, для которых эта церковь была приходской.

Путаница с отождествлением Никольского (на Затоке) с одноименным селом (на Едомше), где находились церкви с одинаковым названием, свойственна не только современным исследователям, но и составителями документов Патриаршего приказа братьям В.И. и Г.И. Холмогоровым, книги которых стали ценным источником по истории церквей.

Некоторые выписки из книг Патриаршего казенного приказа были идентифицированы этими авторами с ошибками. В частности, в записях о церкви Николая Чудотворца села Никольского (на Едомше) приводятся указы, относящиеся к строительству одноименной церкви в Затоке: «1730 г. декабря 3 запечатан указ о строении церкви по челобитью Пемскаго стану церкви Николая чуд. Попов *Кирилы Иванова, Василья Силина* (выделено мной. – В.Я.) с прихожаны, велено им вместо той Николаевской ветхой церкви на том же церковном месте построить вновь церковь во имя тот же престол...» [15, с. 32]. Данный указ относился не к церкви (на Едомше), где он помещен составителем, а к одноименной церкви (в Затоке), где служили упоминаемые в указе священники «*Кирилло Иванов и Василий Силин*» [15, с. 54–55], ходатайствующие с прихожанами лермонтовской вотчины Измайлово о строительстве нового храма.

Важными источниками, позволяющими уточнить историческое название села в изучаемый период, наряду с картами ПГМ являются картографические документы XVIII–XIX вв., которые могут восстановить топонимику утраченных селений.

1. На карте Костромского наместничества «Российского атласа...» 1792 г., составленной в Географическом департаменте под руководством А. Вильбрехта [6], в юго-западной части Чухломского уезда на границе с Галичским указано с. *Никольское*. Оно показано напротив д. Фофаново Галичского уезда Костромского наместничества. На современной карте расстояние между урочищем Затока, где находилось с. Никольское, и д. Фофаново составляет 4 км, что верифицирует сведения исторической карты с ее относительно примитивными средствами топографии.

2. «Атлас Российской империи, изданный для употребления юношества» [5], опубликованный в 1794 г. в Санкт-Петербурге, также показывает с. *Никольское* Чухломского уезда на юго-западной границе с Галичским уездом Костромского наместничества.

3. «Российский атлас из сорока трех карт состоящих и на сорок одну губернию Империю разделяющий» [7] (1800 г.) зафиксировал административное деление Российского государства на губернии и более точно отразил положение отдельных географических объектов. При этом на пограничной территории юго-западной части Чухломского уезда также указано с. *Никольское*. Оно показано напротив д. Фофаново Галичского уезда, что согласуется с атласом 1792 г.

4. «Специальная карта западной части Российской империи» [14] генерал-лейтенанта Шуберта 1832 г., зафиксировавшая результаты труда Военно-топографического депо, может быть использована как ценный исторический источник по топонимике Костромского края, так как многие населенные пункты, обозначенные на карте, сегодня утрачены. На территории Чухломского уезда (20-й л. карты), в смежных границах с Галичским уездом, севернее Галичского озера указан погост *Никольской*. Северо-восточнее от него показано сельцо Измайлово и Халинино с деревнями Бакунино и Жеребцово, входившими в состав вотчины Лермонтовых [1, с. 64]. На смежной территории от Никольского в Галичском уезде указана д. Федосеево, принадлежавшая в 1779 г. Петру Юрьевичу (деду поэта).

5. «Подробный атлас Российской империи с планами главных городов» [10] (1876 г.), изданный А.А. Ильиным, показывает селение *Никольское* в границах Чухломского уезда на смежной территории с Галичским уездом. Интересно отметить, что рядом с этим селом отмечено с. Измайлово – родовое поместье Лермонтовых (координаты усадьбы в информационной картографической системе «Яндекс.Карты»: 58°32'31"N, 42°26'18"E).

Изучение исторических карт доказывает, что общепризнанным названием села на Затоке в Чухломском уезде Костромской губернии в изучаемый период было «село Никольское». В соответствии с «Алфавитом карт генерального межевания Чух-

ломского уезда Костромской губернии» сельцо Никольское (дача № 969), а также деревни Мерлино (№ 996), Якшино (№ 994), пустошь Харламово (№ 966) принадлежали в 1779 г. капитану Александру Юрьевичу Лермонтову – брату прадеда поэта [13, л. 49 об., 56, 89, 99]. В древнем Никольском погосте (дача № 970) [13, л. 86], расположенном на речке Затока в Чухломском уезде, в церкви Николая Чудотворца был крещен в 1787 г. Юрий Петрович Лермонтов, уроженец усадьбы Измайлово – отец великого поэта.

Сельцо Измайлово и Халинино с деревнями (дача № 996), как следует из «Алфавита карт генерального межевания Чухломского уезда Костромской губернии» [13, л. 30 об.], а также деревня Федосеево (дача № 406) в Галичском уезде [11, л. 105 об.], располагавшиеся по соседству с Никольской усадьбой, принадлежали секунд-майору Юрию Петровичу Лермонтову (прадеду поэта), а после него – его деду.

На старом Никольском кладбище (ныне урочище Затока; географические координаты в информационной картографической системе «Яндекс.Карты»: 58°31'33"N, 42°23'0"E) нашли упокоение бранные останки нескольких поколений прямых предков поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, для которых церковь в селе Никольском была родовым приходским храмом. Лермонтовы, являясь владельцами нескольких больших сел и деревень в округе, щедро выделяли средства на строительство и содержание этого храма. Рядом с церковью, за каменной оградой с железными воротами находились могилы прихожан, среди которых были и надгробья измайловской ветви рода Лермонтовых, из которой происходит поэт.

Возможно, мы когда-нибудь дойдем до понимания того, что храм Николая Чудотворца должен быть восстановлен. Однако сегодня в тех местах ничто, к сожалению, не напоминает нам о предках великого поэта. Каменная церковь Николая Чудотворца, построенная в 1809 г. на месте деревянного храма, вместе с Преображенской церковью, построенной в том же селе, были закрыты в 1930-х годах и заброшены. Но память о лермонтовских местах в Костромском крае должна жить и сохраняться для наших потомков.

Библиографический список

1. Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. – Кострома: Эврика-М, 2000. – 536 с.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 200. – Оп. б/ш. – Д. 712.
3. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства / сост., вступит. ст. и примеч. Н.А. Зонтикова. – Кострома, 1993. – 472 с.
4. К столетию со дня рождения М.Ю. Лермонтова: 1814 – 2 окт. 1914: Документы к родословной

Лермонтовых и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых / собрал В. С. Арсеньев // Тр. Тул. губ. учен. архив. комиссии. – 1915. – Кн. 1. – С. 79–108.

5. Карта Костромского и Вятского наместничеств // Атлас Российской империи, изданный для употребления юношества в 1794 [году] в Санкт-Петербурге. – СПб.: Изд. Геогр. департамента Кабинета Е. И. В., 1794. – [2] с.; 17 л. к.

6. Карта Костромского наместничества / сост. А.М. Вильбрехт, грав. А. Савинков // Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий / Географический департамент Кабинета Е. И. В. – СПб.: Тип. Горного училища, 1792. – 6 с.; 44 л. к.

7. Карта Костромской губернии / сост. А.М. Вильбрехт // Российский атлас, из 43 карт состоящий и на 41 губернию Империю разделяющий. – СПб.: [изд. при Географ. департаменте], 1800. – [3] с.; 43 л. к.

8. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. – 310 с.

9. Планы дач генерального и специального межевания: Костромская губерния. Чухломской уезд. Ч. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yadi.sk/d/13iXjxf-ZhsHQ> (дата обращения: 02.04.2016).

10. Подробный атлас Российской империи с планами главных городов / сост. А. Ильин. – 1876, СПб.: Картографическое заведение А. Ильина. – 6 с., 72 л. карт.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1354. – Оп. 184. – Д. 4841. – Ч. 1.

12. РГАДА. – Ф. 1354. – Оп. 93. – Д. 4158. – Ч. 1.

13. РГАДА. – Ф. 1354. – Оп. 194. – Д. 3213. – Ч. 1.

14. Специальная карта западной части Российской империи, составленная и гравированная при Военно-топографическом депо, во время управления генерал-квартирмейстера Нейдгарта под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. – СПб.: Военное Депо карт, 1832. – [1] с.; 62 л. к.

15. *Холмогоров В.И.* Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломой жилых данных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг. Оtd. 1. / сост. и публ. свящ. В. и Г. Холмогоровы. – Кострома: Губ. тип., 1895. – 404 с.

16. *Яковлев В.Ю.* Родовое поместье прямых предков М.Ю. Лермонтова в Костромском крае // Костромской гуманитарный вестник. – Кострома: КГТУ, 2015. – № 1 (8). – 36–41.

References

1. Belorukov D.F. Derevni, sela i goroda kostromskogo kraja: materialy dlya istorii. – Kostroma: ENvrika-M, 2000. – 536 s.

2. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. 200. – Op. b/sh. – D. 712.

3. Grigorov A.A. Iz istorii kostromskogo dvoryanstva / sost., vstu-pit. st. i primech. N.A. Zontikova. – Kostroma, 1993. – 472 s.

4. K stoletiyu so dnya rozhdeniya M.YU. Lermontova: 1814 – 2 okt. 1914: Dokumenty k rodoslovnoj Lermontovyh i rodstvennyh im semejstv Violevykh i Arsen'evykh / sobral V. S. Arsen'ev // Tr. Tul. губ. учен. архив. комиссии. – 1915. – Кн. 1. – С. 79–108.

5. Karta Kostromskogo i Vyatskogo namestnichestv // Atlas Rossijskij imperii, izdannyj dlya upotrebleniya yunoshestva v 1794 [godu] v Sankt-Peterburge. – SPb.: Izd. Geogr. departamenta Kabineta E. I. V., 1794. – [2] с.; 17 l. k.

6. Karta Kostromskogo namestnichestva / sost. A.M. Vil'brekht, grav. A. Savinkov // Rossijskij atlas, iz soroka chetyrekh kart sostoyashchij i na sorok dva namestnichestva imperiyu razdelyayushchij / Geograficheskij departament Kabineta E. I. V. – SPb.: Tip. Gornogo uchilishcha, 1792. – 6 s.; 44 l. k.

7. Karta Kostromskoj gubernii / sost. A.M. Vil'brekht//Rossijskij atlas, iz 43 kart sostoyashchij i na 41 guberniyu Imperiyu razdelyayushchij. – SPb.: [izd. pri Geograf. departamente], 1800. – [3] с.; 43 l. k.

8. *Milov L.V.* Issledovanie ob «EHkonomicheskikh primechaniyah» k General'nomu mezhevaniyu. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. – 310 с.

9. Plany dach general'nogo i special'nogo mezhevaniya: Kostromskaya guberniya. CHuhlomskoj uезд. CH. 3 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://yadi.sk/d/13iXjxf-ZhsHQ> (data obrashcheniya: 02.04.2016).

10. Podrobnij atlas Rossijskij imperii s planami glavnyh gorodov / sost. A. Il'in. – 1876, SPb.: Kartograficheskoe zavedenie A. Il'ina. – 6 s., 72 l. kart.

11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). – F. 1354. – Op. 184. – D. 4841. – CH. 1.

12. RGADA. – F. 1354. – Op. 93. – D. 4158. – CH. 1.

13. RGADA. – F. 1354. – Op. 194. – D. 3213. – CH. 1.

14. Special'naya karta zapadnoj chasti Rossijskij imperii, sostavlennaya i gravirovannaya pri Voennotopograficheskome depe, vo vremya upravleniya general-kvartirmejstera Nejdgarta pod rukovodstvom general-lejtenanta SHuberta. – SPb.: Voennoe Depo kart, 1832. – [1] с.; 62 l. k.

15. *Holmogorov V.I.* Materialy dlya istorii Kostromskoj eparhii. Vyp. 1. Galichskaya desyatina s prigorody Soligalichem, Sudaem, Unzheyu, Kologrivom, Parfen'evym i CHuhlomozhilyh dannyh cerkvej. 1628–1710 i 1722–1746 gg. Otd. 1. / sost. i publ. svyashch. V. i G. Holmogorovy. – Kostroma: Gub. tip., 1895. – 404 s.

16. *Yakovlev V.YU.* Rodovoe pomest'e pryamyh predkov M.YU. Lermontova v Kostromskom krae // Kostromskoj gumanitarnyj vestnik. – Kostroma: KGTU, 2015. – № 1 (8). – 36–41.

Менщиков Игорь Самуиловичкандидат исторических наук
Курганский государственный университет
igor@bk.ru**Павлуцких Тимофей Геннадьевич**Курганский государственный университет
dobro_rg45@mail.ru**ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
И КАРТОФЕЛЬНЫЕ БУНТЫ 1842–1843 ГГ.**

Данная статья посвящена выявлению и анализу причин так называемых картофельных бунтов, прокатившихся по русской государственной деревне в 1842–1843 гг. Особый акцент сделан на рассмотрении этих волнений в зауральских уездах Пермской губернии, где они проходили в наиболее острой форме. Исследование исторических источников и литературы позволило прийти к заключению, что картофельные бунты нельзя объяснить только при помощи теории классовой борьбы. Большую роль в возникновении бунтов играли особенности мировоззрения и социальной психологии русских государственных крестьян. Используя свидетельства источников, авторы анализируют побудительные мотивы, отраженные в требованиях крестьян. Установлено, что основным источником информации для них были слухи, а не официальная информация. Крестьяне не доверяли представителям сельской власти. Тревожные слухи спровоцировали крайние формы агрессии против сельской администрации. В итоге авторы приходят к заключению, что основную роль в начале бунтов сыграли особенности менталитета крестьян, которые совершенно не учитывались российской бюрократией.

Ключевые слова: крестьянская повседневность, картофельные бунты, русское крестьянство, крестьянские реформы, государственные крестьяне, Зауралье, коллективные представления, сознание крестьян.

В начале 1840-х годов по многим губерниям Российской империи, населенным главным образом государственными крестьянами (Вятская, Пермская, отчасти Оренбургская) прокатилась волна так называемых картофельных бунтов. Эти волнения, связанные с проведением реформы государственной деревни, предпринятой министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым, не получили еще должного освещения в исторической литературе. Между тем они оставили заметный след в российской истории и приостановили продвижение реформы в Западную Сибирь.

Следует отметить, что определенный интерес к феномену картофельных бунтов наблюдался во второй половине XIX века, когда краеведы-любители собрали и обобщили имевшиеся материалы, записали воспоминания участников, обработали архивные материалы. Здесь необходимо упомянуть имена А.Н. Зырянова [4; 5], Н.А. Середы [13], Н.П. Коллюпанова [8], П.П. Деви [2], В.Я. Кокосова [7]. После 1917 г. интерес к этим событиям заметно спал как на местном, так и на общесоюзном уровне. В этой связи можно отметить небольшую монографию С.В. Токарева, которая написана в основном на материалах Вятской губернии и рассматривает крестьянское движение в государственной деревне Предуралья, в то время как события в Зауралье, носившие более масштабный и кровопролитный характер, не получили должного освещения. Во втором томе фундаментального труда Н.М. Дружинина, посвященного реформам графа Киселева в государственной деревне, рассматриваются реализация и последствия этих реформ [3]. Н.М. Дружинин отмечает, что эксплуатация крестьян со стороны казенного ведомства

носила феодальный характер, да и сами мероприятия министра государственных имуществ, несмотря на «некоторые прогрессивные черты», носили феодально-крепостнический характер [3, с. 5, 37]. Вследствие этого волнения крестьян, называемые «картофельными бунтами», которые были направлены против попыток правительства взять под усиленную опеку государственных крестьян «мерами попечительства», носили объективно антифеодальный характер [3, с. 520–524].

После выхода названной монографии Н.М. Дружинина тема картофельных бунтов практически не исследовалась. Достаточно сказать, что в многотомной «Истории Сибири», вышедшей в 1968 г., о них даже не упоминается. Только в последние десятилетия XX века вышло несколько работ, посвященных изучению крестьянских волнений 1842–1843 гг. Прежде всего стоит упомянуть монографии Т.С. Мамсик [9] и В.В. Пундани [11], в которых в целом подтвержден тезис Н.М. Дружинина о том, что волнения носили объективно антифеодальный характер, поскольку были направлены против государства, которое было коллективным феодалом в государственной деревне, и особенно в Сибири [9, с. 176–178; 11, с. 255–258].

Однако наряду с этими работами появились и другие, которые пытаются рассматривать картофельные бунты с позиций мировоззрения и мышления крестьян, вскрыть причины волнений не только исходя из принципа классовой борьбы. Так, уральские историки В.А. Шкерин [16] и И.В. Побережников [10] обратили внимание на роль слухов в возникновении и распространении бунтов. Несмотря на то, что эти слухи кажутся нелепыми не только нам, но и представителям администрации середины XIX века, их нельзя игнорировать,

поскольку побудительные мотивы восставших не всегда можно объяснить рационально [16, с. 100]. Такой подход представляется нам более продуктивным, поскольку создает более прочную почву для объяснительной конструкции и более соответствует принципу историзма, который предполагает определенную автономность прошлого.

Следует оговориться, что в задачи данной статьи не входит детальное описание картины картофельных бунтов, тем более что все они протекали по примерно одному сценарию. Ранней весной, незадолго до Пасхи, по селам пронесся слух о том, что государственных крестьян помимо царской воли будут передавать «под барина», причем в некоторых случаях фигурировали даже фамилии этого барина (Кульнев, Киселев, Министеров, Министер). Совершили эту «запродажу под барина» писари и волостное начальство (головы и заседатель), а за это им заплатили и дали право носить форменные кафтаны с позументами и медными пуговицами. Причем суммы назывались просто фантастические – «пуд ассигнаций», а писарям – по фунту. Крестьян на Пасху будут приводить к присяге, и тогда они окончательно станут помещичьими. Для этого их обязывают сеять картофель и создавать запасные магазины (склады) ярового хлеба. После передачи «под барина» крестьян заставят платить невыносимые оброки, сеять «барскую запашку», крестьянки должны будут ткать большое количество полотна на больших станках «медными бердами». Интересно, что общее содержание этих слухов в целом идентично по всему ареалу волнений. В то же время практически невозможно установить место, откуда распространились эти толки. Почти все авторы указывают, что они пришли из «соседнего уезда».

Обсуждение этих толков велось в скрытых местах («по гумнам и овинам») [7, с. 301]. В них принимали участие в основном зажиточные крестьяне среднего достатка. Итогом этих «заговоров» стали крестьянские выступления, известные под названием картофельных бунтов, которые протекали по схожему сценарию как в 1842 г., так и в 1843 г. На страстной неделе или непосредственно накануне Пасхи крестьяне собирались у волостного писаря и требовали от него и членов волостного правления показать им «запродажную грамоту», которой их отдали «под барина», или царский указ «с золотой строчкой», который запрещает эту передачу и который якобы писари прячут от «мира». Поскольку требуемые документы не выдавались, толпа начинала ломать окна и двери в правлении или в домах писарей, после чего – зверски пытаться прежде всего писарей, вымещая на них все полуреченные обиды.

Писарь нередко был единственным грамотным человеком на селе. Он вел все делопроизводство, поддерживал контакты с уездной администра-

цией, выполнял нотариальные действия, выдавал паспорта. Как правило, у писаря не было своего хозяйства, он жил на жалование и деньги, которые приносили крестьяне за составление документов. Заметную роль в его доходах играли взятки и подношения, которые он нередко вымогал у односельчан. Кроме того, писари нередко вели себя высокомерно, заставляли себя просить, насмехались над «безграмотным мужиком». Поэтому их одновременно боялись и ненавидели [1].

Таким образом, именно писари становились главным объектом жестокости бунтующих. Их окунали в колодцы или проруби, а то и просто избивали. Так, в селе Томакульском Камышловского уезда Пермской губернии особую ненависть вызывал писарь Канахин, который имел богатый дом и отличался надменным характером. Толпа собралась у его дома и потребовала выдать «запродажные записи», потом стали ломать окна и ворота. Писарь укрылся на чердаке. Узнав об этом, бунтующие стали ломать крышу, вытащили писаря на площадь, после чего некий Подосенов ударил его по голове поленом, после чего толпа навалилась на него и потащила во двор, а там «бил всякий чем попало». Его дважды таскали к колодцу и обливали ледяной водой, затем приковали к забору цепями, к вечеру он умер. Тело Канахина было обезображено до неузнаваемости и лежало 5 дней на улице [4, с. 14–16; 8, с. 615]. В селе Крестовка того же Камышловского уезда крестьяне выставили окно в доме писаря, раздели его и стали катать по битым стеклам из его же окон. «Кровь текла, что из резаного барана, кричал писарь нечеловеческим голосом», затем полуживого приколотили его к забору, где он и умер [7, с. 604].

После этого гнев толпы направлялся на волостных голов и заседателей. Как правило, их тоже пытали, но не так жестоко и запирали в погребе или каталажной комнате. Та же судьба постигла священников и прочих членов причта. В обязанности священников входило оглашение важных правительственных сообщений и манифестов. Кроме того, они, а также дьячки, пономари были грамотные. Следовательно, с точки зрения крестьян, они могли хранить «грамоту» либо что-то знать о ней. Поэтому их тоже подвергали пыткам – протаскивали через проруби подо льдом или опускали в колодец.

Волнения удавалось подавить только при помощи войск, да и то если для устрашения отряды сопровождала артиллерия. Особую жестокость при подавлении проявили башкирская конница и казаки. Последние были особенно обозлены на то, что их оторвали от весенних полевых работ: «Татарские нагайки долго помнились нашим мужикам, – записал А.Н. Зырянов воспоминания жителя села Першино, – а казаки долго шлялись по нашим дворам и овец почти всех приели» [5, с. 305].

Из этого краткого описания бунтов 1842–1843 гг. можно сделать несколько выводов. Прежде всего, они не были восстанием сельской бедноты. Основной массой бунтующих было вполне зажиточное, хотя и не богатое крестьянство [11, с. 256]. Поэтому в ходе бунтов не отмечено особых грабежей и даже пьянства. Жители волостных центров поселяли у себя пришедших, кормили и поили их несколько дней [8, с. 614].

Главным требованием крестьян было сохранение их юридического статус-кво, они не хотели «идти под барина», хотя никто и не собирался так с ними поступать. В этом смысле волнения носили антикрепостнический характер, но крестьяне совсем не были против того, что крепостное право существует. Их беспокоила конкретно их судьба, их «прародители не от добра бегали, от барской неволи-кабалы» [7, с. 600].

Следует отметить, что сознание русских крестьян, в соответствии с традиционной культурой, носило выраженный охранительный характер и противилось всяким нововведениям. Именно этот аспект и не учли реформаторы из министерства государственных имуществ. Они полагали, что лучше крестьян знают, как тем жить, и посредством регламентации их деятельности, «опеки и попечительства» сумеют улучшить их жизнь. Кроме того, чиновники на местах стремились прежде всего угодить начальству, а не улучшить жизнь «мужиков». Поэтому положения реформы они проводили в жизнь грубо и бездумно [3, с. 523]. Разосланный циркуляр предлагал крестьянам самим решить вопрос о сохранении ярового зерна в магазинах и о посевах картофеля, для чего составить «приговор о сохранении того количества зерна, которое, по состоянию семейства, может быть отделено для обеспечения будущих яровых посевов» [8, с. 601]. Однако губернское и уездное чиновничество, натолкнувшись на нежелание крестьян составлять такие приговоры, попросту подделало их, что и выяснилось в ходе следственных действий по итогам бунтов [8, с. 602].

Разумеется, никто не собирался объяснять «мужикам» смысл и назначение реформ. Местные чиновники были крайне низкого мнения мыслительных способностях «черни». Их мнение наиболее полно выразил исправник Черносивитов, который принимал участие в подавлении картофельных бунтов в Шадринском уезде: «Впрочем, я не подозреваю даже возможности развития какой-либо мысли в этом безграмотном и диком обществе» [15, с. 48]. П.П. Деви отмечал в своем интересном анализе истоков картофельных бунтов, что бюрократические меры попечения о крестьянах и планы, которые составлялись в канцеляриях, хотя и выглядели вполне благотворными, но «не были согласны с действительностью» и вызвали волнения, а их исполнители держались в стороне от крестьянства,

практически ничего о нем не знали, у них была одна цель: выполнить приказы вышестоящего начальства [2, с. 87].

Еще более сложные отношения были у крестьян с низшим звеном сельской администрации: головами, заседателями и т. п., которые сами были членами крестьянской общины. Однако, становясь начальниками, они вели себя по отношению к односельчанам высокомерно. Особенно это замечание справедливо по отношению к писарям, которые формально нанимались «сельским обществом» и несли перед ним ответственность, но фактически могли руководить даже волостным правлением. Поэтому попытка министерства государственных имуществ ввести для сельской администрации подобие мундира вызвала резкое сопротивление в крестьянской среде: «Народ изумился при виде форменных кафтанов с галунами и светлыми пуговицами, надетых на писарей и мужиков-начальников» [5, с. 271]. Эти галуны и форменные пуговицы фигурируют почти во всех сообщениях о протестах крестьян, поскольку с их точки зрения крестьянское начальство окончательно отрывалось от общины, которую «запродавало под барина». Исправник Черносивитов, давая показания о своих действиях при подавлении картофельных бунтов в Шадринском уезде, отмечал: «Народ, выбирая себе сельских и волостных начальников, постоянно ненавидит их, потому что они, становясь начальниками, делаются, как выражаются крестьяне, чиновниками, мироедами и действительно злоупотребляют своей властью» [15, с. 48].

Вполне естественно, что крестьянство не доверяло «господам» и чиновникам и не верило их словам. Наиболее достоверным источником информации были не рескрипты и циркуляры, языка которых крестьяне не понимали, а толки, переданные «знающими людьми» или «своим братом-мужиком». Таким, самым нелепым, слухам крестьяне верили охотнее, чем всяким уверениям, данным под присягой или даже под пыткой [5, с. 271].

Еще одна характерная черта русского крестьянского сознания – его общинность. Община-мир была одной из главных ценностей крестьянской жизни и одним из столпов крестьянского мировоззрения. Это подтверждают известные пословицы «на миру и смерть красна», «на кого мир, на того и Марья крива». Гнев восставших был направлен против «мироедов», «миропродавцев», то есть тех, кто продал общину барину [8, с. 61; 15, с. 48]. Поэтому бунтари призывали покаяться пред миром, и тогда он простит [2, с. 100; 7, с. 604].

Кроме того, крестьяне следили за тем, чтобы в бунте принимали участие все взрослые мужчины. Здесь действовал принцип круговой поруки. Тех, кто отказывался, подозревали в сговоре с сельским начальством и могли также включить в число кандидатов на расправу. Более того, «каждый, бывший

начальников и писарей, следил, чтобы и другие делали то же – отвечать, так всем. Тех, кто отказывался, били наравне с начальниками и тем побуждали присоединиться к толпе» [2, с. 90].

Наконец, следует сказать о так называемом «наивном монархизме» крестьян, вере в доброго и справедливого царя. В представлении крестьян чиновники и министры утаили от царя передачу мужиков под «барина», в то же время они скрыли от крестьян подлинный текст царского «указа с золотой строчкой», в котором прописано сохранение «воли». Уже упомянутый исправник Черносвитов писал, говоря о крестьянах: «Но в самых буйных выражениях их заметно было, даже преобладала привязанность к царю. Так, упрекая меня, что я вместе с другими продал их министру – они главным укором ставили мне измену царю. Можно взволновать народ подобными слухами, но верность к престолу в нем тверда, имя царя – священо» [15, с. 48].

Кроме того, крестьяне были убеждены, что «господа» скрывают реальное положение дел от царя и объясняли свои жестокости и убийства тем, «что правду от царя скрывают, а так волей-неволей донесут» [2, с. 98].

В заключение следует сказать, что в Курганском и Ялуторовском уездах Тобольской губернии, соседних с охваченными бунтами округами, удалось избежать кровавых событий. В значительной мере это связано с действиями местной администрации во главе с генерал-губернатором Западной Сибири князем П.Д. Горчаковым, которые всячески сопротивлялись распространению реформ графа Киселева в Сибирь. Генерал-губернатор в кратчайшие сроки посетил охваченные волнениями западные округа и сумел убедить крестьян в отсутствии у него и сибирских властей намерения передать их в крепостную зависимость. В своем докладе царю, сделанном после этих событий в 1843 г., князь отметил, что переход в ведение министерства государственных имуществ сибирские крестьяне восприняли как угрозу их свободному и независимому существованию. Вообще, по мнению П.Д. Горчакова, сибиряки не любят нововведений и вмешательства в их жизнь и хозяйственную деятельность, они желают «располагать собою, своим имуществом и занятиями» [12]. В конечном итоге реформы Киселева практически не были распространены на сибирские губернии. В европейских губерниях, населенных по преимуществу государственными крестьянами, правительство стало проводить свои мероприятия более сдержанно и осторожно [3, с. 523]. Однако память о волнениях сохранилась в Пермской и Оренбургской губерниях даже в начале XX века.

Библиографический список

1. Безгин В.Б. Волостной писарь в общественной жизни села второй половины XIX – начала

XX века // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 149–155.

2. Деви П.П. Картофельный бунт в Пермской губернии, 1842: Рассказ крестьянина Гурина // Русская старина. – 1874. – Т. 10. – № 5. – С. 86–120.

3. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. Реализация и последствия реформы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 619 с.

4. Зырянов А.Н. Шадринский уезд в апреле 1842 года: (Из воспоминаний очевидца) // Пермский сборник. – Кн. 2. – Отдел IV. – Пермь, 1860. – С. 13–21.

5. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «X Зыряновские чтения». – Курган, 2012. – С. 270–305.

6. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 445 с.

7. Кокосов В. Картофельный бунт: (Рассказ покойной матери) // Исторический вестник. – 1913. – Т. 132. – С. 600–608.

8. Колупанов Н.П. Камышловское дело: (Из недавнего прошлого наших провинций) // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 10. – С. 598–618.

9. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири: Вторая четверть XIX в. – Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1987. – 268 с.

10. Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции: По материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – 93 с.

11. Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – Курган: Курганский государственный университет, 1999. – 272 с.

12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1589. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 1–5.

13. Серeda Н. Позднейшие волнения в Оренбургском крае // Вестник Европы. – 1868. – № 4. – С. 585–616.

14. Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. – Киров: Облиздат, 1939. – 103 с.

15. Показания Р.А. Черносвитова о «картофельных бунтах» в Шадринском крае // Шадринская старина: краеведческий альманах. – Шадринск, 1998. – С. 42–48.

16. Шкерин В.А. Применение теории психической установки при изучении волнений государственных крестьян Зауралья 1842–1843 гг. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. – Екатеринбург, 1992. – С. 85–100.

References

1. Bezgin V.B. Volostnoj pisar' v obshchestvennoj zhizni sela vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka //

- Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah ee sozidatelej: IX–XXI vv. – Lipeck: LGPU, 2013. – S. 149–155.
2. Devi P.P. Kartofel'nyj bunt v Permskoj gubernii, 1842: Rasskaz krest'yanina Gurina // Russkaja starina. – 1874. – T. 10. – № 5. – S. 86–120.
3. Druzhinin N.M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva. T. 2. Realizaciya i posledstviya reformy. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 619 s.
4. Zyryanov A.N. SHadrinskij uezd v aprele 1842 goda: (Iz vospominanij ochevidca) // Permskij sbornik. – Kn. 2. – Otdel IV. – Perm', 1860. – S. 13–21.
5. Zyryanov A.N. Krest'yanskoe dvizhenie v SHadrinskom uezde Permskoj gubernii v 1843 godu // Zyryanovskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «H Zyryanovskie chteniya». – Kurgan, 2012. – S. 270–305.
6. Gromyko M.M. Mir russkoj derevni. – M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 445 s.
7. Kokosov V. Kartofel'nyj bunt: (Rasskaz pokojnoj materi) // Istoricheskij vestnik. – 1913. – T. 132. – S. 600–608.
8. Kolyupanov N.P. Kamyshlovskoe delo: (Iz nedavnego proshlogo nashih provincij) // Vestnik Evropy. – 1870. – Kn. 10. – S. 598–618.
9. Mamsik T.S. Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri: Vtoraya chetvert' XIX v. – Novosibirsk: Nauka (Sibirskoe otdelenie), 1987. – 268 s.
10. Poberezhnikov I.V. Sluhi v social'noj istorii: tipologiya i funkcii: Po materialam vostochnyh regionov Rossii XVIII–XIX vv. – Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1995. – 93 s.
11. Pundani V.V. Gosudarstvennaya derevnya Urala i Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX vv. – Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 1999. – 272 s.
- 12 Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. – F. 1589. – Op. 1. – D. 307. – L. 1–5.
13. Sereda N. Pozdnejshie volneniya v Orenburgskom krae // Vestnik Evropy. – 1868. – № 4. – S. 585–616.
14. Tokarev S.V. Krest'yanskie kartofel'nye bunt. – Kirov: Oblizdat, 1939. – 103 s.
15. Pokazaniya R.A. CHernosvitova o «kartofel'nyh buntah» v SHadrinskom krae // SHadrinskaya starina: kraevedcheskij al'manah. – SHadrinsk, 1998. – S. 42–48.
16. SHkerin V.A. Primenenie teorii psihicheskoj ustanovki pri izuchenii volnenij gosudarstvennyh krest'yan Zaural'ya 1842–1843 gg. // Gosudarstvennye krest'yane Urala v ehposu feodalizma. – Ekaterinburg, 1992. – S. 85–100.

Новиков Алексей Валентинович
кандидат исторических наук
Костромской государственной университет
Anovikov111@mail.ru

Катышев Юрий Владимирович
Костромской государственной университет
ykatyshev@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИНЕШЕМСКОГО ФАБРИКАНТА ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА МИНДОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В отечественной историографии исследования, посвященные отдельным представителям предпринимательских династий, мало представлены в научной литературе. В данной работе прослежены основные моменты общественно-предпринимательская деятельность Ивана Александровича Миндовского – известного фабриканта дореволюционного времени. Нами предпринята попытка реконструировать историю развития его благотворительной деятельности как мецената, а также дана оценка его жизненных взглядов, формировавшихся в среде православных старообрядцев.

Ключевые слова: предприниматель, общественная деятельность, земство, меценатство.

Роль дореволюционных предпринимательских династий в общественной жизни провинции в историографии изучена достаточно обстоятельно. Однако личный успех отдельных представителей провинциального предпринимательства исследован недостаточно. Однако именно провинциальные фабриканты создавали не только экономическую, но и социально-культурную основу российского государства во второй половине XIX – начале XX века.

Весьма привлекательной для изучения является фигура известного кинешемского промышленника Костромской губернии Ивана Александровича Миндовского – совладельца и ди-

ректора-распорядителя Товарищества Долматовской мануфактуры бумажных и льняных изделий и Товарищества Юрьевоцкой льнопрядильной мануфактуры (рис. 1).

Иван Александрович родился в семье Александра Ивановича Миндовского – основателя Юрьевоцкой льнопрядильной мануфактуры в 1836 году.

11 июля 1854 года И.А. Миндовский женился на представительнице не менее знаменитой предпринимательской династии – Александре Александровне Коноваловой (24.04.1836 – 07.07.1900). Поручителями на свадьбе со стороны жениха являлись кинешемский купец Федор Иванович Миндовский и Геннадий Александрович Кокорев, со стороны невесты – кинешемский купец Осип Петрович Коновалов и юрьевоцкий купец Иван Иванович Морокин [1, с. 243]

Г.А. Кокорев был кинешемским купцом первой гильдии. Он совместно с И.А. Миндовским построил больницу для лечения своих работников в селе Новая Гольчиха. А один из племянников А.А. Коноваловой – Александр Иванович Коновалов (1875–1949) – владел крупными текстильными фабриками в селе Бонячки и поселке Каменка, был компаньоном крупного фабриканта М. Второва. В 1917 году А.И. Коновалов стал министром торговли и промышленности Временного правительства.

Исследователь быта и родственно-деловых связей династии – В.А. Миндовский – так описывал И.А. Миндовского: «Был очень богатым человеком, имел несколько фабрик, много лесов, домов и имений. Отличался большой скупостью, граничащей скорее с душевной ненормальностью. Сыновья И.А. Миндовского по скупости превзошли своего папашу. В селе Вичуге ему также принадлежало не менее десятка зданий, большинство которых он сдавал в аренду под торговые лавки, питейные заведения и трактиры» [3, с. 4–5].

Об И.А. Миндовском рассказывали: «Все свои грузы он отдавал обществу “Самолет”, выговорив

Рис. 1. Иван Александрович Миндовский (1836–1912)

себе бесплатный проезд на их пароходах, чем всегда и пользовался. Ни разу никто не заметил, чтобы он брал что-нибудь из буфета парохода, разве только кипятка, подаваемый задаром, имел всегда при себе мешочек с провизией». Любил он и бесплатные угощения, предварительно удостоверившись, что они действительно будут бесплатными. О сыновьях Ивана Александровича также есть любопытный анекдот: «...им очень не нравилось, что в их конюшнях при фабрике живут голуби, поедающие овес, даваемый лошадям. Боясь уничтожить голубей, как птицу, считаемую святой, так как их видом изображают Духа Святого, они велели переловить их и отправить на другую фабрику, находящуюся в нескольких десятках верст от этой. Приказание было исполнено, но голуби через несколько часов опять были на старом месте; вновь велели переловить и отправить на другую фабрику, отстоящую значительно дальше, но голуби опять вернулись. Проделав так несколько раз, махнули с горечью рукой» [4].

И.А. Миндовский владел тремя особняками в Москве. Это особняки на Большой Ордынке (построен в 1836 году) и в Леонтьевском переулке (сейчас в нем находится посольство Кубы), которые были созданы архитектором Д.Н. Чичаговым. Третий особняк – на Поварской улице – создан по проекту архитектора Л.Н. Некушева в стиле модерн. В наши дни в нем расположено посольство Новой Зеландии (рис. 2).

Благотворительная деятельность, как и предпринимательская, велась крайне расчётливо и в духе семейной традиции. Ещё в 1862 году отец И.А. Миндовского, А.И. Миндовский, совместно с С.Ю. Миндовским открыли училище при Никольской единоверческой церкви и стали его попечителями. Их дело продолжили И.А. Миндовский и его двоюродный брат Пётр Галактионович. Так, на средства Ивана Александровича в 1882 году было построено здание Никольского училища для обучения 60 детей. Впоследствии он регулярно выделял свои личные средства на содержание училища. С 1888 по 1902 годы он был почетным по-

печителем Никольского училища, а также единоверческой церкви, а с 1906 года стал её почетным содержанием. В 1890 году И.А. Миндовский дал в дар одну(!) десятину земли для постройки здания Углецкого училища в селе Углец Кинешемского уезда [9, с. 15–89]. С 1908 года он являлся попечителем Углецкого земского училища, которое находилось рядом с Никольской механическо-ткацкой фабрикой, а с 1909 года он стал попечителем Шеломовского земского училища.

Начало общественной деятельности И.А. Миндовского в земских учреждениях берет свое начало 30 октября 1885 года, когда постановлением Кинешемского очередного уездного земского собрания его избрали гласным Кинешемского земского собрания [11, с. 34].

14 марта 1886 года И.А. Миндовский совместно с П.Г. Миндовским были выбраны в ревизионную и приготовительную комиссии, а также в училищный совет Кинешемского земства. В это время Иван Александрович занимал пост директора-распорядителя товарищества Долматовской мануфактуры. По просьбе Петра Галактионовича он предоставил под помещение Николаевского училища принадлежащий Товариществу флигель в селе Шеломове с условием, чтобы земство приняло на свой счет ремонт здания, а если флигель потребуется для надобности Товарищества, то земство обязано будет освободить его по истечении учебного года. Арендная плата за предоставляемое помещение отсутствовала [6, с. 289–292].

И.А. Миндовский входил в земскую комиссию по профилактике эпидемии холеры в Николаевской волости Кинешемского уезда, которая действовала в 1885 году. Он совершил инспекционные поездки в эту местность, чтобы при содействии полиции осмотреть в районе участка эпидемии все общественные и промышленные заведения с целью обнаружения очага холеры [10, с. 34–72].

В 1904 году Кинешемское земство заключило контракт с И.А. Миндовским сроком на 12 лет на аренду его усадьбы на Вознесенской улице в Кинешме с правом на передачу свободных помеще-

а

б

в

Рис. 2. Особняки И.А. Миндовского в Москве:

а – на Большой Ордынке, 43; б – во Вспольном переулке, 1; в – на Поварской улице, 44

ний под квартиры как служащим от земства, так и частным лицам, а также перевод в нее складов и библиотеки [8, с. 74–75]. Также он согласился на организацию совместной врачебной помощи на средства уезда и Долматовского товарищества с готовностью ежегодно уплачивать по 600 рублей и уступить безвозмездно под устройство больницы одну(!) десятину земли при деревне Шеломове, рассчитывая получать взамен этого обязательство посещения земским врачом Шеломовского пункта больных с Долматовской фабрики. [8, с. 75].

И.А. Миндовский, проживая в Кинешме и владея несколькими жилыми домами, стал инициатором постройки в городе водопровода. На его личные сбережения была построена одна из водонапорных башен на берегу Волги около современной улицы Фрунзе [2, с. 106–139].

Можно отметить тот факт, что в Кинешме в кирпичном двухэтажном частном доме И.А. Миндовского в 1904 году временно размещалось Кинешемское реальное училище. За аренду помещения городская управа платила Миндовскому 840 рублей в месяц. Это помещение не было приспособлено для учебы: не было водопровода, освещение керосиновое, отопление печное. Иван Александрович был членом Московского купеческого общества взаимного кредита, Московского общества распространения коммерческого образования [1, с. 245]. С 1896 по 1904 годы И.А. Миндовский являлся попечителем фабричного Министерства народного просвещения одноклассного училища в городе Юрьевце, а с 1904 по 1917 годы попечителем занимался его сын Николай [1, с. 246].

Надо сказать, что в Кинешемском и Юрьевецком земствах существовал добровольно-принудительный сбор с местных предпринимателей для капитала на бедных невест. Например, для Кинешмы с этой целью И.А. Миндовский пожертвовал в 1896 году 5 000 рублей [5, с. 40].

Надо сказать, что Миндовские, не любившие винопитие, активно боролись с этой пагубной привычкой и в своем родном уезде. Так, И.А. Миндовский с 1901 по 1912 годы являлся попечителем уездного комитета «О народной трезвости», а с 1902 года стал почетным членом этой комиссии. С 1906 года на проценты с капитала он содержал в Кинешме народную чайную, которая состояла в ведении городской управы. После его смерти в 1912 году народная чайная перешла во владение общества народной трезвости [1, с. 246]. Однако это не мешало ему, входя в общество трезвости, как сообщал В.А. Миндовский, сдавать свои личные здания в аренду под трактиры и питейные заведения. Это подтверждается в документах Кинешемского земства: «Сдавал свои помещения арендаторам, в том числе и гражданину Васютину под питейные заведения, а отдать под земскую лечебницу здание не хотел» [6, с. 142; 12, с. 36].

Этот факт показывает И.А. Миндовского циничным и предприимчивым человеком, для которого на первом месте стоит извлечение личной прибыли. В то время как в глубинке его рабочие, получив зарплату, просаживали деньги в его собственных трактирах, в уездном городе он старался предстать перед общественностью как борец с пагубной привычкой. По своему характеру он был прежде всего скупым человеком.

Можно по-разному оценивать развитие родственно-деловых взаимоотношений между членами династии Миндовских, их общественную, просветительскую и благотворительную деятельность, занимаясь которой они заботились прежде всего о своих финансовых целях – извлечении прибыли. Согласно финансовым отчетам Кинешемского земства, стоимость недвижимого имущества И.А. Миндовского увеличилась с 1900 по 1901 год на 50% [7, с. 332].

Иван Александрович умер в Москве 20 октября 1912 года от припадка. Отпевание тела было совершено 23 октября в Москве в Троицком единовещерском храме. Затем оно было привезено в Новою Гольчиху и 25 октября погребено на родовом кладбище [1, с. 247].

В целом следует отметить и положительный вклад общественной деятельности Миндовских, плоды которой служат людям до сегодняшнего дня. Это построенные с их поддержкой школы и больницы, библиотеки и другие объекты социальной инфраструктуры в Кинешме и Юрьевце. Огромную роль в общественной деятельности И.А. Миндовского играли родственно-деловые связи. Благодаря им происходило активное взаимодействие между предпринимателями и местными органами власти в части совершенствования социальной инфраструктуры.

Библиографический список

1. *Коковин Н.Н.* Кинешемские купцы Коковины и их родственное окружение. – М., 2010. – 424 с.
2. *Купеческое строительство в Ивановской области / под ред. Е.Г. Щеболева.* – Иваново, 2006. – Вып. 2. – 248 с.
3. *Миндовский И.А.* Узнай Москву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://um.mos.ru/personalities/5134> (дата обращения: 04.05.2015).
4. *Миндовский В.А.* Вичугская фабричная старина: (Бытовые очерки и заметки). – Кострома, 1919. – 31 с.
5. Отчет Кинешемской городской управы за 1897 год. – Кинешма, 1898. – 90 с.
6. Сборник постановлений Кинешемского очередного уездного земского собрания очередной сессии 1887 года. – Кострома, 1887. – 246 с.
7. Сборник постановлений Кинешемского уездного земского собрания очередной сессии 18–22 сентября 1901 года. – Кострома, 1902. – 595 с.

8. Сборник постановлений Кинешемского уездного земского собрания очередной сессии 1905 года. – Кинешма, 1906. – 423 с.

9. Сборник постановлений очередного уездного земского собрания сессии с 20 по 24 марта 1890 года. – Кострома, 1890. – 272 с.

10. Сборник постановлений чрезвычайной сессии Кинешемского уездного земского собрания 28 января по 14 марта 1885 года. – Кострома, 1885. – 147 с.

11. Сборник постановлений Кинешемского очередного уездного земского собрания сессии 30 октября 1885 года. – Кострома, 1885. – 158 с.

12. Смета доходов г. Кинешмы на 1909 год. – Кинешма, 1908. – 111 с.

References

1. Kokovin N.N. Kineshemskie kupcy Kokoviny i ih rodstvennoe okruzhenie. – M., 2010. – 424 s.

2. Kupcheskoe stroitel'stvo v Ivanovskoj oblasti / pod red. E.G. SHCHEboleva. – Ivanovo, 2006. – Вып. 2. – 248 s.

3. Mindovskij I.A. Uznaj Moskvu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://um.mos.ru/personalities/5134> (дата обращения: 04.05.2015).

4. Mindovskij V.A. Vichugskaya fabrichnaya starina: (Bytovye ocherki i zametki). – Kostroma, 1919. – 31 s.

5. Otchet Kineshemskoj gorodskoj upravly za 1897 god. – Kineshma, 1898. – 90 s.

6. Sbornik postanovlenij Kineshemskogo ocherednogo uezdnoego zemskogo sobraniya ocherednoj sessii 1887 goda. – Kostroma, 1887. – 246 s.

7. Sbornik postanovlenij Kineshemskogo uezdnoego zemskogo sobraniya ocherednoj sessii 18–22 sentyabrya 1901 goda. – Kostroma, 1902. – 595 s.

8. Sbornik postanovlenij Kineshemskogo uezdnoego zemskogo sobraniya ocherednoj sessii 1905 goda. – Kineshma, 1906. – 423 s.

9. Sbornik postanovlenij ocherednogo uezdnoego zemskogo sobraniya sessii s 20 po 24 marta 1890 goda. – Kostroma, 1890. – 272 s.

10. Sbornik postanovlenij chrezvychajnoj sessii Kineshemskogo uezdnoego zemskogo sobraniya 28 yanvary po 14 marta 1885 goda. – Kostroma, 1885. – 147 s.

11. Sbornik postanovlenij Kineshemskogo ocherednogo uezdnoego zemskogo sobraniya sessii 30 oktyabrya 1885 goda. – Kostroma, 1885. – 158 s.

12. Smeta dohodov g. Kineshmy na 1909 god. – Kineshma, 1908. – 111 s.

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ ДЛЯ ФРОНТА В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война является серьезным испытанием для вооруженных сил любого государства. Пополнение действующей армии – одна из важнейших задач армейского командования и руководства страны во время боевых действий. Вопрос подготовки офицерских кадров приобретает особую актуальность в условиях военного времени. Вынужденное сокращение курса подготовки офицеров во время войны оказывает негативное влияние на качество подготовки командиров. В статье рассматривается вопрос подготовки офицеров в Омском военном округе (ОмВО) в годы Первой мировой войны. На широкой источниковой базе реконструируется процесс обучения офицеров в школах подготовки прапорщиков пехоты в ОмВО. Значительное внимание уделено вопросам укомплектования школ прапорщиков, организации учебного процесса, производства в офицеры и последующей отправке командиров на фронт.

Ключевые слова: школы подготовки прапорщиков, Омский военный округ, Первая мировая война, прапорщики, запасные части, действующая армия.

Боеготовность вооруженных сил во многом зависит от уровня подготовки командиров. Подготовка грамотного офицера всегда требует значительных материальных и временных затрат. При ведении боевых действий командование различных стран нередко стремится сберечь офицерский состав как наиболее ценный ресурс армии. Однако российское руководство и военное командование не всегда придерживалось подобных принципов.

По подсчетам Н.Н. Головина, некомплект офицеров в русской армии накануне Первой мировой войны составлял 3 тыс. человек [6, с. 53]. С началом мобилизации в июле – августе 1914 г. в значительной степени обострилась проблема нехватки офицеров, большая часть кадрового офицерского состава была направлена на фронт. Мобилизационное развертывание позволило укомплектовать войска офицерами примерно на 2/3 от требуемой численности [20, с. 150]. В тяжелых боях 1914–1915 гг. подавляющая часть офицеров, подготовленных до войны, погибла [22, с. 47]. Перед армейским командованием и руководством страны встал вопрос создания системы ускоренной подготовки командиров в условиях военного времени. Решение этой задачи во многом осложнялось тем, что подавляющее большинство опытных офицеров находилось на фронте, и тыловые военные округа, в том числе и ОмВО, испытывали острую нехватку опытных командиров, способных передать свои знания, боевой опыт и навыки обучающимся.

Для укомплектования действующей армии командирами военное командование еще до начала войны, 12 июля 1914 г., произвело в офицеры 2 831 юнкера военных училищ, выпустив их на месяц раньше срока. После начала войны было произведено еще три досрочных выпуска из военных училищ подпоручиков с правами кадровых офицеров. Всего к концу 1914 г. были выпущены все юнкера, поступившие в училища в 1913 г. Однако этого количества офицеров было недостаточно для обеспечения армии командным составом. Для

налаживания системы постоянного пополнения войск офицерами все военные училища перешли на ускоренный курс обучения юнкеров [17, с. 22]. Тем не менее подобные меры не смогли полностью удовлетворить потребность войск в командирах. Проблема укомплектования армии офицерами решалась с помощью увеличения масштабов подготовки прапорщиков.

Чин прапорщика существовал только в военное время [3, с. 53]. Его получали все выпускники ускоренных курсов военных училищ. Для увеличения масштабов подготовки по всей стране было решено открыть школы подготовки прапорщиков различных родов войск. При этом выпускники таких учебных заведений, получавшие чин прапорщика, не могли пользоваться правами кадрового офицера. Иными словами, они практически не имели возможности продвинуться по службе и получить обер-офицерский чин. После окончания войны они подлежали увольнению из армии [3, с. 180].

Школы подготовки прапорщиков начали открываться в соответствии с приказом по военному ведомству под № 647 от 30 сентября 1914 г. Изначально курс подготовки был рассчитан на 4 месяца. В течение войны, в зависимости от потребности фронта, сроки подготовки прапорщиков могли либо снижаться, либо увеличиваться [7, с. 272]. Первые четыре школы были открыты в Петрограде, Москве и Киеве. Первый прием юнкеров произошел 1 октября 1914 г. [20, с. 180]. Подавляющее большинство школ прапорщиков, открывавшихся в годы Первой мировой войны, было предназначено для обучения будущих командиров пехотных подразделений [10, с. 148]. Постепенно численность этих учебных заведений увеличивалась, и в 1917 г. уже действовала 41 школа [10, с. 150]. В г. Омске в 1915 г. была открыта 1-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты [11, с. 413]. В конце 1915 – начале 1916 г. была открыта 2-я Омская школа подготовки прапорщиков [15; 9, л. 84]. Каждая школа прапорщиков г. Омска была рассчитана на обучение 400 человек [16]. Для командования ОмВО

подготовка офицеров являлась довольно непростой задачей. До войны округ не занимался обучением командного состава и не имел специальных военно-учебных заведений, выпускавших офицеров. Отсутствие в округе необходимой инфраструктуры, традиций и опыта подготовки офицеров затрудняло задачу обучения командных кадров.

Школы подготовки прапорщиков подчинялись начальникам запасных пехотных бригад [20, с. 153]. Непосредственные начальники школ в служебном и административном отношении имели права командира полка [19, л. 38 об.]. Преподавание в школах осуществлялось офицерами. Как правило, в штат зачислялось по 20–30 офицеров-преподавателей и несколько военных чиновников. На одного курсового офицера приходилось не более 50 юнкеров [12, с. 5]. Зачастую в ходе войны школы были вынуждены отдавать своих офицеров-преподавателей в действующую армию, а взамен они получали уже негодных к строевой службе офицеров, списанных с фронта. Весь состав школ подразделялся на постоянный (командно-преподавательский) и переменный состав. К первой категории военнослужащих относились: ротные командиры (капитаны, подполковники), взводные командиры – курсовые офицеры (обер-офицеры), а также помощники взводных командиров (обер-офицеры). К переменному составу относились юнкера, объединенные в батальоны, роты и взводы [20, с. 195, 420]. Так, Омские школы прапорщиков имели в своем составе две роты по четыре взвода в каждой. Ротные командиры имели права командиров неотдельных батальонов, а взводные курсовые командиры – права ротного командира [19, л. 38, 38 об.].

В связи с тем, что на подготовку офицеров отводилось очень мало времени, начальство школ, а также командиры частей уделяли пристальное внимание отбору желающих поступить в школы прапорщиков. Командование стремилось отобрать самых лучших и наиболее подходящих для офицерской службы нижних чинов. Отбор претендентов на поступление в школу начинался в воинских частях. Командиры частей составляли списки желающих стать юнкерами школ. В первую очередь в данный список попадали наиболее образованные нижние чины 1-го разряда по образованию. Военнослужащие 2-го разряда попадали в списки по остаточному принципу. Преимущество отдавалось тем, кто имел боевой опыт либо дольше всего прослужил в войсках [13]. Нижние чины, окончившие унтер-офицерскую учебную команду, могли направляться в школы прапорщиков в приоритетном порядке [7, с. 279].

Претенденты должны были быть хорошо подготовленными в боевом и строевом отношении, иметь надлежащую физическую форму и хорошее здоровье, в особенности зрение, а также быть приведенными к присяге. До отправки в школы

прапорщиков военнослужащие получали все необходимые прививки, а также тщательно осматривались врачом [9, л. 18]. Командование запасных частей при командировании своих военнослужащих в школы прапорщиков обеспечивало их всеми необходимыми документами и положенными видами довольствия. Нижние чины получали, по возможности, новое обмундирование, исправные сапоги, 3 смены белья и другое снаряжение [14]. С марта 1915 г. для обучения в школах прапорщиков стали активно привлекать студентов гражданских вузов. В первую очередь вакансии закрывались за счет призыва первокурсников 20-летнего возраста, затем – студентов более старших курсов. Следует отметить, что медики и ветеринары к обучению в школах прапорщиков не привлекались [22, с. 58].

После прохождения первоначального отбора в воинских частях претенденты могли проходить дополнительный отбор в самих школах прапорщиков. Руководство школ стремилось отсеять наименее подходящих для офицерской службы солдат. Так, 20 февраля 1916 г. командование 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты произвело смотр 437 юнкеров, прибывших из запасных частей ОмВО. В результате проверки их боевой подготовки 37 военнослужащих оказались непригодными к обучению в школе, после чего они были возвращены в свои части [8, л. 78, 85]. Таким образом, командование школы отсело наименее годных к офицерской службе лиц, а также довело численность курса до приемлемого количества – 400 человек.

Школы подготовки прапорщиков представляли собой воинские части, в задачи которых входила подготовка офицеров по ускоренным курсам военного времени. Они ставили своей основной целью подготовку грамотных начальников, которые могли бы: 1) целесообразно разрешить на практике все задачи, выпадающие на долю взводных и ротных командиров в боевой обстановке; 2) с успехом нести обязанности инструкторов при подготовке военнослужащих из нижних чинов в запасных частях [19, л. 38 об.]. Следует отметить, что Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ) предоставляло школам прапорщиков довольно широкую автономию. Зачастую контроль над учебным процессом в школах мог быть минимальным. В связи с этим программы подготовки в разных школах, а также качество подготовки офицеров могли в значительной степени различаться. Из-за этого юнкера школ могли изучать неполный курс военных дисциплин, что оказывало негативное влияние на их подготовку. По требованию ГУВУЗ курс подготовки в связи с краткосрочностью должен был иметь практическую направленность [7, с. 62].

Программа подготовки командиров в школах прапорщиков подразделялась на классные (теоретические) и практические (полевые) занятия.

В теории юнкера школ изучали такие дисциплины, как стрелковое дело, службу связи, артиллерию, тактику, уставы (внутренний, дисциплинарный и гарнизонной службы), законоведение, топографию, окопное дело, пулеметное дело, гигиену, оптическую сигнализацию и т. д. Обучающиеся осваивали стрельбу из револьвера и винтовки, приемы рукопашного и штыкового боя, полевую службу, службу связи, окопное дело, съемку и топографию, инструкторскую часть и др. [17, с. 93]. Офицеры школ могли варьировать объем теоретической и практической подготовки в зависимости от погодных условий, времен года и других факторов.

Распорядок дня в школах прапорщиков был расписан поминутно. Так, в 1-й Омской школе подготовки прапорщиков действовало следующее распределение дня. В 06:30 подавался сигнал «подъем». В это время юнкера должны были встать, умыться, почистить сапоги и форму. В 07:30 взводы по сигналу выстраивались для утренней проверки на наличие отсутствующих, которую проводили фельдфебели рот. После этого юнкера направлялись в столовую для утреннего чая. В 07:55 подавался сигнал для начала занятий. В 08:00 начинались утренние занятия в классе либо в поле. В 08:55 подавался сигнал «отбой», и первый час занятий оканчивался. Далее с 09:00 до 10:50 с небольшим перерывом проходило два часа занятий. В 11:00 начинался завтрак. В 11:45 вновь начинались занятия и продолжались до 15:35, после чего юнкера уходили на обед. После обеда начиналось свободное время. В 19:30 подавался сигнал на вечерний чай. В 21:00 обучающиеся могли отправляться спать. Для юнкеров, желавших заниматься сверхурочно, классы были открыты до 23:00. В 23:00 подавался сигнал «отбой». В праздничные дни подъем производился в 08:00. В эти дни занятия для юнкеров не предусматривались [18, л. 43, 43 об., 46].

В школах на ежедневной основе назначался суточный наряд по школе, развод и его смена. Для исполнения внутренней службы каждый день назначались: дежурный по школе – офицер, помощник дежурного офицера – юнкер, дежурные по ротам, кухне, чайной и окопудку, а также дневальные [18, л. 40 об.].

При обучении в школах прапорщиков юнкерам запрещалось: самовольно отлучаться в часы занятий из школы, хранить в помещении школы порох, взрывчатые вещества и различные боеприпасы, приносить и употреблять спиртные напитки, курить в непопложенном месте. В школах подготовки прапорщиков на юнкеров возлагали определенные обязанности. Требовалось сознательно и добросовестно относиться к обучению. Обучающимся давали понять, что они являются будущими офицерами, от которых зависят жизни сотен людей. Отдельное внимание уделялось поддержанию дисциплины [18, л. 39–39 об., 40–40 об.]. Этот во-

прос имел большое значение. При краткосрочном периоде обучения лишь с поддержанием строгой дисциплины было возможно подготовить боеспособных офицеров. Юнкера могли исключаться из школ за те или иные дисциплинарные проступки. Так, в начале февраля 1916 г. из 1-й Омской школы подготовки прапорщиков после четырех дисциплинарных взысканий был исключен юнкер Иван Скоцкий за неоднократное нарушение воинской дисциплины, критику ротного порядка, а также за поругание чести офицера. Он был возвращен в свой 21-й Сибирский стрелковый запасной батальон [8, л. 49 об.].

Следует отметить, что исключение из школ происходило не только в результате нарушения воинской дисциплины, но также и по причине неуспеваемости. В процессе обучения юнкера, не успевающие по ряду предметов, также откомандировывались обратно в свои воинские части. Подобная мера применялась и к военнотружущим, получившим серьезные травмы во время обучения. Так, в январе 1916 г. юнкер 1-й Омской школы прапорщиков Роберт Шенер получил травму ноги, в результате чего начальство школы приняло решение откомандировать военнотружущего обратно в свою часть после прохождения курса лечения [8, л. 26, 10]. В этот же период после лечения ревматизма юнкер этой школы Николай Вишнеvский был возвращен в 18-й Сибирский стрелковый запасной батальон. В подобных случаях юнкера подвергались длительному лечению и пропускали значительную часть курса. 30 января 1916 г. командование 1-й Омской школы подготовки прапорщиков отдало приказ об отчислении из школы и откомандировании в свои части десяти юнкеров. Трое обучающихся были отчислены по болезни, пять человек – по малоуспешности и двое – по неуспешности [8, л. 23, 44]. Следует отметить, что после исключения из школы военнотружущие теряли право на повторное поступление.

Юнкера школ делились на два разряда по поведению. При поступлении в школу все обучающиеся производились сразу во 2-й разряд. По мере обучения лучшие юнкера переводились начальством школ в 1-й разряд [18, л. 38 об.]. После прохождения обучения юнкера школ не сдавали специальных экзаменов. Успеваемость обучающихся контролировалась офицерами-преподавателями с периодичностью раз в два месяца.

После прохождения курса подготовки в школах прапорщиков юнкера, успешно окончившие курс обучения, получали офицерское звание. Первый выпуск 1-й Омской школы подготовки прапорщиков состоялся 7 февраля 1916 г. И уже 10 февраля 1916 г. 363 выпускника были произведены в прапорщики [8, л. 32, 56, 65]. Выпускники школ прапорщиков после выпуска получали военно-подъемные деньги. Так, первый выпуск 1-й Омской

школы получил от Омского казначейства сумму в размере 38 300 руб. [8, л. 40]. Военнослужащие, окончившие курс школы прапорщиков, как правило, откомандировывались обратно в свои воинские формирования. Однако в зависимости от потребности выпускники различных школ прапорщиков могли направляться для прохождения службы даже за пределы своего военного округа. Так, в запасные части ОмВО помимо выпускников Омских школ прапорщиков поступали офицеры из Иркутских, 2-й и 3-й Петергофских, 5-й Киевской и других школ [4, л. 28; 5, л. 3, 4, 152].

Иногда, в зависимости от потребности фронта, начальство Омских школ прапорщиков могло производить в прапорщички лишь юнкеров 1-го разряда по поведению. Выпускники 2-го разряда, окончившие курс школы «удовлетворительно», могли направляться в запасные части в звании унтер-офицера. Их дальнейшее производство в офицерское звание зависело от командиров тех частей, в которые они были направлены [19, л. 39].

После производства в офицеры выпускники школ прапорщиков были обязаны отслужить необходимый срок в запасных частях. Во время прохождения службы прапорщички должны были научиться управлять личным составом, восполнить возможные пробелы в своих знаниях и приобрести опыт военной службы. Данные офицеры направлялись в действующую армию вместе с обученным пополнением в составе маршевых рот.

Школы прапорщиков подготовили для фронта значительное количество офицеров. С 1914–1917 гг. ускоренные курсы дали армии 220 тыс. прапорщиков [10, с. 150]. К 1917 г. доля офицеров, подготовленных до войны, составляла лишь 4 % от общей численности офицерского корпуса [22, с. 47]. К 1917 г. в строю находилось 157 тыс. офицеров. 80–90 % командиров русской армии состояли в чине прапорщика [3, с. 53, 109]. Омские школы прапорщиков за период своего существования подготовили для фронта 3 591 командира [2, с. 42]. В результате в армии образовался сверхкомплект офицеров. Командование, учитывая данный факт, начало увеличивать срок подготовки офицеров в школах прапорщиков до 8 месяцев [1, с. 229]. Это позволило, с одной стороны, повысить качество подготовки командиров, а с другой – снизить темпы производства офицеров. В итоге 6 сентября 1917 г. начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский приказал прекратить набор в школы прапорщиков ввиду сверхкомплекта офицеров на фронте и в тылу. А 14 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров по военным делам выпустил приказ № 11 о «расформировании военных училищ и школ прапорщиков». Юнкеров, находившихся в школах, направили в запасные полки, снабдив их свидетельствами об окончании курса, а сами школы закрыли [20, с. 201, 205].

Следует отметить, что качество подготовки офицеров военного времени было невысоким. Колоссальная потребность действующей армии в пополнении резервами потребовала от командования массового производства офицеров. Это приводило к тому, что с точки зрения Военного министерства в офицеры попадали люди из «крайне нежелательных для офицерской среды элементов... черно-рабочих, слесарей, каменщиков, буфетчиков и т. д.» [7, с. 283]. Несмотря на спорность данного высказывания, стоит отметить, что качество образования лиц, производимых в офицеры, оставляло желать лучшего. Многие военнослужащие шли в школы прапорщиков лишь потому, что не хотели попасть в действующую армию рядовыми [20, с. 193]. Подготовка офицера всегда являлась очень длительным и сложным процессом. Помимо отличного знания предметов военного дела, офицер должен был иметь серьезную мотивацию к воинской службе, определенные черты характера и волевые качества, которые воспитывались годами. В довоенный период на подготовку ротного командира уходило в среднем 3 года. В годы Первой мировой войны сроки подготовки прапорщиков сокращались до 3 месяцев. За такой короткий временной промежуток невозможно было подготовить грамотного командира. Как свидетельствуют документы, качество подготовки офицеров военного времени было низким и не соответствовало требованиям фронта. Это вызывало серьезные нарекания многих командующих, в том числе и командующего ОмВО Н.А. Сухомлинова [21, с. 149].

Таким образом, подготовка офицеров в годы Первой мировой войны являлась одной из сложнейших задач в системе подготовки военно-обученного резерва для действующей армии. Требования фронта являлись главными факторами, определявшими сроки и количество подготовленных офицеров. Процесс обучения командных кадров в годы войны имел практическую направленность.

Библиографический список

1. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918 / Военная акад. Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, Ин-т военной истории. – М.: ЛитРес, 2012. – 298 с.
2. Волков В.С. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. – Вып. 5 (60). – 2014. – С. 34–45.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 367 с.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 12.
5. ГАО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 22.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. – Париж, 1939. – Т. 1. – 213 с.

7. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы: коллективная монография / под ред. Ю.А. Петрушина. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 448 с.

8. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 1.

9. ИАОО. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 107.

10. *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1855–1918: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 288 с. – (История российских войск).

11. *Новиков П.А.* Омский военный округ в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: БГУЭП, 2014. – С. 411–416.

12. Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах // Положение и программы школ для подготовки прапорщиков в военное время. – М.: Тип. Т.В. Васильева, 1915. – 56 с.

13. Приказ войскам Омского военного округа № 86. – 1915. – 17 апреля.

14. Приказ войскам Омского военного округа № 27. – 1916. – 16 января.

15. Приказ войскам Омского военного округа № 72. – 1916. – 4 февраля.

16. Приказ войскам Омского военного округа № 126. – 1916. – 5 мая.

17. *Ростов Н.Д.* Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Алт. гос. тех. ун-т. им. И.И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – 516 с.

18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 14.

19. РГВИА. – Ф. 15873. – Оп. 1. – Д. 1.

20. *Тимофеев Ф.Д.* Военно-учебные заведения России и РСФСР в 1914–1921 годах: состав, деятельность, преемственность: дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2008. – 458 с.

21. *Шиловский М.В.* Офицеры военного времени в запасных частях сибирских военных округов во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2014. – № 1. – С. 147–151.

22. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

References

1. Bezugol'nyj A.YU., Kovalevskij N.F., Kovalev V.E. Istoriya voenno-okruzhnoj sistemy v Rossii. 1862–1918 / Voennaya akad. General'nogo shtaba Vooruzhennyh Sil RF, In-t voennoj istorii. – М.: LitRes, 2012. – 298 s.

2. Volkov V.S. Vypusk oficerov iz voennyh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoj

mirovoj vojny (analiz kolichestvennyh dannyh) // Vestnik PSTGU. – Вып. 5 (60). – 2014. – С. 34–45.

3. Volkov S.V. Russkij oficerskij korpus. – М.: Voenizdat, 1993. – 367 s.

4. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). – F. D-132. – Op. 1. – D. 12.

5. GANO. – F. D-132. – Op. 1. – D. 22.

6. Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne: v 2 t. – Parizh, 1939. – Т. 1. – 213 s.

7. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы: коллективная монография / под ред. Ю.А. Петрушина. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 448 с.

8. Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). – F. 197. – Op. 1. – D. 1.

9. ИАОО. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 107.

10. Leonov O.G., Ul'yanov I.E.H. Reguljarnaya pekhota, 1855–1918: Boevaya letopis', organizaciya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 288 с. – (Istoriya rossijskih vojsk).

11. Novikov P.A. Omskij voennyj okrug v gody Pervoj mirovoj vojny // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik. – Irkutsk: BGUEHP, 2014. – С. 411–416.

12. Polozhenie ob uskorenoj podgotovke oficerov v voennoe vremya v shkolah pri zapasnyh pekhotnyh brigadah // Polozhenie i programmy shkol dlya podgotovki praporshchikov v voennoe vremya. – М.: Тип. Т.В. Васильева, 1915. – 56 с.

13. Prikaz vojskam Omskogo voennogo okruga № 86. – 1915. – 17 aprelya.

14. Prikaz vojskam Omskogo voennogo okruga № 27. – 1916. – 16 yanvarya.

15. Prikaz vojskam Omskogo voennogo okruga № 72. – 1916. – 4 fevralya.

16. Prikaz vojskam Omskogo voennogo okruga № 126. – 1916. – 5 maya.

17. *Rostov N.D.* Idem my v reshitel'nyj boj... Podgotovka rezervov dlya fronta v Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / Alt. gos. tekhn. un-t. im. I.I. Polzunova. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2007. – 516 s.

18. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). – F. 1450. – Op. 4. – D. 14.

19. RGVIA. – F. 15873. – Op. 1. – D. 1.

20. Timofeev F.D. Voенно-учебные заведения России i RSFSR v 1914–1921 godah: sostav, deyatel'nost', preemstvennost': dis. ... kand. istor. nauk. – SPb., 2008. – 458 s.

21. SHilovskij M.V. Oficery voennogo vremeni v zapasnyh chastyah sibirskih voennyh okrugov vo vremya Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. // Gumanitarnye problemy voennogo dela. – 2014. – № 1. – С. 147–151.

22. SHilovskij M.V. Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 gg. i Sibir' / отв. ред. V.P. Zinov'ev. – Novosibirsk: Avtograf, 2015. – 330 s.

**МОТИВЫ МАССОВОГО «БЕЛОГО» ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В 1918 Г.
(по воспоминаниям А.И. Деникина)***(Исследование выполнено по гранту РНФ 14-18-01833-И)*

В статье рассматривается вопрос о мотивах массового «белого» добровольчества в ходе Гражданской войны в России, преимущественно на основе воспоминаний главнокомандующего белогвардейскими вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина. Привлечены также воспоминания и свидетельства других участников и очевидцев событий. Отмечается, что мотивы добровольцев были самыми разными – героизм, мученичество, долг, признание профессиональных военных навыков, месть, корысть, случайность, но главным для большей части добровольцев было желание свергнуть власть большевиков и вернуть традиционные ценности. В статье отмечается, что на мотивы добровольцев влияли лозунги белого движения – о единой и неделимой России, восстановлении монархии, создании буржуазной республики. Деникин был вынужден признать, что народ не поддержал белую идею и именно поэтому белогвардейцы потерпели поражение.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, большевики, монархическая идея, добровольцы, офицеры, Добровольческая армия.

Большевистский переворот в октябре 1917 г. сопровождался поляризацией основных политических сил России. Большевики и левые эсеры были его активными участниками и сторонниками; меньшевики не поддержали, но были готовы сотрудничать с большевиками; наконец, кадеты, правые эсеры, народные социалисты, представители буржуазии, дворянства, офицерского корпуса решительно выступали против. Непримируемость интересов неизбежно вела к конфронтации, которая, хотя и не сразу, приняла форму гражданской войны. Вопрос о том, кто начал Гражданскую войну в России, является риторическим. Большевики и их союзники находились у власти и им была не нужна гражданская война. Написанная В.И. Лениным весной 1918 г. работа «Очередные задачи советской власти» посвящена плану мирного строительства нового общества в России, в ней нет призыва к гражданской войне.

Гражданскую войну начали политические силы и социальные группы, потерявшие свою власть и влияние в стране, владельцы утраченной собственности, искренние сторонники восстановления традиционной российской государственности, «социальные расисты», считавшие невозможным вытерпеть власть «низших классов» – представителей пролетариата и крестьянства – «хама» и «дикаря», в их понимании. Общая позиция российских «социальных расистов» наиболее ярко и выпукло была обозначена писателем И. Буниным в речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в спокойной обстановке в Париже 29 марта 1926 г.: «Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои “заветные” чаяния за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней “земельки”?» [3, с. 353] Именно они, зачастую одетые в форму офицеров бывшей российской армии, начали форми-

рование воинских подразделений для открытой организованной борьбы с советской властью. Первые антибольшевистские военные отряды формировались исключительно на добровольной основе. Созданная на юге России в конце 1917 – начале 1918 г. генералами Л.Г. Корниловым и М.В. Алексеевым антибольшевистская вооруженная сила так и называлась – Добровольческая армия, это название данная воинская часть сохранит до конца Гражданской войны.

Как пишет в своих мемуарах генерал А.И. Деникин, «Алексеев, не перестававший еще надеяться на перемену политической обстановки в Петрограде, с большим трудом согласился на уговоры окружавших его лиц – бросить безнадежное дело и, согласно намеченному ранее плану, ехать на Дон, в сопровождении своего адъютанта ротмистра Шапрона 2-го ноября он прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы, которой суждено было судьбой играть столь значительную роль в истории русской смуты. Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточным районом, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой для того, чтобы собрать там оставшиеся стойкие элементы – офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат и организовать из них армию для водворения порядка в России» [4, с. 158].

Несмотря на противодействие атамана Донского казачьего войска А.М. Каледина, не желавшего «дать приют русскому офицерству» на Дону, не обращая внимания на полное отсутствие денежных средств, «Алексеев, – отмечает Деникин, – горячо взялся за дело: в Петрограде в одно благотворительное общество послана была условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров, на Барочной улице (в Новочеркасске. – М. Н.) помещение одного из лазаретов обращено

в офицерское общежитие, ставшее колыбелью добровольчества, и вскоре получено было первое добротное пожертвование на “Алексеевскую организацию” – 400 руб. – это все, что в ноябре месяца (1917 г. – М. Н.) уделило русское общество своим защитникам» [4, с. 158].

Деникин пишет, «что было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший верховный главнокомандующий (Российской империи. – М. Н.), правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахара и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей. А они стекались – офицеры, юнкера, кадеты и очень много старых солдат – сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевистской “свободы” и самостийной нетерпимости (Украина. – М. Н.). Одним удавалось прорываться легко и благополучно через большевистские загородительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красноармейские части, иногда... в могилу» [4, с. 158–159].

В воспоминаниях генерала А.С. Лукомского отмечается, что формирование Добровольческой армии продвигалось медленно, ежедневно в нее записывалось в среднем 75–80 добровольцев. Генерал подчеркивает, что «солдат было мало; больше всего записывались в армию офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов». К концу декабря 1917 – началу января 1918 г., сообщает Лукомский, был пополнен Корниловский полк, прибывший на Дон с Юго-Западного фронта, сформированы офицерский, юнкерский и георгиевский батальоны, 4 батареи артиллерии, инженерная рота, офицерский эскадрон и рота из гвардейских офицеров [8, т. 4, с. 144–146].

Создаваемая генералами Корниловым и Алексеевым армия пополнялась на добровольческих началах. Каждый доброволец давал подписку прослужить без отпуска минимум 4 месяца и беспрекословно подчиняться командованию. Скучные жертвования давали возможность оплачивать службу добровольцев нищенскими окладами [4, с. 204]. «Сколько мужества, терпения и веры в свое дело должны были иметь те “безумцы”, – писал Деникин, – которые шли в армию, невзирая на все тяжелейшие условия ее зарождения и существования» [4, с. 205].

Анализируя в своих воспоминаниях процесс комплектования Добровольческой армии, Деникин подчеркивал, что к ним шли все, кто по-настоящему разделял идею борьбы с большевизмом и был в состоянии вынести ее тяготы. Он писал: «Шли хорошие и плохие. Но 4 года войны и кошмар ре-

волюции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны. Было бы лицемерием со стороны общества, испытавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высшей добродетели. Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни... Добровольцы были чужды политике, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданы Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих – смерть; победа представлялась тогда далеким будущим... Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом “пожертвовала” на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушные, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение» [4, с. 208–209].

Первый период существования Добровольческой армии – до мая 1918 г. – был чисто добровольческим, – отмечает генерал Лукомский, – «в армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению. Надо было видеть все это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к родине, мечтавшее положить свою жизнь за ее возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли» [8, т. 4, с. 151]. Даже по признанию советских историков, «белогвардейские армии на юге представляли серьезную опасность для Советской республики. Сформированные в основном из офицеров и зажиточных казаков, они были сильны своей выучкой, дисциплиной» [9, с. 250].

Деникин представил детальный анализ потенциальной социальной базы массового антибольшевистского добровольчества, верно отмечая катастрофическое ухудшение материального положения пролетариата, населения городов, которое испытывало гнет безработицы, постоянного недоедания, иногда голода, болезней и мора. Отсюда забастовки и даже отдельные антибольшевистские восстания рабочего класса в некоторых городах России. Аграрная политика большевиков, создание продовольственных отрядов и насильственное изъятие у крестьян запасов зерна вызвало упорное сопротивление сельского населения, проявившееся в сжатии крестьянского хозяйства до размера самообеспечения и в антибольшевистских выступлениях, которые возникали стихийно, неорганизованно, носили местный характер и жестоко подавлялись Красной гвардией. Что касается буржуазии, писал Деникин, то она «просто истреблялась» через кон-

фискацию собственности, выселение из жилищ, через трудовые повинности, лишение свободы и просто казни, «буржуазия истреблялась как класс и как среда, недоступная влиянию коммунистических идей, независимо от степени ее сопротивления» [4, с. 351–355].

Многим тогда казалось, что во всех слоях населения и во всех областях жизни имеются глубокие основания и стимулы для борьбы с большевистской властью. Один из документов 1918 г., приведенный Деникиным, сообщал, «что вся Совдепия представляет из себя котел с громадным внутренним давлением, и достаточно одного сильного удара в стенку, как произойдет неслыханный и невиданный в летописях истории взрыв, который, даже без внешнего воздействия, сметет с лица земли советскую власть» [4, с. 358]. Однако, – подчеркивает Деникин, – подобные прогнозы, а их было очень много, оказались неверными, «между тремя основными народными слоями – буржуазией, пролетариатом и крестьянством легли непримиримые противоречия в идеологии, в социальных и экономических взаимоотношениях, существовавшие всегда в потенции, углубленные революцией и обостренные разъединявшей политикой советской власти. Они лишили нас вернейшего залога успеха – единства народного фронта. Между тем в противобольшевистском стане все усилия... всех политических общественных организаций... были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски “вернейшей” ориентации и “наилучших” форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли» [4, с. 358].

Тема ожидания скорого падения большевистской власти очень образно представлена в «Дневнике 1917–1918 гг.» И. Бунина: «Большинство слухов: Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе... Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга» [3, с. 99].

Особое значение в развязывании Гражданской войны имела добровольно выбранная позиция русского офицерства, которое, по словам Деникина, «стояло на распутье». Действительно, многие высшие генералы перешли на службу к большевикам, рассуждая о «моральной допустимости служения народу при всяком правительстве». Антибольшевистский «Правый центр» призывал офицеров спасти монархию, Б. Савинков – защищать Родину и свободу, «Союз возрождения» – спасти революцию и Родину, социалисты-революционеры – защищать Учредительное собрание, украинский гетман – защищать независимую Украину, В. Шульгин звал на Дон в Добровольческую армию, наконец, генералы Веселовский и Долгоруков, устроившись

уютно в германской оккупационной зоне, призывали общество «помочь офицерам пережить невзгоды революционного времени и оберечь офицеров, жаждущих подвига на благо Родины, от втягивания их... во все возможные авантюры под ложными лозунгами спасения отечества». Деникин делает вывод, что «среди всех этих расходящихся путей к спасению страны русское офицерство вконец заблудилось» [4, с. 467].

В мае 1918 г. для большинства солдат и офицеров Добровольческой армии истек первый обязательный 4-месячный срок службы. По мнению Деникина, «для многих это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых – действительно мучительный вопрос совести», моральная и физическая усталость солдат и офицеров Добровольческой армии достигла предела, «кризис в армии принял глубокие и опасные формы» [4, с. 525].

Обострился вопрос о мотивах участия каждого добровольца в Гражданской войне. Деникин писал, что лозунг «Великая единая неделимая Россия» принимали все добровольцы, однако дело осложнялось тем, что «большинство командного состава и офицерства были монархистами» [4, с. 525]. В мае – июне 1918 г. многие офицеры настаивали на немедленном официальном признании лозунга восстановления монархии как главного объединяющего для всех антибольшевистских сил. Генерал Лукомский в письме Деникину утверждал, «что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы» [4, с. 527].

Деникин пишет, что в тот момент руководство Добровольческой армии не могло пойти навстречу пожеланиям большинства офицеров, так как оно рисковало полным разрывом с народом, тогда не только не склонным к принятию монархической идеи, но даже враждебным ей [4, с. 528]. На специально созванном собрании всех командиров Добровольческой армии Деникин высказал свое мнение по данному вопросу: «Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? <...> Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию. Что касается лично меня, я борюсь за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию» [4, с. 528–529].

В мае 1918 г. Деникин с ведома генерала Алексеева разослал во все подразделения Добровольческой армии документ, в котором была изложена его позиция по отношению к возникшей проблеме. Документ гласил: «I. Добровольческая армия борется за спасение России путем: 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственного и правового порядка. II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски. III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства. IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых» [4, с. 526–527].

Через 18 месяцев, осенью 1919 г., выступая перед руководством казачьих войск в Екатеринодаре, Деникин вновь коснулся этого вопроса. Он сказал: «Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления – я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в массе желает той или иной власти. И поверьте, все ваши предрешения праздны. Народ сам скажет, что он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам – большим и малым законодателям – придется только поклониться перед его державной волей» [4, с. 529]. Честно и откровенно высказанная позиция Деникина была услышана большинством офицеров и, как он подчеркивает, идея непредрешения формы государственного устройства России поддерживалась в Добровольческой армии до самого конца [4, с. 530].

Деникин утверждает, что офицерство мало интересовалось политикой и борьбой классов, что в основной массе оно являлось элементом чисто служилым, типичным «интеллигентским пролетариатом», но, будучи тесно связанным с русской историей крепкими военными традициями, представляло собой «элемент охранительный» [5, с. 298].

В самый острый период кризиса Добровольческой армии в мае 1918 г., когда под формальным предлогом окончания 4-месячного участия в боевых действиях начался отлив солдат и офицеров, Деникин приказал уволить всех желающих в трехнедельный отпуск и оказался прав: «Приобщившись на время к вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись в свои полки и батареи для неизвестного будущего, для кровавых боев, несущих с собою новые страдания, быть может,

смерть. Добровольческая армия сохранилась» [4, с. 544].

Деникин отмечает, что мотивы «белого» добровольчества были самыми разными: в его армии «были и герои, наполнившие эпическим содержанием летопись борьбы; и мученики, оросившие ее страницы своей кровью; и люди, пришедшие без подъема, без увлечения, но считавшие необходимым исполнить свой долг; и загнанные туда нуждой или просто стадным чувством; были профессионалы войны, ищущие применения своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшие совесть, чтобы разбойничать и грабить. Наконец, была еще рыхлая, безличная среда вольных и подневольных людей, попавших охоту, по мобилизации, случайно, по своей или чужой ошибке; их психология менялась диаметрально при колебаниях боевого счастья» [4, с. 594].

К осени 1918 г. название «Добровольческая армия» использовалось уже скорее по традиции, так как со 2 августа регулярные части начали пополняться и комплектоваться на основе всеобщей мобилизации мужчин призывных возрастов. Тем не менее осенью 1918 г. руководство Добровольческой армии все еще было формально связано в отношении первых добровольцев 4-месячным «контрактом». Первый «контракт» заканчивался в мае, второй – в сентябре, третий – в декабре. Осенью 1918 г. Деникин принял решение покончить с этим пережитком первых месяцев добровольчества, 7 декабря он подписал приказ об отмене 4-месячных сроков службы, которая стала окончательно общеобязательной. «Итак, – резюмировал Деникин, – с конца 1918 г. институт добровольчества окончательно уходил в область истории» [5, с. 119].

С переходом на мобилизационную основу комплектования воинских частей состав Добровольческой армии становился все более пестрым, шел поток новых офицерских пополнений. «Многие, – подчеркивал Деникин, – шли по убеждению, но еще больше по принуждению» [5, с. 128]. В «Дневнике очевидателя А. В.» за период с 26.07.1918 по 04.04.1919 г., опубликованного И.В. Гессеном в сборнике «Архив русской революции», приводится достаточно редкий исторический источник – свидетельство рядового участника белого движения, попавшего под мобилизацию: «19 ноября. Сегодня в газетах появился приказ о мобилизации. Ну что-ж. Я готов. В 10 часов пошел в Комендатуру, теперь уже русскую, и записался, а от комиссии медицинской отказался. Послужить за Россию я согласен, но только не за старореакционную; если увижу, что дело будет клониться к тому, то до свидания... 23 ноября. С интересом прочел я вывешенную сегодня декларацию генерала Деникина о целях Добровольческой армии. Теперь я могу быть вполне спокоен, так как дело к восстановлению старого режима не вернется. После разгона большевиков будет созвано Народное

собрание, которое выберет наилучшую форму правления. Я лично стою за федеративную демократическую республику наподобие Северо-Американских Штатов. По-моему, этот образ правления всех больше подходит России. Ведь монархия в России уже чересчур скомпрометирована и приведет лишь к дальнейшим волнениям. 24 ноября. Сегодня в газетах вдруг сюрприз, гласящий, что прошедшая дня четыре назад мобилизация необязательна и что, кто не хочет, может возвращаться по домам. Многие ушли, но я решил остаться и служить дальше идее объединения России и избавлению от большевиков как Доброволец» [1, т. 4, с. 260].

Летом и осенью 1919 г. войска под командованием Деникина провели ряд успешных наступательных операций. Белогвардейское руководство ожидало, что освобождение огромных областей от большевиков должно было вызвать всенародный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, моральное укрепление белогвардейских армий. Вопрос заключался в том, писал Деникин, «пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегующим волнами, между двумя смертельно враждебными станами. В силу целого ряда сложных причин, и стихийных и от нас зависевших, жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный» [5, с. 500].

Генерал П.Н. Краснов, атаман Войска Донского, критически оценивал деятельность Деникина на посту главнокомандующего вооруженными силами Юга России. Он считал, что Деникин придавал борьбе с большевиками классовый, а не народный характер: «...боролись добровольцы и офицеры, то есть – господа, буржуи против крестьян и рабочих, пролетариата, и конечно, за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами – только доблесть... и сила должна была сломить доблесть» [7, т. 5, с. 279].

Массовое «белое» добровольчество стало важным фактором развязывания Гражданской войны в России. Молодые идеалисты – офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты старших классов – взяли в руки оружие, чтобы свергнуть большевиков и восстановить традиционную российскую государственность. В числе мотивов других добровольцев – чувство долга, чувство мести, нужда и стадное чувство, корысть, желание найти применение профессиональным военным навыкам. Вожди белого движения не смогли найти идеи, объединяющей добровольцев с народом, именно поэтому они потерпели поражение в Гражданской войне.

Библиографический список

1. Архив русской революции: в 22 т. – М.: Терра: Политиздат, 1991. – Т. 3. – 275 с.; Т. 4. – 288 с.
2. Архив русской революции: в 22 т. – М.: Терра: Политиздат, 1991. – Т. 5. – 360 с.; Т. 6. – 364 с.
3. Бунин Иван. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М.: Советский писатель, 1990. – 414 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн., 5 т. [Кн. 2], т. 2: Борьба генерала Корнилова; т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 736 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн., 5 т. [Кн. 3], т. 4–5: Вооруженные силы Юга России. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 832 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. – М.: Алгоритм, 2003. – 256 с.
7. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции: в 22 т. – М.: Терра: Политиздат, 1991. – Т. 5. – С. 191–321.
8. Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции: в 22 т. Т. 5. – М.: Терра: Политиздат, 1991. – С. 101–190.
9. История гражданской войны в СССР. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1957. – 403 с.

References

1. Arhiv russskoj revolyucii: v 22 t. – M.: Terra: Politizdat, 1991. – T. 3. – 275 s.; T. 4. – 288 s.
2. Arhiv russskoj revolyucii: v 22 t. – M.: Terra: Politizdat, 1991. – T. 5. – 360 s.; T. 6. – 364 s.
3. Bunin Ivan. Okayannye dni. Vospominaniya. Stat'i. – M.: Sovetskij pisatel', 1990. – 414 s.
4. Denikin A.I. Ocherki russskoj smuty: v 3 kn., 5 t. [Kn. 2], t. 2: Bor'ba generala Kornilova; t. 3: Beloe dvizhenie i bor'ba Dobrovol'cheskoj armii. – M.: Ajrispress, 2006. – 736 s.
5. Denikin A.I. Ocherki russskoj smuty: v 3 kn., 5 t. [Kn. 3], t. 4–5: Vooruzhennye sily YUga Rossii. – M.: Ajrispress, 2006. – 832 s.
6. Kara-Murza S.G. Grazhdanskaya vojna (1918–1921) – urok dlya XXI veka. – M.: Algoritm, 2003. – 256 s.
7. Krasnov P.N. Vsevelikoe Vojsko Donskoe // Arhiv russskoj revolyucii: v 22 t. – M.: Terra: Politizdat, 1991. – T. 5. – S. 191–321.
8. Lukomskij A.S. Iz vospominanij // Arhiv russskoj revolyucii: v 22 t. T. 5. – M.: Terra: Politizdat, 1991. – S. 101–190.
9. Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR. T. 3. – M.: Gospolitizdat, 1957. – 403 s.

ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Основное содержание статьи посвящено вопросу помощи иностранных специалистов при строительстве и пуске заводов Ярославского резиноасбестового комбината в период становления химической промышленности Ярославского края. Эта тема, закрытая по идеологическим соображениям того времени, стала целью исследования. Автор изучил, проанализировал и обобщил огромный пласт архивных материалов, при этом столкнулся с проблемой недостаточности региональных архивных данных по рассматриваемому вопросу, связанной с их секретностью. Показана политика отхода от концессионных предприятий и переход к новой организационной форме строящихся объектов индустрии – путем договоров о технической помощи с привлечением иностранных специалистов. В многочисленных источниках исследования удалось найти некоторые имена специалистов; эти имена упоминаются вскользь в рамках вопросов соперничества социалистических и капиталистических принципов. Эти упоминания являются бесценным фактом присутствия иностранных специалистов на стройках индустриализации. Вопреки сложившемуся в отечественной историографии мнению о том, что объекты индустрии строили соотечественники без всякой посторонней помощи, исследование показало, что самые сложные вопросы (проектирование заводов, оборудование, монтаж оборудования, само оборудование, обучение специалистов, технология и др.) решались с помощью иностранных специалистов. Исследование обладает новизной, так как данная проблема рассматривается впервые и позволяет по-новому взглянуть на историю химической промышленности нашей страны.

Ключевые слова: иностранная помощь, концессионные предприятия, иностранные специалисты, резиноасбестовый комбинат, заводы, индустриализация, Ярославль, Ярославская область.

Начиная с 1928 года, в ходе первой пятилетки, изменилась политика государства в отношении иностранной помощи: ранее помощь государству поступала от долевых отчислений иностранных концессионных предприятий, расположенных на территории СССР [3], и лишь незначительное количество иностранных техников привлекалось для работы на советских предприятиях [13].

2 августа 1928 года по строго секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О привлечении иностранных специалистов» в дополнение к постановлению СНК СССР [4] в докладе В.В. Куйбышева было объявлено, что «привлечение иностранных специалистов является абсолютно недостаточным, необходимо усилить работу в этом направлении, исходя из необходимости привлечения не только крупных специалистов с крупным именем, но и специалистов среднего типа, имеющих достаточный опыт и знание европейской техники, привлечь в ближайшие два года до 3000 иностранных специалистов» [15].

Согласно постановлению СНК от 24 июня 1928 г. и 16 сентября 1928 г. ориентировочный план по количеству концессионных объектов был значительно уменьшен [6]: концессией республиканского значения в Ярославле числилось лишь одно акционерное общество – Ярославская электростанция на Ляпинском торфяном болоте [2].

Необходимо было строить советские предприятия без зарубежного капитала и обучать своих специалистов. Проектировать и самостоятельно строить сложные технические объекты в СССР не могли, так как не было специалистов и техники. На смену концессиям пришли договоры о техниче-

ской помощи. По согласованию комиссии при Политбюро СССР по техническим и научным связям с Америкой [14] такой договор 29 августа 1929 года был заключен между «Резинотрестом» и американской фирмой «Зайберлинг», он касался разработки проекта и помощи в строительстве Ярославского резиноасбестового комбината [20, с. 17].

В договоре о технической помощи фирма «Зайберлинг» обязывалась подготовить строительный проект, полностью взятый с североамериканского завода Дэнлопа в Буффало [8, л. 148–152], и технологический проект с полным его описанием и спецификацией оборудования, станков и механизмов этого завода [8, л. 148]. Кроме того, в договоре предписывалось передать Ярославскому шинному заводу технологические секреты и присылать своих представителей для наблюдения за строительством и пуском объектов, а также разрешить определенному количеству советских инженеров и рабочих осваивать производство на предприятиях фирмы «Зайберлинг». «Резинотрест» компенсировал американской фирме «Зайберлинг» стоимость изготовления чертежей, оплачивал стоимость командировок и работы иностранных сотрудников, создавал необходимые им бытовые условия. Ярославский резиноасбестовый комбинат обеспечивал строительство сырьем, рабочей силой и финансировал строительные работы. Для работы в СССР иностранные специалисты заключали контракты через представителей ВСНХ при торгпредствах [17, л. 7].

Группа американских и английских инженеров (Татерсол, Уайт и др.) постоянно работала на заводе комбината [10]. На шинном заводе таким специалистом был инженер Вильям Гувер [20].

На завод синтетического каучука для установки импортных синхронных моторов в холодильном цехе был приглашен из Германии инженер Вагнер. При его участии было смонтировано три агрегата [11]. На кордном заводе английские инженеры монтировали крутильные ватера, доставленные из Америки, разрыхлительные агрегаты и трепальные машины, поступившие из Англии, и обучали рабочих [1, с. 18].

Оборудование для заводов резиноасбестового комбината приобреталось по спецификациям, выданным фирмами. В Государственном архиве Ярославской области (в фонде № Р-2018) сохранились документы отдела оборудования резиноасбестового комбината. Эти документы представляют собой переписку с представительствами зарубежных стран по закупке оборудования через Технопромимпорт. Содержанием этой переписки (на русском, английском, немецком и шведском языках с переводом на русский язык) являлось описание станков, технические паспорта, реклама фирм, заключения специалистов на оборудование, акты таможенных осмотров оборудования в советских портах, упаковочные листы, рекламации с комбината и уведомления Технопромимпорта, Главрезины и Главкаучука о прибытии грузов на Ярославский резиноасбестовый комбинат. Эти документы показывают экономическую связь комбината с фирмами Германии, Англии, США, Швеции, Италии и Франции через торговые представительства СССР [7].

На Ярославский резиноасбестовый комбинат оборудование поставляли: Германия – синхронные моторы для холодильного цеха [11, с. 32] и измерительные приборы фирмы «Сименс Гальске» на завод синтетического каучука [9, с. 12]; Англия – измерительные приборы фирмы «Кент» на завод синтетического каучука [9, с. 12] и трансформаторы напряжения фирмы «Метрополитен-Виккерс» для заводов комбината [7], разрыхлительные агрегаты и трепальные машины для кордного завода [1, с. 18]; Америка – основное оборудование шинного производства: каландры, резательные машины «Спадон», сборочные (конфекционные) станки (фирма «Френсис Шоу»), станки бенбери (фирма «Девид Бридж»), другое оборудование (фирма «Фостер») [19], крутильные ватера на кордный завод [1]; Италия – оборудование для шинного производства (фирма «Пирелли») [12]. Шведское электротехническое оборудование (фирма «АСЕЯ») и шведские специалисты по особому распоряжению использовались на строительстве ТЭЦ комбината [16].

Отпускные цены на импортное оборудование были в несколько раз дешевле союзных, поэтому многие заводы покупали иностранные машины и станки, которые могли быть изготовлены на советских заводах [5].

Работая в тесном контакте, ярославские рабочие и инженерно-технические работники учились у иностранных специалистов, но наиболее эффективным способом обучения специалистов являлась производственная практика на иностранных фирмах и заводах. В стране не было квалифицированных инженеров-технологов данного производства. Для подготовки и прохождения технологической практики будущие специалисты были направлены на американский шинный завод Дэнлопа в Буффало (Северная Америка) [8].

Руководитель строительства комбината и одновременно его директор Д.Л. Михайлов в 1930 г. в числе группы советских инженеров изучал опыт работы предприятий резиновой промышленности США, в 1932 г. был командирован в Англию, Германию и Францию для изучения опыта работы европейских заводов резиновой промышленности [10].

В 1933 г. использование иностранной технической помощи значительно сократилось, так как заводы комбината начали производить свою продукцию и уже имели передовые технологии и подготовленных специалистов; другой причиной явилось жесткое контролирование закупок оборудования за рубежом валютной комиссией Политбюро.

Закрытая коллегия Наркомтяжпрома на заседании 1933 г. констатировала, что подавляющее большинство работающих иностранных рабочих и инженеров оказали существенную помощь в строительстве, пуске и освоении новых видов производств на крупнейших гигантах. Не менее значительную помощь оказали иностранные кадры в обучении персонала, обслуживании дорогостоящего импортного оборудования [18]. Все это в полной мере отразилось при строительстве и пуске объектов химической промышленности Ярославского региона.

Библиографический список

1. Андрианов В.И. Первый кордный: История фабрики технических тканей. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1984. – 167 с.
2. Список действующих концессий общесоюзного и республиканского значения (на 4.02.1928 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 4. – Д. 165. – Л. 15–19.
3. Служебная записка Главконцесскома в Совет Народных Комиссаров СССР (14.07.1926 г.) // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 3. – Д. 77. – Л. 17–28.
4. О привлечении специалистов из заграницы (15.02.1927 г.) // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 3. – Д. 73. – Л. 2–3.
5. Справка Наркомата РКИ СССР в СНК СССР об использовании импортного оборудования промышленностью ВСНХ СССР (Секретно) (1.09.1931) // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 7. – Д. 89. – Л. 4–5.

6. ГАРФ. – Ф. 8350. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 1
7. Ярославский ордена В.И. Ленина резиноасбестовый комбинат. 1927–1940 гг. // Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. Р-2018. – Оп. 7. – Д. 53. – Л. 1.
8. Где строить резинотекстильный комбинат // ГАЯО. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 148–152.
9. 25 лет заводу синтетического каучука / Совет народного хозяйства Ярославского экономического административного района. – Ярославль: Ярославское кн. изд-во, 1958.
10. Заводская правда: газета. – 1957 (27 октября). – № 82 (4340).
11. Макаров А.И. Полвека Ярославскому каучуку: Очерки к 50-летию предприятия. – Верхне-Волжское кн. изд-во, 1982.
12. Поляк М.А. Лекции / Ярославский политехнический институт. – Ярославль: Типография ЯПИ, 1982.
13. О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей: постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 11.06.1925 // Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 506. – Л. 2.
14. Протокол № 122: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (Строго секретно) (1.09.1927) // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 649. – Л. 2.
15. О привлечении иностранных специалистов» (т. Куйбышев): постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (2.08.1928) // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 698. – Л. 3–4.
16. Служебная записка полпреда СССР в Стокгольме А. М. Коллонтай на имя И. В. Сталина об использовании шведских рабочих и специалистов в советской промышленности (Секретно. Лично) (26.02.1931 г.) // РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2957. – Л. 1.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 3429. – Оп. 6. – Д. 290. – Л. 7.
18. Приказ по Наркомтяжпрому СССР о работе и условиях труда иностранных специалистов на предприятиях отрасли (23 мая 1933 г.) // РГАЭ. – Ф. 7297. – Оп. 38. – Д. 37. – Л. 57–54.
19. Топташ Г. Ответ мистеру Татерсолу // Резиногигант. – 1935 (7 ноября). – № 258.
20. Ярославский ордена Ленина шинный завод: сборник документов и материалов. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд.-во, 1968.
3. Sluzhebnyaya zapiska Glavkoncesskoma v Sovet Narodnyh Komissarov SSSR (14.07.1926 g.) // GARF. – F. R-5446. – Op. 3. – D. 77. – L. 17–28.
4. O privlechenii specialistov iz zagranicy (15.02.1927 g.) // GARF. – F. R-5446. – Op. 3. – D. 73. – L. 2–3.
5. Spravka Narkomata RKI SSSR v SNK SSSR ob ispol'zovanii importnogo oborudovaniya promyshlennost'yu VSNH SSSR (Sekretno) (1.09.1931) // GARF. – F. R-5446. – Op. 7. – D. 89. – L. 4–5.
6. GARF. – F. 8350. – Op. 1. – D. 153. – L. 1
7. YAroslavskij ordena V.I. Lenina rezinoasbestovyy kombinat. 1927–1940 gg. // Gosudarstvennyy arhiv YAroslavskoj oblasti (GAYAO). – F. R-2018. – Op. 7. – D. 53. – L. 1.
8. Gde stroit' rezinotekstil'nyj kombinat // GAYAO. – F. 2301. – Op. 1. – D. 1. – S. 148–152.
9. 25 let zavodu sinteticheskogo kauchuka / Sovet narodnogo hozyajstva YAroslavskogo ehkonomicheskogo administrativnogo rajona. – YAroslavl': YAroslavskoe kn. izd-vo, 1958.
10. Zavodskaya pravda: gazeta. – 1957 (27 oktyabrya). – № 82 (4340).
11. Makarov A.I. Polveka YAroslavskomu kauchuku: Ocherki k 50-letiyu predpriyatiya. – Verhne-Volzhsкое kn. izd-vo, 1982.
12. Polyak M.A. Lekcii / YAroslavskij politekhnicheskij institut. – YAroslavl': Tipografiya YAPI, 1982.
13. O privlechenii inostrannyh tekhnikov i obuchenii nashih tekhnikov zagranicej: postanovlenie Politbyuro CK RKP(b) ot 11.06.1925 // Rossijskij gosudarstvennyy arhiv social'no-politicheskoy istorii (GASPI). – F. 17. – Op. 3. – D. 506. – L. 2.
14. Protokol № 122: Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) (Strogo sekretno) (1.09.1927) // RGASPI. – F. 17. – Op. 3. – D. 649. – L. 2.
15. O privlechenii inostrannyh specialistov» (t. Kujbyshev): postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) (2.08.1928) // RGASPI. – F. 17. – Op. 3. – D. 698. – L. 3–4.
16. Sluzhebnyaya zapiska polpreda SSSR v Stokgol'me A. M. Kollontaj na imya I. V. Stalina ob ispol'zovanii shvedskih rabochih i specialistov v sovetskoj promyshlennosti (Sekretno. Lichno) (26.02.1931 g.) // RGASPI. – F. 558. – Op. 1. – D. 2957. – L. 1.
17. Rossijskij gosudarstvennyy arhiv ehkonomiki (RGAEH). – F. 3429. – Op. 6. – D. 290. – L. 7.
18. Prikaz po Narkomtyazhpromu SSSR o rabote i usloviyah truda inostrannyh specialistov na predpriyatiyah otrasli (23 maya 1933 g.) // RGAEH. – F. 7297. – Op. 38. – D. 37. – L. 57–54.
19. Toptash G. Otvet misteru Tatersolu // Rezinogigant. – 1935 (7 noyabrya). – № 258.
20. YAroslavskij ordena Lenina shinnyj zavod: sbornik dokumentov i materialov. – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd.-vo, 1968.

References

1. Andrianov V.I. Pervyj kordnyj: Istoriya fabriki tekhnicheskikh tkaney. – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd-vo, 1984. – 167 s.
2. Spisok dejstvuyushchih koncessij obshchesoyuznogo i respublikanskogo znacheniya (na 4.02.1928 g.) // Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. R-5446. – Op. 4. – D. 165. – L. 15–19.

ОБЩЕСТВО СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ: ПУТЬ ОТ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ К СТАЛИНСКОЙ ЛЕКТОРСКОЙ ГРУППЕ

Статья посвящена исследованию малоизученного эпизода советской истории 20–30-х гг. XX в. – деятельности Общества старых большевиков (ОСБ). Автор ставит перед собой задачу выявить цели, преследуемые инициаторами создания Общества, а также определить тенденции в изменении его функций и общественного влияния. Обосновывается точка зрения, согласно которой ОСБ должно было стать средством реализации политических амбиций представителей ленинской гвардии. Оказавшись в меньшинстве, сторонники активного вмешательства ветеранов партии в общественно-политическую жизнь вынуждены были отступить. В результате к концу 1920-х гг. Общество старых большевиков пришло в упадок. Новый подъем в его деятельности был связан с периодом сталинской «социалистической реконструкции», когда большевистские гвардейцы оказались востребованы в пропагандистской работе.

Ключевые слова: Общество старых большевиков, ВКП(б), общественные организации, ветераны революционного движения, ленинская гвардия, история партии, пропаганда.

С завершением Гражданской войны перед одержавшей победу большевистской партией выдвинулась приоритетная задача сохранения власти в новых условиях. Часть бывших подпольщиков, обладая деловыми навыками (умением управлять, маневрировать) оказалась востребованной на руководящей работе в высших партийных организациях и правительственных учреждениях. Другие – сумели применить иные качества, столь же необходимые режиму в переходный период нэпа. Будучи преданными идее революционерами, чья стойкость была проверена многими годами подпольной работы, ссылок и каторги, старые большевики должны были охранять партию от грозящего ей раскола и перерождения. Не случайно многие из представителей ленинской гвардии оказались на видных постах в Истпарте – организации, занимавшейся изучением и сохранением традиций большевиков, в учреждениях партийного образования, ответственных за воспитание молодых коммунистов. Их же направляли на руководящую работу в центральную и местные контрольные комиссии (КК) РКП(б), в компетенции которых входила борьба с разложением компартии. По преимуществу именно из этих партийных работников составила группа инициаторов создания исследуемого нами Общества старых большевиков и его актив.

Деятельность Общества старых большевиков (ОСБ) представляется малоизученным сюжетом советской истории 1920–30-х гг. В общих работах организация ветеранов партии рассматривается в основном в контексте уничтожения сталинской группировки ленинской гвардии. Среди немногочисленных работ, специально посвященных ОСБ, необходимо назвать статью специалиста по истории общественных организаций Т.П. Коржихиной [4] и диссертацию украинского исследователя Л.В. Артеменко [1]. В этих трудах обозначены сферы работы Общества, охарактеризованы его состав и организационная структура, выявлены основные этапы деятельности. Вместе

с тем, как представляется, в названных работах не выяснено, каковы были цели создания и тенденции в изменении функций и общественного влияния ОСБ. В настоящей статье автор делает попытку разобраться в указанных аспектах, основываясь преимущественно на материалах делопроизводственного характера, хранящихся в фонде ОСБ в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). При этом предпочтение отдается анализу информации, почерпнутой из протоколов общих собраний. В отличие от отчетных материалов, отражающих внешнюю картину деятельности Общества, эти источники содержат сведения о его повседневной работе, о внутренней жизни изучаемой организации.

Идея создания ОСБ принадлежала старым членам партии и была поддержана лично вождем [2, л. 8]. В.И. Ленин ставил перед организаторами две задачи: с одной стороны, Общество должно было заботиться о благополучии своих членов, оказывать материальную и моральную поддержку, с другой – на него возлагались важные идеологические функции, в частности восстановление и поддержание единства партии. Именно эта, «политическая», сторона деятельности Общества была основной, судя по воспоминаниям близкого соратника Ленина, его секретаря по переписке А.А. Дивильковского [6, л. 28 об.]. Однако в силу занятости и болезни лидер большевиков не принимал участия в жизни ОСБ, оставив, таким образом, вопросы о компетенции и конкретных методах работы Общества на собственное усмотрение старых товарищей.

Среди инициаторов создания изучаемой организации и ее наиболее активных членов обнаруживаем видных деятелей подпольного социал-демократического движения: П.Н. Лепешинского, М.С. Ольминского, А.М. Стопани, С.В. Мальшева, И.В. Невского, Ф.В. Ленгника, С.И. Мицкевича и др. Несмотря на выявившиеся в ходе многочисленных дискуссий различия во взглядах на задачи Общества старых большевиков и его взаимоотношения с властью, всех их объединяло чувство от-

ветственности за судьбу своей партии и созданного их усилиями первого в мире социалистического государства. Не случайно основание Общества пришлось на начальный период новой экономической политики, связывающейся в умах значительной части большевистской партии с опасностью реставрации капитализма и, следовательно, с гибелью дела революции [3, с. 159, 164]. В условиях сужения возможностей для дискуссии после принятия X съездом РКП(б) резолюции «О единстве партии» старая гвардия нуждалась в корпоративном форуме, обеспечивавшем свободное обсуждение важнейших политических проблем и возможность влияния на выработку решений.

В качестве объединения, претендовавшего на роль партийного «старостата», следившего за соблюдением режимом революционных принципов, Общество старых большевиков должно было обладать огромным авторитетом. С целью обеспечения политического влияния будущей организации инициативная группа составила первоначальный список членов ОСБ (порядка шестидесяти фамилий). В него включили в первую очередь идейных лидеров большевизма, определявших политику государства: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, А.С. Енукидзе, Е.М. Ярославского и др. Тем самым Общество должно было не только приобрести вес среди партийцев, но и заручиться покровительством представителей высшего руководства страны. Однако за исключением Ярославского, не сразу включившегося в работу ОСБ, никто из высокопоставленных большевиков активного участия в его деятельности не принимал.

В отсутствие выраженного лидера инициаторам создания ОСБ не удалось закрепить за Обществом статус политического актора. Уже на учредительном заседании 28 января 1922 г. они столкнулись с сопротивлением товарищей по партии, видевших в оформлявшемся сообществе исключительно ветеранскую организацию, цели которой ограничивались материальной помощью и моральной поддержкой. Так, М.А. Савельев предлагал Обществу старых большевиков связаться с Наркомземом, создать квартирный фонд. В.П. Ногин сказал, что для единения старых товарищей «достаточен клуб при Истпарте, желательно – со столовой» [16, л. 3]. Их оппонентов, оказавшихся на собрании в меньшинстве, возмутила попытка превратить объединение ленинцев в товарищество взаимопомощи; его представители видели в ОСБ средство активного влияния на политику. Например, П.Г. Соколов полагал, что Обществу следует вместе с ЦК партии (ни много ни мало!) подбирать кадры ответственных работников [16, л. 3]. Полемику прекратил взявший на себя на заседании роль лидера И.В. Сталин. По-видимому, опасаясь конкуренции со стороны вновь создаваемой организации, он

принял участие в собрании с целью пресечь претензии старых большевиков на закрепление своих позиций среди командоров «ордена меченосцев». Сталин поставил перед ОСБ две задачи: заботу о материальном положении старых большевиков и содействие Истпарту, а также настоял на том, чтобы расходы на содержание Общества несла партия [16, л. 3].

Предложения Сталина были единогласно приняты в качестве основы для устава. Из его проекта, сохранившегося в фонде РГАСПИ, был вычеркнут пункт об оказании содействия партии «в деле укрепления или, в случае надобности, выпрямления партийной линии» [10]. Однако цели Общества, указанные в утвержденной редакции устава в неопределенных формулировках, отнюдь не решали основного вопроса – о статусе ОСБ, в первую очередь во взаимоотношениях с властью. К сталинским указаниям были добавлены несущественные положения: установление тесного товарищеского общения между старыми большевиками, выявление их взглядов на вопросы современности, а также оказание влияния на широкие массы молодых товарищей. Так начиналось развенчание иллюзий старой гвардии относительно ее особой общественной миссии.

Тем не менее составленное полгода спустя, в августе 1922 г., письмо старого большевика А.М. Стопани «К вопросу о задачах и деятельности ОСБ» обнаружило возможности различной трактовки уставных положений. Товарищеское общение членов Общества автор предлагал сделать «целевым» посредством ознакомления ЦК РКП(б) и других партийных и государственных учреждений со стенограммами дискуссий представителей ленинской гвардии. Вместо того чтобы замыкать задачи организации на самообслуживании, Стопани призывал деятельно реагировать «на злобу дня»: проблему бюрократизации партийных аппаратов, ведомственную ангажированность принимавшихся решений и другие изъяны в политической жизни страны [7]. Резолюция на документе гласила: «Бюро не нашло возможным выносить официального постановления, согласившись с основными положениями доклада (Стопани. – А. Т.)». Однако осенью 1922 г., в ходе обсуждения отчетного доклада Бюро за первые полгода работы Общества старых большевиков, выяснилось, что товарищи «одернули» А.М. Стопани за его попытки «расширить» задачи организации [15, л. 20]. Приведенный сюжет выявляет противоречивую позицию руководства в вопросе о целях Общества.

Думается, на повестке дня стоял ключевой вопрос об определении места ленинской гвардии в нэповском, постреволюционном обществе. Можно констатировать: часть старых большевиков смирилась с реальностью, согласилась на вторые и третьи роли на общественно-политической сце-

не. Однако другие представители старой гвардии упрямо отстаивали право на участие в формировании партийной линии. Как ближайшие соратники вождя, стоявшие у истоков российского коммунистического движения, они претендовали на роль «советников» при партийном руководстве. Выказывались мнения о необходимости предварительного обсуждения в стенах Общества важнейших вопросов повестки ЦК. На общем собрании 29 ноября 1923 г. П.Н. Лепешинский охарактеризовал Общество старых большевиков как «самоопределившийся идеологический центр-лабораторию» и поставил перед ним задачу «выкристаллизовывания политической мысли» [13, л. 141 об.]. ОСБ становилась площадкой столкновения интересов разных групп внутри правящей элиты.

На первых порах противоречия удавалось сглаживать. Их устранению содействовали частые контакты старых большевиков на партийной и советской работе, товарищеские и даже дружеские связи между ними. Демократические традиции в революционной среде долгое время сохранялись. Это позволяло старым большевикам не только успешно выполнять работу в направлениях, обозначенных в уставе Общества (оказывалась материальная помощь членам и их семьям, проводились встречи с комсомольцами и вечера воспоминаний), но и участвовать в политической жизни страны. Старые большевики стали инициаторами создания Международной организации помощи борцам революции (МОПР); в стенах ОСБ регулярно проводились доклады и дискуссии, в основном на актуальные политические темы. Однако доводить мнение старых большевиков до широкой общественности удавалось лишь в редких случаях. Так, резолюция ОСБ по вопросу о современном состоянии художественной литературы в Советской России от 25 октября 1923 г. была опубликована в газете «Рабочая Москва».

После смерти В.И. Ленина заметно усилился процесс поляризации в среде старых большевиков, их разделения на власти предержавшие и «ветеранское» большинство. Представители последнего все более сосредоточивались на работе по изучению истории партии в музеях революции, отделениях Истпарта и ОСБ, а также на оказании материальной помощи товарищам по добровольному обществу. Со второй половины 1920-х гг. на собраниях все чаще ставился вопрос уже не об участии ОСБ в политической жизни, а хотя бы об информировании его членов о текущих событиях. Партийные руководители все чаще отказывались выступать с докладами перед членами ОСБ. Организация была исключена из списка структур, получавших протоколы пленумов Политбюро, ЦК и ЦКК, эмигрантскую литературу. Старые большевики неоднократно обращались к И.В. Сталину, В.М. Молотову и С.В. Косиору с просьбами знакомить их

с партийными документами. «Бюро полагает, – писал генеральному секретарю ЦК ВКП(б) один из руководителей Общества Л.М. Михайлов, – что товарищам, <...> бесшумно и скромно вынесшим на своих плечах наше революционное движение до и после 17-го года, можно доверить секреты нашей партии» [8].

Ветераны партии цеплялись за любую возможность сохранить хотя бы видимость участия в политической жизни. ОСБ даже обращалось в Секретариат ЦК с просьбой уравнивать его с заводской ячейкой или комсомольской организацией и отнести членов к «беспрепятственно читающим протоколы пленумов Политбюро» [9, л. 32 об.]. Но и в этом ветеранам стали отказывать. ОСБ погружалось в материальные заботы, превращалось, по выражению одного из своих членов, в «общество бутербродников». «Телефон, – жаловался общему собранию секретарь Бюро Общества Н.М. Немцов в марте 1929 г., – трещит целый день из-за мелких, пустяковых интересов – о билетах, об оплате квартиры и т. д.» [14, л. 76 об.]. Старые большевики чувствовали себя оскорбленными в лучших чувствах. Посещаемость собраний упала в несколько раз. Многие подпольщики отказывались подавать заявления о вступлении в ОСБ, считая его организацией инвалидов [14, л. 73]. Между тем члены Общества отнюдь не относились к пожилым людям. Большинство из них находилось к рубежу 1920–30-х гг. в возрасте 45–55 лет.

Тем не менее успешной следует признать попытку создать в рамках Общества старых большевиков подобие форума, обеспечивавшего возможность свободной дискуссии для заслуженных членов коммунистической партии. Право обсуждения в стенах ОСБ важнейших политических вопросов признавалось большинством членов. Некоторые усматривали в этом главную функцию Общества, предлагая позиционировать его как клуб, «где можно говорить о том, о чем нельзя говорить в другом месте» [13, л. 142]. Сохранившиеся протоколы и стенограммы докладов и прений по ним, изобилующие весьма критическими суждениями в отношении политики большевистского руководства, позволяют сделать вывод о высокой степени свободы высказываний в ОСБ. Приведем следующий выразительный факт.

25 марта 1928 г. на общем собрании Общества с докладом «О хлебозаготовках» выступил П.Н. Мостовенко, ректор Технического университета имени Баумана в Москве, член партии с 1901 г. Вывод оратора сводился к тому, что в преодолении хлебозаготовительного кризиса, случившегося по вине игнорировавших государственные интересы крестьян, партийный и государственный аппараты выступили спасителями положения. Доклад подвергся жестокой критике со стороны собравшихся старых большевиков. Отмечалось «головотяпское

управление» в сфере заготовок, делались предположения о том, что «Наркомат купил докладчика»; наконец, был обвинен и сам «Центр» (речь шла о ЦК ВКП(б). – *А. Т.*). Критика вынудила докладчика высказаться следующим образом: «Вина основная тех, кому много дано, начиная с ЦК и Политбюро... И ЦК, и Политбюро должны нести наибольшую ответственность». Секретаря собрания К.П. Злинченко до смерти перепугали нападки на высшее партийное руководство. Он попытался вразумить докладчика и собравшихся, но был осмеян старыми большевиками [11]. Злинченко обратился за поддержкой в Бюро ОСБ, однако не нашел ее и там. Приведенный сюжет демонстрирует, во-первых, высокий уровень доверия в отношениях старых большевиков – членов Общества. Ответственные работники, придерживавшиеся в повседневной рутине конформистского поведения, раскрепощались в кругу старых соратников по революционной борьбе. Во-вторых, история с К.П. Злинченко доказывает, что даже в конце 1920-х гг. члены ОСБ составляли коллектив, отстаивавший свободу мнений в границах Общества.

Несмотря на существовавший в среде ветеранов критический настрой, Общество не стало опорой ни для одной из оппозиционных групп. Попытки инакомыслящих найти поддержку в объединении старых товарищей по революционной борьбе не имели успеха. Так, в ответ на предложенную осенью 1927 г. В.Д. Каспаровой резолюцию, осуждавшую политику ВКП(б) в отношении оппозиции, общее собрание старых большевиков не только постановило вывести из своего состава «вожаков» фронды, но поставило вопрос о членстве товарищей, голосовавших против исключения [12, л. 149]. В растянувшейся более чем на десятилетие внутрипартийной борьбе ОСБ неизменно поддерживало «генеральную линию», выполняя таким образом ленинский завет о единстве партии. Вместе с тем следует отметить, что бюрократические, административные методы борьбы с оппонентами не сразу прижились в организации большевистской гвардии. В 1920-х гг. ветераны нередко пытались пригласить в клуб ОСБ представителей оппозиции с целью выяснения взглядов последних и возможности преодоления расхождений.

Однако 1929 г. стал переломным. В атмосфере нарастающей подозрительности, нагнетаемой разоблачениями и репрессиями, товарищеские отношения начали уходить в прошлое. Как представляется, к этому времени сталинское руководство, преследовавшее цель покончить с «партийно-гвардейскими» амбициями ветеранов партии, добилось успеха. Старые большевики смирились. На общем собрании ОСБ весной 1929 г. говорилось о почетности миссии занимать место в «хвосте партии»; тогда же было решено вести работу через заводские партийные комитеты. После этого собрания

члены Общества стали устраивать свои мероприятия уже не в клубе ОСБ, а – как и остальные пропагандисты – на заводах и фабриках [5, л. 137].

Центр тяжести в деятельности Общества старых большевиков переносился на пропагандистскую работу. Немалую роль в этом сыграл новый председатель Общества старых большевиков – Емельян Ярославский. Именно под его руководством указанные тенденции в жизни ОСБ получили свое развитие и были закреплены в новом уставе 1931 г. Отныне первой и главной целью Общества становилось «всемерное использование революционного опыта старых большевиков в помощь партии и ее ленинскому ЦК» [18, с. 4]. В данном случае речь шла исключительно о помощи в создании истории ВКП(б) и об агитационной и просветительской работе.

Поворот, произошедший в деятельности организации старых большевиков на рубеже 1920–30-х гг., имел противоречивые последствия. С одной стороны, Общество расширилось: появилось множество отделений и филиалов ОСБ, количество членов резко возросло. Увеличилось его финансирование партией. Объем общественной работы членов вырос, но она была исключительно культурно-просветительской, лекторской. О том, что несколько лет назад Общество старых большевиков настаивало на своем праве корректировать деятельность ЦК партии, и помышлять уже никто не мог.

Сталину нужны были послушные исполнители с дореволюционным стажем, без спеси и самомнения. В итоге Общество сосредоточило свои силы на пропагандистском обеспечении «великого перелома». Старые большевики выезжали по заданию партии на предприятия, оформили шефство над заводами и колхозами, над комсомольскими ячейками и пионерскими организациями. Аппарат ОСБ разросся, явственнее проявлялась его бюрократизация. Отделения Общества, их сектора, а позднее и отдельные члены ОСБ должны были составлять отчеты о своей работе, включавшие такие показатели, как количество проведенных докладов, число «обслуженных» ими рабочих, красноармейцев, пионеров и проч. Общество развернуло лекционную деятельность. Думается, все это устраивало и самих членов ОСБ. Они постепенно забывали о своих «партийно-гвардейских» амбициях. Ленинская гвардия переставала вмешиваться в политику. Ее члены с большой пользой для себя использовали свой главный капитал – партийный стаж ветеранов.

Положение ОСБ осложнилось после убийства С.М. Кирова. ЦК ВКП(б) требовал выявлять врагов народа. «Проработке» одного из них было посвящено закрытое собрание членов Ленинградского отделения Общества (ЛЮ ВОСБ) 28 января 1935 г. На нем звучали покаяния и призывы к «самопроверке». «Каждого нужно прощупать, – заявила старая большевичка Быстрова, – может быть, кому-нибудь по-

падет и невинному, но иначе поступить нельзя» [17, л. 11]. В том же году, накануне закрытия Общества, по стране прокатилась волна арестов, затронувшая и видных представителей ленинской гвардии – членов ОСБ. В мае 1935 г. Общество было закрыто.

Таким образом, Общество старых большевиков должно было, по мысли инициаторов, организационно оформить претензии старобольшевистской гвардии на корпоративное участие в выработке политической линии в качестве партийного «совета старейшин». Однако двигавшаяся к верховной власти сталинская группа, рассматривавшая «стариков» как просветителей и носителей традиции, но отнюдь не как соратников, имела опору в ветеранском большинстве. Представители последнего видели задачу Общества по преимуществу в приспособлении бывших подпольщиков к бытовым реалиям постреволюционной России. Сильным аргументом в противостоянии их со сторонниками активного вмешательства ОСБ в политическую жизнь стали призывы к соблюдению членами партийной иерархии и дисциплины. Все, чего удалось в настоящих условиях добиться активистам изучаемой организации, может быть охарактеризовано как создание на базе клуба ОСБ подобия форума для более или менее свободной дискуссии членов партии с дореволюционным стажем.

Звучавшая в стенах Общества критика не доносилась до руководящих органов партии и государства и не становилась достоянием общественности. Старобольшевистский форум превращался в «говорильню». Такое положение вещей не могло удовлетворить амбиции ленинских гвардейцев. Уже во второй половине 1920-х гг. Общество старых большевиков оказалось на пороге кризиса, выродившись, по выражению одного из руководителей, в «хдатая по убогим делам». Имелись в виду пособия, пенсии, льготы и т. д. Между тем подъем в деятельности организации был связан с началом так называемого «великого перелома», когда старые большевики вновь оказались востребованы. Ключевой функцией Общества стала лекторская работа. В глазах простых граждан пропагандисты из ОСБ были отцами-основателями коммунистической партии, носителями сакрального начала. Они добивались успеха, внедряя в сознание людей идею прямой преемственной связи между истоками партии и сталинской «социалистической реконструкцией» 1930-х годов.

Библиографический список

1. Артеменко Л.В. Всесоюзное общество старых большевиков (1922–1935 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Днепропетровск, 1996. – 21 с.
2. Доклад А.М. Стопани о Всесоюзном обществе старых большевиков // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 149. – Л. 7–17.

3. Земляной С.Н. Советский термидор и проблема модернизации России (20-е годы) // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 158–187.

4. Коржихина Т.П. Общество старых большевиков (1922–1935 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 11. – С. 50–65.

5. Отчет Бюро ОСБ за время с марта 1929 г. по 1 января 1931 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 133–141.

6. Письмо А.А. Дивильковского Е.М. Ярославскому от 16 июня 1931 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 592. – Л. 28–29.

7. Письмо А.М. Стопани «К вопросу о задачах и деятельности ОСБ» // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 3–6.

8. Письмо Л.М. Михайлова И.В. Сталину от 15 сентября 1926 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 359. – Л. 3.

9. Письмо Л.М. Михайлова С.В. Косиору от 14 октября 1926 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 359. – Л. 32–32 об.

10. Проект Устава ОСБ // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 2.

11. Протокол общего собрания членов ОСБ от 25 марта 1928 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 8. – Л. 211–216 об.

12. Протокол общего собрания членов ОСБ от 27 ноября 1927 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 148–149.

13. Протокол общего собрания членов ОСБ от 29 ноября 1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 141–147.

14. Протокол общего собрания членов ОСБ от 30 марта 1929 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 64–76 об.

15. Протокол общего собрания членов ОСБ от 5 ноября 1922 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 17–38.

16. Протокол учредительного заседания ОСБ от 28 января 1922 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 1–3.

17. Стенограмма общего закрытого собрания членов Ленинградского отделения ВОСБ от 28 января 1935 г. // РГАСПИ. – Ф. 124. – Оп. 3. – Д. 371. – Л. 1–26.

18. Устав Всесоюзного общества старых большевиков. – М.: Старый большевик, 1932. – 20 с.

References

1. Artemenko L.V. Vsesoyuznoe obshchestvo staryh bol'shevikov (1922–1935 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Dnepropetrovsk, 1996. – 21 s.
2. Doklad A.M. Stopani o Vsesoyuznom obshchestve staryh bol'shevikov // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 124. – Op. 3. – D. 149. – L. 7–17.
3. Zemlyanoj S.N. Sovetskij termidor i problema modernizacii Rossii (20-e gody) // Politicheskaya nauka. – 2003. – № 2. – S. 158–187.

4. Korzhihina T.P. *Obshchestvo staryh bol'shevikov (1922–1935 gg.)* // *Voprosy istorii KPSS*. – 1989. – № 11. – S. 50–65.
5. *Otchet Byuro OSB za vremya s marta 1929 g. po 1 yanvarya 1931 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 20. – L. 133–141.
6. Pis'mo A.A. Divil'kovskogo E.M. YAroslavskomu ot 16 iyunya 1931 g. // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 1. – D. 592. – L. 28–29.
7. Pis'mo A.M. Stopani «K voprosu o zadachah i deyatel'nosti OSB» // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 1. – L. 3–6.
8. Pis'mo L.M. Mihajlova I.V. Stalinu ot 15 sentyabrya 1926 g. // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 359. – L. 3.
9. Pis'mo L.M. Mihajlova S.V. Kosioru ot 14 oktyabrya 1926 g. // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 359. – L. 32–32 ob.
10. *Proekt Ustava OSB* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 1. – L. 2.
11. *Protokol obshchego sobraniya chlenov OSB ot 25 marta 1928 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 8. – L. 211–216 ob.
12. *Protokol obshchego sobraniya chlenov OSB ot 27 noyabrya 1927 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 6. – L. 148–149.
13. *Protokol obshchego sobraniya chlenov OSB ot 29 noyabrya 1923 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 3. – L. 141–147.
14. *Protokol obshchego sobraniya chlenov OSB ot 30 marta 1929 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 10. – L. 64–76 ob.
15. *Protokol obshchego sobraniya chlenov OSB ot 5 noyabrya 1922 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 3. – L. 17–38.
16. *Protokol uchreditel'nogo zasedaniya OSB ot 28 yanvarya 1922 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 3. – L. 1–3.
17. *Stenogramma obshchego zakrytogo sobraniya chlenov Leningradskogo otdeleniya VOSB ot 28 yanvarya 1935 g.* // *RGASPI*. – F. 124. – Op. 3. – D. 371. – L. 1–26.
18. *Ustav Vsesoyuznogo obshchestva staryh bol'shevikov*. – M.: Staryj bol'shevik, 1932. – 20 s.

ЗАГОТОВКИ МОЛОКА В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Статья посвящена изучению внутренних и внешних поставок молока и молочных продуктов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Основу статьи составляют документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), основная часть которых впервые вводится в научный оборот. На основе архивных данных определяется количество молока, поступившее по обязательным поставкам, закупкам и другим источникам от колхозов, совхозов, колхозников и единоличных хозяйств сёл и деревень Советского Союза, а также от рабочих и служащих, подсобных хозяйств и т. д. В статье дается информация о союзнических поставках молока и молочных продуктов по программе ленд-лиза. Автор показывает динамику заготовок молока и молочных продуктов по всем источникам поступления. Актуальность данной статьи обусловлена непрекращающимися дискуссиями о значимости и существенности вклада в общую Великую Победу ленд-лизовских поставок продовольствия. Автор приходит к выводу, что Красной армией и советским народом до коренного перелома в ходе войны с фашистской Германией использовались в основном только внутренние заготовки и закупки молока.

Ключевые слова: Советский Союз, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., колхозно-совхозная деревня, поставки молока, ленд-лиз.

Великая Отечественная война превзошла все предшествующие войны по количеству жертв и уничтожению материальных ценностей. Поэтому исследования этого исторического события и в наше время не теряют своей актуальности. Открываются и появляются новые архивные документы и сведения, создавая более целостную картину событий периода войны. Тема продовольственного обеспечения населения и Красной армии воюющего Советского Союза продолжает изучаться для комплексного и всестороннего освещения ее различных аспектов.

Несколько лет тому назад в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) исследователи получили возможность изучения документов Народного комиссариата заготовок СССР, доступ к которым ранее был закрыт. Рассекреченные документы Наркомзага позволяют заново поднять этот вопрос и сделать новые выводы, отсутствующие в работах предшественников.

Наибольшее количество молока накануне войны советские труженики сёл и деревень сдали в 1940 году (табл. 1). В 6-томном издании «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» и статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» этот год принят в качестве эталонного.

По данным таблицы 1 определяем, что общее количество молока, полученное по заготовкам и закупкам в 1941–1945 гг., составляет 16 081 тыс. тонн.

Другие опубликованные источники воспроизводят следующие данные (табл. 2).

Суммируя данные таблицы 2, находим общее количество молока, поступившее государству по внутренним источникам поставок в 1941–1945 гг.: согласно указанным материалам, оно составляет 16 200 тыс. тонн.

В архивных фондах находятся документы, уточняющие эту цифру. Общее количество молока,

Таблица 1

Заготовки молока в 1940–1945 гг. (по данным: [4, т. 6, с. 69; 6, с. 91])

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Молоко, тыс. тонн	6 453	5 252	2 877	2 412	2 615	2 925
В % к 1940 г.	100	81	45	37	41	45

Таблица 2

Заготовки молока в 1940–1945 гг. (по данным: [5, с. 244; 8, с. 216; 9, с. 264; 12, с. 355])

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Молоко, млн тонн	6,5	5,3	2,9	2,4	2,7	2,9
В % к 1940 г.	–	81	45	37	41	45

Таблица 3

Заготовки молока в 1940–1945 гг. (по данным: [10, л. 19])

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Молоко, тыс. тонн	5 904,6	5 229,7	2 814,2	2 416,6	2 540,2	2 967,5
В % к 1940 г.	100,0	88,6	47,7	40,9	43,0	50,3

полученное Советским Союзом по обязательным поставкам от колхозов, колхозников, единоличников, совхозов и закупкам в 1940–1945 гг., согласно архивным данным, отображено в таблице 3.

По данным таблицы 3, в 1940 году общее количество молока, полученное в СССР, составило 5 904,6 тыс. тонн, а не 6 453 тыс. тонн, как указано в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945», и не 6,5 млн тонн, как сообщается в других источниках.

В фондах РГАЭ есть документ, в котором приводятся суммарные поступления молока за 1940 год в количестве 6 457,5 тыс. тонн [7, л. 314], но эти данные предварительные. Уточненная цифра поставок молока в количестве 5 904,6 тыс. тонн фиксируется во всех документах архива, созданных после 1940 года.

Далее, из данных таблицы 3 определяем общее количество молока, полученного по заготовкам и закупкам в 1941–1945 гг., и получаем 15 968,2 тыс. тонн, что меньше данных, приведенных в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» (16 081 тыс. тонн) почти на 113 тыс. тонн.

В других указанных выше изданиях используются те же показатели поставок молока, что и в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945», но все цифры поступления молока округляются в большую сторону, поэтому погрешность данных возрастает. В результате этого суммарные показатели заготовок и закупки молока, полученные по внутренним источникам поступления, оказываются больше на 119 тыс. тонн, чем в первоисточнике.

Покажем динамику поставок молока в СССР на графике (рис. 1).

Данные графика показывают, что поставки молока в 1941 году уменьшились в сравнении с 1940 годом на 11 %. В 1942 и 1945 годах поступления этого продукта составили всего около 50 % от заготовки молока в 1940 году. 1943 и 1944 годы оказались самыми сложными по производству молока в Советском Союзе. В эти неудачные военные

годы государство получило немногим более 40 % от поставок молока в 1940 году.

Таблица 3 и рисунок 1 показывают, что начиная с 1942 г. и до конца войны заготовки и закупки молока резко уменьшаются. Это объясняется уменьшением поголовья коров. В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» сообщается: «К 1 января 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР сократилось с 54,5 млн голов (на 1 января 1941 г.) до 31,4 млн голов, в том числе коров – с 27,8 до 15 млн голов» [4, т. 2, с. 166].

Я.Е. Чадаев указывает: «К 1 января 1943 г. поголовье крупного рогатого скота в стране уменьшилось на сопоставимой территории по сравнению с 1 января 1941 г. на 48 %, в том числе коров – на 50 %» [12, с. 350].

Заготовки и закупки молока снизились не только в связи с уменьшением поголовья коров, но также из-за того, что упала удойность. В.Т. Анисков пишет: «Удойность коров, например, уменьшилась за это время на 20 % – с 949 л в 1940 г. до 764 л в 1942 г.» [1, с. 136].

Далее, В.Т. Анисков сообщает, что в 1941–1944 гг. в Советском Союзе было заготовлено «132 млн ц молочной продукции» [1, с. 213].

По документам РГАЭ за 1941–1944 гг., колхозно-совхозной деревне удалось сдать государству 13,0 млн тонн, или 130 млн. центнеров молока.

Много это или мало? Если сравнивать с рекордным на тот момент 1940 годом, то это, бесспорно, очень мало. Но если сопоставить поступления молока в годы войны с заготовками молока от крестьян в 1928 году, мы увидим, что в сравнении с мирным 1928 годом поставки в течение всей войны были выше как минимум на 25 % (в самом неудачном 1943 году). Это ясно показывает и доказывает преимущество колхозно-совхозного способа крестьянского хозяйствования, который доминировал в советской деревне в предвоенные и военные годы в сравнении с единоличным способом крестьянского хозяйствования, который был основным до 1928 года.

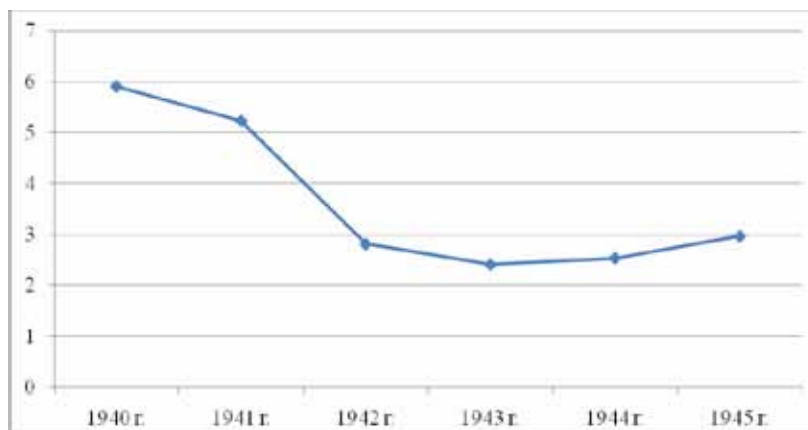

Рис. 1. Динамика заготовок молока в 1940–1945 гг., млн тонн

Заготовки молока в 1918–1945 гг., тыс. тонн

Годы	Заготовки	Годы	Заготовки	Годы	Заготовки	Годы	Заготовки
1918	242,0	1923	617,2	1928	1 938,4	1941	5 229,7
1919	37,0	1924	690,4	1929	1 835,4	1942	2 814,2
1920	508,4	1925	1 151,1	1930	974,2	1943	2 416,6
1921	437,3	1926	1 424,3	1931	1 967,3	1944	2 540,2
1922	546,1	1927	843,8	1932	1 934,2	1945	2 967,5
Всего	1 770,8		4 726,6		8 649,5		15 968,2

Сравним заготовки и закупки молока в 1941–1945 гг. с поступлениями этого сельскохозяйственного продукта в 1918–1922 гг., 1923–1927 гг. и 1928–1932 гг. [10, л. 19] (табл. 4).

По сведениям из архивных источников, представленных в таблице 4, можно установить, что в 1941–1945 гг. заготовки и закупки молока превосходили в 9 раз поступления этого сельскохозяйственного продукта в 1918–1922 гг., в 3,4 раза – поставки в 1923–1927 гг. и на 85 % – в 1928–1932 гг.

Обратимся теперь к внешним источникам поступления молока. Союзнические поставки молочных продуктов по программе ленд-лиза составили около 170 тыс. тонн [3, с. 300]. Но американцы в основном поставляли в нашу страну сгущенное молоко и сливки, сливочное и пастообразное масло, сыр, а также сухое молоко.

Ю.А. Поляков и А.А. Падерин сообщают, что по проналогу с каждого крестьянского двора в СССР 200–230 литров молока приравнивались к 9 кг масла [2, с. 212].

Следовательно, 170 тыс. тонн сгущенки, сливочного масла, полученных Советским Союзом по ленд-лизским поставкам, будут соответствовать примерно 4,1 млн тонн молока. Таким образом, американские ленд-лизские поставки молочных продуктов составили 31 % от советских внутренних поставок молока государству. Следовательно, в годы Великой Отечественной войны американские поставки молока оказались меньше, чем количество молока, полученное в СССР по внутренним источникам в одном только 1941 году.

Основные молочные ленд-лизские поставки пришлось опять-таки на время после коренного перелома в Великой Отечественной войне в пользу Советского Союза, то есть с середины 1943 года. Э. Стеттиниус подтверждает незначительность ленд-лизских поставок молочных продуктов в первые два самых тяжелых для СССР года войны: «Несмотря на нехватку жиров в России, мы были не в состоянии отправлять туда много сливочного масла, поставляя вместо него свиной жир, съедобное льняное масло, арахисовое масло – заменители сливочного, как маргарин. До 30 июня 1943 года мы отправили в Россию всего около 12 000 тонн сливочного масла – менее 1 % объема нашего производства» [11, с. 222].

12 тыс. тонн сливочного масла, полученные нашей страной до 30 июня 1943 г., составляют около

6 % от общего количества поставленных союзниками молочных продуктов. Если же пересчитать 12 тыс. тонн масла в молоко и сравнить с количеством этого продукта питания, поступившим от советской колхозно-совхозной деревни в 1941–1943 гг., то можно установить, что союзническая «молочная» помощь в первые два года Великой Отечественной войны составляет 2,8 % от молока, поступившего по внутренним источникам. Таким образом, основные союзнические ленд-лизские поставки молочных продуктов пришлось на период с середины 1943 г. и до конца войны, то есть когда Советский Союз уже определился как победитель во Второй мировой войне.

Основным итогом трудовой деятельности колхозно-совхозной деревни в годы Великой Отечественной войны было сверхтрудоное, но в целом удавшееся решение проблемы продовольствия, в основном за счет своих сил, своего потенциала, за счет героического труда и самопожертвования трудящихся женщин, стариков и детей советской колхозно-совхозной деревни. Благодаря высоким мобилизационным возможностям колхозно-совхозной системы Советскому Союзу, несмотря на все трудности, удалось сосредоточить в своих руках огромные массы товарной молочной продукции.

Библиографический список

1. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.
2. Война и общество в XX веке: в 3 кн. / рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2008.
3. Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне, 1941–1945 / пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: Центрполиграф, 2015. – 350 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: в 6 т. – М.: Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1960–1965.
5. История советского крестьянства: в 5 т. – М.: Наука, 1986–1988. – (История крестьянства СССР).
6. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. – М.: Информ.-изд. центр, 1990. – 236 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 65. – Л. 314.

8. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М.: ИД «Экономическая газета», 2011. – 448 с.

9. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И.А. Гладков. – М.: Наука, 1970. – 504 с.

10. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 1082. – Л. 19.

11. Стеттиниус Э. Загадки ленд-лиза. Ленд-лиз – Оружие победы. – М.: Вече, 2000. – 400 с.

12. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М.: Мысль, 1985. – 494 с.

References

1. Aniskov V.T. Krest'yanstvo protiv fashizma, 1941–1945. Istoriya i psihologiya podviga. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.

2. Vojna i obshchestvo v НКН veke: v 3 kn. / ruk. proekta i sost. O.A. Rzheshhevskij; In-t vseobshch. istorii RAN. – М.: Nauka, 2008.

3. Dzhons R.H. Lend-liz. Dorogi v Rossiyu. Voennye postavki SSHA dlya SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne, 1941–1945 / per. s angl. A.L. Andreeva. – М.:

Centropoligraf, 2015. – 350 s.

4. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz, 1941–1945: v 6 t. – М.: Voen. izd-vo Min-va oborony SSSR, 1960–1965.

5. Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t. – М.: Nauka, 1986–1988. –(Istoriya krest'yanstva SSSR).

6. Narodnoe hozyajstvo SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Statisticheskij sbornik. – М.: Inform.-izd. centr, 1990. – 236 s.

7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (RGAEH). – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 65. – Л. 314.

8. Ryzhkov N.I. Velikaya Otechestvennaya: bitva ehkonomik i oruzhie Pobedy. – М.: ИД «Экономическая газета», 2011. – 448 с.

9. Sovetskaya ehkonomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / red. I.A. Gladkov. – М.: Nauka, 1970. – 504 с.

10. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 1082. – Л. 19.

11. Stettinius E.H. Zagadki lend-liza. Lend-liz – Oruzhie pobedy. – М.: Veche, 2000. – 400 с.

12. CHadaev YA.E. EHkonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). – М.: Mysl', 1985. – 494 с.

СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 40-Х – НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию развития объектов социальной инфраструктуры в Вологодской области в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. Автор проводит анализ состояния в населенных пунктах Вологодской области следующих объектов: учреждений здравоохранения, образования, культуры и искусства, детских садов, средств связи и коммуникации и т. д. В статье рассматриваются цели и результаты двух послевоенных пятилеток в сфере обеспеченности населения Вологодской области социальными объектами. Отмечается неудовлетворительное, а часто и аварийное состояние большинства зданий и сооружений, многие из которых не соответствовали своему назначению. Автор приходит к выводу, что основной причиной запущенного состояния объектов инфраструктуры после окончания Великой Отечественной войны является прежде всего недостаточное финансирование данных статей расходов на протяжении многих лет. Выделяемых средств часто не хватало не только на новое строительство, но и на проведение капитальных ремонтов, в то время как многие здания и сооружения были построены еще в дореволюционный период.

Ключевые слова: Вологодская область, послевоенный период, социальное развитие, инфраструктура, состояние объектов здравоохранения, образования, культуры.

Состояние объектов социальной инфраструктуры является одним из ключевых показателей, который характеризует, с одной стороны, эффективность проводимой государством социальной политики, с другой – качество жизни населения. Проблемы развития инфраструктуры медицинских, образовательных и дошкольных учреждений, объектов спорта, культуры и искусства не теряют своей актуальности на протяжении многих десятилетий.

После завершения Великой Отечественной войны объекты социальной инфраструктуры многих районов СССР находились в аварийном состоянии, в том числе и в тех регионах, на территории которых не было военных действий [11, с. 54–55]. К числу таковых относилась и Вологодская область, которая с 1941 по 1945 гг. не подверглась фашистской оккупации (за исключением Оштинского района) [12, с. 321, 326].

В 1945 году в Вологодской области насчитывалось 14 городов, 9 рабочих поселков и 774 сельских совета. В области проживало 1,27 млн человек, в том числе 307 тыс. человек – в городах [1, с. 285].

10–11 сентября 1946 года состоялось заседание областного Совета депутатов трудящихся Вологодской области, на котором был утвержден план восстановления и развития народного хозяйства региона на 1946–1950 гг. В сфере развития социальной инфраструктуры были поставлены следующие задачи:

- установить общий объем лимитных капиталовложений на здравоохранение в сумме 2 300 тыс. руб., из них 800 тыс. руб. – на жилищное строительство и 1 500 тыс. руб. – на больничное строительство;
- ввести в эксплуатацию за пятилетие 5 семилетних школ за счет лимитных капиталовложений;
- развивать инициативу по строительству новых школ в сельской местности за счет привлечения средств населения;

- организовать в каждом районном центре Дома культуры и в каждом сельсовете – сельские клубы и избы-читальни. Радиофицировать все Дома культуры, сельские клубы и избы-читальни;

- улучшить благоустройство и очистку городов и рабочих поселков, увеличить замощение улиц и площадей, расширять площадь усовершенствованных покрытий и зеленых насаждений;

- полностью телефонизировать все сельские советы, машинно-тракторные станции и совхозы;

- предусмотреть в 1947 году строительство Шелыгинского детского дома на 150 мест;

- довести в 1950 г. сеть киноустановок до 389 (против 131 в 1945 г.);

- довести к 1950 г. сеть фельдшерских, фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов до 762 (против 568 пунктов в 1940 г.);

- расширить сеть детских и женских консультаций, детских больниц и молочных кухонь [2, с. 4, 141].

На заседании областного совета многие депутаты отмечали в своих выступлениях неудовлетворительное состояние объектов социальной инфраструктуры. После окончания Великой Отечественной войны Вологодская область испытывала серьезные трудности с обеспечением учреждений здравоохранения и просвещения подходящими помещениями. Большое количество школ, садов и больниц располагалось в помещениях, абсолютно не приспособленных для работы, многие из них находились в аварийном состоянии, не имели электроснабжения и отопления [5, с. 16]. Так, Вологодская областная больница размещалась в непригодном здании средней школы, а инфекционная больница Вологды – в нескольких деревянных зданиях, пришедших в ветхость. В Великом Устюге деревянное здание городской больницы на 250 коек было настолько ветхое, что, несмотря на ежегодные ремонты с затратами до

100–120 тыс. руб., зимой температура в палатах не превышала 5 градусов. В сельской местности лечебная сеть была развернута недостаточно. Почти треть районов не имели участковых медицинских учреждений, поэтому население, несмотря на бездорожье и дальние расстояния до райцентров, вынуждено было пользоваться районными больницами [10, с. 32–33].

Население Вологды испытывало острую нехватку мест в детских садах и яслях. В результате органы народного образования и здравоохранения вынуждены были отказывать трудящимся в приеме детей. Аналогичное положение наблюдалось в Великом Устюге, Тотемском, Вожегодском, Тарногском и других районах области [5, с. 22].

Многие помещения начальных, семилетних и средних школ Вологодской области в начале 1950-х не соответствовали требованиям того времени. По данным паспортизации, из имеющихся 2 996 школьных зданий 1 261 было построено до 1917 года. В докладной записке председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову отмечалось, что в Вологодской области из 2 249 школ специальные здания имелись у 1 021 школы, остальные размещались в арендованных зданиях и в приспособленных крестьянских домах или постройках барачного типа, совершенно не отвечающих требованиям педагогического процесса. Многие школьные здания нуждались в капитально-восстановительном ремонте, а некоторые были вообще непригодны для дальнейшей эксплуатации. В школах, особенно в семилетних и средних, ощущался недостаток классных комнат, в большинстве из них не было учебных кабинетов, школьных библиотек, спортивных залов, комнат для внеклассного чтения. Из 523 семилетних и средних школ имели специальные кабинеты только 142, комнату для библиотеки – 140, для внеклассной работы – 83, специальные спортивные залы – лишь 52. Из 2 296 учебных зданий, занимаемых школами, только 164 были электрифицированы, остальные освещались посредством керосиновых ламп [9, с. 5, 12].

Крайне плохо была организована сеть общежитий для студентов и преподавателей высших и средних учебных заведений. Так, директор Вологодского пединститута на заседании областного Совета депутатов трудящихся в 1946 году констатировал, что уже в первый год пятилетки институт не выполнил план по набору студентов на 40 %, а учительский институт выполнил план по набору лишь наполовину. Главной причиной была названа нехватка жилой площади в общежитиях. Несмотря на недобор студентов Вологодского педагогического института, в его общежитии в начале 1946/47 учебного года не было ни одного свободного места. Более того, институт был вынужден расселять в студенческом общежитии профессорско-преподавательский состав, что снижало

возможность размещения студентов на 300 мест. Общежитие было рассчитано на 550 человек, а поселить нужно было 2000. Таким образом, из-за жилищных проблем под угрозой срыва находилась одна из важнейших задач по подготовке высококвалифицированных специалистов с высшим образованием [9, с. 117, 120].

На заседаниях областного Совета депутатов трудящихся Вологодской области неоднократно говорилось о фактах нарушений условий размещения учащихся школ ФЗО, РУ и ЖУ при предприятиях. Многие общежития не имели отопления, комнаты не были оборудованы необходимой сантехникой и мебелью, часто дети жили в антисанитарных условиях. В 1948 году из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО области выбыло 235 учащихся, причем 105 из них ушли самовольно по причине халатного отношения к созданию нормальных бытовых и учебно-производственных условий для учащихся [7, с. 40].

В 1949 году статистическое управление Вологодской области обследовало 18 детских садов области, рассчитанных на размещение 1 114 детей. В момент обследования укомплектованность детских садов составляла 87,8 %. Одной из причин неуккомплектованности явилось их крайне неудовлетворительное состояние и несоответствие требованиям, предъявляемым к учреждениям данного типа. Большинство помещений детских садов и их материальная база не соответствовали своему назначению. Во многих садах не было халатов, салфеток, не хватало игрушек, чайной посуды, ложек, вилок и ножей. Участки всех детских садов были или совсем не оборудованы, или имели только песочницы. Например, детсад рабочего поселка Вожега был расположен на нижнем этаже жилого дома, имеющего общий выход с жильцами верхнего этажа, помещение было не приспособлено, требовало ремонта, не имело места для хранения продуктов питания, дети в саду спали на полу. Городской детский сад № 17 города Сокола располагался в бараке, абсолютно непригодном для размещения детей, с текущей крышей, неисправным полом и печью. Неудовлетворительно было организовано медицинское обслуживание детских садов. В Сямженском и Сокольском, а также детсадах № 17 и 6 г. Сокол врачи посещали детский сад только один раз в месяц. Значительная часть заведующих и воспитателей не имели необходимого образования, что отрицательно сказывалось на ходе воспитательной работы [3, с. 2–4].

В 1949, 1950, 1951 годах статистическое управление проводило проверки выполнения решения облисполкома от 25.11.1946 года о развертывании детских яслей в период сельскохозяйственных работ и ежегодно докладывало в Вологодский облисполком о крайне неудовлетворительном исполнении и проявлении бездеятельности и халатности

в этой работе со стороны районных советов. Районные советы не создавали условий для активного участия женщин в проведении сельскохозяйственных работ, вследствие чего трудовые резервы использовались неполноценно, что отрицательно сказывалось на выполнении плана сенокосения и хлебоуборки [3, с. 8]. По состоянию на 1 июня 1949 года в яслях находилось только 7 074 ребенка, что составляло 41,6 % от запланированного. В некоторых районах области, например в Андонском и Борисово-Судском, к практическому выполнению решения не приступили. Проверка показала, что чаще всего колхозные ясли размещались в необорудованных помещениях или в домах колхозников, абсолютно не приспособленных для этих целей. Специальных помещений в сельских населенных пунктах не было. Во многих районах ясли организовывались матерями самостоятельно [4, с. 18].

В запущенном состоянии находились учреждения искусства. Областной драматический театр располагался в старом ветхом здании. Из-за отсутствия помещения не мог начать работу театр юного зрителя. Музыкальное училище в Вологде размещалось в тесном здании с небольшой световой площадью, вследствие чего учащиеся были вынуждены заниматься на квартирах у преподавателей [4, с. 7].

Внешнее благоустройство городов, рабочих поселков и районных центров – дороги, мосты, тротуары, набережные, бульвары – также нуждались в значительных капитальных вложениях для того, чтобы привести их в нормальное состояние. Ежегодно в благоустройстве городов, рабочих поселков и районных центров широкое участие принимало население. Силами граждан осуществлялись многие работы по ремонту тротуаров и ограждений, посадке зеленых насаждений, ремонту водостоков и т. д., но выполнить силами населения большие работы по благоустройству, требующие капитальных вложений, не представлялось возможным [9, с. 4].

Существующая телефонная связь в Вологде и Череповце не обеспечивала возросшей потребности промышленных, коммунальных, социальных, культурных учреждений и населения. В Череповце, несмотря на значительный рост населения, мощность телефонной станции оставалась без изменений. В Вологде, в связи с недопустимой перегрузкой телефонной сети, было обычным явлением, когда 2–3 телефонных аппарата находились на одном проводе [9, с. 8].

Несмотря на многочисленные трудности в развитии социальной инфраструктуры в Вологодской области, в период с 1945 по 1953 гг. были достигнуты определенные успехи. После окончания Великой Отечественной войны большое внимание уделялось развитию здравоохранения, в том числе обеспечению медицинских учреждений необходимой инфраструктурой. В период с 1945 по 1955 гг.

число больничных учреждений (без госпиталей) увеличилось в 1,5 раза, а число коек – более чем в 2,2 раза, количество врачей возросло в 2,1 раза при увеличении числа сотрудников среднего медицинского персонала в 1,94 раза [13, с. 120].

Большое внимание уделялось развитию транспортной инфраструктуры. Были построены вторые железнодорожные пути Вологда – Череповец, железнодорожная линия Коноша – Котлас – Воркута, которая прошла вдоль северной границы области. Строились и реконструировались автотрассы. В 1946–1947 гг. методом народной стройки, в основном силами колхозников, была построена дорога Вологда – Ярославль. В 1950-е гг. построена дорога Вологда – Сокол [14, с. 475].

Быстрыми темпами развивалась радиофикация области, необходимая в деле политического и культурного воспитания трудящихся. С 1945 по 1949 гг. количество радиоузлов в области возросло с 70 до 98, а их мощность увеличилась в 4 раза. За 4 года количество приемников возросло в 1,7 раза, в том числе в 1,6 раза – в сельской местности, значительно возросла протяженность сетей проводного вещания. Однако темпы радиофикации области, и особенно сельских населенных пунктов, по мнению облисполкома, не обеспечивали возросших культурных запросов населения. Количество радиофицированных колхозов в 1949 г. составляло лишь 10,8 %, населенных пунктов – 3,9 %. Полностью были охвачены радиофикацией только города, районные центры и крупные рабочие поселки. В 1949 году, после выхода постановления Совета Министров СССР № 5266 «О мероприятиях по улучшению радиофикации СССР и необходимости в течение ближайших лет завершить радиофикацию страны», начался процесс массовой радиофикации сельских поселений Вологодской области [8, с. 104–106].

За пятую пятилетку в городах и рабочих поселках Вологодской области построено 13 школ на 8 160 учащихся, новое учебное здание Вологодского пединститута на 960 человек, 18 детских садов на 1 275 детей, 7 детских яслей на 420 детей, 2 дома инвалидов на 600 человек, больница на 108 коек, родильный дом на 60 коек, 2 клуба на 520 мест, 3 столовые и другие объекты социальной инфраструктуры [15, с. 80, 139].

Наиболее активное развитие социальной инфраструктуры происходило в городах, в то время как в рабочих поселках и особенно на селе возможности такого развития были сильно ограничены. Архивные данные свидетельствуют, что в первые послевоенные годы вопросы развития социальной инфраструктуры рассматривались на многих заседаниях Вологодского облисполкома и партийных органов. В числе причин неудовлетворительного состояния социальных объектов часто называлась халатность и безответственность исполнителей на

местах, о недостатках финансирования говорили редко. В то же время расходы на соцобеспечение в бюджете Вологодской области в начале 1950-х не превышали 3,0 % [6]. Выделяемые средства были настолько незначительны, что часто не обеспечивали даже поддержания в удовлетворительном состоянии существующих объектов. Вологодский облисполком неоднократно указывал на существующие проблемы и просил оказать финансовую и иную помощь как у Центрального комитета КПСС, так и у председателя Совета министров СССР. Однако в большинстве случаев реальной помощи партийные и государственные власти не оказывали. Весомый вклад в развитие социальной инфраструктуры вносили ведомственные организации, однако для них это были второстепенные задачи [2, с. 114].

Несмотря на послевоенные трудности, в сфере обеспечения социальных объектов Вологодской области необходимой инфраструктурой были достигнуты некоторые успехи: строились и ремонтировались школы, больницы, детские сады и общежития, расширялась сеть радио- и кинопередатчиков, улучшалась транспортная инфраструктура. Однако многие объекты социальной инфраструктуры (школы, больницы, общежития, объекты культуры и искусства) в конце 40-х начале 50-х годов XX века в Вологодской области находились в неудовлетворительном состоянии, медленно развивалась транспортная инфраструктура и средства связи. Темпы нового строительства не удовлетворяли потребностей социальной сферы. Основной причиной являлось недостаточное финансирование данных статей расходов, часто халатность исполнителей на местах. Не стоит забывать и о том, что в период Великой Отечественной войны на строительство и ремонт социальных объектов средств почти не выделялось, здания и сооружения разрушались, в то время как многие из них были построены еще до 1918 года.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 374. – Оп. 11. – Д. 359.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 1300. – Оп. 1. – Д. 704.
3. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 11. – Д. 2968.
4. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 11. – Д. 2996.
5. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 14. – Д. 2354.
6. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1253.
7. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1332.
8. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1384.
9. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1547.
10. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1579.
11. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 229 с.
12. *Безнин М.А.* История Вологодского края: учеб. пособие для студентов. – Вологда, 2008. – 399 с.
13. Народное хозяйство Вологодской области за годы советской власти: Статистический сборник. – Вологда: ЦСУ РСФСР Статистическое управление, 1967. – 104 с.
14. Очерки истории Вологодской организации КПСС / Н.В. Лебедев, В.А. Дмитриев, П.А. Зиновьев и др. – Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. – 512 с.
15. Народное хозяйство Вологодской области: Статистический сборник. – Вологда: Гос. стат. изд-во, 1960. – 74 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 374. – Op. 11. – D. 359.
2. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO). – F. 1300. – Op. 1. – D. 704.
3. GAVO. – F. 1703. – Op. 11. – D. 2968.
4. GAVO. – F. 1703. – Op. 11. – D. 2996.
5. GAVO. – F. 1703. – Op. 14. – D. 2354.
6. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1253.
7. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1332.
8. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1384.
9. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1547.
10. GAVO. – F. 1932. – Op. 1. – D. 1579.
11. *Zubkova E.YU.* Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. – M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 1999. – 229 s.
12. *Beznin M.A.* Istoriya Vologodskogo kraya: ucheb. posobie dlya studentov. – Vologda, 2008. – 399 s.
13. Narodnoe hozyajstvo Vologodskoj oblasti za gody sovetsoj vlasti: Statisticheskij sbornik. – Vologda: CSU RSFSR Statisticheskoe upravlenie, 1967. – 104 s.
14. *Ocherki istorii Vologodskoj organizacii KPSS / N.V. Lebedev, V.A. Dmitriev, P.A. Zinov'ev i dr.* – Vologda: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1969. – 512 s.
15. Narodnoe hozyajstvo Vologodskoj oblasti: Statisticheskij sbornik. – Vologda: Gos. stat. izd-vo, 1960. – 74 s.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ К ПЕРВОМУ ВИЗИТУ Н.С. ХРУЩЁВА В США АМЕРИКАНСКИМИ И СОВЕТСКИМИ ГАЗЕТАМИ (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды»)

В статье анализируется, как советские и американские газеты вели информационно-пропагандистскую подготовку населения к первому визиту Н.С. Хрущёва в США (на примере «Правды» и «Нью-Йорк таймс»). Целью автора является показать, как одни и те же события освещались американскими и советскими газетами с разного ракурса согласно идеологическому курсу страны. Подобное исследование является необходимым для полного понимания коммуникативных практик в СМИ во время холодной войны. В статье рассматривается подготовительный этап визита и методы, применяемые советской и американской прессой в создании образа Хрущёва. В завершение делается вывод о том, что советские пропагандисты успешно справились с подготовительным этапом поездки, несмотря на попытки американской прессы представить Хрущёва в негативном ключе.

Ключевые слова: Хрущёв, визит в США, подготовительный период, «Правда», «Нью-Йорк таймс», пропаганда, холодная война, «оттепель».

В начале 1959 года внеочередной XXI съезд КПСС констатировал: «В деле разрядки международной напряженности особо важное значение имеет улучшение отношений между США и Советским Союзом. Для улучшения взаимопонимания и установления дружественных отношений между государствами важную роль могут играть расширение торговли, культурных связей, а также личные контакты государственных и общественных деятелей». Следуя этому решению, Никита Сергеевич Хрущёв принимает приглашение отправиться с официальным визитом в США.

Историки выдвигают разные версии по поводу вопроса о том, кто был инициатором визита Хрущёва в США. Однозначно лишь то, что встреча была необходима как США, так и СССР. Советский Союз, стремясь к скорейшему заключению мирного договора по Германии, хотел заручиться поддержкой президента США перед совещанием четырех глав правительств стран-участниц антигитлеровской коалиции по германской проблеме. В свою очередь, Эйзенхауэр стремился за счет переговоров с советской стороной поднять престиж республиканской администрации в глазах избирателей в свете грядущих президентских выборов 1960 года.

Накануне такого исторического события, как первый визит советского лидера в центр капиталистического мира – США, пропагандистам обеих стран было необходимо провести информационную подготовку населения: с помощью прессы объяснить важность этой встречи и её необходимость, каким образом это событие может повлиять на будущее советско-американских отношений в целом. Заранее созданный информационный фон впоследствии помогал освещать сам визит Хрущёва по США с нужной в идеологическом отношении точки зрения.

Подготовительный план американского визита был прекрасно продуман и реализован советским руководством. Во-первых, СССР решил восполь-

зоваться визитом, чтобы внести на рассмотрение план СССР по всемирному разоружению. Советской стороной даты визита были специально выбраны так, чтобы Хрущёв мог выступить с этим предложением на XX сессии ООН в Нью-Йорке.

В преддверии выступления в начале сентября 1959 года была подготовлена статья Хрущёва «О мирном сосуществовании» для размещения в американском журнале «Форин афферс», в которой излагались основные темы, которые советский руководитель заинтересован обсуждать, а именно: предложения по разоружению стран, предоставление Западного Берлина статуса демилитаризованного вольного города, налаживание торговых связей. В статье также содержались основные тезисы программы политики мирного сосуществования стран. «Правда» и «Нью-Йорк таймс» перепечатали эту статью у себя в выпусках. «Правда» сделала приписку, что статья написана по заказу американского журнала, а под ней опубликовала серию хвалебных отзывов американских газет на статью Хрущёва. «Нью-Йорк таймс» рядом со статьёй сделала приписку, в которой сообщалось, что советскому руководителю, как и любому другому автору журнала, был выплачен стандартный гонорар в размере 150 долларов, сама статья была опубликована по всем правилам с согласованными редакторскими правками [14]. Такими действиями газета подчеркивала, что в США советский лидер не пользуется какими-то преимуществами из-за своего статуса, а находится наравне с обычным корреспондентом. В противовес хвалебным рецензиям «Правды» на той же полосе «Нью-Йорк таймс» размещается критическая заметка о статье Хрущёва с указанием исторических ошибок автора.

Как только в августе 1959 года были объявлены точные даты официального визита премьера Хрущёва в США, в каждом без исключения номере «Правды» и «Нью-Йорк таймс» начали появляться материалы о будущей поездке. Однако тон публикаций был разным. В СССР главная цель

визита руководителя в Америку провозглашалась следующим образом: «положить конец холодной войне», для чего в «Правде» была помещена серия статей с характерными заголовками: «Мир может быть избавлен от опасности новой войны», «Чтобы люди могли вздохнуть полной грудью», «Растопить лёд “холодной войны”», «В интересах народов всего мира» и т. д. Смысл всех статей сводился к тому, что поездка Хрущёва чрезвычайно нужна, поскольку от неё зависит будущий мир на земле. Подчёркивая значимость поездки для мирового сообщества, «Правда» публикует мнения простых американцев и видных деятелей. Ю. Жуков в материале «Пусть восторжествует политика разума» пишет: «С огромным удовлетворением встретила миролюбивая общественность всех стран ясную и четкую программу мира, изложенную в выступлении главы советского правительства. Мировая общественность единодушно полагает, что если руководители США будут исходить из таких же благородных мотивов, то успех предстоящих встреч обеспечен» [1]. Специальный корреспондент «Правды» в Нью-Йорке Б. Стрельников провел опрос обычных американцев на вокзале на предмет того, что они думают о будущем приезде Хрущёва в США. Оказывается, что почти все опрошенные думают, что «встреча принесёт облегчение человечеству» [2]. Все мировые события и встречи международных лидеров советские корреспонденты также сводили к будущей поездке. Например, сообщалось, что в своём дипломатическом визите во Францию президент Эйзенхауэр обсуждал с Шарлем де Голлем визит Хрущёва в США: «Хорошего мира, Айк! Вот что ждут от вас французы! – пишет газета “Либерасьон”, – Франция не выполнит своей задачи великой державы, если она будет препятствовать мирному сближению США и Советского Союза!» [4]. А во время своей поездки в Лондон Эйзенхауэр, по версии «Правды», подчеркнул, что его поездки по западной Европе необходимы лишь для предстоящих встреч с главой советского правительства [7].

Начиная с сентября материалам о поездке в каждом номере посвящаются по две – три полосы, то есть почти половина выпуска «Правды». Меняется и риторика газеты по отношению к Соединённым Штатам в преддверии поездки: с конца августа 1959 г. критические заметки о США в «Правде» прекращаются. Александр Чаковский, в то время являвшийся главным редактором журнала «Иностранная литература», готовит специальную статью для «Правды», в которой пишет, что «американцы в массе своей – весёлые, трудолюбивые, добродушные люди. Это талантливый народ. Да, им опротивела “холодная война”. Им надоела злонамеренная пропаганда, убеждающая людей в неизбежности атомных катаклизмов, вселяющая в сердце здоровых, жаждущих мира и созидания

мужчин и женщин тревогу и неуверенность в завтрашнем дне» [6].

Редакция же «Нью-Йорк таймс» по отношению к предстоящему визиту была настроена настороженно. По свидетельству главного редактора Тернера Катледжа, редакцию в буквальном смысле забрасывали как гневными, так и положительными откликами на предстоящий визит Хрущёва [11, с. 252]. Американское общество в преддверии этого события оказалось буквально расколото на два лагеря. Несмотря на очевидный интерес к советскому лидеру, часть американцев просто не желала видеть Хрущёва в качестве своего «гостя». «Нью-Йорк таймс» публикует, например, статью о том, что полицией были пойманы люди, расклеивающие на улице плакаты «Держи свой город в чистоте – держи его от Хрущёва» [10], или сообщения о том, что пресвитерианская церковь, к которой принадлежит президент Эйзенхауэр, осудила приезд Хрущёва [18]. Одновременно в разделе писем в редакцию можно найти такие отзывы: «Я потрясён приглашением Эйзенхауэра Хрущёву посетить эту страну. Хрущёв представляет всё то зло, что ненавистно и противоречит всем основным концепциям, породившим Соединённые Штаты как нацию» [9]. Всего с 1 августа по 15 сентября Хрущёв и его предстоящий визит упоминаются в газете в 714 статьях¹. Американские журналисты в преддверии визита пытались подготовить аудиторию и сформулировать взгляды по поводу личности советского лидера. Авторы колонок описывали Хрущёва так: «Любовь советского премьера к речам стала уже всемирно известной. Немногие государственные деятели могут превзойти его в ораторском искусстве и способности влиять на аудиторию... Он машет пальцем, как учитель непослушному ученику, когда не согласен с чьей-то точкой зрения. И он часто хватается за отворот куртки, когда апеллирует своими аргументами» [17]. За неделю до начала визита газета публикует серию из восьми очерков авторитетного обозревателя Гаррисона Солсбери, работавшего несколько лет в Москве, под названием «Россия Хрущёва», где рассказывается как о самом Хрущёве и его окружении, так и об экономическом и социальном положении СССР, отношениях с Китаем и другими странами, а также о положении прессы. Солсбери называет Хрущёва «коммунистическим Колумбом», который едет открывать новые земли: «Он впервые увидит в действии американскую систему свободного предпринимательства с ее бесконечным разнообразием, производительностью и выдумкой. Впервые он сможет ощутить реальность американского капитализма вопреки карикатурам марксистских классиков» [15]. Сама редакция, высказывая мнение в колонке, говорит, что «американцы, безусловно, примут всю семью Хрущёва с величайшим гостеприимством, но мы по-

дозреваем, что многие из них будут думать о всех тех семьях, которые разрушило советское правительство в последние десятилетия; обо всех жёнах и детях “кулаков”, которых так безжалостно преследовали в России в 1930-х, о женщинах и детях, которых переехали советские танки в Будапеште меньше трех лет назад; женщины, которые потеряли своих мужей из-за коммунистической агрессии в Корее меньше десяти лет назад» [16]. Редакция выражает своё уважение Хрущёву, но заранее предостерегает его от множества трудностей, с которыми он может столкнуться в Америке.

Взять всю семью в американскую поездку Хрущёву посоветовал Анастас Микоян, обратив внимание на то, что семья для американцев является одним из главных семейных ценностей, на которых строится идеология. Этот ход в дальнейшем всё же был оправдан, поскольку американская пресса была очарована Ниной Петровной Хрущёвой. В конце визита «Нью-Йорк таймс» напишет, что «человек, женившийся на ней и живущий с ней много лет, не может быть негодяем, чтобы он ни делал во время сталинского режима» [8].

Между тем советские пропагандисты стремились показать технологическую мощь страны и превосходство в сравнении с США. Чтобы закрепить образ советского руководителя на международной арене, советским правительством было решено организовать поездку на только что сконструированном Андреем Туполевым ТУ-114, представляющем собой самую совершенную технологическую разработку того времени. Это был единственный в мире самолёт, способный преодолеть расстояние от Москвы до Вашингтона без дозаправки. Никита Сергеевич вспоминал в своих мемуарах [5, с. 245], что «США не имели такого пассажирского самолёта долгое время. И я ощущал чувство гордости». На американцев самолёт действительно произвёл неизгладимое впечатление. «Нью-Йорк таймс» откровенно признала, что американцы позавидовали подобной технической разработке [12], но, чтобы не превозносить советские достижения, сразу после приземления Хрущёва в газете была опубликована небольшая заметка о том, что «русские обманывают западных военных экспертов, утверждая, что припарковали четыре авиалайнера ТУ-114 во Внуково. Эксперты полагают, что у Советского Союза только один ТУ-114» [13] (хотя в 1958 г. Советским Союзом было действительно построено 4 авиалайнера ТУ-114). Но превосходства самолёта советскому правительству оказалось недостаточно. За двое суток до начала «американской поездки» советские учёные выполнили запуск ракеты на Луну. «Правда» написала: «Вчера весь мир облетела весть о пуске Советским Союзом космической ракеты к Луне. Вчера же в Ленинграде было торжественно отмечено вступление в строй первого в мире атомного ледокола “Ленин”. Эти новые

выдающиеся победы советского народа, победы передовой науки и мирного созидательного труда, достигнутые в канун визита главы советского правительства товарища Н.С. Хрущёва в США, горячо приветствует все прогрессивное человечество. Да здравствует героический советский народ – строитель коммунизма! Слава великой ленинской партии – вдохновителю и организатору всех наших побед!» [3]. Однако официальная позиция государства заключалась в том, что запуск ракеты одновременно с отъездом главы СССР в США лишь случайное стечение обстоятельств. «Нью-Йорк таймс» не могла пройти мимо таких событий и поместила большой материал, рассказывающий, что ракета была намеренно запущена перед самым приездом Хрущёва, чтобы у СССР было больше преимуществ в переговорах с американским руководством [19]. Впрочем, Хрущёв и не скрывал этого факта: среди стандартных подарков главе иностранного государства типа водки и икры была также изготовленная для Эйзенхауэра копия вымпела с изображением герба Советского Союза, который ракета доставила на Луну 13 сентября.

Первая поездка Хрущёва в США вызвала колоссальный интерес со стороны американских и советских СМИ. Советские пропагандисты успешно справились с подготовительным этапом поездки. С помощью «Правды» внутри страны был создан образ Хрущёва – выдающегося общественного и государственного деятеля, способного своей благородной миссией остановить холодную войну между двумя странами. Для американской аудитории советские пропагандисты начали создавать образ руководителя могущественной сверхтехнологичной державы, который, несмотря на ракетные и атомные достижения, призывает к мирному сосуществованию и обладает большой человечностью – совершает визит со всей своей семьёй. Американские газеты, информационно подготавливая свою аудиторию, формировали образ Хрущёва – «врага-коммуниста»: в публикациях вспоминали все ужасы коммунистических деяний в 1930-х гг., делали сравнения со свободной от тоталитаризма Америкой. К идее поездки «Нью-Йорк таймс» относилась с большим недоверием и скептицизмом.

Примечание

¹ Расчёты приводятся по данным мониторинга из системы The New York Times Machine.

Библиографический список

1. Жуков Ю. Пусть восторжествует политика разума // Правда. – 1959. – 4 сентября.
2. Стрельников Б. Так думают простые люди Америки // Правда. – 1959. – 8 сентября.
3. Новый этап в завоевании космоса человеком! Вторая советская космическая ракета летит к Луне // Правда. – 1959. – 3 сентября.

4. Франко-американские переговоры в Париже // Правда. – 1959. – 3 сентября.

5. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. – М.: Вече, 2016. – С. 245.

6. Чаковский А. Чтобы люди могли вздохнуть полной грудью // Правда. – 1959. – 7 сентября.

7. Эйзенхауэр закончил переговоры в Лондоне // Правда. – 1959. – 3 сентября.

8. A motherly visitor // The New York Times. – 1959. – 28 September.

9. Against Khrushchev visit // The New York Times. – 1959. – 9 August.

10. Anti-Soviet posters being sought here // The New York Times. – 1959. – 6 September.

11. Catledge T. My life and The Times. – New York: Harper and Row Publishers. – 1963. – P. 252.

12. Crowd Gasps at its size – TU 114 Turboprop is too broad for taxiway // The New York Times. – 1959. – 16 September.

13. Experts see quadruple // The New York Times. – 1959. – 16 September.

14. Khrushchev gets \$150 for article used here // The New York Times. – 1959. – 3 September.

15. Khrushchev's Russia – 8 // The New York Times. – 1959. – 15 September.

16. Khrushchev Family Party // The New York Times. – 1959. – 1 September.

17. Nikita Sergeevich Khrushchev // The New York Times. – 1959. – 15 September.

18. Prayer for Russian // The New York Times. – 1959. – 28 August.

19. Russians fire rocket at moon, expect it to hit target today; shot timed to Khrushchev trip // The New York Times. – 1959. – 13 September.

References

1. Zhukov YU. Pust' vostorzhestvuet politika razuma // Pravda. – 1959. – 4 sentyabrya.

2. Strel'nikov B. Tak dumayut prostye lyudi

Ameriki // Pravda. – 1959. – 8 sentyabrya.

3. Novyj ehtap v zavoovanii kosmosa chelovekom! Vtoraya sovetskaya kosmicheskaya raketa letit k Lune // Pravda. – 1959. – 3 sentyabrya.

4. Franko-amerikanskije peregovory v Parizhe // Pravda. – 1959. – 3 sentyabrya.

5. Hrushchyov N.S. Vremya. Lyudi. Vlast'. – М.: Vechе, 2016. – S. 245.

6. CHakovskij A. CHtoby lyudi mogli vzdohnut' polnoj grud'yu // Pravda. – 1959. – 7 sentyabrya.

7. EHjzenhauehr zakonchil peregovory v Londone // Pravda. – 1959. – 3 sentyabrya.

8. A motherly visitor // The New York Times. – 1959. – 28 September.

9. Against Khrushchev visit // The New York Times. – 1959. – 9 August.

10. Anti-Soviet posters being sought here // The New York Times. – 1959. – 6 September.

11. Catledge T. My life and The Times. – New York: Harper and Row Publishers. – 1963. – P. 252.

12. Crowd Gasps at its size – TU 114 Turboprop is too broad for taxiway // The New York Times. – 1959. – 16 September.

13. Experts see quadruple // The New York Times. – 1959. – 16 September.

14. Khrushchev gets \$150 for article used here // The New York Times. – 1959. – 3 September.

15. Khrushchev's Russia – 8 // The New York Times. – 1959. – 15 September.

16. Khrushchev Family Party // The New York Times. – 1959. – 1 September.

17. Nikita Sergeevich Khrushchev // The New York Times. – 1959. – 15 September.

18. Prayer for Russian // The New York Times. – 1959. – 28 August.

19. Russians fire rocket at moon, expect it to hit target today; shot timed to Khrushchev trip // The New York Times. – 1959. – 13 September.

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В 1993–1995 ГГ.:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются ключевые нормативные документы в области избирательного законодательства в период с 1993 по 1995 год, которые заложили основу современного российского избирательного права. Отмечаются ключевые с правовой, политической и экономической точек зрения исторические события, имевшие большое социальное и политическое значение для формирования избирательного корпуса в постсоветской России. Выделяются 3 этапа, в пределах которых была сформирована новая нормативная система избирательного права Российской Федерации. Проанализировано внутреннее содержание новых документов в сфере избирательного законодательства, формировавшегося в сложных условиях противостояния между исполнительной и законодательной ветвями власти. Показано, что в условиях острого политического и экономического кризиса формирование устойчивого российского избирательного законодательства на федеральном уровне не могло носить долгосрочный характер и требовало постоянной корректировки.

Ключевые слова: история России, избирательное законодательство, Б.Н. Ельцин, выборы, референдум, избирательное право.

В конце 1980-х гг. по мере разрушения монополии КПСС на власть начинает претерпевать значительные изменения и советская избирательная система. В 1990 году в рамках избирательного законодательства переходного периода прошли выборы народных депутатов РСФСР, а в июне 1991 года – выборы президента РСФСР. Однако в декабре 1991 года СССР как единого государства не стало. Вследствие этого возникла насущная необходимость реформирования всей системы законодательства, в том числе избирательного. До момента распада СССР логика электорального цикла указывала на 1995 и 1996 гг., когда должны были вновь избрать депутатов съезда народных депутатов России и президента РФ. За период, который предшествовал данным выборам, предполагалось подготовить всю необходимую законодательную избирательную базу, однако постепенное сползание федеральных органов власти в конституционный кризис не позволили планомерно подготовить до предстоящих выборов 1995–1996 гг. всю необходимую нормативную избирательную базу.

Активные изменения российской нормативной базы избирательного федерального законодательства относятся ко второй половине 1993 года, поскольку в течение лета 1993 года стороны готовились к новому витку противостояния, пиком которого стали московские события 3–4 октября, вылившиеся в вооруженное столкновение между сторонниками Верховного Совета РФ и партией президента РФ. Нормативным документом, который окончательно перевел прения из правового поля в вооруженное, послужил Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (вместе с «Положением о федеральных органах власти на переходный период») [5], в рамках которого утверждалось «Положение о выборах

депутатов Государственной Думы», состоящее из 8 глав, 3 приложений и 44 статей.

Согласно новому положению значительно сокращалось количество избираемых депутатов. Если в варианте 1992 года их было 1068, то теперь – всего 400, из них 270 депутатов должны были избираться по одномандатным избирательным округам на основе мажоритарной системы относительного большинства, а 130 – на основе системы пропорционального представительства по общефедеральному избирательному округу. В качестве законодательного заслона от проникновения в новый парламент представителей слишком мелких партий или объединений была реализована задумка с 5-процентным проходным барьером. Важным новшеством было введение обязательной альтернативности – то, чего не было в федеральном избирательном законодательстве 1992 года, когда допускалась возможность избрания кандидата на безальтернативной основе, но с возможностью отклонения его кандидатуры. Был предусмотрен паритетный принцип формирования избирательных комиссий представительными и исполнительными органами власти, а также зафиксировано право избирательных объединений и кандидатов назначать членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Допускалась возможность самостоятельного сбора средств для проведения предвыборной агитации. В тоже время для защиты от внешнего воздействия на выборы была введена оговорка о размере суммы пожертвования от конкретного физического лица или объединения и не допускались пожертвования из-за границы. В первой редакции «Положения...» в избирательном бюллетене была предусмотрена графа «Против всех кандидатов» («Против всех списков»). Выборы признавались несостоявшимися, если в них принимало участие менее 25 % избирателей. Также было предусмотрено судебное обжалование

решений избирательных комиссий по трем составляющим: 1) оспаривание списков избирателей; 2) оспаривание отказа в регистрации кандидатов; 3) оспаривание границ избирательных округов.

Интересное уточнение касалось образовательного ценза для членов окружной избирательной комиссии (ОИК). По новым правилам председатель ОИК должен был иметь высшее юридическое образование (ст. 14). В предшествующих редакциях Закона РФ «О выборах народных депутатов Российской Федерации» подобного ограничения не было. Кроме того, возрастной избирательный ценз был повышен с 18 до 21 года, в предыдущем законе норма была с 18 лет (ст. 2).

Впрочем, уже через 10 дней появилась новая редакция «Положения о федеральных органах власти на переходный период». Причиной столь быстрого уточнения был продолжавшийся кризис. Как отмечалось выше, 21 сентября 1993 года был запущен в действие Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», в этот же день Конституционный суд РФ вынес большинством голосов свое негативное мотивированное мнение по данному указу. На следующий день, 22 сентября, Верховный Совет РФ на основании статей 121.6 и 121.11 действовавшей тогда Конституции РФ предпринял ответную попытку импичмента президента РФ Б.Н. Ельцина, передачи его полномочий вице-президенту А.В. Руцкому и созыве внеочередного съезда народных депутатов. 23 сентября Б.Н. Ельцин объявил, что летом 1994 года пройдут досрочные выборы президента РФ, что, впрочем, не позволило разрядить обстановку. Уже 24 сентября съезд народных депутатов утвердил постановление Верховного Совета о прекращении полномочий Б.Н. Ельцина, переходе его полномочий вице-президенту А.В. Руцкому и назначил новую дату досрочных выборов президента и народных депутатов – весна 1994 года. Несмотря на взаимное отстранение от власти, президент и Верховный Совет продолжили свою работу. Так, 29 сентября была сформирована Центральная избирательная комиссия, а 1 октября вышел Указ Президента № 1557 [14, № 41, ст. 3907], который вносил изменения в «Положение о федеральных органах власти на переходный период» и «Положение о выборах депутатов Государственной Думы». В новой редакции было больше статей (47) и глав (9). Ключевое изменение заключалось в увеличении количества депутатов (до 450), избираемых по сложной двухсистемной модели выборов: мажоритарной и пропорциональной. В связи с кратким сроком подготовки к новым выборам и под давлением ряда субъектов федерации были смягчены условия к требуемому числу подписей для выдвижения списка кандидатов (100 тыс. подписей, а не 200 тыс.) и депутатов (1 %, а не 2 %). Уже 3–4 октября прошли вооруженные столкнове-

ния между сторонниками президента и Верховного Совета, закончившиеся окончательной победой президента РФ Б.Н. Ельцина в затянувшейся борьбе за укрепление и расширение своих полномочий. В связи с тем, что в период с 5 по 10 октября были распущены Советы всех уровней, для урегулирования юридической коллизии, когда еще не были сформированы новые органы власти, но исчезли старые, 11 октября вышел Указ № 1626 «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [2, № 42, ст. 3994]. Так как предыдущий Указ № 1557 давал схему выборов только в нижнюю палату нового парламента, новый был дополнен «Положением о выборах депутатов в Совет Федерации», которое по объему было примерно таким же, как и «Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году»: 37 статей, объединенных в 8 глав, и несколько приложений. Если смотреть в целом на документ, то в нем, при всех отличительных особенностях, было много пересекающихся статей. Так, выборы проводились по двухмандатным избирательным округам, каждый избиратель имел два голоса. Для регистрации кандидатов необходимо было собрать подписи не менее 1 % общего числа избирателей округа. Для обеспечения реальной альтернативности выборов в них должно было участвовать уже не менее трех кандидатов. Выборы признаются несостоявшимися, если в них принимало участие менее 25 % избирателей или по причине активного голосования в графе «против всех», когда число голосов против всех кандидатов превышало число голосов, поданных за кандидата, набравшего наибольшее число голосов.

15 октября вышел новый Указ Президента РФ № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» [6]. Появление данного документа выглядит вполне логичным, поскольку формировавшееся избирательное законодательство должно было закрепить произошедшие изменения в балансе сил в пользу президента РФ. Проект Конституции насчитывал 7 глав, включающих 24 статьи, и несколько приложений. Она считалась принятой только в том случае, если за нее проголосовало бы не менее 50 % избирателей, принявших участие в голосовании.

Следующие два документа, вышедшие друг за другом с разницей в два дня, рамочно определяли избирательное законодательство на местах: Указ Президента РФ от 27 октября 1993 года № 1765 «Об утверждении основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа» [12] и Указ Президента РФ от 29 октября 1993 года № 1797 «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправле-

ния» [11]. Так как не все главы регионов поддержали в предшествующий период Б.Н. Ельцина, то необходимо было иметь рычаг давления на них. В качестве этих рычагов и использовались отмеченные выше указы, например, против губернаторов Новосибирской и Амурской областей. Кроме того, стоит отметить и тот факт, что в связи с остановкой деятельности Советов по всей территории страны необходимо было провести новые выборы на местах с учетом произошедших изменений.

Указ № 1765 предусматривал, что выборы будут осуществляться на основе мажоритарной системы по одномандатным избирательным округам. Однако допускалась и вариация форм голосования, но только по согласованию с ЦИК в порядке эксперимента. В этом случае организация и проведение выборов, подведение их итогов осуществлялись с применением норм «Положения о выборах в Государственную Думу». Кандидаты выдвигались региональными избирательными объединениями и группами избирателей. Численность группы избирателей, которая может быть инициатором выдвижения кандидатов, не могла быть менее 30 и более 50 граждан. Для регистрации кандидата необходимо было собрать подписи в количестве 3–5 % от общего числа избирателей округа. Делалась оговорка, что в выборах должны участвовать не менее двух кандидатов. Выборы признавались несостоявшимися, если число голосов, поданных в графе «Против всех кандидатов», превышало число голосов, поданных за кандидата, набравшего наибольшее число голосов, либо если в выборах приняло участие менее 35 % избирателей.

Указ Президента РФ № 1797 содержал всего 31 статью, объединенных в семь глав. Более подробный законодательный документ появится только через несколько лет, поэтому в редакции 1993 года указ носил рамочный характер, определяя лишь общие черты регулирования выборов в местные органы власти. В частности, выборы должны были осуществляться на основе мажоритарной системы по одномандатным избирательным округам, но в случае необходимости могла применяться пропорциональная и смешанная системы. Во избежание ситуации, когда один округ был значительно крупнее другого, было решено, что избирательные округа создаются с равным числом избирателей с допуском взаимным отклонением до 15 %. Норма для регистрации кандидата должна составлять не менее 1 % от общего числа избирателей, проживающих на соответствующей территории. Выборы признавались несостоявшимися, если в них приняло участие менее 25 % (менее 50 %) избирателей.

Последнее крупное обновление федерального избирательного законодательства перед декабрьскими выборами в Государственную думу и Совет Федерации 1993 года произошло 6 нояб-

ря 1993 года, когда вышел Указ Президента РФ № 1846 «Об уточнении Положения о выборах депутатов в Государственную Думу в 1993 году и Положения о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993 году» [13]. Уточнений было немного, но они носили принципиальный характер: регистрироваться без подписей в одномандатные избирательные округа могли только те кандидаты в депутаты, которые были до этого включены в общефедеральный список кандидатов; устанавливалось единое и единственное основание для признания выборов несостоявшимися: если число действительных бюллетеней составляло менее 25 % от числа зарегистрированных избирателей.

После окончания кампании по выбору депутатов в Государственную думу и Совет Федерации, в течение 1994–1995 годов, была заполнена законодательная лакуна в сфере избирательного законодательства, связанного с подготовкой к выборам президента РФ. Активная политическая борьба в первой половине 1994 года отошла на задний план, экономика страны была в относительном спокойствии. На этом фоне в августе 1994 года вышел Указ № 1723 «О разработке и создании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”» [7]. В опытную эксплуатацию ее должны были сдать в первом квартале 1996 года, то есть незадолго до выборов президента. После долгого перерыва, 6 декабря 1994 года, появился федеральный закон № 56 «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», затрагивающий сферу федерального избирательного законодательства [10]. Закон содержал в себе 10 глав и 36 статей. Теперь уже на уровне федерального закона было прописано, что данный нормативный документ имеет приоритет над региональными нормативными актами о выборах. Фактически он дублировал множество статей из предыдущих указов президента, однако с той разницей, что новый закон носил императивный характер по отношению к региональному законодательству и, следовательно, ставил под контроль региональное законодательство и всю систему выборов на местах.

Из основных моментов данного закона можно отметить: введение ценза оседлости (не более года), установление принципа примерного равенства избирательных округов по числу избирателей и единства территории избирательного округа. Определялась система избирательных комиссий, статус и порядок формирования ЦИК РФ. Закреплялся принцип альтернативности. Закреплялось право кандидатов и избирательных объединений на бесплатное эфирное время на каналах государственных и муниципальных телерадиокомпаний. Закреплялся порядок, по которому голосование проводится путем проставления отметки в квадра-

те, относящемся к кандидату, списку кандидатов либо к позиции «против всех» и др.

На фоне начавшейся 11 декабря 1994 года Чеченской кампании, постепенно обострявшей ситуацию в стране, в феврале 1995 года вышел Указ Президента № 227 «Об обеспечении создания, функционирования и развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”» [9]. В рамках указа предусматривалась безвозмездная передача со стороны субъектов РФ помещений для эксплуатации создаваемой системы ГАС «Выборы». Предполагалось, что помимо технической составляющей будет постоянно поддерживаться и обслуживающий аппарат (системные администраторы).

По итогам анализа выборов в Государственную думу и Совет Федерации в апреле 1995 года был опубликован ФЗ № 66 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [1]. Данные изменения понадобились, так как за предшествующий период была уже накоплена надлежащая нормативная база избирательного процесса и, соответственно, необходимо было корректировать ряд российских документов.

Наконец 17 мая 1995 года был опубликован Федеральный закон № 76 «О выборах Президента Российской Федерации» [4]. Он содержал 62 статьи и был на порядок большим по объему и более проработанным, чем соответствующий закон РСФСР от 24 апреля 1990 года (17 статей), но в то же время закон был меньше, чем дальнейшие его редакции.

Вслед за законом о выборах президента в июне появился нормативный документ, связанный с регулированием выборов в Государственную думу нового созыва, – федеральный закон № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [3]. Он включал в себя 72 статьи, объединенные в 14 глав, и дополнялся 3 приложениями. Серьезных изменений по сравнению с положением о выборах 1993 года не было. Так же как и в нем, предусматривалось, что 225 депутатов избирают по мажоритарной системе относительного большинства. Остальные 225 депутатов избираются по пропорциональной системе с 5-процентным градиентальным барьером по единому федеральному избирательному округу. Предельная сумма расходов кандидата не могла превышать 10 тыс. МРОТ (по состоянию на май 1995 года 1 МРОТ был равен 43 700). Предельная сумма расходов избирательного объединения, избирательного блока не могла превышать 250 тыс. МРОТ. Было предусмотрено досрочное голосование и др.

И последним крупным нормативным актом, появившимся перед выборами президента РФ в апреле 1996 года, стало издание федерального конституционного закона от 10 октября 1995 года

№ 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [8].

Закон включал в себя 43 статьи, объединенные в 6 глав, и приложение. Для инициирования референдума необходимо было собрать инициативную группу численностью не менее 100 человек. Однако эти 100 человек должны были собрать не менее 2 млн подписей, чтобы их инициатива получила законодательное оформление. Предусматривалось голосование по открепительному удостоверению. Референдум признавался состоявшимся, если в голосовании приняли участие более половины граждан, имеющих право на участие в референдуме. Решение же признавалось принятым, если за него проголосовали более половины граждан, участвовавших в голосовании.

Таким образом, российское федеральное избирательное законодательство за период с 1992 по 1995 год прошло сложную трехэтапную эволюцию на фоне политических и экономических потрясений, которые происходили в это время в Российской Федерации. Если на первом этапе (1992 год) первые постсоветские документы в сфере избирательного права носили корректирующий характер предшествующего (советского) избирательного законодательства, то на втором этапе (1993 год) сформировался самодостаточный пакет законодательных документов, рамочно определивший развитие системы избирательного нормотворчества на федеральном и региональном уровнях. На третьем этапе (1994–1995 годы) отмечается постепенное повышение приоритета федеральных законопроектов над региональными актами о выборах. К декабрьским выборам в Государственную думу 1995 года и апрельским выборам президента РФ российское федеральное избирательное законодательство подошло уже достаточно сформировавшимся, утратив ошибки предшествующего времени.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.04.1995 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/78097590> (дата обращения: 20.09.2017).
2. О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11.10.1993 № 1626 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 42. – Ст. 3994.
3. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 90-ФЗ от 21.06.1995 г. – Режим доступа: <http://www.zakonbase.ru/content/base/14207> (дата обращения: 25.08.2017).

4. О выборах Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 76-ФЗ от 17.05.1995 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7861> (дата обращения: 11.09.2017).

5. О поэтапной конституционной реформе в РФ: Указ Президента Российской Федерации № 1400 от 21.09.1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – М., 1993. – № 39. – Ст. 3597.

6. О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.1993 г. № 63. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4597> (дата обращения: 23.09.2017).

7. О разработке и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 1723 от 23.08.1994 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6841> (дата обращения: 09.08.2017).

8. О референдуме Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ от 10.10.1995 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8375> (дата обращения: 20.09.2017).

9. Об обеспечении создания, функционирования и развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 227 от 28.02.1995 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7590> (дата обращения: 27.08.2017).

10. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.1994 г. № 56-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7302/page/1> (дата обращения: 20.09.2017).

11. Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 1767 от 29.10.1993 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4727> (дата обращения: 18.09.2017).

12. Об утверждении Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города, федерального значения, автономной области, автономного округа [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 1765 от 27.10.1993 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4710> (дата обращения: 03.09.2017).

13. Об уточнении Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и Положения о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993 году [Электронный ресурс]: Указ Президен-

та Российской Федерации № 1846 от 06.11.1993 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4774> (дата обращения: 08.09.2017).

14. Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 г. № 1557 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 41. – Ст. 3907.

References

1. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnyh pravonarusheniyah [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.04.1995 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/78097590> (data obrashcheniya: 20.09.2017).

2. O vyborah v Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 11.10.1993 № 1626 // Sобрание актов Президента i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. – 1993. – № 42. – St. 3994.

3. O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon № 90-FZ ot 21.06.1995 g. – Rezhim dostupa: <http://www.zakonbase.ru/content/base/14207> (data obrashcheniya: 25.08.2017).

4. O vyborah Prezidenta Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 76-FZ ot 17.05.1995 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7861> (data obrashcheniya: 11.09.2017).

5. O poehtapnoj konstitucionnoj reforme v RF: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1400 ot 21.09.1993 g. // Sобрание актов Президента i Pravitel'stva RF. – M., 1993. – № 39. – St. 3597.

6. O provedenii vsenarodnogo golosovaniya po proektu Konstitucii Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15.10.1993 g. № 63. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4597> (data obrashcheniya: 23.09.2017).

7. O razrabotke i sozdanii gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy Rossijskoj Federacii «Vyborny» [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1723 ot 23.08.1994 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6841> (data obrashcheniya: 09.08.2017).

8. O referendume Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]: Federal'nyj konstitucionnyj zakon № 2-FKZ ot 10.10.1995 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8375> (data obrashcheniya: 20.09.2017).

9. Ob obespechenii sozdaniya, funkcionirovaniya i razvitiya Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy

Rossijskoj Federacii «Vyборы» [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 227 ot 28.02.1995 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7590> (data obrashcheniya: 27.08.2017).

10. Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav grazhdan Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 06.12.1994 g. № 56-FZ. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7302/page/1> (data obrashcheniya: 20.09.2017).

11. Ob utverzhdenii Osnovnyh polozhenij o vyborah v organy mestnogo samoupravleniya [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1767 ot 29.10.1993 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4727> (data obrashcheniya: 18.09.2017).

12. Ob utverzhdenii Osnovnyh polozhenij o vyborah v predstavitel'nye organy gosudarstvennoj vlasti kraja, oblasti, goroda, federal'nogo znacheniya, avtonomnoj oblasti, avtonomnogo okruga [EHlektronnyj resurs]:

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1765 ot 27.10.1993 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4710> (data obrashcheniya: 03.09.2017).

13. Ob utochnenii Polozheniya o vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy v 1993 godu i Polozheniya o vyborah deputatov Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii v 1993 godu [EHlektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1846 ot 06.11.1993 g. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4774> (data obrashcheniya: 08.09.2017).

14. Ob utverzhdenii utochnennoj redakcii Polozheniya o vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy v 1993 godu i vnesenii izmenenij i dopolnenij v Polozhenie o federal'nyh organah vlasti na perekhodnyj period: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 oktyabrya 1993 g. № 1557 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. – 1993. – № 41. – St. 3907.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ

В настоящее время территориальные споры являются достаточно острой проблемой, которая является актуальной с давних времен. Притязания граничащих государств относительно территорий стали причиной многочисленных вооруженных конфликтов. В работе автор рассматривает понятие территориального спора, классификацию споров. Особое внимание уделяется отличительным особенностям территориальных споров, возникших в Европе и Азии, на примере территориальных споров в отношении Голанских высот, территории Гибралтара, полуострова Превлака, острова Касикили/Сеуду. Приводятся решения, вынесенные Международным Судом ООН по территориальным спорам. По результатам исследования автор делает вывод о не совершенствовании механизма мирного урегулирования территориальных споров. Предлагается принять международно-правовой акт, непосредственно регулирующий процедуру разрешения территориальных споров, в том числе, в Международном суде ООН.

Ключевые слова: *территориальный спор, Международный Суд ООН, Совет Безопасности ООН, вооруженный конфликт, Голанские высоты, Гибралтар, остров Превлака, остров Касикили/Сеуду.*

Анализ территориальных споров имеет большое значение для процесса урегулирования. Начиная с давних времен, территориальные споры приводят к вооруженным конфликтам значительно чаще, чем другие виды споров, в частности, морские, экономические, культурные и другие. Территория – ценный ресурс, который позволяет реализовать различные права в близлежащем с ней пространстве – распространение исключительной экономической зоны, контроль воздушного и водного пространства, добыча полезных ископаемых и прочее, что, несомненно, может вызвать насильственные действия.

Каждый неразрешенный территориальный спор может служить основанием либо одним из оснований для акта агрессии со стороны того или иного государства. Это подтверждается исследованиями таких авторов, как Джон А. Ваквез [11, с. 89], Сара Маклафлин Митчел [9, с. 281], Моника Даффи Тофт [10, с. 188].

Территориальный спор – это разногласия, возникшие между двумя и (или) более государствами, относительно правового режима и принадлежности определенной территории. А.С. Орлов предлагает похожее определение [3, с. 95]. Для официального закрепления территориального спора необходимо, чтобы объект и предмет спора совпали. Иначе спор не является международно-правовым. Для разрешения территориального спора и для подтверждения своей позиции государства используют действующие на момент возникновения спора нормы права. Они могут быть закреплены в различных договорах и соглашениях, заключенных в то время между данными государствами.

Можно привести различные классификации территориальных споров. Например, по субъектам территориальных споров: территориальные споры между муниципальными образованиями одно-

го или нескольких субъектов одного государства, территориальные споры между субъектами одного государства, территориальные споры между государствами, территориальные споры между государством и непризнанным или частично признанным государством.

По количеству субъектов выделяются двусторонние и многосторонние территориальные споры. Территориальные споры можно также классифицировать по степени опасности: угрожающие международному миру и безопасности и не представляющие такой угрозы. Но в практике для данной категории территориальных споров не выработано общих критериев [2, с. 161]

Территориальные споры существуют в разных частях мира: Азии, Европе, Африке. В Азии территориальные споры носят более острый характер и протекают гораздо агрессивнее, в отличие от территориальных споров в Европе, часто перерастают в вооруженные конфликты, которые тянутся продолжительное время. К причинам территориальных споров в Азии можно отнести религии или преследование государствами стратегических целей для обороны страны или ведения боевых действий.

Так, например, территориальный спор относительно принадлежности Голанских высот, возникший между Сирией и Израилем. В настоящее время данная территория находится под контролем Израиля. Голанские высоты представляют собой плато, на котором, благодаря плодородной почве, хорошо развито сельское хозяйство. Данная территория до 1967 г. являлась частью Сирии, но в ходе Шестидневной войны на Востоке Голанские высоты были захвачена Израилем. Ключевым городом и административной столицей региона являлся город Эль-Кунейтра, который в настоящее время практически полностью разрушен из-за вооруженного конфликта.

С 1970 г. по 1973 г. в ходе боевых действий Сирия предпринимала попытки вернуть Голанские высоты под свой контроль. В 1981 г. Израиль официально заявил о том, что на данную территорию распространяется суверенитет Израиля. Совет Безопасности ООН своей Резолюцией от 17 декабря 1981 г. № 497 [5] данную аннексию признал недействительной.

В настоящее время Сирию и Израиль в данном регионе разделяет демилитаризованная зона, но сама территория покрыта минными полями и оборонительными сооружениями, возведенными Израилем.

Позиция Израиля в данном вопросе с юридической точки зрения основывается на Законе о Голанских высотах 1981 г. [8], согласно которому на данную территорию распространена юрисдикция Израиля. Израиль отказывается возвращать территорию Сирии, утверждая, что с исторической точки зрения данная территория издревле принадлежала еврейскому народу. Немаловажным фактором является желание Израиля держать Голанские высоты под своим контролем в целях безопасности государства, поскольку это позволяет обеспечивать безопасность Израиля с восточной стороны. В случае перехода данной территории Сирии, она получает возможность для обстрела половины территории Израиля, что достаточно вероятно в связи с напряженными отношениями двух государств. Не стоит забывать и об экономическом аспекте. Голанские высоты являются одним из самых благополучных экономических районов Израиля благодаря производству минеральной воды, различных сортов вин, выращиванию отдельных видов овощей и фруктов.

Позиция Сирии в этом вопросе основана на том, что данная территория до 1967 г. принадлежала ей, а аннексия Голанских высот Израилем является незаконной, что также подтверждается Резолюцией Совета Безопасности ООН № 497 от 17 декабря 1981 г.

Несмотря на заключение многочисленных договоров, соглашений, европейские государства признают наличие территориальных споров. В частности, можно отметить территориальный спор относительно территории Гибралтара, расположенной на юге Пиренейского полуострова. Данная территория включает в себя скалу Гибралтар, а также небольшой песчаный перешеек, который эту скалу соединяет с полуостровом.

Гибралтар является обитаемой территорией Великобритании, на которой помимо всего прочего расположена военная база НАТО. Субъектами территориального спора является Великобритания и Испания.

Начало данный территориальный спор берет еще в 1704 г., когда данная территория была оккупирована войсками Великобритании. До 1704 г.

Гибралтар был территорией Испании. В 1713 г. между Испанией и Великобританией был заключен Утрехтский мирный договор, на основании которого Гибралтар оставался в составе территории Великобритании.

В 1967 г. на территории Гибралтара прошел референдум, в результате которого население Гибралтара проголосовало за то, чтобы остаться в составе Великобритании. Последующий референдум, проведенный в 2002 г. относительно возможности совместного суверенитета Великобритании и Испании над островом, показал, что практически 99% жителей Гибралтара выступили против такой идеи.

Но ситуация немного меняется после проведения Brexit, поскольку выход Великобритании из Европейского Союза может негативно сказаться на экономическом положении Гибралтара. Евросоюз воздерживается от вмешательства в территориальный спор между Великобританией и Испанией относительно Гибралтара, но негласно поддерживает Испанию.

Большое количество территориальных споров в Европе возникло из-за распада Югославии и появления в связи с этим новых государств. Один из территориальных споров на территории бывшей Югославии касается территории полуострова Превлака, который также известен как Остров Цветов. Находится полуостров в Тиватском заливе. Сторонами данного территориального спора являются Черногория и Хорватия.

Во время войн на территории Югославии, происходивших перед ее распадом, полуостров был оккупирован вооруженными силами Югославии, после чего полуостров захватила Хорватия, но она потеряла данную территорию.

Стороны согласились о демилитаризации полуострова. Резолюция 779 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 6 октября 1992 г. [6] продлила мандат Миротворческой миссии Организации Объединенных Наций на территории бывшей Югославии (UNPROFOR). Разрешение конфликта наступило в 1996 г., когда Организация Объединенных Наций установила миссию наблюдателей, которая курировала демилитаризацию и действовала в качестве буфера, после чего, в 2002 г. миссия ООН была завершена, а данная территория была возвращена Хорватии. Так как тогда Хорватия была в составе Югославии, то данная территория была в составе Югославской Хорватии. В 2006 г. Черногория обрела независимость и заняла место Сербии в качестве претендента на данную территорию.

В качестве причин территориальных споров можно назвать самые различные: добыча полезных ископаемых (территориальные споры относительно скалы Роколл), престиж (территориальный спор относительно Монблан), контроль пространства (территориальный спор относительно Эгейского

моря, Лох-Фойла), военные цели (территориальный спор относительно Голанских высот), религиозные разногласия (территориальный спор относительно Кашмира) и другие.

Территориальные споры помимо Европы и Азии также существуют и в Африке (Треугольник Халайба, Треугольник Илеми, деревня Коуалоу, полоса Каприви и другие), и в Южной Америке (Фолклендские острова, Исла Суарес, Южная Георгия и другие), а также в Северной Америке (Ханс-Айленд, Мексиканский залив).

Территориальные споры являются достаточно актуальными в настоящее время. В среднем они длятся более 50 лет. Основной проблемой таких длящихся территориальных споров является то, что государства не способны идти друг другу на взаимные уступки. Успешное разрешение споров возможно посредством использования таких мирных способов урегулирования, как арбитраж или обращение в международные суды, что позволит обеспечить стабильность и безопасность граничащих государств. В связи с этим государства обращаются в Международный Суд ООН (далее – «Суд ООН») для разрешения их споров.

Практика Суда ООН по рассмотрению дел данной категории с каждым годом расширяется. Останемся на некоторых примерах.

17 мая 1996 г. Намибия и Ботсвана передали спор относительно принадлежности острова Касикили/Седуду, расположенный в реке Чобе, которая является нижним течением реки Квандо. Позиция Ботсваны была основана на том, что русло реки Чобе вблизи острова Касикили является главным руслом реки Чобе в соответствии с п. 2 ст. 3 англо-германского договора 1890 г., следовательно, остров Касикили принадлежит территории Республики Ботсвана [1]. Данный договор был заключен между Германией и Великобританией в связи с разграничением сфер влияния данных государств в Юго-Западной части Африки.

Позиция Намибии сводилась к тому, что русло реки Чобе не является главным, а также эта позиция основана на том, что Намибия данный остров оккупировала как минимум в 1890 г., в связи с чем Ботсвана к Намибии не предъявляла никаких требований о возврате данного острова. В совокупности это доказывает тот факт, что данный остров является частью суверенной территории Намибии.

Республика Ботсвана обрела независимость 30 сентября 1966 г., а Намибия обрела независимость 21 марта 1990 г., в связи с чем практически сразу между двумя государствами возник спор о принадлежности данного острова. Стороны пытались урегулировать данный спор путем обращения в 1992 г. в Объединенную группу технических экспертов, которые в 1995 г. в своем заключении сообщили о том, что им не удалось прийти к согласию по данному вопросу, соответственно, спор

о принадлежности данной территории разрешить им не удалось.

Основным доказательством в разрешении данного территориального спора выступает текст англо-германского договора 1890 года, который так или иначе устанавливает определенные границы. Также в качестве доказательств сторонами были представлены различные карты и фотографии, на основании которых Суд не может прийти к выводу о том, что находится главным и естественным продолжением реки Чобе.

Интересно также то, что Суд при разрешении данного территориального спора использует свой прецедент о картах, созданный им при разрешении спора между Республикой Мали и Буркина-Фасо. Так Суд говорит, что карты лишь предоставляют информацию, которая в разных случаях неодинакова по точности; сами по себе и в силу исключительности своего существования они не могут являться правовым титулом в отношении территории, т.е. документом, который на основании международного права обладает внутренней юридической силой при установлении территориальных прав. В некоторых случаях карты все же могут иметь юридическую силу в виде физического выражения воли государства, представившего такие карты [1].

В результате Суд вынес решение от 13 декабря 1999 г., в котором одиннадцатью голосами против четырех пришел к выводу о том, что государственная граница между Республикой Намибия и Республикой Ботсвана проходит по наиболее глубоким местам северного русла реки Чобе вокруг острова Касикили.

Другой территориальный спор касается островов Лигитан и Сипадан, расположенных в море Сулавеси, ближе к северо-востоку побережья острова Борнео. Расстояние между островами равно примерно 15,5 морским милям.

Субъектами данного территориального спора являются Индонезия и Малайзия, которые направили свое совместное письмо 30 сентября 1998 г. в Секретариат Суда ООН с целью разрешения между двумя государствами территориального спора.

Позиция Малайзии основана на том, что имеет право на данные острова после передач правового титула, принадлежавшего султану Сулу. Титул переходил из рук в руки: Испания, Великобритания и т.д., в конечном счете, доставшись Малайзии.

Позиция Индонезии по данному вопросу основана, прежде всего, на Конвенции, которая была заключена между Нидерландами и Великобританией еще в 1891 г. Целью Конвенции было определение границ Нидерландов в данном регионе. Также позиция Индонезии была подкреплена тем, что Малайзия является правопреемником султана Булунгана, которому ранее принадлежали данные острова.

Путем анализа статей Конвенции, заключенной Великобританией и Нидерландами, а также пу-

тем анализа перехода правового титула на данные острова, Суд ООН шестнадцатью голосами против одного вынес свое решение 17 декабря 2002 г. Суд постановил, что острова Сипадан и Лигитан принадлежат Малайзии.

Интересно также то, что 31 марта 2001 г. в Секретариат Международного Суда ООН Филиппины направляли заявление о разрешении на вступление в дело, касающееся суверенитета над данными островами, на основании ст. 85 Регламента Суда [4].

Представляется, что Филиппины просто желали контролировать ход судопроизводства, не имея ни реальных, ни действительных прав на данные острова, а аргументация государства о вступлении в данное дело является достаточно слабой и более похожа на обычный предлог. Более того, в ходе рассмотрения вопроса о вступлении Филиппин в данное дело, государство не представило никаких документальных или иных доказательств в свою пользу.

Суд при решении вопроса о разрешении вступления в дело Филиппин ссылается на решение Суда о вступлении в дело в отношении сухопутных и морских границ Сальвадора и Гондураса, в котором Суд говорит, что на основании ст. 62 Статута [7], вопрос о вступлении в дело с целью защиты интересов правового характера какого-либо государства, которые могут быть затронуты в уже возникшем деле, не означает, что государство, вступающее в процесс, может начать новое дело. Также Суд ссылается на дело Камеруна против Нигерии, в котором он говорил о том, что даже при отсутствии юрисдикционной связи с делом, государство, вступающее в процесс, должно вступить в дело для защиты своих прав и законных интересов. Но при этом, вступая в процесс, государство становится одной из сторон, а Филиппины, как отмечает Суд, не стремятся стать такой стороной. В связи с этим четырнадцатью голосами против одного Суд вынес решение от 23 декабря 2001 года об отказе в разрешении на вступление в дело Республики Филиппины [1].

Несомненно, что Международный суд ООН оказывает содействие в решении территориальных споров. Несмотря на то, что спор разрешается достаточно быстро по сравнению с его временной протяженностью, количество разрешенных территориальных споров от общего числа территориальных споров незначительно. Отмечается тенденция к увеличению данной категории споров.

Территориальные споры могут протекать достаточно мирно и быть практически незаметными (например, по горе Монблан). Но такие споры могут привести и к открытым вооруженным конфликтам. Поэтому существующий механизм разрешения территориальных споров необходимо усовершенствовать.

Автором предлагается в рамках ООН принять международно-правовой акт в форме конвенции

по разрешению территориальных споров. Данный акт будет содержать условия по внесудебному урегулированию споров в установленные сроки, права и обязанности сторон, а также санкции за невыполнение своих обязательств. Для повышения эффективности процедуры урегулирования территориальных споров в конвенции необходимо предусмотреть обязанность государств-участников передавать спор в Международный суд ООН по истечению установленных для внесудебного урегулирования сроков.

Библиографический список

1. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997–2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1997-2002-ru.pdf> (дата обращения: 27.01.2018).
2. Орлов А.С. Классификация международных территориальных споров и ее значение для их разрешения // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2008. – Вып. 2.
3. Орлов А.С. Понятие международного территориального спора // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2010. – Вып. 3.
4. Регламент Международного суда ООН от 14 апреля 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/files/rules-of-court/rules-of-court-ru.pdf> (дата обращения: 27.01.2018).
5. Резолюция Совет Безопасности от 17 декабря 1981 г. № 497. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/419/14/IMG/NR041914.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.01.2018).
6. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 6 октября 1992 г. № 779. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/484/30/IMG/N9248430.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.01.2018).
7. Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/files/rules-of-court/rules-of-court-ru.pdf> (дата обращения: 27.01.2018).
8. Golan Heights Law, dated 14 December 1981. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/golan%20heights%20law.aspx> (дата обращения: 27.01.2018).
9. Mitchell, Sara McLaughlin, and Paul R. Hensel. “Issues and Conflict.” In *War: An Introduction to Theories and Research on Collective Violence*. Edited by Tor Georg Jakobsen, 275–295. Hauppauge, NY: Nova Science, 2010.
10. Toft Monica Duffy. *Territory and War*. *Journal of Peace Research* 51 (2014): 185–198.
11. *Vasquez John A. The War Puzzle Revisited*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

References

1. Summaries of judgments, advisory opinions and orders of the International Court of Justice 1997–2002. URL: <http://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1997-2002-ru.pdf> (date: 27.01.2018).
2. Orlov A.S. The definition of international territorial dispute // Vestnik of Udmurtskiy University. Economics and law. – 2010. – Edition 3. – P. 95.
3. Orlov A.S. The classification of international territorial disputes and its role for their regulation // Vestnik of Udmurtskiy University. Economics and law. – 2008. – Edition 2. – P. 161.
4. Rules of Court adopted on 14 April 1978. URL: <http://www.icj-cij.org/files/rules-of-court/rules-of-court-ru.pdf> (date: 27.01.2018).
5. Resolution of the UN Security Council adopted on 17 December 1981 № 497. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/419/14/IMG/NR041914.pdf?OpenElement> (date: 27.01.2018).
6. Resolution of the UN Security Council adopted on 6 October 1992 № 779. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/484/30/IMG/N9248430.pdf?OpenElement> (date: 27.01.2018).
7. Statute of the International Court of Justice adopted on 26 June 1945. URL: <http://www.icj-cij.org/files/rules-of-court/rules-of-court-ru.pdf> (date: 27.01.2018).
8. Golan Heights Law, dated 14 December 1981. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/golan%20heights%20law.aspx> (date: 27.01.2018).
9. Mitchell, Sara McLaughlin, and Paul R. Hensel. “Issues and Conflict.” In *War: An Introduction to Theories and Research on Collective Violence*. Edited by Tor Georg Jakobsen, 275–295. Hauppauge, NY: Nova Science, 2010.
10. Toft, Monica Duffy. Territory and War. *Journal of Peace Research* 51 (2014): 185–198.
11. Vasquez, John A. *The War Puzzle Revisited*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

УСПЕШНАЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА (на примере Индии)

Становление федеративных государств на Востоке и внедрение в них федеративных принципов представляется феноменальным, поскольку Восток всегда ассоциировался с традицией и деспотическим единовластием. Поэтому индийский федерализм представляет собой особую модель, заслуживающую комплексного научного анализа. Индия воплощает модель постколониального федерализма, ставшего результатом образования чрезвычайно мультиэтничного государства с сильной централизованной властью. Британская империя оставила после себя некую традицию унитарного федерализма. Индийский национальный конгресс как монополярная партия в первые десятилетия независимости воплотила эту традицию в практику кооперативного федерализма. На следующих этапах развития партийная монополия потерпела крах от оппозиционных общенациональных и региональных партий, а отношения между центральной властью и регионами трансформировались в конкурентный федерализм. Тем не менее, индийская модель федерализма успешна и демонстрирует некоторые преимущества по отношению к другим постколониальным странам.

Ключевые слова: федерализм, Индия; этапы федерализма, кооперативный федерализм, конкурентный федерализм, постколониальный федерализм, политические партии.

Становление федеративных государств на Востоке и внедрение в них федеративных принципов представляется феноменальным, поскольку Восток всегда ассоциировался с деспотическим единовластием. В постколониальную эпоху потребовалось найти оптимальные формы территориально-государственного устройства для молодых государств. Не всегда этот выбор был простым или до конца верным. В Нигерии, где сосуществовали более 250 этнических групп и два религиозных сообщества – христианское и мусульманское, гражданские войны и военные перевороты стали обычным явлением. В Федерации Малайзии, где за власть и ресурсы конкурировали три общины (китайская, индусская и местная, малайская), должной стабильности также не было. И в то же время беспрецедентно мультиэтничная Индия, говорящая на 800 диалектах, с ее высокоцентрализованным федерализмом продемонстрировала приверженность демократии и поступательность развития.

Это тем более удивительно, что Индия на протяжении своей многотысячелетней истории до этого так и не сумела заложить традиции устойчивой государственности в значимых масштабах. Наличие разных природно-климатических зон – плодородных равнин на севере, засушливых горных территорий в центре и сложных для хозяйственного освоения джунглей на южном побережье, способствовали их изоляции, а социально устойчивая и самостоятельная индуистская община не нуждалась в централизованном государстве [8, с. 90–91]. И в то же время на этом гигантском суперконтиненте уже к X в. сформировались основные крупные этнические группы (пенджабцы, синдцы, гуджараты, бенгальцы, тамиллы и др.), что затрудняло строительство унитарного государства.

Французские и британские колонизаторы, конкурировавшие друг с другом в середине XVIII в.

за военно-торговое доминирование над Индией, не в силах были расчленить огромную страну. Поэтому победившие в схватке двух хищников англичане еще долгое время продолжали использовать в качестве инструмента экспансии огромную и сверхприбыльную частную «Ост-Индскую Компанию», превратившуюся в главную перераспределяющую организацию в Южной Азии [12, с. 314]. Но даже после ее окончательной национализации в конце 1850-х гг. британский контроль над Индией не приобрел территориальной однородности: наряду с чисто британскими провинциями, здесь оставались около 600 полунезависимых княжеств, занимавших чуть менее 40% территории, имевших вассальные договоры с Великобританией. Они фактически подчинялись английским резидентам и агентам [5, с. 10–11].

Со временем британские колонизаторы были вынуждены совершенствовать механизм управления своими индийскими владениями, идя на определенные уступки местной буржуазии и рождающемуся среднему классу. Начиная с Акта британского парламента 1773 г., Лондон во имя ослабления произвола трудно контролируемых из-за дальности расстояния губернаторов учреждает систему совещательных органов при них. Согласно Акту британского парламента от 2 августа 1858 г. при генерал-губернаторе (вице-короле Индии) организуется Исполнительный Совет из числа английских чиновников, переименованный в 1861 г. в Центральный Имперский Законодательный Совет. В него входили лица как назначаемые британской королевой, так и самим генерал-губернатором. В течение 1862–1892 гг. в него были допущены 45 индусов (больше половины из них были помещиками, остальные – правители княжеств, адвокаты, журналисты, торговцы).

Однако принципиальная новация в системе управления появилась только в 1909 г.: впервые

в совещательные органы при генерал-губернаторе и губернаторах провинций вводились не только назначаемые, но и выборные лица. При этом существенным недостатком была недемократичность процедуры: выборные лица представляли особые социальные группы и интересы, а не население в целом. Другим недостатком было то, что система назначений сохранилась, и выборные лица отнюдь не доминировали в составе советов. Сами инициаторы реформы – министр по делам Индии – лорд Морли и генерал-губернатор лорд Минто в переписке друг с другом были откровенны в том, что они не собирались вводить полноценные английские демократические институты в колонии [18, р. 12–13].

Экономически укрепляя свои владения, англичане с неизбежностью сталкивались с активизировавшимся национализмом, представленным двумя наиболее влиятельными организациями – партией Индийский Национальный Конгресс (ИНК) и Мусульманской Лигой. На Калькутской сессии ИНК в 1906 г. впервые было поставлено требование «свараджа» – самоуправления по примеру британских доминионов Канады и Австралии. В годы Первой мировой войны, в ходе которой под ружье было поставлено более 1,4 млн. индийцев в 3-миллионную британскую армию, а индийская буржуазия обогатилась выгодными военными заказами, национализм получил новое, дополнительное обоснование, а на ежегодной сессии ИНК в 1918 г. прозвучало требование самоопределения [2, с. 38–40]. Не в силах игнорировать общественные настроения английские власти поспешили издать в 1919 г. весьма противоречивый Акт об управлении, в котором были подробно перечислены полномочия центрального правительства и провинциальных правительств. Губернаторы провинций вместе со своими советами были ответственны за осуществление так называемых «зарезервированных полномочий», и одновременно губернатор вместе с назначенными им министрами из числа депутатов провинциальных Законодательных Советов реализовывали некие «переданные полномочия» [16, р. 432–443]. Этот странный дуализм ответственности на местах не более чем маскировал продолжающееся господство британских властей, и он вскоре, в 1935 г., был скорректирован ввиду своей неэффективности.

С позиций британской политической элиты Закон об управлении Индией 1935 г. был принципиальной уступкой местному населению. В нем прописывались федералистские основы управления. Мыслилось создать двухпалатное Центральное законодательное собрание: верхняя палата – Государственный совет состояла из 276 членом, из которых 104 назначались князьями, в нижней палате – Федеральной ассамблее из 375 членом, 125 мест также резервировались за княжествами. Новый представительный орган получал право принимать

законы. Однако вице-король сохранил право вето и возможность издания указов. В его исключительные компетенции входили вопросы обороны и внешних сношений, контроль над финансами и железными дорогами. «Единственным заметным шагом вперед была так называемая провинциальная автономия. Она предполагала расширение электората на выборах в законодательные собрания в провинциях с 6,6 до 30 млн. человек (с 3 до 16% взрослого населения)» [15, с. 203].

Политические силы Индии по разным причинам негативно отнеслись к планам формальной федерализации. Но выборы в провинциальные законодательные собрания все же прошли в 1937 г., принеся безусловную победу ИНК в 5 из 11 провинций и еще относительное большинство в 4 провинциях.

В годы Второй мировой войны, в ходе которой возникла опасность оккупации Индии Японией, британские власти были вынуждены начать переговоры с лидерами общественного мнения о будущем статусе доминиона, а после окончания войны лейбористский премьер-министр К. Эттли в марте 1946 г. допустил возможность предоставления даже независимости [25].

Англичане готовились уходить, они предложили схему раздела страны по религиозному признаку на индусскую и мусульманскую части. В мировой историографии до сих пор обсуждается вопрос, в какой степени в этом предложении содержался учет объективной реальности или злой умысел [6, с. 5–10], но факт остается фактом: 15 августа 1947 г. Индия обрела независимость. Ее территория составила 3288 тыс. кв. км при населении в 320 млн. человек, отколовшегося от нее Пакистана – 945 тыс. кв. км и 71 млн. человек.

Процесс учреждения федеративного государства в Индии, как и в других случаях федеративного государственного строительства, подразумевал наличие как объективных предпосылок, так непосредственных причин субъективного характера (см. рис. 1)

В результате почти трехлетней работы Конституционной Ассамблеи была учреждена федеративная республика парламентского типа. Двухпалатный парламент избирал президента страны, который подбирал премьер-министра, а с помощью последнего – и правительство. Фактически складывался известный дуализм в высших эшелонах исполнительной власти. С одной стороны, «роль президента в индийской республике не имеет аналогов в других странах»: у него есть полномочия на введение чрезвычайного положения, на роспуск нижней палаты парламента, на назначение губернаторов в субъектах федерации. С другой стороны, «широкие полномочия президента, предусмотренные Конституцией, фактически осуществлялись кабинетом министров. Президент, как правило, лишь оформляет решения, принимаемые кабине-

Рис. 1. Процесс учреждения Индии как федеративного государства

том министров во главе с премьер-министром» [11, с. 207].

Своеобразными региональными президентом и премьер-министром были губернатор и главный министр штата. Первый назначался президентом страны, второй – губернатором.

Высшая законодательная власть в лице Совета штатов и Народной палаты в духе английского парламентаризма обладала важными полномочиями. Прежде всего, это выражалось в широких возможностях по изменению Конституции. Предусматривалось, что Верхняя палата, члены которой избирались выборных членами законодательных собраний штатов, не подлежала роспуску, а только частичной ротации раз в два года. Нижняя палата формировалась в результате прямого голосования избирателями штатов. В штатах в свою очередь учреждались как однопалатные, так и двухпалатные законодательные собрания (во втором случае в Конституции приводился закрытый список штатов). Причем состав верхних палат был довольно сложным, и он избирался как членами избирательных коллегий от местных органов власти, так и избирательными коллегиями из числа обладателей университетских дипломов, преподавателей средних школ. Треть мест резервировалась за представителями творческой интеллигенции и общественными деятелями [9, с. 248–249].

Нельзя согласиться с жесткими оценками, согласно которым лидеры ИНК, пришедшие к власти в молодом государстве, не смогли адекватно отреагировать на возникшие проблемы, и поэтому избрали более простую для себя конструкцию высокоцентрализованного федерализма [21, р. 265]. Более справедливой является иная точка зрения: Индия имела уникальные проблемы, с которыми не сталкивалась никакая другая федерация. И они не могли быть решены с помощью традиционной тео-

рии. Члены конституционной ассамблеи, опираясь на опыт известных федераций – США, Канады, Швейцарии, Австралии, выбирали из него то, что им лучше подходило. Так родилась новая разновидность федерализма. Возможно, отцы-основатели Индии первыми в мире с самого начала исходили из идеи кооперативного федерализма, которая начала распространяться в мире с 1930-х – начала 1940-х гг., что означало возрастающую взаимозависимость федерального и регионального правительств.

Существует множество точек зрения по поводу государственного устройства независимой Индии. Ее называли не только федерацией, но и квази-федерацией, федерациями с сильными централизаторскими тенденциями, унитарным государством с чертами федерации, в основном унитарным государством [17, р. 21]. Одним из аргументов, определяющим ее как квази-федерацию, является наличие чрезвычайных полномочий у центральной власти – например, возможность решением двух третей верхней палаты общенационального парламента принимать законы в сфере, зарезервированной Конституцией за штатами [26, р. 87–88]. Раздражает многих западных теоретиков федерализма институт введения чрезвычайного положения президентом страны: к этой мере центральная власть прибегла в 1951–1967 гг. 10 раз, в 1967–1984 гг. – в период резкого обострения внутривнутриполитической ситуации – 72 раза [19, р. 13].

В Конституции баланс полномочий смещен явно в сторону центра. Она предусматривала 97 предметов ведения для федерации, включая вопросы обороны и внешней политики, подоходного налога, межштатной торговли, формирования высших судов в штатах. Перечень полномочий штатов был намного скромнее и включал 66 позиций – среди них: поддержание законности и право-

порядка, образование, сельское хозяйство. Совпадающие полномочия сводились к 47 предметам ведения и касались экономической и социальной политики, монополий, контроля над ценами. Закон, принятый общенациональным парламентом, превалировал над законом штата в случае конфликта между ними. Более того, непоименованные, остаточные полномочия оставались за федеральным центром, а не за штатами.

Но изначально Индия была полноценной федерацией. История не предоставила ей шанса превратиться в унитарное образование. И в то же время у нее оказались уникальные возможности для построения прочной государственной конституции: «Британцы оставили после своего ухода столь развитую структуру государственной власти, которой не располагала ни одна страна афро-азиатского ареала» [26, р. 35]. И это оказалось благом для Индии.

Индия соответствует условным критериям федерализма, которые сформулировал известный исследователь И. Дучасек [20]. В этом государстве центральная власть имеет исключительный контроль над сферой дипломатии и обороны. Конституция ограничивает возможность взимать налоги с жителей и распределять их без согласия штатов. У общенационального парламента больше возможностей для контроля над внесением конституционных поправок, чем у штатов. Территориальные границы и названия субъектов федерации могут быть изменены без их согласия. В верхней палате парламента представительство штатов осуществляется не на паритетной основе, а исходя из численности населения. В стране отсутствуют параллельные системы судов: здесь федеральный Верховный Суд и высшие суды штатов используют как федеральные законы, так и законы штатов. Верховный суд имеет полномочия решать споры между федеральным центром и штатами. Остаточные, не поименованные полномочия принадлежат федеральному центру. В то же время существует четкая демаркация полномочий между центром и субъектами [22].

По всей видимости, Индия прошла три этапа в развитии федерализма [21]. На первом этапе сохранению стабильности в стране помогла монополю господствовавшая партия ИНК, организовавшая разветвленную структуру своих комитетов во всех штатах. Хотя она действовала в условиях формального партийного плюрализма (на первых общенациональных и региональных выборах 1951 г. было зарегистрировано 14 национальных и 59 региональных партий) [13, с. 93], она и ее лидер Дж. Неру пользовались неприкасаемым авторитетом. «Тон и содержание Дж. Неру к главным министрам показывают, как первый премьер-министр стремился сделать федеральное общенациональным и одновременно партийным делом. Главные министры гордились тем, что они участвуют в создании нового государства» [23, р. 9–10].

При этом самым активным образом использовался механизм государственного регулирования. Период между первыми общепарламентскими выборами в 1952 г. и принятием Второго Пятилетнего плана в 1957 г. был периодом жесткой централизации. Этот процесс сопровождался укреплением статуса и организационно-материальных возможностей Комиссии по планированию, которая с 1955 г. стала частью ведомства премьер-министра. У штатов не было сил и средств, чтобы самостоятельно собирать данные и их анализировать, так что их экспертный потенциал в данном случае был ограничен. Фискальные ресурсы штатов также были явно недостаточны. Центру часто принадлежало последнее слово в определении уровня налогообложения – даже если сами эти налоги относились к прерогативе штатов. В компетенции центра были личный подоходный налог (он взимался совместно со штатами по специально разработанной схеме) и корпоративный подоходный налог, таможенные пошлины и налоги на потребление. У штатов остались налоги, связанные с землей и сельским хозяйством, к которым они неохотно прибегли ввиду их изначальной непопулярности у избирателей. Они также могли взимать налоги на потребление (например, алкоголя) и налоги с продаж (за исключением, налогов на газеты, на права на разработку минеральных ресурсов, на транспортные средства, электричество, предметы роскоши).

Индийский федерализм изначально был кооперативным, а не дуалистическим. Здесь не существовало параллелизма, автономности в деятельности федеральных и региональных властей. Иными словами, федеральный центр проявлял исключительную заботу о штатах, и вмешивался в их дела. Одновременно этот федерализм был ассиметричным.

Как отмечает известный индийский конституционалист Д. Басу, Конституция Индии в принципе не поддерживает теорию равноправия штатов [1, с. 157]. При создании федерации деление на штаты было проведено по территориальному признаку на четыре категории в зависимости от их предшествующего статуса. В первую категорию попали 111 бывших небольших княжеств и 9 британских провинций. Они получили наибольшие права. Во второй категории оказались 275 других княжеств, сгруппированных в 5 больших территориальных единиц, управлявшихся раджпрамуками и собственными легислатурами. В третью категорию вошли оставшиеся 61 княжество, а в четвертую – бывшие территории Португалии и Франции. Штаты третьей и четвертой категорий фактически управлялись из центра.

Однако игнорирование этнических и лингвистических особенностей граждан вызвало острое недовольство. «Индийцы, чьим родным языком был тамильский, телугу, гуджарати, маратхи или

пенджаби, в массовом порядке стали требовать создания собственных многонациональных штатов. Параллельно им те, кто говорил на хинди, а таковые составляли более половины населения страны, все настойчивее требовали признать его официальным государственным языком вместо английского» [14, с. 131]. В итоге в 1956 г. была проведена масштабная территориальная реформа. Были заново сформированы 14 штатов на этнолингвистической основе. Эта реформа преимущественно коснулась более развитых территорий западной и южной Индии.

Второй период в развитии индийского федерализма (1967 – конец 1980-х гг.) стал продолжением кооперативного федерализма и новой редакцией доминирования ИНК, которому начинают бросать вызов оппозиционные партии. Уже на выборах 1967 г. почти половина штатов вышла из-под контроля ИНК. В 1969 г. партию покинул ряд амбициозных консервативных боссов, ответом на это стала радикальная риторика и план действий по национализации крупнейших банков нового лидера партии И. Ганди, дочери Неру.

Она занимала пост премьер-министра с 1967 по 1977 гг., а в июне 1975 г. была вынуждена ввести в стране чрезвычайное положение, что стало результатом ухудшения социально-экономической ситуации в стране из-за вынужденной войны с Пакистаном, засухи 1971–1972 гг., мирового нефтяного кризиса. В 1976 г. подготовлена и принята революционная по своей сути 42-я поправка к Конституции. По мнению ее критиков, она сузила пределы судебного контроля над обычными законами и расширила возможности изменения Конституции, изложила основные обязанности граждан, и тем самым «девальвировала» их основные права, ограничила возможность судебного вмешательства в деятельность законодательных органов [3, с. 198–199]. Данная конституционная новация вызвала острейшее недовольство консервативной индуистской оппозиции. «Она повела атаку на лидера правящей партии, обвиняя ее, в частности, в коррупции и нарушении закона о выборах и пытаясь при этом использовать судебные органы» [10, с. 204].

Отмена чрезвычайного положения и выборы марта 1977 г. привели к поражению ИНК от блока оппозиционных партий и блокирование 42-й поправки 42-ей и 44-ой поправками. И хотя обновленный ИНК в 1980 г. вернулся во власть, привычной для 1950–1960-х гг. внутривластной стабильности уже не было. Правда, были у событий 1970-х гг. позитивные стороны – проведение второго тура территориальной реформы в малоразвитых районах на северо-востоке страны. В целом в ходе второго этапа были серьезно подорваны этатистские позиции индийского федерализма. В 1980-е гг., когда многие страны Запада оказались поражены неконсервативными революциями с их курсом на дерегулирование

и приватизацию, Индия еще удерживалась в рамках привычной этатистской модели, но с началом 1990-х гг. и весьма болезненно для нее финансового кризиса все изменилось.

Третий этап в развитии федеративных отношений, стартовавший в 1990-е гг. и продолжающийся по настоящее время, связан с переходом от кооперативного к конкурентному федерализму. Индия в этом не оригинальна (это путь США, Канады, ФРГ и другие государств). Эта концепция и практика ее реализации подразумевает не столько сотрудничество, сколько конкуренцию между уровнями власти, также соперничество между самими субъектами федерации за ресурсы, влияние [4]. Эта стадия в развитии федеративных государств является порождением постмодернизационных и глобализационных процессов, общей турбулентности в мире, усиления социально-экономических противоречий [7].

В 1990-е гг. Индия вошла под знаком неких неолиберальных реформ (в том числе отмена лицензий, снятие контроля над центрами, приватизация госпредприятий и т.д.) и одновременно усложнились взаимосвязи между различными уровнями власти. Важным новшеством стало наделение в 1992 г. новыми властными полномочиями панчаятов – сельских советов, и других муниципальных образований.

Неравномерность в развитии субъектов федерации стала особенно заметна на рубеже тысячелетий. «Так, в 2000 г. наивысший среди штатов подушевой доход в богатой Махараштре был почти в три раза выше, чем в беднейшей Ориссе. Доля населения, живущая за гранью бедности в той же Ориссе, была в восемь раз больше, чем в зажиточном Понджабе». Сильно отличаются от штата к штату показатели доступности безопасной питьевой воды, душевое потребление электричества. То же самое относится и к индексу человеческого развития [15, с. 527].

Закономерно, что острые потребности в ускорении развития конкретных штатов усилили активность региональных партий – таких, например, как Дравида Мунектра Кажagam в штате Тамилнаду или Раштрия Джаната Дал в штате Бихар. Эти и другие партии имеют, как правило, серьезные разногласия с центром в следующих вопросах: 1. Языковая политика; 2. Образовательная политика; 3. Распределение ресурсов; 4. Контроль над СМИ; 5. Конкуренция на выборах; 6. Контроль над административной машиной штата. В этой ситуации обострилась политическая конкуренция, когда в начале 2000-х гг. два национальных партийных штата – ИНК и БДП – возглавляли правительства не более чем в трети штатов, выросла значимость межпартийных коалиций.

И тем не менее в начале XXI столетия индийская модель федерализма состоялась (см. рис. 2).

Рис. 2. Модель федерализма в Индии

Правда, выяснилось, что перед Индийским государством стали возникать новые опасности. Третья волна территориальной реформы страны и формирование новых штатов (Чхаттисгарх, Уттаранчал, а затем Уттарханд, Джаркханд и особенно Телангана) не столько по этно-лингвистическим, сколько социально-экономическим соображениям вызвала опасения за рост сепаратизма. «Данные страхи имеют под собой реальную почву: по заявлению Министра внутренних дел Индии, удовлетворение всех чаяний различных национально-этнических групп по формированию новых штатов может привести к учреждению по меньшей мере 20 новых штатов Индии» [14, с. 135–136]. Другой вопрос, что дальнейшее дробление страны возможно, на руку центральной власти, поскольку делает малоперспективным сецессию для небольших экономически слабых субъектов федерации.

Библиографический список

1. Басу Д. Основы конституционного права Индии. – М.: Прогресс, 1986.
2. Володин А.Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. – М.: Наука, 1989. – 212 с.
3. Галлиулин М.З., Ягудин Б.М. Становление федеративной системы постколониальной Индии (50–70-е гг. XX в). – Казань, 2015. – 256 с.
4. Гуляков А.Д. Основные модели федерализма. Сравнительный историко-государствоведческий анализ. – М.: А-Проджект, 2016. – 254 с.

5. Девяткина Т.Ф. Ликвидация княжеств в современной Индии. – М.: Издательство восточной литературы, 1961.

6. Крысин М.Ю., Скороходова Т.Г. История необъявленной войны в Кашмире (1947–1948). – Пенза: Пенз. гос. ун-т архитектуры и строительства, 2004. – 298 с.

7. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Постмодернизация и глобализация: особенности государственно-правовой жизни обществ в XXI столетии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – №1. – С. 6–17.

8. Саломатин А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления. – М.: Норма, 2013. – 288 с.

9. Сравнительное правоведение. Национальные правовые системы. Т. 3: Правовые системы Азии / под. ред. В.И. Лафитского. – М.: Контракт: ИЗСП, 2013. – 704 с.

10. Ульяновский Р.А. Три лидера великого индийского народа. – М.: Политиздат, 1986. – 235 с.

11. Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ). Учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2000. – 376 с.

12. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. – М.: КМК, 2006. – 364 с.

13. Черкасов А.И. Институционализация политических партий Индии // Советское государство

и право. – 1986. – №12. – С. 92–96.

14. Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М.С. Саликова. – Екатеринбург, 2014. – 183 с.

15. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.

16. Banerjee A.C. The Constitutional History of India. Vol. II. 1858–1919. – P. 432–434, 439–443.

17. Basu D.D. Comparative Federalism. – New Delhi, 1987.

18. Chanda A. Federalism in India. A Study of Union-State Relations. – L., 1965.

19. Chibber P.K., Kollman K. The Formation of National Party Systems. Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India and the United States. – Princeton, 2004.

20. Duchacek I.D. Comparative Federalism. – N.Y.: Holt Rinehart and Winston Inc., 1970.

21. Kumar C. Federalism in India: A Cristal Appraisal // Journal of Business Management & Social Sciences Research. – 2014. – Vol. 3. – September. – № 9. – P. 31–32.

22. Marwaha K. Yes, India is a Federal Country // International Journal of Multidisciplinary approach and Studies. – 2015. – February. – № 1.

23. Narang A.S. Federalism in India. Limitations and Challenges // Indian Journal of Federal Studies. – 2012. – Vol. XIII. – № 2.

24. Parikh S. and Weingast B.R. A Comparative Theory of Federalism: India // Virginia Law Review. – Vol. 83. – № 7. Sumpozium: The Allocation of Government. – October 1997. – P. 1607

25. Verney D.V. Federalism, Federative Systems, and Federations. The United States, Canada and India // Publius. Vol. 25. – Spring 1995. – № 2. – P. 87–88

26. Seminar Delhi. – 1983. – № 288. – P. 35.

References

1. Basu D. Osnovy konstitucionnogo prava Indii. – M.: Progress, 1986.

2. Volodin A.G. Indiya: stanovlenie institutov burzhuaznoj demokratii. – M.: Nauka, 1989. – 212 s.

3. Galliulin M.Z., YAgin B.M. Stanovlenie federativnoj sistemy postkolonial'noj Indii (50–70-e gg. HKH v). – Kazan', 2015. – 256 s.

4. Gulyakov A.D. Osnovnye modeli federalizma. Sravnitel'nyj istoriko-gosudarstvenno-vedcheskij analiz. – M.: A-Prodzhekt, 2016. – 254 s.

5. Devyatkina T.F. Likvidaciya knyazhestv v sovremennoj Indii. – M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961.

6. Krysin M.YU., Skorohodova T.G. Istoriya neob'yavlennoj vojny v Kashmire (1947–1948). – Penza: Penz. gos. un-t arhitektury i stroitel'stva, 2004. – 298 s.

7. Mal'ko A.V., Salomatin A.YU. Postmodernizaciya i globalizaciya: osobennosti gosudarstvenno-pravovoj

zhizni obshchestv v XXI stoletii // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. – 2015. – №1. – S. 6–17.

8. Salomatin A.YU. Vsemirnaya istoriya gosudarstva i gosudarstvennogo upravleniya. – M.: Norma, 2013. – 288 s.

9. Sravnitel'noe pravovedenie. Nacional'nye pravovye sistemy. T. 3., Pravovye sistemy Azii / Pod red. V.I. Lafitskogo. – M.: Kontrakt: IZISP, 2013. – 704 s.

10. Ul'yanovskij R.A. Tri lidera velikogo indijskogo naroda. – M.: Politizdat, 1986. – 235 s.

11. Federalizm: teoriya i istoriya razvitiya (sravnitel'no-pravovoj analiz). Uchebnoe posobie / otv.red. M.N. Marchenko. – M.: YUrist, 2000. – 376 s.

12. Fursov K.A. Derzhava-kupec: otnosheniya anglijskoj Ost-Indskoj kompanii s anglijskim gosudarstvom i indijskimi patrimoniyami. – M.: KMK, 2006. – 364 s.

13. CHERkasov A.I. Institucionalizaciya politicheskij partij Indii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1986. – №12. – S. 92–96.

14. Ehtnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy ehtnicheskogo federalizma v XXI veke / pod red. M.S. Salikova. – Ekaterinburg, 2014. – 183 s.

15. YUrlov F.N., YUrlova E.S. Istoriya Indii. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. – 920 s.

16. Banerjee A.C. The Constitutional History of India. Vol. II. 1858–1919. – P. 432–434, 439–443.

17. Basu D.D. Comparative Federalism. – New Delhi, 1987.

18. Chanda A. Federalism in India. A Study of Union-State Relations. – L., 1965.

19. Chibber P.K., Kollman K. The Formation of National Party Systems. Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India and the United States. – Princeton, 2004.

20. Duchacek I.D. Comparative Federalism. – N.Y.: Holt Rinehart and Winston Inc., 1970.

21. Kumar C. Federalism in India: A Cristal Appraisal // Journal of Business Management & Social Sciences Research. – Vol. 3. – September 2014. – № 9. – P. 31–32.

22. Marwaha K. Yes, India is a Federal Country // International Journal of Multidisciplinary approach and Studies. – 2015. – February. – №1.

23. Narang A.S. Federalism in India. Limitations and Challenges // Indian Journal of Federal Studies. – Vol. XIII. – 2012. – №2.

24. Parikh S. and Weingast B.R. A Comparative Theory of Federalism: India // Virginia Law Review. – Vol. 83. – № 7. Sumpozium: The Allocation of Government. – October 1997. – P. 1607

25. Verney D.V. Federalism, Federative Systems, and Federations. The United States, Canada and India // Publius. Vol. 25. – Spring 1995. – № 2. – P. 87–88

26. Seminar Delhi. – 1983. – № 288. – P. 35.

НОРМАТИВНАЯ ТЕМАТИКА В НАУКЕ О ПОЛИЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В статье утверждается, что развитие науки административного права в качестве самостоятельной системы знаний стало происходить в первой половине XIX века, а начало XVIII века следует считать этапом зарождения и постепенного формирования науки о полиции, указывается, что наука о полиции развивалась по двум направлениям. В работе предлагается первый вектор эволюции науки о полиции считать политическим по своему характеру, поскольку его приверженцы изучали социальные феномены и полицейскую деятельность с точки зрения политического ракурса. Доказывается, что именно подобные взгляды не смогли привести представителей политического вектора развития науки о полиции к разработке дефиниции нормы полицейского (административного) права, а также отражению в ней с помощью определенных признаков ее социальной и правовой природы. Акцентируется внимание на том, что наука о полиции развивалась и по юридическому направлению. Представители последнего пытались в определенной системе представить полицейское право. Некоторым из них удалось охарактеризовать признаки нормы полицейского права и источники ее закрепления, а также представить в упрощенном виде классификацию норм.

Ключевые слова: административное право, наука о полиции, полицейское право, норма, понятие, политика.

Сегодня некоторые исследователи утверждают, что периодом зарождения науки административного права, а значит, и теоретических воззрений на формирование и развитие теории административно-правовой нормы, следует считать начало XVIII в. [1, с. 32; 3, с. 7]. Но чтобы подтвердить или опровергнуть категоричность такого заявления, следует более детально проанализировать творческое наследие тех ученых, которые в указанный временной отрезок обращались к исследованию административно-нормативной проблематики.

Такая цель вполне достижима только в том случае, если попытаться отыскать и проанализировать те источники информации, в которых представлены или проанализированы позиции мыслителей обозначенного выше периода времени. Так, при анализе доступных источников информации стало очевидным, что развитие административно-правовой науки в качестве самостоятельной системы знаний начало происходить несколько позже – в первой половине XIX в. Начало же XVIII в. предпочтительнее считать этапом зарождения и постепенного формирования полицейистики, адепты которой специально не ставили перед собой задач глубоко и всесторонне осветить проблемы нормотворчества, нормотолкования и нормореализации.

Выяснилось также, что полицейистика по своим научным воззрениям является поливариативной, так как в ней можно выделить как минимум два главных вектора функционирования:

1) политический – его приверженцы развивали главным образом положения полицейской науки (науки о полиции);

2) позитивный (юридический) – сторонники последнего пытались в определенной системе представить науку полицейского права.

Если кратко охарактеризовать *политический вектор развития полицейистики*, то стоит прежде всего

отметить то, что его представители (Н. Деламаде, И.-Г.-Г. фон Юсти, И. фон Зоненфельс, Р. фон Моль и другие ученые) в своих работах практически не уделяли внимания административно-нормативному обеспечению полицейской деятельности. Как показывает анализ их литературного творчества, в предлагаемых данными исследователями научных выводах внимание акцентировано на камералистических и политических интерпретациях тех или иных социальных феноменов. Так, например:

1) специалисты, которые имели возможность ознакомиться с литературным творчеством Н. Деламаде, отмечают, что освещение правовых вопросов вообще осталось за рамками его главного произведения – «Трактата о полиции» (1722 г.) [14, с. 15];

2) в работе «Основные начала полицейской науки, изложенные в рациональной системе, основанной на конечной цели полиции» (1756 г.) И.-Г.-Г. фон Юсти лишь вскользь упоминает о необходимости существования определенных правил, которым должна подчиняться полицейская деятельность, и о целесообразности введения в законотворчество правила, по которому гражданские законы должны издаваться исключительно высшими полицейскими учреждениям [3, с. 8, 96];

3) И. фон Зоненфельс в своей монографии «Положение из полицейской, торговой и финансовой науки» (1765 г.) указывает на то, что основные правила об установлении и охране внутренней безопасности, составляющие предмет полицейской науки, следует расценивать в качестве руководящих принципов для законодательной политики [16, с. 87, 90];

4) Р. фон Моль в своей творческой деятельности старался следовать одному принципу, выраженному им в предисловии к первому изданию научного трактата «Полицейская наука по принципам правового государства» (1832 г.) следующими словами: «Я упоминаю о положительных полицейских зако-

нах и учреждениях лишь вскользь и в виде примеров, отчасти для краткости, отчасти же потому, что верно понять и оценить учреждения иностранных государств (при кратком и случайном изложении), по моему мнению, очень трудно или почти что невозможно» [11, с. III].

Учитывая изложенное, мы считаем, что указанных ученых правомерно относят к политическому по своей сущности научному подходу в общественности – полицейской науке (науке о полиции), а рекомендации последних считают выдержанными в духе философии эвдемонизма [16, с. 92]. На наш взгляд, именно подобные воззрения не смогли привести упомянутых авторов к разработке дефиниции нормы полицейского (или административного) права; отражению в ней характеристик социально-правовой природы данного социального регулятора; формулировке конкретных предложений по вопросам административно-правовых нормотворчества, нормоинтерпретации и нормореализации.

Тем не менее по истечении некоторого времени политический взгляд в полицейистике признается паллиативным, и постепенно начинает развиваться *позитивное (юридическое) направление*. Считается, что соответствующие изменения подготовил Г. фон Берг, создавший в 1799 г. «Руководство к немецкому полицейскому праву». В указанной работе автором высказано мнение, что полицию следует рассматривать с политической и юридической точек зрения, в силу чего он призывал коллег-ученых оперировать в своих исследованиях терминами «полицейская наука» (Polizeiwissenschaft) и «полицейское право» (Polizeirecht) [3, с. 8–9].

Путем Берга в исследовании вопросов полицейистики попытался пойти П.Н. Гуляев, подготовив работу «Права и обязанности градской и земской полиций, и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям» (1824 г.) [6]. Но этот мыслитель также прибегнул лишь к систематическому обобщению полицейских постановлений, расширив его определенным историческим очерком и некоторыми научными понятиями, заимствованными преимущественно у Юсти.

Спустя некоторое время, а именно в 1856 г., появляется еще одна научная работа по проблемам полицейистики: «Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном», подготовленная И.В. Платоновым. Мыслитель был убежден, что государство способно гарантировать надлежащее благосостояние народа путем различных мероприятий, и прежде всего – законодательной деятельностью. В параграфе 10 «Образ законодательной деятельности относительно благосостояния народного» указанного научного произведения правовед попытался объяснить, каким образом можно это сделать законодательными средствами. При этом он достаточно часто оперировал терминами «правила», «соблюдение правил

и порядков», «исполнение мер», «соблюдение мер», «исполнение предписанных правил», «принуждение», «нарушение постановлений» и др. Однако, к сожалению, без приведения их дефиниций [9, с. 21, 39–43].

Заметный след в развитии полицейского права оставил и сторонник экономических взглядов профессор Н.Х. Бунге. Данный государственный деятель утверждал, что полицейское право: 1) в широком смысле слова имеет двойное содержание, то есть включает в себя положительные по своему характеру постановления, относящиеся к благосостоянию (законы благоустройства), и негативные по своей природе постановления, касающиеся вопросов безопасности (законы благочиния). Последние – это предмет полицейского права в узком смысле; 2) «...Излагает юридические нормы, которым подчиняются общественные отношения в видах общего блага, то есть благосостояния и безопасности. Эти нормы учреждаются и поддерживаются полицейской властью, установленной в союзах, возникающих между людьми».

В спектре административно-нормативной проблематики свои критические замечания Н.Х. Бунге высказывал также по поводу: 1) отсутствия систематического полицейского кодекса; 2) игнорирования некоторыми учеными того факта, что источником основных положений полицейского права следует считать общественные отношения, складывающиеся исторически в различных сферах человеческой деятельности; 3) инертности отдельных исследователей касательно признания учения о безопасности (или законов благочиния) составной частью государственного права, а учения о благосостоянии (законов благоустройства) – прикладной частью политической экономии [5, с. 2–7].

Интерес к проблематике полицейского права проявлял и И.Е. Андреевский. Этот мыслитель отстаивал следующие позиции: 1) полицейское право является положительной наукой, поскольку призвано изучить положительное полицейское законодательство, то есть представить его систематически с характеристикой обстоятельств и причин, обусловливающих соответствующие законы и предписания, а также разъяснить последние с помощью основ полицейской науки; 2) общее полицейское право должно изучать полицейские законодательства всех или многих государств, а особенное полицейское право – полицейское законодательство любой отдельной страны; 3) источниками полицейского права являются полицейские кодексы и комментарии к ним, другие законоположения, научная литература [2, с. XIII, XVIII, XXIX].

Представил на суд общественности свои воззрения и М.М. Шпилевский в работе «Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения» (1875 г.). Несмотря на то, что понятию нормы полицейского или административного пра-

ва в последней места не нашлось, вместе с тем по вопросам административно-нормативной проблематики ученый высказал другие суждения. Он предложил: 1) под термином «закон» понимать не только собственно закон (в узком смысле), но и административные распоряжения, издаваемые исполнительной властью; 2) с целью защиты общества от произвола административной власти стать на путь издания административных распоряжений только органами, прямо уполномоченными на это законом; 3) законами четко определять предметы, порядок издания и форму административных распоряжений; 4) обратить внимание на то, что полицейское право является неcodифицированным и развивается не столько путем законодательства, сколько путем административной практики, которая проявляется в огромном массиве административных распоряжений; 5) считать возможной и желательной кодификацию общественного (полицейского) права, поскольку только она может способствовать правомерности административной деятельности.

В своем произведении М.М. Шпилевский дополнительно акцентировал внимание на том, что право – это не только правовоположения, сформулированные и зафиксированные законодательной властью, но и правовые нормы, которые вырабатываются непосредственно народной жизнью или сознательной деятельностью юристов, а также охраняются силой народного обычая или авторитетом науки. По мнению указанного автора, в общественном (полицейском) праве существует две категории таких норм. Первая категория норм определяет права и обязанности различных субъектов в отношении развития или охранения общественных интересов, а также устанавливает определенные взыскания за нарушение или неисполнение прав и обязанностей (так называемое «определяющее общественное право», состоящее, в свою очередь, из догматического и карательного права). Вторая содержит в себе правила как для охранения первой группы норм от нарушений, так и для восстановления нарушенных прав (этот нормативный комплекс в работе назван «охранительным общественным правом») [16, с. 69–76, 227–236].

Заметный след в развитии концептуальных положений полицейского права оставил И.Т. Тарасов. Он высказал мысль о том, что полицейское право – это наука о правилах и нормах, определяющих задачи, органы, границы, принципы, меры и ответственность полиции вообще и в частности, согласно с выработавшимся понятием о политико-гражданской свободе. Позже он скорректирует свою мысль и укажет, что данная наука – это отрасль правоведения, то есть это юридическая наука о правовых нормах, определяющих полицейскую деятельность государства. Полицейское же право, по его мнению, представляет собой совокупность

правил и норм, регулирующих такую деятельность в определенном государстве и в определенную эпоху [12, с. 8; 13, с. 170].

Можно вспомнить здесь и про краткое описание мыслителем некоторых форм административной нормореализации. Он, к примеру, упоминал об исполнении и соблюдении административных (полицейских) распоряжений, а также отдельных нормативных предписаний. Указывал и на такую форму, как «повиновение распоряжениям и предписаниям», при этом четко не разъясняя ее особенностей [14, с. 4–7, 64–65].

Интересную точку зрения по вопросам полицейского права отстаивал доктор политической экономии и статистики А.Я. Антонович. Он предложил коллегам-ученым исходить из того, что полицейское право – это необходимое дополнение политической экономии, и если его рассматривать как науку, то оно является наукой национальной, которая изучает правооснования для хозяйственного содействия со стороны общества и государства в направлении сохранения и развития народного блага. Одной из главных задач данной науки автор считал изучение норм при существующем разнообразии жизненных отношений. Указанные нормы, по его мнению, должны регулировать деятельность, направленную на сохранение существующего благосостояния (то есть на предупреждение и пресечение действий, нарушающих благосостояние) и надлежащее содействие дальнейшему развитию народного блага [4, с. 13, 23–24].

Разрешить отдельные вопросы полицейского права пытался и В.Ф. Левитский. В своих трудах ученый почти обходит стороной проблемы административно-нормативного обеспечения общественной жизни. Возможно, это связано с тем, что автор предлагал из системы полицейского права выделить административное право и отнести его в отдел государственных наук. По его мнению, только «после такого преобразования в системе полицейского права оно будет представлять науку, так сказать, с определенной физиономией, имеющей своим предметом экономические и этические отношения в современном обществе, насколько они являются объектом государственного вмешательства и воздействия» [8, с. 247].

Можно также обратить внимание и на творческое наследие Н.М. Цытовича, который отмечал, что полицейское право интересуется сферой внутреннего управления, своим предметом имеет защиту лиц, имуществ и общественного порядка от разнообразных опасностей (кроме иноземных вторжений), а также непосредственное содействие населению в достижении им различных культурных целей (хозяйственных, научных, нравственных и т. д.). С учетом указанного правовые нормы в сфере внутреннего управления он распределял по двум обособленным группам. К первой группе

относил нормы, раскрывающие устройство и общие условия деятельности органов внутреннего управления. Ко второй – нормы, касающиеся непосредственно отдельных предметов внутреннего управления и которые, на его взгляд, как раз и составляют предмет науки полицейского права.

Наука полицейского права, по мнению Н.М. Цытовича, должна осуществлять не только простое изложение и толкование упомянутых норм, но и приводить их оценку с соответствующими общими выводами. При этом к сведению должен приниматься тот факт, что юридические нормы, которые определяют новые права и обязанности частных лиц, могут устанавливаться как законами и распоряжениями, так и международными соглашениями, санкционированными государством [10, с. 7–20].

Сформулировав данные тезисы (большей частью в лекционном курсе по полицейскому праву), исследователь впоследствии подготовил еще научную статью, в которой попытался доказать необходимость совместного преподавания в высших учебных заведениях политики и догмы административного права. Он отмечал, что слушатели университетов должны знакомиться как с позитивным административным правом любой страны, так и одновременно с оценкой последнего с точки зрения его целесообразности и справедливости, а также с соответствующими указаниями тех образцов и идеалов, к которым оно должно приближаться. Высказался ученый также за замену названия «полицейское право» на «право административное» или «право внутреннего управления». Он считал, что такая трансформация будет отвечать современному развитию соответствующей науки [15, с. 278–280].

Одним из представителей позитивного направления в полицистике считают и К.К. Гаттенбергера. Он пытался отстоять гипотезу, согласно которой в изложении полицейского права невозможно обойтись без статистики, поскольку в каждом конкретном случае придется анализировать законодательную норму, указывающую лишь на ее тенденцию. Однако, как отмечает автор, для позитивных исследований важна не сама тенденция данной нормы, а лишь ее действительное влияние, которое может расходиться с тенденцией. Действительное же влияние соответствующей законодательной нормы, собственно, и имеет выражение в статистических данных. Таким образом, норма указывает на тенденцию, а статистические данные – на осуществление тенденции [7, с. 46–60].

Анализ литературных источников представителей полицейского права можно продолжать и дальше, хотя в этом отсутствует острая необходимость. Приведенные примеры, как нам кажется, убедительно иллюстрируют ту особенность, что в работах указанных исследователей административ-

но-нормативной проблематике уделялось больше внимания, нежели в трудах адептов полицейской науки (науки о полиции). Вместе с тем ученые, которые развивали концептуальные положения полицейского права, также не стремились целенаправленно изучить социально-правовую природу и сформулировать дефиницию нормы последнего. Отдельные из них лишь частично упомянули о признаках этого социального регулятора и источниках его закрепления, а также попытались представить его определенную классификацию.

Библиографический список

1. Адміністративне право України: Академічний курс: підруч.: у 2 т.: Т. 1. Загальна частина / ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова) та ін. – К.: Юридична думка, 2004. – 584 с.
2. *Андреевский И.* Полицейское право. – СПб.: Тип. Эд. Праца, 1871. – Т. 1. Введение и часть I: Полиция безопасности. – ССLXXII, 543 с.
3. Антологія української юридичної думки: в 6 т. Т. 5: Поліцейське та адміністративне право / редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова) та ін.; упорядники: Ю.І. Римаренко, В.Б. Авер'янов та ін. – К.: Юридична книга, 2003. – 600 с.
4. *Антонович А.Я.* Курсъ Государственного благоустройства (полицейскаго права). – К.: Тип. В.І. Завадзскаго, 1890. – Ч. 1. – 312 с.
5. *Бунге Н.* Полицейское право. Введение и государственное благоустройство. – К.: Университетская типография, 1869. – Т. 1. – 334 с.
6. Права и обязанности градской и земской полицій, и всехъ вообще жителей російскаго государства по ихъ состояніямъ / соч. П. Гуляева. – Ч. 1: О полиціи. – М.: Университетская типография, 1824. – XVI, 225 с.
7. Изъ трудовъ К.К. Гаттенбергера // Записки Императорскаго Харьковскаго университета. – Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1905. – Кн. 1. – С. 23–126.
8. *Левитський В.Ф.* Предметъ, задача и методъ науки полицейскаго права // Записки Императорскаго Харьковскаго университета. – Харьков: Типографія Адольфа Дарре, 1894. – Кн. 1. – С. 231–255.
9. *Платоновъ И.* Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройстве и благочиніи государственномъ. – Харьков: Университетская типографія, 1856. – 144 с.
10. Поліцейське право в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. Кн. 2 / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий; за заг. ред. І.С. Гриценка. – К.: Либідь, 2010. – 464 с.
11. *Моль Робертъ фонъ.* Наука полиціи по началамъ юридическаго государства / переведено съ 3-го изд. Р. Сементковскимъ. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. – Вып. I. – IX, 314 с.
12. *Тарасовъ И.Т.* Лекціи по полицейскому (административному) праву. – М.: Университетская типографія, 1908. – 16 с.

13. *Тарасовъ И.Т.* Опыт разработки программы и конспекта общей части науки Полицейского права // *Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея*. – Ярославль: Тип. Губернскаго Правленія и Г.В. Фалькъ, 1879. – Кн. 17. – С. 165–212.

14. *Тарасовъ И.Т.* Очеркъ науки полицейскаго права. – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. – 703 с.

15. *Цытович Н.М.* Еще по поводу полицейскаго и административнаго права // *Право*. Еженедельная юридическая газета. – 1899. – 7 февраля. – № 6. – С. 269–280.

16. *Шпилевскій М.* Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правоведенія // *Записки Императорскаго Новороссійскаго университета*. – Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1875. – Т. 16. – С. 63–258.

References

1. *Administrativne pravo Ukraïni: Akademichnij kurs: pidruch.*: u 2 t.: T. 1. Zagal'na chastina / red. kolegiya: V.B. Aver'yanov (golova) ta in. – K.: YUridichna dumka, 2004. – 584 s.

2. *Andreevskij I.* *Policejskoe pravo*. – SPb.: Tip. Ehd. Praca, 1871. – Т. 1. Vvedenie i chast' I: Policiya bezopasnosti. – CCLXXII, 543 s.

3. *Antologiya ukraïns'koï yuridichnoï dumki: v 6 t.* T. 5: *Policejs'ke ta administrativne pravo / redkol.*: YU.S. SHemshuchenko (golova) ta in.; uporyadniki: YU.I. Rimarenko, V.B. Aver'yanov ta in. – K.: YUridichna kniga, 2003. – 600 s.

4. *Antonovich" A.YA.* *Kurs" Gosudarstvennago blagoustrojstva (policejskago prava)*. – K.: Tip. V.I. Zavadzskago, 1890. – CH. 1. – 312 s.

5. *Bunge N.* *Policejskoe pravo. Vvedenie i gosudarstvennoe blagoustrojstvo*. – K.: Universitetskaya tipografiya, 1869. – Т. 1. – 334 s.

6. *Prava i obyazannosti gradskoj i zemskoj policij, i vsekh" voobshche zhitelej rossijskago gosudarstva po ih" sostoyaniyam" / soch. P. Gulyaeva*. – CH. 1:

O policii. – М.: Universitetskaya tipografiya, 1824. – XVI, 225 s.

7. *Iz" trudov" K.K. Gattenbergera // Zapiski Imperatorskago Har'kovskago universiteta*. – Har'kov": Tip. Adol'fa Darre, 1905. – Кн. 1. – С. 23–126.

8. *Levits'kij V.F.* *Predmet", zadacha i metod" nauki policejskago prava // Zapiski Imperatorskago Har'kovskago universiteta*. – Har'kov": Tipografiya Adol'fa Darre, 1894. – Кн. 1. – С. 231–255.

9. *Platonov" I.* *Vstupitel'nyya ponyatiya v" uchenie o blagoustrojstve i blagochinii gosudarstvennom"*. – Har'kov: Universitetskaya tipografiya, 1856. – 144 s.

10. *Policejs'ke pravo v Universiteti Svyatogo Volodimira: u 2 kn. Kn. 2 / uklad. I.S. Gricenko, V.A. Korotkij; za zag. red. I.S. Gricenka*. – K.: Libid', 2010. – 464 s.

11. *Mol' Robert" fon". Nauka policii po nachalam" yuridicheskago gosudarstva / perevedeno s" 3-go izd. R. Sementkovskim"*. – SPb.: Pechatnya V.I. Golovina, 1871. – Vyp. I. – IX, 314 c.

12. *Tarasov" I.T.* *Lekcii po policejskomu (administrativnomu) pravu*. – М.: Universitetskaya tipografiya, 1908. – 16 s.

13. *Tarasov" I.T.* *Opyt" razrabotki programmy i konspekta obshchej chasti nauki Policejskago prava // Vremennik" Demidovskago yuridicheskago liceya*. – YArosavl': Tip. Gubernskago Pravleniya i G.V. Fal'k", 1879. – Кн. 17. – С. 165–212.

14. *Tarasov" I.T.* *Ocherk" nauki policejskago prava*. – М.: Pechatnya S.P. YAKovleva, 1897. – 703 s.

15. *Cytovich N.M.* *Eshche po povodu policejskago i administrativnago prava // Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. – 1899. – 7 fevralya. – № 6. – С. 269–280.

16. *SHpilevskij M.* *Policejskoe pravo, kak" samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya // Zapiski Imperatorskago Novorossijskago universiteta*. – Одесса: Тип. Ul'riha i SHul'ca, 1875. – Т. 16. – С. 63–258.

ПОЛНОМОЧИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Вопросы организации местного самоуправления в современной России по-прежнему являются актуальными для исследования как среди представителей научного сообщества, так и среди практических работников. В связи с существенными изменениями законодательства, которыми ознаменован новый этап муниципального строительства, все чаще встречаются мнения о неоправданном повышении роли субъекта Российской Федерации в вопросах организации местного самоуправления. Федеральный законодатель предоставил субъекту Российской Федерации значительное усмотрение при решении этих вопросов, что вызывает у авторов сомнение в конституционности внесенных нормативных изменений. В этой связи представляется целесообразным обратиться к вопросу, насколько сильно повышена роль субъекта Российской Федерации и каковы его возможности при реализации им полномочий по вопросам организации местного самоуправления в контексте реформирования последнего. В статье проводится сравнительный анализ полномочий субъекта Российской Федерации по вопросам организации местного самоуправления, оценивается степень правового регулирования данных вопросов. Делаются выводы о возможностях и ограничениях субъекта Российской Федерации при реализации им рассматриваемых полномочий.

Ключевые слова: полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, местное самоуправление, организация местного самоуправления, правовое регулирование, субъект Российской Федерации.

Принято считать, что вопросы организации местного самоуправления, по которым субъект Российской Федерации осуществляет правовое регулирование, можно рассматривать с точки зрения территориальных, организационных и компетенционных основ местного самоуправления. При этом количество регулируемых субъектом Российской Федерации вопросов организации местного самоуправления зависит от сложившегося правового регулирования общих принципов организации местного самоуправления на разных этапах развития местного самоуправления в России.

Так, по вопросам территориальной организации местного самоуправления ранее действовавший Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 154-ФЗ) наделял субъекты Российской Федерации правом устанавливать своими законами территории муниципальных образований, наименования муниципальных образований, а также порядок их образования, объединения, преобразования, упразднения, установления и изменения их границ (часть 1 статьи 12, часть 3 статьи 13 Закона № 154-ФЗ).

В Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) полномочий у субъекта Российской Федерации по определению вышеуказанного порядка в рамках территориальной организации местного самоуправления нет, устанавливать и изменять границы муниципальных образований и наделять их соответствующим статусом субъект Российской Федерации

вправе при соблюдении уже установленных законом требований. При этом нормы содержат в себе определенные условия, которые необходимо соблюдать при регулировании законами субъектов Российской Федерации вопросов территориальной организации местного самоуправления на своей территории. Например, при установлении и изменении границ муниципальных образований законы субъектов Российской Федерации должны содержать перечень входящих в состав муниципальных образований населенных пунктов, а при преобразовании муниципальных образований необходимо соблюдать порядок, который установлен Законом № 131-ФЗ.

После внесения существенных изменений на федеральном уровне осуществление местного самоуправления стало возможным в пределах образованных двух новых видов муниципальных образований (городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы). Субъекту Российской Федерации по аналогии с ранее установленным порядком в отношении других видов муниципальных образований было предоставлено право своим законом наделять муниципальные образования статусом городского округа с внутригородским делением и внутригородского района. По мнению И.В. Бабичева, «законодатель дал в руки правоприменителю новый и эффективный инструмент для муниципального строительства» [1, с. 48]. Однако таким правом на сегодняшний день в Российской Федерации воспользовались только три субъекта Российской Федерации, образовав городские округа с внутригородским делением (города Махачкала, Самара, Челябинск) [2]. С высокой долей уверенности можно говорить, что такие виды муниципальных обра-

зований «не приглянулись» субъектам Российской Федерации. Ключевым остается вопрос эффективности в его реализации. Например, при образовании внутригородских районов органы государственной власти субъектов Российской Федерации столкнулись с рядом противоречий и проблем после юридического оформления соответствующих процедур (принятия законов, проведения выборов, формирования органов местного самоуправления). К основным моментам можно отнести: разграничение полномочий по решению вопросов местного значения между городом и внутригородским районом, разграничение муниципального имущества [3, с. 69]. Очевидно, чтобы данный инструмент заработал более эффективно (сложившиеся исторически внутригородские районы существуют и в других субъектах Российской Федерации, например в Нижегородской области), требуется его совершенствование.

В вопросах компетенции органов местного самоуправления Закон № 154-ФЗ фиксировал, что законами субъектов Российской Федерации определяются вопросы местного значения (часть 2 статьи 6). Кроме того, органы местного самоуправления наделялись отдельными полномочиями субъектов Российской Федерации. При этом обязательным условием являлась передача органам местного самоуправления материальных и финансовых средств, необходимых для осуществления переданных полномочий.

Законом № 131-ФЗ был изменен подход в определении компетенции органов местного самоуправления и полномочий субъекта Российской Федерации в данном направлении. До 2014 года установленные перечни вопросов местного значения не могли быть изменены без внесения изменений непосредственно федеральными законами. После реформирования местного самоуправления в 2014 году Законом № 131-ФЗ было установлено исключение из общих правил, и теперь перечень вопросов местного значения может определять субъект Российской Федерации. Отметим, ранее вопросы местного значения определялись уставами муниципальных образований.

Анализируя предоставленные полномочия субъекту Российской Федерации в этой части, можно наблюдать, что устанавливать вопросы местного значения они могут только из числа уже определенных Законом № 131-ФЗ. Например, федеральный правовой акт разрешает субъекту Российской Федерации отнести вопросы местного значения городских поселений к компетенции сельских поселений, но уже из определенного перечня (часть 3 статьи 14); разрешает субъекту Российской Федерации устанавливать дополнительные вопросы местного значения для городских округов с внутригородским делением, но из числа уже установленных Законом № 131-ФЗ вопро-

сов местного значения городских округов (часть 3 статьи 16, часть 2 статьи 16.2).

Отдельно следует обратить внимание на введенный институт перераспределения полномочий. Закон № 131-ФЗ предоставил субъектам Российской Федерации право своими законами перераспределять полномочия между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Такой возможности у субъекта Российской Федерации в рамках Закона № 154-ФЗ не было. Но если рассматривать данный институт с точки зрения реализации субъектом Российской Федерации этого права, то Закон № 131-ФЗ прямо указал, что перераспределение может осуществляться опять же за исключением ряда полномочий органов местного самоуправления и только в случаях, установленных федеральными законами. Иными словами, перераспределение допускается только в том случае, если это напрямую установлено в соответствующем специальном федеральном законе. Сам же Закон № 131-ФЗ по общему правилу допускает перераспределение полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Однако практика показала, что установленные специальными федеральными законами полномочия органов местного самоуправления в той или иной сфере правоотношений гораздо шире и не всегда соотносятся с вопросами местного значения.

Субъекты Российской Федерации позволяли себе перераспределять полномочия не только в рамках вопросов местного значения, но и в части передаваемых государственных полномочий, как это было сделано, в частности, в Самарской области [4]. К тому же установленное Законом № 131-ФЗ соотношение срока перераспределяемых полномочий со сроком полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации не приводит к статичности в правовом регулировании перераспределяемых правоотношений. Например, в Нижегородской области с момента принятия регионального закона о перераспределении полномочий изменения вносились 5 раз, из них в трех случаях изменения касались уточнения перераспределяемых полномочий, и в двух случаях было перераспределение с одного уровня публичной власти к другому [5].

В данном случае установленные федеральные нормы не ограничивают полномочия субъекта Российской Федерации, но в то же время предоставленные возможности сложно реализовать и применять на практике из-за отсутствия на сегодняшний день четкого разграничения предметов ведения и полномочий между всеми уровнями публичной власти. На то, что необходимо проводить инвентаризацию полномочий, указывалось и в итоговых документах федеральных органов государствен-

ной власти Российской Федерации [6, с. 71]. Однако такая работа пока не выполнена. Ее необходимо начать именно с местного уровня власти, освободив муниципалитеты от тех вопросов и полномочий, которые местному самоуправлению не свойственны. Например, при сегодняшнем правовом регулировании непонятно, в какой степени органами местного самоуправления должны быть созданы условия для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры, как органы местного самоуправления должны участвовать в организации деятельности по сбору и транспортированию отходов? Во избежание двусмысленного толкования, правовой неопределенности и уклонения органов местного самоуправления от ответственности, вопросы должны носить конкретное содержание. Пожалуй, только в таком случае не придется вводить новые правовые институты для исполнения решений на местном уровне, поскольку будет выстроена не только четкая система разграничения полномочий, но и определена сфера ответственности за его реализацию.

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями является одной из востребованных форм реализации предоставленных полномочий субъекту Российской Федерации в рамках организации местного самоуправления. Наиболее часто в числе делегируемых органам местного самоуправления полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации оказываются полномочия в сфере опеки и попечительства, полномочия по созданию и обеспечению деятельности административных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, по профилактике безнадзорности несовершеннолетних, по отлову и содержанию безнадзорных домашних животных. Однако стоит отметить, что если раньше Закон № 154-ФЗ предусматривал только одно условие при наделении отдельными государственными полномочиями – это передача необходимых материальных и финансовых средств, то действующий Закон определяет целый ряд требований, которые необходимо соблюдать при принятии соответствующего регионального акта.

Кроме того, если раньше ответственность за осуществление отдельных государственных полномочий несли как органы местного самоуправления, так и должностные лица, то теперь ответственность налагается только на органы местного самоуправления. При этом стоит отметить, что в обоих случаях существуют ограничения ответственности: указанные органы несут ответственность за осуществление полномочий в пределах выделенных на эти цели материальных и финансовых средств. И при определении законом порядка контроля за осуществлением отдельных государственных полномочий субъектом Рос-

сийской Федерации, региональному законодательству приходится учитывать уже установленный порядок в рамках государственного контроля (часть 3 статьи 21). Фактически при всестороннем регулировании данного вопроса на федеральном уровне законы субъектов Российской Федерации выступают неким звеном в этом механизме.

Особое внимание следует уделить полномочиям субъектов Российской Федерации по вопросам структуры органов местного самоуправления и их формирования.

В Законе № 154-ФЗ предусматривались полномочия субъектов Российской Федерации по определению наименований органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления (кроме представительных органов и выборных должностных лиц). У субъекта Российской Федерации было право определять порядок формирования органов местного самоуправления, их компетенцию, сроки полномочий, подотчетность, вопросы организации и деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления (статья 17), статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, определять гарантии, связанные с пребыванием на этих должностях (статья 18). Также к полномочиям субъекта Российской Федерации относилось определение порядка реализации полномочий представительного органа местного самоуправления собраниями (сходами) граждан в отдельных поселениях (статьи 15 и 24). Иными словами, субъекту Российской Федерации предоставлялись широкие возможности в правовом регулировании вопросов организации местного самоуправления. По большому счету, субъект Российской Федерации имел возможность отразить все представленные ему полномочия в региональном законе о местном самоуправлении.

Закон № 131-ФЗ изменил подход к вопросам структуры органов местного самоуправления, порядку их формирования и регламентировал большинство этих вопросов. До 2014 года задача по реализации данных позиций ставилась непосредственно перед органами местного самоуправления путем конкретизации федеральных норм в уставах муниципальных образований, тем самым исключая из перечня регионы субъектов правового регулирования. В 2014 году подход к вопросам организации местного самоуправления был изменен. Такие вопросы, как порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления, теперь должны быть закреплены законами субъекта Российской Федерации.

На первый взгляд, все свидетельствует о том, что полномочия субъектов Российской Федерации по формированию органов местного самоуправ-

ления расширены. Однако при реализации предоставленного субъекту Российской Федерации полномочия необходимо учитывать некоторые особенности, которые отражены в Законе № 131-ФЗ. Например, при определении численности депутатов представительного органа городского округа с внутригородским делением и внутригородского района необходимо исходить из численности депутатов представительного органа поселения, городского округа. При определении нормы представительства внутригородского района эта норма представительства не может превышать одну треть состава представительного органа указанного городского округа. Такие правила подтверждают значение установленной в статье 6 Закона № 131-ФЗ нормы, согласно которой правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления осуществляется только в случаях и порядке, установленном федеральным законом.

Таким образом, в отличие от Закона № 154-ФЗ, Закон № 131-ФЗ содержит в себе «жесткие» ограничения в правовом регулировании вопросов организации местного самоуправления, относящихся к полномочиям субъекта Российской Федерации, и определяет разрешительную компетенцию. Реализация данных полномочий ограничена федеральным законодательством, устанавливающим общие принципы организации местного самоуправления. Пределы полномочий субъектов Российской Федерации были обозначены Конституционным судом Российской Федерации в 2015 году после реализации субъектами Российской Федерации муниципальной реформы на региональном уровне [7]. Смысл позиции Конституционного суда России сводится к тому, что при реализации полномочий по определению тех или иных способов формирования органов местного самоуправления субъект Российской Федерации вправе осуществлять лишь вторичное, производное регулирование в этой сфере, поскольку этот вопрос относится к общим принципам организации местного самоуправления, прерогатива в регулировании которого принадлежит федеральному законодателю. В результате более половины субъектов Российской Федерации были вынуждены скорректировать свои региональные акты в сфере организации местного самоуправления [2].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на предоставленные полномочия субъекту Российской Федерации, существуют важные ограничения, которые заложены непосредственно в Законе № 131-ФЗ. Реализация полномочий субъектов Российской Федерации по вопросам организации местного самоуправления возможна только в рамках предусмотренных правовых предписаний на федеральном уровне. Полномочия, которые предоставлены субъектам Российской Федерации, сводятся к принятию специальных тематических зако-

нов (например, о преобразовании, о наименованиях органов местного самоуправления, о наделении отдельными государственными полномочиями). Такие полномочия выполняют преимущественно вспомогательную роль по отношению к федеральному законодательству о местном самоуправлении. Выступать регуляторами в данной сфере правоотношений они могут только по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе. Анализ положений Закона № 131-ФЗ показывает, что таких вопросов практически не осталось (часть 7 статьи 7, часть 3 статьи 10, часть 1 статьи 20, часть 3 статьи 23, абзац 5 части 5 статьи 34, часть 2 статьи 35.1, часть 7.2 статьи 40, часть 1 статьи 43.1, часть 2 статьи 63.1). В целом представляется целесообразным предоставить возможность регионам осуществлять не второстепенное, а конкретизирующее правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления, исходя из исторических и местных традиций, сложившихся на соответствующей территории.

Библиографический список

1. *Бабичев И.В.* Городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы: новые юридические конструкции как возможный инструмент развития местного самоуправления на соответствующих территориях // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 43–48.
2. Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2016 г.– начало 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 01.09.2017).
3. *Ильиных А.В.* Городской округ с внутригородским делением и внутригородские районы: особенности создания и первые итоги существования (опыт Челябинска) // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 7. – С. 67–70.
4. О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти Самарской области в сферах градостроительной деятельности и рекламы на территории Самарской области: закон Самарской области от 29 декабря 2014 года № 134-ГД // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru,04.01.2015> (дата обращения: 01.09.2017).
5. О перераспределении отдельных полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Нижегородской области и органами государственной власти Нижегородской области: закон Нижегородской области от 23 декабря 2014 г. № 197-3 (в ред. от 26 декабря 2017 г. № 190-3) // КонсультантПлюс: справочно-правовая

система. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации: отчет / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. – М., 2013. – С. 71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/Otchet_Rossiyskoe_zakonodatelstvo_20_let_razvitiya_v_rusle_novoy_Konstitucii_Rossiyskoy_Federacii.pdf.

7. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Babichev I.V. Gorodskie okruga s vnutrigorodskim deleniem i vnutrigorodskie rajony: novye yuridicheskie konstrukcii kak vozmozhnyj instrument razvitiya mestnogo samoupravleniya na sootvetstvuyushchih territoriyah // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2015. – № 3. – С. 43–48.

2. Informacionno-analiticheskie materialy o razvitii sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii (dannye za 2016 g.– nachalo 2017 g.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya\(data obrashcheniya: 01.09.2017\)](http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya(data obrashcheniya: 01.09.2017)).

3. Il'inyh A.V. Gorodskoj okrug s vnutrigorodskim deleniem i vnutrigorodskie rajony: osobennosti

sozdaniya i pervye itogi sushchestvovaniya (opyt CHelyabinska) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2016. – № 7. – С. 67–70.

4. O pereraspredelenii polnomochij mezhdru organami mestnogo samoupravleniya i organami gosudarstvennoj vlasti Samarskoj oblastivsferah gradostroitel'noj deyatelnosti i reklamy na territorii Samarskoj oblasti: zakon Samarskoj oblasti ot 29 dekabrya 2014 goda № 134-GD // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru,04.01.2015> (data obrashcheniya: 01.09.2017).

5. O pereraspredelenii otdel'nyh polnomochij mezhdru organami mestnogo samoupravleniya municipal'nyh obrazovanij Nizhegorodskoj oblasti i organami gosudarstvennoj vlasti Nizhegorodskoj oblasti: zakon Nizhegorodskoj oblasti ot 23 dekabrya 2014 g. № 197-Z (v red. ot 26 dekabrya 2017 g. № 190-Z) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Rossijskoe zakonodatel'stvo: 20 let razvitiya v rusle novoj Konstitucii Rossijskoj Federacii: otchet / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. – М., 2013. – С. 71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/Otchet_Rossiyskoe_zakonodatelstvo_20_let_razvitiya_v_rusle_novoy_Konstitucii_Rossiyskoy_Federacii.pdf.

7. Po delu o proverke konstitucionnosti chastej 4, 5 i 5.1 stat'i 35, chastej 2 i 3.1 stat'i 36 Federal'nogo zakona «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» i chasti 1.1 stat'i 3 Zakona Irkutskoj oblasti «Ob otdel'nyh voprosah formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya municipal'nyh obrazovanij Irkutskoj oblasti» v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy: postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 1 dekabrya 2015 g. № 30-P // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кобзарев Федор Михайлович
доктор юридических наук, профессор
Костромской государственной университет
kobzarfm@yandex.ru

Смирнова Екатерина Владимировна
Костромской государственной университет, г. Кострома
katrinka.1994@list.ru

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ РАСШИРЯЕТСЯ, А ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Статья посвящена исследованию состояния и проблем развития суда с участием присяжных заседателей в современной России. Авторами на основании рассмотрения основных проблем данной формы уголовного судопроизводства анализируются предложения по ее совершенствованию, а также выделяются первоочередные из этих предложений, способные повысить эффективность правосудия. Предлагается, в частности, подразделить их на две группы: предложения, требующие дополнительного правового регулирования, и предложения организационного характера. В свою очередь, в соответствии с проведенной классификацией предложений приводятся дополнительные обоснования их значимости и возможности реализации в законодательной и правоприменительной деятельности. При этом особое внимание обращается на необходимость внесения корректив в постановку вопросов присяжным заседателям, а также на несоответствие отдельных предложений сложившейся законодательной практике. В заключение высказываются сомнения относительно готовности всех районных и гарнизонных военных судов к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей в связи с последними изменениями в законодательстве к установленному сроку.

Ключевые слова: правосудие, суд присяжных, проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей, предложения по совершенствованию деятельности суда присяжных.

Суд с участием присяжных заседателей, занимая особое место в системе российского правосудия, несмотря на определенные издержки, в целом показал свою состоятельность и стал весьма значимой формой уголовного судопроизводства. Поэтому расширение применения данного института посредством введения его при отправлении правосудия в районных и гарнизонных военных судах не вызывает особых возражений ни со стороны правоприменителей, ни со стороны ученых и представителей общественности. Также, судя по высказываниям исследователей рассматриваемого института, ими в основном поддерживаются и законодательные изменения по уменьшению состава коллегии присяжных заседателей с 12 до 6–8 заседателей¹ [15, с. 150–152].

Вместе с тем анализ многочисленных публикаций последнего времени [1, с. 32–33; 2, с. 37–40; 3, с. 101–113; 4, с. 45–49], посвященных суду с участием присяжных заседателей, свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с процедурой формирования коллегии присяжных заседателей, их полномочиями и составом, порядком формулирования вопросов присяжным и других, решение которых, в первую очередь, законодательным путем, способно повысить эффективность применения данной формы судопроизводства.

В связи с этим следует отметить, что существующий до указанных выше нововведений порядок формирования и функционирования суда с участием присяжных заседателей, определенный в главе 42 УПК РФ, а также в Федеральном законе от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», фактически не претерпел каких-либо изменений, хотя учеными и практическими

работниками в связи с выявленными проблемами обосновывалась необходимость внесения корректив в действующее законодательство и принятия дополнительных организационных мер. По содержанию эти предложения можно подразделить на две основные группы.

1. Предложения, требующие дополнительного правового регулирования:

а) в отношении присяжных заседателей:

– предоставить возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел в отношении женщин, а также мужчин старше 65 лет²;

– установить ответственность кандидатов в присяжные заседатели за необоснованное уклонение от исполнения обязанностей присяжных, в первую очередь – за неявку в суд без уважительных причин³;

– создать условия и обеспечить возможность сторонам до начала формирования коллегии присяжных заседателей изучать личность кандидатов в присяжные заседатели [6, с. 4–11];

– предусмотреть меры ответственности присяжных заседателей за соблюдение ограничений и запретов, особенно в отношении общения с другими лицами в период судебного разбирательства [7, с. 23–28];

– повысить уровень обеспечения безопасности присяжных и их защиты [8, с. 37–40];

– обеспечить возможность участия присяжных заседателей в назначении судом меры уголовного наказания;

б) по совершенствованию порядка отправления правосудия с участием присяжных заседателей:

– отнести к подсудности суда присяжных не конкретные составы преступлений, а категории

преступлений в зависимости от тяжести наказания, к примеру тяжкие и особо тяжкие преступления [3, с. 101–113];

– при уменьшении количества присяжных заседателей в коллегии установить, что их вердикт принимается единогласно или квалифицированным большинством [3, с. 101–113];

– задавать присяжным один вопрос: виновен или невиновен подсудимый в совершении деяния, в котором он обвиняется;

– мотивировать решение суда с участием присяжных;

– расширить пределы осведомленности присяжных о существе предъявленного подсудимому обвинения (ознакомление с материалами дела, в частности с обвинительным заключением или с содержанием предъявленного обвинения до начала судебного разбирательства) [2, с. 37–40];

– наделить профессионального судью правом участвовать в совещательной комнате и голосовать вместе с присяжными [10, с. 19–22];

– предоставить присяжным заседателям возможность пользоваться при рассмотрении уголовного дела всеми процессуальными правами наравне со сторонами по делу: заявлять ходатайства, задавать напрямую вопросы подсудимому, исследовать все доказательства, характеризующие личность подсудимого [2, с. 37–40];

2. Предложения организационного характера:

– усилить уровень правового просвещения населения муниципальных образований по вопросам, связанным с формированием на местном уровне корпуса кандидатов в присяжные заседатели;

– повысить роль председательствующего судьи и значимость его разъяснений присяжным их прав и обязанностей, в том числе о возможных нарушениях ими предписаний закона, приводящих к отстранению присяжных от участия в рассмотрении дела, роспуску коллегии, отмене приговора;

– принять дополнительные меры по обеспечению подлинной состязательности сторон за счет повышения профессионализма и ответственности как государственных обвинителей, так и адвокатов.

Определенный интерес для подтверждения обоснованности указанных предложений вызывает и своеобразная законодательная практика применения рассматриваемой формы судопроизводства в государствах ближайшего зарубежья, в частности Грузии, Казахстане, Украине [11, с. 163–165].

Так, согласно УПК Грузии в качестве присяжных привлекаются граждане в возрасте от 18 до 70 лет, но и одновременно установлен запрет доступа в присяжные (наряду с конкретными лицами – следователями, полицейскими, военнослужащими, священнослужителями и др.) психологам, психиатрам, юристам. Также определен пошаговый выбор из 50 кандидатов в присяжные и предусмотрено изучение сторонами заранее заполненных

кандидатами анкет. Согласно ст. 266 УПК Грузии оправдательный приговор, постановленный на основании вердикта присяжных, не подлежит обжалованию, в то время как обвинительный приговор может быть однократно обжалован сторонами в кассационном порядке по процессуальным основаниям, прямо указанным в законе (если они подтвердятся, дело должно быть направлено на повторное рассмотрение судом присяжных), или в связи с неправильным назначением наказания.

По УПК Казахстана совещанием присяжных заседателей руководит профессиональный судья, который выносит на обсуждение вопросы, подлежащие разрешению, при необходимости дает присяжным разъяснения, проводит голосование и подсчитывает голоса. Ответы на основные три вопроса даются в письменной форме путем заполнения бюллетеней, которые собирает и подсчитывает судья. Судья принимает участие в голосовании наравне с присяжными. После решения вопросов факта судья самостоятельно квалифицирует действия подсудимого, а затем совместно с присяжными заседателями и уже путем открытого голосования решает вопросы, связанные с видом и размером наказания, с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств и др.

По законодательству Украины в судебном разбирательстве судьи и присяжные заседатели действуют в формате «единой скамьи» и совместно решают все вопросы, связанные с рассмотрением дела, кроме вопроса об избрании, отмене или изменении меры пресечения (ч. 3 ст. 383 УПК Украины). При постановлении приговора в совещании одновременно участвуют и судьи, и присяжные заседатели. Решения по всем вопросам принимаются простым большинством голосов путем открытого голосования.

Из перечисленных проблем и предложений, которые, безусловно, заслуживают внимания, следует, по нашему мнению, выделить наиболее значимые, в частности по вопросам, связанным с присяжными заседателями и носящим как организационный, так и процессуальный характер. Это, во-первых, как указано в постановлении Пленума Верховного суда РФ, вопросы, связанные с формированием в соответствии с требованиями закона коллегии присяжных заседателей, которая отвечала бы целям правосудия и была способна вынести соответствующий обстоятельствам дела непредвзятый вердикт. При этом необходимо принимать все меры для включения в коллегию присяжных заседателей объективных, добросовестных и здравомыслящих граждан, проживающих в определенной местности. Кроме того, следует не допустить тенденциозности состава такой коллегии, то есть случаев, когда при соблюдении положений закона о порядке ее формирования тем не менее имеются основания полагать, что образованная по кон-

кретному уголовному делу коллегия не способна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт (например, вследствие однородности состава коллегии присяжных заседателей с точки зрения возрастных, профессиональных, социальных и иных факторов) [12].

Для этого необходимо, на наш взгляд, реализовать в первую очередь такие меры, как повышение уровня правового просвещения населения, в том числе организовать учебу будущих присяжных заседателей. В полной мере это относится и к повышению профессиональной подготовки судей, прокуроров, адвокатов, непосредственно участвующих в формировании коллегии присяжных заседателей и судебном разбирательстве с их участием.

Во-вторых, это предложения о процессуальных мерах обеспечения формирования коллегии присяжных заседателей, способной вынести объективный и справедливый вердикт, и совершенствования порядка отправления правосудия судом с участием присяжных. По их существу необходимо отметить, что, несмотря на привлекательность и в большинстве своем очевидную полезность данных предложений, их реализация в ближайшей перспективе маловероятна по различным причинам. И прежде всего, по тем же причинам, с которыми связывается отсутствие в настоящее время разработанной научно-обоснованной (при активном участии ученых, общественности, институтов гражданского общества) уголовно-правовой политики [14, с. 99–100]. Среди них следует выделить отсутствие единства мнений о содержании стратегии развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, спонтанность и субъективизм в принятии законодательных решений, непринятие во внимание результатов научных исследований и правоприменительной практики и др.

С другой стороны, реализация ряда предложений (к примеру, о потребности мотивировать вердикт присяжных, наделить профессионального судью правом участвовать в совещательной комнате и голосовать вместе с присяжными заседателями, а также предоставить возможность присяжным заседателям участвовать в назначении судом меры уголовного наказания) будет свидетельствовать фактически о превращении суда с участием присяжных заседателей в суд с судебными (народными) заседателями. И тогда необходимо вести речь не об изменениях законодательства в рамках развития суда присяжных, а о введении в российское уголовное судопроизводство иной формы участия граждан в осуществлении правосудия – суда шэффенов [5, с. 85–91].

Как видно из последних законодательных изменений, законодателем избран другой путь, а именно совершенствование апробированной модели суда с участием присяжных заседателей. Исходя из

этого, на наш взгляд, в первую очередь требуется решить проблему о постановке вопросов присяжным заседателям.

Непрофессиональным судьям, которыми являются присяжные заседатели, зачастую трудно разобраться во всех вопросах, требующих не только житейского, но и определенного правового опыта, тем более когда их количество по отдельным уголовным делам исчисляется сотнями. В связи с этим, на наш взгляд, правильно отмечают отдельные ученые [3, с. 101–113] и практические работники [9, с. 20–23], что, очевидно, целесообразно перед присяжными вместо трех основных вопросов ставить только один: о виновности или невиновности подсудимого. Реализация этого предложения, несомненно, разрешила бы множество проблемных вопросов, возникающих в правоприменительной практике, связанной с отправлением правосудия судом с участием присяжных заседателей. Ведь общеизвестно, что повышение значимости данной формы уголовного судопроизводства связано с упрощением процедуры отправления правосудия, а наличие вопросных листов, которые изобилуют сложными формулировками, нередко создают условия для вынесения коллегией невнятного вердикта и тем самым подрывают авторитет суда с участием присяжных заседателей.

К изложенному следует добавить, что расширение суда с участием присяжных заседателей требует принятия и ряда организационно-технических, обеспечительных мер: наличие дополнительных помещений (залов, совещательных комнат, помещений для отдыха присяжных и др.), надлежащего финансирования, профессионально подготовленного кадрового состава аппарата районных и гарнизонных военных судов, современного технического обеспечения и т. д.

В связи с этим возникают обоснованные сомнения в полной готовности всех районных и гарнизонных военных судов к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей к установленному сроку (1 июня 2018 г.) и, соответственно, предположения о возможности изменения сроков реализации этими судами законодательных новелл о суде присяжных.

Примечания

¹ Сомнения в правильности такого законодательного решения высказывают защитники-адвокаты, которые полагают, что уменьшение числа заседателей в коллегиях будет способствовать росту количества обвинительных вердиктов, вынесенных коллегией присяжных заседателей.

² В октябре 2017 года Государственная Дума РФ одобрила в первом чтении законопроект, согласно которому суду с участием присяжных заседателей предоставлена возможность рассмотрения уголовных дел в отношении женщин и мужчин старше 65 лет.

³ По существу данного предложения следует учитывать, что в Конституции РФ (ст. 32) закреплено право, а не обязанность граждан участвовать в отправлении правосудия, что не только исключает их ответственность, но и вызывает потребность исключения из Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» понятия «гражданский долг», не предусмотренного в качестве такового Конституцией РФ [13, т. 9, с. 90].

Библиографический список

1. Багаутдинов Ф.Н., Беляев М.В. Подготовка к новому этапу развития суда присяжных в России // Российская юстиция. – 2017. – № 1. – С. 32–33.
2. Быков А.М. Каким быть суду с участием присяжных заседателей? // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 37–40.
3. Верещагин А.Н. О развитии суда присяжных в России // Закон. – 2017. – № 2. – С. 101–113.
4. Волков К.А. Общественное мнение о суде присяжных и перспективах его развития // Российский судья – 2017. – № 8. – С. 45–49.
5. Вилкова Т.Ю., Насонов С.А. Формы участия граждан в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие – 2016. – № 10. – С. 85–91.
6. Габов А.В., Хромова Н.М. Суд присяжных в России: новая реформа // Судья. – 2016. – № 5. – С. 4–11.
7. Гусева И.В. Проблемы несоблюдения присяжными заседателями уголовно-процессуального закона в ходе рассмотрения уголовных дел // Следственная практика. – 2017. – № 203. – С. 23–28.
8. Гурская С.Н. Направления развития правового института подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России // Российская юстиция. – 2016. – № 4. – С. 37–40.
9. Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ООО «Юридическая фирма Контакт». – 2017. – С. 99–100.
10. Интервью с начальником Главного уголовного-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ О.Т. Анкундиновым // Уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 20–23.
11. Качалова О.В. Перспективы реформирования суда присяжных в России // Российское правосудие. – 2015. – № 6. – С. 19–22.
12. Насонов С.А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Грузии (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6 (55). – С. 163–169.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 1.

14. Романова Ю.В. Основы конституционных прав граждан на обращение в суд и участие в отправлении правосудия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – Т. 9. – № 1. – С. 90.

15. Шутова Е.В. Реформирование института присяжных заседателей в России: достоинства и недостатки таких нововведений в отношении районных судов // Материалы Всероссийской конференции студентов, магистров и аспирантов, Воронеж, 21–22 апреля 2017 г. / гл. ред. А.Ю. Астафьев. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 150–152.

References

1. Bagautdinov F.N., Belyaev M.V. Podgotovka k novomu etapu razvitiya suda prisyazhnyh v Rossii // Rossijskaya yusticiya. – 2017. – № 1. – С. 32–33.
2. Bykov A.M. Kakim byt' sudu s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej? // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – № 5. – С. 37–40.
3. Vereshchagin A.N. O razvitii suda prisyazhnyh v Rossii // Zakon. – 2017. – № 2. – С. 101–113.
4. Volkov K.A. Obshchestvennoe mnenie o sude prisyazhnyh i perspektivah ego razvitiya // Rossijskij sud'ya – 2017. – № 8. – С. 45–49.
5. Vilkova T.YU., Nasonov S.A. Formy uchastiya grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve // Rossijskoe pravosudie – 2016. – № 10. – С. 85–91.
6. Gabov A.V., Hromova N.M. Sud prisyazhnyh v Rossii: novaya reforma // Sud'ya. – 2016. – № 5. – С. 4–11.
7. Guseva I.V. Problemy nesoblyudeniya prisyazhnyimi zasedatelyami ugovno-processual'nogo zakona v hode rassmotreniya ugovnyh del // Sledstvennaya praktika. – 2017. – № 203. – С. 23–28.
8. Gurskaya S.N. Napravleniya razvitiya pravovogo instituta podsudnosti ugovnyh del sudu s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej v ugovnom processe Rossii // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – № 4. – С. 37–40.
9. Zakonnost': teoriya i praktika: monografiya / отв. red. YU.A. Tihomirov, N.V. Subanova. – М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: ООО «YUridicheskaya firma Kontakt». – 2017. – С. 99–100.
10. Interv'yu s nachal'nikom Glavnogo ugovno-sudebnogo upravleniya General'noj prokuratury RF O.T. Ankundinovym // Ugovlovnij process. – 2016. – № 4. – С. 20–23.
11. Kachalova O.V. Perspektivy reformirovaniya suda prisyazhnyh v Rossii // Rossijskoe pravosudie. – 2015. – № 6. – С. 19–22.
12. Nasonov S.A. Evropejskie modeli proizvodstva v sude prisyazhnyh: sud prisyazhnyh v Gruzii (sravnitel'no-

pravovoe issledovanie) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 6 (55). – S. 163–169.

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.11.2005 № 23 «O primenenii sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reguliruyushchih sudoproizvodstvo s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2006. – № 1.

14. Romanova YU.V. Osnovy konstitucionnyh prav grazhdan na obrashchenie v sud i uchastie

v otpravlenii pravosudiya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2003. – T. 9. – № 1. – S. 90.

15. SHutova E.V. Reformirovanie instituta prisyazhnyh zasedatelej v Rossii: dostoinstva i nedostatki takih novovvedenij v otnoshenii rajonnyh sudov // Materialy Vserossijskoj konferencii studentov, magistrów i aspirantov, Voronezh, 21–22 aprelya 2017 g. / gl. red. A.YU. Astaf'ev. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2017. – S. 150–152.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЙОННЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье путем анализа действующего законодательства в части употребляемого понятийного аппарата исследован вопрос организации деятельности (работы) районных судов. Обращено внимание на недостатки законодательного регулирования в вопросе правовых основ организации деятельности (работы) районных судов в Российской Федерации. Выявлено непоследовательное употребление в законодательстве понятий «организация деятельности судов» и «организация работы судов». С учетом проведенного исследования и имеющихся научных положений, касающихся организации деятельности судов в Российской Федерации, предложена теоретическая модель организации деятельности районного суда, включающая три подсистемы: внешнефункциональную, внутрифункциональную и обеспечивающую (ресурсную). Подобная условная дифференциация должна помочь в рассмотрении вопроса о статусе районного суда среди судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: организация деятельности суда, организация работы суда, обеспечение деятельности суда, районный суд, аппарат суда, теоретическая модель организации деятельности районного суда, Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации.

Развитие и укрепление российской государственности применительно к судебной системе неминуемо связано с ее независимостью, самостоятельностью и эффективностью в защите прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Повышенное внимание общества к деятельности судов общей юрисдикции и, в частности, районного суда как их основного звена, куда гражданин обращается за судебной защитой, направлено не только на неукоснительное соблюдение судами в лице представляющих их судей правовых норм при осуществлении правосудия, но и на связанный с правосудием вопрос организации деятельности суда. Понятие «организация деятельности судов» используется не только в законодательстве, но и в науке, где рассматривается применительно к выбранной тематике, в частности, в диссертационных исследованиях [3, с. 123; 4 с. 89].

Вместе с тем организация деятельности районного суда как комплекс мероприятий по созданию оптимальных условий для осуществления районным судом правосудия, а также иных направлений деятельности не может являться сугубо теоретическим понятием и рассматриваться в отрыве от процессуальных аспектов деятельности районного суда. При этом вопросам организации деятельности районного суда, её теоретическим основам уделяется меньше внимания, нежели процессуальной деятельности. Организации деятельности судов, в том числе районных (как звена в системе судов общей юрисдикции Российской Федерации) посвящен ряд учебников, монографий [1; 2; 5; 6]. Использование же в законодательстве понятия «организация деятельности (работы) судов» позволяет приводить аргументацию в пользу необходимости продолжения исследования не только этого термина, но и его содержания.

Термины «организация деятельности судов», «организация деятельности районных судов» употребляются в Федеральном законе (далее ФЗ) от

08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», термин «организация деятельности» применительно к Верховному суду Российской Федерации – в Федеральном конституционном законе (далее ФКЗ) от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Другой термин – «организация работы суда» – употребляется в ФКЗ от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», в Законе РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Представляется необходимым всю деятельность районного суда рассмотреть с точки зрения ее организации и дифференциации в виде модели, а также соотнести деятельность (работу) районного суда с организационным обеспечением деятельности районных судов.

Однако до представления модели деятельности районного суда, что является теоретическим обоснованием этой деятельности, следует обратиться к законодательству, поскольку именно с него начинается рассмотрение содержания любого термина (понятия). В пункте «г» статьи 71 Конституции, не содержащей положений о районных судах, указано, что установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности относится к ведению Российской Федерации. Подобного регулирования, в том числе упоминания лишь о высших судах государства, вполне достаточно, чтобы предусмотреть положения о деятельности и организации районных судов на уровне закона. Применительно к районным судам в ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в части 3 статьи 21 «Районный суд», упоминается лишь о деятельности районного суда, которая устанавливается федеральным законом. Однако о какой именно деятельности идет речь, в законе не уточняется, равно как не говорится о необходимости ее организации. Поскольку деятельность районного суда как фе-

дерального органа судебной власти в конкретном судебном районе не отождествляется только с правосудием как процессуальной деятельностью, очевидно, речь идет и о деятельности, содержание которой связано со структурой районного суда, где помимо судейских должностей существует аппарат суда. В том же законе в части 2 статьи 30 говорится об обеспечении деятельности судов, в том числе районных, осуществляемом Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации. В статье 32 «Аппарат суда» указано, что аппарат суда (в Законе идет речь об аппарате любого суда, входящего в судебную систему Российской Федерации) осуществляет обеспечение работы суда, содержание которой в этом законе отсутствует. Поэтому обратим внимание, что аппарат районного суда обеспечивает работу суда, а, согласно части 1 статьи 31 Закона, Судебный департамент и входящие в его систему органы организационно обеспечивают деятельность судов (в том числе районных). Таким образом, данный судоустроительный Закон не содержит положений, которые бы раскрывали понятия «деятельности», «работы» и тем самым создавали основу теоретической модели деятельности районного суда.

При обращении к принятому через 14 лет ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» следует, что он не прибавил четкости в использовании анализируемого понятия («организация деятельности (работы) районного суда»). В статье 35 специальной главы 4 «Районный суд» Закона под разными пунктами появляются и употребляются применимые к нему понятия «работы» и «деятельность». Через закрепление в Законе функций председателя суда раскрывается содержание отдельных направлений деятельности районного суда, которые должен организовать председатель суда (организация работы по повышению квалификации судей, общее руководство деятельностью аппарата суда, организация работы по повышению квалификации работников аппарата суда). При этом организация работы районного суда (пункт 1, часть 1, статья 35 Закона) является функцией председателя и, далее, входит в полномочия заместителя (заместителей) председателя районного суда (часть 4, статья 35 Закона). Появляющийся в данном Законе термин «организация» применительно к работе районного суда и тут же упоминаемые «деятельность суда», «деятельность аппарата» не содержат указания на какие-либо закономерности в отношении употреблении этих понятий. В отличие от организации деятельности (работы) районного суда, содержанию понятия «организационное обеспечение деятельности суда общей юрисдикции» (включающего районные суды) отведена отдельная глава 5 данного Закона. В норме-дефиниции (часть 1, статья 37 Закона) приведено определение понятия «организационное обе-

спечение деятельности судов общей юрисдикции», под которым понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия (аналогичное определение содержится и в части 2 статьи 1 ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»). То есть организационное обеспечение деятельности районного суда предполагает мероприятия внешнего по отношению к районному суду характера, поскольку, согласно части 3 статьи 37 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», исключительная компетенция на их осуществление отведена Судебному департаменту. Аппарату же суда общей юрисдикции статья 38 данного Закона вменяет функции организационного обеспечения деятельности федерального суда общей юрисдикции (то есть конкретного суда, в составе которого имеется аппарат суда) по осуществлению правосудия. Содержание организационного обеспечения раскрыто через приведенные в статье 39 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» функции аппарата суда общей юрисдикции, который:

- 1) принимает и выдает документы;
- 2) удостоверяет копии судебных документов;
- 3) производит вручение документов, уведомлений и вызовов;
- 4) контролирует уплату пошлин и сборов;
- 5) осуществляет организационно-подготовительные действия в связи с назначением дел к слушанию;
- 6) оказывает помощь судьям в привлечении присяжных заседателей к осуществлению правосудия;
- 7) обеспечивает ведение протоколов судебных заседаний;
- 8) ведет учет движения дел и сроков их прохождения в суде;
- 9) обеспечивает обращение к исполнению судебных решений;
- 10) осуществляет хранение дел и документов;
- 11) участвует в обобщении данных судебной практики, ведет судебную статистику, информационно-справочную работу по законодательству Российской Федерации и иную работу;
- 12) осуществляет прием граждан.

Таким образом, применительно к аппарату суда можно говорить о внутреннем организационном обеспечении деятельности районного суда, что соотносится с деятельностью районного суда, обеспечивающей осуществление правосудия. Проводя же для представления модели деятельности районного суда различия между формулированием в законе содержания обеспечения деятельности судов (в том числе и районных) со стороны Судебного департамента (внешнего обеспечения) и аппарата суда (вну-

тренного обеспечения), обращает на себя внимание следующее. В отличие от аппарата суда в ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» перечисляются мероприятия, носящие общий характер (кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера), которые реализуются через полномочия Судебного департамента и его управлений в субъектах Российской Федерации, перечисленных в статьях 6, 14 данного Закона. Содержание же деятельности аппарата суда раскрыто в законе через перечисление вышеприведенных функций аппарата. Однако содержание функций аппарата связано с полномочиями Судебного департамента по тем же направлениям деятельности районного суда. Например, указанные в статьях 6, 14 ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» полномочия Судебного департамента и его Управлений по организации делопроизводства и работы архивов судов, выполнение работы по систематизации законодательства, непосредственно осуществляемой аппаратом суда, фактически указывают на «двойное» обеспечение со стороны Судебного департамента и аппарата суда.

Что же касается теоретического обеспечения при формулировании модели деятельности районного суда и ее элементов (направлений деятельности), которые требуют организации (упорядочивания, согласования), учитывается следующее. В современной науке организация деятельности суда представлена в виде двух составляющих: *организации процессуальной деятельности суда* (деятельности по отправлению правосудия, в том числе правовые основы процессуальной деятельности суда, включающие в себя работу судьи, помощника судьи, секретаря судебного заседания) и *организации обеспечительной деятельности суда и органов судейского сообщества* (деятельности по обеспечению правосудия, включающей правовые основы обеспечения правосудия: планирование, организацию делопроизводства, прием граждан, рассмотрение жалоб, исполнение судебных решений, учет, хранение, уничтожение вещественных доказательств, организацию работы по архивному делопроизводству в суде общей юрисдикции, организацию судебной статистики, изучение и обобщение судебной практики, организацию информатизации суда, использования информационных технологий в его деятельности, взаимодействие со СМИ, кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение судов общей юрисдикции) [1, с. 10]. В связи с этим представляется правильным мнение, что организация суда (судоустройство) и его деятельности (судопроизводство) должны выступать в единстве, взаимодействуя между собой и обуславливая друг друга [1, с. 17].

Кроме того, применительно к любому суду учеными делаются реализуемой в нем судебную деятель-

ность на подвиды: деятельность по осуществлению правосудия и организационно-вспомогательную деятельность по повышению качества правосудия [4, с. 163]. Действительно, значительная часть работы в судах направлена на организационное обеспечение качественного осуществления правосудия. К данным направлениям деятельности относятся мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия, для наиболее эффективного исполнения судьями и председателем суда своих процессуальных и организационных полномочий. При этом данные мероприятия, которые осуществляются как аппаратом суда, так и совместно аппаратом суда и Судебным департаментом, требуют организации, заключающейся в их упорядочивании, согласовании для достижения определенной результативности.

Однако если в осуществлении правосудия в районном суде участвуют судьи и работники аппарата, реализующие процессуальные функции (прежде всего секретари судебных заседаний), то в обеспечительной деятельности участвуют все сотрудники аппарата суда (помимо секретарей, помощников, специалистов, работников канцелярий, архивов), работа которых организуется председателем суда, а в ряде случаев и судьями.

Пытаясь в определенной мере связать всю эту деятельность, ученые-юристы так или иначе предлагают представить модель организации деятельности в суде через емкое определение этого понятия либо через деятельность председателя суда, который в соответствии с законом организует ее.

Как считает В.М. Бозров, деятельность председателя суда по организации работы суда направлена на создание состояния внутренней упорядоченности, согласованности в работе суда, нахождение наиболее подходящих средств для повышения эффективности работы, своевременности и качества рассмотрения и разрешения дел в суде, а организация деятельности суда предполагает принятие мер для соблюдения требований закона при рассмотрении судебных дел, создание нормальных и благоприятных условий для работы коллектива суда по осуществлению правосудия с учетом необходимости неукоснительного соблюдения законодательства о труде и статусе судей, поддержания здоровой морально-психологической обстановки в коллективе [1, с. 158]. Необходимо отметить, что формы проявления организации деятельности в районном суде зависят от лица, ее осуществляющего. Для председателя суда организующая деятельность проявляется в форме издания приказов или распоряжений, устных распоряжений, у судей – в форме устных распоряжений аппарату – секретарю судебного заседания и помощнику судьи, которые находятся по отношению к ним в организационном подчинении.

По мнению И.Ю. Носкова, содержание организации деятельности судов включает комплекс действий, реализуемых руководством суда по объединению усилий: а) судей, осуществляющих правосудие, б) их аппарата и аппарата суда, в) сотрудников суда, занимающихся материально-техническим обеспечением деятельности суда, г) лиц, участвующих в самом процессе рассмотрения дела. Этот комплекс действий направлен на повышение качества и эффективности осуществления судом его конституционного предназначения – осуществления правосудия [4, с. 90].

Разделяя утверждение, что организация деятельности суда, в том числе на уровне районного суда, – это комплекс действий, в который вовлечены председатель, судьи, работники аппарата суда (выполняющие процессуальные и непроцессуальные должностные функции), видится необходимым сформулировать модель деятельности районного суда, представляющую собой подход к ее упорядочиванию. Эту теоретическую модель можно представить в виде трех реально существующих в каждом районном суде подсистем. Подсистемы (элементы) охватывают всю осуществляемую районным судом деятельность.

Внешнефункциональная подсистема касается деятельности районного суда, реализующейся в осуществлении правосудия в различных его видах (уголовное, гражданское, административное) по подсудным районному суду делам и материалам, а также в реализации районным судом процессуальных полномочий (судебное санкционирование, разрешение жалоб на досудебном производстве). Организация деятельности в данной подсистеме заключается в создании условий для выполнения процессуальных действий в соответствии с порядком действующего судопроизводства (по его видам). Внешнефункциональная подсистема, выражая сущность судебной власти в виде реализации единственной функции суда – правосудия, не может полноценно существовать без внутрифункциональной и обеспечивающей (ресурсной) подсистем.

Внутрифункциональная подсистема предполагает деятельность, которой сопровождается осуществление районным судом правосудия и без которой невозможно достижение его эффективности. К ней относится аналитическая работа, обобщение судебной практики, работа с кадрами, распределение обязанностей, информационная деятельность, обеспечивающая открытость и доступность правосудия. Деятельность внутрифункциональной подсистемы организуется председателем районного суда.

Обеспечивающая (ресурсная) подсистема связана с деятельностью, к которой относятся вопросы обеспечения кадров, делопроизводства, архива, судебной статистики. Организация данной подсистемы в районном суде проявляется в выявлении и определении потребности районного суда

в ресурсах кадрового, материально-технического и иного характера, а также обеспечении районного суда этими ресурсами. Если внутрифункциональная подсистема является внутренним вопросом деятельности районного суда и существует за счет действий лиц, занимающих в районном суде судебские должности либо находящихся в аппарате этого суда, ресурсная подсистема представляет собой как действия аппарата районного суда, так и действия со стороны Судебного департамента по обеспечению районного суда необходимыми, как указано в законе, ресурсами организационного, кадрового, материально-технического характера для полного и независимого осуществления правосудия.

Внешнефункциональная подсистема существует исключительно за счет усилий (действий) судей, составляющих должностной состав суда, в то время как внутрифункциональная подсистема – за счет действий судей и аппарата этого районного суда. Необходимо отметить, что входящие во внутрифункциональную подсистему действия, например по обобщению судебной практики, судебная аналитика и действия по информационной открытости правосудия и обеспечению доступа к нему могут выполняться как судьями, так и работниками аппарата суда. Что же касается обеспечивающей (ресурсной) подсистем, то подобное обеспечение районного суда всеми необходимыми ресурсами реализуется за счет действий аппарата этого суда и Судебного департамента, его управлений в субъектах Российской Федерации.

Подобное представление о деятельности районного суда позволит учесть и следующее. Если внешнефункциональная подсистема является наиболее стабильной и неизменной, поскольку касается прежде всего осуществления районным судом правосудия, то содержание внутрифункциональной и обеспечивающей подсистем, входящих в них направлений (действий), требующих организации, могут изменяться под воздействием законодательства. Например, с вступлением в силу с 1.07.2010 года ФЗ от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», предусматривающего, согласно статье 9 Закона, что доступ к информации о деятельности судов обеспечивается в пределах своих полномочий судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества, внутрифункциональная подсистема пополнилась обязательными к выполнению действиями, связанными с необходимостью размещения текстов судебных актов в предусмотренном законом порядке, их деперсонализацией (обезличиванием), информационным наполнением сайтов районных судов. А на органы Судебного департамента закон возложил совершение действий (в пользу ресурсной подсистемы) обеспечивающего характера по созданию сайтов

районных судов и их информационно-технического обеспечения (функционирования).

Таким образом, поскольку процессуальные и непроцессуальные действия, осуществляемые в рамках названных подсистем, влекут совершение организационных действий, то организация деятельности районного суда представляет функционирование трех подсистем (внешнефункциональной, внутрифункциональной, обеспечивающей), которые создают условия для осуществления правосудия, а также для эффективного выполнения мероприятий (направлений), способствующих и сопровождающих осуществление правосудия.

Нормативные акты

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.01.2018).

О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997 (6 января). – № 1. – ст. 1.

О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации: федеральный закон // Собрание законодательства РФ. – 1998 (12 января). – № 2. – Ст. 223.

О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон // Собрание законодательства РФ. – 2014 (10 февраля). – № 6. – Ст. 550.

О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон // Собрание законодательства РФ. – 2011 (14 февраля). – № 7. – Ст. 898.

О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ // Российская газета. – 1992 (29 июля). – № 170.

Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: феде-

ральный закон // Российская газета. – 2008 (26 декабря). – № 265.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. проф. В.М. Бозрова. – М.: Проспект, 2017. – 568 с.

2. *Кашепов В.П.* Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: монография. – 2016. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Лукоянов Д.Н.* Правовой статус председателя районного суда как организатора эффективного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

4. *Носков И.Ю.* Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

5. Организация деятельности судов: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2007. – 624 с.

6. Организация деятельности судов: курс лекций / отв. редактор Н.А. Петухов. – М.: Норма, 2005. – 448 с.

References

1. Aktual'nye problemy deyatelnosti sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii: uchebnik / pod red. prof. V.M. Bozrova. – М.: Prospekt, 2017. – 568 s.

2. *Kashepov V.P.* Organizaciya i deyatelnost' sudov obshchej yurisdikcii: novelty i perspektivy: monografiya. – 2016. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

3. *Lukoyanov D.N.* Pravovoj status predsedatelya rajonnogo suda kak organizatora ehffektivnogo pravosudiya: dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 2011.

4. *Noskov I.YU.* Sudebnaya deyatelnost': ponyatie, vidy, osnovnye harakteristiki: dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 2016.

5. Organizaciya deyatelnosti sudov: uchebnik / pod obshch. red. V.M. Lebedeva. – М.: Norma, 2007. – 624 s.

6. Organizaciya deyatelnosti sudov: kurs lekcij / otv. redaktor N.A. Petuhov. – М.: Norma, 2005. – 448 s.

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДА, ПРОКУРАТУРЫ И АДВОКАТУРЫ

Автор статьи ставит перед собой задачу выявления и анализа основной цели взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры в сфере уголовной юстиции. В ходе исследования делаются выводы об отсутствии четкого разграничения задач судебной власти как ветви государственной власти с учетом ее конституционно-правового предназначения, а также о необходимости постановки перед ней не только задач, связанных с осуществлением правосудия, но и тех, которые должны разрешаться во взаимодействии с другими правоохранительными институтами (прокуратурой, полицией, адвокатурой и др.)

Автор приходит к выводу о том, что пересечение целей и задач суда, прокуратуры и адвокатуры в первую очередь лежит в плоскости защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Однако эффективное выполнение правозащитных функций возможно лишь при условии создания максимально приближенных организационных условий их функционирования (социального и пенсионного обеспечения, установления ставок оплаты труда адвоката при оказании профессиональной юридической помощи на бесплатной основе в соответствии с принятыми в государстве ставками оплаты труда работников правоохранительных органов соответствующего уровня и др.).

Ключевые слова: суд, правосудие, адвокатура, прокуратура, судебное право, правовая защита, правоохранительные органы.

Целью судебной власти как ветви государственной власти является защита правовых ценностей человека, государства и общества посредством осуществления правосудия [25]. Схожие цели по обеспечению верховенства закона и защите прав и свобод человека и гражданина, общества и государства стоят перед прокуратурой (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») и адвокатурой (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Это не удивительно, ведь в широком смысле суд, прокуратура и адвокатура входят в систему уголовной юстиции [11, с. 218; 19, с. 12, 24; 20, с. 8; 23, с. 12, 18; 27, с. 55; 29, с. 36]. В связи с этим в рамках данной работы важным является выделение и анализ основной цели, объединяющей перечисленные правовые институты в сфере уголовной юстиции.

В Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», регулирующем полномочия, порядок организации и деятельности судебных органов, в ряде случаев лишь закреплены задачи судов определенной юрисдикции. В то же время на страницах специализированной юридической литературы по данному вопросу ведется полемика. Одни ученые считают, что перед судебной властью как ветвью государственной власти стоят задачи по реализации судебной функции, в результате которой в установленной законом процессуальной форме осуществляется правоохранительная деятельность государства, а также защита прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов физических и юридических лиц [17, с. 42]. Другие полагают, что основной целью судебной власти всегда было, есть и будет устранение правового конфликта [7, с. 19]. Третьи

считают, что главным ее назначением является разрешение политических, социальных, экономических и прочих конфликтов [13, с. 32].

Проанализировав мнения ученых, приходим к промежуточным выводам о том, что основной целью функционирования судебной власти является обеспечение защиты гарантированных Конституцией и законом прав и свобод физических и юридических лиц, интересов общества и государства. Эта цель реализуется посредством постановки и выполнения следующих основных задач: своевременное и квалифицированное рассмотрение и разрешение судебных дел; укрепление законности и правопорядка; предупреждение преступлений и иных правонарушений.

При этом лишь первая из указанных задач является специфической задачей суда как органа государственной власти. Остальные задачи с ней органически взаимосвязаны, однако одновременно они являются задачами и других правоохранительных институций. Это связано с тем, что в Российской Федерации судебные органы длительный период времени рассматривались как важнейший элемент системы противодействия преступности.

Действительно, в царской России судебная власть была зависима от административной и исполнительной власти, судами активно реализовывалась теория формальной оценки доказательств, а уголовное правосудие можно было охарактеризовать как смешанный следственно-состязательный процесс [14, с. 21]. Советское законодательство также позволяло администрации и органам, координирующим борьбу с преступностью, видеть суд в числе органов, призванных пресекать преступления и изобличать преступника, то есть с оперативным и следственным аппаратом, аппаратом прокурорского надзора [2].

Как результат, сегодня наблюдается отсутствие четкого перечня задач судебной власти как ветви государственной власти с учетом ее конституционно-правового предназначения. Более того, происходит формулирование ее целей без учета самостоятельности и независимости судов, постановка перед ней не только задач, связанных с осуществлением правосудия, но и тех, которые должны разрешаться во взаимодействии с другими правоохранительными институтами (прокуратурой, полицией, адвокатурой и др.) [25]. Например, в целом к задачам судебных и правоохранительных органов относится охрана закрепленного Основным Законом Российской Федерации общественного строя государства, его суверенитета и государственной целостности, экономической и политической системы, укрепление законности и правопорядка [18, с. 15; 24, с. 54].

Тем не менее основные тенденции развития судебных и правоохранительных органов насквозь пронизаны идеей состязательности сторон в судебном процессе, в основе которой лежит принцип независимости суда. В силу этого современный законодатель критически переосмыслил задачи судопроизводства, осознав необходимость переориентации суда с репрессивного на правозащитный орган. В этой связи И.В. Валиев отмечает, и мы с ним абсолютно согласны, что противопоставлять борьбу с преступностью защите общества от преступлений методологически неправильно, так как это не что иное, чем путь разрушения системы борьбы с преступностью и системы органов правоохраны [3].

Развитие же их взаимодействия мы видим в том, чтобы обеспечить не противопоставление и соперничество данных институций (в первую очередь суда, прокуратуры и адвокатуры), а плодотворное многоаспектное сотрудничество, основой которого, на наш взгляд, является реализация правозащитной функции каждой из них. Ведь даже самые ярые противники причисления судов к правоохранительным органам [1; 4, с. 37; 22, с. 81] не смогут поспорить с тем, что судебная власть не способна в одиночку, без опоры на правоохранительную систему в узком смысле, обеспечивать верховенство права и закона, защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

К слову, наличие у прокуратуры правозащитной функции ни на законодательном уровне, ни в кругах ученых-правоведов сомнений не вызывает. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» данный правовой институт является защитником интересов и прав граждан в тех случаях, когда в силу различных причин самостоятельно они не могут восстановить нарушенные права или обратиться в суд.

Более того, значительное количество приговоров подлежат отмене вышестоящими судами по

инициативе государственных обвинителей, а активное участие прокурора в процессе доказывания предотвращает многие судебные ошибки и нарушения законности [2]. Таким образом, прокуратура является важнейшей частью механизма, обеспечивающего подчинение суда закону, урегулированного нормами процессуального законодательства, однако лежащего вне судебной системы.

Другой, не менее важной частью данного механизма является адвокатура. Так, согласно ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» правовая помощь оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в целях защиты прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, а также обеспечения доступа к правосудию.

В этой связи один из ярких представителей адвокатского сообщества России П.П. Астахов отметил, что предназначение адвоката – непримиримая борьба с несправедливостью [21, с. 32]. Защита при осуществлении правосудия и стремление к справедливому исходу любого дела, будь то судебное разбирательство или юридическое сопровождение сделки в коммерческой фирме, – вот те основные ориентиры в адвокатской деятельности, которые присущи вообще всем адвокатам мира [30, с. 54]. Таким образом, не вызывает сомнений наличие прямой связи между уровнем законности и эффективностью выполнения адвокатурой правозащитной функции.

Однако развитие взаимодействия между судом и адвокатурой в сфере реализации их правозащитных функций в нашей стране сопряжено с рядом исторически сложившихся негативных факторов. Один из них – противостояние адвокатуры государственной власти, которое является неизбежным явлением во все времена и при любом политическом строе. Ибо чем больше попираются в государстве права и свободы человека и гражданина, тем враждебнее и нетерпимее будут взаимоотношения адвокатуры как стража справедливости, правды и права и органов государственной власти. В обоснование этих слов приведем высказывания известных российских государей о профессиональной правозащитной корпорации. «Я хочу, – говорил Наполеон I, – чтобы можно было отрезать язык всякому адвокату, который употребил бы его против правительства» [8, с. 26–27]. Николай I придерживался той же позиции: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты. Проживем и без них» [30, с. 45].

Другой (также исторически обусловленный) фактор кроется в негативном отношении к представителям адвокатского сообщества, сформиро-

вавшегося еще в царской России, которое было обусловлено особенностями приемов деятельности стряпчих (защитников, представителей сторон) в судебном процессе. «В обществе и между правительственными лицами распространено убеждение, очень верное и вполне основательное, что одна из причин бедственного положения нашего судопроизводства заключается в том, что лица, имеющие хождение по делам, люди большей частью очень сомнительной нравственности, не имеющие по большей части никаких сведений – ни юридических, ни практических», – отмечали современники [30, с. 47]. Да и сегодня все еще находятся отдельные адвокаты, своим непрофессионализмом и низкими моральными качествами понижающие авторитет всего адвокатского сообщества [15, с. 75]. Однако такие представители профессии подвергаются резкой критике как вовне, так и внутри корпорации [10, с. 134; 6, с. 51].

Третьим фактором является длительное нахождение адвокатуры советского периода под контролем государственных органов власти, что также не способствовало повышению уровня доверия граждан и эффективности оказываемой представителями профессии правовой помощи, ведь взаимодействие адвокатуры и суда в России исторически складывались как отношения подчинения адвокатуры государственным судебным органам [11, с. 14, 43; 28, с. 83; 5, с. 21–27].

Тем не менее, пройдя через столько преград, адвокатура Российской Федерации обрела свободу и независимость, получила действенные процессуальные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Более того, в любом демократическом государстве мира функционирование сильной независимой правозащитной корпорации сегодня является обязательным условием обеспечения цивилизованного правосудия.

Подводя итоги вышесказанному, подчеркнем, что, с одной стороны, длительный период времени цели и задачи суда, прокуратуры и адвокатуры России в сфере уголовного судопроизводства были обусловлены политической волей правящей элиты и тесно переплетены, при этом указанные институции фактически находились под строгим контролем государственной власти. С течением времени они обрели более совершенную организационную структуру и независимость, но стали максимально удалены (на законодательном уровне) друг от друга. В связи с этим рассматриваемые нами вопросы взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры – это не дань современному реформаторству. Напротив, мы призываем юридическую общественность углубиться в историю развития уголовной юстиции и сконцентрировать свое внимание на забытой в последнее время теории судебного права, обосновывающей единство целей и задач суда, прокуратуры и адвокатуры, целостности механиз-

мов правосудия. Отголоски этой теории слышны и сегодня – не только в трудах ученых, но и на самом высоком законодательном уровне. Так, Конституция Российской Федерации содержит главу 7 «Судебная власть и прокуратура», объединяющую конституционные основы деятельности суда и прокуратуры, а ст. 48 Основного Закона устанавливает, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи», «задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления предоставляется право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания». Последнее вовсе не повод рассматривать взаимодействие суда, прокуратуры и адвокатуры исключительно через призму противодействия преступности и обеспечения правопорядка в государстве. Напротив, пересечение их целей и задач в первую очередь лежит в плоскости защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. С целью осуществления правозащитных функций законодатель предоставил суду, прокуратуре и адвокату все необходимые процессуальные полномочия. Однако эффективная реализация основной цели их взаимодействия – защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства, на наш взгляд, возможна лишь при условии создания законодателем максимально приближенных организационных условий функционирования данных правовых институтов. Так, не могут одинаково качественно выполнять свои профессиональные обязанности две стороны судебного процесса, имеющие неравнозначные условия оплаты труда (к примеру, заработная плата прокурора значительно выше размера компенсации государством затрат труда адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи на безоплатной основе), социального и пенсионного обеспечения (положения Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», касающиеся социальных гарантий адвокатской профессии, носят, как правило, декларативный характер) и т. д.

Более того, рассматриваемые правовые институты призваны действовать как система процессуальных сдержек и противовесов в сфере уголовной юстиции. Поэтому, несмотря на независимость суда от прокуратуры и адвокатуры, законодатель выстроил систему правосудия так, чтобы суд не был лишен внешней профессиональной оппозиции и внешнего контроля. «Необходимость выстраивания судебно-правовой политики, – отмечает профессор А.В. Малько, – диктуется проблемами, прочно “прописавшимися” в судебной жизни общества: низкий процент доверия к суду со стороны субъектов права, коррупция, принятие решений, не соответствующих здравому смыслу, закону, высокая степень неисполнения судебных решений, “боязнь” принятия судебного реше-

ния, основанного на законе (но не поддержанного высшими судебными органами) и т. п.» [16, с. 4]. В этой связи противостественным и даже вредным является ситуация, когда один элемент указанной системы сдержек и противовесов в сфере уголовной юстиции зависит от другого в вопросах присвоения профессионального статуса и привлечения к юридической ответственности (например, участие судей в работе квалификационных комиссий адвокатов). Однако это уже тема для совершенно иной дискуссии об организационно-правовых началах взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры, которую предлагаем продолжить на страницах научных изданий.

Библиографический список

1. *Алексушин Г.В.* История правоохранительных органов. – Самара: Изд-во АНО «ИА ВВС», АНО «Петроспектива», 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/202825#cite_note-1 (дата обращения: 18.07.2017).
2. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sale/pravoohranitelnyie-organyisudebnyie/realizatsiya-pravozaschitnoy-funktsii-suda-49407.html> (дата обращения: 18.07.2017).
3. *Валиев И.В.* Концепция развития органов прокуратуры в современных условиях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pr-j.ru/gosudarstvo-i-pravo/koncersiya-razvitiya-organov-prokuratury-v.html> (дата обращения: 18.07.2017).
4. *Вандышев В.В.* Суд и правоохранительные органы России. – СПб.: ЮИ МВД России, 1994. – 93 с.
5. *Гинзбург Г.А., Поляк А.Г., Самсонов В.А.* Советский адвокат. – М.: Юридическая литература, 1968. – 200 с.
6. *Гоменс К.* Професійна поведінка адвокатів: дисциплінарна практика асоціацій адвокатів і контроль за наданням правової допомоги // Адвокат. – 1999. – № 4. – С. 51–52.
7. *Дегтярев С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 51 с.
8. История русской адвокатуры. Т. 1: Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. / И.В. Гессен. – М.: Изд-во Советов присяж. повер., 1914. – 672 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=15909> (дата обращения: 18.07.2017).
9. *Кашепов В.П.* О теории судебной власти, судебных реформах и проблемах развития судебной системы. – М.: Юриспруденция, 2010. – 22 с.
10. *Коваленко Т.С.* Проблеми юридичної відповідальності адвокатів у сфері професійної діяльності // Вісник ЛДУВС. – 2006. – № 1. – С. 133–140.
11. *Коваленко Т.С.* Дисциплінарна відповідальність адвокатів: дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2010. – 243 с.
12. *Коваленко Т.С.* Органы юстиции (правосудия): старые проблемы – новые подходы // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 217–221.
13. *Колоколов Н.А.* Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 52 с.
14. *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1984 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 240 с.
15. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sale/ugolovnoe-pravo-rossii/prestupleniyagranichaschies-amoralnyimi-87490.html> (дата обращения: 18.07.2017).
16. *Малько А.В.* Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / учеб. пособие. – М.: Проспект, 2016. – 670 с.
17. *Переплеснина Е.М.* Судебная власть и правосудие в конституционно-правовой системе современной России // Российская юстиция. – 2012. – № 5. – С. 40–43.
18. Правоохранительные и судебные органы России: учебник / под ред. Н.А. Петухова, А.С. Мамыкина. – М.: РГУП, 2015. – 676 с.
19. *Придущий С.В.* Судове право // Юридична енциклопедія: в 6 т. / голова редкол. Ю.С. Шемшученко та ін. – К.: Укр. енцикл., 2003. – Т. 5: П–С. – 707 с.
20. Проблемы судебного права / А.А. Мельников, Н.Н. Полянский, В.М. Савицкий, М.С. Строгович; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
21. Российская адвокатура на рубеже веков / сост. А. Крохмалюк. – М.: Домашний адвокат, 2001. – 256 с.
22. *Сахаров А.Б.* Правоохранительная деятельность и преступность // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 79–85.
23. Судебное право / Э.М. Мурадян. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 575 с.
24. Судебные и правоохранительные органы Украины: учебник / под ред. проф. А.М. Бандурки. – Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999. – 350 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zinref.ru/000_uchebniki/04000pravo_ukraini/001_01_sudebnie_i_pravohranitelnie_organ_ukraini_bandaruka_1999/002.htm (дата обращения: 18.07.2017).
25. *Умнова И.А., Алешкова И.А., Власова Т.В.* Цель и задачи судебной власти как ветви государ-

ственной власти: современное понимание // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?id=1971&Itemid=118&option=com_content&view=article (дата обращения: 18.07.2017).

26. Учреждение судебных установлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения: 18.07.2017).

27. Федькович О. Інтеграційна функція органів юстиції у справі формування основних юридичних професій в Україні // Право України. – 2005. – № 9. – С. 53–56.

28. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство: Происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917–1939. – М.: Институт государства и права РАН, 1993. – 184 с.

29. Шевчук С.В. Судова правотворчість. – К.: Реферат, 2007. – 640 с.

30. Яртых И.С. Адвокатура и власть. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. – 176 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=15909> (дата обращения: 18.07.2017).

References

1. Aleksushin G.V. Istoriya pravoohranitel'nyh organov. – Samara: Izd-vo ANO «IA VVS», ANO «Retrospektiva», 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/202825#cite_note-1 (дата обращения: 18.07.2017).

2. Bojkov A.D. Tret'ya vlast' v Rossii. Ocherki o pravosudii, zakonnosti i sudebnoj reforme 1990–1996 gg. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sale/pravoohranitelnyie-organy-i-sudebnyie/realizatsiya-pravozaschitnoy-funktsii-suda-49407.html> (дата обращения: 18.07.2017).

3. Valiev I.V. Konceptsiya razvitiya organov prokuratury v sovremennyh usloviyah. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pr-j.ru/gosudarstvo-i-pravo/konceptsiya-razvitiya-organov-prokuratury-v.html> (дата обращения: 18.07.2017).

4. Vandyshev V.V. Sud i pravoohranitel'nye organy Rossii. – SPb.: YUI MVD Rossii, 1994. – 93 s.

5. Ginzburg G.A., Polyak A.G., Samsonov V.A. Sovetskij advokat. – М.: YUridicheskaya literatura, 1968. – 200 s.

6. Gomens K. Profesiynna povedinka advokativ: disciplinarna praktika asociacij advokativ i kontrol' za nadanniyam pravovoi dopomogi // Advokat. – 1999. – № 4. – С. 51–52.

7. Degtyarev S.L. Realizatsiya sudebnoj vlasti v grazhdanskom sudoproizvodstve (teoretiko-prikladnye problemy): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2008. – 51 s.

8. Istoriya russkoj advokatury. T. 1: Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo, 1864–1914 gg. /

I.V. Gessen. – М.: Izd-vo Sovetov prisyazh. pover., 1914. – 672 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=15909> (дата обращения: 18.07.2017).

9. Kashepov V.P. O teorii sudebnoj vlasti, sudebnyh reformah i problemah razvitiya sudebnoj sistemy. – М.: YUrisprudenciya, 2010. – 22 s.

10. Kovalenko T.S. Problemi yuridichnoi vidpovidal'nosti advokativ u sferi profesijnoi diyal'nosti // Visnik LDUVS. – 2006. – № 1. – С. 133–140.

11. Kovalenko T.S. Disciplinarna vidpovidal'nist' advokativ: dis. ...kand. yurid. nauk. – К., 2010. – 243 с.

12. Kovalenko T.S. Organy yusticii (pravosudiya): starye problemy – novye podhody // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3. – С. 217–221.

13. Kolokolov N.A. Sudebnaya vlast' kak obshcheppravovoj fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2006. – 52 s.

14. Korotkih M.G. Sudebnaya reforma 1984 goda v Rossii (sushchnost' i social'no-pravovoj mekhanizm formirovaniya). – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1994. – 240 s.

15. Kuznecova N.F. Problemy kvalifikacii prestuplenij: lekciy po spekursu / nauch. red. i predisl. V.N. Kudryavceva. – М.: Gorodec, 2007. – 336 s. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sale/ugolovnoe-pravo-rossii/prestupleniya-granichaschies-amoralnymi-87490.html> (дата обращения: 18.07.2017).

16. Mal'ko A.V. Pravovaya zhizn' obshchestva: problemy teorii i praktiki / ucheb. posobie. – М.: Prospekt, 2016. – 670 s.

17. Pereplesnina E.M. Sudebnaya vlast' i pravosudie v konstitucionno-pravovoj sisteme sovremennoj Rossii // Rossijskaya yusticiya. – 2012. – № 5. – С. 40–43.

18. Pravoohranitel'nye i sudebnye organy Rossii: uchebnik / pod red. N.A. Petuhova, A.S. Mamykina. – М.: RGUP, 2015. – 676 s.

19. Priluc'kij S.V. Sudove pravo // YUridichna enciklopediya: v 6 t. / golova redkol. YU.S. SHemshuchenko ta in. – К.: Ukr. encikl., 2003. – Т. 5: P–S. – 707 s.

20. Problemy sudebnogo prava / A.A. Mel'nikov, N.N. Polyanskij, V.M. Savickij, M.S. Strogovich; pod red. V.M. Savickogo. – М.: Nauka, 1983. – 224 с.

21. Rossijskaya advokatura na rubezhe vekov / sost. A. Krohmalyuk. – М.: Domashnij advokat, 2001. – 256 с.

22. Saharov A.B. Pravoohranitel'naya deyatelnost' i prestupnost' // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1986. – № 1. – С. 79–85.

23. Sudebnoe pravo / E.H.M. Murad'yan. – SPb.: YUrid. centr Press, 2007. – 575 с.

24. Sudebnye i pravoohranitel'nye organy Ukrainy: uchebnik / pod red. prof. A.M. Bandurki. – Har'kov: Un-t vnutr. del, 1999. – 350 s. [Электронный

resurs]. – Rezhim dostupa: http://zinref.ru/000_uchebniki/04000pravo_ukraini/001_01_sudebnie_i_pravohranitelnie_organ_i_ukraini_bandaruka_1999/002.htm (data obrashcheniya: 18.07.2017).

25. Umnova I.A., Aleshkova I.A., Vlasova T.V. Cel' i zadachi sudebnoj vlasti kak vetvi gosudarstvennoj vlasti: sovremennoe ponimanie // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.journal-nio.com/index.php?id=1971&Itemid=118&option=com_content&view=article (data obrashcheniya: 18.07.2017).

26. Uchrezhdenie sudebnyh ustanovlenij. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (data obrashcheniya: 18.07.2017).

27. Fed'kovich O. I ntegracijna funkciya organivyusticii u spravi formuvannya osnovnih yuridichnih profesij v Ukraïni // Pravo Ukraïni. – 2005. – № 9. – S. 53–56.

28. Haski YU. Rossijskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo: Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoj advokatury, 1917–1939. – M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1993. – 184 s.

29. SHEvchuk S.V. Sudova pravotvorchist'. – K.: Referat, 2007. – 640 s.

30. YArtyh I.S. Advokatura i vlast'. – M.: Izd-vo «YUrlitinform», 2003. – 176 s. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=15909> (data obrashcheniya: 18.07.2017).

Аминев Фарит Гизарович

доктор юридических наук, профессор
Башкирский государственный университет, г. Уфа,
исполнительный директор ООО «Урало-Поволжское объединение судебных экспертов», г. Уфа
faminev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассмотрены формы и способы защиты предпринимательской деятельности, приведена их государственная классификация. Указаны условия внедрения современных инновационных технологий в совершенствование правовых отношений. Даны авторские определения понятий «специальные знания», «судебная экспертиза», предложена классификация видов непроцессуальной и процессуальной форм использования специальных знаний. Обозначена проблема о дополнении перечня лиц, имеющих право назначать судебные экспертизы, представителем интересов стороны защиты. Обоснованы предложения по изменению процессуального законодательства Российской Федерации. Разработаны положения о судебной правовой экспертизе при защите прав предпринимателей, обозначены задачи, объекты данного вида судебных экспертиз. Рассмотрены вопросы производства судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных организациях. Предложены рекомендации по улучшению качества судебных экспертиз, касающихся защиты прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: специальные знания, судебно-экспертная организация, предприниматель, предпринимательская деятельность, судебная экспертиза, эксперт, правовая экспертиза.

Остающаяся сложной ситуация в постоянно меняющейся законодательной регламентации предпринимательской деятельности России, в сфере экономики в целом обуславливают повышенное внимание к защите прав и законных интересов участников предпринимательской деятельности. И граждане Российской Федерации, осуществляющие предпринимательскую деятельность на законных основаниях, должны быть уверены в том, что, согласно ст. 34 Конституции Российской Федерации, являющееся конституционным право на предпринимательскую деятельность будет охраняться. Соответственно, в соответствии со ст. 46 Конституции, предпринимателю, как и каждому гражданину РФ, гарантирована судебная защита его прав и свобод.

Как известно, существует официальная государственная классификация средств и способов защиты предпринимательской деятельности, это:

– материально-правовые способы защиты предпринимательских прав (пресекательные, восстановительные, штрафные);

– процессуальные способы защиты (издание актов, устанавливающих или подтверждающих права и юридически значимые факты, восстанавливающих нарушенные законные интересы предпринимателей);

– самозащита.

Кроме того, в предпринимательском праве разработана и классификация форм защиты этого права, которые разделены на судебные и внесудебные формы защиты прав предпринимателей [11, с. 239–240].

Вышеперечисленные формы защиты прав тесно взаимосвязаны. И это вполне объяснимо. Продолжающееся реформирование законодательства в сфере предпринимательства в Российской Федерации имеет целью совершенствование правовых

отношений и глубоко отражается в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве. Указанный процесс проводится в условиях внедрения в повседневную жизнь современных научно-технических средств и инновационных технологий. Поэтому особое значение в защите прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, придается использованию специальных знаний как в судебной, так и во внесудебной форме. Для более эффективного использования специальных знаний в этом направлении требуется решить ряд научно-методических и организационных проблем.

Так, необходимо выработать единые определения основных понятий. Например, отсутствие единообразного понимания термина «непосредственное обнаружение признаков преступления» в сочетании с лаконичной законодательной формулировкой, указывающей на личное наблюдение должностным лицом тех или иных действий, имеющих признаки преступления, приводит к так называемому логическому парадоксу, когда непосредственное обнаружение признаков преступления сочетается с фактической невозможностью личного разрешения данным должностным лицом этой ситуации в пределах уголовного судопроизводства, так как должностное лицо фактически становится очевидцем события, и в случае возбуждения уголовного дела будет подлежать допросу в качестве свидетеля [5, с. 33–34].

Представляется необходимым прийти к единообразному пониманию и такого системообразующего понятия, как специальные знания. Не вдаваясь в дискуссии относительно различных позиций ученых, отметим ряд значимых признаков специальных знаний:

1) необыденные (не общеизвестные) знания;

2) полученные в результате специального образования или на основе практического опыта работы;

3) определенная узкая область (отрасль) знания (как результат усилившейся дифференциации знаний).

Поэтому предлагаем следующее определение: специальные знания – система знаний в узкопрофильной области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате соответствующего специального образования и профессионального опыта работы, необходимых для решения вопросов, возникших в ходе судопроизводства, а также при проверке сообщения о преступлении.

Как известно, специальные знания в правоохранительной деятельности применяются в процессуальной и непроцессуальной формах. Видами непроцессуальной формы использования специальных знаний являются:

- предварительное исследование объектов;
- криминалистическая регистрация;
- проведение аудиторских проверок;
- составление субъективных портретов;
- участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях;
- консультирование и справки, проведенные специалистом вне процесса и т.д.

Из вышеперечисленных видов использования специальных знаний в непроцессуальной форме отдельного рассмотрения требует применение специальных знаний в оперативно-розыскных мероприятиях. Так, считается, что основной целью использования специальных знаний в процессе выявления преступлений является именно формирование первоначально так называемых сыскных доказательств (оперативно-значимых данных) в оперативно-розыскной деятельности [8, с. 25] (впоследствии – формирование системы уголовно-процессуальных доказательств). Так, например, в ходе обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности с использованием научно-технических средств может быть получена криминалистически значимая информация о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении [9, с. 91]. Вместе с тем, следует отметить, что вопросы использования специальных знаний непроцессуальной формы в целях защиты прав и интересов лиц, участвующих в предпринимательской деятельности, все еще недостаточно исследованы и ждут своей разработки.

Наиболее полно, хотя и не без остающихся нерешенными проблем, изучены вопросы использования специальных знаний в процессуальной форме:

- производство судебной экспертизы;
- привлечение специальных знаний (непосредственно и опосредованно) в производство следственных и судебных действий;
- использование специальных знаний при составлении протоколов об административных правонарушениях;

– заключение и консультация (ст. 58, 168 УПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, ст. 55¹, 87¹ АПК РФ, ст. 50, 169 КАС РФ; ст. 25.5 КоАП РФ) специалиста.

Самым распространенным и значимым видом использования специальных знаний в процессуальной форме в вопросах, возникающих при защите прав и интересов предпринимателей в судопроизводстве, является судебная экспертиза. Сущность судебной экспертизы состоит в проведении исследования лицом, обладающим специальными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении [2, с. 216].

О судебной экспертизе в последние годы изданы труды ряда ученых: Т.В. Аверьяновой [1], Е.И. Галяшиной [6], А.М. Зинина [10], Ю.Г. Корухова [12], Н.П. Майлис [13], Е.Р. Россинской [14], С.А. Смирновой [15] и др. Не вдаваясь в анализ всех существующих в судебно-экспертной деятельности проблем (о которых автором подробно написано в диссертационном исследовании [3]), остановимся на тех из них, которые наиболее тесно связаны с защитой прав и интересов граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Так, об одной из проблем, которую необходимо было решить еще в начале XXI века, писал Р.С. Белкин: он считал необходимым внести в процессуальное законодательство положение – «защитнику должно быть предоставлено право назначать и дополнительную, и повторную экспертизы и в тех случаях, когда экспертиза назначена органом расследования» [4, с. 619]. Мы полагаем, что в ходе расследования преступлений, а тем более при проверке сообщения о преступлении в сфере предпринимательской деятельности, учитывая часто меняющееся процессуальное законодательство, следует изменить и перечень лиц, имеющих право назначать судебные экспертизы, вплоть до предоставления такого права стороне защиты.

В целях повышения качества судебных экспертиз и уменьшения сроков их проведения следует внести в процессуальное законодательство Российской Федерации (в ч. 3 ст. 57 УПК РФ, ч. 3 ст. 85 ГПК РФ, ч. 3 ст. 55 АПК РФ, ч. 13 ст. 49 КАС РФ) дополнение, которое обозначено в ч. 2 ст. 140 Таможенного кодекса Таможенного союза: по согласованию с органом, назначившим экспертизу, эксперт вправе привлекать к проведению экспертизы других экспертов [16].

Еще одним проблемным направлением использования специальных знаний в виде судебных экспертиз являются правовые экспертизы. Представляется, что в условиях возрастающего количества нормативно-правовых источников, с постоянными изменениями и дополнениями, увеличения блан-

кетных диспозиций в процессуальных кодексах, с одновременным повышением правовой грамотности сторон судебного процесса, вполне объяснимо появление и динамичное развитие этого нового рода (и впоследствии, образующего класс судебных экспертиз) судебной экспертизы. Эти экспертизы проводятся для решения вопросов:

- о соответствии (несоответствии) Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов субъектов Российской Федерации;
- о соответствии (несоответствии) нормативных актов, принимаемых органами исполнительной власти, федеральному законодательству;
- о толковании и использовании отдельных норм материального и процессуального права и т.д.

Судебно-правовые экспертизы служат правильному, всестороннему, своевременному рассмотрению и разрешению дел, способствуют справедливому судебному разбирательству. Для того чтобы в результате таких экспертиз были обеспечены гарантии прав и интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, необходимо назначать судебные правовые экспертизы юристам-специалистам высокой квалификации в конкретной области юриспруденции, имеющих ученые степени кандидата и доктора юридических наук. Конечно же, эта группа судебных экспертиз только формулируют свой предмет, методы, объект исследования, роды и виды. Так, уже на сегодняшний день можно предложить выделение следующих родов: судебно-правовые экспертизы по вопросам гражданского права; судебно-правовые экспертизы по вопросам уголовного права; судебно-правовые экспертизы по вопросам административного права; судебно-правовые экспертизы по вопросам предпринимательского права и т.д. Объекты судебных правовых экспертиз также известны: законы; подзаконные нормативно-правовые акты (указы Президента, постановления Правительства, приказы и инструкции федеральных органов исполнительной власти); нормативно-правовые акты органов местного самоуправления; локальные нормативно-правовые акты (инструкции, распоряжения, приказы учреждений) и т.д.

Еще одной проблемой при использовании специальных знаний в защите прав и законных интересов предпринимателей является качество проводимых судебных экспертиз и исследований специалиста. И если в системе государственных судебно-экспертных организаций контроль качества производится на основе выработанной в течение многих лет системе обучения, подготовки и переподготовки с соответствующими экзаменами, то в сфере контроля за качеством работы экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций еще не все организовано и предстоит серьезная работа по ее налаживанию. Деятельность негосударственных судебных экспертов в судопроизводстве

занимает значительное место: в 2014 году 64% постановлений (определений) о назначении судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве Российской Федерации и 30,2% постановлений в административном производстве вынесены в адрес указанных экспертов [7, с. 155]. Практика свидетельствует о том, что еще больше обращений к негосударственным судебно-экспертным организациям со стороны лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, с заявлением о проведении исследований в непроцессуальной форме (в результате которых составляются акты исследования, заключения специалиста).

В этой связи полагаем необходимым повысить качество профессиональной подготовки судебных экспертов за счет создания единой Высшей квалификационной комиссии по проведению профессиональной подготовки с филиалами в субъектах Российской Федерации, которая кроме организации профессиональной подготовки осуществляла бы прием квалификационных экзаменов у всех судебных экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций. При этом в состав такой комиссии должны быть включены преподаватели профильных экспертных кафедр вузов, авторитетные опытные эксперты из числа центральных государственных и негосударственных (например, из Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» судебно-экспертных организаций).

Проблемы использования специальных знаний в защите прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, не ограничиваются вышерассмотренными. Полагаем, дальнейшее развитие этой сферы деятельности неразрывно связано с правовым, научно-методическим, организационным регулированием использования специальных знаний в Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
2. *Аминев Ф.Г.* О совершенствовании правового регулирования судебно-экспертной деятельности в сфере судебной медицины // *Бизнес в законе.* – 2016. – № 2. – С. 215–219.
3. *Аминев Ф.Г.* Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2017.
4. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001.
5. *Варданян А.В.* Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // *Вестник Восточно-Сибирско-*

го института МВД России. – 2017. – № 3 (82). – С. 32–38.

6. Галышина Е.И., Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2016. – 464 с.

7. Гречуха Н.М., Киселев С.Е., Корухов Ю.Г. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – С. 147–155.

8. Жданов С.П., Шумилов А.Ю. Использование специальных познаний в выявлении преступлений, совершаемых во внешнеэкономической деятельности: учебно-практическое пособие. – М.: ИД Шумиловой И.И., 2011. – 100 с.

9. Жданов С.П. Участие специалиста в судопроизводстве и оперативно-разыскной деятельности: постановка проблем: препринт монографии / С.П. Жданов; предуведомление А.Ю. Шумилова. – М.: ИД Шумиловой И.И., 2014. – 250 с.

10. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. – М.: Право и закон, 2002. – 320 с.

11. Иванова Е.В. Предпринимательское право: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2014. – 269 с.

12. Корухов Ю.Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. – М.: СУДЭКС, 2014. – 92 с.

13. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

14. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2008. – 688 с.

15. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. – СПб.: Питер, 2004. – 875 с.

16. Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/82b5869e789e8022e80299d205a53e1a9f06eba1/ (дата обращения 08.12.2017.)

References

1. Aver'yanova T.V. Sudebnaya ehkspertiza. Kurs obshchej teorii. – М.: Norma, 2006. – 480 s.

2. Aminev F.G. O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v sfere sudebnoj mediciny // Biznes v zakone. – 2016. – № 2. – С. 215–219.

3. Aminev F.G. Sudebno-ehkspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: sovremennye problemy i puti

ih resheniya: diss. ... d-ra jurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2017.

4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: uchebnoe posobie. – М.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2001.

5. Vardanyan A.V. Soobshchenie o sovershennom ili gotovyashchemsya prestuplenii, poluchennom iz inyh istochnikov, kak povod dlya vozbuzhdeniya ugovnogo dela: istoricheskie i sovremennye problemy ego realizacii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 3 (82). – С. 32–38.

6. Galyashina E.I., Rossinskaya E.R. Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ehkspertiza. – М.: Prospekt, 2016. – 464 s.

7. Grechuha N.M., Kiselev S.E., Koruhov YU.G. O sostoyanii vedomstvennoj i vnevedomstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Problemy klassifikacii sudebnyh ehkspertiz, sertifikacii i validacii metodicheskogo obespecheniya, standartizacii sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 21 yanvarya 2016 g.). – М.: Prospekt, 2016. – С. 147–155.

8. Zhdanov S.P., Shumilov A.YU. Ispol'zovanie special'nyh poznanij v vyavlenii prestuplenij, sovershaemyh vo vneshneehkonomicheskoy deyatel'nosti: uchebno-prakticheskoe posobie. – М.: ID Shumilovoj I.I., 2011. – 100 s.

9. Zhdanov S.P. Uchastie specialista v sudoproizvodstve i operativno-razysknoj deyatel'nosti: postanovka problem: preprint monografii / S.P. Zhdanov; preduve domlenie A.YU. Shumilova. – М.: ID Shumilovoj I.I., 2014. – 250 s.

10. Zinin A.M., Majlis N.P. Sudebnaya ehkspertiza: uchebnik. – М.: Pravo i zakon, 2002. – 320 s.

11. Ivanova E.V. Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov. – М.: YUrajt, 2014. – 269 s.

12. Koruhov YU.G. Slovar' osnovnyh terminov sudebnyh ehkspertiz. – М.: SUDEHKS, 2014. – 92 s.

13. Majlis N.P. Teoriya i praktika sudebnoj ehkspertizy v dokazyvanii. Speckurs: ucheb. posobie. – М.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015.

14. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ehkspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe. – М.: Norma, 2008. – 688 s.

15. Smirnova S.A. Sudebnaya ehkspertiza na rubezhe HKHI veka. Sostoyanie, razvitie, problemy. – SPb.: Piter, 2004. – 875 s.

16. Tamozhennyj kodeks Tamozhennogo soyuza (red. ot 08.05.2015). [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/82b5869e789e8022e80299d205a53e1a9f06eba1/ (data obrashcheniya 08.12.2017.)

Артюшина Ольга Николаевна
Костромской государственный университет
PeOIN@yandex.ru

Прохорова Марина Владимировна
Костромской государственный университет
m89159092166@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Договор суррогатного материнства является сравнительно новым для России видом договора, к заключению которого законом не предусмотрено детальных требований, кроме как требований, предъявляемых к суррогатной матери. Специфика договора о суррогатном материнстве состоит в тесном переплетении в нем правовой и морально-нравственной составляющих, что затрудняет определение его правовой природы, в связи с чем имеет место ряд проблем, связанных с заключением настоящего договора, возможностью расторжения, ответственностью сторон и т.д. В статье проведен анализ норм семейного и гражданского законодательства применительно к сущности договора о суррогатном материнстве в целях определения его правовой природы, предпринята попытка определения существенных условий договора, а также сформулировано предложение о целесообразности закрепления определения договора о суррогатном материнстве в конкретном нормативно-правовом акте.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, существенные условия, генетические родители.

Суррогатное материнство в Российской Федерации (далее – РФ) – сложный институт, интересный тем, что объединяет как семейные, так и гражданско-правовые правоотношения, различные по своей сути и содержанию. Согласно п. 9 ст. 55 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан», для регулирования отношений между женщиной, вынашивающей ребенка (суррогатной матерью) и генетическими родителями предполагается заключение договора о суррогатном материнстве [14]. Исходя из специфики института, существует проблема определения правовой природы и самого договора, порождающая проблемы при его заключении, определении сторон и их ответственности.

До настоящего времени усугубляет положение то, что единого определения договора о суррогатном материнстве не сформулировано. Ранее, исследуя данный вопрос, мы пришли к выводу о том, что договором о суррогатном материнстве является соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать) обязуется по заданию другой стороны (супругов-заказчиков) за установленную плату после искусственного оплодотворения пройти процедуру имплантации эмбриона, выносить, родить и передать ребенка супругам-заказчикам, а при невыполнении обязанности – претерпеть гражданско-правовые санкции, если неисполнение не обусловлено возникновением бесплодия суррогатной матери, возникшим вследствие родов (при условии, что у родителей-заказчиков уже имеются собственные дети) [2, с. 169]. Данное определение будет взято нами за основу при определении правовой природы договора.

Вопрос о правовой природе договора о суррогатном материнстве часто решается, исходя из его субъектного состава. Так, Е.Р. Сухарева считает, что данный договор следует относить к семейно-правовым, так как он заключается с целью

установления семейных правоотношений между родившимся ребенком и супругами – заказчиками [11]. Не согласимся с предложенной точкой зрения. Согласно п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», договор о суррогатном материнстве – это соглашение, которое заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями в целях вынашивания и рождения ребенка [14]. Следовательно, согласно законодательному определению, ребенок не является субъектом договора. Кроме того, семейные отношения имеют место уже после рождения и передачи ребенка генетическим родителям и оплаты услуг суррогатной матери, а значит, после надлежащего выполнения договора сторонами. А.В. Малютина, проводя буквальное толкование норм Семейного Кодекса Российской Федерации [10] (далее – СК РФ), считает, что отношения, возникающие при исполнении договора о суррогатном материнстве, имеют гражданско-правовую природу, так как:

1) ст. 2 СК РФ определяет, что семейное право регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, а в случаях и пределах, предусмотренных семейным законодательством – между другими родственниками и иными лицами [10]. Предположительно суррогатную мать можно отнести к категории иных лиц. Однако семейное законодательство вовсе не регулирует заключение договора о суррогатном материнстве. Следовательно, необходимо обратиться к ст. 4 СК РФ;

2) ст. 4 СК РФ прямо указывает, что к отношениям между членами семьи, указанным в ст. 2 СК РФ, может применяться гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных правоотношений [10]. Категория иных лиц в данной статье не затрагивается [9, с. 47].

Указанная точка зрения является нам более близкой. Не регулируя процедуру суррогатного материнства, СК РФ [10] тем самым исключает суррогатную мать из субъектов семейного права, однако не предоставляет и возможности применения к регулированию договора о суррогатном материнстве норм и гражданского законодательства, определяя их применение возможным лишь к членам семьи. Следовательно, СК РФ [10] сам исключает семейно-правовую природу данного вида договора.

В обоснование своей позиции приведем еще один довод. При заключении договора о суррогатном материнстве каждая из сторон преследует свой интерес. Интерес родителей-заказчиков заключается в возможности иметь ребенка, интерес суррогатной матери – в получении вознаграждения. В связи с этим существенным недостатком определения договора как семейно-правового будет выступать тот факт, что имущественный интерес суррогатной матери будет проигнорирован, так как, согласно ст. 1 СК РФ, защите подлежат семья, материнство, отцовство, детство [10].

Если договор о суррогатном материнстве не имеет семейно-правовой природы, значит он является гражданско-правовым. К таковым его позволяет отнести и ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ), содержащая открытый перечень личных имущественных и неимущественных отношений, подлежащих регулированию гражданским законодательством.

Кроме того, признание договора о суррогатном материнстве гражданско-правовым позволит решить основную, по нашему мнению, проблему – обеспечение ответственности за его невыполнение либо ненадлежащее выполнение. Так как при выведении определения договора о суррогатном материнстве мы исходили из проблемы передачи ребенка, то нами было упомянуто об ответственности лишь суррогатной матери, заключающейся в применении гражданско-правовых санкций. Однако закрепление договора в ГК РФ на основании принципа равенства субъектов гражданских правоотношений обеспечит защиту интересов любой добросовестной стороны и даст возможность применения гражданско-правовых санкций к недобросовестной – как к суррогатной матери, так и к супругам-заказчикам [4].

Для того чтобы убедиться в правильности отнесения договора о суррогатном материнстве к гражданско-правовым, проанализируем его содержание с позиции гражданского законодательства.

Данный договор, по нашему мнению, является двусторонне-обязывающим. Согласимся с О.М. Толстиковой в том, что между супругами-заказчиками и медицинским учреждением должен заключаться отдельный гражданско-правовой договор возмездного оказания медицинских услуг [12, с. 84]. Кроме того, п. 9 ст. 55 Федераль-

ного закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо определяет, что договор заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями [14]. На наш взгляд, заключение отдельного договора с медицинской организацией поможет детализировать права, обязанности и ответственность каждой из сторон и учесть специфику отношений между родителями-заказчиками и суррогатной матерью.

Так же представляется необходимым решить вопрос о моменте заключения договора о суррогатном материнстве, и, следовательно, определить, реальным или же концессиальным будет он являться. Н.Ф. Звенигородская считает, что данный договор является реальным, так как права и обязанности сторон возникают только при условии имплантации эмбриона в тело суррогатной матери [6, с. 81]. Не согласимся с предложенным выводом. Признание договора реальным даст возможность суррогатной матери отказаться от процедуры имплантации эмбриона без каких-либо негативных последствий, оставив в убытке родителей – заказчиков, если они уже оплатили реализацию процедуры искусственного оплодотворения эмбриона. Помимо этого, как верно отмечено М.В. Антокольской, договор о суррогатном материнстве следует заключать до момента зачатия ребенка, так как заключение после зачатия можно рассматривать как уступку (продажу) зачатого либо рожденного ребенка, что противоречит основам нравственности [1, с. 250]. На основании вышеизложенного предлагаем считать договор о суррогатном материнстве концессиальным, то есть заключенным при достижении соглашения по всем существенным условиям договора.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ важность существенных условий в том, что при несогласовании договор считается незаключенным. Существенными являются условия о предмете договора и условия применительно к конкретным видам договоров, указанные в законе [4]. Таким образом, при определении существенных условий договора о суррогатном материнстве необходимо уточнить предмет данного договора, и, исходя из этого, определить его вид и существенные условия применительно к данному виду.

При рассмотрении предмета договора следует помнить, что, согласно ст. 128 ГК РФ, жизнь человека не является объектом гражданских прав [4]. Кроме того, можно предположить, что на основании ст. 169 ГК РФ сделку, предметом которой выступает ребенок, следует признавать ничтожной как противную основам нравственности [4]. Поэтому согласимся с А.В. Малютиной, которая относит договор о суррогатном материнстве к договорам возмездного оказания услуг, выделяя его в отдельный вид со своими специфическими чертами и подчеркивая, что такой позиции придерживается

большинство современных авторов [9, с. 48]. Согласно этому подходу, предметом договора будет выступать не ребенок, а услуги, которые обязуется оказать суррогатная мать. Данные услуги, по нашему мнению, состоят в прохождении процедуры имплантации эмбриона, вынашивании, рождении и передаче ребенка генетическим родителям.

Существенными условиями договора возмездного оказания услуг, согласно главе 39 ГК РФ, помимо предмета, выступают цена и срок [4]. Поскольку ранее мы рассматривали договор о суррогатном материнстве как двусторонне обязывающий, ценой выступает лишь вознаграждение за услуги суррогатной матери, расходы на оплату услуг медицинской организации в данном договоре не учитываются. Ценой договора о суррогатном материнстве, по нашему мнению, должна выступать лишь определенная, заранее оговоренная сумма вознаграждения, причитающегося суррогатной матери. Отнесение к вознаграждению расходов на содержание суррогатной матери в период беременности (например, ее на питание и медикаменты) считаем недопустимым, так как сумма таких расходов с течением времени может измениться (например, в связи с заболеванием суррогатной матери). Следовательно, суррогатная мать получит вознаграждение в меньшем размере, чем рассчитывала при заключении договора. В связи с этим расходы на содержание суррогатной матери при необходимости предлагаем предусматривать в отдельных положениях договора, не относящихся к существенным условиям.

Исходя из предложенного нами определения, договор о суррогатном материнстве обязательно должен являться возмездным. Помимо этого, отнесение договора к гражданско-правовым, порождает презумпцию возмездности договора, закрепленную в п. 3 ст. 423 ГК РФ [4]. Как верно замечено О.В. Ландиной, «платность» является побудительным мотивом к заключению договоров о суррогатном материнстве [8]. Действительно, если предположить заключение договора исключительно на безвозмездной основе, вероятно, сократится число женщин, желающих стать суррогатной матерью. Кроме того, считаем, что возможность заключения безвозмездного договора может породить легкомысленное отношение сторон к своим правам и обязанностям. Однако нельзя в какой-то степени не согласиться с С.П. Журавлевой, считающей, что родственные связи между генетическими родителями и суррогатной матерью обеспечат более ответственный подход последней к выполнению обязанностей по договору [5, с. 27]. На наш взгляд, хотя и предполагается, что родственники, в силу семейных связей, должны действовать добросовестно, нельзя исключать человеческий фактор – легкомыслие, возможность возникновения семейных ссор и тому подобное, что может при-

вести к недобросовестному исполнению договора. Таким образом, договоры и между родственниками в том числе должны заключаться на коммерческой основе.

Под сроком исполнения услуг по договору суррогатной матерью, думается, нужно понимать не только срок беременности, а срок, в который ребенок должен быть передан генетическим родителям. Под передачей, по нашему мнению, подразумевается не только факт получения ребенка супругами-заказчиками, но и согласие суррогатной матери на запись этих лиц в качестве родителей ребенка. По п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» документ, подтверждающий такое согласие, прилагается к заявлению о рождении ребенка [13]. А согласно п. 6 ст. 16 отмеченного закона, заявление о рождении ребенка должно быть подано не позднее месяца со дня рождения ребенка [13]. Исходя из сказанного, предполагаем, что срок исполнения услуги состоит из срока беременности и определенного сторонами срока (в пределах одного месяца) со дня рождения ребенка.

Итак, нами были определены такие существенные условия договора, как предмет, цена и срок. Однако Е.Б. Гнеушева считает, что в договоре о суррогатном материнстве представляется необходимым обязательное определение медицинского учреждения и последствий рождения неполноценного ребенка [3, с. 288]. Но, думается, рассмотрение таких условий как существенных, повлечет невозможность отнесения договора о суррогатном материнстве к договорам возмездного оказания услуг, так как гл. 39 ГК РФ не предусматривает подобных условий [4]. Применительно к этому вопросу интересна позиция А.С. Коломиец, которая, помимо закрепленных в законе (поименованных) существенных условий, предлагает считать существенными условия, относительно которых по заявлению хотя бы одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (непоименованные существенные условия). В связи с отсутствием законодательного регулирования договора выделение таких условий способно отразить его специфику. К непоименованным существенным условиям можно отнести и определение медицинского учреждения, в котором будут проходить необходимые процедуры, и количество и типы процедур и анализов, необходимых для суррогатной матери, и количество попыток переноса эмбриона в матку суррогатной матери и так далее [7, с. 4]. На основании изложенного, нам представляется целесообразной возможность выделения непоименованных существенных условий. Не нарушая общие требования закона о заключении договоров возмездного оказания услуг, стороны смогут придать особую важность положениям договора, представляющимся им наиболее значимыми. Кроме того, подробность договорного закрепления прав и обязанностей сторон

при отсутствии законодательного регулирования договора о суррогатном материнстве является положительным моментом, так как способна предотвратить возникновение неопределенностей либо спорных ситуаций.

Закон не определяет и форму заключения договора о суррогатном материнстве. Применительно к договорам возмездного оказания услуг форма также не является существенным условием. Согласно пп. 2 п. 1 ст. 161 ГК РФ, в письменной форме заключаются сделки граждан на сумму более десяти тысяч рублей, а в случаях, предусмотренных законом – независимо от суммы сделки [4]. В жизни трудно предположить ситуацию, при которой цена договора о суррогатном материнстве будет менее десяти тысяч рублей. Следовательно, при определении формы считаем допустимым руководствоваться общими положениями о форме сделок, а также полагаться на осмотрительность и серьезность подхода сторон к заключению договора. На основании пп. 2 п. 2 ст. 163 ГК РФ по соглашению сторон считаем возможным и нотариальное удостоверение договора о суррогатном материнстве [4].

Рассматривая договор о суррогатном материнстве, мы пришли к выводу о том, что он является двусторонне – обязывающим, концессуальным, возмездным, подлежит заключению в простой письменной форме, а по согласию сторон может быть нотариально удостоверен. Существенными условиями договора выступают предмет, цена и срок, а также по заявлению сторон могут быть предусмотрены и непоименованные существенные условия. В ходе исследования нами не было выявлено противоречий, свидетельствующих о невозможности отнесения договора о суррогатном материнстве к гражданско-правовым договорам возмездного оказания услуг. По нашему мнению, закрепление данного договора в ГК РФ на настоящий момент более целесообразно, чем разработка отдельного закона, так как глава 39 ГК РФ [4] уже содержит основы для регулирования договоров возмездного оказания услуг, которые надлежит лишь дополнить специальными положениями, необходимыми для заключения такого вида договора, как договор о суррогатном материнстве.

Библиографический список

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. – М.: Норма, 2010. – 250 с.
2. Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Отдельные вопросы суррогатного материнства в России // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 166–169.
3. Гнеушева Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 288.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51 ФЗ (ред. от 03.01.2016) // Российская газета. – 08.12.1994. – № 238–239.

5. Журавлева С.П. Развитие законодательного регулирования договора о суррогатном материнстве в России // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 5. – С. 27.

6. Звенигородская Н.Ф. Семейно-правовые сделки: проблемы классификации FAMILY // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 81.

7. Коломиец А.С. Основания наступления гражданско-правовой ответственности по договору суррогатного материнства // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 4 (4). – С. 4.

8. Ландина О.В. Имущественные права сторон договора суррогатного материнства // Гуманитарные и юридические исследования. – 2013. – № 2. – С. 30.

9. Малутина А.В. О правовой природе договора суррогатного материнства // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2012. – № 1 (11). – С. 47–48.

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. – 27.01.1996. – №17.

11. Сухарева Е.Р. Совершенствование правового регулирования суррогатного материнства в РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rf> (дата обращения: 1.10.2017).

12. Толстикова О.М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1 (26). – С. 84.

13. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства. – 24.11.1997. – №47.

14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 3.07.2016) // Российская газета. – 23.11.2011. – № 263.

References

1. Antokol'skaya M.V. Semejnoe pravo: uchebnik. – M.: Norma, 2010. – 250 s.
2. Artyushina O.N., Prohorova M.V. Otdel'nye voprosy surrogatnogo materinstva v Rossii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 166–169.
3. Gneusheva E.B. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennyh metodov reprodukcii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 2. – S. 288.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. №51 FZ (red. ot 03.01.2016) // Rossijskaya gazeta. – 08.12.1994. – № 238–239.

5. ZHuravleva S.P. Razvitie zakonodatel'nogo regulirovaniya dogovora o surrogatnom materinstve v Rossii // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – 2012. – № 5. – S. 27.
6. Zvenigorodskaya N.F. Semejno-pravovye sdelki: problemy klassifikacii FAMILY // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2011. – № 4 (29). – S. 81.
7. Kolomic A.S. Osnovaniya nastupleniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti po dogovoru surrogatnogo materinstva // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2013. – № 4 (4). – S. 4.
8. Landina O.V. Imushchestvennye prava storon dogovora surrogatnogo materinstva // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2013. – № 2. – S. 30.
9. Malyutina A.V. O pravovoj prirode dogovora surrogatnogo materinstva // Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij. – 2012. – № 1 (11). – S. 47–48.
10. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 1995 g. №223-FZ (red. ot 30.12.2015) // Rossijskaya gazeta. – 27.01.1996. – №17.
11. Suhareva E.R. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya surrogatnogo materinstva v RF. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rf> (data obrashcheniya: 1.10.2017).
12. Tolstikova O.M. Problemy pravovogo regulirovaniya surrogatnogo materinstva v Rossii // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2017. – № 1 (26). – S. 84.
13. Federal'nyj zakon ot 15 noyabrya 1997 g. №143-FZ «Ob aktah grazhdanskogo sostoyaniya» (red. ot 03.07.2016) // Sobranie zakonodatel'stva – 24.11.1997. – №47.
14. Federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii (red. ot 3.07.2016) // Rossijskaya gazeta. – 23.11.2011. – № 263.

УДК 349.2

Черкасов Константин Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
Нижегородский институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
Вятский государственный университет,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
cherkasovkv1978@yandex.ru

Коломейченко Евгения Анатольевна

Нижегородский институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
enja16@yandex.ru

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проанализированы основные направления развития кадрового потенциала водного транспорта страны. Выявлены и исследованы различные аспекты современного состояния заявленной проблематики. Раскрыто значение оптимального решения кадрового вопроса для развития водного транспорта, инфраструктуры и экономики России. Обосновано, что развитие кадрового потенциала водного транспорта невозможно без комплексного подхода, ибо многие моменты проблемы взаимосвязаны и взаимообусловлены, затрагивают не только государственные, но и бизнес-структуры. Обозначены направления оптимизации кадрового обеспечения водного транспорта, сформулированы предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой области. Сделан вывод, что в силу многолетних упущений разнопланового характера сегодня в сфере водного транспорта требуются существенные материально-финансовые затраты, организационные усилия и правовые преобразования.

Ключевые слова: стратегия развития, государственное управление, кадровый потенциал, кадровое обеспечение, кадровый резерв, водный транспорт, образовательный комплекс.

В силу огромной протяженности территории водный транспорт имеет важнейшее стратегическое значение не только для развития экономического потенциала России, укрепления ее инфраструктурных основ, но и для обеспечения государственного единства и национальной безопасности страны. Кадровая составляющая представляет собой необходимый и неотъемлемый элемент эффективного государственного управления во всех сферах и отраслях народного хозяйства, в том числе в области водного транспорта. Известная фраза исторического деятеля «кадры решают все» сегодня не утратила своей актуальности, ее смысл наполнился обновленным содержанием и требует нового осмысления.

Сложившаяся к настоящему времени и существующая сегодня система специализированных образовательных учреждений в сфере водного транспорта представлена достаточным количеством организаций. Они непосредственно осуществляют подготовку кадров по программам послевузовского, высшего, среднего, а также начального профессионального образования для всей инфраструктуры водного транспорта. В вертикально-интегрированных образовательных комплексах подготовка сотрудников осуществляется в соответствии как с национальными стандартами, так и международными требованиями, что обеспечивает успешную встраиваемость отечественного морского образования в международную морскую образовательную среду (индустрию). В итоге сеть высших заведений, ведомственных Федеральному агентству морского и речного транспорта, в целом справляется со своей

задачей и удовлетворяет потребности в подготовке профильных кадров. Более того, так или иначе решаются задачи повышения квалификации работников судоходных организаций, государственных бассейновых управлений водных путей и судоходства, портов, в частности, по вопросам безопасности судоходства, охраны окружающей среды и экологической безопасности. Кадровый потенциал отрасли высок, а высококвалифицированный персонал способен успешно решать задачи развития водного транспорта.

Тем не менее приходится констатировать, что, к сожалению, на современном этапе развития Российского государства в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств кадровое обеспечение водного транспорта подвержено существенным негативным факторам. Исходя из этого, необходимы мониторинг сложившейся ситуации в рассматриваемой области, а равно определение основных векторов оптимизации кадровой политики в сфере водного транспорта России.

Основным препятствием развития кадрового потенциала водного транспорта, по нашему мнению, сегодня выступают три обстоятельства, носящих системный характер.

Во-первых, сложившаяся относительно высокая «текучесть» кадров, дефицит работников определенных специальностей и рабочих профессий, возрастное старение сотрудников и выбытие по возрасту опытных специалистов отраслевых организаций. Все это в большинстве своем обусловлено специфическими условиями труда – напряженной работой, сопровождающейся большими физиче-

скими и психологическими нагрузками, негативно влияющими на состояние здоровья работников водного транспорта, сезонным характером работы, сменным графиком [1]. При этом существует проблема низкой социальной защищенности работников водного транспорта, когда, в частности, уровень оплаты труда сотрудников ниже средней заработной платы по транспортному комплексу. Так, по состоянию на 2017 год минимальные размеры окладов работников плавсостава судов водного транспорта, устанавливаемые на основе профессиональной квалификационной группы должностей работников водного транспорта, составляют для сотрудников водного транспорта второго уровня 3 500 рублей, а для специалистов второго уровня – 4 550 рублей [2]. Последствия – снижение престижа флотских профессий, отсутствие эффективной системы мотивации труда, обеспечивающей «приток» специалистов в сферу водного транспорта.

Во-вторых, длительное, а порой и хроническое недофинансирование профильных (отраслевых) учебных заведений привело к существенному износу и отставанию материально-технической базы, используемой в образовательном процессе. В этой части выполнение международных стандартов оказалось под угрозой. В этой связи назрела необходимость проведения значительного объема ремонтных работ зданий и сооружений учебных заведений, исходя из установленных требований (в частности, пожарной безопасности). Учебно-лабораторные, научно-исследовательские и тренажерные объекты также нуждаются в модификации, а чаще и вовсе в замене. При этом нельзя не отметить, что денежные средства из федерального бюджета сегодня выделяются на строительство и реконструкцию объектов образовательных учреждений водного транспорта. Например, согласно приложению № 2 к подпрограмме «Внутренний водный транспорт» планируется и приводится в действие строительство и реконструкция объектов ФБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», сумма которых составляет 1 055,7 млн рублей [3]. Однако в реальности выделяемых денежных средств недостаточно. В связи этим представляется целесообразным максимальное привлечение частных инвестиций не только в собственно реконструкцию зданий высших учебных заведений, но и в развитие кадрового потенциала водного транспорта в России.

В-третьих, наблюдается явно недостаточное организационное взаимодействие образовательных учреждений и работодателей. В качестве иллюстрации проблемы можно привести следующий пример. Сложилась ситуация, когда сроки проведения практик у обучающихся не всегда совпадают с навигационным периодом, что существенно снижает возможность взаимодействия специализированных вузов с судоходными компа-

ниями. При этом краткосрочность отдельных видов практик студентов, которые составляют один-два месяца, не позволяет принимать обучающихся на борт судов, в большинстве своем работающих за пределами Российской Федерации. Подобное приводит к неудовлетворенности судоходных компаний вновь поступающим на работу командным составом. Отсюда потребность в активном сотрудничестве указанных субъектов, в их включенности в деятельность друг друга. Направлениями такого взаимодействия должны стать: действенное участие работодателя в организации и осуществлении учебного процесса, научно-исследовательской деятельности и конструкторской работе; развитие государственно-частного партнерства в рассматриваемой области и целевой контрактной подготовки; восстановление системы образования специалистов с совмещенными специальностями на основе новых федеральных государственных образовательных стандартов.

Руководством органа государственного управления в сфере водного транспорта официально признана и осознана необходимость скорейшего решения кадровых вопросов в различных целях, в том числе для повышения эффективности администрирования в данной области. Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодные профильные конференции. Так, на VIII Международной конференции «Кадровая политика», прошедшей 19–20 ноября 2015 года в Санкт-Петербурге, было четко определено, что развитие кадрового потенциала управления водным транспортом невозможно в отрыве от повышения качества образования работников водного транспорта, от результативности функционирования отраслевых образовательных комплексов.

В рамках проведенных публичных мероприятий Федеральное агентство морского и речного транспорта, Федеральное бюджетное учреждение «Волго-Балт» в качестве предложений инициировали увеличение количества бюджетных мест в учебных заведениях для обучения по программам профильного среднего профессионального образования, внедрение психофизиологического отбора при приеме в морские учебные заведения, стимулирование коммерческих компаний к сотрудничеству с образовательными организациями водного транспорта, решение вопроса обеспечения молодых высококвалифицированных кадров жильем, в том числе «ведомственным», посредством выделения целевых субсидий [4]. Особого внимания заслуживает идея разработки и принятия Концепции морского образования, учитывающей широкий круг вопросов развития кадрового потенциала водного транспорта.

Все эти позиции и новации, безусловно, заслуживают поддержки. Решение многих проблем в сфере кадрового обеспечения водного транс-

порта страны невозможно без должного законодательного сопровождения, а равно эффективного правоприменения. Однако на сегодняшний день, к сожалению, указанные предложения и рекомендации пока не нашли своего нормативного закрепления и тем более реализации. Между тем безотлагательного решения ожидают многие обозначенные взаимосвязанные и взаимообусловленные проблемы. При этом успешное развитие кадрового потенциала водного транспорта невозможно без комплексного подхода. Оно затрагивает не только государство в лице его органов, образовательных учреждений, но и транспортные предприятия, бизнес-структуры. В целом в данной области, в силу многолетних упущений разнопланового характера, сегодня требуются существенные материально-финансовые затраты, организационные усилия и правовые преобразования.

Библиографический список

1. Пантина Т.А., Савельева М.Н. Кадровый потенциал как фактор стратегического развития внутреннего водного транспорта // Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. – 2013. – № 1 (20). – С. 194–199.
2. Правовая консультационная служба. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/> (дата обращения: 11.11.2017 г.).

[zakonprost.ru/](http://www.zakonprost.ru/) (дата обращения: 11.11.2017 г.).

3. Стратегия развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 327-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 10. – Ст. 1462.

4. Conference Point. На пути к цели. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://confspb.ru/> (дата обращения: 11.11.2017 г.).

References

1. Pantina T.A., Savel'eva M.N. Kadrovyy potencial kak faktor strategicheskogo razvitiya vnutrennego vodnogo transporta // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admirala S.O. Makarova. – 2013. – № 1 (20). – С. 194–199.
2. Pravovaya konsul'tacionnaya sluzhba. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.zakonprost.ru/> (data obrashcheniya: 11.11.2017 g.).
3. Strategiya razvitiya vnutrennego vodnogo transporta Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 fevralya 2016 g. № 327-r // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 10. – St. 1462.
4. Conference Point. Na puti k celi. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://confspb.ru/> (data obrashcheniya: 11.11.2017 g.).

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ СТРАХОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

На основе проведенного автором анализа действующего законодательства и правоприменительной практики в статье выявляются особенности гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение страхового обязательства. В частности, основаниями ответственности субъектов страховых правоотношений выступают такие правонарушения, как неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора страхования, а также злоупотребление правом стороной договора страхования. Данные правонарушения могут совершаться как непосредственными сторонами договора страхования (страхователем и страховщиком), так и выгодоприобретателем. При этом ответственность страхователя (выгодоприобретателя) выражается в виде лишения его субъективного гражданского права на получение страхового возмещения, а ответственность страховщика в основном заключается в возложении на него дополнительных обязанностей.

Ключевые слова: договор страхования, гражданско-правовая ответственность, страховщик, страхователь, выгодоприобретатель, правонарушение.

Исследование специфики гражданско-правовой ответственности в страховом обязательстве позволяет своевременно выявить актуальные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в сфере страховой деятельности. Так, за шесть месяцев 2016 года суды общей юрисдикции рассмотрели 198 тысяч страховых споров [9], а за аналогичный период 2017 года этот показатель составил 220 тысяч дел [10].

Одной из причин роста количества страховых споров является несовершенство гражданского законодательства. В частности, в главе 48 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и Законе РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об ОСД) отсутствуют общие положения о гражданско-правовой ответственности страховщика. Данный пробел правового регулирования законодатель пытается компенсировать посредством закрепления специальных мер гражданско-правовой ответственности в отношении отдельных категорий страховщиков, осуществляющих определенные виды страхования. Отсутствие единого подхода к регулированию гражданско-правовой ответственности страховщика не позволяет обеспечить баланс интересов сторон договора страхования. В частности, если в страховом правоотношении контрагентом страховщика выступает юридическое лицо, то при нарушении страховщиком своих обязательств применению подлежат лишь две меры гражданско-правовой ответственности: возмещение убытков и взыскание процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ. А в силу особенностей страховых правоотношений использование любой из названных мер ответственности не влечет серьезных материальных последствий для страховщика и не может в полной мере обеспечить компенсаторно-восстановительную функцию гражданско-правовой ответственности в отношении потерпевшего.

В научной литературе содержатся различные определения понятия «гражданско-правовая ответственность». Однако применительно к нашему исследованию наиболее удачным представляется понимание гражданско-правовой ответственности как «санкции, применяемой к правонарушителю в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему субъективного гражданского права» [1, с. 480–481]. С учетом специфики страховых правоотношений необходимо выявить следующие особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение страхового обязательства.

Основаниями наступления гражданско-правовой ответственности субъектов страховых правоотношений необходимо признать не только правонарушение в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения договора страхования, но и особое правонарушение в виде злоупотребления правом стороной договора страхования [3, с. 70–73].

Субъектом гражданско-правовой ответственности в страховом обязательстве может стать любая сторона договора страхования (как страхователь, так и страховщик), а также при определенных обстоятельствах и выгодоприобретатель, который стороной договора не является.

В силу п. 1 ст. 929 ГК РФ при наступлении страхового случая страховое возмещение будет осуществляться в пользу выгодоприобретателя. Поэтому если выгодоприобретатель предъявляет требование об осуществлении страхового возмещения, страховщик приобретает право требовать от него выполнения обязанностей, предусмотренных договором страхования (в том числе обязанностей, не выполненных страхователем). В данном случае выгодоприобретатель также несет риск последствий невыполнения или несвоевременного выполнения подобных обязанностей. Соответственно, в отношении страхователя и вы-

годоприобретателя действуют единые правила гражданско-правовой ответственности.

Возвращаясь к вопросу об основаниях гражданско-правовой ответственности субъектов страхового обязательства, сначала рассмотрим наиболее типичные случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения договора страхования страхователем (выгодоприобретателем).

Страхователь является основной стороной договора страхования, которая по своей воле либо в силу закона инициирует заключение договора страхования и несет обязанность по внесению платы за предоставление страховой услуги (страховой премии). Основное субъективное право как страхователя, так и выгодоприобретателя заключается в нормативно закрепленной за ними возможности при установлении факта наступления страхового случая получить страховое возмещение (далее – субъективное право на выплату), которому корреспондирует соответствующая обязанность страховщика. Поэтому в качестве гражданско-правовой ответственности страхователя (выгодоприобретателя) необходимо рассматривать случаи лишения принадлежащего ему субъективного права на выплату, а именно:

– закрепленное в п. 2 ст. 961 ГК РФ право страховщика на отказ в страховом возмещении (далее – отказ в выплате);

– установленные п. 3 ст. 962, ст. 963, п. 4 ст. 965 ГК РФ случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения или страховой суммы (далее – освобождение от выплаты).

Единственным законодательным основанием отказа в выплате выступает бездействие страхователя (выгодоприобретателя), которое выразилось в виде отсутствия незамедлительного уведомления страховщика о наступлении страхового случая. Подобный отказ в выплате страхового возмещения возможен только при недоказанности хотя бы одного из следующих обстоятельств:

– своевременность получения страховщиком сведений о наступлении страхового случая;

– отсутствие соответствующих сведений не могло отразиться на обязанности страховщика по осуществлению страхового возмещения.

В свою очередь, основаниями для освобождения от выплаты выступают ниже перечисленные факторы.

1. Наступление страхового случая явилось следствием умышленного поведения страхователя (выгодоприобретателя, застрахованного лица). При этом бремя доказывания наличия умысла лежит на страховщике [7].

2. Наступление страхового случая в результате грубой неосторожности страхователя (выгодоприобретателя) выступает основанием освобождения от выплаты при наличии одновременно следующих условий:

– если это напрямую предусмотрено законом. Примером такого освобождения могут служить случаи, закрепленные в ст. 265–267 Кодекса торгового мореплавания. При этом если условие о грубой неосторожности как основании освобождения от выплаты содержится в договоре (правилах) страхования, такое условие является ничтожным [2].

– может быть предусмотрено только по имущественным видам страхования.

В случае установления судом факта совершения страхователем действий, повлиявших на наступление страхового случая, суду необходимо установить характер этих действий и наличие или отсутствие в данных действиях признаков, предусмотренных законом, влекущих освобождение от выплаты [8].

Освобождение страховщика от выплаты невозможно даже при наличии той или иной формы вины лица, ответственного за вред:

– по договору страхования гражданской ответственности за причинение вреда жизни или здоровью (п. 2 ст. 963 ГК РФ);

– по договору личного страхования, если к моменту смерти застрахованного лица, наступившей в результате самоубийства, договор действовал уже не менее двух лет (п. 3 ст. 963 ГК РФ).

3. В силу п. 4 ст. 965 ГК РФ отказ страхователя (выгодоприобретателя) от права требования к ответственному за убытки лицу, а также виновное поведение, в результате которого осуществление этого права становится невозможным, также являются основаниями ответственности страхователя (выгодоприобретателя), ибо таким образом страховщик лишается права на предъявление суброгационного требования.

4. Умышленное непринятие страхователем разумных и доступных мер по уменьшению возможных убытков (п. 3 ст. 962 ГК РФ) освобождает страховщика от возмещения только тех убытков, которые возникли в результате непринятия таких мер. Соответственно, убытки, возникшие в связи с наступлением страхового случая, страховщик возместить обязан.

Названные случаи освобождения от выплаты, безусловно, выступают основаниями возникновения гражданско-правовой ответственности страхователя (выгодоприобретателя) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора страхования.

Однако стоит отметить, что ст. 964 ГК РФ перечисляет и иные основания освобождения от выплаты (например, воздействия ядерного взрыва, военные действия и др.), которые не являются следствием виновного поведения страхователя (выгодоприобретателя, застрахованного лица), и, соответственно, данное освобождение нельзя отнести к гражданско-правовым санкциям [5, с. 28].

Таким образом, глава 48 ГК РФ перечисляет возможные основания гражданско-правовой ответ-

ственности страхователя (выгодоприобретателя). При этом, как нами было отмечено ранее, глава 48 ГК РФ не содержит специальных положений об ответственности страховщика. Поэтому ответственность страховщика необходимо рассматривать исходя из общих положений гражданского законодательства о гражданско-правовой ответственности и специальных положений законодательства об отдельных видах страхования.

Следует отметить, что довольно часто в литературе можно встретить ошибочное мнение о том, что ответственностью страховщика является обязанность по осуществлению страхового возмещения. Очевидно, что осуществление страхового возмещения – это не ответственность страховщика, а его действия по исполнению одной из основных обязанностей по договору страхования.

Именно неисполнение либо ненадлежащее исполнение страховщиком названной обязанности и является наиболее распространенным правонарушением в страховых правоотношениях. При этом если неисполнение страховщиком договора страхования связано в основном с необоснованными отказами страховщика в осуществлении страхового возмещения, то ненадлежащее исполнение договора имеет место при несоблюдении страховщиком сроков осуществления страхового возмещения; выплате страхового возмещения не в полном размере; а также при выявлении недостатков работ по восстановительному ремонту застрахованного имущества (если в силу п. 4 ст. 10 Закона об ОСД условиями страхования организацией-страховщиком предусмотрена замена страховой выплаты ремонта поврежденного имущества) и др.

Негативные последствия неисполнения либо ненадлежащего исполнения страховщиком своих обязательств выражаются в виде применяемых к нему мер гражданско-правовой ответственности, которые в литературе рассматриваются в качестве «наиболее значимых правоограничивающих средств» [6, с. 100], а также «средств обеспечения прав и реализации обязанностей» [11, с. 129–138].

При этом применение мер ответственности не образует нового правоотношения, а представляет собой охранительные механизмы в сформированном сторонами и существующем правовом отношении [6, с. 8].

В страховых правоотношениях применяются следующие меры гражданско-правовой ответственности: возмещение убытков; неустойка; проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ; компенсация морального вреда. Рассмотрим особенности применения каждой из названных мер гражданско-правовой ответственности в сфере страховых правоотношений.

Возмещение убытков. Ст. 15 ГК РФ устанавливает общие положения о возмещении убытков, формами которой является реальный ущерб и упу-

щенная выгода. Взыскание убытков со страховщика преимущественно связано с реальным ущербом, который причиняется страхователю в связи с нарушением страхового обязательства. В частности, реальный ущерб может выразиться в следующих расходах страхователя:

1) расходы на проведение независимой экспертизы стоимости восстановительного ремонта застрахованного имущества;

2) расходы на хранение поврежденного имущества (аренду другого транспортного средства, коммерческий найм жилого помещения и др.) на период с начала нарушения страхового обязательства по дату надлежащего исполнения соответствующего обязательства.

3) если страховая выплата служит способом обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору и осуществляется в пользу выгодоприобретателя (банка), проценты по кредитному договору и др.

Не исключено и возмещение страховщиком упущенной выгоды страхователя, применение которой крайне редко встречается на практике.

Неустойка. Анализ п. 1 ст. 330 ГК РФ позволяет выделить законную и договорную неустойку. При этом ни ГК РФ, ни Закон об ОСД не предусматривают общей нормы о законной неустойке за неисполнение или ненадлежащее исполнение страхового обязательства. Поэтому неустойка в качестве меры гражданско-правовой ответственности применима к страховым правоотношениям лишь в следующих случаях:

1) если неустойка предусмотрена договором страхования, что крайне редко встречается на практике, ибо большая часть условий договора страхования разрабатывается страховщиком;

2) если страховые правоотношения подпадают под действие Закона РФ от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП);

3) если неустойка установлена специальным законом об обязательном страховании.

В страховых правоотношениях неустойка может быть взыскана как в виде пеней, так и в виде штрафа.

Так, п. 5 ст. 28 Закона о ЗПП закрепляет возможность взыскания пеней, размер которых составляет три процента цены услуги за каждый день просрочки. При этом следует учитывать, что ценой услуги в страховании является размер страховой премии [12], а не страховой выплаты. Соответственно, сумма пени не может превысить размер страховой премии, насколько длительной не была бы просрочка.

Кроме неустойки в виде пени п. 6 ст. 13 Закона о ЗПП устанавливает, что при удовлетворении судом требований потребителя суд также взыскивает с исполнителя (страховщика) в пользу потребите-

ля пятидесятипроцентный штраф от присужденной суммы. Причем в данную сумму включается не только сумма невыплаченного страхового возмещения, но и начисленные пени и присужденная компенсация морального вреда.

Проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ.

Так как страховое возмещение, как правило, имеет денежную форму выражения, мерой ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства по осуществлению страховой выплаты могут служить проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, которые взыскиваются вне зависимости от статуса лица, выступающего на стороне страхователя (выгодоприобретателя). Поэтому только две формы ответственности: возмещение убытков и проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, – применяются во всех видах и формах страхования, если иное не предусмотрено законом.

При этом возможны ситуации, когда за нарушения сроков осуществления страховой выплаты допустимо применить как неустойку по Закону о ЗПП, так и проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ. В подобных случаях страхователь должен выбрать одну из двух мер гражданско-правовой ответственности [13].

Компенсация морального вреда. В целом неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора страхования затрагивает только имущественную сферу гражданина и непосредственно его личных неимущественных прав не нарушает. Поэтому компенсация морального вреда может выступить мерой гражданской правовой ответственности страховщика, только если конкретное страховое правоотношение подпадает под действие Закона о ЗПП.

Обобщая изложенные доводы, можно выделить следующие особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение страхового обязательства:

Основаниями гражданско-правовой ответственности субъектов страховых правоотношений являются:

– правонарушение, выразившееся в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения договора страхования;

– особое правонарушение в виде злоупотребления правом стороной договора страхования.

2. Субъектом гражданско-правовой ответственности за нарушение страхового обязательства может стать любая сторона договора страхования (как страхователь, так и страховщик). Кроме того, в силу п. 2 ст. 939 ГК РФ при определенных обстоятельствах, указанных в названной статье, риск последствий нарушения страховых обязательств несет выгодоприобретатель, который непосредственной стороной договора страхования не является.

3. Если отрицательные последствия в отношении страховщика в основном выражаются в виде возложения на него дополнительной гражданско-

правовой обязанности (возмещение убытков, неустойка, компенсация морального вреда, проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ), то для страхователя (выгодоприобретателя) такие последствия приобретают форму лишения субъективного гражданского права на получение страхового возмещения (отказ в выплате страхового возмещения и освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения).

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: ТЕИС, 1996.
2. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договора страхования: информационное письмо Президиума ВАС РФ № 75 от 28 ноября 2003 года // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 2004. – № 1.
3. Каримуллина А.Э. Злоупотребление правом в страховых отношениях // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 70–73.
4. Крашенинников М.П. Меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 27 с.
5. Кривошеев И.В. Правовое регулирование страхования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 29 с.
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2004. – 250 с.
7. Определение Верховного суда РФ от 21 апреля 2015 г. № 18-КГ15-47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsrf.ru/>, свободный (дата обращения: 15.08.2016 г.).
8. Определение Верховного суда РФ от 08 октября 2013 г. № 78-КГ13-20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsrf.ru/>, свободный (дата обращения: 20.06.2015 г.).
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции за 6 месяцев 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3577>, свободный (дата обращения: 10.12.2017).
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции за 6 месяцев 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>, свободный (дата обращения: 10.12.2017).
11. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
12. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 года № 20 // Российская газета. – 2013. – № 145.

13. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума Верховного суда РФ № 13, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 14 от 08 октября 1998 г. // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 1998. – № 11.

References

1. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. CH. 1 / pod red. YU.K. Tolstogo, A.P. Sergeeva. – M.: TEIS, 1996.
2. Obzor praktiki rassmotreniya sporov, svyazannyh s ispolneniem dogovora strahovaniya: informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF № 75 ot 28 noyabrya 2003 goda // Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF. – 2004. – № 1.
3. Karimullina A.EH. Zloupotreblenie pravom v strahovyh otnosheniyah // Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii. – 2017. – № 1. – S. 70–73.
4. Krasheninnikov M.P. Mery grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za neispolnenie obyazatel'stva: avtoref. dis. ... kand. yurid.nauk. – Saratov, 2012. – 27 s.
5. Krivosheev I.V. Pravovoe regulirovanie strahovaniya v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2000. – 29 s.
6. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave. – M.: YUrist", 2004. – 250 s.
7. Opredelenie Verhovnogo suda RF ot 21 aprelya 2015 g. № 18-KG15-47. [EHlektronnyj resurs]. –

Rezhim dostupa: <http://vsrf.ru/>, svobodnyj (data obrashcheniya: 15.08.2016 g.).

8. Opredelenie Verhovnogo suda RF ot 08 oktyabrya 2013 g. № 78-KG13-20. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vsrf.ru/>, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2015g.).

9. Otchet o rabote sudov obshej yurisdicii po rassmotreniyu grazhdanskih del po pervoj instancii za 6 mesyacev 2016 goda. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3577>, svobodnyj (data obrashcheniya: 10.12.2017).

10. Otchet o rabote sudov obshej yurisdicii po rassmotreniyu grazhdanskih del po pervoj instancii za 6 mesyacev 2017 goda. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4151>, svobodnyj (data obrashcheniya: 10.12.2017).

11. Puginskij B.I. Grazhdansko-pravovye sredstva v hozyajstvennyh otnosheniyah. – M.: YUrid. lit., 1984. – 224 s.

12. O primeneni sudami zakonodatel'stva o dobrovol'nom strahovanii imushchestva grazhdan: postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF ot 27 iyunya 2013 goda № 20 // Rossijskaya gazeta. – 2013. – № 145.

13. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума Верховного суда РФ № 13, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 14 от 08 октября 1998 г. // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 1998. – № 11.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ В ПЕРЕЧЕНЬ СУБЪЕКТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАПИТАНА МОРСКОГО СУДНА

Рассматривается вопрос о необходимости законодательного закрепления права капитана морского судна на проведение оперативно-розыскных мероприятий при совершении преступления на борту морского судна. В частности, анализируются законодательная регламентация возможности отнесения их к субъектам оперативно-розыскной деятельности. Аргументируются основания и пределы проведения непроцессуальных действий, проводимых капитаном морского судна. Так, капитану морского судна при совершении преступления на судне в открытом море и невозможности в ближайшее время оказаться в порту, приходится проводить оперативно-розыскные мероприятия и неотложные следственные действия. Однако легализация полученных оперативных материалов представляет сложность, кроме того, не следует забывать, что оперативно-розыскная деятельность – достаточно эффективный инструмент проверки сообщений о преступлении, так как зачастую, даже при наличии повода к возбуждению уголовного дела, установить и зафиксировать признаки преступления только уголовно-процессуальными мерами не представляется возможным. Все это предопределяет необходимость включения в перечень субъектов оперативно-розыскной деятельности капитана морского судна. Приводятся различные точки зрения по исследуемой проблеме, предложены законодательные изменения о субъектах оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: капитан морского судна, субъекты оперативно-розыскной деятельности, непроцессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Немаловажное место в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности на объектах морского транспорта занимает субъект проведения оперативно-розыскных мероприятий. Отдельные ученые к данному субъекту относят и капитана морского судна [10, с. 160], в рамках нашего исследования мы постараемся определить, может ли он выступать в этом качестве.

В системе организационно-правовых средств по обеспечению безопасности мореплавания важное место занимает решение капитана морского судна. Должностные полномочия капитана в зависимости от исполняемых им функций подразделяются на три группы:

1. Полномочия по управлению судном и судовождению (ст. 61 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее – КТМ));

2. Полномочия по предоставлению интересов судовладельца и грузовладельца (с. 71 КТМ РФ);

3. Полномочия представителя государственной власти (при исполнении функций дознания на борту судна при совершении уголовного преступления, проведения неотложных следственных действий и возбуждению уголовного дела согласно Международному кодексу проведения расследований аварий и инцидентов на море 1997 г, а также ст. 69, 69.1 КТМ РФ и п. 1 ч. 3 ст. 40 УПК РФ).

Для нашей работы интерес представляют полномочия капитана как органа дознания.

Уголовно процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) в ч. 3 ст. 40 возложил на капитанов судов обязанность в случае совершения на судне преступления возбудить уголовное дело в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ, и провести неотложные следственные действия. К этому следует

добавить, что ст. 40 УПК РФ, закрепляющая права и обязанности органов дознания, перечисляет лишь их уголовно-процессуальные полномочия, не касаясь оперативно-розыскных полномочий.

В Уставе службы на судах рыбопромыслового флота РФ в пп. (05) п. 30 указано, что в случае совершения на судне, находящемся в плавании, уголовно наказуемого деяния, капитан имеет право произвести дознание в установленном законодательством порядке, задержать и изолировать лицо, подозреваемое в совершении преступления, до прихода в первый порт для передачи его с материалами дознания соответствующим властям.

На судне, находящемся в плавании, капитан возбуждает уголовное дело публичного обвинения и осуществляет неотложные следственные действия в соответствии с УПК РФ. Приказом министерства транспорта в 2012 году был утвержден «Порядок и особенности выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения (далее – Порядок)». Согласно требованию «Порядка», капитан судна в процессе выполнения своей служебной деятельности выполняет также непроцессуальные действия.

Прежде чем приступить к изучению возможности исполнения капитаном судна обязанностей субъекта оперативно-розыскной деятельности (далее субъекта ОРД) необходимо уяснить сущность такого понятия как непроцессуальные действия.

Понятие непроцессуальные действия законодатель не раскрывает, а встречающиеся в юридической литературе дефиниции достаточно разнообразны и очень часто приводятся без какой-либо аргументации. В то же время научной дискуссии по этому вопросу практически не велось.

Так, одним из первых М.С. Строгович определил, что непроцессуальные действия – это действия, которые носят как оперативно-розыскной, так и процессуальный характер. Облекаемые в процессуальную форму, они являются следственными действиями, выступающими в виде оперативно-розыскных мер – носят непроцессуальный характер и могут производиться только органами милиции [12, с. 43]. Более широкое толкование понятие непроцессуальных действий предложил Д.И. Бедняков, который отнес к непроцессуальным действиям предельно широкий набор. Помимо действий, проводимых в ходе оперативно-розыскных мер, это и действия по получению информации субъектами доказывания с помощью действий, не предусмотренных законом; действия по получению информации о преступлении, полученные гражданами, организациями, предприятиями; данные, собираемые юридическими кооперативами, частными сыскными агентствами [2]. Похожую позицию занимает А.П. Дербенев, утверждая, что понятием непроцессуальные действия охватываются и розыскные действия следователя (складывающиеся из направлений отдельных поручений органу дознания), и оперативно-розыскные меры органа дознания [6, с. 78–82]. Анализ определений, предложенных данными авторами, дает основание полагать, что большинство из них под непроцессуальной деятельностью понимают действия по сбору сведений, добытых при помощи иных, нежели уголовный процесс, познавательных технологий, в частности, при помощи административного производства, оперативно-розыскной и частной детективной (сыскной) деятельности [7, С. 38–40].

Такой подход получил свое дальнейшее развитие в работах А.Г. Лекаря, Д.В. Гребельского, которые считали, что различие между процессуальными и непроцессуальными действиями заключается в их непосредственных целях и в характере средств и методов, с помощью которых эти меры осуществляются [5, с. 55–57; 8]. Таким образом, из числа представленных в юридической литературе мнений можно выделить два подхода к определению понятия непроцессуальные действия: узкий и широкий. Узкий подход основан на признании непроцессуальными действиями только оперативно-розыскных действий, проводимых следователем или оперативным сотрудником в рамках возбужденного уголовного дела. Широкий подход, к сторонникам которого мы себя относим, базируется на рассмотрении непроцессуальных действий как действий проводимых различными субъектами по сбору информации, направленной на отыскание сведений об обстоятельствах, указывающих на совершение или подготовку преступления, а также отыскание дополнительных сведений по возбужденному уголовному делу средствами и методами, не упоминаемыми в УПК.

Включение в Правила п. 1 указывает на производство наряду с возбуждением уголовного дела непроцессуальных действий, на то, что орган, производящий дознание (капитан судна), непременно должен обладать оперативными полномочиями [10, с. 114–125].

Вместе с тем, как отмечает Б.Т. Безлепкин, «необходимость в проверочных действиях возникает по самым различным причинам, которые объединяются следующим соображением: сведения о преступлении, содержащиеся в источнике первичной информации, сомнительны; немедленное возбуждение уголовного дела может завтра же повлечь его прекращение» и в том, что «решающая роль в установлении оснований к возбуждению уголовного дела принадлежит негласным комбинационным оперативно-розыскным средствам и методам проверки заявлений и сообщений, которые являются более гибкими по сравнению с процессуальными проверочными действиями... В сложных, запутанных ситуациях, когда ответить на вопрос о событии преступления, не выходя из кабинета следователя, практически невозможно, только сведения, добытые оперативно-розыскным путем – гласным или негласным, – способны внести ясность в вопрос, было ли преступление и каков его характер» [3, с. 21–25].

Фактически Б.Т. Безлепкин соотнес понятие орган дознания и субъекты ОРД и тем самым причислил капитана морского судна к субъекту ОРД. Но сколь правомерно ставить между ними знак равенства?

В ст. 13 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности (далее – ФЗ об ОРД) указан перечень субъектов ОРД, т.е. круг органов, уполномоченных государством осуществлять оперативно-розыскную деятельность. При этом законодатель относит к ним только оперативные подразделения. Исходя из прямого толкования данной нормы, никто другой таким правом не наделен: можно сделать вывод о том, что и руководители перечисленных органов не могут осуществлять данную деятельность, исходя из их правового статуса.

В юридической науке известны различные подходы к пониманию субъектов ОРД.

Одна позиция представлена А.Ю. Шумиловым, К.М. Тарсуковым и А.Е. Чечетиним [14, с. 100–112; 13, с. 99; 15, с. 52], которые под субъектами ОРД признают только тех, кто обладает необходимыми полномочиями, выступает их организатором, непосредственным исполнителем и несет ответственность за законность и обоснованность предпринимаемых действий. Сторонники другой позиции В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров к субъектам ОРД относят оперативных работников; сотрудников других (не оперативных) подразделений органов, осуществляющих ОРД; лиц, оказывающих содействие; специалистов; руководителей оперативных подразделений. При определенных обстоя-

ательствах субъектами ОРД являются следователи, прокуроры, судьи, а также должностные лица правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств [1, с. 7]. С.И. Захарцев субъектом ОРД считает оперативное подразделение и (или) физическое вменяемое лицо (оперативник, агент и др.) [9, с. 34].

Таким образом, в приведенных точках зрения субъекты ОРД отождествляются с участниками. Это понятие охватывает достаточно широкий круг лиц, и импонирует автору, так согласно ч. 5 ст. 6 ФЗ об ОРД в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, используют иных должностных лиц и специалистов и отдельных граждан. При этом прочтение данной нормы закона не позволяет сделать однозначный вывод о том, относить ли этих лиц к субъектам ОРД или нет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что капитаны морских судов являются субъектами ОРД. Данный вывод мы делаем по следующим основаниям:

1. Капитаны морских судов обладают специальными полномочиями по проведению ОРМ на судах при совершении преступлений;

2. Как должностное лицо, выполняющее правоохранительные функции на судне, капитан будет являться специальным субъектом уголовно-правовых отношений в случае, если в результате их действий произойдет существенное нарушение охраняемых уголовным законом прав;

3. Как правило, капитан выступает инициатором и организатором проведения непроцессуальных действий в случае совершения преступления на судне. Фактически он становится субъектом управления системой расследования, которая на наш взгляд, включает в себя и систему оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступления.

4. В функции капитана входит оформление полученных результатов. По существу вопрос сводится к временному принятию капитаном морского судна функций субъекта ОРД, призванного решить определенную задачу – раскрыть и расследовать конкретное преступление, совершенное на судне.

Учитывая вышеизложенное, автор считает необходимым предусмотреть отдельные нормы, закрепляющие положения о субъектах оперативно-розыскной деятельности. К таким субъектам должны быть отнесены и должностные лица, в том числе и капитаны морских судов, осуществляющие деятельность в местах удаленных от правоохранительных органов, в случае совершения в данной местности преступления. Капитан морского судна может частично осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях раскрытия преступления на вверенном ему объекте до прибытия сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. *Атмажитов В.М., Бобров В.Г.* Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики: материалы научно-практического семинара // Академия Управления МВД России. – М., 2005. – С. 21–31.

2. *Бедняков Д.И.* Не процессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991. – 208 с.

3. *Безлепкин Б.Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. – М., 2010. – 288 с.

4. *Бекяшев К.А.* Морское рыболовное право. – М.: Колос, 2001. – С. 248–254.

5. *Гребельский Д.В.* Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции // Соц. законность. – 1974. – № 3. – С. 55–57.

6. *Дербенев А.П.* Пределы поручений следователя органам дознания о производстве розыскных действий // Правоведение. – 1983. – № 4. – С. 78–82.

7. *Доля Е.А.* Результаты оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2007. – № 6. – С. 38–42

8. *Лекарь А.Г.* Актуальные вопросы организации и тактики предотвращения преступлений органами внутренних дел // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по укреплению социалистической законности и правопорядка в стране на современном этапе: Социологическая и криминологическая секции. Материалы Всесоюзной научной конференции, 6–8 октября 1970 г. – М.: НИИРЮ ВШ МВД СССР, 1971. – Вып. 2. – С. 8–19.

9. *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – 259 с.

10. *Рыжаков А.П.* Процессуальное решение о возбуждении уголовного дела публичного обвинения // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 114–125.

11. *Рыжаков А.П.* Правоохранительные органы: Учебник для вузов 3-е издание, переработанное. – М., 2013. – 285 с.

12. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Наука, 1970. – 616 с.

13. *Тарсуков К.М.* Способы собирания оперативно-розыскной информации. Учеб. пособие. – М., 1997. – 120 с.

14. *Шумилов А. Ю.* Законодательство в области оперативно-розыскной деятельности как новое нормативное правовое образование // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 2. – С. 20–25.

15. *Чечетин А.Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.

References

1. *Atmazhitov V.M., Bobrov V.G.* Operativno-rozysknye meropriyatiya: aktual'nye voprosy

- teorii i praktiki: materialy nauchno-prakticheskogo seminara // Akademiya Upravleniya MVD Rossii. – M., 2005. – S. 21–31.
2. Bednyakov D.I. Ne processual'naya informaciya i rassledovanie prestuplenij. – M., 1991. – 208 s.
3. Bezlepkin B.T. Nastol'naya kniga sledovatelya i doznavatelya. – M., 2010. – 288 s.
4. Bekyashev K.A. Morskoe rybolovnoe pravo. – M.: Kolos, 2001. – S. 248–254.
5. Grebel'skij D.V. Pravovaya osnova operativno-rozysknoj deyatel'nosti sovetskoj milicii // Soc. zakonnost'. – 1974. – № 3. – S. 55–57.
6. Derbenev A.P. Predely poruchenij sledovatelya organam doznaniya o proizvodstve rozysknyh dejstvij // Pravovedenie. – 1983. – № 4. – S. 78–82.
7. Dolya E.A. Rezul'tatam operativno-rozysknoj deyatel'nosti nel'zya pridavat' status dokazatel'stv v ugovnom processe // Rossijskaya yusticiya. – 2007. – № 6. – S. 38–42
8. Lekar' A.G. Aktual'nye voprosy organizacii i taktiki predotvrashcheniya prestuplenij organami vnutrennih del // Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov vnutrennih del poukrepreniyu socialisticheskoy zakonnosti i pravoporyadka v strane na sovremennom eh tape: Sociologicheskaya i kriminologicheskaya sekcii. Materialy Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii, 6–8 oktyabrya 1970 g. – M.: NiRIO VSH MVD SSSR, 1971. – Vyp. 2. – S. 8–19.
9. Zaharcev S.I. Operativno-rozysknye meropriyatiya: Obshchie polozheniya. – SPb.: YUridicheskij centr-Press, 2004. – 259 s.
10. Ryzhakov A.P. Processual'noe reshenie o vzbuzhdenii ugovnogo dela publicnogo obvineniya // Pravovedenie. – 2003. – № 3. – S. 114–125.
11. Ryzhakov A.P. Pravoohranitel'nye organy: Uchebnik dlya vuzov 3-e izdanie, pererabotannoe. – M., 2013. – 285 s.
12. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 2: Poryadok proizvodstva po ugovnym delam po sovetskomu ugovno-processual'nomu pravu. – M.: Nauka, 1970. – 616 s.
13. Tarsukov K.M. Sposoby sobiraniya operativno-rozysknoj informacii. Ucheb posobie. – M., 1997. – 120 s.
14. SHumilov A. YU. Zakonodatel'stvo v oblasti operativno-rozysknoj deyatel'nosti kak novoe normativnoe pravovoe obrazovanie // Operativnik (syshchik). – 2007. – № 2. – S. 20–25.
15. CHEchetin A.E. Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknyh meropriyatij. – M.: Izdatel'skij dom SHumilovoj I.I., 2006. – 180 s.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.И. ГРУЗДЕВА (К 110-летию со дня рождения)

В статье приводятся убедительные доводы А.И. Груздева, касающиеся атрибуции поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», основанные на его текстологических поисках и до сих пор не учтённые в современных изданиях произведений поэта. Раскрывается вклад А.И. Груздева в изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в исследование цикла «декабристских» поэм. Утверждается, что учёный одним из первых обратил внимание на православно-христианскую основу поэтического мирозерцания Некрасова. В статье показана роль А.И. Груздева в воспитании целой плеяды костромских литературоведов.

Ключевые слова: историко-литературное наследие, текстологические наблюдения, атрибуция, жанровое своеобразие, руководство аспирантами.

Александр Иванович Груздев (1908–1981) принадлежал к славной плеяде историков русской литературы, оформившейся в стенах Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена под руководством известного литературоведа и педагога Василия Алексеевича Десницкого.

На долю поколения А.И. Груздева выпала нелёгкая фронтальная судьба, оборвавшая в лучшие годы молодости многие планы и начинания. А.И. Груздеву пришлось вернуться к ним лишь в 1946 году, вернуться опалённым войной, прошедшим суровую и жестокую школу жизни.

Именно в послевоенные годы, в зените жизненного опыта, наступил расцвет научно-педагогической деятельности А.И. Груздева. Круг его интересов был очень широк и многосторонен: творчество С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, которому А.И. Груздев посвятил специальную монографию, большая текстологическая работа над изданием собраний сочинений Н.С. Лескова, Н.А. Добролюбова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.

Однако основным «героем» исследовательских статей и книг А.И. Груздева оказался Н.А. Некрасов. В октябре 1963 года я поступил в аспирантуру при кафедре истории русской литературы ЛГПИ им. А.И. Герцена. Александр Иванович, который тогда заведовал этой кафедрой, стал моим научным руководителем. Выбор темы кандидатской диссертации «Поэмы Н.А. Некрасова второй половины 1850-х годов («Несчастные» и «Тишина»)» был вдохновлён им.

Перу Александра Ивановича принадлежит цикл текстологических исследований, среди которых особенно выделяются статьи о «Кому на Руси жить хорошо». Тщательно изучив творческую историю поэмы, её автографы, прижизненные публикации, мемуары и письма современников поэта, он восстановил отвечающий замыслу Некрасова и логике развития художественных образов его произведения порядок расположения частей в поэме, при-

нятый теперь в большинстве научно проверенных её изданий.

Текстологические открытия А.И. Груздева нашли убедительное подкрепление в работах, посвящённых целостному анализу поэмы. В специальных статьях и монографии о «Кому на Руси жить хорошо» учёный опроверг устойчивое мнение о незавершенности поэмы, согласно которому она представляет собою лишь фрагменты неосуществленного замысла. Он исследовал внутреннюю динамику сюжета поэмы – рост народного самосознания – и увидел в так называемой «фрагментарности» композиции глубокий содержательный смысл, обусловленный эпической её природой.

Работы А.И. Груздева о «Кому на Руси жить хорошо» известны сейчас не только специалистам. Они популярны в среде студентов-филологов и учителей русского языка и литературы. Он был одним из редакторов пятого тома Академического собрания сочинений Н.А. Некрасова, целиком посвящённого поэме «Кому на Руси жить хорошо» и вышедшего в свет уже после его смерти. В результате тщательной текстологической работы Александр Иванович внёс существенные поправки в канонический текст поэмы, обновлённый в соответствии с последней волей поэта. Учёный исключил из него строки о Григории Добросклонове, вычеркнутые Некрасовым в автографе, но произвольно восстановленные советскими литературоведами по причине их «революционного» звучания:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

В статье «О спорном четверостишии в поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”» А.И. Груздев сделал вывод, что этот отрывок «не согласуется с основной идеей поэмы. Некрасов устранил из “Пира” не только стихи о чахотке и Сибири, но и мысль о возможности безвременной кончины Гриши и главное – об отсутствии

счастливого на Руси. В результате системы авторских правок изменилась центральная идея произведения. Историки литературы не имеют права не замечать столь значительной авторской правки текста» [1, с. 193].

С другой стороны, исследователь убедительно обосновал необходимость включения в канонический текст «Пира на весь мир» очень значимых стихов о формировании мировоззрения главного героя поэмы Григория Добросклонова:

С бурлака мысли Гришины
 Ко всей Руси загадочной,
 К народу перешли.
 (В те времена хорошие
 В России дома не было,
 Ни школы, где б не спорили
 О русском мужике.)
 Ему всё разом вспомнилось,
 Что видывал, что слыхивал,
 Живя с народом, сам.
 Что думывал, что читывал,
 Всё – даже и учителя,
 Отца Аполлинария,
 Недавние слова:
 «Издравле Русь спасалася
 Народными порывами».
 (Народ с Ильею Муромцем
 Сравнил учёный поп.)
 И долго Гриша берегом
 Бродил, волнуясь, думая,
 Покуда песней новою
 Не утолил натруженной.
 Горящей головы. [5, с. 233]

Так в число наставников отрока попадает не только народ, но и учитель духовной семинарии отец Аполлинарий, народолюбец и патриот. Его историческая мудрость тоже формирует ёмкий поэтический смысл сочинённой Гришей финальной песни «Русь».

Большой вклад внёс А.И. Груздев в изучение шедевра некрасовского творчества – поэмы «Мороз, Красный нос». В обстоятельной и глубоко аргументированной работе, бесспорно лучшей в числе исследований, посвящённых этой поэме, он показал, что «Мороз, Красный нос» является произведением эпохального масштаба, выводящим поэтический эпос на новые пути. Сквозь бытовой сюжет просвечивает у Некрасова эпическое событие. Испытывается на прочность крестьянский семейный союз. Показывая семью в момент драматического потрясения её устоев, Некрасов держит в уме общенародные испытания. «Века протекали!» В поэме, по утверждению А.И. Груздева, это не поэтическая декларация: всем содержанием, всем метафорическим строем поэмы Некрасов выводит сиюминутное событие к вековому течению российской истории, крестьянский быт – к всенародному бытию.

Коснусь некоторых эпизодов нашего общения в ходе работы Александра Ивановича над этой поэмой. Однажды он обратился ко мне с вопросами текстологического характера, связанными с автографами Некрасова в «Записной тетради № 4», хранившимся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина:

«Дорогой Юрий Владимирович, я на несколько дней выбрался в Москву и работал в Ленинской библиотеке над теми документами, над которыми в своё время трудились Вы. Мне не вполне понятно происхождение и назначение некрасовской «Записной тетради № 4». Как Вы помните, она открывается поэмой «Несчастные», авторизованной 1856 годом. Затем идёт стихотворение «Детская комедия» («Крестьянские дети») с пометой под текстом: «1861. Грешнево, 14 июля». Затем – «Тишина» в какой-то ранней редакции, с пометой «8 дек. 1856. Рим». Затем идут стихотворения, написанные в 1861 г: «Ты как подёнщик...», «Похороны», «Коробейники» и др.

Как Вы думаете: 1) Была ли эта тетрадь в Риме? 2) Писались ли «Несчастные» и «Тишина» в эту тетрадь в 1856 г. или переписаны позднее? 3) Если поэмы «Несчастные» и «Тишина» писались в этой тетради в Риме, то как попали между ними «Крестьянские дети», созданные в 1861 году?

Напишите, пожалуйста, что Вы обо всём этом думаете. Только, если возможно, не откладывайте ответа. В прошлом году весной мы с Вами «перебросились» записками очень мобильно. Пусть и с этим письмом будет так же. Ваш А. Груздев. 8.10.70. Москва».

Помнится, что в ответном письме я изложил Александру Ивановичу свою версию так: автографы сшивались в тетрадь позднее, возможно, в конце 1861 года, и «перегнутый» надвое листок с автографом «Тишины» случайно попал в переплёт после «Крестьянских детей». О том, что автографы «Несчастных» и «Тишины» были написаны именно в 1856 году, свидетельствует сходство их почерка, одинаковый цвет чернил и т. д. А все вещи, созданные в 1861 году, включая «Крестьянских детей», написаны более аккуратно и мелко с более ярким цветом чернил. Известно, что с годами почерк у человека меняется. И на данном примере это очевидно.

Откликаясь на мои текстологические догадки, Александр Иванович писал: «Дорогой Юрий Владимирович, благодарю Вас за скорый и содержательный ответ. Ваши наблюдения, раздумья и приложение мне помогли. Некоторые вопросы у меня ещё остаются, мне хочется с Вами ещё раз побеседовать, тем более что в конце письма Вашего – тронувшая меня приписка, что Вы согласны говорить на эту тему как угодно долго.

Напомню Вам некоторые даты:

а. «Ты как подёнщик...» – под текстом: «1861, 14 июля», над текстом: «7 июля».

б. «Похороны» – под текстом: “1861, июль 22–25”.
в. «Коробейники» – над текстом: “25” августа”,
под текстом: “25 авг. 1861”.

Далее на листе 60 идёт “По дороге зимой” – без даты.

На обороте листа 60 – “Литература с трескучими фразами...”

Допустим, что переплётчик сшил листы с текстом “а, б, в” правильно и последовательно (доказательство – авторская датировка). А затем, допустим, что он действовал наугад и так же наугад, вшил листы. Но “Литература с трескучими фразами” написана на обороте листа 60. А на лицевой стороне листа 60 записано “По дороге зимой”. Следовательно, “По дороге зимой” написано раньше “Литературы с трескучими фразами” и создавалось не позднее 1862 года. Но ведь тогда для датировки “Мороза” потребуется иная дата: 1861–1863, или, опять-таки, в крайнем случае, 1862–1863! Вот что меня занимает.

Уже полтора месяца пишу о “Морозе”, написал листа 2 и конца пока не вижу. Правда, датировка, о которой я Вас спрашиваю, мне для работы пока не очень нужна. Мне Ваши текстологические соображения потребуются потом. Если Вы ответите, как и на моё первое письмо, буду рад и благодарен. Ваш А. Груздев».

Не помню, что я ответил тогда своему учителю. Статью «“Мороз, Красный нос” – эпическая поэма нового типа», о работе над которой шла речь в письме, Александр Иванович опубликовал в сборнике «О Некрасове. Статьи и материалы. Выпуск IV. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1975». Но вопросов атрибуции поэмы он в ней так и не коснулся. Не учла его наблюдений и О.Б. Алексеева, комментируя «Мороз» в четвёртом томе академического Некрасова и проставляя такие даты работы над поэмой: 1863–1864 [4, с. 556–562].

А между тем отнесение начала работы над «Морозом» к 1862-му году существенно меняет представление об историческом контексте, побудившем Некрасова к созданию этой поэмы. Замысел «Мороза» обычно связывают с польским восстанием 1963 года, жестоко подавленным правительством, и с наступившим спадом общественного движения, когда радикально настроенная интеллигенция потеряла веру в народ.

А.И. Груздев показывает, что зерно поэтического замысла «Мороза» созрело значительно ранее, почти одновременно с завершением работы над поэмой «Коробейники». Некрасов пребывал тогда в состоянии тревоги и растерянности [3, с. 239–332]. По доносу провокатора В. Костомарова 14 сентября 1861 года был арестован М.Л. Михайлов и приговорён к шести годам каторжных работ с пожизненным поселением в Сибири. 17 ноября 1861 года умер Н.А. Добролюбов. В июне был при-

остановлен на 8 месяцев «за вредное направление» журнал «Современник». 7 июля 1862 года заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости Н.Г. Чернышевский.

Потеряв верных друзей и оказавшись не у дел, 30 ноября Некрасов получил известие о смерти отца. В первых числах декабря он приехал в Грешнево, занимался там строительством нового родового склепа у алтаря Благовещенской церкви села Абакумцева рядом с могилой матери, хлопотал об устройстве на собственные средства начальной школы для крестьянских детей. Тогда же совершался раздел отцовского имения между братьями и сестрой поэта Анной Алексеевной Буткевич.

Вероятнее всего, в начале декабря 1862 года, по пути из Ярославля в Грешнево, и было написано Некрасовым стихотворение «По дороге зимой» – зерно замысла поэмы «Мороз, Красный нос»:

Савраска увяз в половине сугроба, –
Две пары промёрзлых лаптей
Да угол рогожей й покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.
Старуха, в больших рукавицах,
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу – должно полагать.
Привычная дума поэта
Вперёд забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избёнка в деревне стоит,
В избушке – телёнок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.
Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

(ГБЛ, «Записная тетрадь № 4», л. 60)

В контексте случившихся в 1861–1862 годах событий становятся понятными строки *Посвящения сестре поэта Анне Алексеевне*, которым открывается поэма «Мороз, Красный нос»:

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблёлки листы
В ночь, как бедная мать умирала... [4, с. 78]

Есть все основания признать неопровержимыми наблюдения А.И. Груздева и атрибутировать работу Некрасова над поэмой «Мороз, Красный нос» 1862–1863 гг.

В 1971 году А.И. Груздев успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Поэмы Н.А. Некрасова 1860–1870-х гг. (Природа жанра)». Я был

на его защите и писал своим друзьям в Кострому: «Нахлынула тьма народу, все ленинградские “киты” присутствовали. Дело затянули оппоненты, которых к концу защиты никто уже не слушал. А.М. Докусов озвучивал свою речь более часа (его отзыв оказался около 20-ти страниц). Потом выступали И.Г. Ямпольский и С.А. Рейсер. Но Александр Иванович блестяще разрушал этот скучный ритуал. Он был на высоте! Его ответы оппонентам, живые и остроумные, постоянно вызывали аплодисменты в аудитории».

В диссертации Александр Иванович проявлял пристальный интерес к проблемам жанрового своеобразия некрасовских поэм. В монографии «Декабристский цикл поэм Некрасова», опубликованной в Ленинграде в 1976 году, он настаивал на том, что поиски видовой и жанровой определённости – отнюдь не формальное дело. Жанр поэмы – это «произведение большой мысли, значительного содержания. Судьбы народа и нации, судьбы личности в их сложном переплетении с народными судьбами, прошлое и настоящее страны, закономерности её развития определяют художественный мир поэмы, составляют её основу». В конкретном исследовании поэм декабристского цикла А.И. Груздев убедительно показал, что некрасоведы, игнорирующие жанровую специфику поэтического эпоса Некрасова, приземляют и неоправданно обытовляют высокий, поэзный пафос его творчества.

По-новому охарактеризовал А.И. Груздев и причину обращения Некрасова к декабристской теме. Он увидел её в отрицательной реакции поэта на «Нечаевский процесс». Если Достоевский откликнулся на него романом «Бесы», то Некрасов – поэмами «Дедушка» и «Русские женщины». Некрасов избрал тактику, отличную от Достоевского. Он действовал «от противного»: его герои-декабристы были своеобразным упрёком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта.

Александр Иванович одним из первых русских некрасоведов обратил внимание на православно-христианскую основу поэтического мирозерцания Некрасова. Он подметил, например, что библейские строки поэмы «Дедушка» «задают высокий тон, определяют её атмосферу. Возвратившийся из ссылки дедушка торжественно снимает с шеи “образ распятого Бога”. Поэту дорога такая ассоциация – пострадавший, распятый за людей Христос и пострадавший за людей, возвратившийся в родные края старец» [2, с. 85]. Все народные заступники у Некрасова, в отличие от нигилистического уклона, свойственного реалиям революционного движения тех лет, напоминают русских святых.

В декабре 1978 года, на кафедре литературы ЛГПИ им. А.И. Герцена отмечали 70-летие

А.И. Груздева. На этом юбилее я сказал о своём учителе такие слова: «Дорогой Александр Иванович! Я выступаю здесь не только от себя лично, но и от целой группы Ваших учеников, от целой колонии костромичей-герценовцев. Это, прежде всего, Б.М. Козлов, Н.А. Лобкова и я, но это и А.В. Торопова, А.М. Крупышев, Л.Д. Волкова и другие. По сути – от имени и по поручению всей кафедры русской и зарубежной литературы Костромского педагогического института имени Н.А. Некрасова.

Мы долго обсуждали с друзьями и коллегами, какое самое отличительное свойство характера Александра Ивановича ценили и ценим мы – ученики нашего юбиляра? Чем он нам особенно близок и дорог? И мы решили, что первое и главное достоинство Александра Ивановича – мудрость. Мудрость как особое качество ума, приобретаемое не книжными знаниями только, но прежде всего суровым жизненным опытом, ощущением жизни в её глубоких, почвенных основах.

Как человек и педагог Александр Иванович не речист и не многословен. Но именно в этой внутренней сдержанности и не суетности – главное достоинство его ума. Вспоминается мне по этому поводу один эпизод из аспирантской жизни. Известно, что Александр Иванович бережно и чутко относится к творческим возможностям аспиранта. Его свободу он ничем не сдерживает и не сковывает. Но когда следует, он бывает очень требователен и крут.

Помню, что в одной из глав своей диссертации я, окрылённый первыми успехами и щедрыми одобрениями своего руководителя, слишком широко размахнулся пером. Получилось, как мне казалось тогда, и умно, и красиво, и я с победными ожиданиями вручил текст моему учителю.

Александр Иванович взял всё это и вернул мне рукопись с лукавой усмешкой, не сделав ни одного замечания. Дома, как всегда, лихорадочно перелистал я страницу за страницей – ни одной заметки на полях. Полный успех! Добираюсь до последней странички и – о, ужас – в конце рукописи крупными буквами рукою Александра Ивановича написано следующее: “О, друг мой, Юрий Владимирович, об одном прошу тебя – не говори красиво!” Острое чувство правды-истины, идущей от глубинных национальных корней, является драгоценным качеством мудрого человека и бережного руководителя.

Вообще Александр Иванович часто повторял с укоризною в наши аспирантские годы слова своего любимого поэта Н.А. Некрасова, относя их к некоторым нашим научным сочинениям:

Верить, не верить – ему всё равно,

Лишь бы доказано было умно! [4, с. 25]

Дорогой наш учитель, примите от костромичей скромный подарок – герб нашего города, выполненный Красносельскими ювелирами. Низкий

поклон Вам за то, что Вы вдохнули жизнь в паруса костромской литературной ладьи».

Александр Иванович ушёл из жизни 5 декабря 1981 года. Горькую весть об этом получил я от Николая Николаевича Скацова: «Юра, дорогой. Схоронили мы Александра Ивановича, если это называется “схоронили” (в крематории – там и ритуал весь был). Всё прошло достойно. Приезжали Вида, Люба Ильина из Вильнюса, Полякова из Архангельска. Потом помянули.

Ленинград, конечно, опустел. Для меня и для Вас, во всяком случае.

Какое-то утешение, что я не поддался нажимам, и он до конца был на кафедре.

В пятницу были на дне его рождения, а в субботу – за столом – почти с шуткой и в хорошем настроении: только два раза вздохнул. Лёгкая смерть, как говорят...».

Библиографический список

1. *Груздев А.И.* О спорном четверостишии в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вопросы истории русской литературы. Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1961. – Т. 219. – С. 187–194.

2 *Груздев А.И.* Поэма Некрасова «Дедушка» // О Некрасове. Статьи и материалы. Выпуск 3. –

Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. – 336 с.

3. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Том второй. 1856–1866. – СПб.: Наука, 2007. – 555 с.

4. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. – Л.: Наука, 1982. – 656 с.

5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. – Л.: Наука, 1982. – 688 с.

References

1. Gruzdev A.I. O spornom chetverostishii v poehme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» // Voprosy istorii russkoj literatury. Uchyonye zapiski LGPI im. A. I. Gercena. – Leningrad, 1961. – T. 219. – S. 187–194.

2 Gruzdev A.I. Poehma Nekrasova «Dedushka» // O Nekrasove. Stat'i i materialy. Vypusk 3. – Yaroslavl': Verhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. – 336 s.

3. Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova. Tom vtoroj. 1856–1866. – SPb.: Nauka, 2007. – 555 s.

4. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. – T. 4. Poehmy 1855–1877 gg. – L.: Nauka, 1982. – 656 s.

5. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. – T. 5. Komu na Rusi zhit' horosho. – L.: Nauka, 1982. – 688 s.

500 ЛЕТ РЕФОРМАЦИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

31 октября 2017 исполнилось 500 лет немецкой Реформации. Юбилейной датой отсчета стало событие, которое положило начало целой историко-культурной традиции – публикация «95 тезисов» доктора богословия Мартина Лютера, которые, как принято считать, были прибиты им к двери церкви в Виттенберге. Более ранние юбилеи Реформации отмечались довольно широко с общенациональной точки зрения (подчеркивалась роль Лютера; сами юбилеи были в достаточной степени персонализированы), в конфессиональном плане юбилей Реформации был связан с последствиями, приведшими к расколу среди немецких христиан. В 2017 году в Германии отмечался не просто 500-летний юбилей Реформации, а последовательно проводились знаковые мероприятия, основным содержанием которых стали широкие дискуссии о том, какую роль Реформация сыграла в становлении современного общества, чем немцы обязаны Лютеру и как идеи Реформации способны интегрировать нацию в эпоху глобальных «вызовов».

Юбилей Реформации уже давно утратил свое исключительно общенемецкое значение, став событием поистине мирового значения, которое широко отметили в разных странах: от Огненной Земли до Финляндии, от Южной Кореи до Северной Америки. Международные проекты: передвижные выставки, путешествия лютеранского хора, сотрудничество учреждений и студенческие обмены, международные конгрессы и туризм, а также многое другое свидетельствует о всемирном значении Реформации.

Ввиду того, что исключительность религии в деле конструирования и идентификации общества, поддержания определенного порядка в XX века оказалась поколебленной (войны, революции, идеологии секулярного общества), важность дискуссий, инициированных юбилейной датой Реформации, дает основание задуматься о тенденциях развития будущего.

26 декабря 2017 года в институте гуманитарных исследований и социальных технологий состоялось заседание круглого стола, посвященное обсуждению актуальных проблем изучения Реформации: «500 лет Реформации: История и культура». Оно было организовано кафедрой истории и посвящено памяти доцента А.С. Сазоновой (1921–

2003), долгое время преподававшей курс Истории средних веков. Областью интересов А.С. Сазоновой была предыстория Реформации в Чехии. Хотя понятие «реформация» в историко-культурной традиции рассматривается в общеевропейском контексте, никто не отрицает национальной специфики и своеобразия реформационного движения в ряде европейских стран. Так, например, чешская реформация берет начало с 1403 года, когда в Пражском университете развернулись дискуссии о «тезисах» английского богослова-реформатора Джона Уиклифа (1320–1384). Участником и защитником Уиклифа стал чешский богослов и ректор Пражского университета Ян Гус, идеолог реформации в Чехии.

В заседании приняли участие преподаватели, студенты, представители лютеранских церквей и общественности. Круглый стол завершал ряд научно-образовательных мероприятий, посвященных юбилею Реформации и различным аспектам церковной истории, прошедших в Костромском государственном университете в 2017 году (лекции др. Франка Шнайдера (Германия) о Мартине Лютере, семинары проф. И.А. Едошиной, посвященные судьбам русских православных священников, международная конференция по духовно-нравственным основам русской литературы).

Заседание круглого стола было посвящено разнообразным аспектам истории и историографии Реформации. Участниками были затронуты традиции оценок и интерпретаций Реформации: от «ключевого события немецкой истории, связанного с Лютером» (Ранке) и «события национальной важности, обеспечившего её единство» (Трейчке) до «политической борьбы с мечом Лютера в руках» (Буркхардт), «раскола империи, приведшего к многовековому отставанию» (Ницше) и «разрыва культурно-исторической преемственности» (Яннсен).

Тематика и содержание докладов продемонстрировали в полной мере многообразие подходов и интерпретаций изучения Реформации в контексте ее значения для европейской цивилизации. Участникам удалось актуализировать научно-богословские, историко-культурные аспекты изучения Реформации в России и за рубежом в свете современного междисциплинарного знания.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЯНА ГУСА: ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ А.С. САЗОНОВОЙ

В статье исследуется вклад ученого-медиевиста, преподавателя Костромского государственного педагогического института Антонины Сергеевны Сазоновой в развитие отечественной гуситологии. Прослеживается развитие отечественного славяноведения после революции 1917 года до начала 1950-х годов. Указывается, что после окончания Второй мировой войны и формирования социалистической системы стран Восточной Европы ситуация для отечественного славяноведения меняется в благоприятную сторону, создается Институт славяноведения АН СССР. В это время появляется несколько диссертаций по гуситологии. Одной из первых была диссертация А.С. Сазоновой, посвященная учению чешского религиозного реформатора Яна Гуса. Автор рассматривает воззрения Гуса, направленные на борьбу с католической реакцией, социальным и национальным угнетением, с классовых и патриотических позиций.

Методологической основой исследования Сазоновой стали работы К. Маркса и Ф. Энгельса, что является характерной чертой той эпохи. Отдав должное марксизму, она переходит к детальному анализу источников. А.С. Сазонова приходит к выводу, что учение Гуса стало исходным моментом для формирования таборитской программы, а также оказало большое влияние на последующую немецкую реформацию.

Ключевые слова: славяноведение, гуситология, медиевистика, историография, Ян Гус, католическая церковь, Дж. Виклиф, Ф. Палацкий, табориты, реформация.

Антонина Сергеевна Сазонова (1921–2003) родилась в городе Михайловском Рязанской области в семье рабочего. В 1940 году она поступила на исторический факультет Московского государственного педагогического института. Однако Великая Отечественная война прервала ее обучение, и на два года (1942–1944 годы) она возвратилась в свой родной город, став учителем истории в средней школе. В 1944 году она возвращается в институт и в 1947 году заканчивает его с отличием. Как способный студент она была принята в аспирантуру по специализации «История средних веков». На выбор ее последующей научной деятельности повлияли прежде всего новые приоритеты в исторической науке – обращение к славяноведению.

Отечественная гуситология после 1917 года переживала тяжелые времена. В послереволюционные годы одна из лучших школ славяноведения была утрачена, многие ее представители оказались в тяжёлых жизненных условиях по причине голода и безработицы. Новые кадры, в том числе гуситологов, не готовились. Кратковременное существование Института славяноведения (1931–1933 годы) в Ленинграде не изменило общей ситуации. Многие сотрудники оказались репрессированными по сфабрикованному ОГПУ-НКВД «Делу славистов».

Возрождение славяноведения начинается с конца 1930-х годов, когда создаются центры славистики при Институте истории АН СССР, на историческом факультете МГУ. В период войны медиевисты не обращались к специальному рассмотрению вопросов, касающихся истории стран Восточной Европы, гуситское движение в исследованиях этого времени оценивалось как патриотическое (Н.С. Державин, Н.П. Грацианский и др.) [2, с. 67–80; 3, с. 36–37].

После окончания Второй мировой войны и формирования социалистической системы в Восточной Европе ситуация стала меняться для славистов в лучшую сторону. Возникла потребность в координации исследований отечественных славистов и историков стран так называемой народной демократии. В 1947 году создается Институт славяноведения АН СССР. Была подготовлена коллективная монография «История Чехии», главу о гуситском движении в ней написали Г.Э. Санчук и Б.М. Ручколь [4]. Появляются исторические источники по истории гуситского движения в хрестоматиях, налаживаются связи с чехословацкими коллегами. Таким образом, создаются необходимые условия для глубокого изучения общих и частных проблем истории гуситского движения. Появляется несколько диссертаций по гуситологии. Одной из первых была диссертация А.С. Сазоновой, посвященная учению чешского религиозного реформатора Яна Гуса (1408–1415) [5]. В дальнейшем в «Ученых записках Института славяноведения» Академии наук СССР выходит ее статья «Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса» [6, с. 240–281].

Автор рассматривает учение Яна Гуса с классовых и патриотических позиций – как явление, направленное на борьбу с католической реакцией, социальным и национальным угнетением [6, с. 241]. Методологической основой ее исследования стали работы К. Маркса и Ф. Энгельса, что является характерной чертой той эпохи. Отдав должное марксизму, она переходит к детальному анализу источников.

Сазонова указывает на письма Яна Гуса как ценный источник информации, так как они дают возможность проследить этапы жизненного пути религиозного реформатора, его взаимоотношения

с представителями различных слоев чешского общества и эволюцию его взглядов.

Кроме собственных сочинений Гуса автор привлекает сообщения его современников и последующих хронистов. В этом ряду отмечается особая ценность книги Петра Младеновиц, анонимной хроники Пражского университета (1348–1413 годы), чешской летописи.

В своих исследованиях А.С. Сазонова анализирует историографию гуситского движения, руководствуясь классовым принципом. Наиболее интересным является анализ чешской гуситологии – работ Ф. Палацкого, Вд. Нееджлы, Й. Мацекка, Ф. Граус, М. Маховец и др.

Сами выступления Яна Гуса представляются как логическое следствие обострения социальных и национальных проблем, сложной ситуации в деревне и городе.

Выступление Гуса против католического духовенства связывалось с борьбой против церковных феодалов. А.С. Сазонова сравнивает его требования со взглядами английского реформатора Дж. Виклифа. Обличение эксплуататорской сущности католического духовенства, по мнению исследователя, составляет важнейшую сторону деятельности Яна Гуса. Это обеспечило вовлечение в лагерь бюргерской оппозиции широких народных масс.

По утверждению А.С. Сазоновой, обличительные проповеди Гуса ускорили нарастание национального движения в Чехии XV в. Оценивая требования Гуса, А.С. Сазонова указывает, он был выразителем интересов чехов, сторонником государственного суверенитета.

В завершение работы А.С. Сазонова приходит к выводу, что учение Яна Гуса стало исходным моментом для формирования таборитской программы, а также оказало большое влияние на последующую немецкую реформуацию.

Работа А.С. Сазоновой стала этапной в становлении современной гуситологии. Материалы ее исследований привлекаются современными медиэвистами и историографами [1; 7].

После успешной защиты диссертации в августе 1951 года А.С. Сазонова была направлена на преподавательскую должность в Костромской государственной педагогической институт, где до 1983 года преподавала историю древнего мира и историю средних веков для студентов историко-филологического и историко-педагогического факультетов. Здесь она состоялась как педагог, который сочетал профессиональное преподавание

истории с требовательностью. Она подготовила не одну тысячу учителей истории, некоторые из которых стали кандидатами и докторами исторических наук. А.С. Сазонова внесла заметный вклад в становление и развитие исторического образования в Костромской области.

Библиографический список

1. Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010. – 231 с.
2. Грацианский Н.П. Новое наступление немецких захватчиков на славянские земли с XIII по XV вв. // Вековая борьба южных и западных славян против германской агрессии. – М., 1944. – С. 67–80.
3. Державин Н.С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. – М., 1943. – С. 36–37.
4. История Чехии / под ред. В.И. Пичета. – [Б. м.]: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – 255 с.
5. Сазонова Л.С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1951. – 167 с.
6. Сазонова А.С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса // Ученые записки Института славяноведения. – М.: Академии наук СССР, 1958. – Т. 16. – С. 240–287.
7. Пашинин А.П. Шляхта в гуситском революционном движении: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006. – 203 с.

References

1. Buchanov I.I. Gusitskoe dvizhenie: otechestvennaya istoriografiya: dis. ... kand. ist. nauk. – М., 2010. – 231 s.
2. Gracianskij N.P. Novoe nastuplenie nemeckih zahvatchikov na slavyanskije zemli s XIII po XV vv. // Vekovaya bor'ba yuzhnyh i zapadnyh slavyan protiv germanskoj agressii. – М., 1944. – S. 67–80.
3. Derzhavin N.S. Vekovaya bor'ba slavyan s nemeckimi zahvatchikami. – М., 1943. – S. 36–37.
4. Istoriya Chexhii / pod red. V.I. Picheta. – [B. m.]: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1947. – 255 s.
5. Sazonova L.S. Social'no-politicheskie i nacional'nye trebovaniya v uchenii Yana Gusa: dis. ... kand. ist. nauk. – М., 1951. – 167 s.
6. Sazonova A.S. Social'no-politicheskie i nacional'nye trebovaniya v uchenii Yana Gusa // Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya. – М.: Akademii nauk SSSR, 1958. – T. 16. – S. 240–287.
7. Pashinin A.P. SHlyхта v gusitskom revolyucionnom dvizhenii: dis. ... kand. ist. nauk. – Saratov, 2006. – 203 s.

Флейман Евгений Александрович
 доктор исторических наук, профессор
 Костромской государственной университет
 jul13365@kmtu.ru

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

В центре внимания автора – вопросы становления и развития евангелическо-лютеранской конфессии в Российской империи. Речь идёт о религиозном движении, зародившемся в Германии в период Реформации XVI века, центральной фигурой которой был богослов Мартин Лютер (1483–1546). Проследив этапы развития лютеранства в Российской империи, автор делает вывод, что история этого религиозного движения тесно переплеталась с собственно историей Российского государства. В статье раскрываются обстоятельства официального признания Евангелическо-лютеранской церкви русскими монархами. На примере миграции немцев из Царства Польского в Самарскую губернию показаны причины распространения лютеранства в глубинные российские территории. Лютеранская церковь в Самарской губернии рассматривается не только как единая конфессиональная общность, но и как своеобразная культурная зона, формирование которой проходило под влиянием духовных традиций немецкого населения.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская церковь в Российской империи, Царство Польское, российские немцы, Самарская губерния.

Путь, пройденный лютеранской церковью России в XX веке, можно охарактеризовать так: полный её разгром после 1917 года и постепенное восстановление в последние два десятилетия. И если о других конфессиях в годы советской власти всё же появлялись отдельные статьи и даже монографии (конечно, антирелигиозного характера), то история лютеран в России из-за репрессий и депортации российских немцев в 1941 году была темой запретной [6].

Между тем дореволюционные исследователи вопросы взаимоотношения лютеранской церкви с романовской монархией изучили неплохо. Конечно, эта конфессия никогда не находилась на одном уровне с православием и не могла играть той первенствующей роли, которая отводилась православию. Однако верно и то, что к середине XIX века Евангелическо-лютеранская церковь в России занимала прочные позиции. Прежде всего, надо иметь в виду, что некоторые российские цари и члены их семей до перехода в православие исповедовали лютеранскую веру, например Анна Иоанновна, Пётр III, Екатерина II, супруги всех последующих царей: Павла I, Александра I, Александра II, Александра III, Николая I, Николая II. Российским царям импонировало и то, что, признавая важность миссионерской работы, лютеранство отвергало методы прозелитизма. Регулярность богослужений, продолжительность библейских занятий и конфирмационное обучение – вот те требования, которые использовались в лютеранской церкви для духовного роста прихожан.

Первые лютеране в России появились при жизни Мартина Лютера (1483–1546) – центральной фигуры Реформации (преобразований в западно-христианском мире). Идеи Реформации нашли благодатную почву в немецких землях. Они быстро распространились в Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии, Пруссии, Восточной Прибалтике [4].

А что в России? Тогда она не принимала активного участия в европейских событиях, однако не могла не испытывать мощного воздействия новой религии.

Время жизни Мартина Лютера – это годы правления Василия III. Практические потребности Московского государства заставили царя приглашать специалистов-иностранцев, среди которых были и лютеране. При Иване IV (Грозном) возникла Иностранная, или Немецкая, слобода. Число иностранцев возросло, особенно в ходе Ливонской войны, когда во внутренних губерниях размещали пленных. В 1560 году в пригород Костромы вместе с тремя лютеранскими пасторами был перевезён магистр Ливонского ордена Вильгельм фон Фюрстенберг. В XVI веке первые лютеране появились в Нижнем Новгороде, Казани, Архангельске. Через Архангельск Россия торговала с северо-немецкими землями, выходцы из которых образовали в городе немецкую общину. Уже во второй половине XVII века в Иностранной слободе стояла лютеранская кирха. Торговый путь из Москвы в Архангельск шёл по суше до Великого Устюга, а далее – по Северной Двине, и на этом пути возникали немецкие общины в Ярославле, Вологде, Великом Устюге.

Первыми стали осваивать российские глубинные территории иностранные купцы. Среди них были и немцы. В средневековых таможенных книгах городов Устюга Великого, Сольвычегодска и Тотьмы на Северном речном пути находим сведения о торговых людях из Западной Европы, отправлявших товары из-за границы и обратно. В таможенной книге по Устюгу Великому за 1633–1634 годы наряду с именами москвичей, галичан, казанцев, костромичей и нижегородцев встречаются имена иностранцев из Англии, Голландии, московских «немчин» и иноземных «немчин»: «Московский немчин Иван Иванов сам-четверт

плыли в лодке, 6 человек яржых. Платили пошлин с себя, и с лодки, и с ярышки, всего 23 алтына 2 деньги». И далее: «Московский немчин Юрь Романов шел от Города (Архангельска. – Е. Ф.) с товаром и с пушечными ядрами...» [10, с. 48].

Романов Юрь неоднократно встречается в таможенных книгах других городов Северного пути. Судя по всему, это был крупный купец и одновременно руководитель торговой артели. Закупив товар в Архангельске, он водным путем по Северной Двине и Сухони доставлял его в Великий Устюг, Тотьму, а возможно, и дальше по Сухони в Вологду. Скорее всего, немецкие купцы добирались и до Волги, а значит, бывали в Костроме и Ярославле – через костромской край проходили пути из Москвы на Архангельск, Вятку и в Сибирь. Для грузов же, идущих с низовьев Волги по Северной Двине в Архангельск, Кострома была перевалочным пунктом. Юрь занимался торговлей вкуче со своими соотечественниками, что видно из записи в таможенной книге Тотьмы за 1634/35 годы: «Июля в 12 день плыл дощаником московский немчин Юрь Романов... У него же плыли московские немцы Ондрей Ондреев, Семен Семенов, Иван Михайлов, ярославец Обросим Микифоров... у него же плыл галанец Юрь Кашпиров, Данило Иванов...» [10, с. 48]. Немецкие люди с русскими именами – не такая уж редкость. Русскому человеку было трудно произносить иначе – не так, как привык, а потому для простоты в общении называл, как ему было удобней.

Россию к Европе приблизил Пётр I. Многочисленная община немцев сформировалась в Санкт-Петербурге – со своими церквями, школами и печатными изданиями. В 1819 году была образована Генеральная евангелическо-лютеранская консистория. Руководителем её Александр I назначил прибалтийского немца графа Тизенгаузена. В этом же году был введён сан епископа, обладавшего теми же правами, что и епископ в лютеранской Пруссии. В 1828 году Николай I создал под председательством того же Тизенгаузена специальную комиссию для развития лютеранской церкви в России.

В 1832 году, учитывая необходимость юридического её закрепления, Николай I издал закон, по которому лютеранство в России получило статус официальной религии [2, с. 27]. Теперь евангелическо-лютеранская конфессия регулировалась законом «О Евангелическо-лютеранской церкви», охватывающим все лютеранские церкви России (за исключением Царства Польского и Великого княжества Финляндского) [8, с. 214].

К началу Первой мировой войны (1914 г.) в Российской империи (не считая Царства Польского и Княжества Финляндского) насчитывалось 3 млн 674 тыс. лютеран [8, с. 215]. Во главе церкви стояла Генеральная консистория в Петербурге, которой подчинялась Петербургская, Московская, Лифляндская, Курляндская и Эстонская консистории со своими округами.

Чтобы иметь представление об этнической принадлежности российских лютеран, воспользуемся перечнем данных из книги «Наследие Лютера в России», изданной на немецком языке в Москве в 1918 году под редакцией пастора московской церкви Петра и Павла Теофила Майера [5, с. 155] (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что, даже не считая Царства Польского и Великого княжества Финляндского, немцы составляли значительную часть всего российского лютеранского сообщества.

И ничего необычного не было в том, что в глубинных российских городах действовали лютеранские общины с кирхами.

Типичный пример тому – Самара. Лютеранская община в этом поволжском городе была учреждена в 1854 году, и в 1865 году насчитывала 112 прихожан. В городе действовала и католическая религиозная организация. В 1865 году уже готовое здание римско-католической церкви было освящено, однако самарские католики его не получили – в вероисповедные дела вмешалась политика. Свою роль сыграло восстание 1863 года в Царстве Польском. Поляки в глазах официальных властей, да и многих простых русских людей, видимо, потеряли

Таблица 1

Этническая принадлежность российских лютеран

Национальность	Численность
латыши	1 млн 293 тыс.
эстонцы	1 млн 100 тыс.
немцы	1 млн 98 тыс.
финны	148 тыс.
шведы	28 тыс.
литовцы	12 тыс.
поляки	4 тыс.
ливы (этническая группа в Латвии)	2 тыс.
армяне	1 тыс.
прочие	2 тыс.
итого	3 млн 674 тыс.

право иметь свой храм в Самаре. Из-за враждебного отношения к мятежной Польше (ну, а заодно и к самарским полякам) уже построенный костёл передали лютеранской общине Святого Георга. В 1865 году проповедник Пундани вместе с лютеранским пастором из Симбирска Мейером освятили храм.

Храм и община существовали. Однако не было собственного пастора. В 1868 году в Самару из Омска приехал пастор Эдуард Иоганзен, который и возглавил общину. В 1878 году в общине насчитывалось 300 человек [8, с. 216]. Лютеранская церковь стала центром духовной жизни немцев Самары. При церкви работала частная школа, действовало общество «Поддержки образования», занимавшееся немецким языком и культурой. В 1930 году кирха по антирелигиозным и политическим мотивам была закрыта.

Приведём ещё некоторые примеры из жизни городских лютеранских общин XIX–XX веков. В 1845 году одним из жертвователей на постройку каменной лютеранской кирхи в Ярославле был император Николай I. Этот город стал центром лютеранского прихода, к которому относились Кострома и Вологда. В 1905 году в приходе состояло 2 тысячи 380 человек [7, с. 34].

А что в Костроме? О прошлом общины в Костроме сегодня напоминает лишь переделанное в спортивный зал здание бывшей кирхи. В костромском архиве сохранился документ, который свидетельствует, что первые шаги по строительству каменной кирхи в городе были предприняты в 1864 году. Тогда «старшина» общины Фердинанд Зоммер представил губернским властям проект строительства (со сметой) лютеранской церкви на углу Власьевской улицы (ныне Симановского) и Царёва переулка (ныне улица Спасокукоцкого). Но ещё раньше письменное разрешение на постройку кирхи было получено от Костромской православной консистории: «Место, где предполагается строить лютеранскую церковь, от православных церквей города Костромы Власьевской, Троицкой и Богоявленского монастыря отстоит на довольно значительном расстоянии, поэтому Консистория... имеет честь уведомить... что со стороны епархиального начальства нет препятствий к постройке лютеранской церкви на указанном месте» [7, с. 34].

На примерах Самары, Ярославля и Костромы видно, что городские немцы играли важную роль в становлении лютеранства в России. Общность городских немцев (*staedtischen Deutsche*) в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Одесса, Оренбург, Нижний Новгород, Казань, формировалась на протяжении длительного времени. Немцы приглашались правительством или частными лицами для устройства ремесел, торговли, медицинских учреждений, обучения детей. Большинство из них были лютеранами.

Прибалтийские немцы (*Baltendeutsche*) из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний (территории современных Эстонии и Латвии), а также латыши и эстонцы в сотни раз увеличили число лютеран в России. Из среды немцев Прибалтики правительство рекрутировало высших чиновников, губернаторов – управленцев с европейским образованием, в чём так нуждалась верховная российская власть. Из числа прибалтийских немецко-лютеран вышло много ученых, академиков и профессоров, преподававших молодежи в Дерпте, Москве, Петербурге, Казани, Одессе, других городах, где были университеты и высшие школы. Университет в Дерпте с евангелическим теологическим факультетом готовил теологов, многие из которых направлялись на пасторскую службу в немецкие селения Нижнего Поволжья, Волыни, Закавказья, Сибири.

Третий корень лютеранства формировался в среде немцев, переселившихся по Манифесту Екатерины II от 22 июля 1763 года. Императрица (сама до недавнего времени лютеранка) приглашала соотечественников для освоения пустующих земель. Правительство обратило внимание прежде всего на Поволжье – тогда еще окраину формирующейся империи, ключевой рубеж двух культурных миров – Запада и Востока, Европы и Азии. Заселение носило плановый характер и финансировалось правительством. Первые группы будущих колонистов прибыли в 1764–1767 годах преимущественно из Гессена, Бадена, Эльзаса, Пфальца и Швабии. Некоторая часть эмигрантов поселилась недалеко от Петербурга, основная же – в округе Саратова. Так стала формироваться общность поволжских немцев (*Wolgadeutschen*).

Вторая крупная волна немецкой земледельческой миграции связана с колонизацией Екатеринославской, Херсонской, части Таврической губерний, то есть Южной Украины вместе с северным побережьем Черного моря до Днепра. На юге империи начался процесс формирования другой крупной немецкой общности – причерноморских немцев (*Schwarzmeerdeutschen*). В середине XIX века многочисленные немецкие селения появились в Волынской губернии (*Wolhyniendeutschen*). Образовывались дочерние немецкие колонии (*Tochterkolonien*) на Северном Кавказе, Урале, Алтае, в Сибири, Казахстане, Центральной Азии, Оренбургской губернии. То есть с увеличением численности немецкого населения расширялась география его расселения, а вместе с этим усиливалось и влияние лютеранской церкви.

Перепись 1897 года говорит о 400 тыс. немцах Нижнего Поволжья (*Wolgadeutschen*, или 22,5 % всех российских немцев), 380 тыс. немцах юго-запада России (*Schwarzmeerdeutschen*, в том числе немцах Бессарабии, или 21,2 % всех российских немцев), 200 тыс. немцах Волыни

(Wolhyniendeutschen, в том числе немцы на севере Украины), около 50 тыс. немцах Кавказа, около 14 тыс. немцах Сибири, главным образом ее западной части и Казахстана [8, с. 17].

И здесь возникает вопрос: почему российская власть так настойчиво и последовательно привлекала жителей европейского немецкоязычного пространства в свою страну? Ведь не только же распашка целинной земли и безопасность границ заставляли правительство использовать трудовой и духовный потенциал переселенцев?

Европеизация страны была главной целью правительства. Екатерина II утверждала: «Россия есть европейская держава». Становилось очевидным: Россия сможет плодотворно развиваться лишь в русле вступившей уже на буржуазные рельсы европейской цивилизации. Тем более что и в самой России стали обнаруживаться первые симптомы кризиса крепостнической системы (крестьянские войны, общий экономический спад). Идеология «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, впитавшая в себя идеи западноевропейских мыслителей, соизмеряла абсолютизм с этими общественными изменениями. В таких условиях важно было сформировать слой крестьян, нацеленных на свободный труд. Собственно говоря, приглашая немцев, императрица думала прежде всего о формировании особого сельского сословия. При этом предполагалось, что это новое сословие, наделенное статусом «колонистов» (что гарантировало особое положение и привилегии), будет создавать производительное сельское хозяйство.

Однако не только правительственные гарантии и льготы обеспечивали переселенцам лучшее положение. Порядок наследования земли, не допускавший регулярных земельных переделов между членами общины, строгий контроль за семейными земельными разделами, практика применения современных орудий труда, целесообразные приемы хозяйствования, постоянство в труде способствовали тому, что хозяйства немцев развивались успешнее, нежели у соседей. А религиозные нормы лютеранской церкви, связывающие с исторической родиной (Vaterland), еще отчетливее выделяли немцев-земледельцев из общей российской крестьянской массы.

Лютеранство сыграло выдающуюся роль в формировании специфического стиля мышления, который выражался, в частности, в рационализме и практицизме. Трудовая этика, сформировавшаяся под воздействием учения Мартина Лютера, рассматривала ежедневный труд и выполнение обязанностей в миру как божественное предназначение. Служение Богу путем честного исполнения своего призвания на светской работе в качестве хлебопашца, учёного, ремесленника, врача, учителя, поэта, композитора являлось одним из столпов протестантской трудовой этики. В рамках этой

трудовой морали воспитывались многие поколения германцев. Приехав в Россию с багажом уже приобретенных правил и привычек, они в соответствии с ними и стали налаживать новую жизнь.

Немцы Царства Польского составляли четвертую крупную этнорегиональную немецкую общность, которая сформировалась задолго до вхождения её в 1815 году в состав Российской империи. (По решению Венского конгресса в 1814–1815 годах территория герцогства Варшавского, образованного Наполеоном, была разделена между странами-победительницами Россией, Пруссией и Австрией. Пруссии досталась Познань, Австрия получила восточную и западную Галицию. Основная же часть Варшавского герцогства, в которую входил Лодзинский регион, оказалась в составе Российской империи под названием Царства Польского.)

Немцы Царства Польского представляли собой зажиточные слои населения, главным образом городов и земледельческих колоний, занимавшиеся сельским хозяйством, ремеслом, капиталистическим предпринимательством, работавшие в качестве рабочих на текстильных мануфактурах и фабриках [9, с. 274–277]. (Перепись населения 1897 года говорит о более 407 тыс. немцах в Царстве Польском [8, с. 21].) Наиболее высокий удельный вес немецкого населения наблюдался на границе с Силезией, Померанией и Пруссией. А потому связь с исторической родиной (Vaterland) у польских немцев была прочнее, нежели у немцев колонистов-земледельцев внутренних территорий Российской империи и немецких диаспор российских городов. К этим западным пограничным территориям относился и город Лодзь с окружающими его текстильными городками и поселками Wolka, Zarzew, Widzew, Zdunska Wola, Zgierz, Rzgow, Brzeziny, Strykow, Konstantynow, Pabianice, Alexandrow [3].

Большинство немецкого населения Лодзи и его окрестностей было лютеранами. В Лодзи находились три лютеранские церкви: «Die evangelisch – augsburgische Kirche St. Trinitatis», «Die evangelisch – augsburgische Kirche St. Johannis» и «Die evangelisch – augsburgische Kirche St. Matthai». Действовало благотворительное учреждение «Christliche Wohltatigkeitsverein». Наряду с домом для сирот «Evangelisches Waisenhaus», учрежденном в 1888 году, организовали приют для бездомных, а в 1904 году – дом милосердия для инвалидов и больных «Hauser Barmherzigkeit» [8, с. 36]. Лютеранские церкви действовали и в соседних городах: Alexandrow (немецкое название – Alexander), Konstantynow (Konstantin), Zgierz (Gornau), Pabjanice (Pabianitz), Bukowiec (Konigsbach), Huta Bardinska (Barden Hutta), Laznowska Wola (Grombach, Grunbach), Ozorkow (Osorkau), Leczyca (Lenschutz), Nowosolna (Neusulzfeld), Brzeziny (Briese). Церковь в Alexandrow открыли в 1828 году,

когда немцы составляли большинство жителей города. Строили ее прихожане на собственные средства и своими руками. Первым пастором общины был Friedrich Georg Tuve. В 1827 году в Pabjanice проживало 655 лютеран, или 30,4 % всего населения города. В 1848 году здесь были зарегистрированы 1 тыс. 416 жителей лютеранской веры, что составило 34,3 %. В 1909 году число лютеран возросло до 5 тыс. 591 [8, с. 36].

Еще в 1803 году в Pabianice была только переносная часовня, располагавшаяся в замке, где находилась резиденция прусских властей. Общину обслуживал лютеранский проповедник Friedrich Wilhelm Schlamm. В 1818 году учредили самостоятельную общину, пригласили на постоянное служение пастора Samuel Friedrich Jackel. С 1822 года и в последующие пять лет место пастора было незанятым, и община довольствовалась канторами и пасторами соседних общин. Однако в 1827 году ситуация изменилась – духовным попечителем стал пастор Gottfried Heun. Закончилось строительство здания кирхи и дома для пастора. Тогда община состояла из 320 семей, из которых 16 проживали в Pabianice, а остальные – в 32 ближайших населенных пунктах, в частности Effinghausen, Hochweiler и Konigsbach. После неожиданной смерти 26-летнего пастора Gottfried Heun к служению приступил Daniel Gottlieb Biedermann. В 1838 году при церкви открыли начальную школу. В 1864 году в состав общины входило 760 семей с 3 тысячами душ, а в 1904 году статистика зарегистрировала 12 тыс. 400 человек [8, с. 37].

В 1839 году в Лодзи насчитывалось 8 тыс. 559 жителей, из них – 6 тыс. 648 немцев (78 %). В 1864 году в Лодзи проживало 33 тыс. 535 человек, из которых немцами были 22 тыс. 531 (67 %). В последующие годы численность немцев хотя и увеличивалась, но в процентном отношении к общему числу лодзинцев снижалась. Это объясняется не только ассимиляционными процессами в городской среде, но и последствиями польского восстания 1863 года [8, с. 37]. Для лютеранских общин, членами которых были главным образом этнические немцы, настали непростые времена. Далеко не последнюю роль в восстании играла Римско-католическая церковь, претендовавшая на главенство в польском конфессиональном сообществе, а лютеранская церковь была явным соперником католицизму. События 1863 года вызвали крайнюю политическую неустойчивость в обществе, резкие изменения в экономике и социальной сфере, когда часть немецкого населения всё больше убеждалась, что перспектив на производительную трудовую деятельность и сохранение духовных традиций не существует или они слишком отдалённые. Эти обстоятельства стали решающими для выезда немцев за пределы Царства Польского, в частности в Самарскую губернию.

Миграции немцев в Самарскую губернию – наглядный пример, как лютеранство проникало в глубинные российские территории. На берегу реки Кондурча на северо-западе губернии был основан хутор Пасторат, где постоянно жил лютеранский священник. В ведении пастора находились другие близлежащие селения с лютеранским населением. Лютеранский молитвенный дом располагался в соседнем немецком Романове, где церковный совет общины возглавлял Ф. Ябс. В лютеранских общинах Гофенталя, Розенталя, Николаева, Романова, Петергофа, Бергталя проповедовал пастор Теодор Охме (Ochme). Поддерживал здешние лютеранские приходы пастор Эдуард Иоганзен (1831–1912). Родился он в Эстонии, служил в Сибири, где уже имел опыт работы среди проживавших здесь немцев, эстонцев, латышей и финнов. В 1868 году с семьёй прибыл в Самарскую губернию.

Лютеранскую церковь российское правительство наделило широкими правами, однако в практической жизни пасторы нередко испытывали трудности, главным образом из-за несовершенства законов. Такое положение приводило к путанице. Многие вопросы дозволялось решать только с согласия губернаторов. А их субъективное мнение часто мешало устранению этих трудностей. Характерен в этой связи циркуляр министра внутренних дел В.Д. Дурново «О воспрещении лютеранским пасторам устройства миссионерских праздников и сборов на потребности миссии».

Самарский губернатор получил циркуляр в 1889 году. В нём говорилось: «Вообще протестантская миссионерская деятельность столь прочно организована в России, что она сделалась обычным предметом рассуждений на ежегодных синодах евангелическо-лютеранских проповедников. Между тем, по действующим в Российской империи узаконениям (в циркуляре дана ссылка на законодательство. – *Е. Ф.*), одна только господствующая православная церковь имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию ее учения о вере... Никакая миссионерская деятельность лютеранского духовенства, в каком бы виде она не проявлялась, не может быть допущена в России... Сборы добровольных пожертвований... допускаются лишь с особого надлежащего дозволения... В Уставе Евангелическо-лютеранской церкви в точности указаны случаи, когда могут быть допускаемы сборы добровольных приношений в протестантских приходах, как, например, в пользу пасторских, вдовьих и сиротских касс, на постройку церквей и т. п., но в Уставе этом не содержится постановления о дозволении сборов на потребности протестантской миссии в России и за границей» и т. д. [8, с. 222]

Циркуляр вызвал много вопросов к министру внутренних дел со стороны лютеранских приходов и консистории. Министр вынужден был выступить

с разъяснениями: «Произнесение лютеранскими пасторами... праздничных богослужений и вечерних чтений Библии, проповедей на текст Св. Писания о распространении христианства не было воспрещено означенным циркуляром, коим в этом отношении отмечены только не имевшие законного основания особые миссионерские праздники... Существовавшие в лютеранских приходах денежные сборы на распространение протестантской веры внутри Империи... само собой разумеется, не могут быть дозволены... Что касается сборов на потребности миссии за границей, то таковые могут быть допущены в каждом приходе лишь с разрешения... губернаторов... в виде церковных кружечных сборов... и подлежащих отсылке только в Лейпцигское и Датское миссионерские общества с тем, чтобы каждый раз было доведено до сведения губернатора о количестве собранных и отправленных денег по каждому приходу» [8, с. 222].

И всё же, несмотря на существовавшие трудности в жизни российского лютеранства в дореволюционный период, они были незначительными по сравнению с теми потрясениями, которые ожидали церковь после прихода к власти большевиков осенью 1917 года.

Пришедшая власть стала создавать общество, где религии не было места. В 1937 году закрыли последние лютеранские кирхи, пасторов арестовали, большую часть уничтожили, многие эмигрировали. Богослужения перестали проводить гласно, не было и церковного руководства [1, с. 5]. Но оставалась вера. Это стало очевидным после депортации немцев в 1941 году в места ссылки. Здесь, конечно, пасторов и общин (в настоящем понимании этого слова) не было, но были «собрания братьев». Именно «братья» поддерживали церковную жизнь в таких негласных общинах. И после войны в районах ссылки (восток за Уралом) общины создавались именно как братские. Лишь в 1957 году в Акмолинске в Казахстане официально зарегистрировали первую в СССР лютеранскую общину. Всякие попытки создать общецерковные структуры терпели неудачу из-за сопротивления государственных органов. И лишь в 1988 году, когда Русская православная церковь отмечала своё 1000-летие, была признана и Евангелическо-лютеранская церковь. В 1994 году в Петербурге прошёл Генеральный синод Евангелическо-лютеранской церкви в России. Между первым Генеральным синодом в 1924 году и вторым прошло 70 лет. Церковь, которую считали погибшей, открылась вновь.

Библиографический список

1. Кречмар Г., Ратке Г. Евангелическо-лютеранская церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. – СПб.: Der Bote, 1996. – 128 с.
2. Кречмар Г. Как мы начали – об исторических и структурных предпосылках создания ЕЛЦ //

О будущем Евангелическо-лютеранской церкви в России и других государствах: ежегодник Теологической семинарии ЕЛЦ: сб. докладов. Спец. выпуск. – Новосаратовка, 2004. – 120 с.

3. Lodz: Eine historisch-geographische Analyse von Oskar Kossmann. – Wuerzburg: Holzner-Verlag, 1966. – 176 s.

4. Льюис В. Спич. Возрождение и движение Реформации. Т. 2. История Реформации / Фонд «Лютеранское наследие». – М.: World Wide Printing, 2003. – 452 с.

5. Наследие Лютера в России: К 400-летию юбилею Реформации, отмечаемому евангелическо-лютеранскими общинами в России: пер. с нем. / под ред. ст. консисториального советника Теофиля Майера. – М.: Готика, 2003. – 232 с.

6. Флейман А. Одна биография – часть истории народа // Neues Leben. – № 7 (April), 1999.

7. Флейман Е.А. Лютеранская церковь в России: история и современность // Религиозные традиции: история и современность: сб. материалов науч.-практ. конф. – Кострома: Администрация Костромской области, 2006. – 79 с.

8. Флейман Е.А. Немцы Константиновской волости: из Царства Польского в Самарскую губернию (1864–1917). – Самара: Тандем, 2014. – 296 с.

9. Флейман Е.А. Император Александр I и Царство Польское: становление текстильной промышленности Лодзи // Романовские чтения и российская культура: материалы конф., 25–26 марта 2010 г. – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 274–277.

10. Флейман Е.А. Из России в Германию: от Костромского села Палкина до деревни Александровки в Потсдаме: историко-краеведческий очерк. – Кострома: Изд-во КФВУРХБЗ. – 165 с.

References

1. Krechmar G., Ratke G. Evangelischesko-lyuteranskaya cerkov' v Rossii, na Ukraine, v Kazahstane i Srednej Azii. – SPb.: Der Bote, 1996. – 128 s.

2. Krechmar G. Kak my nachali – ob istoricheskikh i strukturnykh predposylkah sozdaniya ELC // O budushchem Evangelicheskko-lyuteranskoj cerkvi v Rossii i drugih gosudarstvah: ezhegodnik Teologicheskoy seminarii ELC: sb. dokladov. Spec. vypusk. – Novosaratovka, 2004. – 120 s.

3. Lodz: Eine historisch-geographische Analyse von Oskar Kossmann. – Wuerzburg: Holzner-Verlag, 1966. – 176 s.

4. L'yuis V. Spic. Vozrozhdenie i dvizhenie Reformacii. T. 2. Istoriya Reformacii / Fond «Lyuteranskoe nasledie». – М.: World Wide Printing, 2003. – 452 с.

5. Nasledie Lyutera v Rossii: K 400-letnemu yubileyu Reformacii, otmechaemomu evangelicheskko-lyuteranskimi obshchinami v Rossii: per. s nem. / pod

red. st. konsistorial'nogo sovetnika Teofilya Majera. – М.: Gotika, 2003. – 232 s.

6. Flejman A. Odnа biografiya – chast' istorii naroda // Neues Leben. – № 7 (April), 1999.

7. Flejman E.A. Lyuteranskaya cerkov' v Rossii: istoriya i sovremennost' // Religioznye tradicii: istoriya i sovremennost': sb. materialov nauch.-prakt. konf. – Kostroma: Administraciya Kostromskoj oblasti, 2006. – 79 s.

8. Flejman E.A. Nemcy Konstantinovskoj volosti: iz Carstva Pol'skogo v Samarskuyu guberniyu (1864–

1917). – Samara: Tandem, 2014. – 296 s.

9. Flejman E.A. Imperator Aleksandr I i Carstvo Pol'skoe: stanovlenie tekstil'noj promyshlennosti Lodzi // Romanovskie chteniya i rossijskaya kul'tura: materialy konf., 25–26 marta 2010 g. – Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 2010. – S. 274–277.

10. Flejman E.A. Iz Rossii v Germaniyu: ot Kostromskogo sela Palkina do derevni Aleksandrovki v Potsdame: istoriko-kraevedcheskij ocherk. – Kostroma: Izd-vo KfVURHBZ. – 165 s.

РЕФОРМАЦИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Рецепция Реформации в воззрениях просветителей XVIII века стала важной составляющей негативного мифа о тысячелетней эпохе Средневековья. Несмотря на то, что Реформация расценивается как начало сокрушения традиционного общества в Европе, духовного авторитета церкви, деятельность реформаторов лишена героических черт и рассматривается в критическом ключе. Рационалистический метод, взятый на вооружение просветителями в отношении Реформации, не позволил в полной мере раскрыть ее истоки и многогранные проявления, но во многом заложил основы дальнейшего изучения этого явления как исторического и культурного феномена.

Место Реформации в исторической картине просветителей определяется ее прогрессивным значением в переходе от Средневековья к эпохе Нового времени. Однако путь европейской Реформации, ее антропология чужды духовному поиску эпохи Просвещения, поэтому эта тема не получила глубокого и всестороннего изучения. В то же время и политики, и философы XVIII столетия извлекли определённые уроки из общеевропейского прошлого. Скептическое отношение к религии было перенесено на ее историю. Претензия просветителей на формирование и представление интеллектуальной жизни Европы способствовала сохранению данной традиции, пережившей «старый порядок».

Ключевые слова: Реформация, Мартин Лютер, Просвещение, Средневековье, история памяти, рационализм, всемирная история, историко-культурный подход, религиозная свобода.

В развитии истории идей эпоха Просвещения занимает ступень, следующую за Возрождением и Реформацией. Именно в этот период начинает активно формироваться историческая мифология, важной составляющей которой стало представление о «мрачном, темном» Средневековье. Этот миф успешно преодолевается современной медиевистикой в отличие от общественного дискурса, в котором оценки прошлого, данные просветителями или приписываемые им, по-прежнему сохраняют свое влияние. Устойчивость пристрастных оценок просветителей предшествующей эпохи во многом определяется той пропагандистской функцией, которую они изначально присвоили себе, – претензией интеллектуалов XVIII века представлять научный дискурс, Европу и цивилизацию. Современному человеку гораздо сложнее объяснить, например, значение понятия «благочестие», чем, например, «ханжество», и принять тот факт, что ценности современной западной цивилизации уходят вглубь «тысячелетнего царства Христа».

В сознании европейца XVIII века постепенно формируется секулярная горизонтальная модель мировоззрения взамен вертикальной теологической системы средневековой Европы. Какое место отводится Реформации в исторической памяти эпохи Просвещения? После ожесточенного периода религиозных войн и конфликтов европейские народы на протяжении XVIII века демонстрировали весьма прохладное отношение к вопросам веры – от равнодушия до враждебности, а лучшие умы эпохи сосредоточились на критике церкви и ее служителей.

В век каламбуров и назидательных поучений осмысление Реформации привело к появлению историко-культурного подхода, высветившего не только новые черты общеевропейского прошлого, но и духовные искания своего времени. Просве-

дательская интерпретация Реформации во многом определила дальнейший исторический дискурс, в котором Реформации отводилась роль переходной эпохи, начала современной истории, ее первопричины.

В целом отношение просветителей к протестантизму было более терпимым, чем к католической и православной церквям. Защита религии, как предлог политических действий, присутствовал, но не играл определяющей роли в международных отношениях. В переписке русской царицы Екатерины II с Вольтером тема веротерпимости занимает одно из ведущих мест, являясь важным аспектом имиджа просвещенного правителя, не допускающего дискриминации по религиозному признаку.

В полном названии «Истории Бранденбургской», принадлежащей перу короля-философа Фридриха II (1740–1786), религиозная сторона жизни обозначена как «суеверие» – весьма распространённая оценка в культуре интерпретации религии в трудах просветителей [7]. В годы Семилетней войны (1756–1763) Фридрих II в своих записях фиксирует рост патристических и религиозных настроений немцев. Под влиянием французского скептицизма он был убежден в том, что Мартин Лютер уже более никого не интересует, даже женщин. Однако в критический момент для страны его подданные вновь горячо обратились к национальной церкви и ее основателю.

Впрочем, и процесс Реформации, и личность Лютера получают историческую оценку не только как церковное явление. Как правило, происхождение этой «духовной революции» связывается с преобладанием политических мотивов и рассматривается как начало крушения средневекового мира на Западе. И если средневековая тысячелетняя эпоха получала в основном крайне негативные отзывы, то Первая и Вторая Реформации рассматривались как, несомненно, прогрессивные явления, невзи-

рая на сопутствующие им религиозные конфликты, экзальтацию, насилие, разделение и братоубийственные войны. Немецкий протестантский теолог XX века и историк лютеранской церкви Герман Зассе определил отношение просветителей к Реформации как к «акту эмансипации», положившему начало освобождению от оков мрачного Средневековья [3]. То, что просветители не захотели увидеть принципиальные различия между лютеровской концепцией человека и собственной трактовкой, он объясняет подменой сути учения Лютера более близким им вариантом церковной реформы, сформулированной Эразмом Роттердамским, их идейной преемственностью с европейским гуманизмом.

Отношение просветителей к Реформации стало средством обретения собственной исторической и культурной идентичности. К примеру, деятели Войны за независимость США, по мнению французского философа Анри Мишеля (1857–1904), требовали абсолютной свободы совести, будучи потомками пуританских переселенцев, отправившихся за океан в поисках религиозной свободы [5, с. 53]. Тем самым было положено начало индивидуалистическому движению на Западе.

Реформация, ее итоги получают рационалистическую оценку и вписываются в историческую хронологию Европы. Реформация, по мысли просветителей, покончила с всевластием католического духовенства, «республика (Английская республика 1649–1653 гг. – *А. Ш.*) образовалась в годы революционных войн» [1, с. 537]. Деятельность Мартина Лютера привела к «великому расколу Западного христианства», началу современной истории. Выступая в диспуте против профессоров теологии Сорбонны, просветители ставят Лютера в один ряд с другими религиозными «вольнодумцами»: «Арием, Яном Гусом и Кальвином» [9, с. 310], не заботясь об идейной близости перечисленных религиозных деятелей. Гораздо важнее образ Лютера как непримиримого борца с церковным деспотизмом нежели его идейное или богословское наследие, а также лютеровская антропология.

Сама личность и энергия Лютера, его независимость и внутренняя свобода импонировали просветителям, ценившим прежде всего самостоятельность суждений. Его критика непререкаемого авторитета католической церкви приветствовалась, как и упрощение обрядовой внешней стороны религии.

Однако в своих духовных исканиях Лютер и просвещенные умы XVIII века (речь идет прежде всего о создателях социальных утопий) выступают взаимными оппонентами и идеологическими противниками. Главенствующая доктрина Лютера – «оправдание верой» – как бы противостоит принципу рационализма эпохи Просвещения. Слишком узок круг вопросов, в которых бы учение Лютера

было созвучно настроениям скептической эпохи, и прежде всего это касается вопроса антропологии человека в контексте проблемы отношений человека и Бога. Все же в историографии предпринимались попытки изучения идей Лютера в преломлении истории философии и культуры от Д. Локка до И. Канта и И. Фихте. Исследователи делают вывод о некоторых действительных попытках синтезировать дух Реформации и рационалистические установки (Д. Локк, Т. Джефферсон, И. Кант). Строятся предположения о том, мог или не мог Лютер поддержать ту или иную доктрину философии религии даже тех мыслителей, которые признавали теологию схоластическим заблуждением. Таким образом, эти предположения вполне вписываются в концепцию «Лютер после Лютера».

Применяя универсальный познавательный принцип – разум, деист Вольтер видит причины Реформации в недовольстве августинцами распределением папством сбора индульгенций в пользу другого ордена, ту же версию повторил в своей антирелигиозной пропагандисткой литературе атеист П.А. Гольбах. Поиск рациональных аргументов привел Фридриха II к мнению, что основной причиной Реформации в Германии являются политические и экономические интересы немецких князей, которые те собирались реализовать за счет земель и богатства церкви. «После того, как в Европе владения церкви, церковная собственность уменьшились, сократилось и число реформаторов», – резюмирует автор [8, с. 17].

Подводя итоги просветительской интерпретации Реформации, приходим к следующим выводам: глубокого и всестороннего анализа само явление Реформации, его причины и последствия в трудах просветителей не получили, однако «успешно» были вписаны в ленту истории как прогрессивная борьба с «духовной тиранией церкви», ее монопольным правом на идеологию, что стало началом конца Средневековья.

Лютер как борец с «суевериями» и всевластием папства сыграл, с точки зрения просветителей, положительную, но не героическую роль. Мотивы деятелей реформации объясняются их личными интересами.

Проблема сопоставления учения Лютера и более поздних этических воззрений упирается в неразрешимое противоречие между рациональным выбором и Божественным предопределением, Разумом и Верой. Воззрения мыслителей того времени – лишь часть исторической памяти века, отраженной в интеллектуальной книжной культуре, тогда как в народной памяти немцев эпохи «старого порядка» Лютер и национальное чувство по-прежнему тесно связаны.

Однако под влиянием идей и представлений просветителей формировалась не только историческая память о Реформации в эпоху Нового вре-

мени. Результатом усвоения опыта Реформации, последовавших за ней войн и катаклизмов стало осторожное отношение к возможности вторжения народа в религиозный мир.

Библиографический список

1. *Вольтер*. Мысли об обществе // Избранные произведения. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1947. – С. 532–535.

2. *Гольбах П.* Галерея святых, или Исследование образа мыслей, поведения, правил и заслуг тех лиц, которых христианство предполагает в качестве образцов. – М.: Гополитиздат, 1962. – 352 с.

3. *Зассе Г.* На том стоим. Кто такие лютеране? – СПб.: Андреев и Согласие, 1994. – 223 с.

4. *Екатерина II Великая*. Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером, с 1763 по 1778 год / пер. М. Антоновского. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. – Ч. 1. – 246 с.

5. *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции [Электронный ресурс]. – М.: Территория будущего, 2008. – 524 с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского). – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=85004> (дата обращения: 08.01.2018).

6. *Никоненко С.В.* Лютер и Локк о суеверии // *Verbum*. Вып. 15. Реформация Мартина Лютера в горизонте европейского философствования и культуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2013. – С. 127–132.

7. *Фридрих II*. История Бранденбургская с тремя рассуждениями о нравах, обычаях и успехах человеческого разума, о суеверии и законах, о причинах установления и уничтожения законов: Сочинение: в 4 ч. / пер. с фр. А.А. Вольтер. – М., 1770. – 378 с.

8. *Шигарева А.Н.* Фридрих II об уроках европейской истории // *Вестник Костромского государственного университета*. – 2015. – № 2. – С. 16–19.

9. *Kunisch J.* Friedrich der Grosse. Der König und seine Zeit. – München: Verlag C.H. Beck, 2004. – 624 s.

References

1. Vol'ter. Mysli ob obshchestve // Izbrannye proizvedeniya. – M.: Gos. izd-vo hudozh. lit-ry, 1947. – S. 532–535.

2. Gol'bah P. Galereya svyatyh, ili Issledovanie obraza myslej, povedeniya, pravil i zaslug tekh lic, kotoryh hristianstvo predpolagaet v kachestve obrazcov. – M.: Gopolitizdat, 1962. – 352 s.

3. Zasse G. Na tom stoim. Kto takie lyuterane? – SPb.: Andreev i Soglasie, 1994. – 223 s.

4. Ekaterina II Velikaya. Perepiska rossijskoj imperatricy Ekateriny Vtoroj s g. Vol'terom, s 1763 po 1778 god / per. M. Antonovskogo. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1802. – CH. 1. – 246 s.

5. Mishel' A. Ideya gosudarstva. Kriticheskij opyt istorii social'nyh i politicheskikh teorij vo Francii so vremeni revolyucii [Elektronnyj resurs]. – M.: Territoriya budushchego, 2008. – 524 s. – (Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo). – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=85004> (data obrashcheniya: 08.01.2018).

6. Nikonenko S.V. Lyuter i Lokk o sueverii // *Verbum*. Vyp. 15. Reformaciya Martina Lyutera v gorizonte evropejskogo filosofstvovaniya i kul'tury. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 2013. – S. 127–132.

7. Fridrih II. Istoriya Brandenburgskaya s tremya rassuzhdeniyami o nrvah, obyčajah i uspekah chelovecheskogo razuma, o sueverii i zakonah, o prichinah ustanovleniya i unichtozheniya zakonov: Sochinenie: v 4 ch. / per. s fr. A.A. Volyncevoj. – M., 1770. – 378 s.

8. SHigareva A.N. Fridrih II ob urokah evropejskoj istorii // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – № 2. – S. 16–19.

9. *Kunisch J.* Friedrich der Grosse. Der König und seine Zeit. – München: Verlag C.H. Beck, 2004. – 624 s.

П.Н. КУДРЯВЦЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГУМАНИЗМА И РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ

В статье автор обращается к жизни и творчеству П.Н. Кудрявцева, русского историка-медиевиста. Специально подчеркивается его происхождение из церковной среды, где он получил превосходное среднее образование, позволившее успешно поступить в Московский Императорский университет. Приводятся аналогичные случаи из жизни крупных русских историков (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье), что позволяет автору видеть в них «веяния» времени. Раскрываются истоки «западничества» Кудрявцева, приведшие его к увлечению европейским Средневековьем. Подробно излагаются взгляды Кудрявцева на Гуманизм и Реформацию в целом, в Германии – в частности. Специально автор останавливается на изложении Кудрявцевым биографии Мартина Лютера, чтобы показать схожесть внутренних переживаний. Указывается на роль Церкви в процессе ментальной десакрализации в Европе и в России. Автор статьи останавливается на личной жизни Кудрявцева, подчеркивая ее драматизм и мистическое совпадение с проблематикой ранней писательской деятельности.

Ключевые слова: Средневековье, Церковь, Реформация, гуманизм, биографические параллели, семья, литературное творчество.

Петр Николаевич Кудрявцев (1816–1858) был личностью, в которой, как в зеркале, отразились все «веяния» его времени. Он родился в семье священника, человека высокообразованного, и потому получил прекрасное домашнее образование, что послужило основанием сначала для поступления в духовное училище, куда его приняли сразу на третий курс, а через два года перевели в духовную семинарию. Этот факт свидетельствует, что священство в России XIX века было вполне образованным, способным дать хорошие первоначальные знания своим детям. Могу привести для аналогии родственников А.Н. Островского, большинство из которых было священниками, давших России не только известного драматурга, но и, например, блистательного общественного деятеля, мыслителя Н.П. Гилярова-Платонова (1824–1887). Священником был дед историка П.Г. Виноградова (1854–1925), из священнического рода происходили и другие знаменитые отечественные историки – С.М. Соловьев (1820–1879) и В.О. Ключевский (1841–1911). В.И. Герье (1837–1919), прямой ученик П.Н. Кудрявцева и Т.Н. Грановского, среднее образование получил в школе при лютеранской церкви свв. Петра и Павла. П.Н. Кудрявцев – из аналогичного ряда.

К окончанию семинарии, как пишет его племянник Петр Копосов, у Кудрявцева «складываются убеждения, независимые от влияния той среды, в которой он воспитывался» [3, с. 3]. Вот парадокс! Но парадокс вполне в духе времени – стоит вспомнить аналогичные сюжеты с уже названными историками, литературными деятелями Добролюбовым и Чернышевским. Что происходило в семинариях, почему их выпускники становились зачастую людьми, равнодушными к вере, а то и вовсе атеистами? Пожалуй, это один из центральных вопросов русской истории XIX века. В случае с Куд-

рявцевым главную роль сыграло его увлечение литературой и писательством.

Как бы то ни было, Кудрявцев получает-таки отцовское благословение и в 1836 году поступает на историческое отделение философского факультета Московского Императорского университета. Среди его преподавателей весь цвет тогдашней гуманитарной науки – Степан Петрович Шевырев (русская и всеобщая литература), Иван Иванович Давыдов (русская словесность), Михаил Петрович Погодин (русская и до 1839 года всеобщая история), Тимофей Николаевич Грановский (с 1839 всеобщая история), Дмитрий Львович Крюков (древние языки и история). О каждом из них можно говорить отдельно, каждый остался в русской культуре, оказав огромное воздействие на многих будущих ее деятелей. Это очень важно для становящейся личности – образовываться рядом с умными знающими людьми. Подлинное знание добывается человеком лично, но интерес к этому знанию возбуждает тот, кто сам уже обладает не только знанием, но и любовью к знанию. Как заметил А.Ф. Лосев, знание без любви приносит человечеству несчастья. Любящее, «очеловеченное» знание – вот что давали своим слушателям тогдашние преподаватели университета.

Самое сильное воздействие на Кудрявцева оказали профессора Д.Л. Крюков и Т.Н. Грановский, способствуя, в частности, формированию в нем либеральных западных воззрений. Правда, никогда Кудрявцев не был сторонником революционных насильственных преобразований русской жизни. Оба названных профессора были увлечены Тацитом как историком и как личностью.

Д.Л. Крюков в 1832 году в Дерптском университете защитил на латинском языке докторскую диссертацию «In Taciti Agricolam observationes». Не только Кудрявцева увлек латинскими древностями и языком Д.Л. Крюков, но и А.Н. Остров-

ского, и А.А. Фета. Островский переводил комедии Плавта, Фет – стихи Катулла. На 10-летие со дня смерти любимого профессора Фет откликнулся стихами «Памяти Д.Л. Крюкова» (1855), где есть такие строки: «В замолкнувший чертог к Минерве и Зевесу / Вслед за тобой толпа ликующая шла, – / И тихо древнюю ты раздвигал завесу / С громодержавного орла» [6, с. 339]. Именно профессор Д.Л. Крюков зародил в юном Кудрявцеве любовь к итальянской культуре.

Это увлечение развилось еще с большей силой под впечатлением от лекций Т.Н. Грановского. По замечанию Кудрявцева, «с именем Тацита постоянно соединялся у Грановского высокий идеал исторического искусства» [5, с. 208]. Замечу, идеал, близкий и самому Кудрявцеву, считавшему Грановского своим прямым учителем. Хотелось бы обратить внимание на это определение – историческое искусство. Не собрание фактов, не даты, которыми отмечены события, а историческое искусство, то есть их осмысление и изложение языком живым, стремящимся приблизить к слушателю события далекого прошлого. Вот небольшой пример из лекции 1848/49 года профессора Грановского: «Реформация произвела разрыв в духовной жизни Запада; национальности резко выступили, и каждая выразила свой образ мыслей в христианстве в отдельной форме. Германский мир под формою протестантизма, римский – под формою католицизма, вследствие того произошел переворот и в летописи. До тех пор летописи французская, английская, немецкая не отличались одна от другой, а с Реформацией они приняли характер национальный, но не было между ними совершенного разрыва; единством служило единство христианства» [1, с. 305–306]. Забегая вперед, отмечу, что Кудрявцев пошел дальше своего учителя и справедливо увидел в Реформации десакрализацию христианства как результат усвоения им (христианством) идей гуманизма.

Когда мы сегодня говорим о западничестве, то следует иметь в виду, что в XIX веке оно входило в систему подготовки университетских преподавателей. Конечно, если под западничеством понимать приобщение к европейской культуре, для будущих профессоров истории слушание лекций ведущих исследователей Европы было обязательным. Так, Т.Н. Грановский в течение 1836–1839 годов слушал курсы лекций и занимался в университетах Берлина, Праги, Вены. Он посещал лекции по философии Ф.В.Й. фон Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, историков Л. Ранке, Ф. Савиньи, Ф. Раумера, географа К. Риттера, философа, поэта и драматурга К. Вердера. Как видим, обширность познаний служила основой для адекватного понимания исторических процессов. Кудрявцев в 1845–1847 годах слушал лекции в университетах Берлина и Гейдельберга, Австрии, Чехии, Франции, Италии. Среди зару-

бежных ученых, чьи лекции он слушал, были все те же Шеллинг, Риттер, Ранке. Можно с уверенностью сказать, что русский профессор в XIX веке был по-европейски образован. Думаю, что эта обязательность приобщения к европейской культуре определяла отношение к русской истории. Если ты не можешь стать в России профессором без стажировки в Европе и это государственная политика в области университетского образования, то европейский вектор неизбежно станет определяющим и в понимании русской истории. Как это ни парадоксально, но западничество порождено самим государством. Поэтому те же славянофилы, как образно заметил В.В. Розанов, напоминали Моську около спокойно идущего слона еще и по той причине, что звали в прошлое, а не в будущее, как западники. Сегодня-то мы знаем, чем эти «зовы» закончились, но тогда, в середине XIX века, постижение европейской истории, ее образ как образ будущей России казался заманчивым и прекрасным.

Вот и западничество Кудрявцева проявилось более всего в его сочинениях, связанных с историей и культурой Италии: книга «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом» (1850), неоконченная монография «Каролинги в Италии» (частично опубликована в «Отечественных записках» за 1852 год), статьи «Жозеф Бонапарт в Италии» (1855), «Дант, его век и жизнь» (1855–1856). Свои взгляды он высказывал также в многочисленных рецензиях на выходящие исторические сочинения.

Но вот все, что касалось истории Гуманизма и Реформации, собственных взглядов на эти движения европейских чувств и мыслей, он излагал в своих лекциях, которые читал с большим чувством, увлекая за собой слушателей. И здесь странным (мистическим) образом его личная судьба оказалась близкой тем процессам, что протекали в Германии. Лекции эти не были опубликованы при жизни Кудрявцева, увидев свет (и то не полностью) лишь в 1991 году, а читались, между прочим, в 1848–1849 годах. Итак, основные постулаты Кудрявцева.

Свои лекции он начинает с утверждения, что идеи гуманизма, сформировавшиеся в Италии, совершались в Германии с удивительной быстротой. Причина заключалась в неспособности «иерархии» (одно из именований Церкви) ответить на вызовы времени. Одним из таких вызовов было развитие научной мысли, которая жила в тени «схоластицизма» (другое именование Церкви) «скудную слепую жизнью» [4, с. 33]. «И вдруг в самую среду такого запустения, такого оцепенения жизни брошен был целый новый мир понятий, идей, образов» [4, с. 35]. Конечно, здесь сразу заявлен гуманистический взгляд на Средневековье, но угадывается и личный опыт из автора, который в совсем юные годы пережил схожие чувства, ставшие причиной

его предпочтения мирской, а не духовной стези. Вот это мистическое совпадение давней истории Германии и собственной жизни невидимо присутствует во всех размышлениях Кудрявцева, словно подтверждая правильность выбранного им когда-то пути.

Не колеблясь, он констатирует: «Как бы то ни было, во 2-й половине XV века главный интерес умственной жизни Германии составляет распространение гуманизма, т. е. любви к *studia humaniora*» [4, с. 36]. Кудрявцев создает образ гуманизма в Германии в виде лучей, постепенно охватывающих все образовательные центры, «даже между епископами» [4, с. 36]. И далее он приводит примеры «благоклонного приема» гуманизма в монастырях, где постепенно формируются гуманистические центры. Другой вид центров образовывался вокруг талантливейших из людей: Агрикола, Иоганн Рейхлин, Конрад Цельтес. Их общей задачей было «распространение гуманизма среди схоластического варварства» [4, с. 38]. По цензурным соображениям Кудрявцев не мог открыто отнести Церковь (пусть и католическую) к варварству, потому везде подменяет ее эвфемизмами. В данном случае это «схоластическое варварство».

Он довольно подробно останавливается на деятельности Ульриха фон Гуттена, Эразма Роттердамского, Виллибальда Пиркгеймера (каноника, между прочим), вновь возвращается к Рейхлину и Цельтесу. Кудрявцев стремится показать сложность их судеб, обосновывает вынужденность компромиссов и в то же время неизбежность усвоения гуманистических идей.

Вот одно из важнейших завоеваний гуманизма в Германии. «Теолог и гуманист в одно время, Эразм понял потребности науки и после Лоренция _рфу первый почувствовал необходимость восстановить и очистить текст Писания. Труд, который предпринял Рейхлин по отношению к Ветхому Завету, Эразм совершил над Новым (они перевели латинский текст на древнегреческий. – И. Е.). Текст Вульгаты (на латинском языке в переводе с греческого Иеронима. – И. Е.) перестал быть единственной верной нормой для слов Писания. Отсюда было уже недалеко до перевода Библии на немецкий язык» [4, с. 43]. Кудрявцев абсолютно прав, усмотрев в этих переводах фактически переворот в отношении к Писанию, его неизменности, его данности. Если человек, пусть даже образованный, может изменять священный текст, то в результате этот текст десакрализуется, перестает быть священным, неприкасаемым. Не случайно гуманизм был сосредоточен на филологии, работа со словом позволяла колебать устойчивые ментальные модели в сознании, постепенно разрушая их.

Причем эти разрушения касались и области сугубо светской – литературной. Кудрявцев подробно останавливается на особенно развитом

жанре – сатире. А какой еще жанр является самым подходящим, если стоит задача развенчания «схоластицизма» (читай: Церкви)? Кудрявцев пишет: «Сатира не прибавила ему (“схоластицизму” – И. Е.) ни одной лишней стороны, но она взяла его со всех сторон и всего подвергла посмеянию». И далее: «Схоластицизм мог еще, пожалуй, грозить кострами, но не мог уже ни в ком поселить убеждение, что своими инквизиционными средствами делает святое и великое дело. Вместе с тем, с другой стороны, выходил на сцену гуманизм и более и более становился доступным публике своими человеческими понятиями» [4, с. 63]. Кудрявцев, по сути, описывает технологию развенчания идеи: сначала выставить на осмеяние, добиться, чтобы это осмеяние состоялось, чтобы затем образовавшуюся лакуну заполнить иной идеологией, которая в результате охватила бы народные массы. Для решения подобной задачи одной сатиры было явно мало, не справлялось с ней и ученое сословие. И вот тут-то Кудрявцев правильно угадывает направление главного удара гуманизма – «элемент религиозный», которым охвачено народное сознание. Он пишет: «Необходимость религиозного элемента, чтобы переворот в сознании был полный и всеобщий» [4, с. 65].

Кудрявцев вначале обобщает опыт других стран (Италия, Франция, Англия), отмечая особенность Германии, где «учреждения церковные предшествовали гражданским» [4, с. 70]. Другая особенность заключалась в духе народном, который не хотел удовлетворяться одной обрядовой внешностью, но имел склонность к созерцательности, углублению в предмет. Потому «свободное мышление всегда существовало в Германии. В средние века предмет был дан, он уже лежал во всеобщем сознании. Это Божество» [4, с. 70]. Попытка постичь Божество привело к мистицизму в лице Эккарда, Сузо, Таулера, потому, замечает Кудрявцев, это была только первая попытка освобождения путем философического созерцания. С другой стороны, мистицизм закономерно вел к другой крайности – аскетизму, к страданиям человека в обществе. Тем не менее, утверждает Кудрявцев, именно мистицизм станет в Германии переходным мостиком к усвоению гуманистических идей. Он пишет: «Религиозное движение растет вместе с гуманистическим. Лишь примыкая к гуманистам, но в то же время действуя совершенно самостоятельно, новые немецкие теологи, которые успели свергнуть с себя иго схоластицизма, не погружались более в мистическое созерцание, но выходили открыто против злоупотреблений церкви» [4, с. 76]. Логика Кудрявцева проста и, еще раз подчеркну, в немалой степени основывается на его собственном опыте. Всякий думающий человек (а мистики были таковыми) рано или поздно не может не увидеть тех несообразностей, что есть в «схола-

стицизме», а увидев их, будет стремиться встать на защиту «угнетенной человеческой природы». И он обращается к деятельности тех, кто именно так и поступил: Иоанн Вессель, Иоанн фон Везель и как вершина – Мартин Лютер.

Кудрявцев внимательно изучил жизнь и написанные Лютером тексты, он хотел написать его полную биографию, но успел – только юные годы: смерть прервала это, полагаю, в высшей степени интересное исследование. Не успел написать, но внимательно изучить успел, потому со знанием дела сообщает: «Как все избранные быть великими деятелями в истории, Лютер не походил ни на кого из тех, которые стояли тогда на первом плане во всей умственной деятельности Германии. Это была натура совершенно особого рода... Если бы он родился и прежде, чем открылось движение в Германии, он вынес бы из своей собственной жизни те же самые убеждения, к которым другие приходили, возбужденные духом времени. Потому что Лютер, прежде чем вышел на историческую сцену, жил своей внутренней глубокой жизнью» [4, с. 78]. И вновь наваяно явно собственными воспоминаниями о своей молодости – не об избранности, конечно, но о раздумьях в уединении. Ведь и ему, как Лютеру, «страх Божий внушен был с самого первого возраста» [4, с. 79]. Как и Лютер, он был впечатлителен и восприимчив. Как некогда Мартин перешел из Магдебурга, где жил в крайне стесненных обстоятельствах, в Эйзенах, где приютившее его семейство обеспечивало его нужды, Кудрявцев из ставшей чуждой семинарии поступил в желанный университет, потому ему были понятны и близки увлечения Лютера искусством. Подобно Лютеру, в университете Кудрявцев сосредоточился на науке, которая в итоге привела его к Лютеру.

Он подробно рассказывает о том, что и как читал Лютер, обучаясь в Эрфуртском университете: начинает с изучения Аристотеля и средневековой философии – Оккама, Скота, Бонавентуры, Аквина; вместе с тем Лютер внимательно читал античных классиков, римских – в первую очередь. Ему все легко давалось, но он «искал чего-то еще сверх своих академических занятий... в нем поселился дух нового времени» [4, с. 81]. И тут происходит одно из важнейших событий в его жизни: в библиотеке он обнаруживает Библию (книга в обиходе тогда редкая) и начинает ее внимательно читать. При этом он еще готовит себя в будущие юристы, как того хочет его отец.

Но один случай переменял всю жизнь Лютера: «Уже неподалеку от Эрфурта застигла его страшная буря, гроза разразилась над ним со всей силой, и один удар так оглушил его, что он упал на колени и думал, что уже пришел его последний час. Тогда в ужасе и мучительном предчувствии смерти дал он обет: если Бог сохранит ему жизнь, бежать от мира и посвятить всего себя Богу. Произнесши

этот обет, Мартин оправился от страха и стал на ноги; гроза прошла, но он принес с собой в Эрфурт непреклонное решение вступить в монастырь» [4, с. 83]. Нескрываемое личностное начало лежит в основе истории Лютера, которую излагает Кудрявцев. Полагаю, эту манеру усвоит будущий знаменитый историк Василий Осипович Ключевский, легко и непринужденно прерывавший историческое повествование лирическими отступлениями. Ключевский учился у профессора С.В. Ешевского, прямого ученика Кудрявцева, видел в Ешевском превосходного преподавателя и признавался: «Мы его любили» [2, с. 213], с горечью замечая, что «не застал ни Грановского, ни Кудрявцева» [2, с. 213]. Но вернусь к размышлениям Кудрявцева о Лютере.

Он заостряет внимание на эпизодах внутренних борений Лютера, указывая на их природу: «Лютер пришел в монастырь, как в лечебницу: он принес с собой свой недуг, свою греховную совесть и искал от ней искупление в исполнении монашеских обетов» [4, с. 84]. Кудрявцев создает великолепный насыщенный художественный образ, дающий объемное представление о внутреннем мире Лютера, углубленно вчитывающегося в Библию, «которую он нашел в монастыре прикрепленную к одному месту» и чтение которой составляло «краеугольный камень его изучений и размышлений» [4, с. 85]. Кудрявцев подчеркивает, что в постижении Библии Лютер обращается к трудам знаменитых теологов – Оккама, Жерсона, Петра Д'Альи, но обретает все ответы не у них, а у Блаженного Августина, столь созвучного его собственным переживаниям.

Однако внутренние борения не оставляют Лютера, на счастье которого в монастырь приезжает Штаупиц, генерал-викарий ордена августинцев на всей территории Германии. Штаупицу были хорошо знакомы переживания Лютера, и он взял на себя руководство «бранника меланхолии», как называет Кудрявцев Лютера. Именно Штаупиц подарит Лютеру Библию, исполнив одно из его самых заветных желаний. Он же предложит ему поступить в Виттенбергский университет. Как подчеркивает Кудрявцев, «оставляя свою эрфуртскую келью, не думал он, конечно, что выходит на широкую историческую дорогу: но этот шаг был решительный» [4, с. 89]. Хочу еще раз обратить внимание на то, что «вывел» Лютера за пределы кельи на эту самую широкую дорогу опять-таки не светский человек, а сугубо религиозный, занимающий немалый пост. Это еще одно свидетельство того, что гуманизм в Германии прорастал во многом благодаря официальной Церкви. Тоже парадокс: Церковь по своей воле разрушала самоё себя.

В Виттенберге Лютер занял кафедру философскую и кафедру церковную. Кудрявцев специально подчеркивает, что церковная кафедра позволяла Лютеру нести свои убеждения в народ. Поначалу он не был в оппозиции к официальной церкви

и даже поехал в Рим, эту святыню католицизма. Однако, как пишет Кудрявцев, «чем более жил он в Риме, тем больше Рим развращался в глазах его» [4, с. 91]. Вернувшись в Виттенберг, он открыто выступает против схоластицизма и всей его ученой мудрости. В результате «гуманисты охотно подали ему руку на союз с ним» [4, с. 93]. Пиркгеймер, Муциан, сам Гуттен вступили с ним в переписку, с одним Эразмом, подмечает Кудрявцев, Лютер не мог сойтись. Но Эразм служил Лютеру своеобразным средством для отгачивания собственных мыслей и наблюдений. По Кудрявцеву, сущность разногласий заключалась в том, что Эразм был теологом-гуманистом, а Лютер – мистиком-теологом, считавшим, что деятельность человека, его свобода должны находиться в пределах благодати Божьей. По мысли Кудрявцева, «это была крайность, без сомнения» [4, с. 95]. Но, поясняет он далее, крайность, порожденная другой крайностью – римской доктриной как апологией внешней обрядности. Потому «новая наука началась не от авторитетов (как свидетельствует, например, патристика. – *И. Е.*), а от убеждения» [4, с. 95], то есть от личности, от человека, которого именно гуманизм поставил в центр мироздания, сменив средневековую вертикаль устройства мира на ренессансную горизонталь. И вот итог: «Такою личностью, как Лютер, обеспечены были успехи *Реформации*» [4, с. 135]. Добавлю, не только Лютером (и другими священнослужителями) обеспечивались успехи Реформации, но самой Церковью, ее внутренними нестроениями, которые становились предметом критики со стороны гуманистов.

В общих очертаниях понимания личности Лютера, его роли в истории Реформации на германской земле Кудрявцев нескрываяемо следует за Грановским, который видел в Лютере виновника Реформации [4, с. 89]. Но в отличие от своего наставника и друга Кудрявцев представил Лютера как человека, «заглянул» в его внутренний мир, чтобы показать процесс формирования убеждений, рождавших новый взгляд на мир и место человека в нем. При этом Лютер оставался человеком глубоко религиозным, но ищущим *другого* христианства. Судя по порывистой образности лекций Кудрявцева, их нескрываемому лиризму, самая личность Лютера, его идеи не были ему чужды. Кроме того, в лекциях в целом проявляется литературский опыт Кудрявцева.

Писать он начал еще в студенчестве. По его собственному признанию, женщина стала альфой и омегой в его литературном творчестве. Естественно, не женщина вообще, а проблема положения женщины в семье и обществе (не случайно повести и рассказы Кудрявцева нашли положительный отклик в Белинском и Краевском). Но именно тут, пожалуй, проявилась некая мистика, которой незримо для Кудрявцева были овеяны его жизнь и творчество.

Его страстно, со всей силой молодости полюбила 16-летняя слушательница Николаевского института для обер-офицерских дочерей-сирот при Московском воспитательном доме – Варвара Арсеньевна Нелидова. В этом институте Кудрявцев читал курс всеобщей истории. Он был высок ростом, чуть сутулый, худой. Его лицу, обрамленному каштановыми волосами, живость придавали выразительные глаза. По характеру Кудрявцев был замкнутым, немногословным, но в высшей степени порядочным человеком. Между ним и Варварой Нелидовой была значительная разница в возрасте. По этой причине он не позволил себе сразу откликнуться на ее письмо-признание в любви. В борьбе с собой и своими чувствами словно воплощались в жизни проблемы его повествований. Женщина захватила все его существо, стала его вторым «я». И в 33 года он женится на ней, 19-летней девушке.

Их брак друзья и знакомые называли идеальным, хотя жили они более чем скромно, снимая одну квартиру с двумя приятелями – П.М. Леонтьевым и С.П. Шестаковым, которые приютили у себя еще и бедного студента – В.И. Герье. Порывистая эмоциональная Варвара Арсеньевна являла полную противоположность своему мужу, которого искренне любила и уважала. Ее чувство отзывалось в сердце Кудрявцева, наполнив его жизнь теплом и взаимоуважением, заботой о любимой женщине. Их отношения произвели сильнейшее воздействие на писательницу Евгению Тур (графиню Салиас-де-Турнемир), которая была вхожа в семью Кудрявцевых и оставила замечательные воспоминания об этой удивительной паре.

Но именно супруга станет причиной смерти Кудрявцева. В конце 1856 года они поедут в Италию, где Варвара Арсеньевна вдруг заболевает и скоропостижно скончается во Флоренции. А самого Кудрявцева везде будет преследовать мотив смерти, несмотря на все старания семейства де Салиас смягчить боль утраты. Смерть любимой супруги в одно мгновение перечеркнула весь позитивизм Кудрявцева, погрузив его сознание в область сугубо мистическую. Менее чем через год он умрет от скоротечной чахотки.

В русской культуре П.Н. Кудрявцев остался как один из первых исследователей европейского Средневековья, к сожалению, сегодня почти забытым.

Библиографический список

1. *Грановский Т.Н.* Лекции по истории Средневековья / сост. С.А. Асиновская. – М.: Наука, 1986. – 428 с. – (Серия «Памятники исторической мысли»).
2. *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В.О. Литературные портреты / сост., вступ. ст. А.Ф. Смирнова. – М.: Современник, 1991. – С. 212–220.
3. *Копосов П.П.* Письма П.Н. Кудрявцева из-за границы // Русская Мысль. – 1898. – № 1. – С. 1–15.

4. *Кудрявцев П.Н.* [Гуманизм и Реформация в Германии] // Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное / сост. С.А. Асиновская; примеч. Т.Д. Сергеевой. – М.: Наука, 1991. – С. 32–96. – (Серия «Памятники исторической мысли»).

5. *Кудрявцев П.Н.* Памяти Тимофея Николаевича Грановского // Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное / сост. С.А. Асиновская; примеч. Т.Д. Сергеевой. – М.: Наука, 1991. – С. 207–209. – (Серия «Памятники исторической мысли»).

6. *Фет А.А.* Полное собрание стихотворений / сост., примеч. и вступ. статья Б. Бухштаба. – Л.: Советский писатель, 1959. – 897 с. – (Серия «Библиотека поэта»).

References

1. Granovskij T.N. Lekcii po istorii Srednevekov'ya / sost. S.A. Asinovskaya. – M.: Nauka, 1986. – 428 s. – (Seriya «Pamyatniki istoricheskoi mysli»).

2. Klyuchevskij V.O. S.M. Solov'ev kak prepodavatel' // Klyuchevskij V.O. Literaturnye portrety / sost., vstup. st. A.F. Smirnova. – M.: Sovremennik, 1991. – S. 212–220.

3. Kuposov P.P. Pis'ma P.N. Kudryavceva iz-za granicy // Russkaya Mysl'. – 1898. – № 1. – S. 1–15.

4. Kudryavcev P.N. [Gumanizm i Reformaciya v Germanii] // Kudryavcev P.N. Lekcii. Sochineniya. Izbrannoe / sost. S.A. Asinovskaya; primech. T.D. Sergeevoj. – M.: Nauka, 1991. – S. 32–96. – (Seriya «Pamyatniki istoricheskoi mysli»).

5. Kudryavcev P.N. Pamyati Timofeya Nikolaevicha Granovskogo // Kudryavcev P.N. Lekcii. Sochineniya. Izbrannoe / sost. S.A. Asinovskaya; primech. T.D. Sergeevoj. – M.: Nauka, 1991. – S. 207–209. – (Seriya «Pamyatniki istoricheskoi mysli»).

6. Fet A.A. Polnoe sobranie stihotvorenij / sost., primech. i vstup. stat'ya B. Buhshtaba. – L.: Sovetskij pisatel', 1959. – 897 s. – (Seriya «Biblioteka poehta»).

SUMMARY

SCIENCE OF LITERATURE

Lidiya A. Spiridonova
*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
spirid@mail.ru*

The great son of Russia

The unprecedented popularity of young Maxim Gorky made him a world famous writer. Even in the first years of the 20th century, his works were translated into twenty foreign languages. The writer always tried to solve the major social, political, historical, philosophical, ethical, aesthetic problems concerning not only himself but the people of the 20th century. He responded to all significant events of the said era: populism, the spread of Marxist ideas, the Russian Revolution of 1905–1907, events of 1917, World War I and the Russian Civil War, the death of Lenin and the Communist Party power play in the USSR, the political processes of the 1930s, industrialisation, agricultural collectivisation and construction of proletarian culture. He died when his motherland faced the threat of fascism, to the denunciation of which he devoted all the last years of his life. The article discusses the main features of the creative work of Maxim Gorky, which brought him glory worldwide.

Keywords: Maxim Gorky, world, population, problems, events, era.

Lyubov' V. Sumatohina
*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
lsumatohina@yandex.ru*

Maxim Gorky on the incarnation of the national character as a special type of literary character

We analysed the statements of Maxim Gorky about a special type of literary character created on the basis of folklore, folk tales, legends, anecdotes. Maxim Gorky interprets this character as the embodiment of national character, the bearer of the powerful creative energy of collective, the product of spiritual creative work of the people, literary processed by the writer. It is full of undying optimism and is essentially immortal, as folk itself. Just such is, according to Maxim Gorky, the protagonist of “The Legend of Thyl Ulenspiegel and Lamme Goedzak” by Charles-Theodore-Henri De Coster by Charles de Coster. We describe the influence of Maxim Gorky’s literary concept of the hero in the literary process of the 1930s; present attempts to embody such character in the work of Vsevolod Ivanov, Boris Shergin, Leonid Solovyov.

Keywords: Maxim Gorky, literary hero, Charles de Coster, “The legend of Eulenspiegel”, Boris Shergin, Leonid Solovyov, “Tale of Hodja Nasreddin”.

Natal'ya N. Primochkina
*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
nprim47@yandex.ru*

Semantics of character of evil spirit in work of Maxim Gorky

In the article the evolution of semantics of character of evil spirit is examined in work of Maxim Gorky, since early socio-political pamphlets to the послереволюционных stories and dramaturgic intentions of 1930s; his special philosophical sense and satiric colouring came to light; a connection of this character is established with world and Russian literary tradition, with the image of devil in works of John Milton, Johann Wolfgang von Goethe, Alexander Pushkin, Nikolai Gogol, Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoyevsky, and also writers who were contemporaries of Maxim Gorky – Ivan Shmelyov and Paul Muratoff. The analysis of works and creative intentions of Maxim Gorky about a line results in a conclusion, that the writer called this religious and fairytale personage in a bright artistic form to express the philosophical idea about universal imperfection of life and people inhabiting earth, thus devil, demon or imp as personification of world evil are in them; that touchstone, by means of which, human sins and vices come to light.

Keywords: Maxim Gorky, creative evolution, character of evil spirit, philosophical and socio-political sense, satiric colouring.

Yuliya M. Yegorova
*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
fram1976@mail.ru*

Myths, symbols and images in Maxim Gorky's novel “Mother”

The novel “Mother” has become one of unappreciated Maxim Gorky’s works. The responses of literary critics were directly opposed: some spoke of the incredible success of the work, while the others, of its complete failure and of the end of the author’s talent. Few saw in the novel a complicated synthesis of romanticism and realism, as well as the symbolism of its characters and religious motifs. Just the recent favourable conjuncture allows literary critics speaking not only about the revolutionary idea of the work, but also about its religious and philosophical aspects, revealing at least three more layers in the novel: a philosophical-psychological, a symbolic-mythological ones as well as one of “God-seeking”.

Keywords: Maxim Gorky, early 20th century literature, novel “Mother”, mythopoetics, image, symbol, religious archetype, colouring of text.

Yuliya U. Kaskina

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
kaskina@inbox.ru*

**Transfiguration ability
as Russian national character's ability
(based on the short story "Ice Drift"
by Maxim Gorky, 1912)**

It is told about positive responses of the first readers of the short story "Ice Drift" in the article. Interpretation and features of its perception during later period is stated. In the 1960s, display of "outstanding qualities of the Russian person from the people" by Maxim Gorky was of the greatest importance for researchers (Vsevolod Keldysh) as well as new psychologism characterised by a frontage to discrepancy of a human soul (Sergey Bocharov). Pointing out talent and wisdom of the ordinary person in the image of Maxim Gorky, Aleksandr Tsiryulov sees "dialectics of revolutionary thinking" in "Ice Drift". Mikhail Golubkov describes sudden changes of character of the main character with the words "it has trans-figured" which are close to our understanding of its main line. Having analysed chime motif which is one of the main ones in the short story, as well as feature of development of the image of Osip; having noted that it occurs on a musical background of the sounding bell; having connected it with the chronotope of "Ice Drift", we came to a conclusion that transfiguration ability is crucial in the Russian national character and that the short story "Ice Drift" corresponds to canons of a genre of the easter short story.

Keywords: short story "Ice Drift", Maxim Gorky, interpretation & perception, chime, Russian character, transfiguration, paschal genre.

Anastasiya G. Plotnikova

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
filologinya@gmail.com*

**"Cinema of the future" –
the unrealised project of Maxim Gorky**

This article, based on letters of Maxim Gorky, Maria Andreyeva, Pavel Timan, Aleksandr Kursinskiy, archival documents and some little-known materials of pre-revolutionary press, explores a story of one of Maxim Gorky's unrealised projects – his own cinema studio focused on the production of educational and ideological feature films. Maxim Gorky considered the educative function of cinema to be the most important, and from 1913 to 1917, he tried to create his cinematic enterprise – "Cinema of the future" – with support of Maria Andreyeva, Aleksandr Tikhonov, Stepan Lianozov, Feodor Chaliapin, etc. The main idea was the production of high quality fiction and popular science films. Maxim Gorky and Maria Andreyeva contacted Pavel Timan's and Sergey Prokudin-Gorsky's companies to implement this project. World War I caused a long delay of the plans to create new cinema.

Keywords: Maxim Gorky, Maria Andreyeva, cinema, films, Pavel Timan, education, film studio, unrealised project.

Galina E. Propolyanis

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
propolyanis@yandex.ru*

Maxim Gorky in 1917

The article is devoted to one year from the life of Maxim Gorky – year 1917. A tremendous work of Maxim Gorky to create the Commissariat of arts, the main task of which was the preservation of ancient monuments and museums; the establishment and active promotion of the "Free association for the development and dissemination of good science"; he combined all this with intense literary and publishing work: he read and edited the manuscripts of the "Chronicle" not to mention the great work in the publishing house "Sail" and in the newspaper "New Life". Not less time devoted to help to people in very difficult life conditions. 1917 saw tensivity as well in the personal life of the writer. He was concerned about the care of his son Maxim, who became a member of the Bolshevik party, and of course, could not but participate in the ongoing revolutionary events, even though Maxim Gorky minded his deals. Thus, the article has for the first time attempted to trace the writer's work in a chronological order in the field of culture, literary and social activities – all that worried him personally.

Keywords: Maxim Gorky, editorial and publishing activity, magazine "Chronicle", publishing house "Sail", revolution, Gorky's son Maxim.

Tat'yana R. Gavriush

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
ligeia1838@yandex.ru*

**Home as a factor in personality formation
(on the material of the Maxim Gorky's novel
"The Life of Klim Samgin")**

The image of the protagonist of "The Life of Klim Samgin" is associated with, in Maxim Gorky's opinion, topical issue of family disruption and demolition of home, that the author of the novel sees as a consequence of the moral disorientation of the person. The formation of the personality of Klim Samgin is happening in false family under the direct influence of his mother and stepfather: owing to his mother, Klim Samgin rejects even the beloved; to his stepfather, he suspects the people of fictional love, thinks that love is not like human nature, that "spiritual life develops successfully only on the basis of material welfare". The relationship between mother and stepfather represents something destructive in its very basis. Their "foundation" is disruption of a real family, and worsening of the generation gap not only between the closest, but also between the grandchildren and the grandparents. Being of personal relationship of mother and stepfather's is solely a passion – this Lydia means describing their gradual comprehensive disruption; they are inhuman. "Family" gradually deforms Klim Samgin's attitude to female. Female image is conceptually important for Maxim Gorky, whose author voice sounds like Konstantin Makarov's thinking about the female

of that time, who feels “the need and the power to win back her former status of mother of mankind, the causative agent of a new culture”. Female characters created by the writer include Lyuba Somova, Anfimevna, Dunyasha, Elena Prozorova, Tosya; they in his narrative bear an important function of approving internal stability and spiritual security of the world.

Keywords: Maxim Gorky, “The Life of Klim Samgin”, family disruption, demolition of home, human moral disorientation, female images, spiritual safety of world.

Ol’ga V. Shugan

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
oshugan@rambler.ru*

Old and new Caucasus seen by Maxim Gorky (feature articles “Across the Soviet Union”)

The first sketch of Maxim Gorky’s cycle “Across the Soviet Union”, which developed the comparison of the old and the new Caucasus, has been considered in the article. The writer adapts a genre of a travelling sketch for ideological tasks – to display the achievements of the Soviet power in the industry of the Caucasian region, promotion of new culture. Maxim Gorky presents memories of old time in the form of “lyrical digressions” which create a multidimensional and expressive picture of life of the Caucasus in the late 19th century. It is shown how “the social order” ousted artistry: describing old Baku and “multi-balcony Tiflis” of the 19th century, Maxim Gorky widely used literary palette; while display of the contemporary enterprises – “Azneft”, hydroelectric power stations, etc. – reminds the style of official articles in Soviet newspapers. We can consider sketches “Across the Soviet Union” through a double prism: through the prism of author’s memoirs (“lyrical digressions”) as well as through the prism of his articles about the Caucasus in the provincial press of the late 19th century, and finally, through his correspondence and memoirs of his contemporaries. The attention to details, to author’s notes and “lyrical digressions” helps to discover the “undercurrents” of the propaganda sketch.

Keywords: “Across the Soviet Union”, old and new Caucasus, achievements of Soviet system, travelling sketches.

Ol’ga V. Bystrova

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
bystrova63@mail.ru*

Maxim Gorky’s report of at the First Congress of Soviet writers: a glance from the 21st century

The article is devoted to analysis of the report of Maxim Gorky at the First Congress of Soviet writers in August, 1934. We give a feedback on this event in the literary world of the 20th century. The range of different opinions about this statement of Maxim Gorky allows one realising the degree of “politicisation” of approaches to the assessment of this document during the life of the writer. For a very long time, in the So-

viet literature approaches to this statement remained inviolable. However, in the 21st century, everything has changed. In fact, the context of the 1930s is too narrow for the analysis of this speech. The text itself requires a special approach and analysis through the prism of the history of world literature, in which the Soviet literature, was thought by Gorky as a powerful stream, but one of many. What for the writer was an important topic, which threaded the three presentations at the Congress, was “learning to think”.

Keywords: Maxim Gorky, First Congress of Soviet writers, organising Committee of Congress of Soviet writers, socialist realism, labour as creative work.

Yelena V. Kudrina

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
kelenvik@yandex.ru*

A drama of Isaac Babel’s “Maria” in the evaluation of Maxim Gorky

The article discusses the history of the last finished play by Isaac Babel “Maria” and Maxim Gorky’s sympathy for the work’s fate. Isaac Babel had the intention of writing the play in the early 1930s, and read it to Maxim Gorky in Sorrento in the spring of 1933. Maxim Gorky gave the playwright a few comments, and later also wrote a letter, a copy of which is stored in the Archive of Maxim Gorky in Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Maxim Gorky by his letter analyses the drama, its main characters, points out the disadvantages of the work and advised the author not to put on “Maria” in the theatre, at least the version of that time. Subsequent to receiving the letter, Isaac Babel continued to work at the text of the play. The article presents memoirs of Aleksandr Gladkov and Tat’yana Tess about reading of the play in the Literary museum by Isaac Babel in February, 1934, and also the first critical responses to the new one, “published for reading”, the playwright’s work, that was never staged during the life of the author.

Keywords: Isaac Babel, “Maria”, drama play, Maxim Gorky, dramaturgy, 20th century Russian literature.

Al’fiya I. Smirnova

*Moscow City Pedagogic University
alfia-smirnova@yandex.ru*

The problem of the Russian soul and the type of the main character in the short stories “Konovalov” by Maxim Gorky and “Black Swans” by Gaito Gazdanov

The article reveals the artistic interpretation of the problem of the Russian soul and the type of the main character in the early short stories by Maxim Gorky (“Konovalov”) and by Gaito Gazdanov (“Black Swans”). This problem is one of the key issues in the Russian philosophy and literature of the Fin de siècle and the literature of the first wave of emigration that is successively associated with them. Such philosophers as Nikolai Berdyaev, Georgy Fedotov, Friedrich Steppuhn and others, many writers, including Ivan Bunin

and Maxim Gorky think about the dual nature of the Russian character, the contradictions and properties of the mysterious Russian soul. In the analysed stories, in the images of Kononov and Pavlov the authors captured the type of the main character embodying the characteristic features of the Russian soul: irrationality and contradictoriness, strength and weakness, outstanding nature and inability to live, absurdity of actions and inexplicable longing, dreaminess and wandering. And although the characters differ in social status, place and way of life, surroundings and upbringing, they are united by a common mentality, world perception and language.

Keywords: Russian soul, type the main character, story, motives of loneliness, boredom, longing, wandering.

Yekaterina A. Murtazaliyeva
Dagestani State University, City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
fiona70@mail.ru

**Maxim Gorky and Anton Chekhov
in Dmitry Merezhkovsky's assessment
(on material of the article "Chekhov and Gorky")**

In this article, the problem of estimates by Dmitry Merezhkovsky of creative work of Maxim Gorky and Anton Chekhov is considered, receptions of the critical analysis and degree of objectivity of the critic come to light, the characteristic of composition of the work is given. Dmitry Merezhkovsky uses reception of double comparison and estimates Maxim Gorky and Anton Chekhov in a wide historico-literary context. The multilevel analysis allows the critic to analyse the hero's choice of Anton Chekhov and Maxim Gorky, pictures of the nature and their functional value, keynotes in prose of writers, religious representations of heroes, psychology and metaphysics of the intellectuals and tramps. Dmitry Merezhkovsky sets and solves a number of the tasks connected both with assessment of works of writers, and with the solution of questions of modern literature, important for the critic, in the article and does it objectively. Anton Chekhov for Dmitry Merezhkovsky is the heir-at-law of great Russian literature, and Maxim Gorky, the pioneer of the new continent of an inner world, the country of darkness named "down-and-out".

Keywords: critique "apropos", analysis levels, comparison reception, objectivity, composition.

Larisa I. Shchelokova
Moscow City Pedagogic University
lariva2007@yandex.ru

**The traditions of Maxim Gorky
in the journalism of 1941–1945**

The article analyses the development of Maxim Gorky's journalism tradition in the literature of the war years. Various methods of Maxim Gorky's essays and articles, worked out by the writer throughout the entire creative work, are considered, continued and further developed in newspaper publications of the warfare period, on their example, the idea of the undoubted af-

finity of the younger generation of writers to the tradition of Maxim Gorky is affirmed.

Keywords: literary process of 1940s, journalism of Aleksey Nikolayevich Tolstoy, journalism of Vsevolod Ivanov, journalism of Ilya Ehrenburg, journalism of Vladimir Lidin, journalism of Leonid Leonov.

Mariya R. Nenarokova
Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
maria.nenarokova@yandex.ru

**Dramatic personae in translations of the play
"The Lower Depths" by Maxim Gorky into
Danish; translation challenges (in terms of texts
by Jakob Jakobsen and Ejnar Thomassen)**

The article discusses the translation of the play "The Lower Depths" by Maxim Gorky (namely, dramatic personae) into Danish. The first translation (1902–1903) was made by Jakob Jakobsen from German, whereas the 1946 version was made by Ejnar Thomassen from the original. The analysis of the texts shows that at the very beginning of their work the translators faced such problems as the translation of proper names, of culture-specific vocabulary, the subtleties of the lexical meanings. In the case of the first version, the choice of spelling depends on the German language from which the text was translated. Most often translators transcribe names and nicknames of the characters, but in one case, they choose translation. The translation of the Russian realities constitutes a considerable problem. Translators have to borrow Russian words, to use a translation commentary, to create neologisms.

Keywords: 20th century Russian literature, drama, Maxim Gorky, "The Lower Depths", Denmark, translation, culture-specific vocabulary, name, realia, loan word, neologism.

Svetlana M. Demkina
Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
demkinasvetlana@yandex.ru

**Maxim Gorky:
museum image – potential and realisation**

The article is devoted to the museum component of Maxim Gorky's personality research. The author tells about the history of the creation and specificity of Maxim Gorky's museums in different cities of Russia. The 150th anniversary of Maxim Gorky makes topical the conversation about his personality in the context of the museum interpretation of the writer's image. "The museum potential" of the personality of Maxim Gorky includes several museum centres in different cities, two in Moscow, three in Nizhny Novgorod, one in Kazan, one in the village of Krasnovidovo (Tatarstan autonomy, Russia) and one in the City of Arzamas (Nizhny Novgorod Region); the collections of Russian and foreign art, priceless photo archives, documentary materials – evidence of Russian history both before and after the 1917 revolution.

Keywords: museum, image, Maxim Gorky, writer, exhibit, collection.

SCIENCE OF LANGUAGE

Sofya A. Simatova
Moscow City University
sonyachita14@mail.ru

**Martin Heidegger's philosophy of language
 as one of the preconditions for the structural
 and dynamic approach in linguistics**

The paper establishes relationships between some ideas of M. Heidegger's existential philosophy of language and corresponding issues of Vladimir Kurdyumov's predication conception, which is considered to be a theoretical base of the structural and dynamic approach in linguistics. Through the comparison of the two conceptions from different areas the author proves the importance of Martin Heidegger's philosophical views for a further development of a dynamic linguistic theory. Finally, the author comes to the conclusion about those ideas that are common for Martin Heidegger's philosophy of language and the structural and dynamic approach in linguistics: 1) pointing of the necessity to go back to earlier conceptions and schools that reveal a true nature of being and language; 2) the active and event-trigger approach to a human language; 3) the understanding of language in a broad (anti-structural) sense as a process of communication on all levels and stages of production/perception; 4) pointing of the level organisation of being and language in comparison. The paper says about the necessity of non-complicating linguistic theories by using abstract "external" notions and about the possibility of fundamental study of non-inflected ("oriental") languages as a primary object of linguistics.

Keywords: language, structural and dynamic approach to language, predication conception, Martin Heidegger's philosophy of language, linguistic ontology, predication, correlation between language and thinking, levels of being and language.

Zhanna V. Marfina
Shevchenko Lugansk University
lib_inpu@ukr.net

**Value-axiological realisation of micro-concepts
 husband, wife in the Ukraine and the Russian
 paroemiological world-images**

The article presents comparative analysis of the Ukraine and Russian paroemias with Husband / Wife micro-concepts, as well as determines universal and national peculiarities of the generalisation of inter-spousal relations and their gender-based behaviour. It also suggests methodology of establishing the relations between paroemiological utterances defined as "conceptual correlation". The structural and semantic modifications of the latter are defined – conceptual chain (\rightarrow or \leftarrow -signs are used), conceptual pair (\leftrightarrow -sign is used), conceptual identification (= sign is used), conceptual opposition. The article also takes into account the peculiarities of lexico-semantic valency of the relatives' names – function of the epithets, comparatives, predicates, as well as grammatical structures with preposition "without" and particle "no", which take part in giving value-axiological meaning to the

folkloric generalisations. The study considers the relation between established semantics of the following micro-concepts and macro-concepts: Head of the Family (Breadwinner), Home, Good / Evil, Friend / Foe, Wealth / Poverty, Old / Young, Beauty, Love, Fidelity, Health, Intelligence / Stupidity, Honour – all of which proved to have emphasised the archetypal nature of paroemiological stock's semantics and the abundance of universal value dominants. National peculiarities of the paroemias with Husband / Wife micro-concepts are established in relation to the comparisons used (zoomorphic metaphors in the Ukraine paroemiological world-image). The preference for several value dominants is as follows: in the Ukraine paroemiological stock there are more proverbs with axiology of the hard-working wife while in Russian – with an honest, faithful wife.

Keywords: national linguistic world-image, paroemiological world-image, paroemia, macro-concept, micro-concept, conceptual pair, conceptual chain, conceptual correlation.

Olga V. Kazakova
*Military Academy of the Defence Ministry
 of the Russian Federation, Moscow*
kazakovaolga2906@yandex.ru

**Typological and specific prosodic features
 of English varieties in India and Hong Kong**

The article focuses on the prosodic systems of the two new English varieties, functioning in India and Hong Kong. Postcolonial Englishes of India and Hong Kong came into being during intensive language contact and assimilated into society afterwards. Due to a long-time substratum interference, the two English varieties have developed several distinctive features at all levels of their linguistic structure, including the prosodic one. In this respect, the article attempts to compare the prosodies of the English varieties in question by identifying their common and specific features. The results of the study are expected to contribute to further research in the field of prosodic typology of English varieties.

Keywords: New Englishes, Indian English, Hong Kong English, prosodic interference, prosodic typology, prosody, rhythm, tone.

Ma Xiangfei
Saint Petersburg State University
syam.ma@mail.ru

**Hail in the perception of Chinese people
 on the background of its comprehension
 by the Russian**

This article analyses the view of such meteorological phenomenon as hail, formed from many components and reflected in the Chinese linguistic consciousness considered on the background of the Russian language. We identify the basic features and vectors of associative comprehension of hail. The reference to lexicographical sources and illustrative material drawn from the National Corps of both languages makes it possible to judge in the semantic and linguocultural

aspects about the similarity of the representations of collective linguistic personalities and differences in understanding the hail by Russian and Chinese. Common features are such signs as “catastrophic”, “negative consequences”, “numerous”, “small size”, “danger” and “the function of weapons, guns”, etc. As a result of the analysis, differences in the linguocultural plan were also revealed. What is unique in the background of Russian ideas, are association with a hail of false accusation, a rapidly transient state of irritation and passion, experienced temporary difficulties, alternating with other, more favourable times; perspectives of personal troubles, capable of offending one’s self-esteem, disrupting well-being, verbalised in Chinese phraseological expressions.

Keywords: linguoculture, stereotype view, hail, Chinese language, Russian language, semantic nuances, association.

Anna Niu

*Lomonosov Moscow State University
niuanna@mail.ru*

The words for stature, torso and their evaluation in the Russian language in comparison with the Chinese

The purpose of this article is to analyse the use of nouns “stature” and “torso” in the Russian language in comparison with the Chinese. In this work, the main attention is paid to the role, meaning and evaluation characteristics of the lexemes “stature” and “torso” in the Russian language in the background of the Chinese, as the lexemes “stature” and “torso” are fragments of the Russian and Chinese language pictures of the world. Comparison with the same fragments with the Chinese language picture of the world makes it possible to establish the similarity and difference of the meaning of lexemes “stature” and “torso” in Russian and Chinese language pictures of the world. Comparative analysis of the semantic structures of these words allows us to draw some conclusions about the differences and similarities of Russian and Chinese language pictures of the world. The results of the study are useful in all cases of intercultural cooperation. It refers to translation, artistic translation, simultaneous translation, as well as to Russian-Chinese linguistic cultural contact.

Keywords: meaning of “stature”, meaning of “torso”, use of “stature”, use of “torso”, similarity, differences, language picture of world.

Valeriya A. Yakovleva

*Moscow Pedagogic State University
val5217@yandex.ru*

Advertising discourse from the perspective of linguistic and extra-linguistic characteristics. Structural and gender aspects of onomatopoeic advertising discourse

The article views advertising discourse as a complicated polycode formation. We made an attempt to draw some connection between the notion of “visual semiotics” – visual realisation of metaphors in signs

and onomatopoeia in advertising discourse, when a textual image of a sound in an advertisement and the product advertised work together to convey the metaphorical meaning and to be associated with each other. All this lets a potential customer to “hear” the product. The article also considers gender characteristics and some structural features of onomatopoeic words in advertising providing a classification of sound imitation words which is based on their structure and role in a sentence. Some ways of onomatopoeic words formation are also described.

Keywords: advertising discourse, advertisement, visual semiotics, metaphor, polycode, sound imitation, onomatopoeia, interjections, parts of speech, gender.

Anna K. Denisova

*Ivanovo State University
denetta@mail.ru*

The peculiarities of lexical-syntactic repetitions in author’s speech (on the material of modern German literature)

The lexical-syntactic repetition is viewed in the article as a notion that embodies author’s intentions and contributes to a more adequate perception of the text by the reader. The number of opinions of Russian linguists concerning the concept of the author’s speech is given and analysed. Due to the results of processed investigation materials, namely the short stories by German writers of the 20th–21st centuries, the author of the article proposes her own interpretation of the considered concept “lexical-syntactic repetition” in the light of the modern German stylistics. Here also goes a concise analysis of the various viewpoints of Russian linguists upon syntactic and semantic peculiarities of a literary text. On the basis of the elements of a broad corpus of lexical-syntactic repetition use with examples embedded into microcontexts from German short stories there are clearly demonstrated the role of the lexical-syntactic repetition as the means of structural composition of a literary text by the author, on the one hand, and as the instrument that guarantees successful perception and decoding of the same text by the recipient, on the other hand.

Keywords: repetition, lexical-syntactic repetition, literary text, author’s speech, micro-context, anaphor, epiphor, frame repetition, anadiplosis.

Oksana V. Shkuran

*Shevchenko Lugansk University
oksana.shkuran@mail.ru*

Sacral and desacral in the linguistic area

The article is about modern theological, philosophical, linguistic studies of the concepts “sacral” and “desacral” in the linguistic area. The term of Latin origin “sacrum” determines the vector of the spiritual perfection and makes it possible to define the concept of sacral and desacral. Everything depends on the individual choice of the linguistic personality: if the person is able to realise the vertical vector of language knowledge, which tends to spiritual perfection, we are talking about the sacral; if the person is focused

on biological, domestic, social needs, it is a question of the desacral area. To be more specific, it is said about the horizontal vector that is aimed at the profane cognition. In modern linguistics, the process of the desacralisation is widely investigated by many linguoculturologists. The impetus for this was the studies of German theologians, who defined these concepts as a metacategory of humanitarian knowledge. It should be mentioned that the researches of Russian philosophers such as Vladimir Solovyov, Nikolai Berdyaev, Semyon Frank, Pavel Florensky are considered to be the most useful ones. According to Alexander Potebnja's concept, when linguistic units immersed in a context of social usage, they lose their original meaning and indicate a renewed dominant significance. As an example of it, this article presents a fragment of the use of the sacred concept of the "Bible" in the media with the aim of establishing an updated dominant significance. The usage of the word "Bible" in the media resources reflects the general tendency which leads to a lowering of the value register of high concepts in the transition from a sacred sphere of use to a communicative secular area and has a horizontal vector of the desacralisation of the linguistic area.

Keywords: linguistic area, sacral, desacral, Bible, spiritual perfection, vertical vector of language, profane knowledge.

Tat'yana G. Popova

*Military University of the Defence Ministry
of the Russian Federation
tatyana_27@mail.ru*

Ol'ga V. Mingaleva

*Military Academy of General Staff of the RF Armed Forces,
Military University of the Defence Ministry
of the Russian Federation
olgamingaleva27@mail.ru*

Extralinguistic knowledge as speech communication components

The paper discusses the role of extralinguistic knowledge in the process of translation. The research is based on phraseological units as the valid material of the study. The author points out a very important role of extralinguistic situation which is the basis for phraseological units containing the component understandable thanks to the reliable situation. Appropriate comprehension of phraseological units depends on the knowledge of extralinguistic component. With numerous examples the author demonstrates that phraseological units are something like frozen pictures which in the process of translation should be paid attention to.

Keywords: cultural linguistics, extralinguistic knowledge, phraseological units, situation, translation.

Yelena G. Knyazeva

*Military University of the Defence Ministry
of the Russian Federation
helen_27@mail.ru*

Dialogical discourse and semantic synthesis

Semantic synthesis has no uniform conventional treatment and needs special scientific discussion of this, no doubt, important linguistic issue. One of the tendencies, most important in science, is nowadays

consideration of sense as procedural concept. The author of article understands a phenomenon of discursive sense as synthesis of meanings of participants of the communicative act – the sender and the addressee. Discursive sense is in the article considered to be a result of functional and semantic synthesis, and the speech act is analysed as difficult connection of process of producing a statement and specific perception of the speech by the subject. On the basis of the analysis of practical material, the author of article comes to a conclusion that synthesis of meanings in a dialogical discourse has directly interactive, communicative and also obviously expressed dynamic character.

Keywords: communication, addressee, sender, sense, synthesis, discourse, statement.

Mikhail A. Trushkov

*The Vyatka State University, the City of Kirov
yoga-kirov@mail.ru*

General and various in semantics of lexemes *tipichnyj, tipicheskij, tipivoj*

The present article is devoted to identification of features of semantics and functioning of adjectives *tipichnyj, tipicheskij, tipivoj*. The relevance of a research is caused by the fact that it is executed within studying of semantics of typicality in Russian, important, in turn, for linguistic judgment of processes of a cognitive categorization. On the basis of the analysis of explanatory dictionaries of Russian and materials of the National Case of Russian the author reveals integrated and differential senses of the considered adjectives, applying methods of the component, distributive and contextual analysis. As a result the author comes to a conclusion that the greatest number of values comes to light at a word *tipichnyj*, the smallest – at a word *tipivoj*. The adjective *tipicheskij* in the modern speech has no pronounced semantic specifics, is realized as outdated and in the nearest future, most likely, will be forced completely out by an adjective *tipichnyj*.

Keywords: semantics of typicality, cognitive categorization, paronyms, component analysis, distributive analysis, contextual analysis, modern Russian

Mariya S. Mironovich

*Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg
maria.mir@mail.ru*

The name of the material and monetary relations in wedding rites of Kaluga Region

The article deals with the names of material and monetary relations in the dialect vocabulary of the wedding rite of Kaluga Region. Wedding rites are regulated not that much by personal relationships but rather by the socioeconomic and legal aspects of the life of the new family, the formation of which transfers material-monetary units from parents; in order to avoid disputes after the wedding, all issues of this nature are clearly regulated at all wedding stages. In the lexicon of material-money relations, five lexico-semantic groups are distinguished. Sources for the study were their own fieldwork materials, as well as a selection of

their printed sources of the 19th–20th centuries – all the data lexemes are included in the electronic card index of Kaluga patois dictionary. Currently, in the territory of Kaluga Region many lexemes are not fixed, including in the vocabulary of the wedding rite, because of the loss of the realities themselves. The prevalence of these lexemes outside the wedding ritual on the territory of Kaluga Region, their correlation with the South-Russian and with the general-Russian vocabulary – in the main these lexemes refer to the general-Russian vocabulary with minor semantic changes.

Keywords: lexicology, dialects, wedding rite, Kaluga Region, material and monetary relations.

Aleksandr V. Blohin

*State Humanitarian University of Technology,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
avb6767@mail.ru*

Tat'yana S. Kurkina

*State Humanitarian University of Technology,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
kafrusgtu@mail.ru*

The use of the expressive and stylistic possibilities of grammatical forms in Leo Tolstoy's novel "War and Peace"

The article discusses the use special figurative-expressive means of language by Leo Tolstoy in his epic novel "War and Peace", which allowed the author with the help of grammatical means to emphasise certain values that are important for understanding the ideological and thematic level of the work. As the object of study-forms of the instrumental case with variant endings as nouns and adjectives, participles, numerals, pronouns. The focus when analysing these units is paid to their stylistic and semantic peculiarities, as well as functioning in the artistic fabric of the work as the author's stylistic means. Analysis of the use of the variant endings in the form of the instrumental case of nouns and adjectives agreed with them and the words of other parts of speech with syntactically dependent forms of inflection, showed that they used by Leo Tolstoy to express the additional shades of the meaning of the word, increases its artistic and expressive power.

Keywords: Leo Tolstoy's novel "War and Peace", variant endings, grammatical form in instrumental case, individual style of writer, artistic technique, stylistic tool.

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

Vitaliy Yu. Yakovlev

*Kostroma State University
yakovlevv51@mail.ru*

On the birthplace of the father of Mikhail Lermontov: source study criticism of the myth

The article is devoted to the problems of the source study of genealogical information on the example of studying the birthplace of Mikhail Lermontov's father in Kostroma land under the conditions of changing toponyms, changes in the administrative and territorial belonging of the places of residence of representatives of the Lermontovs in the late 18th century. In the local-historical and genealogical literature, the erroneous

point of view concerning the place of birth of the poet's father has been established, which, when the documents were not critically examined, did not take into account the realities of the historical epoch. The genealogical information about the birthplace of the poet's father, lifted out of context and included in another functional context, was misinterpreted. The result was an erroneous "transfer" of the poet's ancestors to places alien to them, where a memorable sign was erected by enthusiastic local historians, with an inscription about an event that never happened in those corners of the world.

Keywords: source study, genealogy, Mikhail Lermontov, Nikol'skoe estate, Kostroma land.

Igor' S. Menshchikov

*Kurgan State University
ygor@bk.ru*

Timofey G. Pavlutsikh

*Kurgan State University
dobro_rg45@mail.ru*

Features of the consciousness of Russian peasants and potato riots of 1842–1843

The article is devoted to the identification and analysis of the causes of the so-called 1842–1843 potato riots that swept across the Russian countryside where state serfs lived. A special emphasis is placed on the consideration of these disturbances in the Trans-Ural districts of Perm Province, where they were held in the most acute form. The research of historical sources and literature led to conclusion that potato riots cannot be explained only by means of class struggle theory. A large role in the rise of the riots was played by the features of the world outlook and social psychology of the Russian state serfs. The authors use the evidence of sources, analyse the motivations reflected in the demands of the peasants. It is established that the main source of information for them was rumours rather than official information. The peasants did not trust the representatives of the rural authorities. Alarming rumours provoked extreme forms of aggression against the country administration. As a result, the authors come to the conclusion that the main role in the beginning of the riots was played by the peculiarities of the mentality of the peasants, which were completely ignored by the Russian bureaucracy.

Keywords: peasant everyday history, potato riots, Russian peasantry, peasant reforms, state serfs, Trans-Ural region, collective representations, consciousness of peasants.

Aleksey V. Novikov

*Kostroma State University
anovikov111@mail.ru*

Yuriy V. Katyshev

*Kostroma State University
ykatyshev@yandex.ru*

Public and business activities of Kineshma manufacturer Ivan Aleksandrovich Mindovskiy in the second half of the 19th – early 20th centuries

In the Russian historiography, investigations devoted to separate representatives of business dynasties, are scarcely presented in the scientific literature. In the

given work, the basic moments of socio-enterprise activity of Ivan Aleksandrovich Mindovskiy – the well-known manufacturer of pre-revolutionary time – are traced. We undertake attempt to reconstruct history of development of his charities as a patron of art as well as estimation of his vital sights, as of a bright representative of old believers' business is given.

Keywords: business, public activities, Zemstvo, patronage of art.

Roman V. Konyayev

*Altai State Pedagogic University, City of Barnaul
ram-ne@mail.ru*

Omsk military region leadership training for the World War I front-line forces

A war is a serious challenge for armed forces of any state. Reinforcements of acting army is one of the most important tasks of army command and country's leadership during the action. The issue of the officer personnel training becomes particularly relevant in war-time. They have to reduce officers' training course in war-time has a negative impact on the training quality of commanding officers. The article considers the issue of the training of officers in Omsk Military Region during the World War I. The article reconstructs the process of the officers' training in infantry warrant officers' training schools in Omsk Military District. Much attention is paid to the issues of the recruitment of warrant officers' training schools, to organisation of training process, to promoting to an officer and to sending commanding officers to the front.

Keywords: warrant officers' training schools, Omsk Military Region, World War I, warrant officers, reserve units, acting army.

Mikhail V. Novikov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
m.novikov@yspu.org*

Motives of mass "White" volunteering in 1918 (based on Anton Denikin's memoirs)

The question on motives of mass "White" volunteering is considered during the Russian Civil War, mainly basing on General Anton Denikin's memoirs, Commander-in-Chief of White Guard Armed Forces of the Russian South. Also memoirs and records of other participants and eyewitnesses of the events are involved. It is noted that volunteers' motives were very different – heroism, martyrdom, duty, usefulness of professional military skills, revenge, self-interest, occasion, but the main thing for the most part of volunteers was their desire to overthrow the power of Bolsheviks and to return traditional values. It is noted in the article that volunteers' motives were influenced by mottos of the White movement – about the united and indivisible Russia, restoration of the monarchy, creation of the bourgeois republic. Anton Denikin had to state that the people on the whole did not support the White idea and that was that why White Guardists were defeated.

Keywords: Russian Civil War, Soviet power, Bolsheviks, monarchic idea, volunteers, officers, Volunteer Army.

Valentina A. Sel'skaya
*Yaroslavl State Medical University
valentis59@mail.ru*

Assistance of foreign specialists during the period of industrial formation of the chemical industry of Yaroslavl Region (1920s–30s)

The main content of the article is devoted to the assistance of foreign specialists in the construction and start-up of Yaroslavl rubber-asbestos plant – the flagship of the chemical industry of Yaroslavl land. Closed for ideological reasons of that time, this topic became the goal of the study. The author studied, analysed and summarised a tremendous layer of archival materials, facing the problem of the lack of regional archival data on the issue under consideration related to their secrecy. The politics of waste from concession companies and the transition to a new organisational form of projects under construction industry through agreements on technical assistance with the involvement of foreign experts. Numerous sources of research managed to find some names of specialists; these names are mentioned in passing, referring to rivalry between socialist and capitalist principles. These references are invaluable presence of foreign experts in the construction of industrialisation. Contrary to the prevailing opinion in Russian historiography that the objects of the industry were built by compatriots without any outside assistance, the study showed that the most difficult issues (designing plants, equipment, equipment installation, equipment itself, training specialists, technology, etc.) were solved with the help of foreign specialists. This study has a novelty, because it has been studied for the first time and because it allows a new look at the history of the chemical industry of Russia.

Keywords: foreign aid, foreign specialists, rubber-asbestos plant, factories, industrialisation, Yaroslavl, Yaroslavl Region.

Aleksandra M. Trofimova

*Herzen Russian State Pedagogic University,
City of Saint Petersburg
alexandra.tr:90@gmail.com*

The Old Bolsheviks' Society: from Lenin's Old Guard to Stalin's propaganda lecturers

The article presented is dedicated to the insufficiently explored episode of the Soviet history of the 1920s and 1930s which is the functioning of the Old Bolsheviks' Society. The author aims at revealing the Society founders' goals as well as at identifying the tendencies in the change of its functions and public influence. The article gives some proofs to the opinion that the Old Leninists' Guard was supposed to become the means for Lenin supporters' political activity. Having found themselves in minority, the defenders of the Old Party Guard's intervention in the Soviet socio-political life had to surrender. Consequently, by the very late 1920s, the Old Bolsheviks' Society declined. New rising in its activity fell on the period of the socialist reconstruction guided by Stalin. In these days of the so-called "socialist reconstruction", the Old Party Guard was in high demand for propaganda activities.

Keywords: Old Bolsheviks' Society, Russian Communist Party (Bolsheviks), public organisations, veterans of revolutionary movement, Old Party Guard, Communist Party's history, propaganda.

Sergey A. Zhevalov
Moscow Pedagogic State University
szhevalov@mail.ru

Procurement of milk in the USSR during the World War II (East Front), in 1941–1945

The article is devoted to the study of the internal and external supply of milk and dairy products in the Soviet Union during the participation in World War II, in 1941–1945. The article is based on documents stored in the Russian state archive of economy, the bulk of which was for the first time introduced in the scientific circulation. On the basis of archival data, the quantity of milk received from the mandatory deliveries, procurement and other sources of income from collective farms, state farms, collective farmers and individual farms and villages of the Soviet Union, as well as from workers and employees, farms, etc is determined. The article provides information on the Allies' supplies of milk and dairy products via lend-lease. The author shows dynamics of milk production and dairy products on all sources of income. The relevance of this article due to the continuing debate about the significance and materiality of lend-lease food supplies for the contribution to the Victory of the USSR. The author comes to the conclusion that the Red Army and the Soviet people till the very radical change in the course of the war with the Axis, used basically only domestic harvesting and procurement of milk.

Keywords: Soviet Union, Soviet involvement in World War II in 1941–1945, collective and state farms village, supply of milk, lend-lease.

Anton V. Karpov
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
antonkarpov1993@yandex.ru

Social infrastructure objects' condition in Vologda Region in the late 1940s – early 1950s

The article discusses the research of the development of social infrastructure objects in the Vologda region in the late 1940s – early 1950s. The author analyses the condition of social infrastructure facilities in the settlements of Vologda Region: health, education, kindergartens, cultural and art institutions, communication and communication facilities, as well as external improvement. The article examines the goals and results of the two post-war five-year plans in the field of providing the population of Vologda Region with social facilities. The unsatisfactory and often deferred maintenance condition of most buildings and structures is noted, many of them do not correspond to their purpose. The author comes to the conclusion that the lack of proper repair and maintenance of infrastructure during the Soviet involvement in the World War II is not the main cause for their neglected state after the war ended. The main reason was the insufficient financing of these structures for many years. The

funds allocated were often not enough, not only for new constructions but also for essential repairs, while many buildings and structures were built in the pre-revolutionary period.

Keywords: Vologda Region, post-war period, social development, infrastructure, state of education, health and culture objects.

Svetlana A. Kuskova
Lomonosov Moscow State University
kuskova.svetlana@gmail.com

Press-coverage of preparation period of the first Khrushchev's trip to the USA by American and Soviet newspapers (On the example of "The New York Times" and "Pravda")

The article analyses how Soviet and American newspapers (using the example of "Pravda" and "The New York Times") conducted information and propaganda training of the population for the first visit of Nikita Khrushchev to the United States. The aim of the author is to show how American and Soviet newspapers covered the same events from different angles according to the country's ideological course. Such a study is necessary in understanding of communicative practices in the media during the Cold War. The article considers the preparatory stage of the visit and the methods used by the Soviet and American press in creating the image of Nikita Khrushchev. The conclusion showed that Soviet propagandists have successfully coped with the preparatory stage of the trip, despite the attempts of the American press to present Nikita Khrushchev in a negative light.

Keywords: Nikita Khrushchev, visit to USA, preparatory period, "Pravda", "New York Times", propaganda, Cold War, Khrushchev Thaw.

Larisa Ye. Tikhonova
Kemerovo State University
larisatikhonova@inbox.ru

Russian Federal election legislation in 1993–1995: the historical aspect

The article examines the key regulatory instruments in the field of electoral legislation, which laid the Foundation for modern Russian electoral law, in the period from 1993 to 1995. We mark key legal, political and economic points of view, historical events of great social and political importance for the formation of the electoral body in post-Soviet Russia. We subdivided 3 phases, within which a new regulatory system for the electoral rights of the Russian Federation was formed. We analyse internal content of the new documents in the field of electoral law, formed in difficult conditions of confrontation between the executive and legislative branches of government. It is shown that in conditions of acute political and economic crisis, the formation of a stable Russian electoral legislation at the Federal level could not be long term and required constant adjustment.

Keywords: history of Russia, electoral legislation, Boris Yeltsin, election, referendum, suffrage.

JURAL SCIENCES

Lyudmila M. Churkina

*The Urals branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, the City of Yekaterinburg
lch2015@mail.ru*

The legal regulation of the territorial disputes

At present time territorial disputes are to be proposed to be an topical problem from ancient times. Claiming of bordering states about the territories has resulted in numerous armed conflicts. In her article, the author considers the concept of territorial dispute, the classification of disputes. The special attention is paid to the distinctive features of the territorial disputes that arose in Europe and Asia, using territorial disputes regarding the Golan Heights, the territory of Gibraltar, Prevlaka peninsula, Kasikili/Sedudu island. The decisions of the International Court of Justice on territorial disputes are given. Based on the results of the research, the author concludes that the mechanism for the peaceful settlement of territorial disputes has not been improved. It is proposed to adopt an international legal act that directly regulates the procedure for settling territorial disputes.

Keywords: territorial dispute, International Court of Justice, UN Security Council, armed conflict, Golan Heights, Gibraltar, Prevlaka peninsula, Kasikili/Sedudu island.

Aleksandr D. Gulyakov

*Penza State University
rector@pnzgu.ru*

The post-colonial model of federalism (India being as an example)

The formation of Federal States in the Orient and the introduction of their Federal practices is phenomenal, because the Orient has always been associated with tradition and the despotic autocracy. Therefore, Indian federalism is a special model deserves a comprehensive scientific analysis. India embodies a post-colonial model of federalism, resulting from the formation of an extremely multiethnic state with a strong central power. British Empire has left some tradition of unitary federalism. Indian National Congress as a monopolist party in the first decades of Independence has embodied this tradition into practice as cooperative federalism. At the next stages of the development the party monopoly has been crushed by the opposition national and regional parties and relations between the central power and regions has been transformed into competitive federalism. Never the less, Indian model of federalism is full success and show some advantages to some other post-colonial countries.

Keywords: federalism in India, stages of federalism, cooperative federalism, competitive federalism, postcolonial federalism, federalism and political parties.

Sergey I. Sayenko

*Didorenko Lugansk Internal Affairs Academy
sergeisaenko@rambler.ru*

Standard subject in science about police: political and legal vectors of development

It is claimed in the article that development of science of administrative law as the independent system of knowledge began to happen in the first half of the 19th century, and the early 18th century should be considered to be a stage of origin and gradual formation of science about police; it is specified that the science about police developed in two directions. The first vector of evolution of science about police in work is offered to be considered political one by nature as its adherents would study social phenomena and police activity from the point of view of a political foreshortening. It is proved that were those views which could not lead representatives of a political vector of development of science about police to development of a definition of standard of the police (administrative) right as well as to reflection of its social and legal nature in it by means of certain signs. The attention is focused that the science about police developed in the legal direction as well. Representatives of the latter one would try to present the police right in a certain system. Some of them managed to characterise signs of standard of the police right and sources of its fixing as well as to present classification of norms in the simplified form.

Keywords: administrative law, science about police, police right, norm, concept, policy.

Yuliya G. Kalyanova

*Nizhny Novgorod branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
liberty-89@mail.ru*

Powers of the subjects of the Russian Federation in relation to organisation of local self-government: scope and limitations

Problems of organisation of local self-government in present-day Russia have been actively researched both by scholars and actors. In view of the major changes to the legislation, which open up the new phase of municipal development, the idea of unreasonably increased role of the subject of the Russian Federation in the process of organisation of local self-government has become increasingly popular. The federal legislators granted excessive discretion to solve these issues to the subject of the Russian Federation, which raises questions about the constitutional validity of the amendments made. Therefore, it seems reasonable to look at the extent to which the role of the subject of the Russian Federation is overstated and at the scope of its powers in the process of organisation of local self-government in the context of these reforms. This article provides comparative analysis of the powers of the subjects of the Russian Federation as exercised

with respect to organisation of local self-government, as well as analyses the level of legal regulation of organisational issues of local self-government. This article draws conclusions on the powers and limitations of the subjects of the Russian Federation in exercising the powers in question.

Keywords: powers of government authorities of subject of Russian Federation, local self-government, organisation of local self-government, legal regulation, subject of Russian Federation, general principles of organisation of local self-government, issues related to local self-government.

Fyodor M. Kobzaryov

*Kostroma State University
kobzarfm@yandex.ru*

Yekaterina V. Smirnova

*Kostroma State University
katrinka.1994@list.ru*

The jury trial in Russia expands, but problems remain

The article is devoted to the study of the state and problems of development of court with the participation of jurors in modern Russia. Based on the consideration of the main problems of this form of criminal proceedings authors analyse the proposals for its improvement, and also highlight the most important of them that can enhance the effectiveness of justice. It is suggested, in particular, to subdivide them into two groups: proposals requiring additional legal regulation and organisational proposals. In turn, in accordance with the performed classification of proposals, additional justifications for their significance and possible implementation in legislative and law enforcement activities are given. At the same time, special attention is paid to the need to make adjustments to the questioning of jurors, as well as the inconsistency of certain proposals with the current legislative practice. In conclusion, doubts are expressed about the readiness of all district and garrison military courts to consider criminal cases involving juries in connection with the latest changes in legislation by the established deadline.

Keywords: justice, jury trial, prospects for development of jury trial, problems of jury trials.

Vasily V. Glushkov

*Kostroma State University
vasilkoff.vasilij2016@yandex.ru*

On the issue of organising activity, and work of the Russian Federation's district courts

The organisation of activity, and of work of the courts in the Russian Federation is revealed in the article by the analysis of the current legislation regarding the used conceptual framework, the question of the organisation of activity (work) of district courts is investigated. The attention is paid to shortcomings of legislative regulation of a question of legal bases of the organisation of activity (work) of district courts of the Russian Federation. The inconsistent use of concepts of the organization of activity of the courts and the organisation of work of the courts in the legislation is

revealed. Taking into account the conducted research and the available scientific provisions which concern the organisation of activity of the courts in the Russian Federation, the theoretical model of the organisation of activity of district court including three subsystems: the outer-functional, the intra-functional and providing (resource) ones – is offered. Such conditional differentiation has to help with consideration of a question of the status of district court among courts of law.

Keywords: organisation of activity of court, organisation of work of court, ensuring activity of court, district court, office of court, theoretical model of organisation of activity of district court, Judicial Panel of Supreme Court of Russian Federation.

Tat'yana S. Kovalenko

*Didorenko Lugansk Internal Affairs Academy
kovalenkots@mail.ru*

Protection of human and civil rights and freedoms as a basis for interaction between the court, the procuracy and advocacy

The author of the article sets himself the task of identifying and analysing the main goal of interaction between the court, the procuracy and advocacy in the field of criminal justice. The author comes to conclusion about the lack of a clear delineation of the tasks of the judiciary as a branch of state power. It is not only tasks related to the implementation of justice, but also the tasks that should be resolved in cooperation with other law enforcement institutions (the procuracy and advocacy, the police, etc.) The author comes to conclusion that the intersection of the goals and tasks of the court, the procuracy and advocacy lies in the plane of protecting the rights and freedoms of man and citizen, the interests of society and the state. However, effective implementation of human rights functions is possible only if the legislator creates the most approximate organisational conditions for their functioning (social and pensions, the establishment of wage rates for a lawyer in the provision of professional legal aid on a free basis in accordance with the wage rates of law enforcement officers at the appropriate level).

Keywords: court, justice, advocacy, procuracy, judicial law, legal protection, law enforcement agencies.

Farit G. Aminev

*Bashkir State University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
faminev@mail.ru*

Problems of use of special knowledge in protection of the rights and legitimate interests of persons which carry out an entrepreneurial activity

The article describes forms and methods of protection of entrepreneurial activity, giving their classification. This is the author's definition of "special knowledge, forensic expertise". There is a proposal for change of the procedural legislation of the Russian Federation. We proposed recommendations to improve the quality of forensic examinations relating to the protection of the rights and legitimate interests of persons engaged in entrepreneurial activities.

Keywords: special knowledge, judicial expertise organisation, entrepreneur, entrepreneurial activity, judicial expertise, expert, legal expertise.

Ol'ga N. Artyushina
Kostroma State University
peoln@yandex.ru

Marina V. Prokhorova
Kostroma State University
m89159092166@gmail.com

Legal nature of the contract on surrogacy

The surrogate motherhood agreement is a relatively new type of contract for the Russian Federation. The law does not provide for detailed requirements, when it is concluded. The law requirements are only imposed on the surrogate mother. Specificity of the contract on surrogate motherhood consists in a close interweaving in it of legal and moral components, which makes it difficult to determine its legal nature, in connection with which there are a number of problems associated with the conclusion of this contract, the possibility of dissolution, the responsibility of the parties, and others. This article analyses the norms of family and civil legislation in relation to the essence of the surrogate motherhood contract with a view to determining its legal nature, an attempt has been made to determine the essential conditions of the contract, and a proposal has been formulated on the expediency of securing the definition of a surrogate motherhood contract in a specific normative legal act.

Keywords: surrogate motherhood, surrogate motherhood contract, essential conditions, genetic parents.

Konstantin V. Cherkasov
Nizhny Novgorod branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; the Vyatka State University, the City of Kirov; Sorokin Syktyvkar State University, the City of Syktyvkar, Komi autonomy, Russia
cherkasovkv1978@yandex.ru

Yevgeniya A. Kolomeychenko
Nizhny Novgorod branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
enja16@yandex.ru

Staffing of waterway transport in Russia: some legal and administrative aspects

The article analyses the main directions of development of the personnel potential of Russian water transport. Various aspects of the current state of the stated problems have been identified and investigated. The importance of the optimal solution of the personnel question for the development of water transport, infrastructure and the economy of Russia is revealed. It is substantiated that the development of the human resources potential of water transport is impossible without an integrated approach, since many aspects of the problem are interrelated and interdependent, affecting not only state but also business structures. The directions of optimisation of staffing of water transport are outlined, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field are formulated. It is concluded that due to long-term omissions of a diverse nature, today in the

field of water transport, substantial material and financial costs, organisational efforts and legal transformations are required.

Keywords: strategy development, governance, human resources capacity, staffing, talent pool, water transport, educational complex.

Alsu E. Karimullina
Russian State University of Justice, branch in the City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
aekarimullina@mail.ru

Features of civil liability for breach of insurance obligation

On the basis of the analysis of current legislation and judicial practice the article reveals the features of civil liability for breach of insurance obligation. In particular, the grounds of responsibility are such offences, as nonperformance or improper execution of contract of insurance, and also abuse of right. These offences can be accomplished by both direct parties of contract of insurance (insured and insurer) and beneficiary. The responsibility of the insured (beneficiary) is expressed in the form of deprivation of its civil subjective rights to receive insurance indemnity, and the liability of the insurer is basically laying on it additional responsibilities.

Keywords: insurance contract, civil liability, insurer, insured, beneficiary, offense.

Larisa V. Mikhaylova
Jural Institute of the Russian Far East
of the Russian Internal Affairs Ministry, City of Khabarovsk
lora.mihailova@mail.ru

On the expediency of including the captain of a sea vessel in the list of operational search activities

The issue of the necessity of legislative consolidation of the right of the captain of a sea vessel to conduct operative-search measures, when a crime is committed on board of a vessel, is considered. In particular, the legislative regulation of the possibility of assigning them to the subjects of operational-search activity is analysed. The reasons and limits of the non-procedural actions of the sea vessel conducted by the captain are argued. So, the captain of a sea-going ship in the commission of a crime on a ship on the high seas, and the impossibility of appearing in the port in the near future, must carry out operational-search measures and urgent investigative actions. However, the legalisation of the operational materials obtained is difficult, in addition, it should not be forgotten that operational-search activity is an effective tool for verifying reports of a crime, since often, even if there is a reason for initiating a criminal case, to establish and record signs of a crime only by criminal procedural measures is not possible. All this predetermines the need to include the captain of a sea vessel in the list of operational search activities. Various points of view on the investigated problem are given. In this regard, and on the basis of theoretical and empirical research, legislative changes have been proposed on the subjects of operational-search activity.

Keywords: captain of ship, subjects of operational-investigative activity, non-procedural actions, operational investigative measures.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yuriy V. Lebedev
Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru

In memoriam Professor Aleksandr Ivanovich Gruzdev (on the occasion of 110 years of the birth)

Convincing arguments of Aleksandr Ivanovich Gruzdev which concern attribution of Nikolay Nekrasov's long poem "Grandfather Frost the Red Nose" based on his textual search and have not been yet considered in the poet's works modern editions, are added in the article. Contribution of Aleksandr Gruzdev to studying of Nikolay Nekrasov's long poem "Who Is Happy in Russia?" as well as to research of "Decembrist" long poems cycle is revealed. It is claimed that the scientist one of the first paid attention to a Orthodox Christian basis of Nikolay Nekrasov's poetic world view. Aleksandr Gruzdev's role in upbringing of the whole pleiad of Kostroma literary critics is shown in the article.

Keywords: historico-literary heritage, textual observations, attribution, genre originality, management of postgraduates.

Tahir I. Nigmatzyanov
Kostroma State University
tin962@mail.ru

Political, social and national demands of Jan Hus in the studies of Antonina Sergeevna Sazonova

The contribution of Antonina Sergeevna Sazonova, the scientist of medieval studies and lecturer at Kostroma State Pedagogic Institute, to the development of Russian science of Hussites is studied in the article. The development of Russian Slavonic studies after the Revolution of 1917, till the early 1950s is traced. After the end of World War II and the formation of the socialist system of Eastern European countries, the situation for the Soviet Slavic studies changed in a favourable direction. The Slavic Studies Institute of the Academy of Sciences of the USSR was founded. Several dissertations on science of Hussites appeared. One of the first was the thesis of Antonina Sazonova devoted to the teachings of the Czech religious reformer Jan Hus. The author, studying the teachings of Jan Hus from class and patriotic positions, aimed at the Czech religious reformer's combating the Catholic reaction, social and national oppression of the Czechs. The methodological basis of the study was the works of Karl Marx and Friedrich Engels, characteristic of those days. Having paid tribute to Marxism, she went on to a detailed analysis of the sources. Antonina Sazonova comes to the conclusion that teaching of Jan Hus was the starting point for the formation of the Taborites' programme, and also had a great influence on the subsequent German Reformation.

Keywords: Slavic, science of Hussites, medieval studies, historiography, Jan Hus, Catholic Church, John Wycliffe, František Palacký, Taborites, Reformation.

Yevgeniy A. Fleyman
Kostroma State University
jul13365@kmtn.ru

Evangelical Lutheran Church in Russia: origins and formation

What is in the centre of the author's attention, are questions of formation and development of Evangelical Lutheran faith in the Russian Empire. The paper is about the religious movement which arose in Germany in the period of the Reformation of the 16th century the central figure of which was the theologian Martin Luther (1483–1546). Tracing stages of Lutheranism development in the Russian Empire, the author draws a conclusion that the history of this religious movement closely intertwined with history of the Russian state proper. Circumstances of official recognition of Evangelical Lutheran Church by the Russian monarchs have been revealed in the article. On the example of migration of Germans from Congress Poland to Samara Province, the reasons of Lutheranism distribution to deep Russian territories have been shown. The Lutheran church in Samara Province is considered to be not only a single confessional community, but also a peculiar cultural zone the formation of which took place under the influence of spiritual traditions of the German population.

Keywords: Evangelical Lutheran Church in Russian Empire, Congress Poland, German minority in Russia, Samara Province.

Anna N. Shigareva
Kostroma State University
shigareva.an@yandex.ru

Reformation in interpretation of enlighteners of the 18th century

Reception of the Reformation in views of enlighteners of the 18th century became an important component of the negative myth about a thousand-year era of the Middle Ages. In spite of the fact that the Reformation is regarded as the beginning of destruction of traditional society in Europe, the spiritual authority of church, the activity of reformers is deprived of heroic lines and is considered in a critical sense. The rationalistic method which adopted by the enlighteners concerning the Reformation did not allow opening fully its sources and many-sided manifestations, but in many respects laid the foundation of further studying of this phenomenon as a historical and cultural phenomenon. The place of the Reformation in a historical picture of enlighteners is defined by its progressive value in transition from the Middle Ages to the era of Modern period. However, path of the European Reformation, and its anthropology are devoid of spiritual search of the age of Enlightenment, therefore this subject has not received deep and comprehensive study. At the same time, both politicians and philosophers

of the 18th century drew certain lessons from the all-European past. The skeptical relation to religion was extended to its history. The claim of enlighteners for formation and representation of European intellectual life promoted maintaining this tradition which survived the “Ancien Régime”.

Keywords: Reformation, Martin Luther, Enlightenment, Middle Ages, memory history, rationalism, world history, historical and cultural approach, religious freedom.

Irina A. Yedoshina
Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru

**Pyotr Kudryavtsev, a researcher
of German Humanism and Reformation**

The author addresses in the article to life and creative work of Pyotr Kudryavtsev, the Russian historian-medievalist. His origin from the church environment where he gets the excellent secondary education, which has allowed entering successfully Moscow Im-

perial University, is specially emphasised. The article also deals with similar cases from life of famous Russian historians (Sergey Solovyov, Vasily Klyuchevsky, Vladimir Guerrier). This allows the author seeing in them “order of the day”. The sources of “westernisers” of Pyotr Kudryavtsev, which have led him to hobby of studying European Middle Ages, are revealed. Pyotr Kudryavtsev’s opinion on Humanism and the Reformation in general, in Germany in particular is stated in detail. Specially the author stops on statement of Martin Luther’s biography by Pyotr Kudryavtsev to show similarity of internal experiences. The role of the Church is specified in the course of mental desacralisation in Europe and in Russia. The author of the article pays special attention to the private life of Pyotr Kudryavtsev, emphasising its dramatic nature and mystical coincidence to a perspective of early literary activity.

Keywords: Middle Ages, Church, Reformation, humanism, biographic parallels, family, literary creative work.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствие требованиям транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2018 – Т. 24 – № 1

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 05.02.2018.
Дата выхода в свет 28.03.2018.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 36,75.
Уч.-изд. 38,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 20.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна